

307.222
ve

XII ✓

15
2069

STUDIA SLAVICA

ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE

ADIUVANTIBUS

E. BAŁECZKY, L. DOBOSSY, P. KIRÁLY,
L. KISS, I. SIPOS

REDIGIT

L. HADROVICS

TOMUS XV

FASCICULI 1—2

AKADÉMIAI KIADÓ, BUDAPEST
1969

STUD. SLAV. HUNG.

STUDIA SLAVICA

A MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
NYELV- ÉS IRODALOMTUDOMÁNYI
OSZTÁLYÁNAK KÖZLEMÉNYEI

SZERKESZTŐSÉG ÉS KIADÓHIVATAL: BUDAPEST V., ALKOTMÁNY U. 21.

A *Studia Slavica* szláv és egyéb nyelveken közöl értekezéseket a szlavisztika tárgyköréből.

A *Studia Slavica* változó terjedelmű füzetekben jelenik meg, több füzet alkot egy kb. 20—30 íves kötetet. Évente általában egy kötet jelenik meg.

A közlésre szánt kéziratok a következő címre küldendők:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

Ugyanerre a címre küldendő minden szerkesztőségi levelezés.

A *Studia Slavica* előfizetési ára kötetenként belföldre 120 Ft, külföldre 165 Ft. Megrendelhető a belföld számára az „Akadémiai Kiadó”-nál (Budapest V., Alkotmány utca 21. Bankszámla 05-915-111-46), a külföld számára pedig a „Kultúra” Könyv- és Hírlap Külkereskedelmi Vállalatnál (Budapest I., Fő utca 32. Bankszámla 43-790-057-181) vagy külföldi képviseletinél és bizományosainál.

«*Studia Slavica*» публикуют трактаты из области славистики на славянских, французском, английском и немецком языках.

«*Studia Slavica*» выходят отдельными выпусками разного объема. Несколько выпусков составляют один том. Ежегодно выходит один том, объемом в 20—30 печатных листов.

Предназначенные для публикации рукописи следует направлять по адресу:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

По этому же адресу направлять всякую корреспонденцию для редакции и администрации.

Подписная цена «*Studia Slavica*» — 165 форинтов за том. Заказы принимает предприятие по внешней торговле книг и газет «*Kultúra*» (Budapest I., Fő utca 32. Текущий счет № 43-790-057-181) или его заграничные представительства и уполномоченные.

INDEX

<i>Адамик, Т.</i> : Синтаксическое освоение заимствованных слов в русском языке	25
<i>Csukás, I.</i> : Der utopistische Sozialismus und die Štúr-Schule	287
<i>Дэже, Л.</i> : Материалы к исторической диалектологии закарпатских говоров	45
<i>Дзэндзелівський, Й. О.</i> : З етнографічних записів про ткацтво	335
<i>Драгош, Й.</i> : К вопросу о «способах глагольного действия» (Aktionsarten) в русском языке	195
<i>Fried, I.</i> : Die Rezeption der südslawischen Volksdichtung in der Literatur der ungarischen Aufklärung	103
<i>Gregor, F.</i> : Die Zierelemente der Bekleidung und ihre Benennungen ungarischer Herkunft im Slowakischen	219
<i>Gregor, F.</i> : Slowakische Elemente im Bistritzer Glossar?	73
<i>Karancsy, L.</i> : Bedeutung und Probleme der Andrejev-Forschung	257
<i>Кирай, Д.</i> : Сюжетный параллелизм в романе «Двойник»	239
<i>Кирай, Н.</i> : Teatr Narodowy, 1790—1794	315
<i>Kiss L.</i> : Die neuere slawische Hydronymik	1
<i>Моисеев, А. И.</i> : Соотносительность согласных звуков в современном русском языке	207
<i>Peukert, H.</i> : Zum Bildparallelismus in der russischen Volkslyrik	87
<i>Темени, М.</i> : «Дело Артамоновых» М. Горького и «Господа Головлевы» Н. Щедрина	119
<i>X. Том, И.</i> : К фонетике русского языка XVI века	177

MISCELLANEA

<i>Delaney, J.</i> : Edgar Allan Poe and I. S. Turgenev	349
<i>Dubiński, A.</i> : Über die slawischen Einflüsse in der karaimischen Sprache	139
<i>Моисеев, А. И.</i> : Слово и его «соседи»	136
<i>Орловский, Я.</i> : Н. А. Некрасов и поэзия А. Мицкевича	354
<i>Ройзензон, Л. О.</i> : Заметки о германо-славянской интерференции в области глагола	131
<i>Секей, Н.</i> : Забытая статья А. Белого	144

CRITICA ET BIBLIOGRAPHIA

<i>Balázs, J.</i> : Hussens Traktat „Orthographia Bohemica”	151
<i>Дзэндзелівський, Й. О.</i> — <i>Чучка, П. П.</i> : Л. Дэже, Очерки по истории закарпатских говоров	360
<i>Fried, I.</i> : Aktuelle Probleme der vergleichenden Literaturforschung	161
<i>Hadrovics, L.</i> : Fabricius-Kovács F., a konkrét → absztrakt jelentésfejlődés problémája	359
<i>Hadrovics, L.</i> : J. Hamm, Grammatik der Serbokroatischen Sprache	159
<i>Легради, В.</i> : Chr. Auras, Sergej Esenin	163
<i>Mokuter, I.</i> : Levasics E.—Surányi M., Szerbhorvát—magyar kézisztótár; Palich E., Magyar—szerbhorvát kézisztótár	369
<i>Morvai, K.</i> : St. Skorupka, Słownik frazeologiczny języka polskiego	366
<i>Niederhauser, E.</i> : Horváth P., A kelet- és közép-európai népek jogfejlődésének főbb irányai	379
<i>Нидерхаузер, Э.</i> : H. Roos, A History of Modern Poland	164
<i>Póth, I.</i> : M. Leskovic, Iz srpske književnosti	377
<i>Секей, Н.</i> : H. Günther, Das Grotteske bei N. V. Gogol'	374
<i>Szigeti, K.</i> : Обиходь ногнаго п'вня	167
<i>X. Том, И.</i> : Balczyk E.—Hollós A., Ószláv nyelv	156

CHRONICA

<i>Hadrovics, L.</i> : Béla Sulán (1916—1968)	171
<i>Холлош, А.</i> : Славянское языкознание в Венгрии за 1967—1968 гг.	173

STUDIA SLAVICA

INDEX VOCABULORUM ET NOMINUM

Tomus XV., 1969.

Abbreviationes:

bg = Bulgaricum
 bh = Bohemicum
 brs = Belorussicum
 hg = Hungaricum
 mc = Macedonicum
 pl = Polonicum

rm = Rumenicum (Valachicum)
 rss = Russicum
 slc = Slovacicum
 slv = Slovenicum
 scr = Serbocroaticum
 ucr = Ucranicum

Adamik T. 25
adekvatnyj rss 37, 38
adresovat'sja rss 29, 39, 41
 Adrianova-Perete V. P. 94
 Afonin L. N. 258
 Agrell S. 201—203
 Ajchenval'd Ju. 145
akkompanirovat' rss 32, 41
aksamit slc 77
 Akulenko V. 25
 Aksakov I. 28
 Aksakov K. S. 197
 Aksakov S. 33, 36
 Aleksejev P. M. 174
 Andrejev L. 257—286
 Andrella (Orosvygivs'kyj) M. 360, 361
 Angyal [E.] A. 105
 Annenkov P. V. 241
 Annenskij I. 353
antipatija rss 35, 36
 Anuškin N. 355
apatija rss 35, 36
apellirovat' rss 29, 41
aplodirovat' rss 32, 41
 Arabažin K. I. 262
 Arató E. 294
 Asbóth O. 156
atakovat' rss 32, 33, 40, 41, 43
 Aucouturier M. 272
 Auras Chr. 163
auzka bh 76
 Avanesov R. I. 189, 208, 209, 240
avantjura rss 34
 Babeuf Fr. 296, 300
babka hg 171, 172
 Bach A. 10
 Bachtin M. 375
 Bacon R. 154

Bagrij A. V. 276
 Bałkowski K. 325
 Balázs J. 155
 P. Balázs J. 106
 Balczyk E. 45, 156—159, 174, 175
 Ballagi M. 236
 Balogh I. 105
 Balogh I. 116, 117, 118
 Balzac H. 353
 Baranov I. P. 286
 Baranov S. F. 87
bárány hg 80
 Bartók B. 88, 98
 Bárzsi G. 6, 79, 84, 85, 237
 Baudelaire Ch. 350
 Baudouin de Courtenay I. A. 132, 133
 Beaumarchais P.-A. 329
 Bel'čikov Ju. A. 25
 Belinskij V. G. 101, 239—241, 256
 Belyj A. 144—150
 Benediktov V. 355
 Benkő L. 4, 85
 Berg N. V. 354, 356—358
 Bergson H. 266, 267
 Bergsveinsson S. 154
 Bernacki L. 318, 320, 328
 Berneker E. 8
 Bernolák A. 79, 84, 236
 Berzeviczy G. 117
 Bezlaj Fr. 20—22
 Bezzubov V. I. 268, 275
 Bielfeldt H. H. 131, 157, 161
 Birlea I. 45—48, 50, 51, 55—57, 69—72
 Blanár V. 78, 79
 Bleyer J. 116
 Blok A. 144—147, 149, 150
 Bočarov S. 272
 Böckel O. 90, 91, 94
 Bogatyrev P. G. 89

- Bogdanov V. 115
 Bogusławski W. 315, 318—322, 325, 327—332, 334
 Boldyrev A. V. 196
 Bolotov A. T. 29
 Bondarko A. V. 174, 200, 204, 206
 Bopp Fr. 151
 Bor K. 116
boritás hg 220
boritás rm 220
boritás sle 220
 Borkovskij V. I. 186
 Borodin A. 34
 Botto J. 289, 303
 Brézan J. 135, 136
 Brjusov V. 33, 145
 Brtaň R. 302
 Brückner A. 228, 236
 Bruner W. 315
 Brusjanin V. V. 285
 Budagov R. A. 25
 Bugrov B. 259
 Burghardt O. 258
 Butkovič Št. 225
 Byron G. G. 302, 308

 Cabet É. 296
 Čajkovskij P. I. 38, 169
čakan bh 77, 78
čakan sle 78, 79
 Čechov A. P. 27, 28, 30, 34—38, 40, 43, 119, 259, 261, 268, 269, 271—273, 283
čekan sle 78, 79
čepiec sle 76
ceremonit'sja rss 40
 Černych P. Ja. 178—181, 183—185, 187, 189, 191—193
 Černyševskij N. G. 33, 356
 Chalabajev K. 242
 Chalupka S. 289
charakternyj rss 38
 Chlebowskij B. 11
 Chmel'nickaja T. Ju. 146
 Chrapčenko M. B. 161, 174
chrt sle 80
cibula sle 75, 76
 Čičerov V. I. 87, 90
čifra hg 221
čifra sle 220, 221
čik bh 233
 Cilujko K. K. 22
čipka sle 222, 225, 230
čipkár sle 223
 Comenius J. A. 84
csákán(y) hg 78—80
csepesz hg 77
csík hg 233
csipkár hg 223
csipke hg 222, 223
 Csokonai Vitéz M. 110
 Csontos J. 115
 Csukás I. 287
 Csúzy M. 229

 Čučka P. P. 366
 Čukovskij K. 284
 Čvijjić J. 98
 Čyževs'kyj D. 376
 Czakó E. 105
 Czeizel J. 109
czekan pl 78
 Czuczor G. 236

 Dacus J. 154
 Davletov K. S. 87
 Daxner St. 303
 Décsy Gy. 77, 153, 171, 220, 223, 236
 Delaney J. 354
 Dembowski J. 316, 329
 Desnickij V. A. 275
 Deželić V. 115
 Dezső L. 45, 49—51, 54, 360—366
 Dickenmann E. 8, 18—22
diržiřirovat' rss 27, 39—41
diskussija rss 37
dissertacija rss 36, 37
 Divald K. 227, 236
 Dmuszewski A. 318
 Dobroljubov N. A. 28, 40, 240, 244, 355, 356
 Dobrovský J. 113, 114, 118, 162
 Dolanský J. 161
 Dolinin A. S. 245, 349
 Dombrowszky J. 195, 201
 Dostál A. 199
 Dostojevskij F. M. 27—37, 40—43, 119, 239—256, 268—272, 349—350
 Drahos J. 195
 Drda J. 136
 Dremov A. K. 89
 Drjagin K. V. 258, 272, 285
 Dubiški A. 144
 Dubrovskij P. 355
 Dugonics A. 110
 Duridanov I. 16, 17
 Đurišin D. 161
 Dzendzelivs'kyj J. O. 45, 335, 362, 366

 Eichler E. 22
 Eile H. 315
 Engels J. Ch. 113
epizod rss 34
 Értel' A. I. 28

 Fabricius Kovács F. 359
 Fancev F. 116
 Faßke H. 134, 136
 Fatov N. N. 262
 Fenyéry Gy. 116
 Fényes E. 223, 236
 Ferienc O. 82, 84
 Filin F. P. 10, 174
 Finaly H. 73, 76, 77, 81, 82, 84
 Firkowicz S. 140
 Fischer R. 131
 Fiszman S. 355
 Flajšhans V. 152
 Flaker 161

- Jodor* hg 224
Jódor rm 224
Jodra slc 223, 224, 232
 Fogarasi J. 236
 Fogarasi M. 25
 Fortunatov F. F. 200, 203
 Fourier Ch. 294, 296
 Frecskay J. 232, 236
 Frencel 133
 Frenzel K. 349, 350
 Frič J. V. 287
 Fried I. 103, 162
 Frydrich M. 22

 Gaál J. 117
 Gaj Lj. 287
 Galdi L. 26, 175
 Galle L. 315, 318, 325, 327
 Galsworthy J. 120
garantirovat' rss 30, 41
 Gárdonyi A. 104
garmonirovat' rss 30, 31, 41, 42
 Garšin V. M. 32, 260, 268, 269, 273, 274
 Gasparini E. 246
 Gautier Th. 353, 354
 Georgiev Vl. 16, 17
 Geršenzon M. 352
 Gesemann G. 98
 Goethe J. W. 108, 110, 111, 148
 Gogol' N. V. 27—29, 36, 43, 374—376
 Gomboez Z. 8, 236
 Gončarov I. A. 34, 35, 37, 38
 Gor'kij M. 34—36, 119—129, 146—148,
 150, 259, 261, 268, 269, 274—276
 Gottesmann D. 103
 Greč N. I. 196
 Gregor F. 73, 82, 219, 224
 Gribojedov A. S. 27, 33, 43, 354
 Grigor'jan K. 145
 Grigorovič D. V. 27
 Grimm J. 116
 Grochulska B. 317
 Grossman L. 268
 Grzegorzewski J. 140, 141
 Günther H. 374—376
 Gusev V. E. 87, 92, 101
guszar hg 81
 Gvadányi J. 110—112, 114, 118
 Gvozdev A. N. 208, 209
 Gyóni G. 9
 Györffy Gy. 18, 80, 84

 Habovštiak A. 236
 Hadrovics L. 118, 133, 161, 172, 175, 360,
 369
hajdú hg 171, 172
 Hajnóczy J. 111
 Hall K. H. 268, 269
 Hamm J. 159, 174
 Hamsun K. 268, 276
 Harding J. W. 134
 Hartmann 266
hasanós hg 82

 Haumant E. 351
 Hauptová Z. 219, 221, 232
 Havlíček Borovský K. 292
 Hayeková M. 73—77, 80—83
hazucha slc 82
hazuka bh, pl 81
 Hegel G. W. Fr. 289, 290, 296, 298
 Heine J. 316
Hejő hg 4
 Hengst K. 22
 Heroen A. I. 28, 29, 36, 37
 Herder J. G. 108, 109, 113, 115, 299
 Hieronymus 155
 Hjelmslev L. 38
 Hodinka A. 45, 48
 Hodža M. 304
 Hoenicke C. 155
 Hoffmann E. T. A. 275, 350, 351
 Holéczyová E. 226, 228, 229
 Hollós A. 156—159, 175
 Holub J. 21
 Holuby J. L. 228, 236
hort hg 80
 Horváth J. 108, 109
 Horváth P. 379
 Hus J. 151—155
husár slc 81
 Hüttl-Worth G. 25, 26
 Hvozdzik J. 236

ignorirovat' rss 28, 41
 Ijezuitova L. A. 257, 266, 268, 273
 Ilčev S. 363
imitirovat' rss 32, 40, 41
informirovat' rss 30, 41, 42
inspektor rss 36
interes rss 35
intrigovat' rss 31, 32
 Ioffe I. 263
 Isačenko A. V. 133, 199, 200, 205, 206
istorija rss 33, 34, 39, 41
 Ivanov J. 97

 Jagić V. 115
 Jakšić Đ. 378
 Jakšić Gr. 104
 Jakubica 133
 Jakubovics E. 84
 Jancsovics I. 84, 236
 Javorskij Ju. A. 45, 47
 Jefremov L. P. 25
 Jenč R. 135
 Jermakova M. I. 132
 Jermilov 34
 Jesenin S. 163
 Jevnin F. 240, 245
 Jevrejnova I. A. 25, 26
 Jókai M. 104
 Joyce J. 277
 Jur'jev Ju. M. 34

kabala hg 80
kacabajka slc 81, 82

- Kačić-Miošić A. 160
 Kadach D. 103
 Kafka Fr. 277, 376
 Kálal M. 84, 236
 Kalima J. 25
 Kalinčiak J. 289
 Kalinin A. V. 26
 Kalinin M. I. 37
 Kalyn' L. E. 132
 Kameňski M. 318
kantar pl 82
kantáragy hg 82
kapítal'nyj rss 38
kapusza hg 76
 Karadžić Vuk Št. 107, 114—116, 378
 Karancsy L. 257, 271, 279
 Karcevskij S. 202
 Karinskij N. 178, 187
 Kármán D. 105
 Karpluk M. 363
 Katajev V. 278
 Katanjan V. 146
 Kavuljak A. 84
 Kazinczy F. 106, 108—111, 114, 115, 117, 118, 162
 Kazinczy L. 106—109
k(e)rvel sle 83
ketješka sle 225, 227
ketyš sle 224
 Kin'ko A. M. 89
 Kiparsky V. 12, 14, 16, 25, 191
 Király Gy. 239, 248
 Király (Gy.-né) N. 315
 Király P. 84, 229
 Kis J. 162
 Kiss L. 1, 175
 Kiss S. 48
 Klaić B. 231, 234, 236
 Klemensiewicz Z. 78, 84
 Klimowicz M. 315—317
 Kljujev N. 163
 Klopstock Fr. G. 106
 Kluge Fr. 10
 Knappova M. 174
 Kniezsa I. 2, 18, 74, 80, 84, 85, 153, 156, 157
 Knipovič Je. 145
 Kobilitsch M. 105
kobyła sle 80
koch sle 76
koh hg 76
 Kölcsey F. 110, 118
 Kollár J. 106, 114, 288, 296, 299, 311
 Kolpakova N. P. 87, 89, 90, 92, 94, 96, 97, 101
komandirovat' rss 27, 39—42
kompetentnyj rss 37
komplektovat' rss 42
komprometirovat' rss 31, 41, 42
kontrol' rss 37
konyha hg 81
 Köröskényi I. 113
 Korotkova A. M. 174
 Kos M. 21
 Koschmieder E. 203
 Kossa J. 369
 Kostić L. 377, 378
 Kostić M. 103
kostjum rss 139
kôtés hg 224, 225
kôtéske hg 225
 Kott J. 324
 Kotulič I. 219
 Kovačevićová S. 226, 236
 Kovachich M. G. 115
 Kovachich J. N. 115, 116
 Kovijanić R. 103
 Kowalski T. 139—141, 144
 Krahe H. 5, 6, 158
 Krajčovič R. 81, 84
 Krajevskij A. A. 356
 Král' J. 162, 289, 301—313
 Krandžalov D. 174
 Kranichfel'd V. P. 266
 Kravcov N. I. 87
krévelj slv 83
 Křiž O. 152
 Križanič Ju. 195
 Król B. 315
 Krymov Ju. S. 32
 Krzyżanowski J. 91
 Kubašec M. 135
 Kublicki St. 319, 322
kuchyna sle 81
 Kukuljević I. 105
 Kulakovskij L. V. 88
 Kulova T. K. 258, 261, 266
 Kuprin A. I. 32
 Kurkowska H. 366
 Kušík M. 85
 Kuznecov P. S. 186, 187
 Kuznecova N. A. 268
 Lajos I. 47
 Lamennais H. F. R. 288, 292, 293, 303
 Lazutin S. G. 87, 89, 90, 92, 95, 97, 101
 Lebedeva A. I. 192, 193
 Légrády V. 164
 Lehr-Splawiński T. 8, 10, 131, 159
 Lelekač M. M. 45
 Lemonnier L. 353
 Lenin V. I. 33
 Leskovac Ml. 377, 378
 Levasies E. 369
 Levin V. D. 193
 Lewański J. 316
 Linde S. 84, 236
 Linin A. M. 258
 Lischerong G. 113
 Łojek J. 324
 Lomonosov M. V. 195, 196
 Lukácsy S. 287
 Lugovskoj 355
 Lumtzer V. 84
 Lunačarskij A. V. 263, 265
 Lutskaý M. 45
 L'vov V. 275

- Machek V. 84, 236
 Mády Z. 5
 Maeterlinck M. 268, 276, 277
magócka sle 226
magocska hg 226
 Majakovskij V. V. 146
 Majkov V. N. 240
 Makarenko A. S. 30
 Mališkin A. G. 277
 Mamin-Sibirjak D. N. 29, 119—121
manija rss 35, 36
mankirovat' rss 27, 28, 39, 41
 Mann Th. 120, 121
 Marasinova A. M. 177
 Marčenko A. 163
 Margalits E. 105
 Márkus M. 236
 Marsina R. 85
 Marx K. 296, 299
 Maslov Ju. S. 199, 200, 204, 205
 Maštakov P. L. 4, 11, 13
 Mátray (Róthkrepf) G. 116
 Maupassant G. 351, 352
 Mazon A. 202, 352
 Meillet A. 41, 202
 Mejlach B. 163, 164
 Melich J. 4, 6, 84, 156, 236
 Melicherčík A. 89, 236
 Mensching G. 375
 Merežkovskij D. M. 272
mešterka sle 226, 230
mesterke hg 227
 Mészöly G. 234
 Michajlov M. 355
 Michajlovskij B. V. 285
 Michajlovskij N. K. 275
 Michalk Fr. 132, 134, 136
 Mickiewicz A. 288, 289, 354—358
 Mihajlović G. 104, 105
 Miklosich Fr. 20, 21, 84, 197, 362
 Močul'skij K. 146
 Moisejev A. I. 139, 175, 206
 Mokuter I. 374
 Molière J.-B. 319
 Molnár A. 75
 Molnár J. 112, 114, 118
 Moór E. 82, 173
mora sle 81
 Morvai I. 105
 Morvay K. 368
 Moszyński K. 10
 Mučnik I. P. 43
múra bh 81
 Muratova K. D. 262, 268, 275
 Mušicki L. 108, 109, 115, 378

 Naruszewicz A. 324
 Nedo P. 133, 136
negližirovat' rss 27, 28, 41
 Nekrasov N. A. 354—358
 Nekrasov N. P. 197
 Neupokojeva 161
 Nevedomskij M. 263

 Neveklowski 174
 Niederhauser E. 167, 380
 Niemcewicz J. 322—327, 334
 Nietzsche Fr. 266
 Nikonov V. A. 14
 Nosáľová V. 236
 Novikov L. A. 26, 39
 Novikova A. M. 87, 88, 92, 93, 95, 98—100
 Nowak-Njechorński M. 135
 Nyiri 232

 Obilić M. 106
 Obnorskij S. P. 183, 192
 Obradović D. 162
 Odnobljudov V. 265
 Odyniec A. E. 357
 Oláh J. 369
 Olteanu P. 364
 Omulevskij 355
 Orlova V. G. 189
 Orłowski J. 358
 Ortutay Gy. 91
 Ortvay T. 4, 18
 Ostrovskij A. N. 352
 Ostrovskij N. 31, 32, 38
 Osuský S. St. 290, 294, 295
 Otrębski J. 18
 Owen R. 296
 Ožegov S. I. 43, 189

 Pais D. 84
pajtás hg 172
 Palacký Fr. 151
 Palich E. 369
 Palkovič J. 162, 237
 Palotay G. 225, 237
 Panajeva [Golovačeva] A. Ja. 355
 Pándi P. 287, 288
 Pan'kevič I. 45, 47, 49
 Parkoszowicz J. 155
pasomán, pasomán sle 227
passaž rss 34
paszomány hg 228
patkolnya hg 77
 Pátková J. 237
 Pauliny E. 84, 237
 Pauliny-Tóth V. 303
 Pavskij G. 196, 197
penész(es) hg 83
 Percov V. 145
 Péter M. 175
 Pethő G. 105, 106
 Petőfi S. 110, 162, 287, 294, 295, 301, 306
petrezselyem hg 75
 Petrov A. 46, 47, 364
 Petrović V. 378
 Petrovskij M. 352
petrzal sle 75
 Peukert H. 87, 89, 97
 Pilnjak B. 277
 Pisarev D. I. 29
 Pisemskij A. F. 28, 29
 Pišút M. 289, 291, 292, 302—304

- Plechanov G. V. 38, 276
 Pleteršnik M. 84
plieseň sle 83
 Poe E. A. 268, 275, 276, 349—354
poğoca hg 81
pohánka hg 83
pohoda sle 81
poklonka sle 83
 Polikanov A. A. 144
polka hg 74, 75
polka sle 74, 75
 Pomeranceva E. V. 89
 Pongs H. 89
 Popova T. V. 88, 90, 93
posománt rm 228
 Pospelov Je. M. 14
 Potebnja A. A. 89, 94, 198, 201
 Póth I. 108, 378
 Pranda A. 237
Prasica scr 7
 Pravduchin V. 277
 Pray G. 113
 Pražák R. 113
 Prišvin M. M. 38
process rss 36
 Prokopovič N. N. 36, 37
proporcional'nyj rss 37
 Propp V. Ja. 88, 90, 92, 95, 97
protestovat' rss 31, 32, 41
 Proudhon P.-J. 296
 Proust M. 277
 Průcha J. 174
 Pukránszky B. 108
 Puškin A. S. 27, 29, 32, 33, 35, 43, 354
 Pustovojt P. G. 89
puzdra hg 75
puzdro sle 75
 Pynin A. N. 355

raca sle 228, 230
 Rachmaninov S. V. 169
 Rackebrandt H. 174
 Radičević Br. 377
 Radišček A. N. 101
 Radlubin M. B. 135
 Radó Gy. 104
 Radvánszky B. 229, 235, 237
 Rajić J. 104
 Rakovski G. 162
 Rask E. 151
 Raszewski Z. 315—317, 320, 328, 329
 Ratkay Gy. 105
raportovat' rss 29, 30, 39, 41, 42
 Razmusen L. P. 198—200, 203
rece hg 229, 230
 Red'ko A. 263
 Reformatskij A. A. 208, 209
 Reichlová-Kuchláríková E. 224, 236
 Rejsner M. A. 265, 266
rekomentovat' rss 30, 41, 42
 Remizov A. 263
 Rešetar M. 159
retirovat'sja rss 31, 41

 Révai M. 114, 116
 Réz H. 103
 Richter G. I. 37, 39
 Ries J. 171
 Rimskij-Korsakov N. A. 27
róit rm 231
rojť hg 230, 231
rojta scr 231
rojť(a) sle 230, 231
 Rojzenzon L. I. 133, 136
rol' rss 35, 40
roman rss 34
róna hg 171, 172
 Roos H. 164
 Roško R. 289, 305, 307, 309, 311, 312
 Rostworowski E. 315, 321
 Rozwadowski J. 8—10
 Rubcov A. B. 258
 Rubcov F. A. 88
 Rudnicki M. 131
 Ruisz Gy. 117
 Rulikowski M. 315
 Rummy K. G. 104
 Růžička R. 174
 Rylejev K. F. 354
 Rymyszyna M. 316

 Sabina K. 287
 Sachanov Vs. V. 45, 47
 Šachmatov A. A. 193, 203
 Šachraj O. B. 25
 Safarewicz J. 8
 Saint-Simon C.-H. 294, 296, 299
 Salieri A. 319, 329
 Saltykov-Ščedrin N. 28, 32, 119—122, 124,
 126—129
 Sándor I. 114, 115, 118
 Šanskij N. M. 25
sarkaláb sle 231
šarlát sle 277
 Sasinek Fr. V. 237
 Šasku K. 288
 Ščerba L. V. 133—136, 208
 Schnür-Pepłowski S. 315
 Schopenhauer A. 266
 Schröpfer J. 151—155
 Schulz F. 318, 325, 331
 Schwela B. 134
 Sečkarev V. 376
 Selišček A. M. 157, 158
 Šembera A. V. 151, 152
 Semkowicz W. 237
 Serafimovič A. 277
 Šeršenevič I. 355
 Shelley P. B. 308
 Sheridan R. B. 329
šic rm 233
 Sidel'nikov V. M. 87, 90
 Sidorova Ju. N. 90
 Sierakowski Z. 355
šik hg 233
šik bg, scr 233
šik, šik sle 232

- Simonyi Zs. 84, 237
simpatyčnyj rss 38
simpatija rss 35, 36
simpatizirovat' rss 32, 41
 Sipos I. 173, 230, 237
sirma slc 231, 232
siroň slc 231, 232
skarlát hg 77
skarlát slc 77
 Skorupka St. 366—368
 Škultéty J. 222
 Sládkovič A. 289
 Slawski Fr. 78, 82, 85
 Ślumierski F. 11
 Šmelev D. N. 39
 Šmilauer Vl. 11, 22, 173
 Smotrickij M. 195
 Sobolevskij A. I. 182, 185, 192
 Sochaň P. 229
sokol slc 82
 Sokolov B. M. 94
 Sokolov Ju. M. 90, 96, 97
 Sokolova M. A. 179, 181, 187, 189, 191—193
 Solov'jev B. 144, 145
somár slc 80
 Stachowski St. 174
 Stalin J. V. 29
 Stan M. 47, 60
 Stang Chr. S. 180, 181, 190
 Stanislav J. 237
 Stanislavskij K. S. 39, 149
stanüh hg 77
 Stanjukovič K. M. 27
 Stepanov A. N. 30
 Stojka I. 45, 48, 69
 Stratimirovič St. 117
 Štúr L. 287—302, 304, 305, 311—313
 Šujanský J. 222
sujtás hg 233, 234
šujtás slc 233, 234
 Sulán B. 171, 172, 219, 224, 233
 Šuljatikov V. 275
 Surányi M. 369
 Šuslova Je. 174
 Švernik N. M. 30
 Svoboda J. 22
 Svoboda J. 363
 Šviderska-Koneczna H. 142
 Sylvester J. 155
szamár hg 80
 Szamota I. 84, 85, 237
 P. Szántó O. 369
szarkaláb hg 231
 Szarvas G. 84, 236
 Szauder J. 106, 110
 Székely Gy. 173
 Székely (T.-né) N. 150, 376
 Szeli I. 111, 115
 Szigeti K. 169
 Sziklay L. 161, 162
 Szinnyei J. 84, 236
szírom, szírony hg 232
 Szlatskovits I. 47, 60, 61
 Sztripszky H. 45, 48, 67
 Szwankowski E. 315, 331
szych pl 233

tabírka slc 83
tábít hg 83
 Talvj 109
 Tamás L. 237
 Táncsics M. 288
Tapolca hg 4
 Tardy L. 104
 Tagányi K. 74, 82, 83
 Tekelija S. 117
telefonirovat' rss 29, 30, 39, 41
 Tessedik S. 117
 Tétényi [Halász] M. 119
 Thallóczy L. 113
tiŕra rm 221
 Tiktin H. 57
 Timkovskij I. 195
 Timofejev L. 145
 Tinódi Lantos S. 105
tipicnyj 38
 Tjutčev F. I. 272
 Tolstoj A. N. 146
 Tolstoj L. N. 29, 32, 119, 120, 259, 261,
 268, 269, 271, 272
 Tomaševskij B. 242
 Toporov V. N. 12, 13, 133, 134
 Törnquist C. 25
 H. Tóth I. 159, 177
 Trachtenberg O. S. 184
traktovat' rss 28, 29, 39, 41
 Treimer K. 131
 Trofimov I. T. 144
 Trost P. 5
 Trubačev O. N. 12—14
 Trubeckoj N. S. 208, 255
 Turgenev I. S. 28, 32, 34, 35, 349—355
 Turgeneva A. 146

 Udonova Z. V. 144
 Uhland L. 91
uja hg 74
ujo slc 74
 Ul'janov G. K. 200, 203
 Unbegaun B. 185
 Úrhegyi E. 81
 Úšakov D. N. 43
uvertjura rss 34, 40

 Vachtangov Je. B. 149
 Václavík A. 227, 237
 Vaillant A. 159
 Vajda Gy. M. 161, 162
 Valek S. N. 177
 Várnai P. 116
 Vasmer M. 14, 15, 25, 27, 43, 187
 Vengerova S. A. 262
 Veresajev V. V. 270
 Vereščagin Je. M. 132
 Verseggy F. 110, 111
 Veselovskij A. N. 90, 93

- Villiers de l'Isle-Adam Ph.-A. 354
 Vinogradov V. V. 89, 196, 199, 203, 204
 Viski K. 221, 225, 227, 232
vítěz hg 83, 84
vítězkötés hg 235
vítězkötíš slc 234, 235
 Vitkovics M. 118
vizit rss 34
 Vjazemskij P. A. 34
 Vodarskij V. A. 94
 Vojtolovskij L. 284
 Voltaire 329
 Volžskij A. S. 259
 Voronskij A. K. 272
 Vörösmarty M. 110
 Vorovskij V. V. 265
 Vostokov A. Ch. 196
 Vrchovský 302, 308
 Vrhovac [Verhovacz] M. 115, 116
 Vychodcev P. S. 163

 Waldapfel J. 116
 Walewski W. 11
 Wejnert A. 315
 Werner H. 97
 Wybicki J. 325, 327, 331
 Wieland Chr. M. 106
 Wierzbicka K. 320
 van Wijk N. 158, 159
 Witkowski M. 318

 Witkowski T. 23
 Wollman S. 161, 162
 Wołoszyńska Z. 316
 Wutz Fr. 154

 Zabłocki Fr. 321, 328
Zaggyva hg 6
 Zahorski A. 316
 Zaimov J. 4—6, 17
 Zajączkowski A. 139, 140
 Zajączkowski W. 140
zámlka slc 82, 83
zapona hg 76
zápona slc 76
 Zawadzki W. 318
 Zelko I. 22
 Zemcovskij I. I. 88
 Ziegengeist G. 161
žik ser 233
 Zinder L. R. 208
 Žirmunskij V. M. 161
Zlatica ser 17, 18
 Zlockij Ja. 47, 52, 53, 59
 Zmaj J. J. 377, 378
 Zoch I. 229
 Zolnai Gy. 84, 237
 Zrínyi M. 118
 Žukovskij V. A. 272
 Žurakovskij Je. 284
 Zwoliński P. 10—12

Die neuere slawische Hydronymik

L. KISS

I.

1. Die Namen der verschiedenen Arten von fließenden und stehenden Gewässern, d. h. die Einzelbezeichnungen der Flüsse, Kanäle, Bäche, Wasserfälle, Meere, Seen, Sümpfe, Quellen usw. bilden in der Einheit der geographischen Namen eine wohlumgrenzte Gruppe. Die Gruppe der Gewässernamen ist natürlich von den sonstigen Gruppen der geographischen Namen, ja im allgemeinen von jenen der Eigennamen nicht unabhängig, wegen ihrer zahlreichen Eigenheiten lohnt es sich jedoch, sie selbständig zu untersuchen. Bevor wir mit der Besprechung der neueren Ergebnisse der slawischen Hydronymik beginnen, wollen wir die hauptsächlichlichen gemeinsamen Charakteristiken der Gewässernamen und die wichtigeren Prinzipien ihrer Untersuchung in Betracht ziehen.

2. Die Gewässernamen, besonders die Namen größerer Flüsse, sind zumeist außerordentlich zäh, langlebig und gehören daher häufig zur ältesten und archaischesten Schicht der geographischen Namen. Dies ist in erster Linie damit zu erklären, daß in ferner Vergangenheit die großen Flüsse, als bedeutsame Faktoren des Orientierens und des Verkehrs, sich gleichsam in internationalem Besitz befanden, und daß man ihre festen Namen kaum wechselte. Eine wichtige Rolle spielten die großen Flüsse auch im Grenzschutz. Denken wir an die Grenzlinie des römischen Reiches entlang der Donau und des Rheins. Die Änderung der Flußnamen war demnach immer seltener als die Umbenennung der auch den Kriegsverwüstungen und den Naturkatastrophen ausgesetzten Städte und Dörfer. Die Eroberer und die neuen Siedler übernahmen zumeist die von der alten Einwohnerschaft benützten Gewässernamen. So kamen wir, Ungarn zu den wichtigsten Flußnamen des Karpatenbeckens: *Duna, Tisza, Maros, Szamos, Körös, Temes, Dráva, Száva, Zala, Rába* usw. (Man vergleiche jedoch die Flußnamen *Sajó, Berettyó, Hejő, Almás, Egregy, Szilágy, Nyárad, Feketeügy, Aranyos* usw.) Auf ähnliche Weise ererbten die auf der Balkanhalbinsel sich niederlassenden Slawen die Namen der größeren Flüsse; vgl. *Una, Vrbas, Bosna, Drina, Morava, Timok, Iskär, Jantra, Marica, Vardar, Neretva* usw. (Vgl. aber: *Crna, Krapina, Topolnica, Bistrica* usw.) In siedlungsgeschichtlichen Fragen ist also das Zeugnis der

Gewässernamen von großer Bedeutung. Bei einer Bevölkerung von gemischtem Volkstum können wir jenem Volk die frühere Ansiedlung zuschreiben, aus dessen Sprache die Gewässernamen des betreffenden Gebietes sich erklären lassen. Mit hervorragender Sachkenntnis wandte Stefan Kniezsa dieses Prinzip in seinem beispielgebenden Werk »Erdély víznevei« (Die Gewässernamen Siebenbürgens, Klausenburg 1942) an.

3. Der größte Teil der Gewässernamen, die alten Gewässernamen aber beinahe ausnahmslos, sind sogenannte Naturnamen, und als solche mit den natürlichen Gegebenheiten der entsprechenden geographischen Objekte, z. B. mit der Beschaffenheit der Flüsse, mit den gewissen Eigenheiten ihrer Betten, mit Farbe, Geruch, Geschmack, Wärmegrad, Fließgeschwindigkeit ihres Wassers, mit der Pflanzendecke ihrer Umgebung, mit ihrer charakteristischen Fauna usw. in Verbindung. Zu den durch ungarische Namengebung entstandenen Naturnamen gehören unter anderen: *Fertő, Séd, Sió, Rákos, Fehér-tó, Száraz-ér, Eger, Sajó, Berettyó, Aranyos, Nyárád, Feketeügy* usw. Zu den hydronymischen Naturnamen slawischen Ursprungs zählen z. B.: *Balaton, Cuha, Tapolca, Kraszna, Túr, Beszterce, Kovászna* wie auch *Krapina* (vgl. skr. *kräp* 'Karpfen'), *Dobra, Krivaja, Glina* usw. Da die Zahl der für diese Namen als Grundlage dienenden Appellative ziemlich beschränkt ist, sind die als Naturnamen zu bezeichnenden Gewässernamen, von Gesichtspunkt der Namengebung aus, nicht sehr abwechslungsreich. Wiederholungen sind sehr häufig. So ist z. B. der Flußname *Bistrica ~ Bystrica ~ Bystrzyca ~ Bystrycja* usw. fast auf dem ganzen slawischen Siedlungsgebiet massenhaft zu finden. Aus diesem Beispiel können wir übrigens auch sehen, daß in der slawischen Hydronymie nicht nur die benützten Appellative, sondern auch die Namenbildungs-Formantien in bedeutendem Maß gemeinsam, einheitlich sind. Den Naturnamen stehen die Kulturnamen gegenüber. Sie weisen auf die vom Menschen in der Landschaft vorgenommenen verschiedenen Handlungen, beispielsweise Ackerbau, Viehzucht, Waldrodung, Besitznahme, Ansiedlung, Bau usw. hin. Die Untersuchung solcher Gewässernamen erfordert große Umsicht. Es kommt nämlich vor, daß ein entlang oder in der Nähe eines Baches, Flusses liegender Gemarkungsteil, bewohnter Ort denselben Namen führt, wie das betreffende Gewässer, und es ist nicht immer leicht zu entscheiden, welcher Name primär bzw. sekundär ist. Zur Orientierung kann die Bedeutung jenes Gattungsnamens dienen, aus dem sich der fragliche geographische Name ausgebildet hat. Das Primäre des Gewässernamens und das Sekundäre des Siedlungsnamens usw. können als sicher angenommen werden in Fällen wie *Rijeka, Beszterce, Tapolca, Plitvice* (eigentlich 'seichtes Wasser', vgl. skr. *plítak* 'seicht') usw. Im Falle des an der Stadt Eger (dt. Erlau) vorbeifließenden und in die Theiß mündenden Flößchens Eger müssen wir uns auch für das Primäre der Flußnamens entscheiden; der Flußname — und nicht der Siedlungsname — entsteht nämlich aus dem Namen des Waldes. Im Slowe-

nischen ist *Dúnaj* der Name Wiens und *Dónava* der Name der Donau, und im Deutschen ist *Raab* der Name des Flusses *Rába* und auch der Stadt Győr. Die sekundäre Bildung des Stadtnamens ist in beiden Fällen offenbar. Umgekehrt ist es bei dem slawonischen Stadt- und Flußnamen *Požega*. Eigentlich bedeutet der Name 'Brennen als Waldrodungsverfahren', und dies entspricht eher einem Flur- oder Siedlungsnamen als einem Flußnamen. Der Flußname *Trebišnjica* in Montenegro ist eine Ableitung aus dem Stadtnamen *Trebinje*. Dieser letztere bedeutet eigentlich 'Rodungsstelle' und ist demnach geeignet, Name einer an einer Rodungsstelle errichteten Ortschaft zu sein, in seiner suffigierten Form hingegen ein Wasser zu bezeichnen, das durch die Rodung fließt. Nach Siedlungen haben — wie es scheint — jedoch nur kleinere Flüsse ihren Namen bekommen, größere kaum. Auch dazu mochte es ziemlich selten gekommen sein, daß man einen Fluß nach irgendeiner Person benannt hat. Beiläufig untersucht, scheint z. B. der Name des in den Fluß Kapos mündenden Fließchens *Koppány* (alter Name: *Füzegy*) aus einem Personennamen zu stammen. In Wirklichkeit besteht aber zwischen dem Personennamen *Koppány* und dem Bachnamen *Koppány* nur eine indirekte Verbindung, u. zw. durch das am Bach liegende Dorf *Koppány*. Dieser Dorfname bewahrt das Andenken des Wohngebietes des Geschlechtes *Koppány*. Von den kroatischen Flußnamen stammen, mit mehr oder weniger Sicherheit, die Namen *Barbara*, *Ivanec*, *Pribin* und andere mehr von Personennamen. Im Falle *Barbara* wurde der reine Personennamen zum Wassernamen, *Pribin* hingegen ist aus dem Personennamen *Priba* (<: *Pribislava*) durch Hinzukommen des besitzanzeigenden Suffixes *-in* entstanden. Die Zahl der aus Personennamen entstandenen Gewässernamen ist nirgends besonders bedeutend. Deshalb ist es in jenen Ländern, wo der geschichtliche und der gegenwärtige Personennamenstoff noch nicht zufriedenstellend gesammelt und aufgearbeitet ist, zweckmäßig, die systematische Untersuchung der geographischen Namen mit den Gewässernamen zu beginnen. Bei der Erforschung der Siedlungsnamen und Flurnamen kann man nämlich ohne eingehende Kenntnis der mit diesen zusammenhängenden Personennamen nicht viel erreichen.

4. Ein Fluß wird von der Quelle bis zur Mündung nicht immer mit dem gleichen Namen benannt, die einzelnen Abschnitte können verschiedene Namen haben. Im Altertum wurde z. B. der obere Lauf der Donau, der einigen Autoren nach bis Wien, anderen nach bis zum Eisernen Tor reichte, *Danuvius* genannt, der untere aber *Ἰστρος* (*Ister*). Später, vielleicht im Zusammenhang mit der Expansion der Kelten nach Osten, wurde der Name *Danuvius* auch auf den unteren Abschnitt des Flusses angewendet. Auch heute wird der größte polnische Fluß, die *Wisła* (dt. *Weichsel*), im Quellengebiet bis zur Gemeinde *Ustroń Wiselka* genannt, der Mündung zu aber werden ihre Abschnitte oder Zweige wie folgt bezeichnet: *Leniwka* oder *Samica*, *Stara Wisła*, *Wisła Gdańska*, *Martwa Wisła*. In gewissem Sinne gehört auch das Wasser-

system des Flusses Bodrog hierher. Die kleineren Flüsse des oberen Teiles seines Wassersammelgebietes, wie Ung, Laborc, Tapoly usw. münden in die Latorca und die Ondava, dann vereinigen sich auch diese, und der so entstandene Fluß heißt *Bodrog*. Der Fluß Bodrog hat also keine Quelle, sondern Quellenzweige. Synchronisch betrachtet, steht es ähnlich mit der Rábca, die aus der Vereinigung der Répce und der Kis-Rába entsteht. In etymologischer Hinsicht stellen *Rábca* und *Répce* freilich denselben Namen dar: beide stammen nämlich aus slaw. *Rabica*, dem Deminutivum von slaw. *Raba*, und zwar mit velarem, bzw. palatalem Lautausgleich (vgl. ung. *család* ~ *cseléd*). Früher hatte auch der in die Theiß mündende Fluß Hejő einen Doppelnamen, weil der obere Abschnitt, dessen Wasser durch die Thermalquellen von Görömböly-Tapolca so warm gehalten werden, daß es nie zufriert, *Tapolca* hieß.¹ Der Name *Tapolca* ist slawischen Ursprungs (< slaw. **Toplica* 'Bach oder Fluß mit warmem Wasser'); und dazu ist ung. *Hejő* (eigentlich 'hév jó', d. h. 'warmer Fluß') eine genaue Entsprechung. Hinsichtlich ihres Entstehens kann man voraussetzen, daß der slawische Name auf Grund der unmittelbaren Erfahrung, der ungarische Name aber als Lehnübersetzung nach slawischen Muster zustande kam. Die neue Ansiedlung erfolgt nämlich in einem kleineren Flußtal meistens in der dem Wasserlauf entgegengesetzten Richtung, also von unten nach oben. So mochten sich auch die Ungarn am unteren Lauf der Hejő angesiedelt haben, während der obere Lauf Wohngebiet der Slawen bleiben konnte, die natürlich auch ihren eigenen Flußnamen behielten.² Das komplizierte Namensystem der durch mehrere Ortschaften fließenden kleineren Bäche hat Benkő,³ aufgrund der Namen der Nebengewässer der Nyárád, wie folgt beschrieben: »Der Bach führt an seinem Ursprung meistens den Namen jenes Gemarkungsteiles, dem er entspringt. Mit mehreren solchen kleineren Gewässern sich vereinend, ändert sich auch der Name, und der Bach bekommt Pflanzen-, Personennamen usw. Am unteren Lauf des Fließchens, an seiner Mündung, ändert sich die Benennung wieder. Hier erhält der Bach seinen Namen bereits von jenem Dorf, von dem er herfließt.«

5. Die Gewässernamen einzelner Länder sind selten mit solcher Gründlichkeit gesammelt wie die Ortsnamen. Diese Feststellung bezieht sich gleichermaßen auf den geschichtlichen und den gegenwärtigen Stoff. Die Namen der Ortschaften pflegte man von Zeit zu Zeit in erneuerten Ortsnamen-Sammlungen zu fixieren. Zur Erfassung der Gewässernamen kam es jedoch nur hie und da. Er gibt natürlich auch gut verwendbare Gewässernamen-Register.⁴ Auch

¹ ORTVAY T., Magyarország régi vízrajza a XIII-ik század végéig. Budapest 1882, I, 373; — MELICH J., A honfoglaláskori Magyarország. Budapest 1929, 115.

² Ähnliche Beispiele bringt aus dem Bulgarischen J. ЗАЙМОВ: Zeitschrift für Slawistik (= ZfSl) 6 (1961) 43, 49, 244.

³ A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai Nr. 74 (1947) 14.

⁴ Solche sind u. a.: ORTVAY T., Magyarország vízrajza a XIII-ik század végéig. I—II. Budapest 1882; — П. Л. Машиаков, Список рек Днепровского бассейна. Санкт-Петербург 1913; — Hydronymia Germaniae. I ff. Wiesbaden 1962 ff.

solche wertvolle Gewässernamen-Register nehmen aber dem Forscher die mühevoll Arbeit des selbständigen Belegsammelns nicht ab. Bei den Gewässernamen ist der alte Satz besonders gültig: zuerst sammeln, dann erklären.

6. Der herrschende Typus des Aufbaues der Gewässernamen kann in den verschiedenen Zeitabschnitten unterschiedlich sein, und dies gibt dem Forscher die Möglichkeit, die einzelnen chronologischen Schichten zu erschließen. Besondere Aufmerksamkeit verdient z. B. die Feststellung Hans Krahes,⁵ wonach die neueren deutschen Flußnamen in überwiegender Mehrheit Zusammensetzungen sind, u. zw. ist der zweite Kompositionsteil der neuesten *-graben* (vgl. *Pfaffengraben*, *Mühlgraben* usw.), bei den früheren *-bach* (vgl. *Hirtenbach*, *Kaltenbach* usw.), bei noch älteren aber *-ach* (vgl. *Biberach*, *Salzach* usw.). Die ältesten germanisch-deutschen Gewässernamen sind jedoch nicht mehr Zusammensetzungen, sondern einstämmige Namen (*Thulba*, *Streu* usw.). Dasselbe bezieht sich auf die in der Terminologie Krahes alteuropäisch genannte »allerunterste« deutsche Gewässernamenschicht, die von semantischem Gesichtspunkt aus einheitlich genannt werden kann: sie besteht aus lauter Naturnamen, die überwiegend nichts mehr als 'Fluß' oder 'Wasser' bedeuten, aber hie und da auch auf die charakteristischen Eigenheiten des fließenden Wassers hinweisen können. Der von Krahe als alteuropäisch bezeichnete Gewässernamenstoff ist sowohl in bezug auf Wurzeln als auch auf Mitteln der Bildung indoeuropäisch. Dieser Gewässernamenstoff ist im westlichen Teil des indoeuropäischen Bereiches noch vor dem Beginn der einzelsprachlichen Entwicklung entstanden und kann daher aus keiner bekannten indoeuropäischen Sprache abgeleitet werden. Von Skandinavien bis Unteritalien und von den Britischen Inseln bis zum Baltikum ist er überall zu finden, also in allen Gebieten, die seit uralten Zeiten Heimat der folgenden Sprachen sind: Germanisch, Keltisch, Illyrisch, Italisch, Venetisch, Baltisch und bis zu einem gewissen Grad Slawisch. Nördlich der Alpen ist dies die allerunterste Gewässernamenschicht, die überhaupt erfaßt werden kann, aber in Südfrankreich und an der Küste des Mittelländischen Meeres ist diese alteuropäische Schicht sekundär, die auf noch älteren Schichten lagert. Von den Flußnamen des Karpatenbeckens gehören der alteuropäischen Schicht die Flußnamen *Dráva*, *Maros*, *Száva*, *Zala* usw. an. Es kann sein, daß letzten Endes auch der Name *Duna* nicht keltischen, sondern noch älteren, alteuropäischen Ursprungs ist. Zoltán Mády⁶ erklärte vor kurzem auch die Flußnamen *Visó*, *Iza* und *Mára* für alteuropäisch.

Die Anschauung Krahes, die Theorie der sogenannten alteuropäischen Namensschicht, hat natürlich auch Gegner.⁷ Nach Jordan Zaimov⁸ gelte für

⁵ H. KRAHE, *Unsere ältesten Flußnamen*. Wiesbaden 1964.

⁶ *Antik Tanulmányok* 9 (1962) 76—78.

⁷ Vgl. z. B. P. TROST: *Třetí zasedání Mezinárodní komise pro slovanskou onomastiku* . . . Praha 1967, 57.

⁸ J. ZAIMOV, a. a. O. 55.

Südosteuropa sogar der von Krahe betonte Satz, nämlich daß die Namen der größten Flüsse die konservativsten sind, nicht. Zaimov beruft sich auf Beispiele wie die Verdrängung des Namens *Ἰστρος* ~ *Ister* durch *Danuvius*.

7. Die Kriterien der etymologischen Erklärung der Gewässernamen sind im wesentlichen dieselben wie die der Etymologie im allgemeinen. Wir müssen uns aber dessen bewußt sein, daß hier der semasiologische Anhaltspunkt häufig fehlt. Ebendeshalb müssen wir auf dem betreffenden Gebiet, wie auch andernorts, jede mögliche Analogie mit besonderer Sorgfalt sammeln und erwägen. Wenn die historischen Angaben nicht entschieden dagegen sprechen, müssen wir die Etymologie aus der Sprache jenes Volkes versuchen, das das betreffende Gebiet bewohnt. Bei der Erfolglosigkeit des Versuches ist die Untersuchung auf das Substrat, Superstrat oder Adstrat auszudehnen.

8. Bei der etymologischen Erklärung der Gewässernamen, ebenso wie bei der Untersuchung der geographischen Namen sonstiger Kategorien und der Appellative, dürfen wir nicht aus der heutigen Lautform, sondern müssen aus den ältesten Angaben ausgehen. Das heutige ungarische Sprachempfinden neigt z. B. dazu, den Flußnamen *Zagyva* mit dem Eigenschaftswort *zagyva* 'trüb' in Verwandtschaft zu bringen. Da jedoch in den mittelalterlichen Urkunden der Fluß *Szagyává* > *Szagyava* hieß,⁹ und das Eigenschaftswort *zagyva* nur eine späte Rückbildung aus dem im 16. Jh. erschienenen Zeitwort *zagyvál* ist,¹⁰ müssen wir die Etymologie des Namens *Zagyva* anderswo suchen. Die Quelle des ungarischen Namens konnte slaw. **Sadjava* gewesen sein, das als Ableitung von slaw. **sadja* 'Ruß' (eigentlich 'Ablagerung') entstanden ist, und auf das dunkle Wasser des Flusses hinweist. Es ist wahr, daß die urkundlichen Belege der Hydronymie nicht in einer jeder Sprache dieselbe Beweiskraft und Wichtigkeit haben. Von größter Bedeutung sind sie dort, wo in der Zeit der Sprachdenkmäler bedeutende lautliche Änderungen vor sich gingen. Hierher gehören die germanischen und die romanischen Sprachen wie auch die ungarische Sprache. In den slawischen Sprachen hingegen — wenn wir von der aus dem Gesichtspunkt der geographischen Namen aus ziemlich uninteressanten altkirchenslawischen Sprache absehen — haben die grundlegendsten lautlichen Änderungen, so der Schwund der reduzierten Vokale, die Denasalisation der nasalen Vokale usw. zum Großteil schon vor der Zeit der Sprachdenkmäler stattgefunden. Deshalb geschieht die Untersuchung der slawischen geographischen Namen nicht immer unerläßlich aufgrund der geschichtlichen Dokumentation. Dort freilich, wo sie erreichbar ist, wäre es ein Fehler, sie nicht zu benützen.

9. Die etymologische Untersuchung eines Gewässernamens ist mit der ätiologischen, ursachenkundlichen Analyse, d. h. mit dem Erschließen jener konkreten Ursachen, denen zufolge ein stehendes oder fließendes Wasser

⁹ Vgl. MELICH J., a. a. O. 100.

¹⁰ Vgl. BÁRCZI G., *Magyar szöfejtő szótár*. Budapest 1941, 342.

seinen Namen erhielt, nicht identisch. Der Name des Baches *Prasica* in der Gegend von Bjelovar (Kroatien) ist z. B. aus dem skr. *pràsica* '(junges) Mutter-schwein' entstanden. Der Etymologe ist mit so viel meistens auch zufrieden, obwohl er sich dessen bewußt ist, zahlreiche Fragen offengelassen zu haben. Zu erklären ist u. a., ob die Namengebung mit dem domestifizierten Schwein oder mit dem Wildschwein, mit der Haustierzucht oder mit der Jagd in Zusammenhang steht. Sofern sich der Bachname auf das Wildschwein bezieht, erhebt sich die Frage, ob sich entlang des Baches längere Zeit Wildschweine aufhielten, oder aber ob in dieser Bachgegend gelegentlich ein Wildschwein erlegt, bzw. ob im Morast eine Wildschweinspur entdeckt wurde, und ob dieses Ergebnis — auf irgendeine Weise — in Erinnerung geblieben ist. Aus dem Appellativ *pràsica* konnte jedoch eventuell auch ein Pflanzename (vgl. skr. *prasičja trava* 'Skrofelkraut, Scrophularia' oder ein Spitzname irgendeiner Person entstanden sein, und alle Übertragungen dieser Art konnten sich zum Bachnamen entwickeln. Allein die Lokalgeschichte vermag zu entscheiden, und auch diese nur selten, welche Annahme die richtige ist.

10. Beim Kontakt der Sprachen verläuft die Entlehnung der Eigennamen, darunter der Gewässernamen, nicht unbedingt im Übereinstimmung mit der Entlehnung der Gattungsnamen. Ein gutes Beispiel hierfür bietet Nordamerika. Nicht nur solche Fluß- und Seeriesen wie der Mississippi, Missouri, Ohio bzw. der Ontario-, Erie- und Michigansee führen einen indianischen Namen, sondern sehr häufig auch die kleineren, ja sogar die kleinsten Flüsse. Die Zahl der Gattungsnamen indianischen Ursprungs hingegen ist im amerikanischen Englisch verschwindend klein. Ähnlich ist die Lage auch in Sibirien. Die stufenweise Ausbreitung der russischen Staatsmacht auf Sibirien hat im 16. Jh. begonnen, die sibirischen Sprachen haben aber im Laufe der Jahrhunderte nur mit wenigen Appellativen den Sprachschatz der russischen Schrift- und Umgangssprache bereichert; ihre Wirkung beschränkte sich eher auf die lokalen russischen Mundarten. Demgegenüber sind die Namen der sibirischen Ströme, Flüsse und Seen beinahe ausnahmslos nicht slawisch; vgl.: *Irtýš, Ob', Vasjugán, Jenis'j, Angará, Léna, Amúr, Bajkál, Arál'skoje more* usw. Diese Erscheinung kann damit erklärt werden, daß die geographischen Namen in bezug auf die Entlehnung mit den in kultureller Hinsicht indifferenten, neutralen Appellativen verwandt sind, mit jenen, die sich auf Geländeformen, wild wachsende Pflanzen, wild lebende Tiere usw. beziehen. Ihre Entlehnung zeugt nicht vom höheren Bildungsgrad des Abgebers als des Annehmers, wie es bei der Entlehnung von Kulturwörtern, die mit materiellen und geistigen Werten der menschlichen Gesellschaft zusammenhängen, der Fall ist, sondern nur davon, daß der Annehmer in eine neue Naturumgebung kam.

II.

I. Dreizehn Jahre nach dem Tod des Verfassers, 1948 erschien das Werk Jan Rozwadowskis (1867—1935),¹¹ des hervorragenden und weitblickenden polnischen Indogermanisten, das in Wirklichkeit bedeutend mehr bietet, als man auf Grund des bescheidenen Titels vermuten könnte.¹² Mit diesem Werk nehmen wir das etymologische Namenbuch von 72 osteuropäischen Flußnamen bzw. Flußnamen-Familien zur Hand. Die Mehrzahl der behandelten Flußnamen stammt aus dem Gebiet, das zwischen den Karpaten und dem Baltischen Meer und von hier ostwärts liegt, d. h. aus jenem Raum, der einstmals die Urheimat der slawischen und baltischen Völker war. Die mehr oder weniger eingehenden Etymologien zeugen davon, daß zu Rozwadowskis Haupttugenden neben der philologischen Akribie auch die sichere Anwendung der vergleichenden Methode, das hervorragende etymologische Gefühl und die klare, genußreiche Vortragsweise zählen. Uns, Ungarn erinnert Rozwadowski in mancher Hinsicht an Zoltán Gombocz. Es verbindet sie u. a. auch das Interesse für die allgemeine Sprachwissenschaft und die Etymologie. Zu Beginn des Jahrhunderts hatte Rozwadowski die Absicht, ein slawisches etymologisches Wörterbuch zu verfassen, und er gab seinen Plan erst auf, als ihm Berneker zuvorkam. Rozwadowski wurde Gombocz auch dadurch ähnlich, daß bei ihm die wissenschaftliche Skepsis immer mehr überhandnahm, und er immer seltener publizierte. Das Manuskript des Hauptteiles der *Studia* (den vollen Titel siehe ¹¹) wird wohl schon in den Jahren des Ersten Weltkrieges fertig gewesen sein. Im reichen Quellenverzeichnis des Buches bin ich auf kein jüngeres Erscheinungsdatum gestoßen als 1919. Leider haben die Betreuer des postumen Bandes, Tadeusz Lehr-Splawiński und Jan Safarewicz, die Etymologien nicht mit den bibliographischen Angaben der neueren Literatur versehen, und somit enthält das Werk im wesentlichen die Ergebnisse, die die Namenkunde vor 1919 erreicht hatte.

Den Band leitet das Vorwort von Lehr-Splawiński und Safarewicz (III—VII) ein, darin mit einer Übersicht über die toponomastische Tätigkeit Rozwadowskis, über die Entstehungsgeschichte und die Einteilung der *Studia*. Nach einem Abkürzungs- und Quellenverzeichnis (VIII—XXI) folgt das wertvollste Kapitel des Werkes (I. Kapitel), das 56 vollendete, abgeschlossene Namenerklärungen in alphabetischer Anordnung enthält. Als Probe stelle ich den sechsseitigen Namenbuchartikel Nr. 42 vor, wo Rozwadowski die etymo-

¹¹ *Studia nad nazwami wód słowiańskich* (Z mapą. Dzieło pośmiertne). Kraków 1948.

¹² Eingehende Kritik: E. DICKENMANN, Über einige alte Flußnamen Osteuropas: Beiträge zur Namenforschung 1 (1949/50) 85—98.

logischen Zusammenhänge des Namens des in den blutigen Kämpfen des Ersten Weltkrieges berühmt gewordenen, auch von Géza Gyóni besungenen (Csak egy éjszakára . . . »Nur für eine Nacht«) Flusses San untersucht. Der San entspringt jenseits des Użokpasses auf einem von Ukrainern bewohnten Gebiet. Außer dem seit 1339 datierten poln. *San* zitiert Rozwadowski auch den ukrainischen Namen des Flusses *Сян*, der im oberen Abschnitt gleichsam ausschließlich gebräuchlich ist, und auch als Bestandteil von Orts- und Gebirgsnamen vorkommt. Da die polnische und die ukrainische Namenvarianten in lautgeschichtlicher Hinsicht einander nicht entsprechen, d. h., der Name *San* nicht notwendigerweise eine polnische, und *Сян* nicht notwendigerweise eine ukrainische Form ist, sondern daß es sogar auch umgekehrt sein könnte, stellte Rozwadowski die Hypothese auf, daß sowohl der polnische als auch der ukrainische Flußname gleichermaßen Lehnnamen sind, und als Reflex einer alten, mit keiner der beiden vollständig übereinstimmenden dritten Namenvariante entstanden sein mögen. Diese Urform konnte mit mehr oder weniger Wahrscheinlichkeit *sān* oder ähnlich gewesen sein, mit einem sehr offenen *e* oder mit einem anderen ähnlichen Selbstlaut. Den ungewohnten Namen haben sich die Ahnen der Polen bzw. der Ukrainer nach ihrer eigenen Art, ihrem Lautsystem entsprechend, angeeignet. Die Probe dieser Arbeitshypothese erblickte Rozwadowski darin, inwieweit sie mit anderen Tatsachen und Hypothesen in Einklang gebracht werden kann. Alldies wollte Rozwadowski in seinem geplanten, aber nicht ausgeführtem Werk über die Frage der slawischen Urheimat behandeln. So viel hat er jedoch vorausgeschickt, daß von einer Ableitung des Namens *San* aus dem Rumänischen nicht die Rede sein kann. — Nach Rozwadowski steht poln. *San* mit den Namen zahlreicher kleiner und kleinerer Flüsse in etymologischer Verbindung, u. zw. nicht allein auf dem von Slawen bewohnten Gebiet, sondern auch in anderen Teilen Europas: *Sanica*, *Sanna*, *Sona* ~ *Sonia* (Polen); *Sána* (Bosnien); *Sann* (Steiermark); *San* (Lettland); *Saane* ~ *Sarine* (Schweiz); usw. Diese Namen beziehen sich zum Teil auf reißende Gebirgsbäche, zum Teil auf kleine Flüsse der Ebene. Nach Rozwadowski konnte für beide Flußtypen die indoeuropäische Basis *senā-* eine geeignete Benennung bieten, deren einsilbige Variante *sna-* in folgenden Wörtern der indoeuropäischen Sprachen vertreten ist: altindisch *snāti*, *snāyatē* 'badet (sich)'; gr. *vāma* 'das, was fließt, Quelle'; lat. *no*, *nāre* 'schwimmen'; usw. Die Vorstufe des Flußnamens *San* usw. konnte *san-*, eine Ablautstufe der Variante *sen(ə)-* zur Basis *senā-* gewesen sein. Mehrere andere europäische Flußnamen können auf die Basisvariante *sen(ə)-* oder auf ihre Dehnstufe *sēn-* zurückgeführt werden.

Das II. Kapitel (237—280) des Buches von Rozwadowski enthält 15 skizzenhaft ausgearbeitete, noch nicht endgültig abgefaßte Artikel. Manche befassen sich mit so wichtigen Flußnamen wie *Bug*, *Don*, *Dniepr*, *Dniestr*, *Dunaj*, *Wisła*. Das III. Kapitel ist als Anhang gestaltet und analysiert die

Namen der Wisła und ihrer Nebenflüsse. Diese Kapitel ist schon 1921 in Druck erschienen. Von methodologischen Gesichtspunkt aus ist die Einleitung dieser Studie hervorragend. Unter den behandelten Namen finden wir *Wisła*, *Dunajec*, *Poprad*. Den Anschluß des Bandes bilden Register und eine geographische Karte.

Im Zusammenhang mit dem Flußnamen *San* haben wir schon gesehen, daß Rozwadowski aus seinen Namenerklärungen bezüglich der ältesten Wohnstätte der Slawen, d. h. der slawischen Urheimat vorläufig keine Schlüsse gezogen hat. Die Monographie aber, die er speziell dem Problem der slawischen Urheimat zu widmen gedachte, hat er nicht geschrieben. Die Auswertung der Gewässernamen vom Gesichtspunkt der slawischen Urgeschichte aus hat T. Lehr-Splawiński (1891—1965) versucht, dem zu dieser Arbeit bereits das in Manuskript der *Studia* von Rozwadowski mitgeteilte Stoff zur Verfügung stand.¹³ Lehr-Splawiński erklärt von den Namen der größeren Flüsse *Odra*, *Warta*, *Wisła*, *Bug* und *Pripec* aus dem Urslawischen, und sucht dementsprechend das älteste Siedlungsgebiet des Slawentums auf dem Gebiete des heutigen Polen von der Oder bis zur Curzon-Linie. Die weiter östlicher liegenden größeren Flüsse haben keine slawischen Namen (vgl. *Dniestr*, *Prut*, *Dniepr*, *Don*). Deshalb konnte die slawische Urheimat den Lauf des Mittel-Dnjepr nur in einem späteren Entwicklungsabschnitt, im Zuge der östlichen Expansion der Slawen, erreicht haben. Die Etymologien und Feststellungen Lehr-Splawińskis sind natürlich nicht unanfechtbar. Die westliche Grenze der von ihm entworfenen Urheimat ist der Fluß Oder. Sein Name *Odra* ~ *Oder* kann aber nicht nur als slawisch erklärt, sondern auch mit dem deutschen Gattungsnamen *Ader* in etymologischen Zusammenhang gebracht werden.¹⁴ Die polnischen Forscher selbst teilen nicht alle die Anschauungen Lehr-Splawińskis und der anderen »Autochthonisten«. Die Überzeugung von Kazimierz Moszyński (1887—1959), des auch in der Sprachwissenschaft ausgezeichneten polnischen Ethnographen, war — hauptsächlich auf Grund der Baumnamen —, daß die slawische Urheimat östlich von der Linie der Wisła und des Dnjepr lag.¹⁵ Der Überzeugung Moszyńskis steht auch F. P. Filin nahe.¹⁶ Die viel diskutierte Frage wird kaum bald zum Ruhepunkt gelangen, wir können jedoch dessen gewiß sein, daß die Forscher mir der Zeugenschaft der Gewässernamen noch häufig argumentieren werden.

2. Przemysław Zwoliński, Professor für Slawistik an der Warschauer Universität, organisierte für das Sammeln der polnischen Gewässernamen und

¹³ Vgl. seine Zusammenfassung: *Rozmieszczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych: Rocznik Slawistyczny* 21 (1961) 5—22.

¹⁴ FR. KLUGE, *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 20. Aufl. Berlin 1967, 7; — vgl. jedoch A. BACH, *Deutsche Namenkunde*. II/2. Heidelberg 1954, 22—24.

¹⁵ S. K. MOSZYŃSKI, *Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego*. Wrocław—Kra-ków 1957.

¹⁶ Ф. П. Филин, *Образование языка восточных славян*. Москва—Ленинград 1962.

deren Aufarbeitung eine Arbeitsgemeinschaft.¹⁷ Die Gewässernamen werden nach den Wassersammelgebieten gruppiert. Diese Gruppen sind: 1. Wisła; 2. Odra; 3. Küste des Baltischen Meeres (in westlichen und östlichen Teil gegliedert); 4. Pasleka; 5. Pregola. Die Aufzählung bietet zugleich eine Reihenfolge nach Wichtigkeit und Dringlichkeit. An erster Stelle steht natürlich der an meisten »polnische« Fluß, die Wisła. Den vollständigen Gewässernamenstoff des Wislasystems werden insgesamt drei Bände enthalten. Der I. Band enthält das Verzeichnis der Gewässernamen in hydrographischer Anordnung, der II. Band bietet die etymologische Aufarbeitung der Gewässernamen, der III. Band wird ein rückläufiges Namensverzeichnis sein. Der I. Band bereits erschienen,¹⁸ zeigt die Gewässernamen nach der geographischen Ordnung der Hydroobjekte, und nicht in alphabetischer Reihenfolge. Dieses Gruppierungsprinzip, das bis zu einem gewissen Grad an den Aufbau der Monographie von Vladimír Šmilauer,¹⁹ aber besonders an den des erwähnten Werkes von Maštakov erinnert, kann nicht nur die Arbeit der Siedlungshistoriker der Zukunft erleichtern, sondern auch die der Namenforscher, weil es die einzelnen Gewässernamen nicht aus ihrem natürlichen hydronymischen Zusammenhang, aus ihrer Namenumgebung heraushebt. Im I. Band sind ungefähr 19.000 Gewässernamen gesammelt. Von dieser Menge wiederholen sich 14.000 nicht, sondern kommen nur je einmal vor. Die Zahl der mit den Gewässernamen bezeichneten geographischen Objekte beträgt ungefähr 9.000. Der vorgestellte Stoff repräsentiert im wesentlichen den Namegebrauch der Gegenwart. Als Hauptquelle diente ein fünfzehnbändiges Namenlexikon²⁰ benützt wurden aber auch die militärischen Spezialkarten im Maßstab von 1 : 100.000, der Katalog der polnischen Seen usw. Das ganze Wislasystem wurde in 820 Abschnitte aufgeteilt. Die Abschnitte wurden numeriert, und die Nummern steigen entsprechend der Flußrichtung der Wisła an. Die Aufteilung in Abschnitte erfaßt natürlich auch die Nebenflüsse zur Gänze. Bei den Nebenflüssen scheint auf, ob sie erst-, zweit- oder drittrangig sind, d. h., ob sie sich unmittelbar in die Wisła ergießen oder durch einen Rezipient bzw. Rezipienten. In den Aufzählungen werden auch die Namen der Seen, Quellen, Abzweigungen usw. angeführt, die historischen Benennungen (vor 1800), die entsprechenden deutschen Namen usw. Auf jene hydrographischen Objekte, die auf Grund der Angaben nicht genau lokalisiert werden können,

¹⁷ Über Beginn und Methode der Arbeiten s.: P. ZWOLIŃSKI, Stan i perspektywy hydronimii polskiej: I Międzynarodowa Slawistyczna Konferencja Onomastyczna (= I. MSIKO). Księga referatów. Pod red. W. Taszyckiego. Wrocław—Warszawa—Kraków 1961, 69—86.

¹⁸ Hydronimia Wisły. I. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym. Pod red. P. Zwolińskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków 1965.

¹⁹ VL. ŠMILAUER, Vodopis starého Slovenska. Praha—Bratislava 1932.

²⁰ Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Wydany pod red. F. Slumierskiego, B. Chlebowskiego i W. Walewskiego. I—XV. Warszawa 1880—1902.

oder nicht mehr existieren, macht ein entsprechendes Zeichnen aufmerksam. Den Band beschließt ein alphabetisches Register und das Verzeichnis der 820 Flußabschnitte.

In Kürze ist das Erscheinen des II. Bandes zu erwarten, der die sprachwissenschaftliche Analyse der Gewässernamen des Wislasystems enthält. Nach den Vorankündigungen zu urteilen,²¹ liegt in diesem Band die Betonung weniger auf der Etymologie der Gewässernamen als vielmehr auf der Berücksichtigung der namenbildenden Morpheme und ihrer Funktionen. Dieses scheinbare minimale Programm wird für den Mechanismus der Bildung der slawischen Gewässernamen wertvolle Angaben liefern.

3. In der Sowjetunion stand die systematische Beschäftigung mit den geographischen Namen infolge verschiedener Ursachen Jahrzehnte hindurch still. Die Lage hat sich seit einigen Jahren jedoch geändert. Dafür zeugt die Monographie,²² deren hervorragend gebildete und überaus fleißige Verfasser, V. N. Toporov und O. N. Trubačev, sich die Aufgabe stellten, die ältesten sprachlichen wie auch ethnischen Verhältnisse eines wichtigen Gebietes an den Ufern des oberen Dnjepr zu rekonstruieren.²³ In diesem Gebiet berührten sich die hauptsächlich ethnischen Gruppen des alten Osteuropa am intensivsten. Die Untersuchung der Gewässernamen im Ufergebiet des oberen Dnjepr fördert die Klärung solcher bedeutender Fragen wie die südliche und die östliche Grenze der Siedlungsplätze der baltischen Völker, die Area der finnisch-ugrischen Gewässernamen (innerhalb dieser die Verbreitung der Gewässernamen wolgafinnischen Typs in westlicher Richtung und der Gewässernamen ostseefinnischen Typs nach Süden), Richtung und Grenze der ostslawischen Migration, und schließlich der Charakter der Berührung der Slawen, Balten und der finnisch-ugrischen Völker in chronologischer Schau. Die Verfasser wünschten diesen Fragen, von der früheren Forschungspraxis abweichend, vor allem durch Analyse der Gewässernamen in Hinblick auf die Namenbildung, nicht aber auf die Etymologie näherzukommen. Ihrer Meinung nach ist nämlich gerade der Stamm der Namen den volksetymologischen Modifizierungen am meisten ausgesetzt, und übrigens kann man die Stämme in einem allzu weiten Bereich etymologisieren. Die etymologische Analyse atomisiert oft überflüssig die Namenforschung. Demgegenüber verhilft die Analyse der Namenbildung auf Grund von Namen mit gemeinsamen Formantien zur Feststellung von Isoglossen und chronologischen Schichten, und konkretisiert dadurch zugleich die Beurteilung des Entstehens der Namen und ihre ethnische Zugehörigkeit. Wahr ist hingegen, daß diese Arbeit dadurch bedeutend erschwert wird, daß noch keine einzige slawische Sprache eine erschöpfende

²¹ S. ZWOLIŃSKI, a. a. O. 74.

²² В. Н. Топоров—О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. Москва 1962.

²³ Die eingehende Kritik des Werkes: V. KIPARSKY: Zeitschrift für slawische Philologie (= ZslPh) 31 (1963) 424—434.

geschichtliche Wortbildungslehre besitzt, die die Funktionen der Suffixe, den Grad ihrer Produktivität in den einzelnen Zeitabschnitten erläutern würde, und deshalb muß sich der Forscher der slawischen Gewässernamen auch mit diesen Fragen befassen. Der Ausgangssatz ist, daß bei den Gewässernamen kein solches Formans und keine solche Formansfunktion vorhanden sind und auch nicht vorhanden sein können, die bei den Appellativen nicht vorhanden wären oder nicht vorhanden gewesen wären. Die gewöhnlichsten Typen der baltischen und slawischen Gewässernamen sind mit Suffixen versehen. Für die finnisch-ugrischen Gewässernamen hingegen sind solche Zusammensetzungen charakteristisch, deren letztes Glied ein hydrologischer Gattungsname mit der Bedeutung 'See', 'Fluß' usw. ist. Die so gegliederten finnisch-ugrischen Gewässernamen konnten auch in Lehnübersetzungen Spuren hinterlassen haben, und die Verfasser zogen — außer dem Nachweis der erhaltenen finnisch-ugrischen Gewässernamen — auch diese Möglichkeit in Betracht.

Beim Sammeln der Gewässernamen diente Toporov und Trubačev das Gewässernamen-Verzeichnis von Maštakov als Hauptquellenwerk. Außerdem haben sie Vergleichsstoff aus sehr vielen sonstigen Arbeiten geschöpft, und zwar in bezug auf das Slawische, Baltische und das Finnisch-Ugrische.

Der Aufbau der Monographie:

Als Einleitung (3—27) schildern die Verfasser eingehend die Geschichte der Frage, wobei sie auch ihre methodologischen Prinzipien erörtern. Das Gros des Bandes enthält die Klassifizierung der Gewässernamen nach Formantien in 11 Abschnitten (28—173). Wie auch zu erwarten, sind in größter Anzahl die slawischen Bildungstypen vertreten, die auf diesem Gebiet natürlich jünger sind als die baltischen. Von allen Formantien ist *-ka* das häufigste (*Berezka*, *Kamenka*, *Zelenka* usw.). In der Klassifikation nach Formantien kommt jedoch nicht jeder einzelne Wassernamen vor, Gewässernamen wie z. B. *Kleva*, *Nača*, *Ula* usw. können doch nur etymologisch analysiert werden. Das folgende große Kapitel (174—228) bringt in der Form eines etymologischen Namensverzeichnisses jene Gewässernamen, die einer etymologischen Untersuchung bedürfen, voneinander gesondert die baltischen, die slawischen und die sonstigen. In diesem Kapitel ist die Gruppe der Gewässernamen baltischer Herkunft die größte. Das Übergewicht der slawischen Namen bei der Klassifikation nach Formantien und die zahlenmäßige Überlegenheit der baltischen im etymologischen Teil entspringen dem Wesen jenes Unterschiedes, der die von den Verfassern angewendete strukturelle Analyse von der etymologischen Analyse trennt: sie gliedern die Gewässernamen vom Gesichtspunkt des slawischen Sprachstoffes der Gegenwart aus, also nach einem synchronischem Verfahren, in einen Stamm und in Formantien, bei der etymologischen Untersuchung aber wenden sie sich notwendigerweise der Vergangenheit zu, gehen auf die Diachronie über und behandeln, gegenüber dem neueren slawischen Namenstoff, den alten baltischen Namenstoff mit besonderer Aufmerksamkeit. Außer

diesen beiden etymologischen Schichten ist auch der Anteil der Namen iranischer und finnisch-ugrischer Herkunft bedeutend. Aus der Zeugenschaft der Gewässernamen folgern die Verfasser auf die alte ethnische und mundartliche Gliederung in der Gegend des oberen Dnjepr (229—251). Als Schlußkonklusion halten sie die von Kiparsky und anderen vertretene Ansicht für unwahrscheinlich, wonach die Slawen mit den finnisch-ugrischen Völkern früher in Berührung getreten wären als mit den Balten. Die sprachwissenschaftliche Auswertung des Gewässernamenstoffes scheint das Gegenteil zu beweisen. Die Verbindungen zwischen den finnisch-ugrischen Völkern und den Slawen gehören einer späteren Zeit als die zwischen den Slawen und den Balten. Über diese Feststellung der Verfasser werden die Meinungen sicherlich auseinandergehen.

Den Band ergänzen ein nach Sprachen angelegtes Register der behandelten Eigennamen und Gattungsnamen, sowie 13 Karten.

Als Fortsetzung der Monographie ist das neuere Werk von O. N. Trubačev anzusehen, das die Bearbeitung der Gewässernamen der am rechten Ufer des Dnjepr liegenden Ukraine enthält.²⁴

4. Im Sammeln und Aufarbeiten der russischen Gewässernamen hat sich der deutsche Gelehrte Max Vasmer (1886—1962) besondere Verdienste erworben. Sein Russisches etymologisches Wörterbuch²⁵ enthält auch die etymologische Erklärung zahlreicher ostslawischer Gewässernamen, obwohl diese Menge natürlich nur einen Tropfen im Meer im Vergleich zur fast unzählbaren Masse der russischen Gewässernamen bedeutet. Vasmer, der sich auch mit den Fragen der slawischen Urgeschichte beschäftigt hatte, wußte genau, in welchem Maße den Sprachforschern, Historikern und Geographen gedient wäre, wenn die russischen geographischen Namen zur Gänze gesammelt würden. Im Interesse dieses Zieles hat er zwei mächtige Werke in Angriff genommen, u. zw. das russische geographische Namenbuch,²⁶ das nach annähernder Berechnung ungefähr eine halbe Million Ortsnamen enthalten wird, dann das Wörterbuch der russischen Gewässernamen.²⁷ Im weiteren bespreche ich das letztere Werk.

Vasmer hat den Plan zum Verzeichnis der russischen Gewässernamen zu Beginn der dreißiger Jahre gefaßt. Zuerst besorgte er das Stoff sammeln allein, dann half ihm auch seine Gattin beim Zettelschreiben. Die in mehr als vierzig Schachteln aufbewahrte Zettelsammlung befand sich während des Zweiten Weltkrieges in einem Bergwerk in der Nähe Berlins, und ist so erhalten

²⁴ Während der Drucklegung des vorliegenden Aufsatzes ist das Werk erschienen: Названия рек Правобережной Украины (Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация). Москва 1968.

²⁵ M. VASMER, Russisches etymologisches Wörterbuch. I—III. Heidelberg 1953—1958.

²⁶ Russisches geographisches Namenbuch, hg. von M. Vasmer u. H. Brüner. Wiesbaden 1964 ff. Kritik: E. M. Поспелов: Вопросы языкознания 1967, 4:116—118.

²⁷ Wörterbuch der russischen Gewässernamen. Zusammengestellt . . . unter Leitung von M. Vasmer. Berlin—Wiesbaden 1961 ff. Kritik: В. А. Никонов: Этимология. Москва 1963, 275—277.

geblieben. So konnte sie als Grundlage für jenes Werk dienen, um dessen Zustandekommen ab 1951 ein, von 1958 an zwei Mitarbeiter unter der Leitung von Vasmer wirkten, und dessen erstes Heft 1960 erschien. Das Namenverzeichnis umfaßt den ostslawischen Gewässernamenstoff des europäischen Teiles der Sowjetunion. Außer dem von den Russen bewohnten Gebiet erfaßt es auch die von Ukrainern und Weißrussen bewohnten Gegenden. In der Mehrzahl der zugänglichen Quellen werden jedoch die ukrainischen und die weißrussischen Gewässernamen in ihrer großrussischen Form genannt; deshalb mußte man im Titel des Namenverzeichnisses statt »ostslawisch« die Bezeichnung »russisch« anwenden. Prinzipiell ließ man bei der Aufbearbeitung das von Nichtrussen bewohnte Gebiet von Estland und Lettland aus, Litauen wurde hingegen, wenn auch sporadisch, in Betracht gezogen. Vom Kaukasus wurde nur der Gewässernamenstoff der ostslawischen Siedlungen in der Gegend der Flüsse Kuban und Terek registriert. Dem Westen zu war der östliche Teil des einstigen Kongreß-Polen die Grenze, nach Südwesten endete das Sammeln mit Ostgalizien und der Bukowina, nach Osten aber mit den einstigen Gouvernements von Perm, Ufa und Orenburg.

Dem ursprünglichen Plan gemäß sollte das Namenverzeichnis nach geschichtlichem Gesichtspunkt hergestellt werden, mit Angabe der alten Vorkommen der Gewässernamen. Dadurch wäre das an sich schon sehr umfangreiche Namenverzeichnis übermäßig angewachsen. Der vorläufige Verzicht auf die Mitteilung der geschichtlichen Angaben schien auch deshalb zweckmäßig, weil das Identifizieren der Gewässernamen der alten Quellen sehr viel Zeit in Anspruch genommen hätte. Diese Aufgabe wird nach Beendigung der Publikation des Namenstoffes aus den Quellen des 19. und 20. Jahrhunderts bedeutend leichter sein. Die aufgearbeiteten Quellen aus dem 19. und 20. Jh. besitzen natürlich nicht den gleichen Wert. Zu wichtigen Quellen, so z. B. zu den topographischen Karten konnten die Bearbeiter gar nicht gelangen. Alldies macht uns manche Mängel des Namenverzeichnisses verständlich: warum bezeichnet es nicht die Betonungsverhältnisse und die Aussprache der Gewässernamen, warum teilt es die adjektivischen Ableitungen und die Insassenamen nicht mit usw. Die Artikel des Namenverzeichnisses enthalten nur folgende Angaben: des Lemma mit den eventuellen Formvarianten und fremdsprachigen Entsprechungen, die hydrographische Qualifikation (Fluß, Bach, Teich usw.), den aufnehmenden Fluß und die Seite der Aufnahme, das Wassersammelbecken, den Bezirk, das Gouvernement, die Quellenbezeichnung. Das Vasmersche russische Gewässernamenverzeichnis ist jedoch auch in der verwirklichten Form nicht eine bloße Notlösung, sondern ein gut nutzbares Arbeitsmittel. Das gegenwärtige ostslawische Sprachgebiet wird überwiegend von Nachfahren verhältnismäßig spät zugewanderter Siedler bewohnt. Demzufolge sind sehr viele ostslawische Gewässernamen in etymologischer Hinsicht von sehr klarem Aufbau und bieten unvergleichliche Möglich-

keit dafür, Entstehung und semantische Eigenheiten der Gewässernamen zu beobachten. Der mächtige, mehr als dreißig- oder vierzigtausend Namen enthaltende Stoff des russischen Gewässernamen-Verzeichnisses wird auf die ganze slawische Hydronymik sicherlich befruchtend wirken.

5. Mit der Untersuchung der bulgarischen Gewässernamen beschäftigen sich besonders Vladimir Georgiev, Jordan Zaimov und Ivan Duridanov. Georgiev untersuchte in einem Artikel²⁸ den Ursprung der Namen der größten Flüsse der Balkanhalbinsel, je zwölf im südlichen, im westlichen und im östlichen Teil, und kam zu dem Ergebnis, daß sämtliche Flußnamen eine indoeuropäische Etymologie haben. Hieraus zog er den Schluß, daß die Balkanhalbinsel seit den ältesten Zeiten von indoeuropäischen Stämmen bewohnt war. Aufmerksamkeit verdienen die Prinzipien, die Georgiev beim Etymologisieren angewendet hat: 1. Der Flußnamen birgt offenbar ein Appellativ. 2. Den von den früheren Bewohnern stammenden Flußnamen konnte die neuangesiedelte Bevölkerung in ihre eigene Sprache übersetzen oder auf Grund des markantesten Kennzeichens des Flusses oder seiner Umgebung dem Fluß einen Namen geben, der die Übersetzung des alten Namens zu sein scheint. Im ersten Fall können wir von einem wirklichen Übersetzungslehnamen, im zweiten von einem scheinbaren Übersetzungslehnamen sprechen. 3. Eine genaue Entsprechung kann im Gewässernamenstoff einer anderen, seit dem Altertum von Indoeuropäern bewohnten Gebiet nachgewiesen werden. V. Kiparsky nennt diese Art des Verfahrens Referenz.²⁹ 4. Auf dem Hauptkennzeichen des Flusses beruhende Etymologie. Von den vier Prinzipien schreibt Georgiev dem letzten die geringste Beweiskraft zu. — Auch die nicht ausgesprochen diesen Gegenstand behandelnden Arbeiten Georgievs haben eine reiche hydronymische Dokumentation.³⁰ Georgiev verarbeitete auch perzentuell die etymologische Schichtung der bulgarischen Gewässernamen.³¹ In Bulgarien übersteigen 27 Flüsse die Länge von 100 km. Von diesen großen Flüssen führen 67% Namen thrakischer Herkunft, also solche Namen, die vor der Ansiedlung des Slawentums auf dem Balkan entstanden. Ungefähr 15% der Namen der großen bulgarischen Flüsse sind bulgarisch (= bulgaro-slawisch), etwa 7% sind wahrscheinlich protobulgarisch (= bulgaro-türkisch). An mittelgroßen, 50–100 km langen Flüssen hat Bulgarien 58 aufzuweisen. Von diesen haben 60% einen bulgarischen, nur 15% einen thrakischen Namen. Von den aus bulgarischer Namengebung herrührenden Flußnamen befinden sich die alten beinahe ausschließlich in der westlichen Hälfte des Landes. In das Schwarze Meer ergießt sich kein einziger Fluß, der einen alten bulgari-

²⁸ Die Herkunft der Namen der größten Flüsse der Balkanhalbinsel und ihre Bedeutung zur Ethnogenese der Balkanvölker: *Балканско езикознание* 1 (1959) 5–16.

²⁹ V. KIPARSKY: *ZsIph* 31:425.

³⁰ *Вл. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию*. Москва 1958; — ders., *Въпроси на българската етимология*. София 1960.

³¹ I. MSIKO 13–15.

schen Namen hätte. Nach Georgiev weist dies darauf hin, daß das Slawentum zuerst Westbulgarien und im allgemeinen die Mitte der Balkanhalbinsel, zum Teil aber Nordbulgarien in zusammenhängenden Massen besiedelte.

Zaimov arbeitet den vollständigen Gewässernamenstoff Bulgariens bzw. der ganzen östlichen Hälfte der Balkanhalbinsel auf. Er hat ungefähr 60.000 Fluß-, Teich-, Sumpf-, Quellennamen usw. gesammelt. Die Sammelarbeit Zaimovs wird bis zu einem gewissen Grad durch das zweibändige Werk erleichtert,³² das die hydrogeographische Beschreibung von 541 Flüssen enthält.³³ In einer inhaltsreichen Studie³⁴ hat Zaimov schon eine Probe geboten, wie er die gesammelten Gewässernamen, besonders jene slawischen Ursprungs, aufarbeitet. In einer anderen Arbeit³⁵ entwickelt er seine Anschauungen über die Methodologie der Aufarbeitung der Gewässernamen im besonderen Hinblick auf die semantische und strukturelle Klassifikation der Gewässernamen.

Duridanov hat einige ausgewählte Flußnamen der von Südslawen bewohnten Gebiete einer Untersuchung unterzogen, u. zw. vom Gesichtspunkt des in internationaler Zusammenarbeit entstehenden gesamtshawischen onomastischen Atlases.³⁶ Der gesamtshawische onomastische Atlas wird durch Kartographieren der Stämme, der Formantien, der Typen usw. der slawischen geographischen und Personennamen der Erforschung und der Stratigraphie des Namenstoffes aller slawischen Länder in bedeutendem Maße Antrieb geben. Im toponomastischen Atlas wird die Rolle der Gewässernamen von besonderer Wichtigkeit sein. Nach Duridanov muß man davon ausgehen, daß die Länge der Flüsse im allgemeinen im geraden Verhältnis zum Alter ihres Namens ist: je länger ein Fluß ist, um so älter ist sein Name. Da also die Namen der kurzen Flüsse jüngeren Datums sind, sind für den slawischen onomastischen Atlas nicht diese, sondern die längeren Flüsse von größerer Bedeutung. Die Namen dieser Flüsse sind beinahe ohne Ausnahme alte Naturnamen. Duridanov zog in Betracht und analysierte etymologisch die aus dem Slawischen stammenden Namen der großen, d. h. mehr als 100 km langen und der mittleren, d. h. 50—100 km langen Flüsse von Jugoslawien, Bulgarien und Nordgriechenland. Seine Ergebnisse stellte er auch auf Landkarten dar und veranschaulichte hierdurch seine Anschauungen bezüglich des Aufbaues des slawischen onomastischen Atlases. Die Namendeutungen Duridanovs sind natürlich nicht alle gleichermaßen überzeugend, vielmehr können manche Erklärungen unterschiedene Einwendungen auslösen. Nach Duridanov beruht der serbokroatische Name *Zlatica* (a. a. O. 184) des auf der linken Seite des Flusses Mieresch ent-

³² Хидрологичен справочник на реките в НР България. I—II. София 1957—1958.

³³ Vgl. VL. GEORGIEV: I. MSIKO 11; — ZAIMOV: Třetí zasedání . . . 55.

³⁴ J. ZAIMOV, Bulgarische Gewässernamen: ZfSl 6:43—60, 217—250.

³⁵ Й. Заимов, Класификация и проблематика на водните имена (въз основа на български материал): I. MSIKO 171—180.

³⁶ И. Дуриданов, Южнославянските речни названия и тяхното значение за славянския топонимичен атлас: Славянска филология III. София 1963, 181—211.

strömenden und im Banat in die Theiß mündenden, 117 km langen Flusses auf slawischer Namengebung. Die geschichtlichen Angaben zeigen jedoch, daß der alte ungarische Name dieses Flusses *Harangod*³⁷ war, aus dem später — offenbar durch volksetymologische Umdeutung — *Aranka* ~ *Aranyka* ~ *Haranyka* wurde. Aus ung. *Aranka* (vgl. ung. *arany* 'Gold') wird der serbo-kroatische Flußname *Zlatica* durch Lehnübersetzung entstanden sein, ist also keinesfalls geeignet, bezüglich des alten Ansiedelns, der Gewohnheiten der Namengebung usw. des Slawentums als Anhaltspunkt zu dienen.

6. Die fachgemäße Aufarbeitung der Gewässernamen Jugoslawiens hat der Schweizer Ernst Dickenmann (derzeit Professor für Slawistik an der Universität in Münster) initiiert.³⁸ Durch die Kriegsereignisse wurde die Veröffentlichung seiner Monographie über die Hydronymie des Savesystems 1941 unterbrochen. Erst nach zwei Jahrzehnten hatte Dickenmann die Möglichkeit, sein Namenverzeichnis zu vollenden, den darin enthaltenen Stoff sprachwissenschaftlich und namenkundlich auszuwerten und dem neuherausgegebenen I. Teil angeschlossen, erscheinen zu lassen.³⁹

Die Monographie umfaßt die Hydronymie des mittleren Abschnittes der Save, u. zw. linksseitig den vollständigen Namenstoff von der Sutla ~ Sotla-Mündung (unterhalb Brezice) bis zu unterhalb Brod befindlichen Globovica-Mündung, rechtsseitig aber den Namenstoff des Systems der Kupa und jener kleineren Nebenflüsse, die zwischen der Mündung der Kupa und der Una sich in die Save ergießen. Das System der Una konnte Dickenmann deshalb nicht in die Untersuchung einbeziehen, weil die Spezialkarten von Westbosnien noch nicht vorlagen. Er hat also die Gewässernamen solcher Gebiete gesammelt und aufgearbeitet, die bis zum Ende des Ersten Weltkrieges Teile von Kroatien-Slawonien, damals einem Nebenland zu Ungarn, waren. Jene mittelalterlichen Urkunden usw., die Dickenmann zur geschichtlichen Dokumentation der Gewässernamen zur Verfügung standen, enthielten natürlich viele ungarische Beziehungen und ungarische sprachliche Elemente. Deshalb verdient die Monographie Dickenmanns auch von ungarischem sprachgeschichtlichem und namenkundlichem Gesichtspunkt aus eine besondere Aufmerksamkeit. Bei der Abfassung des I. Teiles der Monographie stand Dickenmann in ungarischen namenkundlichen Fragen keine geringere Autorität als Stefan Kniezsa mit Rat und Tat zur Hilfe. Kniezsa hat übrigens auch eine Korrektur gelesen und durch seine vielseitige Freundeshilfe die erste Hälfte des Werkes fast mit ungarischer Approbation versehen.

³⁷ ORTVAY, a. a. O. I, 365; — GYÖRFFY Gy., *Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza*. I. Budapest 1963, 835, 858.

³⁸ In der Monographie: Studien zur Hydronymie des Savesystems. Einleitung und Namenregister von A—K: *Archivum Europae Centro-Orientalis* 5 (1939) 1—112; 6 (1940) 134—184; 7 (1941) 197—239.

³⁹ E. DICKENMANN, *Studien zur Hydronymie des Savesystems*. I—II. Heidelberg 1966. — Rezension: J. OTREBSKI: *Die Welt der Slaven* 12 (1967) 327—333.

Im einleitenden Teil der Monographie (I, 10—34), der einer prachtvoll gelungenen hydronymischen Grundlegung gleichkommt, gibt Dickenmann einen Überblick über die Lage und die Schwierigkeiten der Toponomastik der Balkanhalbinsel, wie auch über seine Forschungsprinzipien und sein Verfahren. Zum Sammeln der Gewässernamen waren die Urkundenbücher und die topographischen Karten seine wichtigsten Quellen. Vom Gesichtspunkt des sprachlichen Ursprungs aus ist die Mehrzahl der gesammelten Gewässernamen slawisch, es gibt darunter aber auch als alteuropäisch geltende, romanische, ungarische, türkische und auch sonstige. In Jugoslawien kommen die ungarischen Namen häufig in Slawonien vor, besonders aber im Wassersammelgebiet der Drau, aber nicht der Save. Noch häufiger sind sie natürlich im Komitat Branau und in der Woiwodschaft (d. h. in der Batschka, im Banat und in Syrmien), alldies fällt jedoch nicht mehr in das von Dickenmann aufgearbeitete Gebiet.

Das Gros der Monographie besteht aus dem Namenverzeichnis (I, 35—207; II, 5—177). Die Anordnung des Namenverzeichnisses ist nicht hydrographisch, d. h., es ist nicht nach Wasserläufen, sondern alphabetisch angelegt. Diese Anordnungsart, die mechanisch genannt werden kann, hebt wohl die Gewässernamen aus ihrer natürlichen Namenumgebung heraus und ist einigermaßen auch für den Siedlungshistoriker unbequem, demgegenüber ermöglicht sie das rasche Auffinden, Nachschlagen, den handbuchartigen Gebrauch. Ein Vorteil ist auch, daß dadurch die etymologisch zusammengehörenden Namen zusammenfaßt sind, und man zugleich über den Häufigkeitsgrad der einzelnen Namen informiert wird. Jeder Artikel des Namenverzeichnisses besteht aus den Angaben der namengeschichtlichen Dokumentation und der mit dem Lemma zusammenhängenden sonstigen Gewässer-, Siedlungs- und Flurnamen usw. und aus der etymologischen Erklärung. Besonders in der ersten Hälfte der Monographie findet man häufig auch Parallelen aus den anderen slawischen Sprachen. In der zweiten Hälfte hat der Verfasser die Zahl dieser Parallelen verringert; inzwischen ist nämlich das zweibändige Werk von Bezljaj über die Gewässernamen des an Kroatien grenzenden Sloweniens mit reichem Vergleichmaterial erschienen. Die etymologischen Erklärungen Dickenmanns sind durch nüchterne Mäßigung und durch Zurückhaltung vor kühnen semantischen Spekulationen zu charakterisieren. Die Gewässernamen von vorläufig unklarer Herkunft werden vielleicht von den kroatischen lokalhistorischen Forschungen erhellt werden.

Bei der sprachwissenschaftlichen Auswertung der Gewässernamen (II, 180—208) hat Dickenmann folgende Fragen untersucht: Gewässernamen in semantischer Hinsicht; Gewässernamen nach den Wortbildungselementen; Gewässernamen, die auf Personennamen zurückgehen; orthographische Fragen; ungarische Einflüsse; Verzeichnis der ungarischen Gewässernamen (insgesamt 60 Namen); Ertrag der Gewässernamen für die Grammatik und die Lexiko-

logie. Indices, Nachträge und Nachwort schließen die Monographie ab. Am Ende befindet sich auch eine Übersichtskarte im Maßstab von 1 : 500.000.

7. Die Monographie Dickenmanns hätte kaum eine größere Anerkennung erfahren können, als daß France Bezljaj, Professor in Ljubljana, in seinem über die Gewässernamen Sloweniens geschriebenen zweibändigen Werk *Methode und System Dickenmanns* sich zu eigen machte.⁴⁰ Die Monographie Bezljajs ist die erste, die die Hydronymie eines slawischen Sprachgebietes vollständig sammelt und nach einheitlichen Gesichtspunkten untersucht. Die slawistische Bedeutung der Arbeit wird durch den Umstand noch gesteigert, daß Bezljaj den reichen und auch geschichtlich verhältnismäßig gut belegten Gewässernamenstoff einer im Randgebiet gesprochenen, sehr archaischen slawischen Sprache bearbeitete.

Im Vorwort der Monographie (I, 5—17) berichtet Bezljaj über seine Arbeitsmethode. Er betont die Wichtigkeit der Hydronymie von Gesichtspunkt der linguistischen Paläontologie aus und stellt fest, daß die eingehende Untersuchung der slowenischen Urgeschichte und der Siedlungssichtung erst dann in Angriff genommen werden kann, wenn der vollständige slowenische Namen- und Wortschatz gesammelt und aufgearbeitet sein wird. Und zu dieser Arbeit ist nicht nur Erfahrungheit auf dem Gebiete der Slawistik notwendig; im slowenischen Namen- und Wortschatz befinden sich nämlich zahlreiche uralte, vorslawische wie auch romanische, germanische und auch ungarische Elemente. Wir können ungefähr mit insgesamt 5.000 slowenischen onomastischen Stämmen rechnen, und annähernd ein Viertel diese Menge ist nicht slawischen Ursprungs. (Miklosich hielt in seinen slawischen namenkundlichen Arbeiten insgesamt 789 toponymische und 480 anthroponymische Wurzeln in Evidenz!) Da aber die Gewässernamen in enger Beziehung zu den Personennamen (besonders zu den Namen der Besitzer) und zu den Flurnamen stehen, ergibt ihre Untersuchung gleichsam den Querschnitt der ganzen Onomastik.

Bezljajs Sammeln erstreckte sich nicht allein auf Slowenien, sondern auch auf die von Slowenen bewohnten Gebiete Österreichs und Italiens. Seine Quellen sind abwechslungsreich: militärische und sonstige Karten, die Gewässernamensammlung des Hydrographischen Instituts in Ljubljana, die Flurnamensammlung der Slovenska Matica, touristische Fachliteratur, die Mitteilungen von Dialektologen usw. Er konnte natürlich nicht jede einzelne Mundartform im Gelände persönlich kontrollieren, obwohl dies ideal gewesen wäre. Zur geschichtlichen Dokumentation der Namen benützte er die früher als i. J. 1500 entstandenen, publizierten Quellen. Eigene Archivforschungen hat er nicht vorgenommen, denn er wollte die Fertigstellung der Monographie nicht in eine unabsehbare Zeit verschieben. Zur Verfügung stand ihm das

⁴⁰ FR. BEZLAJ, *Slovenska vodna imena*. I—II. Ljubljana 1956—1961.

Manuskript der slowenischen geschichtlichen Geographie von M. Kos, das einschließlich bis 1300 als beinahe vollständig angesehen werden kann. Seiner Beobachtung nach können die ältesten slowenischen Quellen, was die Gewässernamen anbelangt, als ärmlich bezeichnet werden: Gewässernamen begegnet man sozusagen nur bei der Beschreibung der Grenzen von Besitzungen oder bei der Regelung des Fischereirechtes. (Ähnliche Beobachtungen haben auch ungarische Forscher gemacht: »die Urkunden befassen sich mit den Gewässern nur nebenbei, hauptsächlich in Verbindung mit Grenzbegehungen, Eigenmächtigkeiten und Mühlen.«)⁴¹ Viele heute noch unklare Gewässernamen wird man erst dann befriedigend erklären können, wenn auch die neueren geschichtlichen Quellen zugänglich gemacht werden. Häufig verhilft jedoch dem Forscher nur die Berücksichtigung des vergleichenden slawischen Namenstoffes zur Klärung der Etymologie der Gewässernamen. Bezljaj ist der Meinung, daß es wohl verfrüht ist, von einer vergleichenden slawischen Onomastik zu sprechen, dennoch ist seit Miklosich eine große Entwicklung festzustellen. Nicht allgemein anerkannt ist noch jene Auffassung, die auch von Bezljaj so formuliert worden ist: »die Namen sind Teile des Wortschatzes, und jeder Name war einmal ein Wort« (I, 10). Diese vielleicht ein wenig zu sehr vereinfachte Formel will offenbar besagen, daß die die ältesten Zeitabschnitte umfassenden slawischen Lexika auch den Stoff der Eigennamen enthalten müßten, sind doch alle Eigennamen aus Gattungsnamen entstanden: meistens durch Ableitung, Zusammensetzung usw. Jeder einzelne Eigenname hat aber unter den Gattungsnamen nicht seine genaue Entsprechung: denken wir an die zusammengesetzten Personennamen des Typus *Bezďědz*, *Milogost*, *Vladislav*, *Volodiměrv*. Die Eigennamen müssen ein autonomes Untersuchungsgebiet im Verhältnis zu ihrem Mutterland, dem Reiche der Gattungsnamen, haben. Die vollständige Absonderung ist jedoch keineswegs zweckmäßig.

Bezljaj vertritt — Dickenmann folgend — die Ansicht, daß jeder Name, zu welcher chronologischen oder sprachlichen Schicht er auch immer gehört, gleichermaßen wichtig ist und dieselbe Aufmerksamkeit verdient. Er weicht der etymologischen Erklärung aus, die »um jeden Preis« gemacht wird, denn er hält den Stoff selbst für wesentlicher, weil ihn der Forscher der Zukunft benützen wird können. Besonders vorsichtig verfährt Bezljaj bei der Interpretation der aus vorskawischer Zeit stammenden Gewässernamen und beschränkt sich eher nur auf die Schilderung der geäußerten Meinungen. Seiner Beurteilung nach war das heute von Slowenen bewohnte Gebiet vor der Ansiedlung der Slowenen in sprachlicher Hinsicht nicht einheitlich. Die Bewohnerschaft der Ebenen war stellenweise vollständig, andernorts teilweise romanisiert. Es scheint, daß in der Namengebung dieses Gebietes weder die Römer noch die Kelten eine größere Rolle gespielt haben; von den übrigen, in Frage

⁴¹ HOLUB J., Zala megye középkori vízrajza. Zalaegerszeg 1963, 3.

kommenden Völkern, so den Illyrern, Veneten usw., verfügen wir nur über sehr wenig Kenntnisse. Ein deutscher Einfluß zeigt sich in den slowenischen geographischen Namen erst vom Ende des 8. Jh.s an. Noch komplizierter ist die Feststellung des romanischen Adstrates.

Im Vergleich zu den Namenbuchartikeln der Monographie Dickenmanns sind die Artikel Bezlajs umfangreicher, inhaltsvoller, sie enthalten mehr Angaben und slawisches vergleichendes Material. Es lohnt sich, von diesem Gesichtspunkt aus die Namen jener Flüsse zu vergleichen, die in beiden Monographien vorkommen: solche Namen sind z. B. *Sava* und *Sotla*. Demgegenüber vermissen wir in der Arbeit Bezlajs die summierende sprachliche Aufarbeitung und den ausführlichen Index, also gerade das, wodurch die Monographie Dickenmanns so informativ und so leicht zu handhaben ist.

Eine mustergültige Rezension schrieb Jan Svoboda über den ersten Teil des Werkes von Bezlaj⁴² und Vladimír Šmilauer über den zweiten Teil.⁴³ Šmilauer hat auch noch die Häufigkeit der einzelnen Bildungstypen auf Grund des Stoffes von Bezlaj festgestellt. Den ersten Platz nehmen die Gewässernamen mit dem Suffix *-ica* ein. Zu den Gewässernamen von Prekmurje, d. h. der wendischen Gegend nördlich von der Mur des alten Ungarn, gab Ivan Zelko⁴⁴ wertvolle Berichtigungen und Ergänzungen. Zelko ist in der ungarischen Fachliteratur wohlbewandert. Siehe noch die Rezension von Ernst Dickenmann.⁴⁵

III.

Aus dem Vorgetragenen können wir uns ein Bild davon machen, wie sehr sich die slawische Hydronymik in den letzten Jahrzehnten sowohl im bezug auf den gesammelten Namenstoff als auch auf die Verfeinerung der Untersuchungsmethoden entwickelt hat. Und es scheint, daß das Tempo der Entwicklung ständig ansteigt. Miroslav Frydrieh arbeitet die Gewässernamen des geschichtlichen Böhmens auf.⁴⁶ In der Ukraina wird unter der Führung von K. K. Cilujko der ukrainische hydronymische Atlas hergestellt, der den ersten Teil des geplanten ukrainischen onomastischen Atlases bildet.⁴⁷ Die Erforscher der slawischen Gewässernamen besitzen auch schon ein internationales Forum: von den drei Unterkommissionen der Onomastischen Komis-

⁴² *Slavia* 29 (1960) 134–136.

⁴³ *Slavia* 32 (1963) 544–548.

⁴⁴ *Slavistična revija* 11 (1958) 245–252.

⁴⁵ *Kratylos* 4 (1959) 76–78.

⁴⁶ Vgl. *Zpravodaj Místopisné komise ČSAO* 6 (1965) 44–52.

⁴⁷ *К. К. Цілуйко: Мовознавство на Україні за п'ятдесят років. Київ 1967, 233, 242–244; — E. EICHLER—K. HENGST, Sowjetische Forschungen zur ukrainischen Hydronomie: ZfSl 12 (1967) 390–405.*

sion beim Internationalen Slawistenkomitee umfaßt die eine diese Forscher.⁴⁸ Und dies stimmt vollständig mit der Tatsache überein, daß gegenwärtig die Gewässernamen im Vordergrund des Interesses der ganzen europäischen Namenkunde stehen. Der 1966 in London veranstaltete IX. Internationale Namenkundliche Kongreß entsandte eine Kommission zur Betreuung der europäischen Hydronymik. Die Hauptaufgabe dieser Kommission besteht darin, sämtliche Gewässernamen Europas nach einheitlichen Gesichtspunkten und unter Berücksichtigung der geschichtlichen Angaben und der mundartlichen Varianten der Gegenwart zu sammeln und zu publizieren. Später soll die etymologische Aufarbeitung folgen.⁴⁹

⁴⁸ Ihren letzten Konferenzbericht s.: Třetí zasedání Mezinárodní komise pro slovanskou onomastiku . . . Praha 1967.

⁴⁹ Vgl. T. WITKOWSKI: Třetí zasedání . . . 229.

Синтаксическое освоение заимствованных слов в русском языке

Т. АДАМИК

Вопросы заимствования в русском языке широко разработаны. Не только понятие заимствованного слова¹ и способы хода заимствования² становятся предметами тщательного исследования, но и его причины и разные заимствования из отдельных языков.³ Данные Словаря современного русского литературного языка и Этимологического словаря М. Фасмера (который в наши дни издается и в русском переводе) постоянно дополняются новыми работами в этой области.⁴ Заимствованные слова немецкого,⁵ готского, скандинавского,⁶ финского⁷ и греческого происхождения⁸ имеют уже свои подробные монографии. Интернациональная терминология (европеизмы)⁹ и интернациональные суффиксы,¹⁰ входящие в словарный состав русского языка, все чаще и чаще обращают на себя внимание исследователей. Несмотря на постоянно возрастающий интерес к проблематике заимствованных слов русского языка, имеются некоторые проблемы заимствования,¹¹

¹ Л. П. Ефремов, Сущность лексического заимствования. Вестник АН Казахской ССР, 1959, № 5. Ср. также Р. А. Будагов, Введение в науку о языке. Москва 1958, 107—136.

² Н. М. Шанский, Лексические и фразеологические кальки в русском языке. Русский язык в школе, 1955, 3: 23—35. Ср. еще G. HÜTTL WORTH, Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien 1956.

³ О. Б. Шахрай, К проблеме классификации заимствованной лексики. Вопросы языкознания 10 (1961) 2: 53—58.

⁴ G. HÜTTL-WORTH, Foreign words in Russian. Berkeley and Los Angeles 1963.

⁵ V. KIPARSKY, Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Annales Academiae Scientiarum Fennicae 32. Helsinki 1934.

⁶ С. TÖRNQUIST, Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Труды по славянской филологии, 2. Stockholm—Upsala 1948.

⁷ J. KALIMA, Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Mémoires de la Société Finno-ougrienne, 44. Helsinki 1919.

⁸ М. Р. Фасмер, Греко-славянские этюды, т. 3. Греческие заимствования в русском языке. Санкт-Петербург 1909. Сборник Отделения русского языка и словесности имп. АН, 86.

⁹ Ю. А. Бельчиков, Интернациональная терминология в русском языке. Москва 1959. Ср. также В. Акуленко, Существует ли интернациональная лексика? Вопросы языкознания 10 (1961) 3: 60—68.

¹⁰ М. FOGARASI, Beiträge zur Geschichte der internationalen Bildungssuffixe des Russischen. Budapest 1965.

¹¹ И. А. Еврейнova, Заимствования в русском языке. Slavia 34 (1965) 376.

а также некоторые группы заимствованных слов,¹² исследование которых еще долго будет продолжаться.

История заимствованных слов в русском языке — это история приспособления этих слов к структуре русского языка, т. е. «сложное и разностороннее явление, столкновение фонетических, грамматических и семантических систем двух, иногда очень различных языков.»¹³ Исследования по теории и процессам этой ассимиляции начаты давно, но они ведутся и сегодня. По общепринятому определению Еврейновой под этой ассимиляцией мы понимаем:

- «1. приспособление к фонологической структуре исконных слов;
2. подчинение основным грамматическим категориям (напр. падежа, рода, числа у существительных);
3. образование собственного семантического поля, оторванного от всех остальных значений — или оттенков значений — языка-источника (так как слово заимствуется, как правило, в одном из своих значений);
4. подчинение продуктивным моделям словообразования и приобретение способности стать деривационной основой.»¹⁴

Еврейнова упоминает в определении семантические изменения заимствованного слова, но в дальнейшем не занимается этими вопросами, хотя другие процессы (фонологические, морфологические и словообразовательные) излагает подробно. Так как авторы, занимающиеся освоением заимствованных слов, до сих пор обращали внимание только на форму иноязычного слова, то они не всегда замечали, что освоение происходит в более широкой области. Семантика иноязычных слов играет большую роль в полном освоении слова, именно в синтаксическом отношении, так как заимствованное слово приспособляется к структуре заимствующего языка не только фонетически и морфологически, но и синтаксически.

Языковые факты разных этапов освоения иноязычных слов общеизвестны в области фонетики, графики и морфологии.¹⁵ Например, и сегодня есть несколько заимствованных слов, в которых сохраняются звуки языка-источника: *отель, какао, Вольтер* (безударное *о*); *модель, штепсель, стек, кашне* (согласные перед *е* произносятся твердо). Графическое освоение таких слов, как *бифитекс, портфель, пикник, комфорт* и т. д. потребовало много времени. Грамматика языка-источника влияла на род существительного в русском языке, например, не сразу установился средний род иноязычных существительных, оканчивающихся на *-о* и на *-е*: *старый фортепиано* и *старое фортепиано, наш пианино* и *наше пианино, портмоне остался* и *портмоне осталось* и пр.

¹² G. HÜTTL-WORTH, Foreign words 2.

¹³ Л. А. Новиков, О семантическом переформлении заимствованных слов в русском языке. Русский язык в школе 1963, 3: 5.

¹⁴ И. А. Еврейнова, там же 367.

¹⁵ А. В. Калинин, Лексика русского языка. Москва 1966, 66—78.

Нам хотелось бы показать, что следы процесса освоения можно установить не только в этих областях, но и в области семантики и синтактики. Мы рассмотрели следующие произведения русской литературы: «Горе от ума» Грибоедова; «Мертвые души» и «Ревизор» Гоголя; «Евгений Онегин» Пушкина; Романы Достоевского «Идиот», «Неточка Незванова», «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели», «Белые ночи»; повести Чехова «Жена», «Учитель словесности», «Палата № 6», «Три года». В случае необходимости мы использовали и данные Словаря современного русского литературного языка, Этимологического словаря Фасмера, Словаря языка Пушкина и Толкового словаря Ушакова. К сожалению, примеры, взятые из этих словарей не имеют полных данных, так как во многих случаях эти словари приводят только автора и заглавие произведений, без остальных данных.¹⁶

Сперва мы перечислим собранные нами глаголы, имена существительные и прилагательные иноязычного происхождения, а потом мы сделаем некоторые выводы.

Глаголы иноязычного происхождения

1. Глаголы, обозначающие *управление чем-нибудь* требуют творительного падежа без предлога: *ведать финансами, править страной, руководить собранием, управлять трактором, распоряжаться погрузкой, орудовать пилой* и пр. Глаголы иноязычного происхождения, имевшие то же или подобное значение, но требующие винительного падежа, войдя в русский язык, принимали с течением времени то же управление, что и оригинальные русские глаголы, например: *командовать кем-чем, дирижировать кем-чем.*

Так вы *ничем* и не *командуете*, Василий Иванович? *Ничем-с.* (Станюкович, ССРЛЯ 5 : 1220). Сами по себе живем: таким манером, Глеб ли, другой ли хозяин, *командовать нами* не может никто (Григорович, ССРЛЯ 5 : 1220). Тогда еще брат его, Степан Ворховской, *полком командовал*, отличился (Достоевский, Идиот 177). Весною ожидались какие-то славянские гости, и затеян был в честь их концерт, *дирижировать которым* должен был Балакирев (Римский-Корсаков, ССРЛЯ 3 : 801).

Когда-то эти глаголы требовали и в русском языке винительного падежа, как в французском языке, но это управление уже устарело:

Меня привлекал туда голос вахтенного, который *командовал постановку* какого-то паруса (Григорович, ССРЛЯ 5 : 1220). Управление *дирижировать оперу* уже устаревшее (ССРЛЯ 3 : 801).

2. Глаголы со значением *пренебрежения* требуют творительного падежа: *пренебрегать-пренебречь старым товарищем, брезгать-побрезгать учением, ничем не брезговать-побрезговать.* В русском языке встречаются два глагола иноязычного происхождения, которые, если употребляются в этом же значении, требуют того же падежа, как оригинальные русские глаголы: *неглижировать кем-чем, манкировать кем-чем:*

¹⁶Ср. также GÁLDI L., A szlavisztikai jövevényszó kutatás néhány problémája. A MTA Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei 12 (1958) 125—42.

Я ... решился остаться, хотя меня другие пациенты ждали. А вы знаете, *этим неглижировать* нельзя: практика от этого страдает (Тургенев, ССРЛЯ 7 : 781). ... потом спросила, когда я была последний раз в церкви, и так как я едва поняла ее вопрос, потому что *моим воспитанием* очень *неглижировали*, то княжна пришла в ужас (Достоевский, Нет. Незв. 131).

Иногда *неглижировать* требует винительного падежа, как и в языке-источнике:

Зачем же из-за водки *другие статьи* буду *неглижировать* (Салтыков, ССРЛЯ 7 : 781).

Глагол *манкировать* во многих отношениях очень интересный. В зависимости от значения он требует разных падежей. В значении *пренебрегать* чем требует творительного падежа:

(Он) приобретет самоуверенность и наглость... и будет *манкировать своим делом*, зная, что не вы ему, а он вам нужен (Гоголь, ССРЛЯ 6 : 608). (Твинов) в жизнь свою не *манкировал ни одним визитом*, за что и имел в городе прозвание «визитника» (Батианов, ССРЛЯ 6 : 608). Все объясняется тем, что он боится *обязанностями манкировать*... Служба-с. Жалованье получает! (Эртель, ССРЛЯ 6 : 608). Я, конечно, *моим образованием манкировал*, но если он критикует, то ведь это перлы, перлы сыплются, ваше превосходительство! (Достоевский, Идиот 339).

В значении *пропускать что-либо* он требует винительного падежа:

Это меня огорчает, потому что срок получения писем от вас отдалается на неопределенное время, и я сам *манкирую какую-нибудь почту* (И. Аксаков, ССРЛЯ 6 : 608).

В значении *оказывать непочтительность, неуважение, отказаться в любезности* он требует дательного падежа.

Я тобой очень недовольна. Как ты можешь *манкировать Николаю Артемьевичу* (Тургенев, ССРЛЯ 6 : 608). Нет-с, позвольте, я хозяин-с, хотя и не желаю *манкировать вам* в уважении (Достоевский, Идиот 473). Никто и никогда не осмелится *вам манкировать*, пока я тут, пока я жив (Достоевский, Идиот 116).

Глагол *игнорировать*, хотя имеет оттенок значения *пренебрегать*, *неглижировать*, требует винительного падежа. Это объясняется тем, что *игнорировать* стоит ближе по значению к глаголам *умышленно не замечать кого-то*, *пропускать что-либо*.

Дело принимало слишком обширные размеры, и уже невозможно стало *игнорировать его* (Добролюбов, ССРЛЯ 5 : 17). Доктор пил и молчал. Видимо, он *игнорировал окружающих* и не видел перед собой ничего кроме чая (Чехов, ССРЛЯ 5 : 17).

3. Глаголы *говорить*, *думать-подумать*, *заявлять-заявить*, *судить-посудить*, *толковать-потолковать* сочетаются с существительными по модели: глагол плюс предложный падеж с предлогом *о*. Глаголы иноязычного происхождения *трактовать*, *дискутировать*, *дискуссировать*, если употребляются в этом же значении, сочетаются по той же модели:

Вам о деле говорят, а вы, — бог знает *о чем* ... *трактуете* ... (Достоевский, Село Степ. 497—498). Он был вольнодумец и атеист старого покроя, а потому любил *потрактывать и о высоких материях* (Достоевский, Село Степ. 417). Одна книга *трактовала о германской цивилизации*, другая — *о Франции и ее элементах* развития (Герцен, ССРЛЯ 15 : 799).

Если *трактовать* употребляется в значении *рассматривать, расценивать, характеризовать кого-то каким-либо образом, относиться к кому-то каким-либо образом*, то требует винительного падежа:

... не всякой же мелюзге оказывать покровительство (Анна Андреевна). Вы слышали, как она *трактует нас?* (Жена Коробкина) (Гоголь, Ревизор 86). Он *их трактовал*, как мебель или вещь не очень нужную, но к которой он привык (Герцен, ССРЛЯ 15 : 799).

В значении *угощать, кормить: трактовать кого чем:*

Главнокомандующий... *трактовал* у себя *весь генералитет* и *всех лучших людей обеденным столом* (Болотов, ССРЛЯ 15 : 799). Лет 10 тому назад можно было бы *дискутировать о том*, можно ли у нас строить социализм или нет (Сталин, ССРЛЯ 3 : 806).

4. Глагол *обращаться-обратиться* требует дательного падежа с предлогом *к* и творительного падежа с предлогом *с*: *обращаться к кому-нибудь с просьбой*. Глагол иноязычного происхождения, *адресоваться* сочетается по такой же модели, если употребляется в этом же значении:

Все *к нему адресовались с вопросами*, все желали говорить с ним (Боярщин, ССРЛЯ 1 : 58). Взошла т-те Сили и за ней пожилая худенькая, подвижная француженка, которая *адресовалась с чрезвычайным красноречием к хозяйке* дома (Герцен, ССРЛЯ 1 : 58). ... при появлении эпиграммы Фиглярин, вот поляк примерный, он так огорчился, что прямо *адресовался к государю со слезной жалобой* на меня (Пушкин, СЯП 1 : 29).

Если *адресоваться* употребляется в значении *направляться, посылаться, посылать куда-то*, как и действительный глагол *адресовать*, то требует винительного падежа с предлогом *в* или *на*, или дательного падежа.

Адресуйте же ваши стихи в Москву на Молчановку (Пушкин, СЯП 1 : 29). Жалобы *адресуются* непосредственно *в правление* или *заведующему* (Ушаков 1: 16). Письма *Кате адресовались* на имя одной подруги (Мамин Сибиряк, ССРЛЯ 1 : 58).

Глагол *апеллировать* в значении *обращаться к кому-нибудь* сочетается по той же модели, как глагол *обращаться*:

Костя, если не соглашался с нею (сестрой), то всегда почти шел *апеллировать к Коле Красоткину*, и уж как тот решал, так оно и оставилось в виде абсолютного приговора для всех сторон (Достоевский, ССРЛЯ 1 : 163).

Если *апеллировать* употребляется в значении *подавать жалобу* в высшую инстанцию на решение низшей, то сочетается в предложении, как выражение *подавать жалобу*. Предлог *в* обозначает направление действия.

(В средние века) каждый землевладелец и каждая городская община имели свой суд и расправу, *апеллировать на их решения* можно было в королевские президиальные суды (Писарев, ССРЛЯ 1 : 162).

5. Глаголы сообщения *докладывать-доложить, доносить-донести, сообщать-сообщить, свидетельствовать* требуют дательного падежа и предложного падежа с предлогом *о*: *сообщить кому о чем*. Глаголы иноязычного происхождения *рапортовать, телефонировать*, так как имеют значение сообщения, сочетаются по той же модели:

Ростов, подъехав к Багратиону, *рапортовал ему* и присоединился к адъютантам (Л. Толстой, ССРЛЯ 12 : 591). Иван Кузьмич не почел за нужное *рапортовать о моем поединке* (Пушкин, ССРЛЯ 12 : 591). (Непременный член приказа) отправляется к губернатору *рапортовать о состоянии* богоугодных заведений (Герцен, ССРЛЯ 12 : 592).

В конце дня ... командиры *рапортуют* руководителю педагогической части о состоянии своего отряда (Макаренко, ССРЛЯ 12 : 592).

Рапортовать с приставкой *от* употребляется и в значении сказать что-либо:

Первым удовольствием, я думаю, почел матери это *отрапортовать*, как только к нам переехал (Достоевский, Идиот 534). Вчера утром, — *отрапортовал* Келлер, — мы имели свидание с обещанием честного слова сохранить секрет с обеих сторон (Достоевский, Идиот 330—331).

Отрапортоваться употребляется в значении объявить себя каким-либо:

Вы сейчас сказали: «*отрапортуюсь* больным»; откуда вы берете в самом деле такие выражения? ... Виноват, это тоже школьное слово; не буду (Достоевский, Идиот 595).

Глагол *телефонировать* сочетается по модели *сказать кому-либо что*, или *сказать кому-либо* плюс придаточное предложение:

Телефонируйте ему, что заседание отменяется (Ушаков 4 : 672).

Телефонировать требует вместо дательного падежа винительного падежа с предлогом *в* для обозначения направления, как и глагол *апеллировать*.

Будьте добры, тотчас же по прочтении сего письма, *телефонировать* в контору, чтобы отсюда послали в редакцию «Северного вестника» 400 руб. (Чехов, ССРЛЯ 15 : 220).

6. Глаголы извещения *извещать-известить*, *оповещать-оповестить*, *уведомлять-уведомить* сочетаются по модели: глагол плюс винительный падеж плюс предложный падеж с предлогом *о*. Глагол *информировать* — имея то же значение — сочетается по той же модели:

Когда все офицеры были в борьбе, Алексеев коротко *информировал их о случившемся* и предложил тотчас же отправиться на эскадру (Степанов, ССРЛЯ 5 : 419).

7. Глагол *обеспечивать-обеспечить* требует дательного и винительного падежа: *обеспечить кому что*. Глагол иноязычного происхождения *гарантировать* требует этих же падежей, если употребляется в этом же значении:

Советская власть ... *гарантировала* всем народам полное равноправие (Шверник, ССРЛЯ 3 : 35). Нужно изыскать такие меры, которые *гарантировали бы* нам постоянную, более или менее определенную цифру дохода (Чехов, ССРЛЯ 3 : 35). В этом я могу вам *полне гарантировать*, что не показала (Достоевский, Идиот 101—102).

Этот же глагол в значении *защищать* сочетается по модели: *защищать кого от чего*:

Я *гарантирую вас от всяких неприятностей* (Ушаков 1 : 541).

8. Глаголы *совпадать-совпасть*, *соглашаться-согласиться* требуют творительного падежа с предлогом *с*. Глагол иноязычного происхождения *гармонировать* сочетается по той же модели, так как имеет то же значение:

Обыкновенно бледное и задумчивое лицо ее, так все время не *гармонизировавшее с* *давешним как бы напускным ее смехом* (Достоевский, Идиот 135—136). [Они] смотрели, однакоже, важно и видимо боялись как-нибудь уронить достоинство, что странно не *гармонизировало с их репутацией* отрицателей всех бесполезных светских мелочей (Достоевский,

Идиот 293—294). . . и вместе с тем что-то страстное, до страдания, не гармонизировавшее с нахальной и грубою улыбкой и с резким, самодовольным его взглядом (Достоевский, Идиот 6).

9. Глагол *предлагать-предложить* требует дательного и винительного падежей без предлога (предлагать покупателю книгу), винительного без предлога и винительного с предлогом *в* (предлагать его в депутаты), винительного без предлога и винительного с предлогом *за* (предлагать его за образованного человека). Глагол иноязычного происхождения *рекомендовать* требует этих же падежей и предлогов, если употребляется в этих же значениях.

Настасья Филипповна, можно *рекомендовать вам, это драгоценный субъект*, хоть я и сам только с утра знаком (Достоевский, Идиот 121). . . вот я *рекомендую тебе, Фома, мой племянник* (Достоевский, Село Степ. 500). Ну, положим, я *рекомендую ее в гувернантки*, найду такую честную и благородную фамилию (Достоевский, Село Степ. 557). Спрашиваю Вас потому, что дорожу мнением истинно умных людей, а не каких-нибудь проблематических умников, которые умны потому только, что их беспрестанно *рекомендуют за умников, за ученых* (Достоевский, Село Степ. 502). Совсем потерявшийся Ганя *отрекомендовал ее* сперва *Варе* (Достоевский, Идиот 119). *Мне* давеча сам Иван Федорович *отрекомендовал*, — сказал князь (Достоевский, Идиот 99). Проходя мимо первой комнаты, он остановился и *отрекомендовал Б. трактирщикам и публике* как первую и единственную скрипку в целой столице (Достоевский, Неточка Незв. 76—77).

Возвратный глагол *рекомендоваться* употребляется без дополнения:

Генерал Иволгин, имею честь *рекомендоваться* (Достоевский, Идиот 277). Я его до этих пор и не знал совсем; сам приехал, *отрекомендовался* (Достоевский, Село Степ. 460).

10. Глагол *срамить-осрамить* сочетается в предложении по модели: *срамить кого чем или в чем*. Заимствованный глагол *компрометировать-скомпрометировать*, имея то же значение, сочетается по этой же модели:

Как только я прочел, она сказала мне, что вы ее ловите; что вы желали бы *ее компрометировать* (Достоевский, Идиот 100). Что же касается Афанасия Ивановича, то, конечно, он *себя компрометировать в таких приключениях* не мог (Достоевский, Идиот 181). Вам-то уж можно приехать ко мне, *никого не компрометируя* (Достоевский, Идиот 125). Я всегда боюсь *моим смешным видом скомпрометировать* мысль и главную идею (Достоевский, Идиот 624). Этот человек уверяет, — резко сказала Аглая, когда князь кончил читать, — что слово «разорвите все» *меня не скомпрометирует*. . . (Достоевский, Идиот 98).

11. Глаголы *отступать-отступить, устраняться-устраниться* куда-нибудь сочетаются по модели: *отступать в что, за что, к кому, к чему*. Глагол иноязычного происхождения *ретироваться-отретироваться* сочетается по этим же моделям, так как имеет это же значение:

Птыцин, человек вежливый и чрезвычайно уживчивый, очень скоро встал и *отретировался во флигель к Лебедеву*, весьма желая увести с собой и самого Лебедева (Достоевский, Идиот 279). . . в первое мгновение до того были обескуражены, что стали даже понемногу *ретироваться обратно, в другую комнату* (Достоевский, Идиот 184). Преследуемая красной кавалерией, банда вынуждена была спешно *ретироваться за кордон* (Н. Островский, ССРЛЯ 12 : 1254).

12. Глаголы *бороться, восставать-восстать* требуют родительного падежа с предлогом *против*. Заимствованные глаголы *интриговать, протестовать*,

так как обозначают действие, проявляющееся против кого-то, сочетаются по этой же модели:

Этот Лебедев *интригует против Вас*, князь, ей-богу! (Достоевский, Идиот 664). ... у него была неперменная привычка приходить всегда каяться к тем, *против кого он интриговал*, и особенно если не удавалось (Достоевский, Идиот 664). ... негодовал даже Келлер, до того времени как выбран был в шафера, не говоря уже о самом Лебедеве, который даже *начал интриговать против князя* (Достоевский, Идиот 653). ... он для чего-то указал мне рукой на комнату, как бы *протестуя против своего теперешнего положения* (Достоевский, Идиот 453). По правде, мне хотелось хоть *чем-нибудь протестовать против всеобщего мнения* (Достоевский, Село Степ. 480).

13. Глагол *рукоплескать* требует дательного падежа: *рукоплескать кому-чему*. (Это управление, может быть, объясняется влиянием глаголов, выражающих душевные переживания, чувства, направляемые на кого-либо, на что-либо, напр. *радоваться, сочувствовать кому-либо, чему-либо*.) Заимствованное слово *аплодировать* употребляется в этом же значении, и сочетается по этой же модели.

... о, вы часто встретите у нас либерала, *которому аплодируют* (Достоевский, Идиот 379). ... *аплодирую тому*, кто сбил своего противника (Пушкин, СЯП 1 : 43). Говорил (инженер) взволнованно и горячо, и *ему долго аплодировали* (Крымов, СРЯ 1 : 36).

14. Глагол *сочувствовать* сочетается по модели: *сочувствовать кому, чему*. Заимствованный глагол *симпатизировать*, имея этот же оттенок значения, тоже требует дательного падежа:

Я знаю Лопатина много лет и, кажется, искренно *симпатизирую этому талантливому юноше*. (Гаршин, ССРЛЯ 13 : 814). *Чему симпатизирует* общество? чего он желает? к чему стремится его мысль? (Салтыков, ССРЛЯ 13 : 814).

15. Глаголы *следовать-последовать* в значении поступать подобно кому-н., *подражать, помогать-помочь* требуют дательного падежа. Глагол *аккомпанировать*, имея этот же оттенок значения, сочетается по этой же модели:

(Отец) любил музыку, певал, *аккомпанируя себе на фортепиано*, романсы приятеля своего (А. Л. Толстой, ССРЛЯ 1 : 74). Я еще не так это спел, как бы следовало. Но как вы *мне аккомпанировали*, боже мой! Я вас уверяю, никто *мне так не аккомпанировал* (Тургенев, ССРЛЯ 1 : 74).

Интересно заметить, что глаголы иноязычного происхождения *имитировать, копировать*, хотя имеют это же значение, не сочетаются в предложении по этой модели, а сочетаются по модели языка-источника:

Штральман прекрасно *имитировал фонограф*, изображая итальянскую оперу и подражая животным (Куприн, ССРЛЯ 5 : 301). В одной поэме «О строптивом Новгороде» он *имитирует стиль и язык* 12 века... Он также подражает поэтам 18 века (Брюсов, ССРЛЯ 5 : 301). По утрам... в санатории голосисто кричал петух. Эндер идеально *его копировал* (Н. Островский, ССРЛЯ 5 : 1390).

Глагол *атаковать* тоже не сочетается по русской модели, потому что глагол такого же значения *нападать-напасть* требует винительного падежа с предлогом *на*, а глагол *атаковать* винительного падежа без предлога:

Я уверен был, что Видоплясов и вас атакует (Достоевский, Село Степ. 534). На другой день, однако ж, турки атаквали этеристов (СЯП 1 : 53).

Имена существительные иноязычного происхождения

1. Имя существительное *история* имеет разные значения, и в зависимости от значения сочетается по различным моделям. *История* может обозначать:

а) Закономерное развитие, последовательный ход развития; то есть развитие чего-нибудь:

Маркс и указал путь к научному изучению *истории*, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса (Ленин, ССРЛЯ 5 : 552). В *истории русской образованности* Пушкин занимает такое же место, как и в *истории русской поэзии* (Чернышевский, ССРЛЯ 5 : 552).

б) Отдаленное время с его событиями, прошлое; наука, изучающая ход развития человеческого общества:

Для П. И. Бартенева много из того, что мы считаем «*историей*», что для молодежи наших дней располагается чуть ли не на одной плоскости со временами Ивана Грозного, — было самой простой современностью (Брюсов, ССРЛЯ 5 : 552). *История* представляет его честолюбцем, закоренелым в коварствах и злодеяниях (Пушкин, ССРЛЯ 5 : 553).

в) Наука, изучающая ход какой-либо области природы или культуры: *история русского языка*, *история человечества* и т. д.:

Биографические сведения и разыскания любопытны, полезны и даже необходимы, как материал для *истории нашей литературы* (С. Аксаков, ССРЛЯ 5 : 553).

Эти предложения показывают, что если *история* употребляется в значении *ход развития чего-нибудь*, *прошлое чего-нибудь*, тогда сочетается с родительным падежом (родительный идентичности).

г) Повествование, рассказ. Если существительное *история* употребляется в значении *рассказ*, *повествование*, то оно требует предложного падежа с предлогом *о*, то есть сочетается по модели глаголов *рассказывать* — *рассказать*, *говорить о ком*, *о чем*.

О глупая *история*, не стоит и повторять: из-за гувернантки княгини Белоконой, мистрис Шмидт, но . . . не стоит и повторять (Достоевский, Идиот 126). Что за люди! Без дальних я *историй* скажу тебе: во-первых князь Григорий!! (Грибоедов, Горе от ума 178). Вот с чего взялась вся эта *история о французском языке* (Достоевский, Село Степ. 491). Стало быть, *история о том*, как заряжают пистолет, могла быть и не случайная (Достоевский, Идиот 409). У меня был маленький карманный пистолет, я завел его, когда еще был ребенком, в тот смешной возраст, когда вдруг начинают нравиться *истории о дуэлях* (Достоевский, Идиот 467). Все принялись рассказывать одну и ту же *историю*, на тысячу разных вариаций *о том*, как один князь, произведя скандал в честном и известном доме . . . (Достоевский, Идиот 648).

д) Приключение, случай. В этом значении *история* требует творительного падежа с предлогом *с*, то есть сочетается по модели глаголов *случаться* — *случиться*, *происходить* — *произойти* что-либо с кем-либо, с чем-либо.

Как нарочно случилось так, что на другой же день после *истории с Мартыновым мылом* . . . (Достоевский, Село Степ. 492). Не знаю, продолжать ли мне теперь после *истории с Варей* (Достоевский, Идиот 356). [Марк] вышел в отставку, жил в Москве, попал в какую-

то историю и вот теперь прислан сюда... под присмотр полиции (Гончаров, ССРЛЯ 5 : 554). Спотыкаясь на словах, он рассказывал истории из своей солдатской жизни (Горький, ССРЛЯ 5 : 554). Я вам оставлю свой адрес на случай, если выйдет история (Тургенев, ССРЛЯ 5 : 554).

Есть и другие существительные иноязычного происхождения, которые употребляются в значении *случай* точно так, как *история*. Эти существительные тоже требуют творительного падежа с предложением с :

... у меня в голове все перепуталось, стало неясно, как сон, и мне припоминается резко только этот эпизод с Варей и хочется написать: бедная Варя! (Чехов, Учитель словесности 396). Потом мне рассказали о давнем *пассаже с нею и с тобой* (Достоевский, Идиот 407). Со мной были страшные авантюры (Вяземский, ССРЛЯ 1 : 27). Ты знаешь, — у нее роман с моим писмоводителем, это факт (Горький, ССРЛЯ 12 : 1444).

2. Имя существительное *увертюра*, когда попало в русский язык, сочеталось по французской модели — *ouverture de la musique*. Это объясняется тем, что увертюра воспринималась, как часть какой-то оперы: часть, отрывок из оперы:

Оркестр проиграл увертюру из «Свадьбы Фигаро»... Занавес поднялся: пьеса началась (Тургенев, ССРЛЯ 16 : 120).

Позже этот оттенок значения изменился, *увертюра* приняла общее значение *вступления, введения*, и поэтому она сочеталась в предложении, как слово *вступление*, по той же модели. Но к этому времени и в этих словах развилось иное значение: значение предисловия, и они стали сочетаться с зависимыми от них существительными по модели существительного *предисловие* : *предисловие к чему-н., введение к статье, вступление к докладу, увертюра к чему-н.*

Концерт окончился увертюрой к опере «Нюрнбергские певцы» Вагнера (А. Бородин, ССРЛЯ 16 : 120). Первые две картины — игорный дом и маскарад — я понимаю как увертюру, как пролог к пьесе (Юрьев, ССРЛЯ 16 : 120). Единство темы любви и темы общественной, производственной, окрашивает повесть с самого начала, с первых строк первой главы, являющееся увертюрой к произведению (Ермилов, ССРЛЯ 16 : 120).

3. Есть несколько существительных иностранного происхождения, которые сочетаются по модели глаголов, имеющих такое же значение. Например, существительное *визит* сочетается по модели глагола *идти, ходить к кому-н.* : *визит к кому-н.* :

Во всяком случае, он ждал от нее скорее насмешек и колкостей над своим семейством, а не *визита к нему* (Достоевский, Идиот 119). Этот *визит к Рогожину* очень утомил меня (Достоевский, Идиот 462). В высшей степени «готовых» опять-таки никого из них не было, как и давеча, вследствие стараний самого Рогожина, имевшего целый день в виду свой визит к Настасье Филипповне (Достоевский, Идиот 183).

Таковыми же являются существительные иноязычного происхождения: *рапорт, депеша, телеграмма*. Все эти существительные имеют значение *сообщение, донесение*, и поэтому они сочетаются по модели глаголов *сообщить, донести кому-н.*

4. Когда слово *роль* вошло из французского языка в русский язык, заключало в себе разные возможности значения. Эти значения позже стали более определенными, и таким образом слово *роль* по значению стало сближаться с разными словами, которые имели свои собственные синтаксические поля. Из этих разных синтаксических полей слово *роль* сформировало свое синтаксическое поле. В современном русском литературном языке *роль* имеет следующие значения:

а) *изображение, образ кого-нибудь* (родительный п. идентичности):

До третьего акта ей нечего было делать, и *ее роль гостыи*, провинциальной кумушки, заключалась лишь в том, что она должна была постоять у двери, как бы подслушивая, и потом сказать короткий монолог (Чехов, ССРЛЯ 12 : 1440);

б) *какая-либо работа, какое-либо задание*, в котором проявляется характер человека:

Бабушка была, по прежнему, хлопотлива, любила повелевать, распоряжаться, действовать, ей *нужна была роль*. Она век свой делала дело, и если не было, так выдумывала его (Гончаров, ССРЛЯ 12 : 1440). Ленин правильно указал путь борьбы рабочего класса, определил его *роль*, как передовой революционной силы общества, определил *роль крестьянства*, как союзника рабочего класса (Ушаков 3 : 1381). Как изменилась Татьяна! как твердо *в роль свою вошла* (Пушкин, Онегин 221). Ему принадлежит *большая роль* в этом деле (Ушаков 3 : 1381);

в) *какая-либо игра*. Именно из-за этого значения может сочетаться с глаголом *играть что-либо* (винительный падеж осуществления):

За столом она держалась очень чинно, почти чопорно, едва отведывала кушанья и пила водки из рюмки. Ей явно хотелось *разыграть* передо мной *новую роль, роль приличной и благовоспитанной барышни* (Тургенев, ССРЛЯ 12 : 1441).

В этом предложении словосочетание *роль приличной и благовоспитанной барышни* представляет собой *идентичность*, но с переносным значением. Расширяя таким образом свой круг значений, слово *роль* стало употребляться в разных выражениях с переносным значением: *брать-взять роль кого-нибудь* (выполнять чьи-либо обязанности), *знать свою роль* (действовать уверенно), *выдержать роль* (мастерски сыграть роль), *выходить-выйти из роли* (перестать притворяться) и пр.

Все это показывает, что слово *роль*, попавшее в русский язык, сделало возможным, чтобы разные синтаксические поля сближались друг с другом. Таким образом вариация синтаксических связей стала богаче.

5. Имена существительные, обозначающие какое-то чувство, сочетаются по модели: *стремление, расположение, охота, любовь, уважение к кому, к чему*. Существительные иноязычного происхождения, если употребляются в этом значении, сочетаются по этой же модели: *интерес, симпатия, антипатия, мания, апатия к кому, к чему*.

Удивлял меня этот их напряженный *интерес к болезням, к боли и к всему неприятному* (Горький, ССРЛЯ 5 : 395). У Лизаветы Прокофьевны была *какая-то необъяснимая сострадательная симпатия к Александре Ивановне* (Достоевский, Идиот 372). Я его

глубоко чувствую, и как ни грязен он, но во мне все-таки не заглохла к нему симпатия (Достоевский, Неточка Незв. 105). . . я уже несколько лет его знаю, и всегда питала к нему непонятную симпатию (Достоевский, Дядюшкин сон 313). Нельзя было взглянуть на нее, не почувствовав к ней глубокой симпатии (Достоевский, Неточка Незв. 173). . . в них отражалось всегда такое глубокое чувство симпатии ко всему (Достоевский, Неточка Незв. 180). . . только в эту минуту осмыслила я начало своей необъяснимой антипатии к этому человеку (Достоевский, Неточка Незв. 210). И если до сих пор в отношениях со мною изменяла она себе, то я объясняю все это непостижимой антипатией ко мне (Достоевский, Неточка Незв. 150). Разумеется, не сумасшедшая, потому что еще не сидит в сумасшедшем доме; притом же в этой мании к амурным делам, я, право, не вижу особенного сумасшествия (Достоевский, Село Степ. 540). Чувствовать полнейшую апатию к делу (Ушаков 1 : 48).

Если слово *мания* употребляется не в этом значении, тогда сочетается по другому: *мания чего* (родительный идентичности).

У меня мания преследования, постоянный мучительный страх (Чехов, Палата № 6, 150). О чем он говорит? . . . Он говорит про себя: — Я, как Моисей! — значит у него мания величия (Горький ССРЛЯ 6 : 607).

6. В русском языке встречается несколько слов иноязычного происхождения, которые когда-то имели одну определенную модель сочетания, но позже под влиянием других слов, стоящих близко к ним по значению, стали сочетаться по другой модели.

Слово *процесс*, обозначающее ход какого-либо явления, ход развития, сочеталось по модели: *процесс чего-то* (родительный идентичности):

Ему нравилось . . . самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово (Гоголь, Мертвые души 273). Рядом с *процессом постепенного развития* идей гуманных наблюдается и постепенный рост идей иного (Чехов, ССРЛЯ 11 : 1533).

Но позже это слово стало употребляться в значении: разбор судебного дела, самое судебное дело, т. е. *суд*. Под влиянием этого значения слово *процесс* сочеталось по другой модели: *процесс о наследстве, процесс над кем (суд над кем)*.¹⁷

Слово *инспектор* вначале требовало родительного падежа без предлога:

Я, — начал посетитель с убийственной медлительностью: — инспектор врачебной управы NN, доктор медицины, Крупов (Герцен, ССРЛЯ 5 : 372). Должность инспектора классов (исправлял) старший учитель российской словесности, Лев Семеныч Левитский (С. Аксаков, ССРЛЯ 5 : 372).

Но в наши дни это же слово часто требует дательного падежа с предлогом *по*: *инспектор по труду*.¹⁸

Слово *дискуссия* прежде требовало предложного падежа с предлогом *о*, как и слово *диссертация*.

¹⁷ Н. Н. Прокопович, Словосочетание в современном русском литературном языке. Москва 1966, 181.

¹⁸ Н. Н. Прокопович, там же 185.

Его диссертация о классицизме, о романтизме имела огромный успех и сразу сделала ему имя в ученой литературе (Гончаров, ССРЛЯ 3 : 809).

Позже оно стало сочетаться по модели: *дискуссия по чему-то* :

В кружках разворачивались горячие товарищеские дискуссии как по злободневным вопросам, так и по прочитанным книгам (Калинин, ССРЛЯ 3 : 809).

Слово *дискриминация* прежде сочеталось по модели: *дискриминация в отношении кого*, а сегодня уже чаще: *дискриминация против кого*.¹⁹

Оборот *контроль за чем-либо* в публицистическом стиле встречается вместо более традиционного *контроль над чем-либо*. Это объясняется влиянием модели сочетания глаголов *смотреть, следить, наблюдать за кем-либо*, так как семантически стоят близко друг к другу.

... важнейшим условием укрепления и умножения общественной собственности является жесткий общегосударственный учет и контроль за производством ... (Большевик 1952, № 15 : 15).²⁰

Имена прилагательные иноязычного происхождения

1. Имена прилагательные *опытный, успешный, бывалый, сведущий, осведомленный* сочетаются по модели: *осведомленный в чем-либо*. Заимствованное слово *компетентный*, имея этот же оттенок значения, сочетается по той же модели:

Нет, я хочу знать, почему вы в деле уразумения, презрения к страданиям и прочее считаете себя *компетентным* (Чехов, Палата № 6, 156).

2. Прилагательные *соразмерный, соответствующий* требуют дательного падежа. Прилагательные иноязычного происхождения *пропорциональный, адекватный* употребляются в этом же значении, и сочетаются тоже по модели: *пропорциональный чему, адекватный чему* :

... но благовоение и нему «осчастливленных» не только не уменьшалось, но даже каждодневно возрастало *пропорционально* его капризам (Достоевский, Село Степ. 632). У него было небольшое лицо и прекрасная *пропорциональная* лицу, голова, с густыми, кудрявыми волосами (Гончаров, ССРЛЯ 11 : 1291). Генерал жил во втором этаже и занимал помещение по возможности скромное, хотя и *пропорциональное* своему значению (Достоевский, Идиот 20).

Наречие *пропорционально* требует или дательного падежа, или творительного с предлогом *с* :

Сумма событий и фактов росла *пропорционально с уничтожением* метафизических призраков (Герцен, ССРЛЯ 11 : 1292). У Гани душа черная, алчная, нетерпеливая, завистливая, и необъятно, не *пропорционально ни с чем* самолюбивая (Достоевский, Идиот 58).

¹⁹ Н. Н. Прокопович, там же 185.

²⁰ Г. И. Рихтер, Наблюдения над первообразными предложениями и предложными конструкциями в современном русском литературном языке. Русский язык в школе 1955, 6 : 14.

Пропорционально в этих случаях сочетается по модели наречия *размерно с чем*. Хотя и сочетание *размерно чему* часто встречается.

Форма, *адекватная содержанию*. Перевод, *адекватный оригиналу* (ССРЛЯ 1 : 60). Подыскать *адекватное выражение* своей мысли (Ушаков 1 : 17).

3. Прилагательные *привлекательный, обаятельный, приятный* сочетаются в предложении по модели: *привлекательный, приятный кому*. Имена прилагательные такого же значения *симпатичный, интересный* употребляются по той же модели:

Как я могу убедить дикого утенка, живущего в неволе и ненавидящего меня, что он мне *симпатичен* и что я сочувствую его страданию? (Чехов, Жена 31). Мы только указываем нашим товарищам направление, в котором нужно искать решения *интересных* или революционных вопросов (Плеханов, ССРЛЯ 5 : 397).

Если прилагательное *симпатичный* употребляется в значении *расположенный к чему, к кому*, то оно сочетается по модели этого же прилагательного:

Пресса *ко мне так же симпатична*, как и музыканты и публика (Чайковский, ССРЛЯ 13 : 815). Грозилась ему на губах ее улыбка, не страстная, глаза, не влажные от желаний, а улыбка, *симпатичная к нему, к мужу*, и снисходительная ко всем другим (Гончаров, ССРЛЯ 13 : 82).

4. Прилагательные *важный, значительный* сочетаются в предложении: *важный, значительный для кого, чего*. Прилагательное *капитальный*, если употребляется в значении *очень важный*, требует тоже родительного падежа с предлогом *для*:

А для нашего героя это посещение заключило в себе нечто даже *капитальное* (Достоевский, Идиот 346).

5. Прилагательное *показательный* сочетается по модели: *показательный для кого, чего*. Прилагательные иноязычного происхождения *характерный, типичный* употребляются по этой же модели:

Обаяние этого человека шло от его простоты... от непоколебимой уверенности в правоте своего дела, которая так *характерна для людей*, всю свою жизнь посвятивших революционной борьбе (Н. Островский, ССРЛЯ 17 : 45). В музейных костюмах есть тонкости в линиях и в кройке, которых не улавливают обычные портные, но которые, однако, более всего *типичны для эпохи* (Станиславский, ССРЛЯ 15 : 450). Ходил фотографировать Малиновый ключ, чрезвычайно *типичный для южно-приморской тайги* (Пришвин, ССРЛЯ 15 : 450).

Выводы

1. Хотя по мнению некоторых лингвистов у слова нет какого бы то ни было лексического значения,²¹ нам все-таки кажется, что собственное лексическое значение слова — это важнейший компонент сущности слова. Ведь

²¹ Л. Ельмслев, Пролегомены к теории языка. Новое в лингвистике, вып. 1, Москва 1960, 303—304.

семантический анализ групп словосочетаний²² показывает, что индивидуальное значение их компонентов играет первичную роль в образовании отдельных словосочетаний. Влияние же конкретной семантики управляющего слова очевидно показывается в случаях семантической аналогии: *развитие к чему-либо* по аналогии с *движение к чему-либо*, *непримиримость к чему-либо* по аналогии *непримиримое отношение к чему-либо*, *восстание за что-либо* по аналогии *борьба за что-либо*, *обусловленность от чего-либо* по аналогии *зависимость от чего-либо* и д.²³

Процессы формального сближения слов т. е. появление у них одинаковых форм сочетаемости обусловлены их смысловым сближением. Следы этих процессов встречаются и в художественных произведениях: *Я был так рад успехом, что, поблагодаря наскоро главнокомандующего, побежал в палатку, в которой содержался Аммалат-бек* (рад чем-либо по аналогии доволен чем-либо).²⁴ Эти ассоциации синтаксического употребления слова оказывают обратное действие на значение данного слова, т. е. способствуют дифференциации значения слова.

Если и среди исконно русских слов встречаются грамматические, синтаксические интерференции из-за сходного значения разных групп слов, гораздо сильнее действует этот закон ассимиляции в области заимствованных слов. Ведь у иноязычного слова, вошедшего в русский язык, все неопределенное: и грамматическая форма и значение. Оторвавшись от языка-источника, грамматическая структура этого языка не так сильно влияет на слово, как грамматическая структура заимствующего языка. Наши примеры показывают, что в формировании значений и синтаксического поля данного иноязычного слова первичную роль всегда играло то значение, в котором попало иноязычное слово в русский язык, или которое впервые придали ему в русском языке. Все собранные нами заимствованные слова сочетались в предложении по модели тех исконно русских слов, с которыми семантически можно было сближать данное слово, например *командовать*, *дирижировать*, *рапортовать*, *телефонировать*, *адресоваться* и д.

Так как заимствованные слова вначале не имели определенного круга значений, главным образом слова абстрактного значения, возникшие позже значения данного слова обособлялись.²⁵ Эти отдельные значения требовали отдельных моделей сочетания, соответствующих этим значениям. Так, например, в зависимости от значения: *манкировать чем-либо, что-либо, кому-либо*; *трактовать о чем-либо, что-либо, чем-либо*; *история чего-либо, о чем-либо, с чем-либо*; *адресоваться к кому-либо, на что-либо*. В этом отно-

²² Д. Н. Шмелев, Очерки по семасиологии русского языка. Москва 1964, 190.

²³ Г. И. Рихтер, там же 15.

²⁴ Д. Н. Шмелев, там же 191.

²⁵ Л. А. Новиков, там же 9.

шении представляется интересным глагол *церемониться*. Словари знают только управление *церемониться с кем-либо*:

Не церемонитесь со мной. Я люблю слушать правду (Чехов: Ушаков, IV, 1220).
Нет, совершенно напрасно было церемониться с теми господами, которые сами не церемонились с Пушкиным и Гоголем (Добролюбов, ССРЛЯ 17 : 663).

Но у Достоевского встречается модель: *церемониться кого-либо*:

Князя он не церемонился нимало, точно был один в своей комнате, потому что в высшей степени считал его за ничто (Достоевский, Идиот 100).

Здесь значение глагола *церемониться кого*, может быть, *стесняться кого*.

Хотя грамматическая структура заимствующего языка сильнее действует на синтаксическое поле заимствованного слова, чем язык-источник, влияние последнего чувствуется у нескольких слов и в синтаксическом отношении, например, глагол *командировать* вначале требовал и винительного падежа, *дирижировать* тоже по аналогии с оригинальной французской моделью: *diriger un orchestre, diriger une opera*. Существительное *увертюра* тоже долго сочеталось по модели языка-источника: *увертюра чего* вместо *увертюра к чему-либо*.

Есть глаголы иноязычного происхождения, которые до наших дней сохранили модель сочетания языка-источника: *имитировать, копировать, атаковать*. Это объясняется тем, что эти слова как интернационализмы и в других языках требуют винительного падежа, и эта модель сильнее является более действенной, чем модель заимствующего языка, то есть эти слова нельзя считать вполне освоенными в русском языке.

Обогащение значения иноязычного слова идет медленно и под влиянием таких групп слов, к которым семантически можно относить данное слово. Эта семантическая ассоциация вызывает у слова и грамматическую ассимиляцию. Таким образом, иноязычное слово образует свое синтаксическое поле за счет этих исконно русских слов. Например, слово *роль* можно было воспринимать как *какую-то работу, как игру, как образ чего-то, кого-то*. Именно поэтому слово *роль* может сочетаться с глаголами *выполнять роль* (выполнять работу), *играть роль* (играть какую-то игру), *выходить из роли* (из образа кого-то).

Если писатель использует какое-то заимствованное слово, для него всегда ясно, что он хочет выразить этим словом в данном случае. А для читателя не так легко распознать значение иноязычного слова. Это иногда выясняется и из художественных произведений, когда один из героев употребляет какое-то заимствованное слово, а другой не понимает его. У Достоевского встречаются такие случаи:

Насчет этого вчерашнего мальчика, предполагаете вы, князь? О нет-с; вчера мои мысли были в беспорядке... но сегодня я уже не предполагаю контрекаривовать хотя бы в чем-нибудь ваши предложения. — Контрека... как вы сказали? — Я сказал: контрекаривовать; слово французское, как и множество других слов, вошедших в состав русского

языка; но особенно не стою за него (Достоевский, Идиот 502). Знаете что: я лучше завтра совсем не приду! Отрапортуюсь больным, и кончено! — решил он, наконец... — Прекрасно сделаете. Вы сейчас сказали: «отрапортуюсь больным»; откуда вы берете в самом деле такие выражения? Что у вас за охота говорить со мной такими словами? ... — Виноват; это тоже школьное слово... (Достоевский, Идиот 595.)

Для читателя представляется два способа определить значение данного заимствованного слова: 1. из жизненной ситуации и из ситуации речи, 2. из контекста, в котором синтаксические отношения играют первичную роль. Например, в выше упомянутых предложениях значения слова *история* можно установить и из ситуации речи, и из синтаксического отношения. Из ситуации речи мы знаем, о чем идет речь, т. е. мы знаем, что слово *история* в этом случае может обозначать только *историю*, а в другом — *случай*. Из синтаксического отношения: *материал для истории нашей литературы* (*история* — это наша литература, т. е. отождествление), *история о французском языке* (рассказ), *начинают нравиться истории о дуэлях* (рассказ), *после истории с Варей* (случай, приключение).

2. «Особенностью славянских языков является наличие системы глагольных пар» — пишет Мейе.²⁶ Глаголы иноязычного происхождения дают нам интересные сведения о приспособлении этих глаголов к виду русских глаголов, «к системе глагольных пар». Если рассматриваем наши глаголы с точки зрения глагольных пар в словарях Ушакова и Ожегова, нам представляется следующий результат: Среди 24 рассмотренных глаголов встречается 12 двувидовых глаголов, т. е. такие глаголы, которые одной глагольной формой выражают все значения совершенных и несовершенных форм: *манкировать, адресоваться, апеллировать, рапортовать, телефонировать, информировать, гарантировать, рекомендовать, ретироваться, протестовать, атаковать, игнорировать*; 9 непарных глаголов, т. е. такие глаголы, которые имеют или только совершенный вид, или только несовершенный вид: *дирижировать, неглижировать, трактовать, дискутировать, аплодировать, симпатизировать, имитировать, аккомпанировать, гармонировать*; 3 парных глагола: *командировать-скомандировать, компрометировать-скомпрометировать, информировать-проинформировать*.

Но эти группы не так ярко отделяются друг от друга, так как среди двувидовых глаголов встречаются глаголы, у которых образуются видовые пары совершенного вида: *рапортовать-отрапортовать*. По мнению Ожегова, *отрапортовать* образуется лишь в том случае, если *рапортовать* обозначает: *представлять (-ить) рапорт о чем-н.* А если *рапортовать* употребляется в значении *сообщить о выполнении чего-нибудь*, встречается всегда без приставки *от-*. По мнению Ушакова *отрапортовать* не является коррелятивной парой к *рапортовать*, а как отдельный глагол совершенного вида находится в корреляции с глаголом несовершенного вида: *отрапортовыва-*

²⁶ А. Мейе, Общеславянский язык. Москва 1951, 228.

вать. Мы считаем, что глагол *отрапортовать* является отдельным от *рапортовать* глаголом, так как приставка *от-* в данном случае сохранила свое оригинальное финитивное значение, завершение и прекращение действия,²⁷ т. е. изменила оригинальное значение глагола *рапортовать*.

Таково же отношение между глагольными парами *ретироваться-отретироваться*, *парировать-отпарировать*. Приставка *от-* внесла в глагол *ретироваться* новый оттенок значения: *отдаление*, *отстранение от чего-либо*, а в глагол *парировать* — завершение и прекращение действия:

Это меня-то бесстыжею называют! — с пренебрежительною веселостью *отпарировала* Настасья Филипповна (Достоевский, Идиот 134).

В глагольной паре *рекомендовать-отрекомендовать* приставка *от-* иногда употребляется как приставка чисто видовая, пустая, а иногда она придает значение завершения действия:

Мне давеча сам Иван Федорович *отрекомендовал* [квартиру], сказал князь (Достоевский, Идиот 99). Проходя мимо первой комнаты, он остановился и *отрекомендовал* Б. *трактирщикам*, и *публике* как первую и единственную скрипку в целой столице (Достоевский, Неточка Незв. 77).

В глаголах *гармонировать-угармонировать*, *комплектовать-укомплектовать* приставка *у-* тоже не чисто видовая. Приставка *у-* указывает на то, что действие доводится до требуемого результата:

Тоцкий взял тоже свой бокал, надеясь *угармонировать* наступающий новый тон, придав ему по возможности характер милой шутки. (Достоевский, Идиот 163). . . . впрочем, он объявил, что остается у них единственно, чтоб *укомплектовать* свое образование (Достоевский, Идиот 347).

Приставка *с-* в глаголах *командировать-скомандовать*, *компрометировать-скомпрометировать* (в разговорной речи: *организовать-сорганизовать*) представляет себя чисто видовой, грамматической приставкой.

Приставка *про-* часто встречается в глаголах иноязычного происхождения: *информировать-проинформировать*, *экзаменовать-проэкзаменовать*. Приставка *про-* в этих глаголах является чисто видовой.

Из наших примеров вытекает, что глаголы иноязычного происхождения вообще двувидовые, т. е. одной формой выражают все грамматические значения данного глагола. Но это и естественно, ведь в языке-источнике нет системы глагольных пар. Образование видовых пар у этих глаголов случайное, осуществляется по аналогии с исконно русскими глаголами. Появление видовых пар у этих глаголов зависит от степени освоения, от приспособления этих глаголов к системе русских глаголов.

Глаголы, входящие в русский язык из западно-европейских языков, составляют самую большую, самую продуктивную группу двувидовых глаголов. Все эти глаголы оканчиваются на *-овать* (*-ировать*, *-изовать*, *-изи-*

²⁷ Грамматика русского языка. Изд. АН СССР, Москва 1953, 1 : 592.

ровать, -фицировать). По И. П. Мучнику²⁸ в толковом словаре Ушакова встречается 575 двувидовых глаголов, оканчивающихся на -овать. Из этих глаголов 30 оканчивается на -изовать, 375 — на -ировать, 70 на -изировать и несколько глаголов на -фицировать.

У двувидовых глаголов появляется тенденция образовывать видовые пары. Видовые пары образуются при помощи приставок и суффиксов. Суффиксальное образование непродуктивно: *арестовать-арестовывать*, *атаковать-атаковывать*, хотя этим путем образуются подлинные глагольные пары. Глагольные пары, образованные при помощи суффиксов, во многих случаях не являются коррелятивными глагольными парами, так как не совпадают по значению. В этих глаголах приставки вносят какой-то новый оттенок значения, который указывает на *способ действия*, на интенсивность, повторяемость, результативность, однократность и пр.

Список сокращений

Ожегов	— С. И. Ожегов, Словарь русского языка. Москва 1952.
ССРЛЯ	— Словарь современного русского литературного языка. I—XVII. Москва 1950—65.
СЯП	— Словарь языка Пушкина. I—IV. Москва 1956—61.
СРЯ	— Словарь русского языка. I—IV. Москва 1957—61.
Ушаков	— Д. Н. Ушаков, Толковый словарь русского языка. I—IV. 1947—48.
Фасмер	— М. Vasmer, Russisches etimologisches Wörterbuch. I—III. Heidelberg 1953—58.
Гоголь, Мертвые души	— Н. В. Гоголь, Мертвые души. Сочинения, II. Москва 1959.
Гоголь, Ревизор	— Н. В. Гоголь, Ревизор. Сочинения, II. Москва 1959.
Грибоедов, Горе от ума	— А. С. Грибоедов, Горе от ума. Избранные произведения. Ленинград 1961.
Достоевский, Идиот	— Ф. М. Достоевский, Идиот. Собрание сочинений, VI. Москва 1957.
Достоевский, Нет. Незв.	— Ф. М. Достоевский, Неточка Незванова. Собрание сочинений, II. Москва 1956.
Достоевский, Дяд. сон	— Ф. М. Достоевский, Дядюшкин сон. Собрание сочинений, II. Москва 1956.
Достоевский, Село Степ.	— Ф. М. Достоевский, Село Степанчиково и его обитатели. Собрание сочинений, II. Москва 1956.
Достоевский, Белые ночи	— Ф. М. Достоевский, Белые ночи. Собрание сочинений, II. Москва 1956.
Пушкин, Онегин	— А. С. Пушкин, Евгений Онегин. Москва 1954.
Чехов, Жена	— А. П. Чехов, Жена. Собрание сочинений, VII. Москва 1962.
Чехов, Палата № 6	— А. П. Чехов, Палата № 6. Собрание сочинений, VII. Москва 1962.
Чехов, Учитель словесности	— А. П. Чехов, Учитель словесности. Собрание сочинений, VII. Москва 1962.
Чехов, Три года	— А. П. Чехов, Три года. Собрание сочинений, VII. Москва 1962.

²⁸ И. П. Мучник, Двувидовые глаголы в русском языке. Вопросы культуры речи, вып. 3, Москва 1961, 163.

Материалы к исторической диалектологии закарпатских говоров

Л. ДЭЖЕ

Архаические закарпатские говоры обратили на себя внимание славистов уже в XIX в. Начиная с грамматики М. Лучкая 1830 г. до лингвистического атласа Закарпатской области И. А. Дзэндзелевского закарпатские говоры являлись предметом многих научных работ. Вслед за монографиями по современным говорам были написаны и работы по исторической диалектологии, главным образом, анализы памятников. И. Панькевич обратил внимание на важность изучения грамот, записей в церковных книгах и других деловых документов, написанных в разных частях Закарпатья. При помощи таких памятников можно детально нарисовать историческое развитие говоров Закарпатья. Закарпатские грамоты издавались со второй половины XIX в., а записи в церковных книгах в XX в. разными авторами (И. Панькевич, Ю. А. Яворский, Всев. Саханев, Н. Н. Лелекач, Э. Балецкий и др.).

В настоящей статье мы издаем с кратким лингвистическим разбором подписки крестьян о неимении жалоб на помещиков, находящиеся в Будапештском Государственном архиве, которые в сокращенном виде были опубликованы А. Петровым,¹ записи в церковных книгах будапештской Библиотеки им. Сечени и из книги И. Бырлеа, неиспользованной в научной литературе,² грамоту 1701 г. из архива Дебрецинской Духовной академии, две грамоты из книги А. Годинки,³ и антиминс епископа Стойки, опубликованный Г. Стрипским,⁴ которые были тоже неизвестными в научной литературе, так как они появились в трудах, являющихся библиографическими редкостями. Они не учтены И. Панькевичем в его монографии об истории закарпатских говоров.⁵

¹ А. Петров, *Материалы для истории Угорской Руси*. V. С-Петербург 1908, 125—132.

² I. BÎRLEA, *Însemnări din bisericile Maramureşului*. Bucureşti 1909.

³ HODINKA A., *A munkácsi gör[ög] szert[artású] püspökség okmánytára*. Ungvár 1911.

⁴ SZTRIPSZKY H., *Sztojka püspök újonnan fölfedezett antimensionja és az irholci monostor*. Ungvár 1910.

⁵ I. Панькевич, *Нарис історії українських закарпатських говорів*. I. Фонетика = *Acta Universitatis Carolinae, Philologica I*. Praha 1958.

Для локализации данных при записях в церковных книгах, подписках крестьян, дается название того села, в котором книга находилась или подписка была составлена. Кроме того, при записях собрания И. Бырлеа дается число страницы с фамилией автора: *Birlea*, а при подписках стоит сокращение: *подпк.* При записях библиотеки им. Сечени для локализации служит номер книги в каталоге рукописей с сокращением: *Széch.* При локализации грамот отмечается лишь год возникновения.

Описание памятников

Подписки крестьян о неимении жалоб на помещиков

При контроле проведения урбариальной реформы 1781 г. в сиготском районе с крестьян брались документы на родном языке о том, соблюдаются ли распоряжения Печатного Урбара, введенного во время урбариальной реформы 70-х годов. Текст такого документа, который мы называли подпиской вслед за А. Петровым, был заранее составлен на венгерском языке, потом более или менее точно переведен на украинский язык. В качестве писаря отмечены местные грамотеи: нотариус, священник, дьякон. Не раз то же лицо составляло подписки нескольких сел. Издавая в сокращенном виде подписки 31 села, А. Петров опубликовал только те части отдельных текстов, которые по его мнению были важны для диалектологии.⁶ Такой принцип публикации текстов явно неправильный, так что мы не будем разбирать, действительно опубликовано ли все то, что важно для исторической диалектологии, а приводим полный текст еще сохранившихся записей, тем более, что в издании А. Петрова встречаются и ошибки. К сожалению, мы уже не могли найти все подписки, изданные А. Петровым, уже нет подписок сел Рахово, Рахов, Косовская Поляна, Росошка, Кобылецкая Поляна, Бычков, Верхняя Руна.⁷ В этих случаях для лингвистического разбора мы пользовались публикацией А. Петрова. В нашем издании мы сохранили ту нумерацию, которая дана отдельным подпискам А. Петровым.

Подписки ценны для исторической диалектологии потому, что их большинство было написано местными людьми. Отмечены имя, профессия и часто местожительство писаря. Все же надо иметь в виду влияние украинского делового языка и то, что грамотные люди могли раньше более или менее долго жить и в других местах. Часто непоследовательно правописание даже одной и той же подписки, так наблюдается, например, колебание в обозначении гласных $y \sim i$, $ы \sim y$, мягкости согласных.

⁶ А. Петров, ук. соч. 125—132.

⁷ А. Петров, ук. соч. 126—129.

Тот же писарь писал подписки нескольких сел:⁸ Я. Злоцкий: Рахово, Рахов, Деловое (Требушаны), Белый Поток, Луг; И. Лайош: Косовская Поляна, Росошка, Кобылецкая Поляна, Бычков; М. Стан: Крачуново, Сарвасово; И. Слачкович: Дубовое, Ганичи, Нижняя Апша.

Записи в церковных книгах

Записи в церковных книгах написаны на краях листов, на пустых местах, в начале, внутри или в конце книги. Они были составлены в разных местах Закарпатья в XVII—XVIII вв. Собрания таких записей были изданы И. Панькевичем,⁹ Ю. А. Яворским,¹⁰ Всев. Саханевым.¹¹ Покойный И. Панькевич собирался выпустить и четвертый том своих записей, но он уже не вышел.

Автор данной работы собирал записи в церковных книгах будапештских библиотек. Такие записи нашлись в библиотеке им. Сечени и в библиотеке Будапештского университета им. Этвеша Лоранда. Мы теперь публикуем записи, встречающиеся в таких книгах, которые раньше находились на территории бывшего комитата Мараморош. (К ним прибавлены и 2 записи из комитатов Угоча и Саболч.)

Наши записи содержат, главным образом, данные о судьбе книги, но можно найти и записи личного характера и др., напр., о смерти Григория Бряникова (Széch. F 1) и даже светскую песню. Не все записи были составлены закарпатцами. Одни записи могли происходить от незакарпатских владельцев, которым книги принадлежали, прежде чем они были завезены в Закарпатье (напр., светская песня), а другие были составлены в Закарпатье выходцами с той стороны Карпат, напр., запись из села Карась (Széch. F 12).

Записи книги И. Бырлеа¹² были составлены в селах юговосточной части Марамороша. Около Сигота в селах Нижняя Апша, Средняя Апша, Леордина кроме украинского жило и румынское население. Остальные села были населены румынами, среди которых могли жить и украинцы, или были украинские священники, монахи.

⁸ Ниже мы пользуемся русскими вариантами современных украинских названий вместо старых названий А. Петрова.

⁹ *И. Панькевич*, Покрайні записи на підкарпатських церковних книгах. I, II: Наукові Записки Товариства Просвіта 6 и 12; *его же*, Покрайні записи на закарпатсько-українських церковних книгах з додатком 4 монастирських грамот. Прага 1947.

¹⁰ *Ю. А. Яворский*, Исторические, личные, вкладные и другие записи в карпаторусских рукописных и печатных книгах XVI и XIX вв.: Наукові Записки Товариства Просвіта 7—8.

¹¹ *Всев. В. Саханев*, Новый карпаторусский, эпиграфический материал: Наукові Записки Товариства Просвіта 9.

¹² *I. BIRLEA*, ук. соч.

В приведенных записях церковнославянский элемент значителен, но влияние книжного украинского языка также часто чувствуется. Мы сообщаем все записи книги Бырлеа не взирая на то, насколько в них заметен украинский элемент. Кроме того, публикуется запись 1721 г. из села Ольховцы, которая издана Г. Стрипским в вышеуказанной работе, неизвестной в научной литературе.

Грамоты

Во время нашего пребывания в Дебрецине, в 1960 г. мы искали украинские рукописные книги или иные рукописи в Дебрецинской Духовной академии, так как некоторые уцелевшие материалы Сиготского реформатского лица были переданы в архив Академии. Нашлась, однако, лишь ниже публикуемая грамота 1701 г. (R 729. 44), на которую наше внимание обратил архивариус Академии, Шандор Киш. Грамота была составлена в Ольховцах в Марамороше. Его писарь не различал **ы** — **и**, но сохранял **у** (< **о**). Такие особенности указывают на то, что писарь происходил из юговосточного Марамороша, хотя, может быть, что он переселился с такой незакарпатской территории, где сохранилось еще **у** (< **о**), но жил он уже довольно давно в Марамороше и пользовался Закарпатскими лексическими диалектизмами.

Остальные две грамоты мараморошского православного епископа Иосифа Стойки были опубликованы А. Годинкой в транслитерации латиницей.¹³ При транслитерации применена принятая международная транскрипция: **ж** = **ž**, **ш** = **š**, **ч** = **č**, **щ** = **šč** и т. д., но: **ѣ** = **ě**; **и**, **і** = **i**, **г** = **g**.

Антиминс

Епископ И. Стойка дал напечатать в 1663 г. антиминс, выдаваемый для освященных церквей. Печатный текст по надобности пополнялся конкретной приписью, содержащей точное время освящения и название храма (в нашем примере часть даты *чд . . . юн̄ д.* и последние слова). Приведенный антиминс, опубликованный Г. Стрипским, находился в церкви села Ольховцы. Описание внешнего оформления антиминса, его фотокопию можно найти в статье Г. Стрипского.¹⁴

Фонетические явления

В XIV—XV вв. только южная часть Марамороша была населена, на Верховине было лишь несколько сел, а верховье Тисы было малолюдным.

¹³ HODINKA, ук. соч. 399: гр. 1700 г.; 419: гр. 1704 г.

¹⁴ SZTRIPSKY, ук. соч.

В XVI—XVII вв. на Верховине и в районе верховья Тисы образовалась современная сеть поселений, которая на верховье Тисы в XVIII и XIX вв. пополнялась дальше.

В XIV—XV вв. мараморошская языковая область была однородной: современный *и*-кающий южномараморошский говор охватывал все население. В XVI—XVIII вв. в результате массового переселения с той стороны Карпат на севере образовался верховинский говор, который характеризовался звуком *й* (< *о*), вытесненным в свою очередь в XVIII в. на западной Верховине звуком *і* (< *о*). В юговосточной части Марамороша образовался гуцульский говор, который значительно отличался от среднемараморошского такими чертами, как: *і* (< *о*), *у* (< *ы*), *ѣ* (< *'а*) и др. Под влиянием соседнего гуцульского говора и гуцулов, переселившихся в старые мараморошские села, на востоке от Тересвы образовался переходный говор, обладающий среднезакарпатской основой, с более или менее численными гуцульскими чертами.

Мы здесь не можем проследить развитие мараморошской языковой области и ограничимся лишь установлением фонетических и грамматических явлений наших памятников.¹⁵

Рассматривая распространение вариантов *о*, *е* в новом закрытом слоге, мы находим *и* (< *о*) там, где оно сохраняется и сегодня, напр.: *Ѹ вѸлхѸцохѸ* Вольховцы подпк., *оу бирѸскѸмѸ дѸлѸ* Нягово подпк., *дякѸ тересѸвѸски* Тересва подпк. и др. В соответствии с современным состоянием языка наблюдается *і* (< *о*) в подписках сел Белый Поток, Требушаны, но в последней подписке рядом с *і* (< *о*) встречается и *и* (< *о*). В подписке села Луг тоже наблюдается *і* (< *о*), хотя сегодня Луг лежит в области *и* (< *о*). Две подписки, в которых наблюдается *і* (< *о*) рядом с *и* (< *о*) были написаны Я. Злоцким. Тот же писарь в подписке села Рахов, Белый Поток употреблял лишь формы с *і* (< *о*). В подписке села Луг *і* (< *о*) встречается лишь в подписи писаря Я. Злоцкого, который не происходил из данного села, так что *і* (< *о*) нельзя считать характерным для языка села. Однако можно предположить, что формы с *и* (< *о*) еще сохранились в языке более старого слоя жителей села Делового (Требушаны), но позже *и* (< *о*) исчезло. На основании записей в церковных книгах И. Панькевич установил, что в селе Требушаны—Белый Поток — у него два села соединены — в XVII в. еще наблюдалось *и*-канье, и *і* (< *о*) встречается первый раз в записи 1738 г.¹⁶ Примеры на *і* (< *о*): *тилкѸ* Ясинье подпк., *тилкѸ* Квасы подпк., *нивякимѸ дѸбили* Деловое (Требушаны) подпк., *гришми* Белый Поток подпк., *при минѸ*

¹⁵ Более подробно рассмотрен данный вопрос в книге Л. Дэже, Очерки по истории закарпатских говоров. Будапешт 1967, 94—117.

¹⁶ И. Панькевич, Покрайні записи на закарпатсько-українських церковних книгах... 13.

якоби злоцки нотарѣши силскимъ Луг подпк.; *и* (< *о*): *грѣшми* Деловое (Требушаны) подпк., *в нашѣи оурбарїи* Луг подпк.

На Верховине в начале XVIII в. уже встречается *і* (< *о*) рядом с *ѣ* (< *о*), даже *и* (< *о*). Во второй половине XVIII в. урбарияльные записи свидетельствуют о господстве *і* (< *о*), но возможно, что в некоторых словах еще сохранилось *и* (< *о*).¹⁷

Наши записи в церковных книгах тоже указывают на *і*-канье: *Григорїи Бѣра Бряникѣвъ пѣшовѣ* (Széch. F 1) в записи 1731 г. из села Врх. Студеное; *Ляхѣвский* (Széch. Q 12) в записи 1785 г.

В среднезакарпатском говоре *ы* — *и* различаются, однако, в деловых документах XVII—XVIII вв. замена буквы *ы* через *и* довольно обычна, что может объясняться влиянием незакарпатского писаря или влиянием письменности остальной части украинской языковой области, где *ы* и *и* совпали в один звук. В восточном Марамороше примеры с *и* (< *ы*) подписок могут объясняться и влиянием гуцульских переселенцев в тех селах, в которых сегодня *ы* — *у* не совпали в один звук: *котрих*, *вишнои* Новоселица подпк., *пани* Кривое и Беловарец подп., *громади*, *син*. Нжн. Нересница подпк., *благородных* Дубовое подпк. Путание букв *ы* ~ *и*, характерное для подписок гуцульских сел, свидетельствует о замене *ы* звуком *у*^е живого языка, примеры: *подписани*, *поноси* Белый Поток подпк., *на наши Паны* Деловое (Требушаны) подпк., *нашы^х Пано^е* Квасы подпк.

Мараморошский среднезакарпатский говор характеризуется сохранением *ы* в сочетании с *k*, *h*, *ch*. Поскольку встречаются буквосочетания *ки*, *ги*, *хи*, то они отражают влияние незакарпатской письменности или гуцульских переселенцев, например: *новосѣлский* Новоселица подпк., *силъский* Терново подпк., *сѣлъский* Тересва подпк. Буква *е* на месте древнерусского *ы*, *і* свидетельствует о гуцульском *у*^е, *з сеном своим* Леордина (Birlea 127) в записи 1685 г.

Отметим еще оглушение звонких согласных перед глухими и в конце слова, если следующее слово начинается с глухого: *потписомъ* Миково подпк., *Моросъ Павел*, Деловое (Требушаны) подпк., упрощение групп согласных: *чеснихъ* Мокрое подп., и *ин* < *чн*: *столешный* Нягово подпк.

Морфологические явления

В настоящем кратком анализе мы рассматриваем только те явления, которые показывают развертывание морфологических тенденций, определяющих характерные черты языка XVII—XVIII вв.

¹⁷ Ср. Л. Дэже, Урбарияльные записи с Мараморошской Верховины: *Studia Slavica* 3 (1957) 239.

Имена

В склонении существительных мужского и среднего родов и женского рода с основой на мягкий согласный рядом с окончаниями бывших основ на *-о* и *-и* наблюдаются и окончания с *-а-*: *-ами*: *з снами* Леордина (Birlea 127), *дщерами* там же в записи 1685 г., *-ах*: *8 наши^x дома^x* гр. 1701 г., *оу грошах* Квасы подпк., *оу кваса^x* Квасы подпк., *Ѕсѣхъ рѣцахъ* Тересва подпк.

Интересно отметить, что из 6 примеров 4 происходят из гуцульских сел, в которых сегодня окончания с *-а-* уже вытеснили окончания бывших основ на *-о*, *-и*.¹⁸ В XVIII в. в подписках гуцульских сел еще наблюдаются окончания *-ох*: *оу грошо^x* Ясинье подпк. *оу грошо^x* Квасы подпк., *-ми*: *грѣшми* Деловое (Требушаны) подпк., *грѣшми* Белый Поток подпк.

В восточном Закарпатье влияние твердого варианта склонения на мягкий начиналось, как фонетический процесс, с перехода *е* в *о* после шипящих перед твердыми согласными (*ѣуѣоно*, *ноѣот*). Однако уже в Няговских поучениях XVI в. окончания с *-о-* появляются и там, где они обусловлены не фонетически, а морфологической аналогией: в окончаниях склонения существительных мужского и среднего родов, напр., *оһн'ом*.¹⁹ Грамоты самого начала XVIII в. свидетельствуют о том, что окончания с *-о-* выступают на месте окончаний с *-е-* под влиянием аналогии, перед твердым согласным у существительных мужского рода: *Ѕ в8^xх8цо^x* гр. 1701 г., в местоимении *наши* и перед мягким согласным: *8 нашо^u ва^pмеди* гр. 1701 г., даже и в местоимении *сесь*: *присом* гр. 1700 г. перед твердым согласным. В подписках 1781 г. окончания с *-о-* встречаются еще более широко: у существительных и перед твердыми и перед мягкими согласными: *оу Ганичохъ* Ганичи подпк., *Ѕ в8^лх8цохъ* Ольховцы подпк., *изъ бѣловарцомъ* Кривое и Беловарец подпк., *при сѣлскому нотарѣшови* Ганичи подпк. У местоимений и прилагательных окончание с *-о-* наблюдается не только тогда, если на исходе основы стоял шипящий: *для лѣпшо^u вѣры* Квасы подпк; но и при остальных согласных: *оу вишнои нересници* Новоселица подпк., *Нижнои Апѣши* Нжн. Апша подпк., *нашов* Рахов, Луг подпк.

Разумеется, в грамотах начала XVIII в. из-за малого количества примеров отсутствие окончаний с *-о-* у отдельных категорий еще не обозначает его отсутствия в живом языке. Интересно, что окончания с *-о-* встречаются и в подписках гуцульских сел: *оу грошо^x* Ясинье, Квасы подпк., *нашо^o*, Ясинье подпк., *для лѣпшо^u вѣры* Квасы подпк. В обеих подписках наблюдается *i* (< *o*), что указывает на то, что их писари отмечали местные черты. Они были, вероятно, местными дьяконами. Такие формы как бы указывают на то, что в закарпатских гуцульских селах в XVIII в. формы с *-е-* полностью

¹⁸ р. *Панькевич*, Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Прага 1938, 343.

¹⁹ Ср. *Дэже*, Очерки, 128—142.

еще не могли вытеснить окончания с *-o-*, возникшие фонетическим и морфологическим путями. Формы с *-o-* обязательно появились в результате фонетического развития и в языке гуцулов, а затем могла влиять и аналогия, сомнительным является лишь то, были ли еще в XVIII в. данные формы характерными для самых гуцулов, или их носителями являлись старые закарпатские жители этих сел, к числу которых могли относиться и писари.

В подписках родительный-винительный встречается немного чаще винительного (13 : 10) у существительных мужского рода, обозначающих лица мужского рода: *на наши^x Пано^o* Ясинье, Квасы, Миково, Крачуново, Сарвасово и др. подпк. (13 раз); тип: *На наши паны* Деловое (Требушаны), Белый Поток, Луг, Нижняя Апша, Нижняя Нересница и др. подпк. (10 раз).

Стяженные формы вин. падежа жен. рода встречаются у местоимений: *нияку* Сарвасово подпк., Крачуново подпк. (у того же писаря), Миково подпк., *катору* Нижняя Нересница подпк.

В современных мараморошских говорах окончанием им.-вин. падежа мн. числа является *-i*, за исключением долины реки Русковы, где еще наблюдается остаток старого полного окончания *-yi*. Даже во второй половине XVIII в. могло еще сохраняться старое окончание *-yі*, может быть, только в форме *-yi*, хотя надо считаться и с тем, что *-yi* употреблялось лишь как традиционная форма.

В подписках наблюдаются еще следующие нестяженные окончания *-yi*: *подписанныи* Квасы, Ясинье, Сарвасово подп., *-iі*: *ясѣнскіи* Ясинье подпк.; *квасовскіи* Квасы подпк.; *живущіи* Луг подпк.; *Ниякіи* Косовская Поляна, Росошка подпк.; *подписаниі* Миково подпк.; *иниі* Мокрое подпк. Интересно, что они происходят из ряда сел восточной части Марамороша, а сегодня область употребления полного окончания значительно сузилась.

Более многочисленны примеры с окончаниями *-и*, *-ѣ*, и они наблюдаются во многих текстах, особенно на западе от той территории, где наблюдалось *-yi* (оба окончания обозначают *-i*), напр.: *нияки* Деловое (Требушаны), Белый Поток, Луг; *подписани* Дубовое, Ганичи, Нижняя Апша, Брустуры, Нягово, Грушево, Тересва подпк.; *миковѣскѣ* Миково подпк.; *писанѣ* Крачуново, Ольховцы, Терново, Калины подпк.; *боженѣ* Нижн. Нересница подпк., *грушскѣ* Грушево подпк. Намного реже встречается *-ы*: *подписаны* Рахов, Деловое (Требушаны), Луг (у Я. Злоцкого), Квасы, Нижн. Нересница подпк.; *мистны*. Терново подпк. Окончание *-ы*, вероятно, надо считать сохранением старого номинального окончания.

Глаголы

Из явлений спряжения глаголов мы рассматриваем лишь одно: распространение окончаний *-мо*, *-ме*, для которых подписки крестьян дают обильный материал. Окончание *-мо* наблюдается не только там, где оно

встречается и сегодня: *свѣдите^хс^твѣмо* Ясинье, Квасы подпк.; *видимо* Крачуново подпк., но и там, где его сегодня нет: *даемо* Дубовое, Брустуры, Калины, Широкий Луг подпк.; *свидетельствуемо* Терново подпк. В последнем селе подписка была написана парохом, который мог побывать часто и в других селах, что можно предположить и об остальных писарях. Возможно, однако, что в связи с гуцульским переселением данное окончание было более широко распространено чем сегодня, но рядом с ним употреблялось и окончание *-ме*: *даеме* Нжн. Апша, Нжн. Нересница, Ольховцы, Нягово, Кривое и Беловарец, Новоселица, Грушево, Тересва, Реметы подпк.; *маеме* Брустуры, Нжн. Нересница, Ольховцы, Нягово, Кривое и Беловарец, Широкий Луг, Новоселица, Тересва, Реметы подпк. Окончание *-ме* встречается и на той территории, где сегодня только *-мо*: *имаеме* Ясинье подпк. (рядом с *-мо*), *даеме* Деловое (Требушаны), Белый Поток, Рахов, Луг (у Злоцкого), Косовская Поляна, Росошка, Кобылецкая Поляна, Бычков. Употребление окончания *-ме* свидетельствует о сохранении старой среднезакарпатской черты в XVIII в., хотя не исключена возможность и того, что писарь сам происходил с территории с *-ме*, но это только предположение. Для языка Я. Злоцкого, например, характерно *i* (< *o*).

Синтаксические явления

Словосочетания

В подписках при существительных со значением 'жалоба' употребляется *на* + вин. п. для выражения того лица, на которого жалуются: *Жалобу на наши^х Паню^о* Ясинье, Миково и др. подпк., *скаргу на наши^х Паню^о* Квасы, Дубовое и др. подпк., хотя: *скаръги противъко панювъ наши^х* Ганичи подпк.; *поносы ... на наши паны* Деловое (Требушани), Белый Поток и др. подпк.; *кривду на паны* Нжн. Апша, Калины, Ольховцы подпк.; а предмет жалобы может выражаться при помощи предлогов: *противко*: *жадной скаръги на своихъ панювъ противъко Србарію*, или *Ѹ слѸжбѣ* Брустуры подпк., но в таком случае употребляется и предлог *у*: *кривдѸ на нашѣ паны ... нѣ у панѸцинѣ*, *нѣ у подымѸцинѣ* Ольховцы и др. подпк., или *за*: *На нашѣ паны за оурѣбарію не имаеме ниякѸ кривдѸ* Нжн. Апша и др. подпк.

Сложноподчиненные предложения

Сходный текст подписок дает возможность для рассмотрения синтаксических средств, употребленных разными писарями. Из дополнительных союзов употребляются следующие: *аж*, *што*, *же*, *иж*. Союз *аж* весьма часто употребляется в Няговских Поучениях, а *што* редко встречается в том же

памятнике.²⁰ В текстах современных говоров мы находим обычно *што*, а *ажь* крайне редко. Подписки свидетельствуют о более частом употреблении *што* (6 раз), а *ажь* (только 3 раза). Наиболее часто наблюдается союз *же* (12 раз), а *ишъ* (точнее *ижъ*, только 1 раз). Оба последние союза происходят из делового языка того времени и не были известны народному языку. В остальных документах находим союзы *ѣбо* в гр. 1700 г., *щобы* в гр. 1701 г. и *же* (Széch. Q 12). Примеры: союзы *аж*: *даеме знати комъ ся належитъ ажъ мы ... На нашѣ паны за оурѣбарію не имаемя ниякъ кривдѣ*. Нжн. Апша и др. подпк., *што*: *даеме сие писаніе ... што мы нияки поносы не имаемя на наши паны*, Деловое (Требушаны) подпк. и др.; *щобы*: *а бри^н щѣфа^н кали^н-ски^н того м^ѣ Исп^онити, що би его м^ѣ По^н данилови тотъ х^ѣдобъ Спо^онити*, гр. 1701 г., *же*: *Мы ... свѣдите^нс^твуемо ... же мы не имаемя жалобу на наши^х Пан^о*, Ясинье подпк. и др., *иж*: *свидитѣльствѣемо ... ишъ ... на свои Мистны Паны поносѣ, или скаргѣ немаемо*, Терново подпк.

Придаточные предложения причины связываются союзами *бо* и *понеже*. В подписках преобладает первый союз из народного языка (6 раз), а книжное *понеже* встречается лишь два раза. Примеры: *бо*: *мы нияки поноси неимаемя на наши паны таи тисты, бо якъ естъ оу оурбаріи положен^н больше ѿ насъ ани грѣшми не брали, ани на роб^{от}ѣ негонили*. Белый Поток подпк. и др., *понеже*: *мы не имаемя жалобу на наши^х Пан^о, понеже анѣ оу роботѣ, анѣ оу грош^о ... не оузяли, тилк^о якъ естъ: оу ѣрбаріу^н по^отановлен^нѣ*, Ясинье и др. подпк.

Союзы *якъ* и реже *щоби* вводят придаточные предложения образа действия. Союз *якъ* часто встречается в подписках: *божъ естъ положено выданои оурбаріи больше ѿ насъ ани грѣшми незяли, ани на паничинѣ негонили*. Деловое (Требушаны) подпк. и др. Союз *щоби* наблюдается в грамоте 1701 г. и по форме выполняет функцию союза определительного придаточного предложения при словосочетании: *таки^н мо^одо^н 'таким образом': таки^н мо^одо^н ся рѣчиме щоби до ѿ недѣл^н Пана По^н данилова х^ѣдоба била ѣ рѣка^н а^нбо барани а^нбо гроши*. гр. 1701 г.

Целевыми союзами являются *щоби* и *аби*, оба союза взяты из народного языка: *щоби*: *прида^н еи попови р ... му зятеви своему ... щоби его вла^ней було I его дѣтши* (Széch. Lit. 372b), *аби*: (т. е. дал) ... *зятеви своемѣ аби в молитвах своих ... вычне спомыналъ здравіе телесное ... родичовъ свои^х* (Széch. Lit. 372b).

В конце подписки или грамоты часто встречается формула, относящаяся ко всему содержанию подписки или грамоты. Она вводится указательным местоимением *тотъ* с предлогами: *на тото*: *на тотѣ сие писаніе даеме, и печатю сѣлсковъ подверждаеме*, Деловое (Требушаны) и др. подпк. (3 раза); *за тото*: *за тото даеме сие писаня наше*, Нжн. Апша и др. подп.

²⁰ Ср. Дэже, Очерки 239—241.

(6 раз); *прото*: Прото дѣля большой виры сие писание даеме изъ себе и силъковъ печатю потверждеме, Белый Поток подпк. Однако подобные формулы присоединяются и союзными словами *што*, *который* с предлогами, на *што*: *На што даемо сѣе писаніе нашо^е, сѣлско^е печатію, и по^дписо^м наши^м потвержден^о*, Ясинье и др. подп. (5 раз) и: *Нащо Его м^н Ес^т бизо^мша^е*, гр. 1701 г.; *про которую рѣчь*: *про котор^ы рѣчь даеме сие писание*, Нжн. Нересница подпк.; *на которое дѣло*: *на ко[то]рое дѣло даемо свѣдомство нашимъ рѣко подписаниемъ*. Дубовое и др. подпк. (3 раза); *на которое*: *на которое сие свѣдителст^{во} нашимъ рѣкописаниемъ даеме*, Новоселица и др. подпк. (2 раза). Кроме того, встречается *што* уже в функции союза, но его характер нельзя точно определить, или он является союзом следствия, или же скорее он служит для присоединения: *що дла лѣдцагѡ оувиреніа и правды даемо из себе сѣе писаніе*. Терново подпк.

Подписки и грамоты характеризуются и употреблением союзов народного и общеукраинского делового языков того времени, но в записках в церковных книгах встречаются и церковнославянские союзы. Таким является союз *аще*: *Аще кто хоче^т знати кто писа^н сію книгу^с смотри за стлѣпо^м Івановы^м* (Széch. F 24) и др., при том в главном предложении глагол стоит в форме 2-го лица ед. числа, что указывает на не вполне оформившуюся конструкцию народного языка, к которой прибавили книжный союз. Отметим еще союз *идеж* в собрании Бырлеа: *и положища въ цркѡвѡт село Пѡршѣ идеж ест храм събѡр архаггла Михил[а]*, Борша (Bîrlea 30—31).

Лексические явления

В подписках и грамотах отражается лексика, связанная с феодальным строем. В данном слое лексики значительно сильнее чувствуется влияние венгерского языка, чем в остальной части словаря закарпатских памятников XVI—XVIII вв.

В значении 'страна' находим украинское слово: *земля*: *молдавської земли* Борша (Bîrlea 28), *земли оугорскїѡ* Борша (Bîrlea 42), средние административные единицы называются венгерскими заимствованиями: *вармедя* (венг. *vármegye*): *Ѹ нашо^у ва^рмедя* гр. 1701 г.; *ярашъ* (венг. *járás*): *от нижнего ярашѸ*. Борша (Bîrlea 42), *ераш*: *вишніи ераш* Борша (Bîrlea 35), хотя встречается и украинское *повѣтъ*: *В повѣтѣ хогдскои(?)* Борша (Bîrlea 43). Украинские слова встречаются в значении 'село': *село*: *оу сели* Луг подпк., или *весь*: *из веси* (Széch. Q 12) в верховинской записи, но для обозначения 'город' служит венгерское заимствование *вариш*: *Ѹ вариши* гр. 1701 г.

Глава государства называется украинским словом *король*, в данных текстах 'князь Семиградья': *корол Ракоеции Геврѣее* Борша (Bîrlea 28),

короля нашего Апафи Михаі Борша (Bîrlea 35). Кроме того, украинское *гетман* можно предположить в таком примере: *при панѣ етма [?] Рѣдаи Ференцѣ* Борша (Bîrlea 43), в 1653 г. не жил венгерский дворянин из семьи Радаи (Rádai) с именем Ференц (Ferenc), а речь может идти только о Ференце Редее (Rhédei Ferenc), который был в то время ишпаном комитата Мараморош и весьма влиятельным вельможей, советником князя. Поэтому слово *гетман* в этом случае может обозначать не просто ишпана, а одного из руководителей государства.

Для обозначения главы комитата употреблялось венгерское заимствование *шпан* (венг. *ispán*): *шпань* Борша (Bîrlea 35), *шпанъ* гр. 1701 г. Из чиновников комитата отмечаются *ашушор* (венг.-лат.: *assessor*) 'ассессор': *че^ини^м ашшоро^м ва^рмед^ѣ марамори^икoi* гр. 1701 г., и *джурат* (рум. *jurat*) в той же грамоте 1701 г. обозначает чиновника комитата, так как перечисляется между *шпан* и *ашушор*: *шпанѣ ѱратѣ Инши^м Че^ини^м ашшоро^м ва^рмед^ѣ марамори^икoi* гр. 1701 г. (см. ниже то же слово со значением 'присяжный').

Во главе сельской администрации стоял *бирув* (*бири(в)ѣ*, *биров*): *бирѣѣ* Крачуново подпк., *бири* Белый Поток подпк., *бирѣ* Ясинье подпк., (прилаг.: *бирувскій*: *оу бирѣскѣмъ дѣлѣ* Нягово подпк.). Остальные члены управления 'присяжные' *боженые люды* или *боженики* или *джураты*: *божени люде* Нжн. Апша, Нжн. Нересница подпк., *боженики* Мокрое подпк., *Ѵоурат Петрован Илиешѣ*, Борша (Bîrlea 35). Вся община имела название *громада*: *громада* Нжн. Апша, Нжн. Нересница и др. подпк., а члены общины *обыватель* 'житель': *ѡбывателѣ* Ясинье и др. подпк. В некоторых селах был сельский писарь: *нотарий*, *нотаруш* или *нотариш* (ср. венг. *notárius*): *нотаріи силскимъ* Деловое (Требушаны), Белый Поток подпк., *нотаруши силскимъ* Луг подпк., *нотаришови* Ганичи подпк.

Военные офицеры могли носить название: *годнож* или *годнодж* (ср. венг. *hadnagy*): *па^т го^оно^ж* Мига(л) гр. 1701 г., *го^оноѣ мига^т шимо^т* гр. 1701 г.

С точки зрения феодального общественного строя различаются *кмѣть* и *намиш* (венг. *metes*) 'крестьянин' и 'дворянин', но последний называется чаще украинским словом *пан*, примеры: *кмѣтѣ*, *кмѣтѣ* Ольховцы подпк., *кмш^т* гр. 1701 г., *Пере^о ... Намиши* гр. 1701 г., *на мистны Паны* Терново подпк.; *на свои^х чесни^х пановѣ* Мокрое подпк. Феодальные обязанности крестьян определялись документом, который называется *урбарія*, (*в*)*урбар(ѣ)* или *урбаріум* (ср. венг. *urbárium*) 'урбар': *оу вѣрѣбарѣи* Сарвасово подпк.; *оу оурбарѣѣ* Квасы подпк.; *за оурбаріо* Широкий Луг подпк.; *оу ... вѣрѣбарі* Тересва подпк., *ѣ вѣрѣбаріѣмъ* Крачуново подпк.; *оу ѣрбаріу^м* Ясинье подпк. Урбар установил размеры барщины, которая называется словами *панщина*, *робота*, *служба*: *на панщинѣ не гонили* Деловое (Требушаны) подпк., *на робѡтѣ не гонили* Белый Поток и др. подпк., *оу слѣшѣбѣ* Ганичи

подпк., денежные и натуральные повинностей крестьян: *панска дань, гроши*: *оу дани панскои* Ганичи подпк., *оу грошо^x* Ясинье и др. подпк.; *подымщина*: *у подымщинѣ* Ольховцы подпк., *девятина*: *у девѣтинѣ* Ольховцы подпк.

В латифундиях отдельными участками имения управляли приказчики: *тист* (венг. *tiszt*): *на . . . тисты* Белый Поток, Луг подпк.

Подписки крестьян содержат варианты терминов, связанных с оформлением документов. Подписки называются следующими терминами: *свѣдомство*: *свѣдомство* Дубовое, Ольховцы подпк., *свѣдѣтелство*: *свидетельство* Ганичи и др. подпк.; *писаніе* (*писаня*): *писаніе*, Ясинье и др. подпк.; *писаня* Тересва и др. подпк.; последнее название служит и для грамоты: *писаніем*, гр. 1700 г.; оба документа обозначаются словом *листъ*: *ли^стъ* Широкий Луг, Ольховцы подпк. Подписки и грамоты вводятся такими выражениями: *Мы . . . даеме на видѣмостѣ* Белый Поток подпк., *даемо на свѣдомо^с* Широкий Луг подпк., *даеме на свидѣмство* Дубовое и др. подпк., *вѣдомост ѿиніте* гр. 1700 г., *даеме на знаня* Луг и др. подпк., *свѣдимо творимо* Сарвасово подпк., *видимо творимо* Миково, Крачуново подпк. (вернее: *вѣдомо*), *даеме знати* Нжн. Апша и др. подпк., гр. 1701 г., *свѣдите^см^вємо* Ясинье и др. подпк. Для выражения жалобы употребляются следующие синонимы: *жалоба*: *жалобу* Квасы и др. подпк., *поноса*: *поносу* Терново и др. подпк., *скарга*: *скаргу* Квасы и др. подпк., *кривда*: *кривду* Нжн. Апша и др. *перепона*: *перепону* Нжн. Апша подпк. В конце подписки или другого документа: *для лѣвши^о вѣры* Квасы подпк., *для лѣвшио правды*. Сарвасово подпк., *для лѣдшагѡ оувиреніа и правды* Терново подпк., *на бѣ^шше Бизо^ша^с* гр. 1701 г. помещается печать: *печатью* Деловое (Требушаны) подпк., *свою печат прикладѣю* Вишеул-де-Мижлок (Birlea 209), и подпись: *подпись*, *рукоподписание*, *рукописание*: *по^описо^м* Ясинье и др. подпк., *рѣкоподписаниемъ* Дубовое подпк., *рѣкописанием* Новоселица подпк. (глаголы: *подписати*, *описати*: *по^описа^нныи* Ясинье и др. подп., *ѡписан^нѣ* Терново подпк.). Для названия 'год' употребляются два слова: обычно *рок*: *текущій рокъ*, Ясинье подпк. и 1 раз *год*: *года* Реметы подпк.

Отметим еще термины поручительства: 'поручка' *порука*: *на порѣкѣ* гр. 1701 г., 'ручаться' *ручитися*: *рѣчи^сся* гр. 1701 г., 'поручитель' *поручник*: *порѣч^ники* гр. 1701 г. и еще несколько заимствованных слов, связанных с торговлей: *гамшиный* 'фальшивый': *гами^шни літи* гр. 1701 г. (ср. венг. *hamis*), *вушалвировати* 'вымаивать': *вѣша^швирова^с* гр. 1701 г.²¹

Венгерские заимствования употребляются для обозначения таких административных единиц, должностей, которые были характерны для венгерского государства, и были заняты венграми, но основные понятия являются украинскими, и они имелись в словаре закарпатских украинцев

²¹ Ср. рум. *șalvir* 'Schwindler', Н. ТІКТИН, Rumänisch-deutsches Wörterbuch I—III. Bukarest, 1895—1925.

от древнерусского или раннего украинского периода. Так, *земля* и *село* древнерусские слова, но *вармедя*, *яраш* венгерские. Административные единицы последнего типа образовались и стали важными для украинского крестьянства Закарпатья лишь в то время, когда закарпатские украинцы уже были подданными венгерского государства. Естественно, что глава страны имеет восточнославянское название: *король*, а глава комитата обозначается венгерским заимствованием *шпан*. При названии руководителя сельского управления наблюдается венгерское заимствование *бирув*, вероятно потому, что должность бирова в данном виде оформилось у украинского крестьянства в рамках венгерского государства, а слово *нотарий* (или *нотариш*) вместе с самой должностью едва ли укрепилось раньше XVI в. Остальные слова, связанные с сельской администрацией, являются украинскими: *боженъи люде*, *боженикъ*, *громада*, *обыватель*.

Представителей двух основных классов феодализма называют украинскими словами: *кмѣть* и *пан*, так же и виды феодальных повинностей: *панщина*, *робота*, *служба*, *панска дань*, *подымщина*, *девятина*, но венгерское заимствование обозначает документ: *урбарія* (*урбаріум*), который раньше находился всегда у помещика или его управляющего (*тист*). Венгерское заимствование *намиш* было не столько социальным, как юридическим термином, и тем отличали свободного человека от бесправного крепостного.

Тексты

Подписки крестьян 1781 г. о неимении жалоб на помещиков

1. Ясень (*Körösmező*)

Мы ниже по^дписан^ныи свѣдите^лс^твѣемо ѡбывателѣ ясѣн^ускій, же мы не имаемо жалобу на наши^х Пано^в; понеже ѿ на^с анѣ оу роботѣ, анѣ оу грошо^х на се^н текущій рокъ не оузялы, тилкѡ якъ ес^т: оу ѳрбаріу^м по^становле^ннѡ на што даемо сѣ писаніе нашо^в сѣлско^в печатію, и по^дписо^м наши^м потвержен^но данѣ в ясѣню 12^{ма} 9^{bris} 1781

При мнѣ
Стефано^м Калинови^ч дяко^м столечны^м

Ганювскіи Дмитро бир^о

2. Квасы (*Borkút*)

Мы ниже по^дписан^ный ѡбыватели квасовскій свѣдителяемо сими, же неимаемо жадную скаргу на наши^х Пано^в, понеже ѿ на^с: анѣ оу роботѣ; анѣ тежѣ оу грошо^х на сеи текущій рѡкѣ не оузялы тилкѡ якъ ес^т оу

оурбарїѣ постановлен^но, на што для лѣпшѣ вѣры даемо подписо^м наши^м подтвержден^ное, сїе писанїе дань оу Кваса^х и ное^мврїа Рѡку *ау*па

При мнѣ Алежюк иван быро^в
Феѡдоро^м шмулякъ дяко^м столечны^м

3. Деловое (Требушаны) (*Tribusa*)

Мы ниже подьписаны даеме сие писанїе изъ себе каждом⁸ ком⁸ ся належить цилого села трибѣшанского ѡбиватели, што мы нїяки поносы неимаеме на наши паны ни вякимъ дѣили, бо якъ есть положено выданой оурбарїи болше Ѡ насъ ани грѣшми невзяли, ани на паншчин⁸ негонили. Натотѡ сие писанїе даеме, и печатю сѣлсковъ подверждаеме дня 13^а 9^{br} 1781 Tribusa

При мнѣ Бѡрисъ Федѡръ бири силски
якоби злоцки нотарїи силскимъ

6. Белый Поток (*Fejérpatak*)

Мы нїже подписаны даеме на видѡмость каждом^м ком⁸ ся належить ѡбиватели села Билого што мы нїяки поносы неимаеме на наши паны таи тисты, бо якъ есть оу оурбарїи положенѡ болше Ѡ насъ ани гришми не брали, ани на робѡтѣ негонили. Прото дѣля болшой виры сие писание даеме изъ себе и сильковъ печатю подтверждѣеме дня 14^а 9^{br} 1781. Fejér

При мнѣ Пѡповичъ Иванъ силски бири
Якоби злоцки нотарїи силскомъ

7. Луг (*Lonka*)

Мы нїже подписаны даеме назнаня кождом⁸ ком⁸ ся належить оу сели Лѣзи живѣщїи, же мы нїяки поносы неимаеме на наши Паны, таи Тисты нїякимъ қолвекъ дѣли бо якъ есть в наши⁸ оурбарїи написано болше Ѡ насъ ани грѣшми небрали ани на панщїн не гонили, Натото мы сїе писанїе даеме изъ себе, и печатю нашѡвъ силскѡвъ питомовъ подверждаеме, писано оу Лѣзи дня

При минѣ Даняк Василь биро силски
якоби злоцки нотарѣши силскимъ

13. Миково (*Veresmart*)

Мы ниже по^тписанїи видимо творимо ѡбивателѣ миковьскѣ, же ми неимаемо нѣяку жалобу на наши^х Пановъ бо булше Ѡ насъ не беру^т тулко якъ ес^т оу ѣрѣбарии постановленъной нашто для лѣпшой вѣры даеме

сие наше писаніе по^тписо^м потъвержденіе данъ оу миковѣ дня 3 декемврия року бжїя а҃ѳііа дѣялося примнѣ

илко^м диякъ дяко^м сѣльски^м Марущакъ стефанъ бирувъ сѣльскый

14. Крачуново (*Karácsonyfalva*)

Мы ниже подьписанѣ ѿбывателѣ села Корочѣнова видимо творимо симъ нашимъ писаниемъ же мы на нашихъ панѣвъ неимаеме нѣякъ жалобѣ бо выдѣ насъ не оузяли бульше анѣ оу роботѣ анѣ оу грошохъ тѣлько якъ е постановѣленно ѣ вѣрбарѣмъ нашто для лѣпшой вѣры даеме сие писание подьписомъ нашимъ потверъженное данъ оу весїи корочѣновѣ днѣя ии ноемѣрѣя а҃ѳпа

при мнѣ стѣанѣ
Михаилѣ

Кскало Петрашъ бирѣвъ
сѣльскый

15. Сарвасово (*Szarvas*)

Мы ниже подьписанныи ѿбывателѣ села Сарѣваши свѣдимо творимо симъ нашимъ писаниемъ же мы на нашихъ панѣвъ не имаеме нѣякъ жалобѣ бо выдѣ насъ не оузяли бѣльше анѣ оу роботѣ, анѣ оу грошохъ, тѣлько якъ есть постановленно оу вѣрбарѣи нашто для [л]ѣпшой правды даеме сие писание подьписомъ нашимъ потверъженное данъ оу весїи Сарѣваши днѣя кг новемѣврия а҃ѳпа

При мнѣ
Михаилѣ станѣ

Мольдованѣ Ереми бирѣвъ
сѣльскы

16. Дубовое (*Dombó*)

Мы ниже подьписани ѿбыватели дѣбѣвски даемо на свидомѣство же неимаемо жадной скарги на пановѣ наичи^{хъ} благородни^{хъ} на ко[то]рое дѣло даемо свѣдомѣство нашимъ рѣкоподьписаниемъ. данъ днѣя дд ноемѣврїа рока бж҃го а҃ѳпа

Coram me
Ioanne Szlatskovits notar
locali per quem scriptum
est testimonium in defectu
scripturaegnari

Чѣбира Штефанъ биро

17. Ганичи (*Ganya*)

Мы ниже подьписани ѿбыватели громады Ган^нской даемо свидомѣство же мы не маеме кривды ѿ своихъ пановѣ благородныхъ ани скарги против-

ко пановъ наши^х оу слѣшѣбѣ albo оу дани панскои накоторое дѣло сим нашимъ рѣко подписаниемъ даеме свидѣтельство. рокѣ бѣжго аѸпа да^{но} оу Ганичохъ дня 5 мѣця ноемврія

При мнѣ сѣлскомъ Юришинець Иванъ биро сѣлски
Нотаришови Іоан^н Слачковичъ

18. Нижняя Апша (*Alsó Apsa*)

Мы ниже подписани громада Нижънои Апъши Биро Божени люде даеме знати комѣ ся належить ажъ мы рокѣ Бѣо аѸпа. На нашѣ паны за оурѣбарію неимаеме ниякѣ кривдѣ тай перепонѣ оу всяки^х рѣчохъ за тото даеме сие писаня наше оу Нижнои Апъши Мця Ноемврія дня аі.

Азъ Писахъ Гѣсѣтянинъ Іюря Биро сѣлски
Іванъ Слачковичъ

19. Брустуры (*Brusztura*)

Мы ниже подписани ѡбыватели брѣсѣтѣрски даемо насвидомѣство единомѣ кождомѣ же мы неимаемо жадной скарѣги на своихъ пановъ противко ѣрбаріи, или ѣ слѣжѣбѣ ниакои немаеме кривды накоторое ся подписемо. Дня 11 ѡктоврія. рокѣ бжго аѸпа

Сойма Иванъ бировъ

20. Калины (*Kalinfalva*)

Мы ниже подписанѣ ѡбывателѣ калинскѣ даемо насвѣдомство [ж]е немаемо жадной кривды анѣ жадной скарѣги на пановъ наши^х благород[ных] накоторое дѣло сим наш^м роко подписание^м даемо сие свѣдѣтельство дня 15 ноемврія оу калина^х рокѣ аѸпа

Писа^х азъ Феѡдо^р Приимич Иванъ бирѣвѣ сѣлскии
дякъ калински

21. Нижняя Нересница (*Alsó Neresznica*)

Мы ниже подѣписаны Нересницкои громади бирѣвѣ тай боженѣ лѣде даеме назнаня комѣ ся належи^т ажъ сего рокѣ аѸпа немаеме нѣякѣ скарѣгѣ на нашѣ паны нѣ за ѣрбарію нѣ за панъщинѣ про которѣю рѣчь даеме сие писание оу нересници мця ѡктоврія дня 11 рокѣ бжаго аѸпа

сие писание писалъ дьяконъ Мѣрга Лѣска сѣлскии бирѣвѣ
нересницкаго попа синъ
Михаиль Ивановичъ

22. Олховцы (*Irholc*)

Мы ниже пѣдъписанѣ вѣлхѣскѣ кмитѣ даеме на свѣдомѣство шѣто не
маеме нѣякѣ кривдѣ на нашѣ паны сего рокѣ \times аѣпа. нѣ у панѣщинѣ нѣ у по-
дымѣщинѣ нѣ у девѣятинѣ за тото даеме на свѣдомѣство сес нашѣ листь ѣ
вѣлхѣцохѣ мѣсяця ѡктоврия ѡ и ѡ

сие писаня дякъ
сѣлѣскый писавѣ
Ерѣдевѣ Бокочѣ Шѣтефанѣ

Нересницѣкый Федѣрѣ пани Жиговен
кмѣтѣ сѣлѣскый бирѣвѣ

23. Терново (*Kökenyész*)

Мы ниже ѡписа^ннѣ свидѣтельствѣемо, комѣ ѡ томѣ належитѣ ишѣ
сего годѣ \times аѣпа. На свои мистны паны поносѣ, или скаргѣ немаемо нѣякѣ,
оу оубарюскѣмѣ дѣли, шо длѣ лѣдѣцагѣ оувирѣнѣа и правды даемо из себе
сѣе писанѣе. Мѣа новемврѣа дѣна 1^шогѣ рокѣ \times аѣпа оу Тернови

При притомности моей
Гев^ргѣи Жеткеи Мистногѣ
пароха Тернѣвскагѣ

Костевичѣ Стефанѣ
бирѣ^в силѣскый

24. Нягово (*Nyagova*)

Мы нижи подѣписани даеме знати комѣ ся належитѣ ажѣ мы сего рокѣ
 \times аѣпа: на нашѣ паны неимаемо нѣякѣ скаргѣ оу бирѣскѣмѣ дѣлѣ за тото даеме
сеи писанѣе мѣсяця неврѣя ѡг: \times аѣпа:

сей писанѣе писавѣ дякъ
столешный оу няговѣ демко яношѣ:

Дѣмиичѣ Томашѣ бирѣ

25. Кривое и Беловарец (*Nagy és Kis Kirva*)

Мы ниже подѣписанѣ бирѣвѣ тай громада кривска оба боки изѣ бѣло-
варцомѣ даеме на знаня комѣ ся належитѣ ажѣ мы сего рокѣ \times аѣпа на наши
пани не скаржиме тай скаргѣ не маеме за тото даеме сесе писаня на свидомѣ-
ство комѣ ся належитѣ ѣ кривѣмѣ ноемврѣа вѣ рокѣ Бжѣ \times аѣпа

Целишѣ Петрашѣ сѣлски бирѣ^в

по небытѣности
дяка селского писася чрезѣ ч: ѡ
Иѣстина Чичери ч: с: Василя
Великаго

26. Широкий Луг (Széles Lonka)

Мы громада Лужанска даемо на свѣдомо^ч кумѣ ся належить што мы на свои паны сего рокѣ ^хаѣпа. Немаеме ниякѣ скаргѣ на свои паны ни за роботѣ ни за оурбарию за тото даеме сесѣ наш ли^чть оу лѣзѣ мѣсяця кѣ октоврия рокѣ божого ^хаѣпа

сие писаня писа^т

Гы^ндичь Ива^н

емѣ парохѣ Лѣжа^нски Лука Жѣга

27. Новоселица (Felső Neresznice)

Ниже по^тписанъныи даеме свѣдомство і^зкотри^х [сі]я належитъ же мы неимаеме жа^нной скарги на пано^в нашихъ благо^родны^х накоторое сие свѣдѣтелств^о нашимъ рѣкописаниемъ даеме оу вишной нересниці кѣи ноем: рокѣ божия ^хаѣпа

сие писавѣ тя^кковичѣ

Костяк Микѣта бирѣ^в

Томашѣ обыва...

новосѣлскии оуновоселици

28. Грушево (Körtvélyes)

Мы ниже пописани обывателѣ грѣшскѣ даеме сие писание же немаеме жанѣ скагы на пано нашихъ нѣякѣмѣ дѣли сего рѣкѣ; мѣсяця ноерия дня ѣ. ^хаѣпа

Бирѣ Штефанѣ добои

Теребѣи Ва... Грѣшскый дякѣ Азѣ писахѣ

29. Тересва (Taracköz)

Мы ниже пѣтъ [пи]сани даеме знати комѣ ся належить што мы сего рокѣ божого ^хаѣпа оу нашѣй вѣрѣбари ѣ панъщинѣ та ѣсѣхъ рѣцахѣ на нашѣ паны неимаеме нѣякѣ скаргѣ за тото даеме сие писаня ѣ тересѣвѣ мисяця ноемѣрия ѣ рокѣ ^хаѣпа сие писаня писѣвѣ столецъны

дякѣ тересѣвѣски петрашинецѣ
юра

бирѣвѣ сѣлскый Петровѣци
григѣрѣ

30. Реметы (Remete)

Мы ниже подѣписанѣ даеме знати комѣ ся належить што мы не имаеме сего рокѣ ^хаѣпа жадного поносѣ на нашѣ паны за оурѣбарию. анѣ за жадне инше на то даеме сие писаніе оу ремети^нскѣи громадѣ. Мѣсяця ное^мврие: ѣи года ^хаѣпа

сие писахѣ азѣ иереи ердевѣ Бокочѣ
парохѣ реметинскый

Рѣснакѣ Яцѣко

31. Мокрое (Мокра)

Села Мокра бѣрѣвъ и боженикы и инии люде неимають на свои^х чесни^х
пановъ нияки понѣсь сего рокѣ, р. б. оу чеснѣ вармедю: мця ѡктоврї дня ѡи
аѸпа

диякъ краила сиче сие и писавъ Харка^{вч}скъ григоръ бирѣ

Записи в церковных книгах Библиотеки им. Сечени

Рукописное Евангелие XV в. (Ecl. Slav. F 1)

В. Студеный

Во имя ѡца і сина і стаго дѣа аминь кѣпивъ сию книгѣ рекомѣю еванъ-
гелиѣ рабѣ божи опаѸриі кочѣшь и въ сѣмѣ чотыри сѣт аѣ мафеі марко
лѣка іванъ іереі григориі бѣря неможесть ее нихѣтътъ ѡ села стѣденаго і
вѣдѣ...

*

коли іереі Григориі Бѣра Бряникѣвъ пѣшовъ пѣшовъ оу русъ та его
клѣнъ оубивъ рокѣ божого аѸка мѣця Фервария дна s

*

коли іере. бѣря пошовъ оу Русъ та его клѣнъ оубивъ Ѹѣѣ

*

Пѣснь свѣсцька

Гои гои сядемо вѣколо и весело розъмовлямо випиваимо панове
сѣсѣдкове нѣ на^м добре бѣде в гои гои деся бавишь моі товарѣцѣ хочешъ
пити попроси ти тѣлько ся стѣдаешъ бо гроши не маешъ бо гои гои мѣльно
и михъно торѣги рихло пристанъ то^рговати коли ж вѣкожѣии пивати
слоб..

Рукописное Евангелие XVII в. (Ecl. Slav. F 12)

Карась (Kárász)

... и стаго Дѣа Аминь: купи^х сию кѣнигу еугліе рабѣ Бѣіи тимо^н
яношъ из^в женоу своею Анною: из свои^м се^стрѣн^цо^м петро^м из^в девицею
Ан^ною за золотихъ девятъ ѣ старо^гѡ по^па ѣ ѡца федора і прида^х ей^в до
це^ркве кара^кои Сѣа^гѡ: архистратига Михаила за свое спасеніе дѣевное; и
за своихъ родителе^н: А хто бы ей има^л ѣкра^сти таки неха^н буде^т прокля^т
анафтемоу: і арамафта на вѣки вѣчнїи, Аминь били при томъ люде че^стнїи
ѣ бил іверешъ яношъ стари^н.в. іверешъ яношъ моло^дн і ро^знопѣ яношъ дѣ гу^чти^н
яношъ. рокѣ бѣжго аѸпѣв мѣця сеп^тем^рія: дня і: записова^в ѡцѣ васили^н
кара^кий

*

за ѿвое ѡпущеніе і за померши^х родителей ѡца и матере Івана и евиі
и брата своего Хенде^а петра и сина своего петра се^а три свое^и марѣи

*

иереи феѡдоръ оу карасѣ оу сѣдеѣ из рѣси любыцкии за свое спасени^е
за ѡпущеніе грѣховъ изъ жоною гафою за золотыхъ і кто малъ оукрасти албо
продати кремъ мене іереѣ Феѡдора руского люцкого бо **а** за свою вѣриню
працю кѡпилъ за і золотыхъ; на страшномъ сѣдѣѣ зо мною бѣде^{тѣ} мати за-
платѣ передѣ страшны^{ми} анѣгли передѣ страшнымъ предѣстоломъ але **а**
много грѣшны^и прошѣ добрый читателю писма стѣго прочитай стѣое еѡ^а лѣ
оу рокѣ единъ разъ оу велико^е говѣна дръгии разъ оу петрово говѣна тре-
тий разъ оу госпожино говѣна четвертыи разъ оу розѣднаное говѣна: сесе
еѡ^а лѣ кѡпилъ емъ собѣ недобро быти попови без еѡ^а лѣ де схошѣ своимъ
еѡ^а иемъ поидѣ подписаль емъ свѣтое еѡ^а лѣ оу великое говѣна оу вѣ ю сѣбо^{тѣ}

*

за ереѣ Феѡдора^а [тот же почерк] кто по моюи смѣрти бѣдетъ на сюмъ
еѡ^а іе ѡпра^влати тотъ повиненъ за мене многогрѣшнаго ба просити

*

ра^б бо^ж іереи Іѡан^н Злавадо^вскіи писа^х оу карасѣ ро^ѣ Бо^ж ахѣе мѣа
апри^а ѣ дна

Рукописное Евангелие XVIII в. (Eccl. Slav. F 18).

В. Студеныи

сие евглие вышней церкве **а**ѡ^аѣѣ

*

панове краиниц зычи^м доброе зд^раво

Рукописное Евангелие XVI в. (Eccl. Slav. Q 10)

Турц (Turc)

Изволеніе^м ѡца ись поспѣшеніе^м сѣна исьвршеніе^м стѣго дѣа коупи^а
сїю книгоу зовімаѣ еѡ^а іе Ра^б Бѣжій Феѡд^р сѣ подрѣже^м его ись чады свои^{ми}
и да^а за ню... златы^х и придали ей до цркви въ тоурѣць, ко храмоу и прѣтлоу
архи^ера^{ха} николаы и дали ей за свое ѡпущеніе грѣхо^в и за ро^дителя своѣ
кождѣа по имени и^х тѣ^мже кто бы ей смѣ^а ѡдалити ѡ ѡбѣтованого мѣста.
по^п или дѣа^к или просты^и члѣкъ да бѣде^т ана^лема проклѣ^т и ѡ стѣ^х ѡць тѣ
и^ж въ нѣкѣи цѣ се^м вѣце и въ Бѣдоуши^м †

Рукописный Служебник XVI—XVIII вв. (Ecccl. Slav. Q 12)

Ў Б'олюбивагѡ Елиѣпа Андрея Бачинскыи оу оунгварѣ градѣ Маѣим поповичъ Паро^х Новосѣлскый Адмѣнѣстраторъ Ляхѣвскый посвятился на презвитерствѡ рокѡ аѣпе здѣ застал

*

Рокѡ аѣпе сѣя книга перенесена еѣт из веси Рипиногѡ до веси Старо-Голятина Іереем Па^нтелеймон Ляховѣк... которая [книга] прислѣшает до веси Лях...ц Panteleimon Lachovsk... Parok OНolatinskiy

*

рокѡ Бжго ахкиѣ попь микѣла повѣдае дѣтемъ своимъ же мають пювь ланѡ вольного на горѣ: изъ полами бо то я оу лѣсѣ бывъ сѣвъ на тото

*

ахчдѣ попь петро такъже повѣдае дѣтемъ своимъ же волуно естъ имъ тамъ сѣати а королѣ немає там дѣла

*

Рокѡ божога аѣкѡ що са дѣло попь василий оу новоселицю пришовъ

Служебник 1604 г. (Lit. 372b)

Ляховец

Василіу Тарасови... млтію бже епѣи Микачевку преѣтав...

*

Сиа книга на има слѣжебник иереа ивана бѣлецкого н. меша и церкве вышне...

*

изволеніе^м ѡца І поспѣшеніе^м сѣна і .. дѣйство^м стѣго дѣа пои^сповѣди купи^ѣ сѣю книгѣ на им... ра^б бжїи Ива^н за свое ѡпущенніе грѣхо^в и прида^т ей попови р...му зятеви своему щоби І ѡ... немо^г ни^хто ѡдалити едно щоби его вла^снеї було І его дѣтии. [вся запись зачеркнута]

За произволеніе^м доброго А... своего даровалъ сѣю книгу названъію Литургїонъ ѡцѣ Іоанъ Сщенькѣ.... протопоп. ѡцѣ Алеѣ.еві мсти...

скомъ зятеви своемъ абы в молитвах своихъ . . . вычне спомыналъ задравіе телесное и сїсеніе и Ѡпущеніе хрѣхов родичовъ свои^х. . . [запись местами зачеркнута]

Рукописное Евангелие XVI в. (Ecccl. Slav. F 24).

Аще кто хоче^т знати кто писа^н сїю книгъ смотри за стльпо^м івановы^м.
Аще ли хоче^т знати кто кѡпи^н смотри пре^д стльпо^м івановы^м Аще ли хоче^т
знати я^н ѡзнати Ѡ црѣкве смотри пре^д стльпо^м ма^рковы^м. аще ли споманѣти
кто купи^н и родителѣ его смотри пре^д стльпо^м стого луку.

*

Здасѧ по лѣте^х десяти^х хѡва въсн^се^ніа с^х ах

*

. . . и зда[с]ѧ полѣтѣ^х ѣи хва възнесеніа.

*

Мл^чтію бжїю и блїгодѣтію щедротами и члїколюбіемъ га ба и сїса на-
шего іс хѧ и млтвами прч^чтыѧ в^лчца нашеѧ бца и пріо дѣвы маріѧ и млтвами
въсѣхъ стыхъ иже Ѡвѣка ѡгож^дыши^х хѡи сїю книгъ зовемъѧ Ев^нліе тетрѣ рабѣ
бжїи івнъ ревни^н и подрѡжїе его пара^чка и съ сыно^м свои^м ивано^м и под-
рѡжїе его марюца и и^о всѣми чады своими дали ѡробити ѡ домъ свое^м и
заплатили съ ѡмиленїемъ и радостїю сїю книгъ [остальная часть вырезана]²²

*

Михаи^н Молоде^ц архїеп^чка Марамороушъского . . . ро^н снїѧ ахнв
мїѧ а^в г днѣ

Запись 1721 г. из села Ольховцы (из собрания Г. Стрипского)

Сѧ книга глаголемаѧ пресвѧтое евангелїе ішедшаѧ Ѡ пребезначанихъ
оустъ Гда нашего Іса Хѧ кѡпилъ епископъ Досо^лей до манастра вольхо-
вещкого до храмъ оупсенииѧ и благовѣщениѧ пресвѧтои и преблагословенои
Дѣвы Марии, а хѣто би мѣлъ ей Ѡдалити . . . да бѣдетъ проклѧт, ма^рама Ѥта.
Рокъ Бгѡ аѤгі. Подписана Ѣрмонахом ІвсиѤомъ Щир, Anno Domini 1721.

²² Так как книгу позже украли, соответствующие листы или вырваны, или повреждены.

Грамоты

Грамота 1701 г.²³а҃҃ ма^и кӓ

А при то^м даеме знати ком^у ся Приходит^т. ѿ то^м видати На^ипаче марам^урик^и ва^рмеди Пана [sic!] шпан^у ц^урат^у Инши^м. Чени^м аш^ушоро^м ва^рмед^у марамор^икои за дѣло пана По^п данила що ^у его м^лти ^у пана По^п данила веляти^нского Бри^н щefa^н кали^нски^н гами^шни л^ити та гамишними бесидами в^уша^лвинова^в ·пг· золоти^н. На ·пг· барани^н По^п дани^н пришо^в за свое^у вла^но^в х^удобо^в а бри^н щefa^н кали^нски^н того не м^с Испо^внити що би его м^л По^п данилови тот^у х^удобо^у Спо^внити Его м^л по^п дани^н лиши^в. На пор^ук^у На кали^нски^х добри^х люди ·а· Васи^н тиха^лчи^ч Пана копина²⁴ Фрате^р Иштвана кми^т в̄· Ива^н Зябка. Пана Б^удаи Жи^нмо^нд^ув кми^т ·г̄· крег^у ѿлекса Пана Фрат^е Иштвана кми^т р^учи^вся ·д̄· ма^ржинами ·д̄· щefa^н крег^л го^ж пана ·е̄· мекле^ш васи^н Пана Стоика л^ало^в кми^т Илкофица^н б^уда^н жи^н ·е̄· петро мига^нчи^н к̄(.) таки^м мо^вдо^м ся р^учиме щоби до ·в̄· недѣл^у Пана По^п данилова х^удоба била ^у р^ука^х а^лбо барани а^лбо гроши ми пор^учинки щобѣме ·д̄·л^ом²⁵ з^ота а^лбо ·в̄· рази т^уко що би на^м Не м^с Фолосовати²⁶ Никто ани Наши Пани ани Наша ва^рмед^у лише ся так^у р^учиме щоби Его м^л свои^м гат(ал)мо^м ²⁷ м^с Из на^н Свою х^удобо^у з^яти хо^т ^у наши^х дома^х хо^т ^у нашо^н ва^рмеди хо^т ^у вариши хо^т ^у Сел^у хо^т На пере-во(зѣ) хо^т На мит^у хо^т На га^рми^нцадѣ.²⁸ На б^уше бизо^нш(а^г) во даеме Пана По^п данило Насебе Сеи ли^т Пере^д добрим(и) Нашими в^ул^хскими Па^н го^лно^ж мига^н шимомо^н [sic!] ·в̄· Бала^ж ла^но^в [sic!] ·г̄· Иляш Jakobъ. дѣя-лося ^у в^ул^хцо^х ^у хижи цирик^у л^укача Нащо Его м^л Ес^т Бизо^нша^н.

Сора го^лноц^ь мига^н шимо^н
 Бала^ж ла^но^в
 Иляш Jakobъ

Coramey Johanes Pap De Irhoz
 васи^л миха^лчи^ч +
 Зябка Ива^н +

Грамота епископа Иосифа Стойки 1700 г.

Josif Stojka m. bžiju archiepp. pravoslavni Maramoriskij i proč. A pri som vědomost činime sim našim pisaniem komusja prinaležit o sem znati, arhierieem, protopopom i gromadē . . . ego milosti pana Stefana Migalikovogo iz Bedevlja, jak gospod podarovav, ščo pe Eva malženka pomerla . . . pozvoljaem iz novo da budet blgosloven ego milost . . . sobê nehaj ispravno činjat vo usem roskazuem. Pisano u Bedevli gen. 15. 1700. Vldka Josif sk.

²³ Буквы поставленные в скобки, были отрезаны.²⁴ Копитана.²⁵ Ср. лат. *in duplo*.²⁶ Ср. рум. *folos* 'Nutzen, Vorteil' Tiktin ук. соч.²⁷ Ср. венг. *hatalom* 'власть'.²⁸ Ср. венг. *harmincad* 'тридцатая часть' (пошлина).

Грамота епископа Иосифа Стойки 1704 г.

Josif Stojka mlstiju božieju pravoslavnij [sic!] arhierp. Maramoriskij eksarha stavropigij patriaršiskoj Konstantinagrada novago Rima eščeže i proča. Po bldati pečtago i životvorjaščago duha i vlasti dannoj našemu smireniju ot visočajšago arhierea gsda nšego Is. Hta postavihom sego bgabojnago muža Georgia vo četecê, pivcê, zalkinatelê, vrjatarê, sviščenoscê, poddiakoni i diakoni po činê stia kaftoličeskia cerkve, posemže увидêvše ego dostoine biti višočajšago sana, rukopoložihom ego na stij visočajši stepen prezviterstva do hramu i prestola archierea Hva Nikolaja do sela Čopovec i dahom emu vlast vjazati i rêšiti sogrêšenia vo ljudeh priključajuščihsja kromê im nerazsuditelnih tokmo nam eppovi naležaščih jaže dolžen est otsilati onže dolžen est priležati prestolu do negože postavljen, soderžaščijsja vo trezvenii, čtenij, poučenij, popečeniize dš hrestianskih sohranjajušče soedinenie so stoju vostočnoju cerkviju sobornoju i apostolskoju po svoemu kljatstvennomu obêtu. Izvêstnêjšago radi uvêrenia dahom emu sie pisanie zo podpisom ruki vlasnoj i zo utverždeniem pečati. Dan vo čumalevê dnja 28 mcja Maju roku 1704. Vldka Josif sk.

Антиминс епископа Иосифа Стойки

Бжѣтвенный и сценный ѿлѣар Га Бѣа и сѣа нѣшего Іѣа Хѣ ѿщену блгѣтїю всестѣо и животворѣща дѣа Рѣкодѣстве же и блѣсве бѣлюбиви гѣдном ѿце Іѣсиѣомъ Стойка млтїю Бжѣю правослабним епѣпо Мараморї еѣа рхою Стаѣропїги патрїа ршескѣ Царигѣ: админѣстраторому метрѣпѣліи Беѣградскѣ Сеѣмиграда и проѣ.

Рѣкѣ Бжѣіа аѣхѣд. мѣца юѣ д. дан до храмѣ стѣо михаїла олховецкаго

Записи из книги И. Бырлеа*Нижняя Апша. Рукописная Минея (Bırlea 2)*

Исе Хѣ, приими жертвѣ сїю во оставленїе грїхѣвовѣ Превѣсвещеннагѣ архїепископа нашего Досѣѣеа и ѣць моего дѣховнаго иермѣнахѣ Силївестрѣ и свещенїереїа ѿтца моего Илїх.

Средняя Апша. Антиминс XVIII в. (Bırlea 5—6)

рѣкодѣственъже и ѿсвѣщен господїномъ отцемъ Мїхаїломъ Манѣїломъ Олшавскїи епископомъ росеїскимъ вѣкарїемъ апостолскимъ росеїскимъ и совѣтникомъ црскимъ, на немъ бжественнѣю и стѣю лѣѣрїю бо еже сценѣдѣствовати дхонмѣ; рокѣ 17-, мѣа. . . . днѣ

Борша (Borşa). Рукописный Апостол (Bîrlea 28)

...молдовской земли, корол Ракоеции Геурגיעе совет[ни]къ молодїи и прочее; въ лѣто зрхд, ѡт рд. хва ахнд, сїи испискъ пис мца ноеврїа іс дна, на стго еугліста и апла Ма.о.а, аминь.

Борша (Borşa). Рукописный Октоих (Bîrlea 30—31)

Scris-am eu, Ştefan diiac от [земле] мѡлдавскою от монастыре хѡморьскїи, къ днѣ... от създае мира, ... въ лет 735В

[На другом листе:]

И съ братом своим Тимиш Дамїан и съ подрѡжа его Кали и съ чадїи своими Дан и Истатїе, и положиша въ цркѡв ѡт село Пѡршѣ. идеж ест храм събор архаггла Михил[а], да бѣдет им пам[а]т[т]... и родителей; раб бжїи Тимиш Тодер и подрѡжїа его Татїана, и кто сѡ покѡсит възати или продати ѡт сѡа стаа цркѡи поп или дїиак сїа книга, да бѣдет непрощен ѡт гѣ бѣ и прѣстѣя его мтре и ѡт тїи ѡцѣ иж въ Nikei, и да бѣдет проклѣт и триклѣт, ана.о.ема, марае на.о.а, и... в лѣт 7139, а ха 1631, мца маї з дни, и кѡпїлем ѡт попа Дѡмитрѡт от Мосїи, да сѡ знае.

Борша (Borşa). Рукописный Триод (Bîrlea 33).

Сїа книга рекомаа триод посник кѡпил раб бжїи апбѣни кра и съ подрѡжие его Марїе и чед Василие, Єѡнашко, Мирон, Доумитрашко, Андриешѣ, Лѡпѡл, Василе, Иланѡ и ѡтцѣ его Прикоп и съ дрѡжи его Марїе, Цѡрѣе иотре (?) Єюнашко и въсем род их... и положише въ цркѡ старѡ от Алсо Борше, идеже ест храм събор архаггла Михаила и Гаврила, да бѣдет им памет въ вѣки, и кто, іе покѡсит възети или продати ѡт сїа стаа цркѡи... дїак сїи книга, да бѣдет непрощет ѡт гѣ бѣ и прѣстїе его мтре и отцѣ иж въ Nikei, и да бѣдет проклет, триклет, ана.о.ема, марана.о.а въ сїи век и въ бѡдетцїм в лет 7190, рок бжїи 1780, мца декаврїи .о.

Борша (Borşa). Антологїон 1638 г. (Bîrlea 35)

Изволенїе отца и поспешнїе сна и сѡврѣшенїе стаго дха повѣленїемь блгочѣстївїм короля нашего Апѡѡи Михаї, архїепископ и митрополїт Сава Бранковїч, шпань Погань Минїкевѣ, вишнїи ераш, Цѡурат Петровань Илиешѣ, петропоп попа Василие от Вѣшев нижнїи

Борша (Borşa). Рукописная Мїнея (Bîrlea 39)

Изволенїе ѡтца, etc., кѡп сїа ес... и жена его Марїа, снѣ его Сїмїѡнѣ ѡстеноѡ (?), Нїкѡра, Василїе... и даде сѡтракѡ (?), попа Пинте и прода им и алїр [Малїр?] Григорїе...

Борша (Borşa). Рукописное Евангелие (Bîrlea 42—43).

Изволеніе отца . . . и по начертаніа стѣа дѣха. † Се аз раб бжиа, Анна, изволихъ блгымъ моимъ промышленіемъ и нижашіймъ оумомъ изволихъ, и кѣпихъ сѣа книга на имѣ зовма Тетрѣевгліе пртслъноеное (!), и даст еа въ стѣа црковъ оу село Борша, идеж ест храмъ стго архаггла Михаила и Гавриіла, за свое отпѣщеніе грѣхом. † Аще кторы . . . сѣа книга бѣзати [sic!] от стѣа црков, от родителей, или от црконихъ кто, или поп, или діакон, или діакъ, или брат, или сестра, но не рѣшимо от храма стго в вкы; аще кто покѣсит сѣа, да бѣдет проклат, и триклат, анаѣема и ѡт стых отцѣ тиі иже въ Никеи. И бѣдет съ многъ сѣдмѣти на страшномъ сѣдѣ хвѣ. И даде а въ рѣка попа Пинтѣ, ве село Борше. Въ тое врѣма быст епскпѣ Марамѣришескіи Михаил Молодец [sic!] и проч, земли оугорскіа. Писал Іоан діак от нижнего ярашѣ, и сѣтвори сѣа книга. Ве лато зрхд, а от рож. хва ххнд, мца Ноеврѣа и дна, хвала бгѣ изволившемѣ тако, амин.

[Ниже:] И сѣа книга сѣврѣши сѣа рѣкою многъ грѣшнагъ Иванъ дакѣ, от село Нанкова, рокъ ахнг, 1653, мца ноеврѣа иі дна

[На другомъ листе:]

Въ лѣто ххз отъ сѣзданя мира. Изволеніемъ отца, etc . . . испсана быст сѣа книга наипервѣе нача сѣа Григоріе Стрѣискимъ и сѣврѣши сѣа рабомъ бжимъ и роукою многъ грѣшнагъ Іованна діака Нанковскогго, и сѣврѣши сѣа в селѣ Нанковѣ при цркви храма прѣдбной мтре нашѣ Параскивеи в повѣтѣ хогдскои [?], при панѣ етма [?] Рѣдаи Ференцѣ, при епскѣ Мараморѣскомъ Михаилѣ Молодѣци; в тое время былъ нареченыи влдка Мѣкачовскіи Станко . . . Сіе евгліе сѣврѣши сѣа рокъ ахнг, 1653, мца ноеврѣа 11 дна, на стго евлѣст и аспл. Мат.ѡ.еа.

Будешть (Budeşti). Надпись на Царскихъ воротахъ (Bîrlea 66)

Сии двери кѣпилъ Маришъ Василъ съ женомѣ своимъ и со чадъ своими, за свое отпѣщение грѣахом, рокъ ахки, 1628.

Кухеа (Cuhea). Евангелие 1636 г. (Bîrlea 83)

Во имя отца и сна и стго дха кѣпи сію книгу стое евгліе азъ рабъ би Стеѡанъ женою своею Феѡдосія самъ дѣтаи своими Василіи, Индреи, Настисиіа, Мар., Романъ [и др. имена] [вслед за румынскимъ переводомъ данной части стоитъ дата: 1659].

Драгомирешть (Dragomireşti). Надпись на иконе (Bîrlea 100)

Кѣпиль сію ико. рабе бож. Василіе, жена егъ Настасіе, Иванъ, Настасіе, Тодора

Еуд (Ieud). Рукописное Евангелие (Bîrlea 125)

Сеже писание писал... ва Марамѳреш, въ днь крале нашего Михаила Апаѳи, теченіа зд, лета съ създаіа мира.

[Ниже:] Сеже писаніе пісал диак Иана, рок бжии зд.

Леордина (Leordina). Учительное Евангелие, Яссы 1643 г. (Bîrlea 127)

Изволение потца и поспѳшеніе сна і совершеніем стаго дха кѳпилисмо сію кнѳг глаголемое еугліе ст: ѳчителное діалектѳ молдавскаго сщенно іереі мног грѳшныи Ігнатии бывшии на тои час ве слѳ Левѳрдинѳ і с подрѳжѳемъ своим на има Фенною і з сеном своим сщенно іересом Грігорѳем і дщереію своею Аннѳцею, а дрѳгѳю част сииж книги члвкъ зацїи [sic!] на има Васил Цапѳ, і с подрѳжѳемъ своим на има Аннѳцею, і з снами своим на има Лазор і Шимоном и з дщерами своими Аннѳцею і Ахенією і Настасїєю, за свою праидѳвю (?) силѳ засѳмѳ зомти ні ѳгорскои личбѳї (?), і придалисмо ей до храмѳ ст. соборѳ архистратига Хва Михаила і Гаврила, за отпѳщение грѳхов своих і преставших родителей своих отца і братии своих... мѳсцѳ поки бѳдет бжїа... рокѳ бжжїа ахпе, 1685, мѳа декемвра во г день, в Марамориши в ярѳшѳ вѳшнем, в селѳ Левѳрдинѳ

Монастырь в селе Мойсей (Mănăstirea Moiseiului). Триод (Bîrlea 134)

Се аз смернѳ Andrei, arhimandrit ot Молдовице приходима до манастир Моисѳа, идеже са ктита [?] іереи Ионаш снѳ попа Михаи, тижре Сктимар беприхти [?] амин. Вл. зспи [1779—80], m[esi]ѳa-15.

Вишаул-де-Мижлок (Vișăul-de-mijloc). Учительное Евангелие 1645 г. (Bîrlea 209)

Вѳ лѳто ѳхна, 1651.. смиреннаи Михаилъ Молодецъ архиепископѳ марамораскїи іпроч и азѳ своею рѳкою подпїсѳю, и свою печат прикладѳю аи [?] кѳпил сію кнѳг рікомѳю Еугліе ѳчителное, рабѳ бжїи Роман Томоіагѳ за свое отпѳщение грехои и подрѳжа своіго и чад своих, и придал сѳ до храмѳ прїдбной Параскевїи ѳ село ѳ середнѳю Ваїшшавѳ; даи емѳ бже доброе здорова и ѳтпѳщение грѳхой и... аминѳ. Михаил Мольдец, архиепископѳ.

Slowakische Elemente im Bistritzer Glossar?

F. GREGOR

In pietätvollem Gedenken an Johann Melich ließ Matilda Hayeková ihre »Doplňujúce poznámky k Besztercei Szójegyzék-u« (JŠ 9:115—135) erscheinen, in dem sie darüber unterrichtet, in diesem Glossar ungefähr 30 slowakische Ausdrücke gefunden zu haben. Sich auf die Ausgabe und die einleitende Studie Heinrich Finalys wie auch auf einige Veröffentlichungen Melichs (MNY 17:40—1; Nyr 22:117—24, 173—82) stützend, stellt sie der slowakischen Öffentlichkeit das Bistritzer ungarisch-lateinische Glossar vor. Dabei gelangt sie zu Schlußfolgerungen, die — mit Respekt gesagt — verblüffen. Melichs Bemerkung, wonach die Muttersprache des Verfassers des Glossars nicht Ungarisch war, fügt Hayeková aufgrund der im lateinischen Teil des Glossars gefundenen Wörter *cibula*, *psi* und *Voda* hinzu, daß der Verfasser des Glossars während der ganzen Arbeit slowakisch gedacht habe (a. a. O. 116). Und da Hayeková der Meinung ist, daß es ihr gelungen sei, etwa 30 slowakische Wörter im Glossar gefunden zu haben, folgert sie hieraus, daß der Autor des Sprachdenkmals, d. h. der »Mitverfasser« (sic!) ein Slowake war (a. a. O.). Genauer, er war ein Student mit slowakischer Muttersprache, der das Glossar nach dem Diktat seines Ungarischlehrers niedergeschrieben hätte (a. a. O. 135).

Was kann man dazu sagen? Vor allem, daß das Vorgehen von Hayeková ein klassisches Beispiel dafür ist, wenn jemand zu einem ausgezeichnet scheinenden Einfall jedes Mittel benützt, um seinen Satz zu beweisen, statt aus der objektiven Erwägung der Tatsachen die Folgerungen zu ziehen.

Hayeková begeht nämlich mehrere methodische Fehler, die ihre Ergebnisse nicht nur zweifelhaft, sondern geradezu unannehmbar machen. So stützt sie sich bei der Analyse des Sprachdenkmals nur auf eine alte, nicht sehr verläßliche Ausgabe und kontrolliert ihre Texte in solchen Fällen, wo eine Buchstabenform eine entscheidende Rolle spielt, nicht am Original bzw. am Faksimile des Originals. Sie zieht auch nicht die ganze Fachliteratur heran, die sich seit dem Erscheinen der Ausgabe und der Bemerkungen von Melich mit dem Typus, mit der Verwandtschaft sowie mit dem ungarischen und dem lateinischen Wörtern des Glossars befaßt hat. Sie berücksichtigt die verschiedenen

Probleme der slawischen Elemente in der ungarischen Sprache nicht, wie z. B. Lautform, Chronologie, die Frage der Annehmersprache usw. Sie denkt nicht daran, daß auch aus dem Ungarischen in die benachbarten Sprachen Wörter übergegangen sein konnten. Und schließlich vernachlässigt sie auch die allgemein bekannten Erscheinungen der slowakischen Lautgeschichte.

Wenn ihr der Gegenstand ihres Themas ein wenig bekannt gewesen wäre, hätte sie wissen müssen, daß das Bistritzer Glossar kein selbständiges Werk ist, sondern zusammen mit dem Schlägler und Soproner Glossar auf ein gemeinsames Original zurückgeht. Schon Karl Tagányi hat festgestellt, daß das Bistritzer Glossar eine Abschrift ist und der Kopist kaum ein Student gewesen sein konnte (vgl. Száz 1893:306—7). Eine bekannte Tatsache ist auch, daß die im Ungarischen und im Lateinischen vorkommenden vielen Fehler Folgen des mehrfachen Abschreibens sind (vgl. NyK 1898:359; ÓMolv 255). Wer sich über Zeit und Ort des Entstehens des Originalglossars, über die Eigenheiten der Orthographie der drei erhaltenen Abschriften und über die Frage der ungarischen Lehnwörter informiert, kann sich mit dem Standpunkt von Hayeková nicht restlos identifizieren. Wenn sie z. B. nur einen Blick auf die bezüglichen Zeilen des ÓMolv oder in die zwei grundlegenden Werke von Stefan Kniezsa (HírTört und SzlJsz) geworfen hätte, hätte sie die unbegründete und überforderte Beweisführung, die sie im Interesse des Meisters Georg entfaltet hat, vermeiden können. Bei der Beschäftigung mit der slowakischen Sprachgeschichte begrüße auch ich jede Angabe mit Freude, die die Geschichte des slowakischen Wortschatzes bereichert, aber nur in dem Fall, wenn diese Angaben annehmbar und vorhanden sind. Von diesem Gesichtspunkt aus muß ich mit Bedauern feststellen, daß die slowakische Vortgeschichte aufgrund des Bistritzer ungarisch-lateinischen Glossars keine Bereicherung erfahren kann.

Im folgenden führe ich der Reihe nach die Behauptungen der Verfasserin an und verweise auf die Mängel ihrer Beweisführung, sowie auf die sich hieraus ergebenden Irrtümer.

vya (43). Nach Hayeková ist es slowak. *ujo* 'Onkel' (a. a. O. 117), während es in SzlJsz 541 als *uja* behandelt und auf slaw. *ujb* zurückgeführt wird. Wir haben keinen Grund dafür, die Form *vya* unbedingt als *ujo* zu lesen (im Glossar bezeichnet das Graphem *a* am häufigsten das Phonem *a*, seltener *o*), muß aber als Möglichkeit in Evidenz gehalten werden. Gleichzeitig kann man auch nicht außer acht lassen, daß es im Slowenischen auch *úja* (Plet) gibt; dies ist zwar nicht 'avunculus', sondern 'ältere oder jüngere Schwester der Mutter', im BistrGl ist die ungenaue Interpretation des lateinischen Originals nicht ungewöhnlich.

polka (48). In der slowakischen Volks- und von dort in der Literatursprache sind *polka* und seine Varianten in den Bedeutungen 'Umschlagtuch, Kopftuch; Zubehör zum Weiberrock'; 'Leinwandstreifen' (Kálal) gebräuchlich. In Ermangelung eines sprachhistorischen Wörterbuches kann man jedoch

nicht einmal annähernd wissen, seit wann dieser Ausdruck im Slowakischen lebt. Davon kann natürlich nicht die Rede sein, daß wir das Wort *polka* aufgrund des BistrGl nicht als ein Element des ungarischen, sondern des slowakischen Wortschatzes betrachten. Vom 14. Jh. an ist *polka* 'Windel' in der ungarischen Sprache keine isolierte Erscheinung, so *polca* (SchlGl 232); 1508: *polkáz, pókáz* ('in Windeln ein-, umwickeln' NySz). Der Ursprung des Wortes und sein Zusammenhang mit dem aus dem Slawischen stammenden Wort *pólya* sind zwar nicht geklärt (SzlJsz 433), gewiß ist aber, daß es im BistrGl auch dann als ungarisches Element anzusehen ist, wenn es sich eventuell als Entlehnung aus dem Slowakischen erweisen sollte. Übrigens ist auch dessen Gegenteil nicht vollständig ausgeschlossen.

puzdra (131). Nach Hayeková ist die Form *puzdra* im BistrGl der Pluralnominativ des slowak. *puzdro* (a. a. O. 117). Natürlich ist dem nicht so. Das Wort *puzdra* ist auch hier ebenso ein ungarisches Element wie im SchlGl (*puzdra* 619; *puzdora* 613), dann bei Albert Molnár und anderswo. Daran ändert die Tatsache nichts, daß das ung. *puzdra* 'Köcher' eine Entlehnung aus den Slawischen, vermutlich gerade des slowak. *puzdro* ist (SzlJsz 451).

ptrosol (344). Hayeková bringt die Form *ptrsol* und diese ist ihrer Meinung nach nichts anderes als das slowakische mundartliche *petržal* (a. a. O. 117). Ich denke, es wäre aussichtslos, darüber zu diskutieren, da der Kopist das Wort fehlerhaft aufgezeichnet hat. Wir können also nicht wissen, in welcher Form er es eigentlich fixieren wollte. Es ist allgemein bekannt, wie viele Varianten das Wort *petrezselyem* 'Petersilie' im Ungarischen hatte und hat (vgl. nur die Angaben im OklSz, NySz und MTsz). Die Auflösung der Lautverbindung *rs* ist jedenfalls eine ungarische Eigenheit, somit kann das Wort *ptrosol* aus ebensoviel Gründen in den ungarischen wie in den slowakischen Wortschatz eingereiht werden.

cibula (413). Es kommt unter den lateinischen Wörtern des Glossars vor, die ungarische Entsprechung ist *vereshagyma* 'Zwiebel'. Hayeková beeilt sich mit der Aussage: *cibula* sei ein sicherer Beweis dafür, daß der »Mitverfasser« während der Niederschrift des Glossars ständig slowakisch dachte (a. a. O. 116). Wie sehr dies nicht möglich gewesen ist, darauf habe ich schon hingewiesen. Viel wahrscheinlicher ist, daß wir auch in diesem Fall eher von der Ungenauigkeit des Kopisten sprechen müssen, nicht aber von der bewußten Anwendung des slowakischen Wortes *cibula*. Aufgrund des SchlGl können wir nämlich mit Gewißheit behaupten, daß im Original das lateinische Wort *cibulus* stand, dessen Endung *-us* vom Kopisten des SchlGl in gewohnter Weise, mit 9 abgekürzt worden ist (vgl. SchlGl: Faksimile S. 7, 3. Zeile). Demgegenüber wandte der Kopist des BistrGl der Abkürzung keine Aufmerksamkeit zu, so wurde aus *cibulg* das Wort *cibula*. Es ist zu bemerken, daß der Kopist unmittelbar nachher das Wort *raphulanus* schon gekürzt schreibt. Mit den Abkürzungen geht er jedoch im allgemeinen ohne Sorgfalt vor, wie wir dies

auch von Finaly wissen. Dennoch ist es nicht unmöglich, daß der Kopist bei diesem Fehler auch vom slawischen (slowakischen, tschechischen?) Wort *cibula* — *cibule* beeinflusst worden ist.

verescapusta (415); *feie capusta* (416). Obwohl die ersten Glieder, nämlich *veres* 'rot' und *fejér* 'weiß', nur ungarische Wörter sein können, kann für Hayeková hier *capusta* nur ein slowakisches Wort sein (a. a. O. 117). Wenn Hayeková in SzlJsz 251 nachgesehen hätte, hätte sie gesehen, wie sehr im Ungarischen die Varianten *kápuszta* (~ *kapuszta*) einst wie jetzt verbreitet waren und sind. Das Wort ist allerdings slawischen Ursprungs, und es ist überhaupt nicht unwahrscheinlich, daß es von Slowaken im Ungarischen verbreitet worden ist, dies ist aber kein Grund dafür, die Angabe des BistrGl für slowakisch zu halten.

koh (521). Hayeková ist der Meinung, daß *koh* mit dem alten und umgangssprachlichen slowak. *koch* 'Rauchloch, offener Rauchfang' (Kálal; SISJ) identisch ist. In dieser Bedeutung kann ich das Wort am frühesten aus Comenius zitieren, der es im *Orbis pictus* als Synonym von *komín* 'Rauchfang' mitteilt: 1685: w komýňe (*kochu*) (Com 13). Von der ersten Hälfte des 18. Jh.s an kann es auch im Sinne von 'Schmelzofen' nachgewiesen werden: 1752: *koch* 'kohó' (Király 254); um 1770: *kowacky koch* 'ustrina' (StSl 3:90).

Hayeková ist aber wieder nicht damit im reinen, daß im Ungarischen, ganz bis zum Beginn des 20. Jh.s *koh* 'ustrina, conflatorium' ein allgemein gebräuchlicher Ausdruck war. Auch beachtet sie die Tatsache nicht, daß es außer dem BistrGl auch im SchlGl steht: *koh* (1063); und am Ende des 16. Jh.s schon in einer Redewendung vorkommt (NySz). Für diesen Ausdruck läßt sich eine Menge von Angaben zitieren (z. B. OklSz, NySz, MTsz), und es ist offenbar, daß *koh* 'conflatorium' des BistrGl-s dem ungarischen Wortschatz angehört. Der Ursprung ist noch nicht vollständig geklärt, wahrscheinlich ist das mhd. *kuch(e)* die Quelle (SzófSz; DOLw 151).

ausca (561). Hayeková hält auch dieses Wort für ein slowakisches (a. a. O. 117), obwohl schon Melich die Aufmerksamkeit darauf lenkte (MNy 17:40—1), daß das im Original durchgestrichene Wort *ausca* mit alttschech. *auzká* 'eng, knapp' identisch ist.

zaponá (581). Das im Slowakischen noch heute lebende Wort *zápona* bedeutet 'Schürze' (SISJ), früher 'Vorhang, Hülle' (Bern.) und 'Schnalle, Spange' (Kálal; SISJ). Es ist zweifelsohne ein Lehnwort aus dem Slawischen (SzJsz 567), da es aber außer dem BistrGl auch im SchlGl vorkommt (*zaponá* 1142), können wir mit voller Gewißheit behaupten, daß es nicht auf selbständige Anregung von Georgy de regno dicto Sclauonje in Gebrauch kam. Damit kann also nicht bewiesen werden, daß der Kopist ein Slowake war.

chepez (607), *chepez* (608), *varoth chepez* (609). Alldies sei nichts anderes als das slowak. *čepiec* 'Haube', sagt M. Hayeková (a. a. O. 117). Um die »Kleinigkeit« kümmert sie sich nicht, daß sich das Zeichen *z* im BistrGl in

keinem einzigen Fall auf den Laut *c* bezieht (HírTört 90), um so öfter aber auf den Laut *s* (in der ungarischen Orthographie: *sz*), (vgl. a. a. O. 89). Der Beleg des BistrGl-s ist also *csepesz* zu lesen, wie auch im ganzen Verlauf der ungarischen Sprachgeschichte (SzlJsz 126), und wie auch heute noch in einzelnen Gegenden die Haube genannt wird (MTsz). Der slawischer Ursprung des Wortes ist nicht zu bezweifeln (TESz), gewiß ist aber auch, daß es im BistrGl kein slowakisches, sondern ein ungarisches Element ist.

scarlath (672, 673). Nach Hayeková ist es mit slowak. *šarlát* (a. a. O. 117) identisch. Ich kann hinzufügen, daß es auch slowak. *škarlát* sein könnte (Kálal): weshalb müßte man aber voraussetzen, daß dies in einem ungarischen Sprachdenkmal ein slowakisches Wort ist, wo doch im Ungarischen das Wort *skarlát* ebenfalls seit langem vorhanden ist: um 1405: *socorlath* (SchlGl 1237); 1448: *Pannos diversos vulgo scarlath et holozpazto vocatos* (OkI Sz). Bezüglich der Etymologie vgl. SzófSz.

stanith (684). Nach Finály schreibt auch Hayeková die Form *scamith* und hält es für slowak. *aksamít* ~ *aksamiet* ~ *zamat* 'Sammt' (a. a. O. 118). Auf den Faksimile kann man jedoch ganz klar *stanith* lesen, was genau zu den Angaben im SchlGl *istanith* (1248), im OkI Sz *stamét*, *istamét* (ab 1320), ferner *istamét* (NySz I, 1622) stimmt. Die Quelle des ungarischen Wortes ist offenbar das bair. *stämmēt* (DOLw 141).

patkolnya (739). Nach Hayeková bedeutet es 'podkôľňa; Bedachung, darunter Pferde beschlagen werden' oder 'patkolňa; Beschlagschuppen'. Letzteres soll aus ung. *patkol* 'beschlagen' und aus den slowak. Ortsnamensuffix *-ňa* entstanden sein (a. a. O. 118), obwohl schon Finály richtig vorausgesetzt hat, daß es sich hier um ein Zeitwort handelt. Ganz klar geht dies aus dem SchlGl hervor, wo *pathcolny* 'sufferrare' bedeutet (1303). Bezüglich der Etymologie und der weiteren Belege des Wortes vgl. SzlJsz 404. Die Infinitivsuffixe *-nya*, *-nyi* leben in den ungarischen Mundarten bis zum heutigen Tag. Es kann also davon nicht die Rede sein, daß *patkolnya* nicht zu den ungarischen Ausdrücken zähle.

chakan (756). Nach Hayeková ist auch dieses ein slowakisches Wort (a. a. O. 118). Die Frage ist jedoch hiermit bei weitem nicht entschieden, vielmehr führt die eingehendere Untersuchung gerade zu einem entgegengesetzten Ergebnis.

Nach V. Machek ist das tschech. *čakan* türkischen Ursprungs (Machek 65), diese Behauptung kann jedoch nur als halbe Wahrheit gelten. Der Ausgang aus dem Türkischen ist richtig, das Wort kam aber spät nach der Auflösung der slawischen sprachlichen Einheit in die einzelnen slawischen Sprachen, und zwar auf unmittelbarem oder mittelbarem Weg (vgl. diesbezüglich Pais-Eml 666). Da jedoch im Tschechischen das Wort *čakan* ~ *čekan* vor dem 16. Jh. noch nicht existiert hat, verweist Gyula Décsy mit überzeugender Argumentation darauf hin, daß die Tschechen dieses Wort nur aus dem Ungarischen

übernehmen konnten. Er sagt u. a.: »Diese Ansicht wird, außer durch wortgeschichtliche Angaben, auch durch sonstige Umstände unterstützt: im Tschechischen bedeutete das Wort ursprünglich eine Schlagwaffe ungarischer Herkunft, und in den ältesten beiden Belegen, in dem von 1549 und 1591, erscheint es in einer konkreter Assoziations-Verbindung ungarischen Charakters (*huszár* 'Husar' und *magyar balta* 'ungarische Streitaxt').

Die Grundlage der Entlehnung war die alte ungarische Form *csákán* 'Hacke' (die Variante *csákány* erscheint im Ungarischen später, vgl. SzlJsz I, 605). Die Form *čakan* wurde im Tschechischen nach der Entlehnung der Wortfamilie des slawischen Zeitwortes *čakati* 'warten' angeschlossen, welches in Alttschechischen in den Varianten *čakati* und *čekati* gleichmaßen gebräuchlich war« (Pais-Eml 667). Wir können hinzufügen, daß alldies im wesentlichen auch für das Polnische und Slowakische gilt. Der Unterschied besteht hauptsächlich darin, daß im Slowakischen die Verbalform *čekat(i)* nicht so sehr charakteristisch ist, weshalb sie den Lautwandel *ča-* > *če-* nicht wesentlich förderte. Dennoch kommt in der Umgangssprache auch die Variante *čekan* vor (SP 24:590; Kálal).

Das altpolnische Wörterbuch, das den Stoff der Sprachdenkmäler bis zum Ende des 15. Jh.s enthält, kennt das Wort *czekan* nicht. Der erste polnische Beleg für *czekan* aus der ersten Hälfte des 17. Jh.s steht im Wörterbuch Lindes, der das Wort mit der Erklärung 'ein ungarischer Streitkolben' anführt. Und so, wie wir den Standpunkt V. Macheks nicht ohne Vorbehalt angenommen haben, können wir auch nicht mit der Meinung Sławskis übereinstimmen, der das poln. *czekan* für ein türkisches Lehnwort hält (Sławski 115). Sowohl die Tschechen als auch die Polen wurden während des 16—17. Jh.s mit der Streitaxt gewiß durch die Ungarn bekannt, und so übernahmen sie auch von den Ungarn den Namen. Offenbar behandelt Z. Klemensiewicz in jüngster Zeit aufgrund solcher Überlegungen das Wort *czekan* ~ *czakan* der mittelpolnischen Epoche (vom 16—17. Jh.) unter den Ausdrücken ungarischer Herkunft (HJP 157).

Vincent Blanár bringt slowak. *čakan* ebenfalls mit dem Türkischen in etymologische Beziehung (JČ 13:77, 84), bemerkt aber richtig, daß ein großer Teil der nicht frühen slowakischen Wörter türkischer Herkunft durch Vermittlung des Ungarischen ins Slowakische gelangt ist (a. a. O. 87). Meiner Meinung nach, gilt das auch für *čakan*.

Die ältesten Belege von *čakan* kennen wir aus der ersten Hälfte des 17. Jh.s, u. zw. in der Bedeutung: 1. 'eine Art Steinbrecher-Werkzeug, Picke, Keilhacke'; 2. 'Streithammer, Streitkolben'. — So: 1. Lietava, 1621: *retezi syach* 70, *sekier* No 14, *motyk* No 10, *czakaniu* No 7 (Kavuljak 168); Žilina, 1678: *Motyky* 2, *čakan* 1, *poveterniky* 2 (HŠ 3:422); 1685: *és ki-váják* (áfsák) a' *vágó-kapával, az érczgöröngyököt, (bányáfsznákat)* — a *kopagj čakanem hawýřskjm Rudu* (Com 137); — 2. Nomenclator Pružinský (erste Hälfte des 17. Jh.s): *clava* = *Čakan* (SMS 15:161); 1642: *uderity czakanem* (NL Ok.

I, 333); a witrhol Simarowy *czakan* (a. a. O.); pital zase *czekan* (a. a. O.); 1695: A' többi fedyverek, a' lántsa (dárda) a' halabárd... a' furko... a' balta (csákány) — Ostatne zbroge sau kopy, hallaparta... *čakan* (bozegan) a' ffúrka (Com 287). Bei Bernolák bedeutet *čakan* so viel wie 'fejes bot, buzgány, buzogány, fokos; Keule, Kolbe zum Schlagen, Streitkolbe, der Kolb, das Rappir, Rappier, köpfiger Knittel'. Jancs. teilt auch schon das Zeitwort *čekaňiť* 'csákányoz; hacken' mit, während in der slowakischen Mundart von Vértesszöllös die Form *čakanuvať* gebräuchlich ist: Ale je ťaško *čakanuvať* s tímto čakanom (eigene Sammlung). In der heutigen slowakischen Literatursprache bedeutet *čakan* 'csákány; Hacke' (SISJ). Ein aus diesem Wort gebildetes Zeitwort kommt im Große Slowakische Wörterbuch nicht vor.

Was den ersten Beleg anbelangt, ist V. Blanár der Meinung, daß slowak. *čakan* 'Streitaxt' zuerst im lateinischen Urbarium der Herrschaft von Krasznahorka aus 1570 vorkommt (JČ 13:84): uxorem huius anno praesenti Turci cum sarculo *chakan* vocato graviter vulneraverunt (Urbáre 245). Diese Feststellung hält aber nicht stand. Das auf die Siedlungen in der Umgebung von Rosenau sich beziehende Urbarium kann nämlich mit dem Ungarischen zumindest in dem Maße wie mit dem Slowakischen in Verbindung gebracht werden. Die meisten Personennamen des lateinischen Textes sind ungarisch, und außer dem Wort *chakan* finden sich noch zwei unbestreitbar ungarische Ausdrücke: Agnorum, cascorum, butiri, *boronze* nullus proventus (a. a. O. 247); Molendinum parvum *Fellywl chapo* vocatum (a. a. O. 250). Demgegenüber kommt im Urbarium kein einziger slowakischer Gattungsname vor. Das Wort *chakan* ist also eher als ungarischer denn als slowakischer Ausdruck zu betrachten. Dies bedeutet natürlich nicht, daß aus dem 16. Jh., hauptsächlich aus dessen zweiter Hälfte, nicht noch ein ausschließlich als slowakisch geltendes Wort *čakan* auftauchen könnte, dies ändert aber an dem allgemeinen Bild nichts. Das heißt, die Belege bezeugen im wesentlichen denselben sprachlichen Zustand, den wir im Tschechischen und im Polnischen bereits skizziert haben. Die Slowaken, ähnlich wie die Polen und die Tschechen, haben von den Ungarn das Wort *čakan* zur gleichen Zeit übernommen, und zwar als Waffen — wie auch als Werkzeugnamen. Die Bedeutung 'Galgen' von *čakan* (Kálal) ist eine spätere Entwicklung, und zwar das Ergebnis einer auf äußerer Analogie beruhenden Bedeutungsübertragung (vgl. Machek).

Der Ursprung des ung. *csákány* mit verschiedenen Bedeutungen ist noch nicht ganz einstimmig geklärt (TESz). Ob es im Ungarischen ein türkisches oder ein slawisches Lehnwort ist, steht seit langem zur Diskussion. In letzterer Zeit verbreitet sich immer mehr die Annahme, daß das ung. Wort *csákány* eher aus dem Türkischen, genauer aus dem Kumanisch-Petschenegischen Schicht als aus dem Slawischen stammen kann (vgl. SzlJsz 606; Bárczi: Szók 45; Bárczi: MNyÉr 126). Das Wort wurde als Ortsname schon in der zweiten Hälfte des 13. Jh.s aufgezeichnet: vgl. im Komitat Abauj 1276:

possessio *Chakan* (Györffy 75; 1282: *viam maiorem, que tendit in villam Chakan* (a. a. O.)). Stefan Kniezsa belegt es aber nur als Personennamen, u. zw. ab 1373 (offenbar ein Schreib- oder Druckfehler statt 1393, vgl. OklSz), wobei er sagt, daß »die Zugehörigkeit der übrigen ähnlichen Wörter zweifelhaft ist, da sie auch das Part. praet. pass. des slawischen Zeitwortes *čakati* 'warten' sein können« (SzlJsz 604). Das TESz geht noch weiter und setzt auch hinter diese aus 1393 stammende Angabe ein Fragezeichen. Als erstes sicheres Vorkommen betrachtet TESz nur den Gattungsnamen *chakan* des um 1395 entstandenen BistrGl-s. Es scheint jedoch, daß sogar diese gesteigerte Vorsicht manchmal nicht ausreicht. Es besteht aber kein Zweifel, daß im BistrGl das Wort *chakan* ein ungarischer Ausdruck ist.

psi. Nach dem Wort *caniculus* (786) findet man im lateinischen Text das durchgestrichene Wort *psi* 'Hunde', was ein gesamtshawischer Ausdruck ist (vgl. Machek; MEW), und sowohl im Norden als auch im Süden in dieser Form gebraucht wird. In Ermangelung sonstiger verlässlicher Angaben kann man also das Wort nicht als ein slowakisches Element betrachten.

horth (791). Die Angabe *aga uag horth* im BistrGl wird von Hayeková mit voller Überzeugung als *agár vagy chrt* gelesen und nimmt das Vorhandensein des Lautes *o* nicht zur Kenntnis (a. a. O. 118). Auf diese Weise kann sie dann leicht behaupten, daß *chrt* ein slowakischer Ausdruck sei. Hier ist aber von dem alten ungarischen Wort *hort* die Rede, das wir im SchlGl genau so finden: *horth* (velter 1473). Das ung. *hort* ist wohl mit dem slowak. *chrt* verwandt, da das ungarische Wort aus dem Slawischen kommt (SzlJsz 217), ist aber da mit nicht identisch.

kabala (935, 938). Wird von Hayeková mit slowak. *kobyła* 'Stute' identifiziert (a. a. O. 118). Wenn sie noch die mundartlichen Varianten *kobula*, *kobola* (Kálal) erwähnt hätte, könnte ihre Auffassung bezüglich der Zugehörigkeit des Wortes in lautlicher Hinsicht angenommen werden. Das *a* im BistrGl kann aber keinesfalls den Laut *y* von *kobyła* bezeichnen. Natürlich beweist die ungarische Wortgeschichte, daß das slawische Lehnwort *kabala*, das bei den Székler und den Tschangos auch heute so gebräuchlich ist, im BistrGl ganz und gar als ein ungarisches Element zählt. Bezüglich Ursprung, Varianten, Vorkommen und Verbreitung des Wortes vgl. SzlJsz 235—6.

zomar (966). Natürlich wird auch dieses Wort von Hayeková für ein slowakisches gehalten (a. a. O. 118). Dabei ist die von 1211 an belegte Variante *szomár* (SzlJsz 746) im Eisenburger Komitat bis zum heutigen Tag gebräuchlich (MTSz). Wir haben also keinerlei Veranlassung, das erste Vorkommen des im Slowakischen als ungarisches Lehnwort geltende *somár* (SzlJsz 747; Machek) im BistrGl zu suchen.

baran (1004). Diese alte Variante des aus dem Slawischen übernommenen ung. *bárány* ist nicht nur im BirtGl zu finden, sondern bis zur Mitte des 16. Jh.s in so mancher Quelle (SzlJsz 79).

guzar (1182). Hayeková meint, daß hier das slowakische Wort *husár* 'Gänserich' (a. a. O. 118) erscheint. Sie hat wohl keinen Augenblick daran gedacht, was in einem vom Ende des 14. Jh.s stammenden, von ihr als slowakisch betrachteten Wort das *g* zu suchen hat. Ist doch dieser Laut im Slowakischen schon zu Beginn des 12. Jh.s zu *γ* und später zu *h* geworden (Pauliny 175; Krajčovič 67—68). Das Lautzeichen *g* hat auch hier den Lautwert *g*, der Laut *h* im BistrGl nicht mit *g* bezeichnet. Das Wort *guzar* ist übrigens auch im SchlGl zu finden (1771), es ist also nicht eine willkürliche Eintragung des Kopisten, sondern kam durch Abschrift aus dem Original auch in das BistrGl. Das Wort ist im Ungarischen slawischen, vermutlich südslawischen Ursprungs (SzlJsz 206).

chohyna (1281). Auch in diesem Fall kann Hayeková's Meinung, wonach diese Angabe mit slowak. *kuchyňa* identisch sei, nicht angenommen werden (a. a. O. 118). Es genügt, wenn ich auf den Wortartikel *konyha* im SzlJsz (671) verweise, daraus hervorgeht, daß *chohyna* in BistrGl zum ungarischen Wortschatz gehört. Es kann angenommen werden, daß das die Palatalisierung des Lautes *n* bezeichnet (HirTört 90).

mũ (1148). Das mit dieser Abkürzung belegte Wort ist laut Hayeková vielleicht mit tschech. *můra*, slowak. *mora* 'Cerura vinula; Nachtfalter' identisch (a. a. O. 118). In bezug auf die tschechische Form ist das nicht unmöglich, aber dennoch nur eine Annahme, da es nicht sicher ist, ob dies die richtige Auflösung des abgekürzten Wortes ist. So kann das Schriftbild *mũ* nicht als ein Slowakismus (wenn *můra*, weshalb dann nicht ein Bohemismus?) angesehen werden.

pogocha (191). Hayeková schreibt aufgrund der Ausgabe *pogotha*, im Faksimile kann jedoch das richtige *pogocha* klar festgestellt werden (das *ch* ist genau dasselbe wie in den Wörtern *chouach*, *chakan*). Deshalb bringt ÓMOLV das Wort ebenfalls in der Form *pogocha* (265). Nun, Hayeková beeilt sich zu behaupten, daß *pogotha* so viel wie *pohoda* sei, d. h. 'schönes Wetter' oder 'gute Laune, angenehme Situation' (a. a. O. 118). Erstens ist das von dem slaw. *g* bzw. vom slowak. *h* oben Gesagte auch hier gültig, man kann also schon deshalb nicht von einem slowakischen Wort sprechen. Die richtige Form ist jedoch hier *pogocha*, lies *pogocsa* 'Scherz', im SchlGl *pacocha* (2070) und *pakcha* (678). Das bis in die jüngste Zeit als ein Wort unbekannter Herkunft geltende *pakocsa* (Variante: *pagocsa*, bei den Tschangos in der Moldau gebräuchlich, SzlJsz 900), ist nach dem Beweis von Emília Úrhegyi ein ung. Abstrakt aus dem slowakischen Lehnwort (Zeitwort) *pakocsál* (MNY 54 : 199).

katabieta (597). Hayeková denkt — vielleicht angeregt von der Bemerkung Finálys, ob sich hinter diesem Schriftbild eventuell nicht slowak. *kacabajka* 'Frauenmantel' verborgen sei (a. a. O. 118). Es ist kaum wahrscheinlich. Im Slawischen haben sich nämlich *kacabaj(ka)* und seine Varianten ebenso spät gemeldet wie im Ungarischen, der Ursprung des Wortes ist dazu noch

nicht beruhigend erklärt (SzlJsz 657; Machek 185). Im SchlGl gibt es an der entsprechenden Stelle *catabreta* (1158), was die Verbindung mit *kacabajka* noch unwahrscheinlicher macht.

hazanus (703). Auch Hayeková setzt ein Fragezeichen nach dem slowak. *hazucha* (a. a. O. 118): es ist gewiß, daß nicht dieses Wort hier verborgen ist. Einerseits tauchten tschech. und poln. *hazuka* erst im 16. Jh. auf, und ung. *hacuka* 'Flausch' sowie seine Varianten sind ebenfalls spät, von 1492 an belegt (Machek; SzlJsz 833). Andererseits steht im SchlGl die Entsprechung *hasimus* (1272), wieder ein Hindernis für die Verbindung mit *hazucha*. Vielleicht hat doch Finály recht, wenn er an irgendein geschlitztes Kleidungsstück denkt? Kann es nicht das ung. Wort *hasanós* sein?

kantrenog, eventuell *kantreneg* (983). Finály folgend schreibt auch Hayeková *kantregn*, setzt ein Fragezeichen dahinter und bringt es mit ung. *kantár* 'Kandare' in Verbindung (a. a. O. 118). Aber schon Karl Tagányi liest *kantrenog*, was seiner Meinung nach nichts anderes sei als *kantáragy* 'Halfter' (Száz 1893: 325). Wenn wir das Faksimile genau untersuchen, kann es auch *kantreneg* heißen, was der Angabe *kentreg* (1398) im SchlGl, bzw. *kentereng* (2190) in Hortularium nahesteht.

SzófSz drückt starken Zweifel aus, indem es bei dem Wort *kantár* das BistrGl mit zwei Fragezeichen zitiert, und es ist wahrhaftig sehr fraglich, ob *kantrenog* dorthin gehört. Es müßte untersucht werden, in welchen Verhältnis letzteres Wort, das sich wahrscheinlich auf den 'Brustriemen' der Pferde bezieht, zu den Wörtern *mentreng*, *mentereng* usw. 'postilena' steht, deren Herkunft ebenfalls ungeklärt ist (SzlJsz 886; TESz: *farmatring*).

Übrigens ist auch der Ursprung des ung. *kantár* umstritten (vgl. SzófSz). Jüngst dachte Elemér Moór an eine Entlehnung aus dem Polnischen (StSl 2 : 52), dies kann aber kaum angenommen werden, ist doch im Polnischen das Wort *kantar* nur vom Ende des 17. Jh.s an bekannt (Linde). Es ist beinahe sicher, daß im Tschechischen, Slowakischen und Polnischen das Wort ungarischen Ursprungs ist (vgl. Machek; Sławski), da nach dem 14. Jh. die mit der Rinder- und Pferdezucht zusammenhängenden Fachausdrücke aus dem Ungarischen vielmehr in die nördliche Richtung gelangten als umgekehrt (Gregor: NyK 68 : 397—416).

zongor (1161). Ist es vielleicht das slowak. *sokol* 'Falke', fragt Hayeková (a. a. O. 118). Es ist bestimmt nicht so. Das Wort des BistrGl-s ist auch im SchlGl zu finden: *zongor* (1747), es ist also keine eigenwillige Eintragung des Meisters Georg. Ansonst ist *sokol* ein gesamtlawisches Wort (Machek), man könnte es ebenso als ein tschechisches oder ein slowenisches Element betrachten.

zamlka (1204). Nach der Ausgabe bedeutet es 'szántóka' ('Lerche'), Hayeková denkt hingegen an slowak. *zámlka* 'Lerche' (a. a. O. 118). So ein Vogelname ist jedoch im Slowakischen nicht nachgewiesen (vgl. Ferianc), und

es wäre auch ziemlich unverständlich, den Namen der singenden Lerche (alauda) mit dem 'Schweigen' (*mľčať* ~ *mľknuť* 'schweigen') in Zusammenhang zu bringen.

poklonca (1209). Hayeková erwägt die Möglichkeit, ob slowak. *poklonka* als 'Wiedehopf' auszulegen (a. a. O. 118). Ein solcher Vogelname ist jedoch im Slowakischen ebenso unbekannt wie das oben erwähnte *zámlka*. Andererseits bezeugt die Angabe *poklonta* (1796) im SchlGl, daß in der gemeinsamen Quelle kaum *poklonka* stehen konnte.

hobanca (1263). In der Ausgabe steht *pohanca*, diesen Irrtum hat aber schon Tagányi korrigiert (Száz 1893: 326). Dennoch ist es sehr wahrscheinlich, daß wirklich *pohánka* 'Heidekorn' gemeint ist. In diesem Sinne behandelt es auch SzlJsz 428, wobei die Angabe des BistrGl-s natürlich als ungarisches Wort gilt.

pelezn (1278), *peleznés* (1279). Die Ausgabe hat irrtümlich *pelezu*, *pelezués*, das erste Wort wird von Hayeková noch weiter entstellt (*plezu*, *pelezués*), in der Meinung, daß vielleicht von slowak. *plieseň* die Rede ist (a. a. O. 118). Das Faksimile zeigt klar die Formen *pelezn*, *peleznés*, die Varianten der aus dem Slawischen stammenden ungarischen Wörter *penész*, *penészes* 'Schimmel, schimmelig' (SzlJsz 412—3).

kereuel (129). Nach Hayeková handelt es sich hier um slowak. *kervel*, *krvel*, vielleicht in der Bedeutung 'Peitschens Franse' (a. a. O. 118). Ich glaube, daß dieses Wort unter den Waffennamen nicht diese Bedeutung haben kann. Viel wahrscheinlicher ist mit dem Eindringen des bairischen Wortes *kreuel* zu rechnen. Vgl. slowen. *krévelj* 'Haken' (Plet).

tabyr ruha (645). Nach Hayeková sei es mit dem von Kálal mitgeteilten slowak. *tabírka* 'Haarschleife' (a. a. O. 118) identisch. Aber schon Tagányi hat darauf hingewiesen, daß es sich hier um den aus dem Italienischen übernommenen deutschen Ausdruck *tabin*, *tobin* 'Seide oder Halbseidenstoff' handelt (Száz 1893: 322). Hierher gehört offenbar auch das alte ungarische Wort *tábit* (Oklsz, NySz), und ich halte es auch nicht für unwahrscheinlich, daß sich der Kopist des BistrGl-s gerade beim Schreiben dieses Wortes *tabit* beirrt hat. Das Grundwort des slowakischen Gebildes *tabírka* kann denselben Ursprung haben wie ung. *tabír* ~ *tabit*, kann aber im BistrGl keinesfalls als slowakischer Ausdruck gelten.

Außer dem angeführten Beispielen hält Hayeková die Lesung des ersten lateinischen Wortes auf S. 3, Zeile 11 der Handschrift für verdächtig, weil das Schriftbild angeblich sehr dem von slowak. *Voda* 'Wasser' ähnlich sei. Dies ist ein großer Irrtum. In der Handschrift steht unmißverständlich *Vnda* — *vyz*, *vndosus* — *vyzes* auf (vgl. aber auch SchlGl 714, 715). Die Entsprechung für lat. *Milles* auf S. 2, erste Zeile, sei wenigstens mit demselben Recht slowak. *vitaz*, d. h. *viťaz* wie ung. *vitéz* 'Soldat', erklärt Hayeková (a. a. O. 118). Und sie fügt hinzu: das Graphem vor dem *z* ist genau so wie das Schriftzeichen des

Lautes *a* im ung. Wort *hayo* auf S. 3, Zeile 17. Es erübrigt sich zu sagen, daß es sich nicht so verhält. Das *a* im Wort *vítaz* ist tatsächlich nicht am besten gelungen, ist aber keinesfalls so wie das *a* im Wort *hayo*. Unmittelbar danach ist es im ung. Wort *vítez seg* hingegen um so klarer zu sehen.

Abkürzungen

Bárczi:MNyÉr	BÁRCZI G., A magyar nyelv életrajza. Budapest 1963.
Bárczi:Szók	BÁRCZI G., A magyar szókincs eredete. Budapest 1951.
Bern.	A. BERNOLÁK, Slowár Slowákí-Česko-Latínsko-Ľemecko-uherskí. I—VI. Budae 1825—1827.
BistrGl	FINÁLY H., A besztercezi szószedet. Budapest 1892.
Com	J. A. COMENIUS, Orbis sensualium pictus. Leutschoviae 1685. (Photomechanischer Abdruck.)
DOLw	V. LUMTZER—J. MELICH, Deutsche Ortsnamen und Lehnwoerter des ungarischen Sprachschatzes. Insbruck 1900.
Ferianc	O. FERIANC, Slovenské názvy vtákov. Bratislava 1958.
Györffy	GYÖRFFY GY., Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza. I. Budapest 1963.
HírTört	KNIEZSA I., Helyesírásunk története a könyvnyomtatás koráig. Budapest 1952.
HJP	Z. KLEMENSIEWICZ, Historia języka polskiego. II. Warszawa 1965.
HŠ	Historické štúdie. Bratislava.
Jancs.	JANCSOVICS I., Új kimerítő szláv—magyar és magyar—szláv szótár. Noví obšírni maďarsko—slovenskí a slovensko—maďarskí slovník. I—II. Pozsony 1863.
JČ	Jazykovedný časopis. Bratislava.
JŠ	Jazykovedné štúdie. Bratislava 1956 ff.
Kálal	M. KÁLAL, Slovenský slovník z literatúry aj z nárečí. Banská Bystrica 1923.
Kavuljak	A. KAVULJAK, Lietava. Podnik feudálneho systému. Martin 1948.
Király	KIRÁLY P., A keletiszlovák nyelvjárás nyomtatott emlékei. Budapest 1953.
Krajčovič	R. KRAJČOVIČ, Náčrt dejín slovenského jazyka. Bratislava 1964.
Linde	S. LINDE, Słownik języka polskiego. I—VI. Lwów 1854—1860 (Photomechanischer Abdruck: Warszawa 1951).
Machek	V. MACHEK, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha 1957.
MEW	FR. MKLOSICH, Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen. Wien 1886.
MNy	Magyar Nyelv. Budapest 1905 ff.
MTsz	SZINNYEI J., Magyar Tájszótár. I—II. Budapest 1893—1901.
NL	A Nádasdy család nádasladányi levéltára. Országos Levéltár, Budapest.
NyK	Nyelvtudományi Közlemények. Pest, (später) Budapest 1862 ff.
Nyr	Magyar Nyelvőr. Pest, (später) Budapest 1872 ff.
NySz	SZARVAS G.—SIMONYI ZS., Magyar nyelvtörténeti szótár. I—III. Budapest 1890—1893.
OklSz	SZAMOTA I.—ZOLNAI GY., Magyar oklevél-szótár. Budapest 1902—1906.
ÓMolv	Ómagyar olvasókönyv. Összeállította [zusammengestellt von] JAKUBOVICS E. és [und] PAIS D. Pécs 1929.
Pais-Eml	Emlékkönyv Pais Dezső hetvenedik születésnapjára. Szerk. [Red.] Bárczi G. és [und] Benkő L. Budapest 1956.
Pauliny	E. PAULINY, Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava 1963.
Plet	M. PLETERŠNIK, Slovensko-nemški slovar. I—II. Ljubljana 1894—1895.

- SchlGI SZAMOTA I., A schlägli magyar szójegyzék. A XV. század első negyedéből. Budapest 1894.
- Sławski FR. SŁAWSKI, Słownik etymologiczny języka polskiego. I— . Kraków 1952—.
- SISJ Slovník slovenského jazyka. I—V. Bratislava 1959—1965.
- SMS Sborník Matice slovenskej. Turč. Sv. Martin 1922—1944.
- SP Slovenské pohľady. Bratislava.
- StSl Studia Slavica. Budapest 1955 ff.
- Száz Századok. Pest, (später) Budapest 1867 ff.
- SzlJsz KNIEZSA I., A magyar nyelv szláv jövevényszavai. I/1—2. Budapest 1955.
- SzófSz BÁRCZI G., Magyar szófejtő szótár. Budapest 1941.
- TESz A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I. Főszerk. [Chefredakteur] Benkő L. Budapest 1967.
- Urbáre R. MARSINA—M. KUŠÍK, Urbáre feudálnych panstiev na Slovensku. I—II. Bratislava 1959.

Zum Bildparallelismus in der russischen Volkslyrik

H. PEUKERT

In der modernen slawistischen »Folkloristik« ist das in der ganzen Welt bekannte und beliebte russische lyrische Volkslied merkwürdigerweise recht lange vernachlässigt worden, wie übrigens auch in der neueren sowjetischen Forschung selbst festgestellt wird.¹ Dies gilt insbesondere für die funktional-ästhetische Seite seiner Textgestalt, die erst in den letzten beiden Jahrzehnten wieder einige sowjetische Fachleute in Aufsätzen und Büchern stärker berücksichtigen. Verwiesen sei nur auf die, wenn auch in manchem umstrittene, gedrängte Darstellung der *Поэтика русской народной лирики* von V. M. Sidelnikov (Moskau 1959), die gründliche Monographie *Русская народная бытовая песня* (Moskau—Leningrad 1962) von N. P. Kolpakova und das unter konsequent historischem Aspekt angelegte Buch *Русские народные песни* (Moskau 1965) von S. G. Lazutin. Namentlich die beiden letztgenannten Werke liefern anregende Beiträge zur weiteren Erforschung des gerade in seiner künstlerischen Textgestalt recht diffizilen Genres der Volkslyrik. Natürlich beziehen sowjetische Theoretiker der Volksdichtungsästhetik, wie K. S. Davletov und V. E. Gusev,² auch die russische Volkslyrik in ihre grundsätzlichen Erörterungen mit ein. Wenn man außerdem an die vorliegenden Übersichtsdarstellungen der russischen Volkslyrik in Hochschullehrbüchern,³ Sammelbänden⁴ usw. sowie an die Einleitungen zu Anthologien, wie die von A. M.

¹ Vgl. z. B. K. S. Давлетов, *Фольклор как вид искусства*. Москва 1966, 250.

² K. S. Давлетов, *Фольклор как вид искусства*. Москва 1966; — V. E. Гусев, *Эстетика фольклора*. Ленинград 1967.

³ Z. B. В. И. Чичеров, *Русское народное творчество*. Москва 1959, bes. 332—381; — С. Ф. Баранов, *Русское народное поэтическое творчество*. Москва 1962, bes. 205—225; — А. М. Новикова, *Народные лирические песни*. In: *Русское народное поэтическое творчество*. Под общей ред. П. Г. Богатырева. Москва 1964, 324—362; — Ю. Н. Сидорова, *Лирические песни*. In: П. Г. Богатырев, В. Е. Гусев u. a., *Русское народное творчество*. Москва 1966, 241—277.

⁴ Vgl. etwa *Фольклор как искусство слова*. Ответственный ред. В. И. Кравцов. Москва 1966, bezeichnenderweise jedoch nur mit einem einzigen Aufsatz über ein sehr enges Thema aus der Volkslyrik (С. Г. Лазутин, *Лирическая бытовая песня «Подуй, подуй, погодушка»*, 74—94), während N. I. Кравцов in seinen eigenen beiden Beiträgen (*Изучение фольклорного произведения как художественного целого*, 5—18, und *Прояв-*

Novikova (Русские народные песни. Moskau 1957) und die von V. Ja. Propp (Народные лирические песни. Leningrad 1961) denkt, so darf man wohl feststellen, daß die sowjetische Volkslyrikforschung — allerdings nur diese — einige Versäumnisse der Vergangenheit aufzuholen bemüht zu sein scheint.

Die russische bzw. sowjetische *Musikfolkloristik* — das sei nebenbei bemerkt — hat die auch musikalisch außerordentlich vielfältige und reizvolle russische Volkslyrik, namentlich das Liebeslied, das auf Komponisten und Musikwissenschaftler seit jeher besonders anziehend wirkte, kontinuierlicher behandelt. Es sei nur an neuere grundlegende Arbeiten etwa von T. V. Popova, F. A. Rubcov, L. V. Kulakovskij und I. I. Zemcovskij⁵ erinnert, die alle übrigens entscheidende Anregungen auch von B. Bartók empfangen haben, dem ich selbst mich forschungsmäßig ebenfalls verpflichtet fühle, ohne *Musikwissenschaftler* zu sein. Da die *Volkslyrik* ungleich stärker als etwa die erzählenden Gattungen der *Byline*, des historischen Liedes und der Ballade auf das expressiv-emotionale Moment konzentriert und das »typisierte« und bei aller Möglichkeit individueller Aktivierung und Aktualisierung kollektiv bestimmte Gefühl mehr in seinem gestalterischen *Ausdruck* als vom Inhalt her variabel ist, spielt in ihr — besonders in der *Liebeslyrik* — die Musik eine hervorragende Rolle, zumal das »Lied« ja immer gesungen wird, also nur als synkretistisches Kunstwerk wirklich existent ist und zur emotional forcierten und expressiv provozierenden Bildhaftigkeit stets eben noch der extensive Ausdrucksfaktor der Musik kommt, der das »Wort« in seiner Ausdrucksfunktion unterstützt, aber auch irgendwie, einmal mehr, einmal weniger, einschränken oder überlagern kann. Diese synkretistische Komplexproblematik, die in der Vergangenheit gerade von den *Volksdichtungsforschern* zweifellos unterschätzt worden ist, sollte man auch bei *Textuntersuchungen* nie aus dem Auge verlieren. Nichtsdestoweniger wird man aber solche Volkslieder weiterhin ebenso als »Wortkunstwerke« studieren können und müssen.

Um vor allem an die künstlerisch-ästhetische *Funktion* von sprachlicher Gestalt, Gestaltung und Wirkung auch der *Volksdichtung* heranzukommen, erscheint es angebracht, der Bewältigung des — dichterischen — »Bildes« verstärkte Aufmerksamkeit zu widmen, das ja seit geraumer Zeit in Anbetracht seiner zentralen Bedeutung für den wortkünstlerischen Ausdruck zum bevorzugten Gegenstand sprach- und literaturwissenschaftlicher Untersuchungen

ление художественного единства в фольклорном произведении, 160—169) die Volkslyrik vernachlässigt. Ähnliches gilt noch mehr für die an sich anspruchsvolle Jahresschrift *Русский фольклор*, т. 10. Москва—Ленинград 1966, der der Spezifik der Folklore-Genres gewidmet ist, aber die Volkslyrik nur am Rande berücksichtigt.

⁵Vgl. T. V. *Попова*, Русское народное музыкальное творчество, I—II. Москва 1955 u. 1957, 2. Aufl. 1962 u. 1964; — Ф. А. *Рубцов*, Интонационные связи в песенном творчестве славянских народов. Ленинград 1962; — Л. В. *Кулаковский*, Песня, ее язык, структура, судьбы. Москва 1962; — И. И. *Земцовский*, Русская протяжная песня. Опыт исследования. Ленинград 1967.

geworden ist.⁶ Die sprachlich präzisierten und fixierten »Bilder« gehören zu den allgemein anerkannten Spezifika der Dichtersprache überhaupt, in ganz besonderem Maße jedoch der Lyrik. Wenn die Volksdichtungsforschung in diesem Bereich auffallend zurückhaltend geblieben ist, mag das wohl mit ihrer noch immer unbefriedigenden Orientierung auf die Tatsache hin zu erklären sein, daß es sich bei ihr vorrangig um einen künstlerischen, auch wortkünstlerischen, Ausdruck und nicht *nur* um sogen. »volkskundliche« Phänomene (im älteren Wortsinne) handelt. Auf diesen notwendigen Wandel in der Bewertung und Interpretation der Volksdichtung, ja der »Folklore« schlechthin, habe ich wiederholt hingewiesen⁷ und weiß mich dabei mit vielen Fachkollegen einer Meinung. Und ich interessiere mich seit Jahren auch für das innerhalb der »slawischen« Volkslyrik, diesem Stiefkind der Forschung, sicher bedeutsame russische Volkslied, obzwar ich die genannte Problematik bisher meist an südslawischem Material⁸ abgehandelt habe, aber, übrigens in voller Übereinstimmung etwa mit N. P. Kolpakova, glaube, daß es nützlich wäre, auf diesem Gebiet mehr als bisher — ähnlich wie es bei den erzählenden Gattungen bereits geschieht — *vergleichende* Untersuchungen durchzuführen, gerade auch um die Eigenarten der einzelnen slawischen, und nicht nur der slawischen, Volkslyriken besser erkennen und bestimmen zu können.⁹ Und

⁶ Vgl. dazu das noch heute aufschlußreiche, anregende Werk von H. PONGS, Das Bild in der Dichtung. I. Bd. Versuch einer Morphologie der metaphorischen Formen. Marburg 1927; aus der in den vergangenen Jahrzehnten sehr angewachsenen russischsprachigen Literatur sei verwiesen nur auf A. A. Потебня, Из записок по теории словесности. Харьков 1905, und Из лекций по теории словесности. Харьков 1914, sowie von den Neueren auf A. K. Дремов, Художественный образ. Москва 1961; — П. Г. Пустовойт, Слово, стиль, образ. Москва 1965, und die mehrfachen Äußerungen von V. V. VINOGRADOV, namentlich in seinem Buch Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Москва 1963. Sowjetische Folkloristen (E. V. POMERANCEVA, S. G. LAZUTIN, P. G. BOGATYREV, A. M. KIN'KO) haben zur Bild-Problematik in der Volksdichtung im Anschluß an MELICHERČIKS Studie »K problematike špecifičnosti umeleckého obrazu vo folklore« (in: Čsl. přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. Praha 1958, 389—401) Stellung genommen (Русский фольклор 5, Москва—Ленинград 1960, 296—306). A. M. KIN'KO (a. a. O. 389—401) geht dabei zwar vornehmlich auf den »künstlerischen oder psychologischen Parallelismus« ein, den er als die »chronologisch erste Art der Darstellung des psychologischen (*sic!*) Menschen« bezeichnet, vermag aber kaum Neues anzubieten.

⁷ H. PEUKERT, Serbokroatische und makedonische Volkslyrik. Gestaltungsuntersuchungen. Berlin 1961, 2f. u. ö.; *ders.*, O estetičkim kriterijima narodnoga pesništva. In: Rad XI-og kongresa Saveza folklorista Jugoslavije. Zagreb 1964, 469f.; u. a. m. Vgl. dazu auch z. B. H. П. Колпакова, Русская народная бытовая песня. Москва—Ленинград 1962, 3f., 26f. u. ö.

⁸ Außer den in Anm. 7 genannten Arbeiten noch etwa: Gestaltungsuntersuchungen der serbokroatischen Volkslyrik. In: Rad VI-og kongresa Saveza folklorista Jugoslavije. Ljubljana 1961, 341—350; — Die Funktion der Formel im Volkslied. In: Poetika—Poetika—Poetika. Warszawa 1961, 525—536; — Der Refrain in der makedonischen Volkslyrik. In: Rad VII-og kongresa Saveza folklorista Jugoslavije. Ohrid 1964, 37—51; — Kollektivität und Bildgestaltung in der Balkanvolkslyrik. In: Résumés des communications. Littérature et folklore. Sofia 1966, 187f., und O »реализму« македонске народне лирике. In: Работата на XIII конгрес на Сојузот на фолклористите на Југославија во Дојран 1966 година. Скопје 1968, 25—35.

⁹ H. П. Колпакова, a. a. O. 277f.

dazu werden Analysen im Bereich der Bildhaftigkeit sicher außerordentlich viel zu sagen haben.

Natürlich kann in dem vorliegenden Beitrag nur ein Teilgebiet aus dem umfangreichen Komplex dieser Bildgestaltung herausgegriffen werden. Als recht lohnend bietet sich dafür der sogen. Bildparallelismus an, den etwa folgende Modellzeilen aus einem russischen Volkslied vorwegnehmend kennzeichnen mögen:

...Один был сад да зеленый,
и тот стал подсыхать.
Один был друг любезный,
и тот стал покидать!...

(Propp, S. 155,2)

Dieses durchaus bekannte künstlerische Verfahren — und um ein solches handelt es sich zweifellos — wird in der älteren russischen und neueren sowjetischen Fachliteratur verschieden benannt. So bezeichnet es A. N. Veselovskij, der sich 1898 in einer noch heute als grundlegend geltenden Abhandlung¹⁰ als erster ausführlicher damit beschäftigt hat, als »psychologischen« Parallelismus. Diesen Terminus übernehmen sodann z. B. Ju. M. Sokolov, V. I. Čičerov, neuerdings Ju. N. Sidorova und andere, während T. V. Popova und V. M. Sidel'nikov den Ausdruck »poetischer« Parallelismus vorziehen, N. P. Kolpakova vom »künstlerischen«, A. M. Novikova und S. G. Lazutin vom »Bildparallelismus«, aber auch vom »kompositionellen« Parallelismus sprechen. V. Ja. Propp scheint einem besonderen Terminus auszuweichen und erwähnt diese, übrigens in nahezu allen einschlägigen Arbeiten über die russische Volkslyrik als für sie besonders charakteristisch anerkannte, Erscheinung nur allgemein als »Parallelismus zwischen der Darstellung der Natur und des Menschen«¹¹ ähnlich wie etwa der deutsche Volksdichtungsfachmann O. Böckel; andererseits führt er den »syntaktischen« und den »strophischen« Parallelismus an.¹² Ich selbst bevorzuge den Terminus »Bildparallelismus«, da er m. E. das Wesen dieses künstlerischen Verfahrens am deutlichsten ausdrückt.

Dieses wichtige Gestaltungsprinzip arbeitet grundsätzlich mit zwei Bildebenen, einer, die außerhalb des menschlichen Erlebnis- und Gefühlsbereichs liegt, und einer anderen, die das eigentliche Anliegen des Liedes, d. h. des Sängers als Produzenten oder Reproduzenten, mehr oder weniger direkt gestaltet. Dabei handelt es sich um ein dem Vergleich und der Metapher ähnliches, wenn auch nicht mit ihnen identisches künstlerisches Verfahren, das übrigens in der deutschen Volksliedforschung kaum wirklich behandelt worden ist, da es im deutschen Volkslied offenbar nicht die dem russischen

¹⁰ А. Н. Веселовский, Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля: ЖМНП 1898, № 3, ч. 216, стр. 1—80.

¹¹ Народные лирические песни. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. Я. Проппа. Ленинград 1961, 54.

¹² *ibid.* 49.

Volkslied adäquate Funktion zu haben scheint, obzwar es auch zumindest erwähnt wird, so etwa von dem genannten O. Böckel, der den »Parallelismus« zu den »für die Volksdichtung typischen altüberlieferten Kunstmitteln« zählt, »welche der Volksdichter bewußt und mit sicherem Erfolg anwendet«. ¹³ Das »Naturbild« betrachtet er als Verstärkung der »angeschlagenen Stimmung« und als »meist parallel mit dem Gefühl gehend, dem das Lied entspringt«, ¹⁴ und wertet die »mit Naturbildern beginnenden Volkslieder als unmittelbarste Ausflüsse der den Sänger umgebenden Natur«. ¹⁵ Auch der prominente polnische Folklorist J. Krzyżanowski zählt den »Parallelismus« zu den »in den Volksliedern besonders häufig anzutreffenden Verfahren« und betont, daß das »Volkslied gewöhnlich mit einem Naturbild beginnt«. ¹⁶ Ähnliche, wenn auch meist nicht exakt belegte, Feststellungen sind für die verschiedensten Volkslyriken getroffen worden, so daß die Reihe von entsprechenden Zitaten unschwer fortgesetzt werden könnte. Wenn Gy. Ortutay andererseits das aus der Natur geschöpfte Anfangsbild in der Volksdichtung als »charakteristisches Kennzeichen des ungarischen Volksliedes« in Anspruch nimmt, ¹⁷ so beweist dies nur aufs neue die dringende Notwendigkeit solider vergleichender Untersuchungen nicht zuletzt auch im funktionalen Bereich.

Obzwar man also diesen Bildparallelismus der *russischen* Volkslyrik durchaus zur Kenntnis genommen hat, wurden in den bisherigen Arbeiten manche wesentlichen Fragen merkwürdigerweise noch gar nicht aufgeworfen, geschweige denn konkret behandelt. Dazu gehört z. B. die nach seiner Vorkommenshäufigkeit. Es ist doch eigentlich verwunderlich, daß man sich auch heute noch mit den sehr relativen und weitgehend auf nicht näher nachprüf- baren subjektiven Eindrücken beruhenden Angaben »häufig«, »weniger häufig«, »seltener« usw. begnügt. Freilich ist es schwierig, bei dem diffusen, mengenmäßig außerordentlich reichhaltig vorliegenden Material einigermaßen zuverlässige statistische Werte zu ermitteln, die zwar immer schon hinsichtlich der

¹³ O. BÖCKEL, Handbuch des deutschen Volksliedes. Marburg 1908⁴, 30.

¹⁴ ebda. 191.

¹⁵ O. BÖCKEL, Psychologie der Volksdichtung. Leipzig u. Berlin 1913², 42. Schon L. UHLAND war die Einbeziehung der Natur in die Volksdichtung und das »Naturbild an der Spitze des Liedes« aufgefallen; er fährt dann allerdings fort: »Die uralten Lieder der Chinesen berühren sich in dieser Form mit den noch täglich aufschießenden Schnaderhüpfeln des bayrischen und österreichischen Gebirges, dort wie hier ist nicht einmal durchaus ein bestimmter Zusammenhang des Bildes mit dem Gegenstand ersichtlich. Die schönsten unsrer Volkslieder sind freilich diejenigen, worin die Gedanken und Gefühle sich mit den Naturbildern innig verschmelzen . . . Hat diese Naturliebe, als Grundzug des Lebens und der Poesie, sich bei den Deutschen besonders innig und bis in die geistigsten Beziehungen nachhaltig erwiesen, so ist sie doch keineswegs ein ausschließliches Vorrecht derselben, sie wirkt in aller Volksdichtung und bekundet sich anderwärts noch in der unmittelbaren Kraft des sinnlichen Ausdrucks, die beruht in dem allgemeinen Bedürfnis, das menschliche Dasein in die Gemeinschaft der ganzen Schöpfung gestellt zu wissen« (L. UHLAND, Alte hoch- und niederdeutsche Volkslieder mit Abhandlung und Anmerkungen. 2. Bd.: Abhandlung. Stuttgart 1866, 13f.).

¹⁶ Słownik folkloru polskiego. Pod red. J. KRZYŻANOWSKIEGO. Warszawa 1965, 293f.

¹⁷ GY. ORTUTAY, Kleine ungarische Volkskunde. Weimar 1963, 20.

ihnen zugrunde gelegten Auswahl anfechtbar sein werden, jedoch trotz allem zu den unerläßlichen Voraussetzungen für genaue Analysen gehören. Um also zunächst eine wenigstens ungefähre richtige Vorstellung von der Verwendungsbreite des Bildparallelismus über die bisherigen zu unverbindlichen Darstellungen hinaus zu gewinnen, wurden für unseren — begrenzten — Zweck die beiden bereits genannten guten neueren Anthologien der russischen Volkslyrik von A. M. Novikova und von V. Ja. Propp mit immerhin an die 1300 Liedern ausgewertet. Sie dürfen als repräsentativ angesehen werden, so daß die daraus errechneten %-Zahlen brauchbare Richtgrößen darstellen und manche verbreitete, voreilig gefaßte bzw. unbesehen übernommene Meinung korrigieren können, allerdings ebenso zu Untersuchungen weiteren Materials herausfordern.

So finden sich in ca. 28% aller dort aufgenommenen Liebeslieder solche Bildparallelismen; in den »Familienliedern« sind es ca. 20%, in den »Reigen- und Spielliedern« etwa 12,5%, während interessanterweise die »Tanz- und Scherzlieder« keine derartigen Parallelismen enthalten. In den »Volksliedern über sozial-historische Themen« (ohne die historischen und Räuberlieder) beträgt der Anteil ca. 15%. Die »Volkslieder literarischer Herkunft« und die »neuen Volkslieder« wurden in die Auswertung selbst nicht einbezogen, da beide Gruppen eine besondere Problematik aufweisen, die jedoch untersucht zu werden verdient. Der Prozentsatz (21,5%) entspricht ungefähr dem der »Familienlieder«.

Da wir schon bei Zahlenangaben sind, soll noch erwähnt werden, daß dieses Phänomen des Bildparallelismus, u. zw. dessen »Gleichnis«-Ebene, gern am Liedanfang steht, d. h. den ersten Liedteil bildet. Das ist der Fall in ca. 60% der »Alltagslieder«¹⁸ mit Parallelismus, aber auch in etwa der Hälfte der entsprechenden »Volkslieder über sozial-historische Themen« und in einem Viertel solcher »Volkslieder literarischer Herkunft«. Er wird jedoch durchaus nicht *nur* als Liederleitung verwendet, wie in der Fachliteratur meist behauptet wird,¹⁹ sondern erscheint auch im Liedinnern (bei ca. 25% der Alltagslieder mit Parallelismus, bei ca. 50% der historisch-sozialen Lieder) und im Liedschluß (bei den Alltagsliedern immerhin noch mit etwa 11%).

Damit ist die Beliebtheit dieses Verfahrens genügend dokumentiert, obzwar daraus die künstlerisch-ästhetische Funktionalität des Bildparallelis-

¹⁸ Der im Russischen gängige Terminus *бытовая песня* ist schwer ins Deutsche zu übersetzen. Er wird in der vorliegenden Abhandlung mit »Alltagslied« wiedergegeben, ohne daß dieser Ausdruck völlig befriedigt. A. M. NOVIKOVA bezieht in die *бытовые песни* die Liebes-, Familien-, Reigen- und Spiel-, Tanz- und Scherzlieder ein. N. P. KOLRAKOVA rechnet in ihrer Monographie dazu die mit dem Jahresbrauchtum verbundenen (»Kalenderlieder«), die Hochzeits-, Scherz-, Reigen-, Tanz-, lyrischen (Liebes-, Familien-, Rekruten- u. a.), Spaß- und satirischen Lieder. V. JA. PROPP sowie V. E. GUSEV verwenden dagegen den Terminus *бытовая песня* nicht.

¹⁹ Vgl. etwa A. M. NOVIKOVA in *Русское народное поэтическое творчество* 349 und neuerdings S. Г. ЛАЗУТИН, *Русские народные песни* 40.

mus noch nicht eindeutig hervorgeht, der, wenn auch kaum erschöpfend und wiederum viel zu allgemein, als ein »Mittel zur Verstärkung des poetischen Ausdrucks der Gefühle des lyrischen Helden und als Mittel der tiefen Aufdeckung der ideelichen Ausrichtung, des ganzen Hauptsinnes des jeweiligen Liedes« deklariert wird.²⁰ Zweifellos aber darf festgestellt werden, daß dieser Bildparallelismus bevorzugt in den sogen. »traditionellen« Alltagsliedern und hier wiederum besonders in den Liebesliedern und Familienliedern Verwendung findet, wie übrigens zu erwarten war. Auch T. V. Popova erwähnt z. B. den »poetischen« Parallelismus namentlich bei den Hochzeitsliedern,²¹ also jener Gruppe von lyrischen Liedern, die einerseits an ein sehr ausgeprägtes und z. T. buntes und durch Symbole, aber auch bereits zunehmend durch »Formeln« belastetes Zeremoniell gebunden sind und andererseits kausal und funktional den Liebesliedern so nahestehen, daß Übergänge aus der einen in die andere Gruppe häufig sind.

Da in den Alltagsliedern, namentlich in den Liebesliedern und Familienliedern, wie zu erkennen war, die Tendenz besteht, den Bildparallelismus als Liedeinleitung zu verwenden, ohne ihn jedoch darauf zu spezialisieren, da er auch im Liedkern und selbst noch im Liedschluß anzutreffen ist, hat er demnach doch vor allem eine expositionelle, einstimmende und auslösende Funktion angenommen, die nicht unbedingt auf eine »animistische« oder »anthropomorphistische« oder »zoomorphistische« Grundhaltung der Sänger noch des 18., 19. und 20. Jahrhunderts zurückgeführt zu werden braucht, wie es vielfach geschehen ist und noch geschieht, obwohl z. B. bereits A. N. Veselovskij, auf den man sich dabei gern beruft, eine historische Deutung nahelegte, indem er gerade den Entwicklungsprozeß bis hin zur »Formel« zu verfolgen aufforderte. Diese komplizierte Frage kann sicher auch nur in historischer Betrachtungsweise geklärt werden. Das heißt: Animistische und anthropo- oder zoomorphistische Grundlagen können im Verlauf der Entwicklung ins Symbolhafte einmünden oder ins Formelhafte abgeschwächt werden, allerdings künstlerisch-methodologisch trotzdem relevant bleiben. Mit anderen Worten: Wenn heute etwa Naturerscheinungen in »traditionellen« Liedern »beseelt« werden, dann ist anzunehmen, daß die meisten Sänger, u. zw. Produzenten wie Reproduzenten, wissen, daß die »sprechenden« oder »parallel erlebenden« Naturerscheinungen in Wirklichkeit nicht »beseelt« sind. Die Identität zweier Bildvorstellungen oder gar ihre kausal-genetische Verknüpfung ist längst gewichen einer mehr oder weniger bewußten Gleichnishaftigkeit, einem echten »Parallelismus«, indem Erscheinungen nunmehr einfach nebeneinandergestellt werden, sofern man in ihnen auch gemeinsame, aus Gefühl und Vorstellungskraft bzw. schöpferischer Phantasie abzuleitende Merkmale sehen kann, wie etwa die trübe

²⁰ Русские народные песни. Вступительная статья, составление и примечания А. М. Новиковой. Москва 1957, 20.

²¹ Т. В. Попова, а. а. О. 117f.

Naturstimmung und die Ungewißheit in den Liebesbeziehungen u. ä. m. Darin äußert sich zweifellos ein grundsätzlicher Wandel im Verhältnis des Menschen zur Natur, die für ihn nicht mehr »allmächtig« oder gleichwertig strukturiert erscheint, also auch nicht mehr sein persönliches Schicksal entscheidend beeinflussen kann, sondern lediglich Parallelerscheinungen und ggf. Vergleichsmomente zu bieten vermag.²² Das wird besonders deutlich, wenn man die in der Volksdichtung so häufig verwendeten und in der Fachliteratur eigentlich mehr als genügend traktierten »Symbole«²³ betrachtet, wenn also z. B. der Falke gleichgesetzt wird dem jungen Mann, dessen Kühnheit einmal damit hervorgehoben werden sollte. Hier liegt das Ergebnis eines Prozesses auch zur kollektiven künstlerischen Typisierung hin vor. In der Volksdichtung wird es sich dann bald um den Übergang zur — sprachlich fixierten — *Bildformel* handeln, bei deren Verwendung dem Sänger bewußt ist oder leicht bewußt werden kann, daß er sich eines bereits konventionell gewordenen, »kollektiv« sanktionierten »Bildes« bedient, das er freilich nun auch immer wieder gern benützt, wie es ja für die »kollektive« Volksdichtung, in der die Tradition namentlich in Gestalt- und Gestaltungsfragen so zäh weiterwirkt, selbstverständlich ist. Das heißt: Man muß dann wohl auch die Freude an der künstlerischen und sogar mehr oder weniger spielerischen sprachlichen Formung²⁴ eines relevanten, zum Ausdruck drängenden »Inhalts« nach bewährten »Modellen« mit einbeziehen.

Das individuelle Erlebnis, z. B. der glücklichen oder unglücklichen Liebe, kann also auch durch solche künstlerische Ausdrucksverfahren »typisiert« werden, wodurch ein Liedmodell zum Ausdruck »kollektiven« Erlebens zu werden vermag. Diese »Kollektivität« äußert sich aber nicht nur in der Identifizierbarkeit zahlreicher subjektiv-individueller »Erlebnisse« mit diesem einen Modell, sondern auch im wortkünstlerischen Ausdruck, der ebenso die Merkmale des kollektiv bedingten »Typischen« aufweisen muß, um volksdichtungs-

²² Das sich in der Volksdichtung widerspiegelnde Verhältnis des Menschen zur Natur ist keineswegs so eindeutig positiv und eng bzw. innig, wie es vielfach in der noch romantisch inspirierten Forschung interpretiert wird, sondern es ist insgesamt ein sehr kompliziertes Phänomen, das weiterer Klärung bedürfte. Vgl. dazu die Andeutungen und Hinweise in meinem o. a. Buch »Serbokroatische und makedonische Volkslyrik« 211.

²³ Aus der russischen Forschung vgl. außer den früheren »klassischen« Arbeiten (u. a. A. A. *Потебня*, *О некоторых символах в славянской народной поэзии*. Харьков 1914; — В. А. *Водарский*, *Символика великорусских народных песен*: Русский филологический вестник 1914—1916; — В. П. *Адрианова-Перетц*, *Очерки поэтического стиля древней Руси*. Москва 1947, und *Песни*. *Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII вв.* Москва—Ленинград 1953; — Б. М. *Соколов*, *Экспедиции в область поэтики русского фольклора: Художественный фольклор*, № 1, Москва 1926, 30, 53) Н. П. *Колпакова*, а. а. О. 207—234, die über den jüngsten Stand informiert und Ergebnisse eigener Untersuchungen vorlegt.

²⁴ Auch O. BÖCKEL meint, von einer »naiven Schaffensfreude« und einem »gewissen Kunststolz« etwa des alpenländischen Sängers sprechen zu dürfen (*Handbuch des deutschen Volksliedes* 30); zum südslawischen lyrischen Volkslied vgl. die ausführlicheren und wiederholten Darlegungen in meinem Buch »Serbokroatische und makedonische Volkslyrik« 192 u. ö.

mäßig-kollektive Gültigkeit zu erlangen. Das Verfahren des Bildparallelismus gehört an sich bereits zur Spezifik der Volksdichtungsmethodik, ja, wohl auch anderer Arten der Volkskunst; man vgl. etwa nur die Volksornamentik u. ä. m.

Als Beispiel für dieses Verfahren eines besonders konsequenten, strengen Bildparallelismus sei folgendes Lied angeführt:

Как из лузей из зеленых
плыли туто тридцать уток;
одна утка наперед плывет, путь указывает.
Где ни взялся млад ясный сокол,
ушиб-убил серую утку;
разужатся-расплачутся тридцать уток.

Как из сада, из зеленого
идут тут тридцать девушек;
одна девушка вперед идет, путь указывает.
Где ни взялся добрый молодец,
увел к себе красну девушку.

(Novikova II, 18)

Hier handelt es sich, wie beim Parallelismus oft üblich, um sogen. »Gerippstrophen« bzw. »Gerippzeilen«, also um »strophische« und »syntaktische« und »Zeilen-« bzw. »teilwiederholende« Parallelismen, in denen eine weitgehende Übereinstimmung auch im sprachlich-syntaktischen Bau besteht und in der Regel lediglich die entsprechenden Vergleichsobjekte ausgewechselt werden; vgl. лузей — сада, плыли — идут, уток — девушек, ясный сокол — добрый молодец, ушиб-убил — увел к себе. Was nun in diesem Lied und in den vielen entsprechenden anderen Liedern bemerkenswert erscheint, ist die Möglichkeit des Übergangs von solchen »Parallelismen« in den einfachen Vergleich bzw. in die einfache Metapher, die dann als verkürzte Formen solcher Parallelismen aufgefaßt werden könnten. Der Vergleich selbst bedeutet jedoch gleichzeitig auch eine gewisse Distanzierung zum Parallelismus wie natürlich auch zur Metapher, die zu einer sehr starken Abstraktion drängt, die durch den Parallelismus allein nicht vorgegeben ist. Die Metapher ist übrigens in der russischen Volkslyrik sehr verbreitet und nicht »recht selten«, wie etwa S. G. Lazutin glaubt, der demgegenüber dem Vergleich eine »recht breite Verwendung« zubilligt.²⁵ Vorläufige statistische Untersuchungen haben z. B. gezeigt, daß in den 638 Liedern der von V. Ja. Propp herausgegebenen Anthologie 1156 Übertragungen vorkommen, also im Durchschnitt 1,8 pro Lied, was eine hohe Zahl darstellt, und davon sind immerhin 986, gleich 85,3%, Metaphern, m. a. W. ca. 1,5 pro Lied, und nur 170 Vergleiche (einschließlich der negativen Vergleiche), also 14,7%, und somit 0,27% pro Lied. Auch hieraus läßt sich auf die Vorliebe für ein bildhaftes Gestalten im russischen Volkslied schließen, wobei wiederum entsprechende Zahlenangaben aus anderen Volkslyriken interessant wären.

²⁵ С. Г. Лазутин, а. а. О. 49.

Gewisse Gemeinsamkeiten, möglicherweise auch kausal-genetischer Art, ergeben sich aber aus dem Parallelismus bzw. der Parallelsetzung zweier Bildebenen mit ihren spezifischen Bildbereichen in der Tendenz zur Entwicklung einer *Symbolhaftigkeit*, indem die Bildhaftigkeit des ersten Teiles gewissermaßen automatisiert wird in Verbindung mit der des zweiten Teils, worauf namentlich Ju. M. Sokolov nachdrücklich hingewiesen hat.²⁶ In unserem Falle wäre es die утка = девушка und der ясный сокол = добрый молодец, in anderen Fällen etwa der сивый голубчик = милый дружок, die зоренька ясная = девица красная, die ласточка = душечка usw. Sicher bietet dieser Weg aber nur eine der Möglichkeiten für die Symbolbildung wie auch für die Metapherentwicklung. Der kürzere wäre wohl der über den unmittelbaren, auch sprachlich gekennzeichneten Vergleich. Übrigens ist N. P. Kolpakova der Ansicht, daß das Symbol ein Ergebnis der Anwendung verschiedener Verfahrensweisen, namentlich des »künstlerischen« Parallelismus, der Metapher und des Vergleichs, sei, die sie nun chronologisch wie folgt anordnet: Parallelismus — Metapher — Vergleich,²⁷ worüber man jedoch geteilter Meinung sein kann.

Einen Hinweis am Rande verdient m. E. eine Sonderform vielleicht eben des »Bildparallelismus«, die z. B. im deutschen, weniger im russischen lyrischen Volkslied auftritt und sich sowohl vom Vergleich wie auch von der eigentlichen Parallelsetzung zweier Bildbereiche distanziert. Es handelt sich um Liedgestaltungen vom Typus:

»s ist alles dunkel, alles trübe,
dieweil mein Schatz ein andern liebt«

oder

»Der Himmel ist so trübe,
scheint weder Mond und Stern:
denn jener, den ich liebe,
der ist so weit entfernt.«

Hier dürften aber wohl relativ junge, stark rational bedingte Formen der Weiterentwicklung zur Deutung älterer Parallelismen hin vorliegen, die gewissermaßen die andere Alternative gegenüber der erwähnten Einmündung in den Symbolbereich oder gar in den Formelcharakter manifestieren, jedoch in der russischen Volkslyrik hinter dem eigentlichen Bildparallelismus stark zurücktreten.

Es ist nun wohl kein Zufall, daß der transponierende oder transponierte Teil oft — ich erinnere: in 60% der Alltagslieder mit Parallelismus — am *Liedanfang* steht, eine an sich bemerkenswerte Tatsache, weil doch das un-

²⁶ Ю. М. Соколов, Русский фольклор. Москва 1938, 392.

²⁷ Н. П. Колпакова, а. а. О. 236, 239.

mittelbare, »konkrete« Anliegen, der Anlaß für die künstlerische Gestaltung des Liedes dabei zunächst zurückgestellt wird, allerdings das künstlerische, gestaltende Bewußtsein des Sängers bereits eindeutig bestimmt. Er gestaltet ja diesen ersten Teil nur mit Rücksicht auf den ihm künstlerisch gegenwärtigen zweiten. Von diesem Gesichtspunkt aus wäre es m. E. verständlich, daß manche Forscher, wie z. B. der Bulgare J. Ivanov, glauben, den Parallelismus als das Produkt einer »tieferen und komplizierteren geistigen Tätigkeit« auffassen zu müssen,²⁸ was natürlich der relativen Chronologie z. B. N. P. Kolpakovas völlig widersprechen würde. Andererseits wäre die Bildhaftigkeit namentlich in der Liebeslyrik und in den verwandten Genres jedoch auch aus der wiederholt festgestellten Scheu vor direkten Gefühlsäußerungen zu erklären. Auf Grund der südslawischen Volkslyrik habe ich dies an anderem Orte darzulegen versucht.²⁹ Ähnliche Gedankengänge finden sich in Bezug auf das russische Volkslied z. B. bei V. Ja. Propp, der — wenn auch etwas vereinfachend — erklärt, daß die ganze psychische Verhaltensweise der großrussischen Bauern, einschließlich der Mädchen, bedinge, daß versucht werde, persönliche Gefühle zu verbergen, aber so zu verbergen, daß sie trotzdem ausgedrückt werden. Und dazu bediene man sich eben der Bilder aus der Natur.³⁰ Auch in der nichtslawistischen Forschung ist auf diesen besonderen Sachverhalt gerade der sogen. »primitiven« Lyrik eingegangen worden. Verwiesen sei nur auf das noch immer interessante Buch »Ursprünge der Lyrik« (München 1924) von H. Werner, der das »echte sprachliche Gleichnis in einer seiner wichtigsten Urformen, im Sprachtabu«, wurzeln läßt und namentlich die Metapher als das Erzeugnis zweier Tendenzen sieht: der Tendenz, eine Vorstellung oder einen Gedanken . . . zu unterdrücken und andererseits doch durch die sprachliche Auswahl die Mitteilung zu ermöglichen, d. h. daß es die ursprüngliche Aufgabe der Metapher sei, zu verhüllen, um zu offenbaren (S. 74f.). Der Parallelismus wäre auch aus dieser Sicht erst auf einer späteren Entwicklungsstufe begreiflich, da er ja nicht »verhüllt«, sondern dechiffriert.

Nun können die »parallelen« Liedteile die sozusagen ideale Ausgewogenheit des 1 : 1 in Inhalt, Umfang und sprachlicher Form aufweisen, während der erste Teil sowohl Schrumpfungs- wie auch Schwellungsprozessen ausgesetzt ist, worin sich chronologisch ablaufende Prozesse zum »Realismus« hin, wie sie z. B. S. G. Lazutin untersucht, und auch regionale Besonderheiten äußern können, die m. W. für die russische Volkslyrik noch nicht systematisch analysiert, jedoch von mir für die südslawische Volkslyrik in Betracht gezogen wurden, wo allerdings die forschungsmäßigen Voraussetzungen weitaus gün-

²⁸ Z. B. der Bulgare J. IVANOV (Българските народни песни. София 1959, 86), der jedoch sodann die Grenzen zwischen Parallelismus einerseits und Vergleich und Metapher andererseits verwischt, indem er diese jenem unterordnet (S. 87).

²⁹ H. PEUKERT, Serbokroatische und makedonische Volkslyrik 192f. u. ö.; O estetičkim kriterijima 471; Kollektivität und Bildgestaltung 187 f.; u. a. m.

³⁰ B. Я. Пронн, а. а. О. 54.

stiger sind, nicht zuletzt durch die Arbeiten von J. Cvijić und G. Gesemann.³¹ B. Bartók hat übrigens bekanntlich einen sehr interessanten Versuch der Ermittlung von »Musikdialekten« für das ungarische Volkslied unternommen,³² der durchaus Schule machen sollte, u. zw. auch und vor allem in der *Textanalyse* und -interpretation. Aber dies nur nebenbei.

Es kommt ferner, allerdings nicht sehr häufig, vor, daß ein Lied nur aus diesem ersten, »transponierten« Teil besteht, ohne ausdrückliche Deutung bzw. Rückführung auf die »Realien« durch deren Parallelstellung. Ein solches Lied ohne den rückführenden, »realen« Teil ist z. B.

Как на дубчике два голубчика
целовались, миловались...

(Novikova II, 164)

Hier wird die »Fabel«, im doppelten Sinne des Wortes, bis zum Ende durchgehalten und mit keinem Wort angedeutet, daß es sich »nur« um ein »Gleichnis« handelt, das aber zweifellos damit gemeint ist und sicher auch als solches beim Singen des Liedes verstanden wird. Dazu tragen schon der Symbol- bzw. der Bildwert der »handelnden« Gestalten сизий голубь — сизая голубушка — ясный сокол und die Formelhaftigkeit des Liedes bei. Es kann sich hier möglicherweise um eine Art Restform eines zunächst parallel aufgebauten Liedes handeln, also um eine sekundäre Schrumpfung des zweiten Teiles bis zum Null-Wert. Andererseits kann selbstverständlich auch eine ausgeweitete Metapher, eine Allegorie, vorliegen, die in einer »realer« eingestellten Umwelt entweder als eine Art Torso wirken oder ggf. durch einen nach anderen Modellen gefertigten zweiten Teil aufgestockt werden kann.

Gegenüber dem ausgewogenen Gleichgewicht beider Teile und einer Anschwellung des ersten Teils bis zur völligen Verdrängung des zweiten Teils ist allerdings wesentlich häufiger die Schrumpfung des ersten Teils oft bis auf wenige Verse, die dann mehr als kurze Einleitung oder Einstimmung zu dienen scheinen. Vgl. etwa

Вечор ночесь к девушке
соловушек прилетел...

(Novikova II, 26)

und darnach beginnt bereits die eigentliche Liedaussage mit

к молодой девчонке
казак в гости приезжал...

Das ganze Lied hat einschließlich einiger Zeilenwiederholungen 38 Zeilen. Oder das immer wieder zitierte Lied

³¹ J. CVJIĆ, *La péninsule balkanique. Géographie humaine*. Paris 1918; — G. GSEMMANN, *Volkscharaktertypologie der Serbokroaten*. In: *Jahrbuch der Charakterologie* 5, Berlin 1928, 207—269.

³² B. BARTÓK, *Das ungarische Volkslied. Versuch einer Systematisierung der ungarischen Bauernmelodien*. Berlin u. Leipzig 1925, 5.

цвели, цвели цветики да поблекли

(Novikova II, 34)

mit nur einer »Einleitungs«-Zeile und der Andeutung des Parallelismus (ähnlich II, 48). Gegen Schluß des Liedes erscheint dann noch einmal eine Gegenüberstellung:

в сыром бору сосенка зелененька:
а я у вас, матушка, молоденька...

Die »übertragene« Parallelhandlung wird entsprechend verkürzt wiedergegeben, so daß der »reale« Hauptteil unbedingt in den Vordergrund von Gestaltung und Beachtung rückt. Das kann dann schließlich so weit führen, daß diese verkürzte Einleitung oder Einstimmung einen gewissen Formelcharakter erhält und keinen echten Parallelismus mehr aufweist, also keine direkten und unmittelbar entsprechenden gemeinsamen Züge mit dem Hauptteil hat. Nur zwei Beispiele dafür: Zuerst das Lied

Долина-долинушка | Раздолье широкое...

(Novikova II, 41)

mit einer 14-zeiligen weitausholenden Situationsschilderung, die mit dem eigentlichen, in 20 Zeilen ausgedrückten Liedinhalt und Singeanlaß, der Liebe eines Mädchens zu einem Gardesoldaten, kaum mehr etwas zu tun hat. Oder das Lied

В далеком было, в далеком чистом поле...

(Novikova II, 79)

wo es eine 6-zeilige Lokaldarstellung ohne eigentlichen Parallelismus für die Gefühle des sich nach seinem Geliebten sehnenen Mädchens gibt, die im Hauptteil (14 Zeilen) künstlerisch durchaus eindringlich gestaltet werden. Solche Lieder führen dann in einen anderen Konstruktionstypus über, nämlich in den mit einer einfachen »Einleitung«, die etwa irgendeinen typisierten Handlungsort mehr oder weniger genau beschreibt, ggf. sich dabei aber auch des beliebten Prinzips der »stufenweisen oder allmählichen Einengung des Bildes« bedient. Diese Darstellungsmethode kann natürlich auch mit dem Parallelismus verknüpft werden, zumindest durch das in der letzten Einleitungszeile gesetzte Bild, das Schlußglied der Verengungskette; vgl.

Долинка, долинушка, раздолье широкое!
На той на долинушке стояла калинушка;
на том ли на кустике садилась кукушечка,
садилась кукушечка, мелкая соловьюшка.
Плачет-тужит девица по доброму молодцу...

(Novikova II, 83)

Der eigentliche Bildparallelismus erscheint also hier, wie auch in vielen anderen Liedern ähnlicher Bauart, lediglich in einem einzigen Zeilenpaar, auf das allerdings durch das Prinzip der fortschreitend einengenden Darstellung die Aufmerksamkeit besonders stark gelenkt wird.

Daß der Bildparallelismus offensichtlich eine eigenständige künstlerische Darstellungsweise ist, die sich vor allem von dem Vergleich und der Metapher, mit denen er zunächst einige Züge gemeinsam zu haben scheint und sicher auch hat, doch wesentlich abhebt, zeigt die auffallende und m. W. bisher noch kaum bemerkte Tatsache, daß eine Vermengung von Parallelismus, Vergleich und Metapher selten vorkommt, selbst in dem Liedteil, der außerhalb des Parallelismus steht. Zu solchen »Ausnahmen« gehört z. B. das Lied

Прощай, батюшка Иртыш, с крутыми горами...
(Novikova II, 84)

das aber insgesamt grundsätzlich auf dem Prinzip des Vergleichs begründet zu sein scheint und nicht auf dem des Bildparallelismus, denn es besteht aus einem sehr geschrumpften, einzeiligen, Bildteil, einer parallelen Direktzeile, einer Zeile mit Metaphern (черны брови соболины, очи соколины), worauf dann eine breit ausgeführte Vergleichsszene in sechs Zeilen, von im ganzen neun, folgt, die ausdrücklich auch sprachlich als Vergleich deklariert wird (расстаемся мы с тобою, как голубь с голубкой...) und in dem neuen Vergleichsbereich (голубь с голубкой) bleibt, u. zw. ohne Bezug auf die drei Einleitungszeilen. Oder das Lied

Ах, да у соловушки крылья примахалися
(Novikova II, 116)

das zwar mit einem kurzen Einleitungsparallelismus (nur zwei Zeilen von insgesamt zehn) beginnt, aber viel eindringlicher mit der den eigentlichen Liedinhalt und Singeanlaß, nämlich die Reue über die übereilte Heirat des Mädchens, ausdrückenden dreigliedrigen Schlußsteigerung endet, die mit — steigernden — Vergleichen arbeitet. Da aber solche Mischformen von Parallelismus, Vergleich und Metapher, wie gesagt, nicht häufig, also nicht typisch für die Gestaltungsweise des russischen lyrischen Volksliedes sind, könnte es sich in den angeführten beiden und in anderen entsprechenden Liedern um Zersingungsprodukte handeln, die durch heterogene Kontamination entstanden sein müßten.

Es scheint, daß insbesondere das russische Liebeslied solche Auflockertendenzen des Bildparallelismus, die sich in den erwähnten Mischformen, Reduzierungen auf einige wenige Einleitungszeilen, Verletzungen paralleler Anordnungen, Verlusten echter inhaltlicher Parallelität zwischen den beiden Liedteilen u. ä. m. äußern, in *relativ* reicherem Maße kennt, wenn man etwa das im wesentlichen viel strenger gebaute serbokroatische, ja, wohl auch das deutsche Volksliedeslied danebenhält. Soweit man aus den vorliegenden Aufzeichnungen urteilen kann, ist das sogen. traditionelle russische Volksliedeslied insgesamt noch viel differenzierter, vielleicht eben auch zersungener als etwa das trotz allen regionalen Unterschieden weitgehend homogene serbokroati-

sche Volkslied. Das mag jedoch auch damit zusammenhängen, daß im russischen Lied die »Einflüsse« des städtischen, bürgerlichen, halbfeudalen Liedes in jüngerer Zeit stärker gewesen sind als z. B. im serbokroatischen. Dadurch könnte ebenfalls die schon oft bemerkte, übrigens auch in einer nicht selten klischeehaften, fast dekadenten Pseudo-Bildhaftigkeit sich manifestierende »Sentimentalität« des russischen Liedes erklärt werden, die sicher nicht ursprünglich, sondern eingedrungen bzw. übernommen ist. In den echt volksverbundenen Alltagsliedern, an die man bei den bekannten Äußerungen A. N. Radiščevs, V. G. Belinskijs u. a. zu denken hat, findet sie sich recht selten. Selbstverständlich erhebt sich damit auch die Frage nach der *Genrespezifik* des russischen Volksliedes bzw. der russischen Volkslyrik überhaupt,³³ soweit sie sich auf die engere Thematik des Bildparallelismus erstreckt, der natürlich ebenso der russischen Volksepik nicht fremd ist, in dieser jedoch sporadischer, ephemerer erscheint und mehr der Detailzeichnung und -bereicherung sowie einer »lyrischen« Vertiefung dient. In der *Volkslyrik* dagegen, namentlich im traditionellen Liebeslied, kann er zum eigentlichen lyrisch-ästhetisch-gestalterischen Anliegen eines eigenen Liedes und damit zum kollektiv-künstlerischen sprachlichen Ausdruck eines klar umrissenen Aussagebedürfnisses werden.

Vielleicht lassen sich aus der spezifisch differenzierten Verwendung des Bildparallelismus in der russischen Volksliedlyrik auch gewisse begrenzte Schlüsse auf den vieldiskutierten »Realismus« der Volksdichtung, namentlich in dem genannten Genre, ziehen. Es ist eine Tatsache, daß streng und weiträumig im ganzen Lied durchgeführte Bildparallelismen, d. h. auch Lieder, die nur auf diesem Prinzip aufgebaut sind, bereits relativ selten vorkommen und nur knapp 20% aller Lieder mit Bildparallelismen bzw. ca. 3,5% der in den beiden ausgewerteten Anthologien enthaltenen Alltagslieder ausmachen. Es ist ferner die Regel, daß Bildparallelismen auf die konkrete Aussagesituation zurückgeführt werden, d. h. der übertragenden Bildebene wird der konkrete Sachverhalt gegenüber- bzw. nachgestellt. Außerdem ist die Tendenz nicht zu verkennen, den Parallelismusteil immer mehr einzuengen, u. zw. zu Gunsten des »realen« Liedteils, so daß der Bildparallelismus nicht selten nur noch in einer oder einigen wenigen Restzeilen als typische Einleitung oder Einstimmung fungiert. Das alles bedeutet aber doch wohl nichts anderes als eine fortschreitende Distanzierung von einer überrealen Bildgebung und damit eine immer stärkere Betonung der sich ändernden Lebensrealitäten selbst. Chronologisch differenzierende Analysen, wie sie besonders von S. G. Lazutin vorgenommen worden sind, bestätigen m. E. diesen interessanten Prozeß auch in der russischen Volksliedlyrik. Die Lebensrealitäten gestatten immer mehr den auch

³³ Vgl. zu dieser aus neuerer Sicht H. П. Колпакова, a. a. O., bes. 25ff.; auch B. E. Гусев, a. a. O., bes. 106ff. u. 139ff.

künstlerisch-ästhetisch manifestierten Übergang aus den irreal überhöhten Bildebenen einer Wunsch- und Traumsphäre in die des Alltags, wobei im Verlauf dieses langwierigen und wohl noch nicht ganz abgeschlossenen Prozesses den eigentlichen Realitäten in den sozusagen zunehmend »enttabuierten« Beziehungen zwischen den beiden Geschlechtern immer mehr auch künstlerisch »realistisch« Rechnung getragen wird. Es scheint nicht zufällig zu sein, daß die Lieder mit dem am konsequentesten durchgeführten Bildparallelismus fast durchweg noch aus der zweiten Hälfte des 18. oder aus der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts stammen, während später solche das ganze Lied bestimmenden Parallelismen immer seltener auftreten und im wesentlichen auch funktional auf Liederleitungen bzw. Liederleitungsformeln beschränkt werden. Mit dieser grundsätzlich neuen Funktion sind sie aber eben auch keine *echten* Bildparallelismen mehr, sondern fügen sich in die allgemein zu bemerkende Tendenz zu einem sich verstärkenden »Realismus« ein, der sich auch in der russischen Volksliedbesyrik in wachsendem Maße äußert.

Die Rezeption der südslawischen Volksdichtung in der Literatur der ungarischen Aufklärung

I. FRIED

In Pest-Ofen und in einigen kleineren und größeren Städten an der Donau (Komorn, Szentendre, Ráckeve usw.) lebten bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts zahlreiche wohlhabende serbische Bürger und Kaufleute. An der Militärgrenze hüteten hingegen Offiziere, die eine wichtige Rolle spielten, das serbische Wort. Für die Kinder dieser Offiziere fanden sich kaum serbische Mittel- oder Hochschulen, weshalb sie gezwungen waren, Lehranstalten anderer Religionen in Anspruch zu nehmen. In katholische Gymnasien schickten sie ihre Kinder nicht gerne, sie befürchteten die Unionsbestrebungen der vom Herrscher patronisierten Kirche. Als Ausnahme können wir das Piaristengymnasium in Szeged erwähnen, das durch seine geographische Lage das Heim vieler serbischen Studenten wurde. Um so bedeutender können die protestantischen Lyzeen und Mittelschulen in Preßburg, Raab, Modern, Ödenburg, Sárospatak, Debrecen und Käsmark angesehen werden,¹ wo die Jugend hauptsächlich von Lehrern unterrichtet wurde, die in Deutschland eine Universität absolviert hatten (die deutsche Kultur gelangte natürlich nicht nur auf diese Weise zur serbischen Intelligenz, unter den Priestern des Klosters in Grábóc finden wir ebenfalls Absolventen der deutschen Universitäten, die Bibliothek des Klosters enthält zahlreiche deutsche Bücher). Für den guten Ruf der erwähnten Schulen ist charakteristisch, daß die serbischen Kirchenbehörden Studenten, die in diesen Städten studiert hatten, gerne anstellten, ihnen vertrauten und ihnen wichtige Aufgaben übertrugen.

Die serbische Literatur gelangte dennoch nicht durch diese Studenten zu den ungarischen Literaten, obwohl die Bibliotheken von Debrecen und Sárospatak — wahrscheinlich den Hörern serbischer Nationalität zuliebe — »Serbica«-Stoff enthalten;² die Schwerfälligkeit der serbischen kirchlichen Sprache und der

¹ RISTO KOVLJANIĆ, Zmajevo školovanje u Slovačkoj: Glasnik Istoriskog Društva 1935. — H. RÉZ, Ungarn als Vermittler der westlichen geistigen Strömungen nach Süden und Südosten, Ostmitteleuropäische Bibliothek 22, Budapest 1939, 7–8, 11–12. — MITA KOSTIĆ, Dositej Obradović u istoriskoj perspektivi XVIII. i XIX. veka. Beograd 1952, 206–218, 231. — DOROTHEA KADACH, Die Anfänge der Literaturhistorie bei den Serben. München 1960.

² DOROTHEA GOTTESMANN, Slawische Bücher in den Bibliotheken der reformierten Kollegien in Debrecen und Sárospatak, bis 1850. Debrecen 1962, 46, 49–50, 52–53.

kirchliche Charakter der in dieser Sprache entstandenen serbischen Literatur des 18. Jahrhunderts interessierte die von den Ideen der französischen und englischen Aufklärung begeisterten ungarischen Schriftsteller nicht, noch weniger das Lesepublikum, das nach weltlicher Literatur hungerte. Die serbischen Kaufleute und Studenten waren wohl bestrebt, die serbische Kultur zu vermitteln, diese Vermittlung hatte jedoch überwiegend mündlichen Charakter. Unter den literarischen Beziehungen, die als selten und zugleich unregelmäßig bezeichnet werden können, heben wir das Wirken von Grigorije Jakšić³ hervor, der serbischer Abstammung war, aber in ungarischer Sprache dichtete. Unter seinen Gelegenheitsgedichten finden wir die über Jovan Rajić handelnde Dichtung.⁴ Die Gewohnheiten und Lieder der serbischen Studenten und Kaufleute erweckten offenkundig einiges Interesse, dessen unmittelbarer literarischer Niederschlag aber kaum zu finden ist. Die Forschung setzt z. B. nur zage voraus, daß um vieles später in den serbischen (genauer: südslawischen) Motiven der romantischen Romane von Maurus Jókai Erlebnisse aus seiner Kinderzeit in Komorn ihr Echo finden; daß er das in einem seiner Werke mitgeteilte Thema eines Volksliedes — dessen Quelle bisher nicht bekannt ist — von seinem Vater, der Rechtsanwalt in Komorn war, gehört haben konnte. Der Vater bewegte sich häufig im Kreise serbischer Kaufleute.⁵ Ebenso begegnete Karl Georg Romy in seiner Kinderzeit serbischen Kaufleuten, die — seiner Erinnerung nach — ihre Waren bis nach Zipser Neudorf (Igló) brachten.⁶

Die serbischen und die mazedonisch-griechischen Kaufleute spielten in der Entwicklung einzelner Städte an der Donau eine große Rolle, das zierliche griechisch-orientalische Barock von Szentendre, die Pester »serbische« Kirche zeugen von hohem Kunstgeschmack und Anspruch. Diese Kaufleute wickelten den Handel mit dem Orient ab.⁷ Im 18. Jh. legte sich zwar allerdings der stadtpolitische Kampf zwischen den geschickten Kaufleuten und den alteingesessenen, über das Bürgerrecht verfügenden städtischen Einwohnern, trotzdem gewannen die Serben immer mehr an Bedeutung. Sprachliche und religiöse Unterschiede sperren die Bürger voneinander ab, die Macht des serbischen Kirchenoberhauptes, sein weltliches Ansehen waren außerordentlich groß. Diese Kaufmannsschicht verfügt erst Ende des 18. Jahrhunderts über eine Intelligenz, die sich zur Entwicklung einer selbständigen Literatur ent-

³ RADÓ GY.—TARDY L., Puskin első magyar fordítója [Puskins erster ungarischer Übersetzer]: Látóhatár 1967, 927—936.

⁴ G. MIHAJLOVIĆ, Srpska bibliografija XVIII. veka. Beograd 1964.

⁵ JÓKAI M., Egy játékos, aki nyer [Ein Spieler, der gewinnt]. Budapest 1966. (Für den Druck vorbereitet von Nacsády J.). Dieser Roman erschien 1882, die Handlung spielt zwischen 1815—1825. Über die Quellen der im Roman enthaltenen »serbischen« Balladen: 250—251, 293.

⁶ Ismertető 1839. II. Nr. 38.

⁷ GÁRDONYI A., Pest város keleti kereskedelme a XVIII. században [Der Osthandel der Stadt Pest im 18. Jh.]. Budapest 1930.

schließen kann; bis zu diesem Zeitpunkt bietet sie aber keine Lektüre, die dem ungarischen Lesepublikum Neues sagen könnte. Die Universitätsdruckerei von Pest-Ofen⁸ bekommt im Jahre 1795 das Privileg des Druckes von Büchern mit zyrillischen Buchstaben, im gleichen Jahr läßt sie schon serbische Bücher erscheinen. 1798 gibt sie den Katalog der in Universitätsbesitz befindlichen serbischen und rumänischen Ausgaben heraus, und bis 1841 gelangen rund 250 serbische Werke (kirchliche, schöne Literatur usw.) zu den Lesern.

Das serbisch-ungarische Zusammenleben bedingte trotz den unleugbaren religiösen, sprachlichen Unterschieden das gegenseitige Erkennen, die in den Gewohnheiten, in der Sprache, in der Musik usw. sich zeigende Wechselwirkung. Die ungarische Literatur bezeugt, allen anderen vorangehend, im Jahre 1553, daß sie die Existenz der serbischen Volksdichtung zur Kenntnis genommen hat. Der fahrende Sänger Sebestyén Tinódi Lantos lobt in seiner »Erdéli História« (Geschichte Siebenbürgens) einen serbischen »Sänger« namens »Demeter Kármán« (»Sok hegedős vagon itt Magyarországbán, Kármán Demeternél jobb nincs az rác módban«, d. h. »es gibt hier in Ungarn viele Sänger, in der serbischen Art gibt es keinen besseren als Demeter Kármán«). Die Kontinuität des Interesses wird von einem Chronisten bescheidenen Talentes, namens Gergely Pethó bewiesen. Pethó (1570?—1629) war ein Edelmann kroatischer Abstammung, der in seinem in Wien erschienenen Werk »Rövid magyar Cronica« (Kurze ungarische Chronik) — die nur eine Kompilation früherer ungarischen und der kroatischen geschichtlichen Arbeiten von Antun Vramec darstellt — ebenfalls in der Art der südslawischen Volksdichtung, die Schlacht von Rigómezó (Kosovo Polje, Amselfeld) behandelt. »Weil er im Jahre 1350 unter dem Anschein der Freundschaft mit dem Sultan Murad »Drenapol« eroberte, sich dort niederließ, sodann mit dem Despoten Lazar auf dem Amselfeld zusammenstieß, diesen entscheidend besiegte, ihn gefangen nahm und auf grausame Weise tötete. Als Milosch Kobilitsch, ein Getreuer des Despoten Lazar und hervorragender serbischer Held, dies sah, empörte er sich über den Tod seines Herrn. Er suchte beim Sultan Murad um Audienz an, als wolle er irgendeine wichtige Sache vertraulich melden. Als er dann in das Zelt des Sultans geführt wurde, töte er diesen, um den Tod seines Herrn zu rächen, er selbst aber wurde darauf von den Türken getötet.«⁹ Nicht nur

⁸ BALOGH I., A magyar királyi Egyetemi Nyomda termékeinek címjegyzéke 1777—1877 [Das Titelverzeichnis der Produkte der Königl. ungarischen Universitätsdruckerei von 1777—1877]. Budapest 1882. — CZAKÓ E., Cirill-betűs könyvek Budán [Bücher in Zyrillika in Ofen]. Különlenyomat a Budapesti Szemle 1939. évfolyamából [Sonderabdruck aus der Budapesti Szemle, Jg. 1939]. — MIHAJLOVIĆ, a. a. O.

⁹ Rövid magyar cronica . . . Irattatott Pethó Gergelytől . . . [Kurze ungarische Chronik . . . Geschrieben von Gregor Pethó]. Bécsben [Wien] 1660, 70. — I. KUKULJEVIĆ, Hrvatsko-mađarski pisci: Arhiv za povjestnicu jugoslavensku 10:123—126. — MARGALITS E., Pethó Gergely és Ratkay György, Horváth-magyar történetírók [Gregor Pethó und Georg Ratkay, kroatisch-ungarische Geschichtsschreiber]: Katholikus Szemle 1897, 300—305. — MORVAI I., Gersei Pethó Gergely élete és krónikája [Leben und Chronik von Gregor Pethó von Gerse]. Budapest 1912. — Rezension von A. Angyal: Zeitschrift für Slawistik 1960, 145.

das Thema, auch die Vortragsweise sind verwandt mit der die Heldentat und den Tod von Miloš Obilić schildernden Bugarštica, die im 16. und 17. Jh. in Kroatien häufig gesungen wurde. Pethő dürfte diesen Volksgesang wahrscheinlich gekannt haben. Seine Chronik wurde bis Mitte des 18. Jahrhunderts wiederholt herausgegeben, und so bedeutet sie tatsächlich die Kontinuität der südslawischen Volksdichtung in der ungarischen Tradition.

In dem zu Ende des 18. Jahrhunderts gegen die Türken geführten Feldzug kamen zahlreiche Ungarn in die von Serben und Kroaten bewohnten Gebiete. Hier kamen sie — als Befreier — mit den Ortsansässigen in unmittelbare Verbindung. Lebensweise, Siedlung, Sprache, religiöse Zeremonien der Einheimischen wichen von Grund auf von jenen der Befreier ab, und erweckten lebhaftes Interesse. Unter diesen Soldaten finden wir auch Ladislaus Kazinczy, den Bruder Franz Kazinczys, des Führers der ungarischen Aufklärung. Dieser charakterisiert seinen jung verstorbenen Bruder wie folgt: »Er war durch und durch Soldat und wünschte, daß jeder Soldat und alles soldatisch sei.«¹⁰ Aber dieser sturmerprobte, im schweren Lagerleben abgehärtete Soldat erlebte auch die zu jener Zeit bereits modische Sentimentalität im ungarischen gesellschaftlichen Leben und in der Literatur, er interessierte sich für die Literatur, und las Klopstock und Wieland.¹¹ In seinen Briefen berichtet er getreu von seinen Erlebnissen im Süden des Landes, sandte einmal seinem Bruder in einem vom 29. Juli 1788 datierten Brief aus der Gemeinde »Orubicza« ein »serbisches Lied«.¹² Wir besitzen keine Angaben darüber, ob Ladislaus Kazinczy die serbische Sprache beherrschte; vielleicht waren es nur einige Wörter, so viel der Soldat von den Ortsansässigen erlernt hatte. Die Familie Kazinczy stammt aus Oberungarn, demnach mußten slowakische Sprachkenntnisse in der Familie nichts Seltenes sein. Im Nachlaß Franz Kazinczys fand man slowakische Volkslieder,¹³ die er wahrscheinlich während seiner Gefangenschaft (1795—1801), eventuell später aufgezeichnet hat, deren Varianten aus der slowakischen Volksdichtung-Sammlung Ján Kollárs wohlbekannt sind. Als Franz Kazinczy wegen seiner Teilnahme an der Verschwörung der ungarischen Jakobiner ins Gefängnis kam, sprach er mit dem serbischen Gefängniswärter namens Rakić einige *serbische* Wörter. Rakić war bereit, die Briefe, die die Gefangenen einander schrieben, weiterzuleiten und brachte die Sympathie und das Mitgefühl des einfachen Menschen zum Ausdruck. Hieraus können wir aber auf die Sprachkenntnis von Ladislaus Kazinczy keinerlei Schlüsse ziehen. Die von den Ortsansässigen gehörten

¹⁰ KAZINCZY F., Magyar Pantheon [Ungarisches Pantheon]. Budapest 1884, 204.

¹¹ SZAUDER J., A romantika útján [Auf dem Wege der Romantik]. Budapest, 1961, 90—98.

¹² Kazinczy levelezése [Kazinczys Briefwechsel]. I, 203—204.

¹³ J. P. BALÁZS, Eine slowakische Volksballade im literarischen Nachlaß von Kazinczy: Studia Slavica 5 (1959) 401—427.

Lieder ließ er entweder übersetzen oder übersetzte sie mit Hilfe seiner Serbisch verstehenden Gefährten selbst ins Ungarische, ungefähr auf folgende Weise:

»Am Fuße eines Berges, im Schatten, an einer Quelle hütete Ferkó seine Schafe — Ein Mädchen fragte ihn: warum weinst du — Wie sollte ich nicht weinen, wo doch mein Vater mit meiner Mutter schläft, ich aber, so jung ich bin, schlafe allein — Weine nicht: komm am Abend zu mir und schlaf mit mir; aber wenn du über den Zaun steigst, mach keinen Lärm, flüstere am Fenster nicht, rüttle nicht an der Tür, klopfe nicht im Flur — Am Abend ging er sogleich zu ihr: der Pfahl zerbricht unter ihm, er öffnet das Fenster, stolpert über die Schwelle, im Flur stößt er einen Wassereimer um, der Eimer zerschlägt die Töpfe; es geschieht, daß ein Alter neben dem Feuer liegt, er fällt über ihn, stößt den Alten ins Feuer, dessen Bart fängt Feuer, er will das Feuer löschen, steckt das Haus in Brand, und dann flüchtet er sich.«
Ladislaus Kazinczy fügt deutsch hinzu: »Alles sehr einfällig«. Wir erkennen darin das Lied in der Sammlung von Vuk Karadžić:

»Oj, na brdu, na borovu, bor se zeleni!
Pod njim sjedi mala moma te se veseli,
s momčetom se razgovora: Dođi doveće!
Kada budeš na ulici, čuvaj, ne lupkaj!
Kada budeš preko plotu, čuvaj ne krskaj!
Kada budeš preko kuće, nemoj se javljat!
Kad je bio preko plotu, proštac slomio;
kad je bio na ulici, vrata istavlja;
ka je bio preko kuće, čabar obori:
čabar leti, lonce troši šteta se čini.
Usta baba lonce gledat — nogu prelomi,
usta starac babu tražit — bradu zapali,
stade momče bradu gasit — momu odvede.«¹⁴

Wir vergleichen den Text mit dem ungarischen, und es fällt sofort auf, daß wir, obwohl viel Ähnlichkeit besteht, dennoch von keiner *Übersetzung* sprechen können. Wir wissen heute noch nicht, wie viel wir zu Lasten der eventuell ungenauen Interpretation von Ladislaus Kazinczy schreiben können bzw. ob es eine Variante des Liedes gibt, deren getreue Übersetzung der ungarische Text ist. Der in der ersten Zeile stehende kleine Scherz kann Ladislaus Kazinczy zugeschrieben werden. Er schmuggelt den Kosenamen seines Bruders (ung. *Ferkó* 'Franzi') in den Text, dieser wird der Held der komischen Geschichte, der in Wirklichkeit der Verfasser gezielter, sentimentaler, manchmal affektierter Texte war. Die andere Änderung scheint zu bezeu-

¹⁴ Narodne Srpske Pjesme . . . I. U Lipsici 1824, Nr. 387.

gen, daß Ladislaus Kazinczy den rauheren, einfacheren, zielbewußteren Text des serbischen Originals den Idyllen Gessners angleicht: der ungarische Text spricht vom Hirten, vom Schaf und von e m p f i n d s a m e n Zwiegespräch. Dennoch dringt die serbische Volksdichtung mit diesem Text in die ungarische Literatur ein. Leider sind die Antwortschreiben Franz Kazinczys nicht erhalten geblieben, daher können wir das Schicksal des Liedes nur aus den Bemerkungen Ladislaus Kazinczys verfolgen. Franz Kazinczy dürfte auf die Sendung nur kurz oder nichtssagend reagiert haben. Ladislaus Kazinczy fragt am 7. November 1788 an: »Also findest du für die Bearbeitung meines kleinen serbischen Liedes keine Zeit? Ich muß gestehen, daß ich dies sehr gern sehen würde, denn serbisch ist das Gedicht sehr schön.«¹⁵ Dies ist der einzige Beleg für die serbischen Sprachkenntnisse von Ladislaus Kazinczy. Auch hier können wir jene Einschränkung machen: wir wissen nicht, ob sich die Qualifikation auf die Melodie oder auf den Text bezieht. Übrigens stand Franz Kazinczy die soldatische, rauhe Welt seines Bruders, die ihm aus dem erwähnten serbischen Lied entgegenstrahlte, fern. Auf das Drängen seines jüngeren Bruders dürfte er dennoch etwas zu Papier gebracht haben, denn der Brief von Ladislaus vom 15. Januar 1789 spricht mit Begeisterung: »Also fühlst auch du die Schönheit des serbischen Liedes.« Im weiteren drängt er auf die baldige Niederschrift der Übersetzung und hofft, daß sein älterer Bruder auch dazu Lust bekommen würde.¹⁶

Ob die Übersetzung gemacht wurde oder nicht, wissen wir nicht. Die »Rohübersetzung« bot Kazinczy keine genügende Basis. Im allgemeinen interpretierte er formgetreu, dürfte von den Versformen der serbischen Volksdichtung kaum gehört haben, aber auch das Thema des Liedes sprach ihn nicht an. Für die in den Jahren um 1780 verfaßten Werke Kazinczys war übrigens auch das Weiche der deutschen Dichtung, die schwelgende Sentimentalität der Poeten des Göttinger Hainbundes charakteristisch, und diese Eigenschaften waren für die Interpretation der serbischen Volksdichtung nicht geeignet.

Nach der Vermutung der Forschung, hatte Franz Kazinczy die *Hasanaginica* 1789 aus der Sammlung Herders übersetzt.¹⁷ Wahrscheinlich kam ihm die Ausgabe von 1778—79 der Volksliederbände Herders in die Hände, und darin erweckte die Übersetzung Goethes seine Aufmerksamkeit. Seine Übersetzung erschien aber erst 1813 in der Sammlung seiner Übertragungen. Irreführend ist, daß er Lukijan Mušicki mitteilte: »Ich habe es aus den Gedichten Goethes ins Ungarische übersetzt.« Dies bedeutet aber nicht, daß er das Lied aus dem *Gedichtband* Goethes übersetzt hat. Der Brief setzt nämlich

¹⁵ Kazinczy levelezése. I, 235.

¹⁶ ebd. 249.

¹⁷ PUKÁNSZKY B., Herder hazánkban [Herder in Ungarn]. Budapest 1918, 42. — HORVÁTH J., A magyar irodalmi népiesség . . . [Die ungarische literarische Volkstümlichkeit . . .]. Budapest 1927, 142—149. — I. PÓTH, Srpskohrvatska poezija u mađarskoj knjizevnosti u Vukovo doba (Poseban otisak iz Vukovog zbornika). Beograd 1966, 357.

fort: »Einige Proben eurer Lieder kenne ich.«¹⁸ Er konnte es nur aus den Bänden Herders kennengelernt haben, und in diesen sind tatsächlich nur wenige erschienen. Er konnte höchstens noch an die Sendung seines jüngeren Bruders gedacht haben. Sein an Mušicki gerichteter Brief datiert von 1812, in einem Brief aus dem Jahre 1817 bezeichnet er schon genau Herder als Quelle.¹⁹ Die Jahreszahl 1789 unterstützt die Tatsache, daß die Übersetzung unmittelbar nach der Sendung seines Bruders entstand, d. h. daß das scherzhafte Lied sein Interesse erweckte, und als dieses Gefühl durch die Übertragung eines großen Dichters gefestigt wurde (das sich zur Wertschätzung steigerte), bekam er Lust zur Übertragung. Herder war übrigens die Grundlektüre der Schriftsteller der ungarischen Aufklärung, auch Kazinczy empfahl seinen Dichtergefährten die Werke Herders. Daß die Übersetzung aus dem Jahre 1789 stammt, wird durch ihren gekünstelten Stil bekräftigt. »Kämpfend, sich plagend, übersetzt er das in einfacher Sprache geschriebene Gedicht.«²⁰ Wenn man es mit seinen späteren Nachdichtungen vergleicht, fällt einem sogleich die gezwungene, platte, mit Fremdartigkeiten gespickte Sprache, die knarrende Reimerei der ungarischen *Hasanaginica* ins Auge. Wir sehen sozusagen gar nichts von der für Kazinczy später so charakteristischen Kunstsorgfalt, Feinheit, Eleganz. Diese Übersetzung zeugt von dem frühen Abschnitt seines dichterischen Wirkens, daher kommt der dem Gefühlvollen sich nähernde Stil. Wenn er in seinen späteren Übersetzungen manchmal bewußt Gallizismen oder Germanismen niederschrieb, wurde er, was die Metrik betrifft, niemals nachgiebig. Hier aber werden sogar die Trochäen holprig. Kazinczy übersetzte kein Volkslied, keine Volksballade, sondern die Nachdichtung Goethes, der die italienische Prosa des Abbé Fortis in zehnfüßigen Trochäen übersetzte. Dieses trotz der Holprigkeit des Reimens und der Schwerfälligkeit des Stils populär gewordene Gedicht brachte die serbische Volksdichtung in Mode und schuf noch vor den Entdeckungen von Talvj und Grimm die »serbische Manier«; die beliebte Versform der ungarischen literarischen Volkstümlichkeit, die sich nicht nur in den reimlosen zehnfüßigen Trochäen, sondern auch in gewissen, die serbische Volksballade nachahmenden Charakteristiken des Versbaues offenbarte. Das mit Fragesätzen beginnende Gedicht, die eigenartige Gesetzmäßigkeit der Wiederholungen fanden in der Übersetzung von Kazinczy ihre Bestätigung. Johann Horváth (1878—1961)²¹ faßte in treffender Weise die Charakteristiken der »serbischen Manier« zusammen: »Mit dieser Versform geht eine gewisse Schablone und gut erkennbare Volkstümlichkeit der Gedanken- und Satzkonstruktion einher: statt der Kontinuität des ineinander-

¹⁸ Kazinczy levelezése. IX, 275—277.

¹⁹ ebd. XV, 196.

²⁰ CZEIZEL J., Goethe és Kazinczy. In: *Philologiai dolgozatok a magyar-német érintkezésekről*. Budapest 1911.

²¹ a. a. O. 145.

gehenden Gedankenganges, das Nebeneinander von Gedankengliedern, Bindewörtern, und im allgemeinen statt der gebundenen Rede selbständig nacheinander schreitende Sätze, deren Zusammengehörigkeit sich nur im aufnehmenden Bewußtsein vollzieht.« Die ungarischen Dichter haben in ihrem Kampf, die volkstümlichen Formen ins Literarische zu heben, die Versarchitektur dieser Art gründlich ausgenützt. Von den Anfängen der ungarischen Romantik, von den Versuchen Franz Kölcseys bis zur Entfaltung der ungarischen Romantik, bis zur großzügigen Gedichtkonstruktion Michael Vörösmartys führt der Triumphweg der »serbischen Manier«, um auch in die eine neuartige Volkstümlichkeit vertretende Dichtung Alexander Petöfis zu gelangen. Kazinczy hat noch keine Volksdichtung übertragen. Die Folklore hat er nur in gewissen Sphären (z. B. im Lustspiel) angenommen. Seine Stellungnahme zu der Volksdichtung wurde dadurch bestimmt, daß er, parallel mit seinen sprachpflegerischen und literaturfördernden Bestrebungen auch den Kampf gegen die konservative, das Losungswort *omnis mutatio periculosa* verkündende, in den Adelskurien heimische Volkstümlichkeit aufnehmen mußte. Die bedeutendsten Vertreter dieser Volkstümlichkeit waren zu Ende des 18. Jahrhunderts der Romanautor Andreas Dugonics (1740—1818) und Josef Gvadányi (1725—1801), der Verfasser erzählender Dichtungen.

Im ersten Abschnitt der Geschichte der ungarischen Volkstümlichkeit haben sie die Hauptrolle. Sie identifizierten das Alte mit dem Volkstümlichen²² und deuteten ohne Auswahl als volkstümlich Volksbücher, Abenteuer geschichten, Volkslieder, Sprichwörter und die einfach alten Geschichten. Sie richteten sich an das in den engen Kreis des Komitates gezwungene, diese Grenze kaum überschreitende, gleichsam auf patriarchalische Weise in seinen Dörfern lebende adlige Leserpublikum und befriedigten dessen Geschmack. Gegen die Volkstümlichkeit und den auf engen Kreis beschränkten Nationalismus, manchmal auch volkstümlichen Geschmack enthaltende Dichtung dieser konservativen Schicht nahm Franz Kazinczy den Kampf auf; deshalb übersetzte er die Übertragung Goethes — und nicht die echtere, originellere, auch mit kleineren Verzerrungen authentischere Sendung seines jüngeren Bruders.

Dies ist auch die Ursache dafür, daß der andere bedeutende ungarische Dichter der Aufklärung, Franz Verseghy, die serbische Volksdichtung beinahe nervös ablehnte. Vielleicht hat er aus dem gleichen Herder-Band einige Stücke der serbischen Volksdichtung kennengelernt wie Kazinczy. Wenn Kazinczy in seinem Kampf gegen den Provinzialismus manchmal auch die Dichtung seines, den Ton der wirklichen Volkstümlichkeit treffenden, außerordentlich talentierten Dichtergefährten Michael Csokonai Vitéz ablehnte, dann müssen

²² SZAUDER J., A magyar irodalmi népiességről [Über die ungarische literarische Volkstümlichkeit]. Világirodalmi Figyelő 1958, 155—161.

wir Franz Verseghy wohl zur Gänze als Anhänger des Göttinger Hainbundes ansehen. Er war einige Zeit beinahe ein sklavischer Übersetzer, im besten Falle Nachdichter der Lieddichtung deutscher Art. Er unterwarf das Gedicht dem musikalischen Ton und äußerte sich mit Verachtung über die »Dudeleien« des kirchlichen und weltlichen Liedes im Dorfe. Der Dorfkantor wird in einem späteren erzählenden Gedicht (Rikóti Mátyás) zum komischen Helden. Verseghy erörtert: »gewaltig pflegt die Monotonie oder die Eintönigkeit das empfindliche Ohr zu beleidigen«. Hierfür bringt er ein musikalisches Beispiel, »dessen erster Teil aus sechs und der zweite ebenfalls aus sechs Takten besteht, und der letzte Takt der beiden Teile besteht aus V O L L S T A E N D I G G L E I C H E R Kadenz« (Hervorhebung Verseghys). Er zielt unmißverständlich auf das Reimen in »ungarischer« Art bei Gvadányi und dessen Kreis. Aber auch für eine solche monotone und eintönige Reimerei hält er die »nationalen« (volkstümlichen) Lieder der Serben, auf die »das einfache Volk zu tanzen pflegt«. ²³ Die Ablehnung galt der vermeintlichen Eintönigkeit, dem Volkslied und nicht der serbischen Dichtung. Von Verseghy müssen wir wissen, daß er ebenfalls an der Verschwörung der ungarischen Jakobiner teilnahm und daß er jenes kroatische Revolutionslied übersetzt hat, das zur Franzosenfreundschaft der Kroaten und der Ungarn aneifert. ²⁴

Kazinczy übersetzte Goethe, Verseghy lehnte ihn ab —, hingegen wurde der populäre Dichter der provinziellen und konservativen Volkstümlichkeit, Josef Gvadányi, auf die südslawischen Gesänge aufmerksam. Er ging offenen Auges seines Wegs, beschrieb die verschrobenen oder interessanten Erscheinungen des Lebens mit originellem Humor. So geschah es, daß wir über das Begräbnis des serbischen Richters im serbischen Stadtteil Tabán von Ofen in seiner beliebtesten, auch in ethnographischer Hinsicht lehrreichen Gedichterzählung lesen können. ²⁵ Hier gedenkt er dessen, das »Meister, Studenten — gesungen haben«. In einem anderen Werk erfahren wir auch, wovon sie gesungen haben. Vom Landtag im Jahre 1790 schrieb er ein längeres satirisches Gedicht. ²⁶ In den breit dahinfließenden Versen findet man wieder viele treffende Beobachtungen. Die Kroaten kamen mit dem Schiff die Donau hinauf nach Pest-Ofen, wo dieser Landtag eröffnet wurde. Es überrascht nicht, daß er die Kroaten als

²³ VERSEGHY F., Rövid értekezések a Musikáról . . . [Kurze Abhandlungen über die Musik]. Bétsben [Wien] 1791, X. XIV.

²⁴ SZELI I., Hajnóczy és a délszlávok [Hajnóczy und die Südslawen]. Novi Sad 1965, 107—120.

²⁵ Egy falusi nótáriusnak budai utazása . . . [Reise eines Dorfnotars nach Ofen . . .] Pozsonyban és Komáromban [In Preßburg und Komorn] 1790, IX. — Dieser Teil wird wiederholt in: A szomszéd népekkel való kapcsolataink történetéből [Aus der Geschichte unserer Verbindungen mit den Nachbarvölkern]: Hg. von G. G. Kemény, Budapest 1962, 135—136.

²⁶ A mostan folyó ország gyűlésének satyrico-critico való leírása [Die satirisch-kritische Beschreibung des jetzt tagenden Landtages]. Lipsiában [Leipzig] 1791, 63—64.

»brave Junaken« bezeichnete. In seinen Poemen finden sich auch reichlich serbische und slowakische Wörter. Aus den weiteren Zeilen erfahren wir das folgende:

Tizen nyoltz hajóból állott ezen Flotta,
Sok evedző, Kormány ezeket hajtotta,
Nyögött Duna vize terhének alatta:
Mivel a sok vitézt tsak allig birhatta.
A'mint már közeléb' hozzánk érkezének,
Ki-tettszék azokon, hogy már kik lennének,
Zengett torka hangja itt mindenikének,
Kralovitza Marko kedves énekének.

[Achtzehn gute Schiffe zählte diese Flotte,
Ruder, viele Riemen trieben fort die Rotte,
Donauwasser stöhnte unter ihrer Schwere,
Als wenn ihre Mannschaft kaum zu tragen wäre.
Wie sie dann schon etwas näher zu uns kamen,
Wer die Männer waren — konnte man schon ahnen,
Es erklang vom Herzen, strömte aus der Seele,
Marko Kralovitzens Lied aus voller Kehle.]

Der Dichter erklärt in einer Fußnote, was er über Marko Kraljević weiß. »Irgendwann, irgendein Marko war ein berühmter, tapferer König; dies besingt man immer wieder, besonders im Lager.« Der Held der südslawischen Volkslieder kommt auf diese Weise in das Bewußtsein des ungarischen Lesers, hatte doch Gvadányi einen bedeutenden Leserkreis. Woher wußte er von Marko Kraljević? Der lebensfrohe, sympathische, sich gern unterhaltende und auch unterhaltsame Dichter dürfte wohl im Landtag kroatischen Abgeordneten begegnet sein, die ihn aufgeklärt haben mochten. Vielleicht haben sie sich zusammen vergnügt, bei welcher Gelegenheit er von Marko Kraljević gehört hat. Aus den Gedichten Gvadányis kam Marko Kraljević in eine ungarische wissenschaftliche Arbeit, als eine Persönlichkeit der ungarischen Geschichte. Johann Molnár zitiert nach Gvadányi die vom Volkshelden singenden Kroaten in einem Band seines großen kulturgeschichtlich-bibliographischen Werkes. Dieser Gelehrte veröffentlichte zwischen 1783 und 1804 in 22 Bänden den von ihm gesammelten wissenschaftlichen Stoff. Dies hat auch schon aus slawischem Gesichtspunkt seine Bedeutung, außer Marko Kraljević kamen auch polnische, bosnische und russische Themen zur Sprache. Allerdings interessierte ihn in erster Linie die Rechtschreibung des Namens Kraljević. Er stellte fest, daß dieser Held zur Zeit der ungarischen Könige Ludwigs I. oder Sigismund (in der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts) lebte.²⁷

Das Interesse Johann Molnárs läuft parallel mit der Sammeltätigkeit, mit dem südslawischen Interesse der sich aus der annalenartigen Geschichtsschreibung entwickelnden ungarischen Geschichtswissenschaft. In den letzten zwei Jahrzehnten des 18. Jahrhunderts gelangte das von Südslawen bewohnte Gebiet in den Mittelpunkt der Aufmerksamkeit. Die Kriege gegen die Türken,

²⁷ Magyar Könyvház V. 1793, 127—129.

der Eifer des kroatischen Adels im Jahre 1790, der serbische Kongreß von Temeschburg spielen hierbei eine offensichtliche Rolle, wir dürfen aber auch den Antrieb des kaiserlichen Hofes nicht vergessen. Man erwartete von den ungarischen Historikern das bestätigende Wort: der Balkan wurde mit Recht von den Türken zurückerobert, weil ein großer Teil vormals zum ungarischen Königreich gehört hatte. Georg Pray²⁸ erhielt vom Hof zuerst einen solchen Auftrag. Das Thema kam wegen dem Mißerfolg der Türkenkriege vorläufig von der Tagesordnung. Das Interesse war jedoch erwacht, in den Zeitungsartikeln,²⁹ in den großzügigen historischen Arbeiten Johann Christian Engels wird die historische Vergangenheit des serbischen, des kroatischen Volkes lebendig.³⁰ Ein Reisender namens Stefan v. Köröskényi, über den wir außer seinem Namen sozusagen nichts wissen, gibt eine objektive Beschreibung des kroatischen Volkslebens.³¹ Aus dem Artikel geht hervor, daß der Verfasser ein Anhänger der Aufklärung, in erster Linie ein Montesquieu-Anhänger ist, er mochte aber auch schon Herder gelesen haben. »Es ist ein biegsames, gutmüthiges und fröhliches Volk« — stellt er fest, und fügt hinzu, daß es »gerne und viel singt«. Er spricht im allgemeinen von der Vorliebe der Slawen für das Lied, erinnert sich an das Lied eines slowakischen Mädchens aus Trentschin. Er zitiert auch den Refrain des Liedes:

»Zwar bin ein armes Mädchen ich,
Nur ein Hütt' ist mein und eine Kuh:
Doch möcht ich keinen als, Geliebter, dich,
Wär er auch reich, und vornehm noch dazu.«

Sodann stellt er Betrachtungen darüber an, daß die Kroaten die markigen, kurzen, schlagfertigen Antworten, die Sprichwörter und die Märchen lieben. Von einem 20jährigen kroatischen Burschen hörte er das Märchen vom Entstehen eines Berges und erzählt es wie folgt: »Vor Christi Geburt war die ganze Erde eine unermessliche Ebene. Als aber Maria mit Joseph und dem Christkinde floh, stieg die Erde, aus Liebe zu dem großen Erlöser, ihnen nach, sie erhob sich in ungeheuren Massen u. folgte ihnen, bis Joseph es zuerst bemerkte, und Maria mit einem Winke den Bergen still zu stehen befahl.« Diese Reise im Jahre 1801 ist ein lehrreicher Beitrag zu dem oben skizzierten

²⁸ THALLÓCZY L., Pray György s a magyar korona melléktartományai [Georg Pray und die Nebenländer der ungarischen Krone]: Századok 1888, 523—532. — Seine Angaben übernommen von LISCHERONG G., Pray György élete és munkái [Leben und Arbeiten von Georg Pray]. Budapest 1937, 95—98.

²⁹ Geschichte von Serbien . . . Literärischer Anzeiger 1799, Nr. 18—23.

³⁰ Geschichte des ungarischen Reiches und seiner Nebenländer, 1797. Dieses Werk löste im Kreise Dobrovskýs lebhaften Widerhall aus. Siehe R. PRAŽÁK, Josef Dobrovský als Hungarist und Finno-ugrist. Brno 1967, 53—54.

³¹ Rhapsodische Bemerkungen über Kroatien u. einige Gegenden Ungerns: Zeitschrift von und für Ungern 1802. Zweyten Bandes, Zweytes Heft 183—202, Drittes Heft 317—333.

Interesse. Die ungarische Literatur wandte sich also nicht durch äußeren Ansporn, sondern — wie wir sehen konnten — durch Neugierde des Interesses für ein innerhalb der Grenzen des Landes wohnendes anderes Volk, der serbischen und der kroatischen Volksdichtung zu. Das Interesse wurde von der Tatsache erhöht, daß das Kennenlernen der beiderseitigen Kulturen durch persönliche Verbindungen viel leichter war als unter Zuhilfenahme von Vermittlern (z. B. der deutschen Literatur). Die mittelbare und die unmittelbare Berührung befriedigte gleichermaßen das innere Bedürfnis. Der Dichter und Philologe Nikolaus Révai rief schon im Jahre 1782 zum Sammeln der ungarischen Volkslieder auf, sein Aufruf fand jedoch kaum Widerhall. Die Zeit der ungarischen Volksdichtungssammlungen — wie jene von Karadžić oder Kollár — wird erst um 1840 kommen, wenn die volkstümliche ungarische Literatur den Boden dazu schon reif macht, um die der wirklichen Folklore nahestehenden Lieder zu verstehen und vollkommen aufzunehmen. Zur Vorbereitung dieser Aufnahme verhalf auch die aus der serbischen Volksdichtung hervorgegangene »serbische Manier«, die in der mühseligen Übersetzung Kazinczys verankert ist. Zu ihrer Verbreitung trugen auch die Beiträge Gvadányis und Molnárs bei.

Eine ähnliche mächtige bibliographische Arbeit wie jene von Johann Molnár, leistete auch Stefan Sándor, der zwischen 1771 und 1808 in 12 Bänden, unter dem Titel »Sokféle« (»Vielerlei«) seine Bücher herausgab. In diesen Bänden bekundet er ein bedeutendes Interesse für das Nachbarvolk. Er beschäftigt sich hingebungsvoll mit der Frage der slawischen Lehnwörter der ungarischen Sprache und zeigt auch für die tschechische Literaturgeschichte Dobrovskýs Interesse. Er macht ausdrücklichen Unterschied zwischen »Patriotismus«, der lobenswerten Vaterlandsliebe und dem »Nachbarhaß«, dem verwerflichen Nationalismus. Er schreibt gern über Folklore, wobei er dem Prinzip folgt, daß Altes und Volkstümliches identisch seien. »Das Singen von Klage Liedern (keserves énekek) haben unsere Vorfahren ebenso geübt — stellt er fest — wie dies bei den heutigen Serben noch immer gepflogen wird.« Sodann berichtet er, daß der serbische Jüngling in seiner freien Zeit gern die Lieder von alten Helden singt. »Das Andenken des Marko Kralovits, d. h. des Königssohnes Markus von Serbien« hüten sie tränenden Auges. Sie sagen, daß der Königssohn zu den Helden gehörte, im 14. Jh. gegen die Türken kämpfte, ins Garn gelockt wurde und gefallen ist. »In den serbischen Liedern wird auch Johann Hunyadi unter dem Namen Jankula genannt, was Janko bedeutet« — schreibt des weiteren Sándor.³² Seine oberungarische Abstammung läßt vermuten, daß er eine slawische Sprache kannte. Sein Interesse brachte er aus dem Komitat Neutra mit. In Tyrnau war er Hörer der Universität, von 1784 an lebte er in Wien. Ob er wohl dort mit Serben zusammengekommen ist? Auch die

³² Sokféle IV, 125—127; VI, 71—72; VII, 67—68.

erwähnten Bücher Herders dürfte er gelesen haben. Seine zitierten Zeilen setzen jedoch eine innigere, unmittelbarere Verbindung voraus; nämlich, daß er persönlich mit serbischen Studenten und Kaufleuten in Berührung gekommen sein mag, die ihm über die serbische Volksdichtung Aufklärung geben konnten. Den von Kazinczy bis Sándor reichenden Vorgang müssen wir um so mehr werten, weil der in den Fragen der südslawischen Literatur bewanderte Kopitar Mušicki noch im November 1811 (!) ein wenig ratlos fragt: »Das sogenannte Morlakische Lied . . . hat eine Tiefe der Empfindung, die erschüttert: nur konnte ich das *ot sztüda* der Frau des Asanaga mir so wenig erklären, als Abate Fortis: welche Scham (*sztüd*) konnte die Frau abhalten ihren Mann zu besuchen, die Mutter und Schwester besuchen? Wer war Kraljevich Marko? Oder geben sie selbst viel leicht einst Volksgesänge heraus.«³³ Das Drängen, die Fragen Kopitars zeugen davon, daß die Schöpfer der ungarischen Aufklärung in dieser Frage sogar der serbisch-kroatisch-slowenischen Gelehrtenwelt zuvorkamen. In der ungarischen Dichtung und Wissenschaft erhalten die serbische und die kroatische Volksdichtung noch vor den Ausgaben von Vuk Karadžić, d. h. noch vor ihrer wirklichen Entdeckung, den ihnen würdigen Platz. Sie gelangt nicht unbedingt aus Wiener oder anderen deutschen Quellen zum ungarischen Leser, die unmittelbare Berührung trägt ihre Früchte von der Kenntnisnahme bis zu den wissenschaftlichen Mitteilungen.

Obiges können wir auch mit den ungarischen Verbindungen des Agramer Bischofs Maksimiljan Vrhovac³⁴ beweisen. In seiner Bibliothek können wir die Schöpfungen der französischen Aufklärung vorfinden. Diese Bücher gestalteten seine Weltanschauung, ebenso wie die einiger hervorragender Mitglieder der ungarischen aufgeklärten Aristokratie. So kam er mit der ungarischen Jakobiner-Verschwörung in Verbindung. Franz Kazinczy hielt große Stücke auf den Bischof von Agram. In seinen Schriften erwähnte er ihn lobend.³⁵ Der kroatische Kirchenfürst empfängt Martin Georg Kovachich in der Zeit um 1810 als Gast, der das Repertorium der Bibliothek zusammenstellte.³⁶ Der Bibliograph war auch von seinem Sohn begleitet, und wie aus einem Brief hervorgeht,³⁷ kommt er mit dem Bischof in ein gutes Verhältnis und speist an dessen Tisch. Der Bischof dürfte den jungen Kovachich liebgewonnen haben, sprach offenbar mit ihm auch über seine Pläne und Bestrebungen. An der

³³ V. JAGIĆ, *Neue Briefe von Dobrovský, Kopitar und anderen Süd- und Westslawen*. Berlin 1897, 787.

³⁴ VELIMIR DEŽELIĆ, *Maksimiljan Vrhovac (1752—1827)*. U Zagrebu 1903. — VASO BOGDANOV, *Jakobinska zavjera Ignjata Martinovića*. Zagreb 1960. — SZELI, a. a. O.

³⁵ KAZINCZY, *Magyar Pantheon* 38.

³⁶ CSONTOSI J., *A zágrábi érseki és egyetemi könyvtárak kéziratái* [Manuskripte der Agramer erzbischöflichen und Universitäts-Bibliotheken]: *Magyar Könyvszemle* 1885, 92—117.

³⁷ *Gemeinnützige Blätter* (Zur vereinigten Ofner und Pester Zeitung) 1815, II. 796.

bischöflichen Tafel erfuhr der Jüngling, daß der Bischof 1813, auf Kopitars Anregung, einen Aufruf zur Sammlung von kroatischen Volksliedern veröffentlichte. Der Aufruf blieb ebenso ohne Widerhall wie der von Révai im Jahre 1782.³⁸ Auch die kroatische Literatur gelangte damals noch nicht zu vollkommener Aufnahme der Folklore, ebenso wie dies bei der ungarischen Literatur der Fall war. Josef Nikolaus Kovachich wertete jedoch selbst die Bestrebung hoch, und berichtet darüber an Jakob Grimm, der sich mit der Folklore der Völker beschäftigte: »Der Bischof von Agram, Maximilian Verhovacz hat allen Seelsorgern seiner Croatischen Dioeces empfohlen, nicht nur die Geschichte ihrer Kirchen und Pfarren mit allen schriftlichen Urkunden und Inschriften, sondern auch die Volksmärchen, Volkslieder, Gebräuche, Sagen, Meinungen, Grüsse, Schwüre, Flüche, Aberglauben, Traditionen, und die ganze Volksmythologie genau zu beschreiben, und ihm in die Bibliothek zu überschicken.«³⁹ Dieser Teil des Briefes aus dem Jahre 1816 ergänzte Jakob Grimms Bild über die südslawischen kulturellen Bewegungen, im ungarischen wissenschaftlichen Leben aber bedeutete er die positive Bestätigung der kroatischen Bestrebungen. Anlässlich des Todes von Vrhovac spricht aus den Nekrologen der Ton warmer Anteilnahme. Einer der fleißigen Mitarbeiter der ungarischen Romantik, Gyula Fenyéry, schreibt von des Bischofs »menschensfreundlichem Herz« und seinem Mäzenatentum.⁴⁰

Ein ebensolches Beispiel der unmittelbaren Berührung ist das Entstehen und das Schicksal des »Cserni György« betitelten Schauspiels von Stefan Balogh. Die Forschung⁴¹ hat genau erschlossen, daß das literarisch nicht sehr bedeutende Schauspiel die serbischen Bürger von Pest-Ofen ins Theater lockte, die zeitgenössischen serbischen Ereignisse aufgrund der Zeitungsmittelungen behandelte. Besonders interessant ist, daß der Text eines der Einlagelieder schon in einem Liederheft von 1762 vorkommt, ein anderer Text ist auch in der Sammlung von Karadžić enthalten. Die Begleitmusik wurde von Gabriel Mátray (Róthkrepf), komponiert, wobei dieser die städtische serbisch-kroatische Volksmusik ausgiebig benützte. Nur ein Chor stammt aus der wirklichen südslawischen Folklore. Der im Branauer Komitat geborene Stefan Balogh,

³⁸ Der Aufruf erschien erstmals in Nr. 24 der Danica Ilirska, 1837. (Poziv pokojnoga episkopa Maximiliana Verhovca rakitovackoga na sve duhovne pastire svoje episkopie g. 1813, izdat.)

³⁹ BLEYER J., Hazánk és a német philologia a XIX. század elején [Ungarn und die deutsche Philologie zu Beginn des 19. Jahrhunderts]. Budapest 1910, 75. — Der lateinische Originaltext des Aufrufes wurde herausgegeben von F. FANCEV, Gradja za povijest književnosti hrvatske 12 (1933) 60—62.

⁴⁰ Tudományos Gyűjtemény 1828, 1: 124.

⁴¹ WALDAPFEL J., Balogh István egykorú Karagyorgye-dramája és a szerb színelőzet kezdetei [Das zeitgenössische Karadjordje-Drama von Stefan Balogh und die Anfänge des serbischen Schauspiels]: Egyetemes Philologiai Közlöny 1932—1934. — VÁRNAI P., Egy magyar muzsikus a reformkorban [Ein ungarischer Musiker im Reformzeitalter]: Zenetudományi Tanulmányok [Musikwissenschaftliche Studien], II. Budapest 1954. — BOR K., Joakim Vujić és a pest-budai színjátszás [J. Vujić und das Theaterwesen in Pest-Ofen]: Filológiai Közlöny 1958, 352—357. — I. РОТН: а. а. О. 358.

ein charakteristischer Wanderschauspielertypus seiner Zeit, konnte diese Lieder auch in seinem Geburtsort gehört haben, wahrscheinlicher ist jedoch, daß ihn seine Verbindung mit der serbischen Kolonie von Pest-Ofen zu diesen Stücken inspirierte. Er kannte das Publikum gut, schuf den Verhältnissen der Zeit gemäß ein programmbeständiges Schauspiel, und machte es auch im Land weit bekannt. Von Pöstyén bis Agram führte er es in 37 größeren Siedlungen auf, öfters auch in mehreren Vorstellungen, und noch 1831 bringt ihm eine Vorstellung 40 Gulden ein.⁴² In seinen Memoiren erinnert er sich stolz des Erfolges seines Stückes. Hier erzählt er, daß der Kutscher während einer Reise nach Kroatien ein Lied sang, das mit »Oh Kraljevics Marko« begann. »Er war ein berühmter Held . . . Zur Zeit von König Matthias; sein Lied, seine Heldentaten besingt der Jüngling« — erklärt er.⁴³ Als er seine Memoiren schrieb, wurden die südslawischen Lieder und Balladen in weiten Kreisen bekannt. Wichtig ist das Beispiel: daß ein unmittelbares und kein Lektüre-Erlebnis dem ungarischen Schriftsteller die südslawische Volksdichtung nahebrachte.

Was er in einem skizzenhaften historischen Gedankengang konzipierte: »die Serwier sind unsere MitBürger, MitStreiter, MitBrüder geworden«,⁴⁴ das haben die größeren und kleineren Schöpfer der ungarischen Aufklärung praktisch bewiesen. Es könnte den Gegenstand einer eigenen Studie bilden: wie haben die führenden Persönlichkeiten der serbischen und die der ungarischen Erneuerung einander geholfen? Diesmal verweisen wir nur auf den persönlichen Kontakt zwischen Samuel Tessedik und Erzbischof Stratimirović,⁴⁵ Gregor Berzeviczy und Sava Tekelija.⁴⁶ Nach diesen Vorbemerkungen überrascht nicht, daß Kazinczy, über die römische Abstammung der Rumänen grübelnd, sich auf das Buch Sava Tekelijas (Halle 1823) berief: »Erweis, daß die Walachen nicht römischer Abkunft sind und dies nicht aus ihrer italienisch-slawischen Sprache folgt.«⁴⁷

Der Großteil der Schriftsteller der osteuropäischen Aufklärung war nicht dafür, die Volksdichtung in die Literatur zu bringen. Sie trennen gleichsam den literarischen Stil in zwei Teile: die eine Art ist für den Ausdruck der »hohen« literarischen Kunstarten geeignet. Die andere Art, die dem Volkstümlichen naheliegt, widerstrebt ihnen. Deshalb nehmen sie das Volkslied nur »veredelt«, von gelehrt-dichterischer Hand umgearbeitet, an. Franz Kazinczy

⁴² Balogh István naplója [Tagebuch von Stefan Balogh]. Makó 1928.

⁴³ BALOGH I., Egy agg magyar színész életéből [Aus dem Leben eines greisen ungarischen Schauspielers]. Makó 1927, 77—82, 313—314.

⁴⁴ Lit. Anzeiger, a. a. O.

⁴⁵ RUISZ GY., Tessedik Sámuel önéletírásának megvilágosításához [Zur Erläuterung der Selbstbiographie S. Tessediks]: Magyar Gazdaságtörténeti Szemle 1895, 315.

⁴⁶ GAÁL J., Közgazdaságunk a Széchenyi előtti korszakban [Die ungarische Volkswirtschaft in der Zeit vor Széchenyi]. Berzeviczy Gergely élete és művei [Leben und Werke von Gregor Berzeviczy]. Budapest 1909, 61—62, 209.

⁴⁷ KAZINCZY F., Erdélyi levelek [Briefe aus Siebenbürgen], II. Kolozsvár 1944, 4—5.

nimmt das langsame Vordringen der Volkstümlichkeit mit Reserve auf, verneint diese Art der Tradition. In einem Brief schreibt er mit starker Übertreibung: Das barocke Epos von Nikolaus Zrínyi ausgenommen, hat die ungarische Literatur bisher etwas Schöneres als die *Hasanaginica* nicht geschaffen.⁴⁸ Diese polemische Behauptung wendet sich gegen die Schriftsteller vom Typus Gvadányis, die die konservativen Traditionen retten wollten. Kazinczy kämpfte um die Verfeinerung der ungarischen Sprache, um die Schaffung einer ungarischen Literatur europäischen Niveaus. Sein Ziel war, daß auch die ungarische Literatur die Literatur der entwickelteren, bürgerlichen Völker: der englischen, der deutschen und der französischen erreiche. (Während Kazinczy mit den Methoden des Schriftstellers kämpfte, setzte sich Dobrovský als Gelehrter für das selbe Ziel ein.) Er wollte neue Kunstarten, neue Kunstformen, einen gefeilteren, nuancierteren, jede Feinheit sinnfällig ausdrückenden Stil ausarbeiten, sowohl im Gedicht als auch in der Prosa, in der Biographie und in der Reisebeschreibung. Deshalb suchte er Muster, die der Nachahmung, Übersetzung wert waren. Nicht nur im Sonett, im dichterischen Brief bot er das Muster, sondern schuf auch die serbische Manier, womit er — ohne es zu wollen, — auch zum Pionier der literarischen Volkstümlichkeit wurde. Seine dichterisch-ästhetische Wirksamkeit bestimmte auch die Bahn des zweisprachigen Dichters Michael Vitkovics. Dieser brachte die serbische Literatur und die Volksdichtung in menschliche Nähe, bot sodann Franz Kölcsey unmittelbare Hilfe in der Auslegung und Übersetzung mehrerer Stücke der serbischen Volksdichtung an. In all diesem kann er sich aber auf die ungarische Tradition, auf die Pioniertätigkeit Gvadányis, Molnárs, Sándors, Baloghs stützen. Ihre Schilderungen, Nachrichten bauen sich unbemerkt in das Gebäude der ungarischen Wissenschaftlichkeit ein und bilden gleichsam die Basis für das spätere außerordentliche Interesse der ungarischen Gelehrten- und Dichterschaft für die südslawische Volksdichtung.

Die Kulturen der unter einer Regierung, in einer Staatsnation lebenden Völker kamen auf solche Weise einander nahe. Dies ist der Grund dafür, daß auch zur Zeit der späteren Diskussionen, leidenschaftlichen Zusammenstößen noch der Wunsch lebendig war, einander kennenzulernen, voneinander zu lernen und die gegenseitigen Ergebnisse zu übernehmen.⁴⁹ Die südslawische Volksdichtung findet bis zum heutigen Tage kontinuierlich ihren Übersetzer, wie auch die ungarische Literatur — hauptsächlich im 19. Jh. — die größten serbischen Dichter zur Übersetzung anspornte. Neben den unbestreitbaren Gegensätzen ist auch diese Tatsache für die Geschichte der ungarisch-südslawischen Beziehungen charakteristisch.

⁴⁸ Kazinczy levelezése XV, 175.

⁴⁹ HADROVICS L., *Magyar és déli szláv szellemi kapcsolatok* [Die ungarischen und südslawischen geistigen Beziehungen]. Budapest 1944.

«Дело Аргамоновых» М. Горького и «Господа Головлевы» Н. Щедрина

(К вопросу о щедринских традициях в творчестве Горького)

МАРИЯ ТЕТЕНИ

Примечательная особенность русской литературы XIX в. — распространенность и популярность темы, судьбы поколений, семьи. Сюжетом романов, повестей, рассказов и даже пьес часто является история столкновений одной семьи. Например, уже особенности жанра семейного романа напминает и композиция, и художественная проблематика повести А. Чехова «Три года».

Почти каждый значительный русский романист конца XIX в. затрагивает в своих произведениях такие проблемы, мотивы и использует некоторые из тех художественных приемов, которые «привычны» и характерны для семейного романа. Необходимо в то же время подчеркнуть, что они в большинстве случаев не довольствуются возможностями этого жанра, а просто используют, применяют некоторые его композиционные приемы. Например, Ф. Достоевский в первых частях «Братьев Карамазовых» использовал характерные для семейного романа средства, чтобы нарисовать предысторию своих героев. Об использовании свойств этого жанра Л. Толстым свидетельствуют и некоторые части «Анны Карениной». К этому жанру обращался, хотя и на менее высоком художественном уровне, чем Толстой и Достоевский, и Мамин-Сибиряк в своих романах «Приваловские миллионы» и «Горное гнездо».

Во второй половине XIX в. чрезвычайно обострились общественно-экономические и моральные противоречия русской действительности. Русские писатели этого периода пытались разобраться в этой сложной обстановке, искали выхода для себя и для своих читателей. В этом тяжелом и непонятном положении естественно возрос интерес писателей к семье, чтобы через положение и противоречия семьи попытаться выяснить пошатнувшиеся общественные отношения, ведь одно уже знали ясно: семейные отношения — это модель общественных отношений.

Положение, создавшееся в России в последние четыре десятилетия XIX в. было противоречивым. Реформа 1861 г. открыла путь до того искусственно задержанной капитализации страны. В то же время сверху проведенная реформа не смогла обеспечить те возможности для экономического

и общественного развития, которые осуществили буржуазные революции в западно-европейских странах. Это придало в России феодальный характер буржуазной реформе и определило весь процесс капитализации, которая после проведенных реформ стала стремительно осуществляться. Русский капитализм не знал постепенности развития, крепостную Россию сразу сменила капиталистическая Россия, которая не только в экономическом отношении, но и во многих существенных общественных проблемах сохранила свой феодальный характер.

Русские писатели конца XIX и начала XX вв. жили и творили в такую эпоху, которая в концентрированном виде открыла перед ними все существенные противоречия двух общественных формаций. Одна из важнейших особенностей русского семейного романа, отличающая его от западно-европейского, вытекает как раз из этого положения: изображение первых поколений не настолько положительно, как в западных семейных романах, написанных в начале XX в. Арину Петровну в «Господах Головлевых» терзают сомнения так же, как Илью Артамонова.

В семейных романах, изображающих развитие капитализма, представители первого поколения еще знают тревожную радость и волнение созидательного труда, но они также видят и слабость своих детей, слабость второго поколения. В русских романах «старики» не ощущают того внутреннего единства с «детьми», как в западных семейных романах, например, в «Саге о Форсайтах» Сомс, в котором старик Форсайт видит свое более совершенное «я», или же консул Будденброк — в главе семьи.

Писатели русских семейных романов и те, которые писали своеобразные хроники сказочно богатых владельцев приисков, как Мамин-Сибиряк, и те, которые рассказывали о жизни захолустной помещичьей семьи, как Салтыков-Щедрин, или писали о жизни петербургского света, как Толстой, не могли почувствовать, не могли увидеть ничего другого, как признаки моральной и духовной деградации. Они не писали с такой ностальгией о русской патриархальной семье, какую видим у Голсуорси, когда он пишет о золотой эпохе королевы Виктории, или у Томаса Манна в «Будденброках». Ведь в России кризис высших общественных слоев уже давно был настолько несомненен, что писатели не могли видеть ни в представителях уходящего, ни в представителях восходящего классов таких людей, которые могли бы положить конец кризису; поэтому во многих случаях писатели искали таких людей в идеалах.

Когда упоминается семейный роман, перечисление примеров почти всегда одно и то же: «Будденброки», «Сага о Форсайтах», «Семья Тибо», «Дело Артамоновых». Объяснение этого надо искать в том, что обычно примеры берутся из литературы XX в. и исключаются произведения конца XIX в. (Кроме цикла Ругон—Маккаров, что именуется «началом» жанра.) Знаменательно и то явление, что монографии о Горьком, как и большинство

статей посвященных роману «Дело Артамоновых», анализируя роман, почти без исключения выбирают для сопоставительного анализа «Будденброков». Сравнительный анализ этих двух романов несомненно обоснован, но простое механическое сопоставление отдельных частей не приводит к существенным результатам в анализе мастерства Манна или Горького. Горький, когда писал свой роман, прекрасно знал, что русская действительность в существенной мере отличается от английской или немецкой. И кажется закономерным, что его стремление к полному и историческому воспроизведению эпохи обратило его внимание в первую очередь на произведения тех русских писателей, которые до него уже затрагивали вопросы поколений. Именно поэтому, говоря о том, с какими произведениями можно сопоставить роман Горького, наряду с романом Т. Манна необходимо говорить о романе Салтыкова-Щедрина и даже о романах Мамина-Сибиряка.

Исторически верные и несомненно русские образы русских купцов и фабрикантов, жизнь этого класса, были хорошо знакомы Горькому с юности и особенно со времен его журналистской деятельности. Противоречивые фигуры этих людей магнитом притягивали к себе его внимание. В том, что он написал свой русский семейный роман, кроме личных впечатлений, несомненно играли роль и русские романы XIX в. Насколько сильно занимала его эта проблема, доказывает не только «Дело Артамоновых», но и многочисленные рассказы, статьи, повести, в которых Горький заметно использовал достижения литературы XIX в. Анализ «Фомы Гордеева», «Дела Артамоновых» не может быть полным и всесторонним без анализа отражения в них традиций русского критического реализма. Частный, но очень характерный пример: описание пиршеств в «Приваловских миллионах», «Фоме Гордееве» и «Деле Артамоновых». Это показывает, что Горький для создания образов «хозяев жизни» использовал традиции Мамина-Сибиряка. Здесь ощущение потерянности, обреченности сочетается с варварской жестокостью. Именно это стремится передать и Мамин-Сибиряк и Горький.

Читая «Фому Гордеева», «Городок Окуров» и «Дело Артамоновых», мы видим, что их писатель многому научился и у Салтыкова-Щедрина, о котором он заявил, что без помощи Щедрина невозможно понять русскую историю второй половины XIX в. Горького привлекли в произведениях Щедрина не только их историчность, но и художественная сила раскрытия сюжета. Исходя из этого, кажется не случайно, что композиция и отдельные стилистические мотивы «Дела Артамоновых» говорят о творческом использовании традиций Щедрина, в частности «Господ Головлевых».

Салтыков-Щедрин сознательно сужает рамки своего романа, ведь в развитии характеров героев первостепенную роль играла Арина Петровна и дух именина Головлевых. Средневековые, домостроевские взгляды и нравы живут в сценах семейного суда, судьбы Степки-балбеса и в речах Иудушки. Салтыков-Щедрин намеренно и сознательно не изображал других помещи-

ков, скажем соседей Головлевых, не создал и образов городской жизни, например, жизнь и окружение коллег Иудушки и т. д., потому что это ослабило бы напряженность романа. Подобный композиционный принцип применяется и Горьким, например, в «Жизни Матвея Кожемякина» или в «Деле Артамоновых». Для того чтобы создать атмосферу замкнутости, темной жестокой мещанской ограниченности, Горькому нужны были как раз это щедринское «сужение», эта замкнутость формы. В «Господах Головлевых» все художественные средства применены для передачи темной безнадежности, безвыходности.

Потянулся ряд вялых безобразных дней, один за другим утопающих в серой, знаящей бездне времени.¹

Приезд Степы в «родной дом» заканчивается такой картиной:

Двери склепа растворились, пропустили его и — захлопнулись.²

У Салтыкова-Щедрина каждый второстепенный персонаж, каждая пейзажная зарисовка подчинены углублению, разностороннему освещению главной идеи романа. Стремясь к подчеркнуто простому композиционному построению, уверенно применяя художественные приемы, Щедрин создает атмосферу того Головлева, куда не может проникнуть ни один луч света, и показывает, что это родное гнездо — большая тюрьма, в которой каждый член семьи приговорен к смерти. Каждый член этой семьи является носителем какого-либо отвратительного и ужасного качества, которое развилось в нем в обстановке Головлева. Об этом писатель говорит уже в начале романа, когда характеризует членов семьи Головлевых. Арина Петровна не видела в детях ничего, кроме лишней обузы. Для нее дети были одним из тех фаталистических жизненных обстоятельств, против которых она не считала себя в праве протестовать, но они

не затрагивали ни одной струны ее внутреннего существа, всецело отдавшегося бесчисленным подробностям жизнестроительства.³

Степа, к своему несчастью, был даровитым, впечатлительным ребенком, поэтому быстро воспринимал все впечатления, которые давала окружающая среда, болезненно реагировал на них. Мать постоянно стыдила, принижала его, и это выработало в нем рабский, податливый до буфонства характер, лишенный всякого самоконтроля. Сестра его Аннушка попыталась бежать из тюрьмы, но попала в другую. Другой сын, Порфирий, которому Степа дал еще в детстве прозвища Иудушки, кровопивушки, распознал характер матери, и хотя Арина Петровна видела, что он лицемерит, она не в силах была не поддаться ему, когда она сама говорила про него, что он «петлю закидывает»,

¹ Н. Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы. Собрание сочинений. Москва 1951, 7 : 28.

² Там же, 28.

³ Там же, 9.

«западню ставит», ни позже когда он уже стал взрослым, и его лицемерие, сочетавшееся с жестокостью, поднимало в ее сердце смутную тревогу чего-то загадочного, недоброго. Другой ее сын, Павел, был человеком, лишенным силы воли, каких бы то ни было поступков. Черты характера, развившиеся в ее детях, сохранились и определились в них, когда они стали взрослыми, и все это побудило в душе Арины Петровны чувства страшной ошибки, бессмысленности ее стараний и бессмысленности ее жизни. Когда Арина Петровна думает о своих детях, читает их письма, в которых отражались их характеры, трагическим кажется ее вопль:

— И для кого я всю эту прорву коплю! для кого я припасаю! ночей недосыпаю, куска недоедаю... для кого?!⁴

Эта мысль является лейтмотивом жизни Арины Петровны, об этом думает она и когда встречается она со своими взрослыми детьми, собравшимися у нее, чтобы начать «заседание семейного суда». Но даже эта ошеломляющая мысль не может заставить ее сойти с начатого пути. Свое имение она распределила между сыновьями, а сама, забыв о раньше угаданной внутренней сущности Иудушки, стала его делопроизводителем и ревниво защищала его интересы.

Прежняя горячка приобретения с новой силой овладела всем ее существом, но приобретения не за свой собственный счет, а за счет любимого сына. Головлевское имение разрослось, округлилось, зацвело.⁵

И все же именно Иудушка, ставший любимцем Арины Петровны, привел ее к тому, что она поняла свое одиночество, бессилие, бессмысленность своей жизни. Ни о ком она не думала, ни на кого она не негодовала.

Тоска, смертная тоска охватила все ее существо. Тошно! Горько! — вот единственное объяснение, которое она могла бы дать своим слезам.⁶

Чувство одиночества, тоски наполнило ее душу в конце ее жизни.

Она не стонала и не кляла, а только потихоньку всхлипывала; словно захлебывалась слезами. И в то же время на душе у ней так и горело:

— Нет никого! Нет никого! Нет! Нет!

Это же чувство одиночества не чуждо и первым героям семейного романа Горького, которые являются столпами капиталистического общества. Слова жалобы вырываются и из Ильи Артамонова именно из-за ощущения отчужденности от своего класса и осознания одиночества среди ему равных. Это чувство приводит временами и Игната Гордеева к сумасшедшим разгулам, на свое одиночество жалуется часто и Егор Булычев. Слова Булычева «жил не в своей улице» как бы относятся и к ним. Эти горьковские герои — представители «первых», — созидатели, сильные; они сомневаются в своих

⁴ Там же, 16.

⁵ Там же, 59.

⁶ Там же, 65.

⁷ Там же, 65.

детях, но в самих себя усомнились только в конце жизни. В отличие от них Арина Петровна всегда носит в себе сомнения. С самых первых страниц романа в ее характере мы ясно видим черту мучительного одиночества: она всегда одна в своей семье. Отличает ее от горьковских «сильных людей» также и то, что кроме страсти приобретения ее никто и ничто не интересуется:

...конец наступил, конец полной тоски и безнадежного одиночества. Всю-то жизнь она что-то устроивала, над чем-то убивалась, а оказывается, что убивалась над призраком. Всю жизнь слово «семья» не сходила у нее с языка; во имя семьи она одних казнила, других награждала; во имя семьи она подвергала себя лишениям, истязала себя, изуродовала всю свою жизнь — и вдруг выходит, что семьи-то именно у нее и нет.⁸

Подобные же чувства овладели и Петром Артамоновым в конце его жизни.

И в семье Головлевых и в семье Артамоновых мы находим характерные сравнения: склеп, кладбище, хотя в одном случае это относится к головлевской усадьбе, а в другом — к фабрике Артамоновых.

Неизмерима жестокость и в Арине Петровне и в Иудушке, но отличается ли чем-либо от этого темнота дремовских купцов? Барская в «Деле Артамоновых» — та же Арина Петровна, она представляет тот жизненный уклад, который так характерен для барыни головлевского дома и для ее сына Иудушки. Оба персонажа созданы авторами на основе русской действительности. Чем отличаются мещане Дремова, «носители старых русских обычаев и нравов», от Иудушки? Может быть, своим общественным положением, но никак не своими моральными воззрениями. Когда Горький дает описание свадьбы Петра Артамонова и Натальи, он создает в своем романе ту же зарисовку темной провинции, которую мы видим и в изображении Щедрина. В стиле Горького сатира щедринской силы появляется, когда в первой части романа описывается свадебный обряд. Лицемерие дремовцев было чуждо и отвратительно Илье Артамонову, но он был готов жить их обычаями, чтобы они его считали своим и не стали тормозить его «дело».

Для Горького книги Щедрина о русской провинции были достовернее иных исторических трудов, ибо подтверждали его личные жизненные наблюдения. Естественно, что создавая семейный роман, Горький обратился в первую очередь к Щедрину. Горький в своем романе показал, что дело Артамоновых потому отличается от дел других, в том числе и Будденброков, что в это дело влились все существенные черты предшествующих эпох, а быт, мораль этих людей в основном только внешне отличается от моральных взглядов Арины Петровны и Иудушки.

В этом отношении представляет интерес сравнение столкновения отца и сына в романах Щедрина и Горького.

Иудушка стал причиной смерти своего младшего сына Пети (он был виновником самоубийства и старшего — Владимира). Его сын Петя жил той

⁸ Там же, 65.

же жизнью, какой жили сотни царских офицеров. Конфликты между отцом и сыном мотивируются не столкновениями разных мировоззрений, как это проявляется в поколенческих романах («Отцы и дети»). Здесь сталкиваются люди одних и тех же взглядов, различие между ними только внешнего характера. В этом романе распадается не семья, это Иудушка так же хорошо знает, как и его сыновья, просто он прикрывает это болтовней фарисея.

Взаимные отношения отца и сына были таковы, что их нельзя было даже назвать натянутыми: совсем как бы ничего не существовало. Иудушка знал, что есть человек, значащийся по документам его сыном, которому он обязан в известные сроки посылать условленное, то есть им же самим определенное жалованье, взамен того, он имеет право требовать почтения и повиновения. Петенька, с своей стороны, знал что есть у него отец, который может его во всякое время притеснить. Он довольно охотно ездил в Головлево... просто потому, что всякого человека, не отдавшего себе никакого отчета в жизненных делах, как-то инстинктивно тянет *в свое место*.⁹

Нет настоящей семьи, как не было ее и во времена Арины Петровны, а вместо нее и под этим названием существует лишь страх детей и родительская жестокая тиранская власть над ними.

В «Деле Артамоновых» мы видим столкновение Петра и Ильи-младшего.¹⁰ Петр в сущности отстаивает ту же власть над своим сыном, какую имели Арина Петровна и Иудушка. И для Петра сын представляет такую же «собственность» как заводы, дом, «дело». Но Илья уже воюет на основе других моральных норм против отцовского права морального собственности. В этой сцене Горький рисует не только и не в первую очередь конфликты внутри семьи Артамоновых, оторванность и отчужденность членов семьи. В столкновении отца и сына противопоставлены друг другу две морали, представители которой разошлись врагами и в этом родственная связь не играет никакой роли.

Горький путем логики ведет сюжет к развязке и это мотивирует не только созданием образов семьи Морозовых, но показывает так же путь лучших членов этих исторических семейств.

Оба писателя развертывают события романов сознательно в захолустной русской провинции, т. е. они пишут не просто семейный роман, но и ставят эти семьи в такое окружение, которое никак не может в читателе вызвать печатления, что речь идет об особом, в смысле вырождения, поколении особой семьи. Среда, персонажи — окружающие героев — все это повседневные очень русские люди своего времени. Здесь нет «европеизации», сюда не проникают огни столиц, не только из-за географического расстояния, но и из-за блюстителей старины захолустных городов.

Иудушка, или Матрена Барская, Помялов, Петр Артамонов разного склада люди, но они имеют один определенно общий признак: если было бы возможно, они с удовольствием окружили бы защитной каменной стеной

⁹ Там же, 112.

¹⁰ М. Горький, Дело Артамоновых. Собрание сочинений. Москва 1952, 16 : 463.

свой быт и нравы против любого чужого влияния. Петр Артамонов враждебно следит за суетной жизнью, поездками брата Алексея. Петр с мужицким недоверием смотрит на все новшества, проведенные Алексеем на их заводе. Он хочет жить жизнью патриархального крепостника как жил и его отец, и не замечает, что патриархального тона у него не получается и ни пир, организованный им для рабочих «по старинке», ни игры Алексея в панибратство с рабочими не помогают прикрыть внутренние и внешние неприятности.

В изображении распада этих двух семей замечаются родственные мотивы и это относится и к художественной функции пейзажных зарисовок в обоих романах. В изображении семьи Головлевых господствующий цветовой оттенок — это тоскливый, безнадежный, серый цвет. Тянувшиеся друг за другом тоскливые дни, метели — все они отрывают от внешнего мира и Головлево, и Дубровино, и Погорелку. Однообразный, серый, унылый пейзаж приобретает особую роль в романе Щедрина, когда кто-нибудь из членов семьи приезжает к Головлевым. Писатель и этими пейзажными зарисовками дает почувствовать безнадежность жизни персонажей, которых Головлево держит в своих руках. Они были бы рады не возвращаться сюда, но крушение надежд, боязнь смерти вынуждают их совершить этот шаг. Степа, Петя, а потом Анненька чувствуют, когда переступают порог родительского дома, будто за ними захлопывается крышка гроба, дверь склепа. Это выражается и в отчаянных мыслях Анненьки.

Головлево — это сама смерть, злобная, пустоутробная; это смерть, вечно подстерегающая новую жертву. Двое дядей тут умерли; двое двоюродных братьев здесь получили «особенно тяжкие» раны, последствием которых была смерть; наконец, и Любенька... хоть и кажется, что она умерла где-то в Кречетове «по своим делам», но начало «особенно тяжелых» ран несомненно положено здесь, в Головлеве. Все смерти, все отравы, все язвы — все идет отсюда.¹¹

Эти печальные мысли мотивируются и подготавливаются использованием картин природы. После переезда в город Анненька впервые приезжает сюда, когда узнает о смерти Арины Петровны. Пустыня, окружающая церковь и кладбище, занесенная снегом, пугает ее и внушает ей мысли бегства из громадного головлевского дома, в котором

было пустынно, неприятно, пахло отчуждением, выморочностью. Мысль поселиться в этом доме без срока окончательно испугала ее. «Ни за что! — твердила она в каком-то безотчетном волнении: — ни за что!»

В «Деле Артамоновых» Горький, изображая природу, прибегает к несравненно более живым краскам, особенно в первой части романа. Но роль и функция пейзажных зарисовок тождественны щедринским. В этом романе даже тишина будит беспокойство:

¹¹ Н. Салтыков-Щедрин, ук. соч. 241.

тишина была натянута над землею туго, точно кожа барабана, даже слабый хруст песка под ногами ткачей отражался ею неприятно четко.¹²

(Короткие характерные пейзажные зарисовки города, деревьев, растений, цветовые оттенки способствуют созданию тревожной атмосферы семьи и «дела» Артамоновых.)

Помимо сходства в разворачивании сюжета, сходства композиционных и стилистических приемов, конечно, эти романы в то же время имеют и существенные отличия. Одно из них закономерно вытекает из природы сюжета. Щедрин не видит никакого выхода для своих героев, что показывается вымиранием семьи Головлевых. Мысль обреченности ужаснула Иудушку:

ото всюду, из всех углов этого постылого дома, казалось выползли «умертвья». Куда ни пойдешь, в какую сторону ни повернешься, везде шевелятся серые призраки. . . . И над всеми этими призраками витает живой призрак, и этот живой призрак — не кто иной, как сам он, Порфирий Владимирович Головлев, последний представитель вымороженного рода. . . .¹³

И в романе Горького распадается семья, но это мотивируется в первую очередь не биологическим вымиранием, а исторической необходимостью. Писатель делает ударение не на проблеме биологического вырождения, а на первом месте исследует общественно-моральные и социальные корни и причины. Раскрытие исторического процесса помогает ему вести сюжет в нужном направлении.

По мнению Щедрина в предотвращении процесса распада и вырождения важное место принадлежит внесению «свежести» в эти гибнущие семьи. Щедрин говорит о том, что безделье, бессмыслие, отсутствие полезной деятельности, всецело охватывающей человека, приводит к тому, что биологическая деградация проявляется все более активно и начинает играть все более важную роль в жизни человека, в жизни семьи. И вместо людей появляются людишки, пока, наконец на сцену не выходят вымороченные, вроде «головлят». В романе Щедрина биологический и общественный факторы находятся в постоянном взаимоприкосновении и являются причиной деградации русского дворянства. Сочетание этих двух факторов заметно и в потомках Арины Петровны. В течение нескольких поколений Головлевых характеризовали праздность, непригодность к какому бы то ни было делу и запой. Первые две приводили за собой пустомыслие и пустословие, а последний был как бы закономерным заключением общей жизненной неурядицы. Гибель семейства на время задержала Арина Петровна, которая,

благодаря своей личной энергии, довела уровень благосостояния семьи до высшей точки, но и за всем тем ее труд пропал даром, потому что она не только не передала своих качеств никому из своих детей, а напротив, сама умерла, опутанная со всех сторон праздностью, пустословием и пустоутробием.¹⁴

¹² М. Горький, ук. соч. 369.

¹³ Н. Салтыков-Щедрин, ук. соч. 248.

¹⁴ Там же, 245.

Когда Арина Петровна умерла, уже завершалась жизнь семьи. Необходимость деятельности некоторые из них почувствовали, но ни их воспитание, ни их вялость не могли привести ни к чему другому, кроме как к самоубийству, разложению.

Важное различие между романами — роль деятельности. Арина Петровна, так же как и Илья Артамонов работает страстно, с увлечением. Но в ее жадности приобретения, обогащения определенно чувствуется бессмысленность. Из года в год выбрасывается из амбаров испорченное добро. Илья Артамонов в своих методах мало чем отличается от Арины Петровны, он тоже не брезгает ничем, если речь идет о приобретении, но в нем живут задор страстного игрока и определенная цель, к осуществлению которой он стремится. Рабом дела, приобретения в семье Артамоновых стало второе поколение, Петр и Алексей, и в этом не Илья-старший, а они близки к Арине Петровне. Второе, и особенно третье поколение Артамоновых в гораздо большей степени являются потребителями, чем создателями. Постаревший Петр Артамонов изображается отвратительным и пугающим живым трупом, мешающим всем: и людям, и «делу». Горький с особой силой выявляет в нем отрицательные черты характера, его необразованность, брюзгливость, тупость. Эти же качества характеризуют и его сына Якова, но уже в молодости. Яков так же как его отец Петр боится «дела», которым руководить у него не хватает ни смелости, ни способности, и это будит в нем чувство неуверенности. Якову кажется, вот-вот должны ему задать вопрос. «Когда уйдешь? Пора!» Бессмысленная смерть заканчивает эту бессмысленно прожитую жизнь.

Горький, изображая распад семьи, не ищет его причины в биологической унаследованности и не придает ей такого значения, как Щедрин. Это отличительная черта двух романов кажется существенной, потому что в главном герое своего первого романа Горький придает большую роль наследственности. Фома Гордеев восстает против окружающих его «хозяев жизни», потому что узнал лицемерность, бесчеловечность этих людей, но в его «мятеже», по мнению Горького, играли немаловажную роль и его беспокойная кровь, унаследованная от отца, и скрытый, упрямый характер, унаследованный от матери. В этом романе ясно видно, что в изображении становления личности Фомы Горький придал большое значение наследственности, которая больше формировала характер Фомы, чем среда, воспитание. В некоторой мере это характерно и для образа Матвея в «Жизни Матвея Кожемякина», а в первом издании «Вассы Железновой» Горький прежде всего опирается на теорию биологической наследственности. Этот принцип применяется Горьким почти исключительно тогда, когда он создает семейную хронику, или пишет о причинах вырождения.

Естественно, семейный роман имеет свои выработанные, характеризующие только этот жанр черты, которые наличествуют как в западно-

европейских так и в русских семейных романах. В то же время необходимо выявлять и такие мотивы, которые отличаются от западно-европейского родственного жанра, — ведь как раз они и делают эти романы русскими. Этот специфически национальный дух создал именно Салтыков-Щедрин в «Господах Головлевых». Он проявляется и в произведениях Горького, а прежде всего в «Деле Артамоновых».

Часто говорится об использовании традиций русского критического реализма в советской литературе. Творчество Горького может служить наглядным примером творческого восприятия классического наследия. Он сознательно стремился развивать дальше эти традиции. Именно за приверженность к традициям критического реализма его резко, подчас несправедливо, упрекали в литературной критике двадцатых годов. (Например, статьи и выступления сибирской АПП и др.) Сегодня уже кажется бесспорным, что сознательное стремление Горького использовать традиции русских классиков несомненно обогащало советскую литературу.

Заметки о германо-славянской интерференции в области глагола

1. Славяно-германские языковые контакты насчитывают без малого 2 тысячелетия. Вполне естественно поэтому, то исключительно большое внимание, которое уделяется этой проблеме в славянском и германском языкознании. В силу ряда экстралингвистических причин исследования славяно-германских языковых взаимоотношений часто искусственно осложнялись и запутывались. Только благодаря усилиям таких выдающихся ученых, как Т. Лер-Сплавинский, М. Рудницкий, Р. Фишер и особенно Г. Г. Бильфельдт, чья книга «Die deutschen Lehnwörter im Obersorbischen» открыла новые научные горизонты в германославянке, разработка славяно-германской языковедческой тематики была поднята на новую, более высокую ступень.

2. Изучение славяно-германских языковых отношений до последнего времени ограничивалось преимущественно двумя областями — фонетикой (частично и фонологией) (ср. проблему немецко-чешских и немецко-лужицких инноваций) и особенно лексикой (фразеология же остается пока в тени, хотя и здесь таится много неизведанного и интересного).¹ Появились интересные исследования о синтаксическом взаимодействии славянских и германских языков. Однако остро ощущается недостаточная разработанность морфологической проблематики германославянки. Объясняется это тем, что в лингвистике утвердилось мнение, согласно которому морфологический строй языка менее всего подвержен иноязычным влияниям. Вероятно, именно это само по себе верное положение из-за чрезмерной его абсолютизации послужило первопричиной слабого внимания славистов и германистов к морфологическому аспекту проблемы славяно-германских языковых контактов.

Многочисленные исследования последних десятилетий показали, что при непроницаемости морфологического строя языка вообще, часто наблюдается «прорыв», образно говоря, морфологических «бастионов» на отдельных, преимущественно очень узких их участках. Если считаться с этим важным фактором и не упускать его из вида, то вопрос о славяно-германских языковых связях на морфологическом уровне приобретает совершенно иное звучание.

3. Из всех частей речи, вероятно, больше всего подвергается иноязычным влияниям славянский глагол. Однако далеко не все исследователи признают это положение; имеются и такие, которые считают, что немецкий язык

¹ К. TREIMER, *Das tschechische Rotwelsch*. Heidelberg 1937.

вряд ли влияет на славянский глагол (при наличии соответствующих языковых контактов). Так, известные советские сорабистки М. И. Ермакова и Л. Э. Калынь пишут, в частности, что «Влияние немецкого языка на серболужицкие легче всего обнаруживается в таких областях, как лексика и синтаксис, в меньшей степени — в словообразовании и формах имен. Но если в этих разделах роль немецкого языка не вызывает сомнений, то влияние на серболужицкий глагол и, в частности, на временную систему не столь очевидно и требует специального изучения.»²

Настоящие заметки и имеют целью показать, что и славянский глагол — область тесных взаимодействий и взаимовлияний славянских и германских языков.³

4. Приступая к рассмотрению интересующего нас вопроса, необходимо прежде всего строго разграничить два понятия: влияние одного языка на другой (при территориальной разделности их носителей), т. е. в н е ш н е е в л и я н и е (ср., например, интенсивное развитие глаголов на *-изировать* в русском языке вследствие влияния немецкого языка книжным путем) и влияние (*resp. взаимовлияния*) одного языка на другой не только при условии территориального единства носителей обоих языков, но при наличии активного билингвизма носителей, хотя бы одного из этих языков. Такой тип влияния мы называем в н у т р е н н и м. Важно подчеркнуть, что это два принципиально разных типа языкового контактирования, отличающихся друг от друга спецификой своего взаимодействия.

5. Одним из наиболее примечательных фактов влияния немецкого языка на славянский (в том числе и серболужицкий) в области глагола при двуязычии — развитие глаголов с «префиксами» немецкого типа.⁴ Факты эти известны давно и о них не раз уже упоминалось в германо-славянских билингвистических исследованиях.⁵ Но теоретического осмысления данное явление до сих пор так и не получило. Мало того, в некоторых случаях отдельные исследователи, поддавшись пуристическим влияниям (особенно в среде серболужицких лингвистов) пытались даже отрицать их закономерный характер, рассматривая такие глаголы как искусственные образования, чуть ли не насильственно навязанные системе языка. Но это глубокое заблуждение. Так говорить — значит не понимать сущности грамматической интерференции двух глагольных систем — немецкой и славянской.

² Советское славяноведение 1965, 5 : 81.

³ Нам представляются совершенно необоснованными упреки М. И. Ермаковой и Л. Э. Калынь в адрес автора фундаментальной монографии *Der Obersorbische Dialekt von Neustadt (Bautzen 1963)* Фр. Михалка, который якобы «... придает большое значение влиянию немецкого языка, но не определяет, к сожалению, в чем конкретно оно проявляется» (см. рецензию указанных авторов в журнале «Советское славяноведение» 1965, 5 : 81). И в данном исследовании, и в своих статьях Фр. Михалк очень убедительно доказал наличие такого влияния (см. напр., его статью: *Über den Aspekt im obersorbischen Volkssprachen: ZfSl 4, 1959, H. 2*).

⁴ Не менее интересны факты влияния славянской языковой стихии на германскую в области глагола. Ср., в частности, интересные работы Е. М. Верещагина, О влиянии славянских языков на словопроизводство языка идиш и говоров советских немцев. Тезисы докладов, предназначенных для обсуждения на II всесоюзной конференции по славяно-германскому языкознанию. Минск 1965, 29—31 (напр. славянские приставки в немецких глаголах *über-* вм. *пере-*, *durch-* вм. *про-* и т. д.).

⁵ Кстати, одним из первых обратил внимание на это явление еще в прошлом столетии Бодуэн де Куртэнэ, наблюдавший данный процесс в языке двуязычных словенцев, постоянно проживавших в немецком окружении.

6. Прежде всего, следует обратить внимание на факт раннего возникновения глаголов с т. н. отделяемыми «приставками» наречного типа в памятниках лужицкой письменности.⁶ Примеры типа *horjestać*, *delestupić* встречаются у всех крупнейших авторов — Якубицы, Варихия, Френцеля и т. д. Без таких глаголов, по сути дела, не обходится в этот период ни один переводчик богослужебных книг с немецкого на серболужицкий, причем относительно большое количество и стабильный характер этих «композит» не оставляет места для сомнения относительно естественного характера этих образований. Исходя из такой интерпретации глаголов с немецкими «приставками» в серболужицких памятниках XVI—XVIII ст. ст. можно, вопреки мнению некоторых лингвистов считать, что билингвизм как лингвистическое явление зарождается на лужицкой языковой почве не в XIX в. (как, например, думает П. Недо), а по крайней мере, на два столетия раньше. Другое дело — насколько широко это явление было развито.

Не обращалось до сих пор внимания и на тот факт, что «приставки» немецкого типа встречаются в глагольной системе разных славянских языков, носители которых — славяно-немецкие билинги. Существенно и то, что явление это имеет место у славян, совершенно изолированных друг от друга территориально. Наконец, самое любопытное, что состав этих «префиксов» по сути дела один и тот же у словенцев,⁷ серболужичан⁸ и бургенландских хорват.⁹ Ср. серболуж. *dele*, *horje*, *prjotk*; хорватск. *doli*, *van*, *gori*; словенск. *gori*, *doli* (*dolu*) и др. Напр.: словенск. *ustañ hōroe*;¹⁰ *Onde syn je kleknul dolo*;¹¹ *si šal prōč*;¹² серболуж. *nutř sypoce*,¹³ *horje chodzi*.¹⁴

Наблюдается полная аналогия относительно функционирования этих «приставок» в тех славянских языках, где они имеют место. «Префиксы» пространственно-ориентирующего типа *dele*, *horje* и т. п. могут занимать как постпозицию, так и препозитивное положение по отношению к глаголу, они могут быть цельнооформленными в глаголе или же выступать как раздельнооформленные единицы.

Выясняя причину появления данных образований, В. Н. Топоров, вслед за А. В. Исаченко, полагает, что это явление «несомненно, связано с условиями жизни в горах или вблизи их»,¹⁵ но такое заманчивое объяснение неверно, уже хотя бы потому, что указанные факты имеют место не только в языке славян — жителей горных или предгорных мест, но встречаются в речи тех славянских народов, которые проживают на равнинной или боло

⁶ Аналогичные примеры знают славянские памятники богослужебной литературы XVI—XVII вв. Ср. *dolipadažne* (Tulšćak, 1579), *gori gre* (Bohorič, 1584).

⁷ И. А. Бодуэн де Куртэнэ, Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии, т. II. СПб. 1904; — В. Н. Топоров, Slovenia: Вопросы славянского языкознания 4 (1959) 97—99.

⁸ Л. В. Щерба, Восточно-лужицкое наречие, I. Петроград 1915, 118—119; — Л. И. Ройзензон, Об одном случае грамматической интерференции в серболужицком языке. Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова, I. Самарканд 1964, 116—120.

⁹ L. Hadrovics, Adverbien als Verbalpräfixe in der Schriftsprache der burgenländischen Kroaten: *Studia Slavica* 4 (1958) 214—219.

¹⁰ Бодуэн де Куртэнэ, ук. соч. 82.

¹¹ Там же, 115.

¹² Там же, 122.

¹³ Sorbische Dialekte, II. Bautzen 1964, 33.

¹⁴ Там же, 31.

¹⁵ В. Н. Топоров, ук. соч. 98.

тистой местности, как, например, серболужицане. Если говорить о формировании в упомянутых случаях системы «тонкой дифференциации и большой точности при обозначении локальных (место, направление) отношений»,¹⁵ то объяснить это следует исключительно тем, что билинг-славянин (серболужичанин, хорват или словенец) все время в своей речи ощущает давление немецкой глагольной системы, причем не всей, а лишь той ее части, которая включает в свой состав одну группу глаголов движения (ср. *heraussehen*, *herankommen*, *herbeifahren* и т. д.); чрезвычайно существенным является здесь и то обстоятельство, что именно данные префиксальные образования принадлежат к наиболее частотному лексическому пласту немецких глаголов.¹⁶ Так как немецкая система (Aktionsart'a) является более простой и практически удобной, чем славянская, то, учитывая, что у билинга, как говорил Л. Щерба, нет достаточного лингвистического опыта для запоминания отклоняющихся форм, можно понять причину индуцирования немецкими глаголами аналогичной группы славянских глаголов с «приставками» — наречиями. Таким образом, при подобной грамматической интерференции славянская глагольная система подвергается сильной трансформации¹⁷ всего лишь на узком участке.

Вероятно, последующим звеном данного процесса славяно-германской грамматической интерференции должна быть замена славянских отделяемых «приставок» немецкими. Такие факты действительно имеют место. Ср. в серболужицких говорах: *Zahe rano w štyrjoch fort jec*,¹⁸ *ha na jedyn moh so rychtuje wono fort*.¹⁹

7. Наряду с фактами прямого воздействия немецкого языка на славянскую глагольную систему, в результате чего возникают образования с «приставками» немецкого типа, можно отметить и случаи косвенного влияния. Последние, к сожалению, не были еще в научной литературе предметом специального рассмотрения.²⁰ Речь идет об изменении серболужицкой полипрефиксальной глагольной системы под влиянием глагольной системы немецкого языка.

В отличие от предыдущего явления, которое как бы лежало на самой поверхности языка, здесь влияние немецкого языка на славянские завуалировано, скрыто, и о нем можно судить только по результатам тех трансфор-

¹⁶ J. W. HARDING, Häufigkeitswörterbuch der deutschen Sprache. Steglitz bei Bln 1898.

¹⁷ Все эти факты говорят против выдвигаемого В. Н. Топоровым тезиса об элементах словено-германо-романского языкового союза, ибо в противном случае придется расширить границы этого союза за счет включения в него и ряда других языков.

¹⁸ Sorbische Dialekttexte, II. Bautzen 1966, 11.

¹⁹ Там же, 69.

²⁰ К сожалению, серболужицкая полипрефиксальная система глаголов до сих пор мало привлекала внимание лингвистов. Даже в специальной работе о серболужицких приставках В. SCHWELA (Serbske přapozicie: SMS 86, 1932, 163—164) этот вопрос остался незатронутым. Правда, в упомянутых работах Л. Щербы, Ф. Михалка и особенно Г. Фаски (Н. Гавке, Die Vetschauer Mundart. Bautzen 1964) имеется немало интересных наблюдений над многоприставочными глаголами серболужицких языков, но этого явно недостаточно. Из специальных исследований следует упомянуть о двух небольших наших статьях: К типологии многоприставочных глаголов в славянских языках. Синхроническое изучение различных ярусов в структуре языка. Алма-Ата 1963, 90—94; Опыт структурной характеристики системы многоприставочных глаголов верхне- и нижнелужицкого языка. Программа и тезисы докладов конференции по русской и славянской филологии. Самарканд 1963, 18—19.

маций, которые претерпела полипрефиксальная серболужицкая система сравнительно с аналогичными системами других славянских языков. Тут могут быть указаны следующие моменты.

а) Резкое падение продуктивности вторичной приставки *po-*. Как известно, *po-* является наиболее активным словообразовательным средством полипрефиксации всех славянских языков и только в серболужицких *po-* принадлежит к малопродуктивным деривационным морфемам, служащим для образования дву- и многоприставочных глаголов. Это можно объяснить только фактом нейтрализации словообразовательных свойств приставки *po-* как выразителя наиболее общих значений способа глагольного действия — дистрибутивности или частичности действия — вследствие влияния аналогичной системы немецкого языка, для которой характерна способность выражать частные значения Aktionsart'a. Отсутствие в немецкой глагольной системе прямых эквивалентов для передачи значения вторичной славянской приставки *po-* ведет при билингвизме к упрощению всей полипрефиксальной системы: сокращается употребительность многоприставочных глаголов с *po-*, падает словообразовательная активность этого префикса. Ср. . . . *ale chodžach po dvoje, tu a tam w kučiku chwilu pozastach*,²¹ *Dešćik je popřestal*,²² *Jeli by sej tu pola Čile chwilu powotročynić mógl*.²³

Нами составлен частотный словарь многоприставочных глаголов верхнелужицкого языка (на 1 000 000 словоупотреблений). Среди наиболее часто употребляемых полипрефиксальных образований мы здесь находим всего несколько глаголов с вторичным *po-*: *pozběhnyć*, *popowědać*, *pozbudzować*.

Важно учесть, что в некоторых из этих глаголов произошло семантическое и морфологическое опрощение, вследствие чего двуприставочный глагол и его словообразовательная основа — одноприставочный — трансформировались в различные лексические единицы, ср.: *pozastać* и *zostać* или: *popomhać* и *pomhać* (*mhać* отсутствует!), *powotewrić* и *wotewrić* (*wrić* отсутствует!). В то же время среди 100 чаще всего встречающихся многоприставочных образований много глаголов с приставками *s-* (*z-*) и *wu-* (ср. *spóznać*, *sporjedzić*, *zwostać*, *spožerać*, *zezběrać*, *spodźiwać*, *spowaleć*, *wupowědać*, *wupřestrewać*, *wudobyć*, *wuzběhnyć*, *wuwostać*, *wunamakać* и др.).

б) Среди структурных типов серболужицких многоприставочных глаголов выделяются те, которые имеют вторым префиксом *do-* как по количеству самих глаголов с *do-*, так и по деривационной активности их типов. Только в болгаро-македонской языковой области можно найти такое же большое количество глаголов с *do-* (хотя причина образования этих глаголов в южнославянских языках, вероятно, иная). И это явление, надо полагать, — результат влияния системы немецкого глагола, для которого как раз и характерно наличие многочисленных образований с приставкой *zu-* (в качестве первичной), обладающей целым рядом различных финитивных оттенков, а также других значений. *Wša so ta starodawnosć do zezhuniłta njeje!*²⁴ *Na druhi džen běchu hižo připoldnym dozběrali . . .*²⁵

в) Вот уже свыше полстолетия ведутся споры о том, имеется ли в серболужицком категория вида или она отсутствует. Л. В. Щерба, как из-

²¹ Mikławš Bjedrich Radlubin poweda. Budyšin 1959, 111.

²² R. JENČ, Domoj. Pod sloncom swobody. Berlin 1955, 163.

²³ MARJA KUBAŠEC, Wanda. Budyšin 1962, 202.

²⁴ M. NOWAK-NJECHORŃSKI, Pod Pamirom a za Kawkazom. Budyšin 1961, 96.

²⁵ J. BRÉZAN, Madelena. Budyšin 1958, 196.

вестно, считал, что «перфективность в том виде, как мы ее представляем в русском, вовсе не существует в мужаковском».²⁶ Новейшие исследования Ф. Михалки и Г. Фаски²⁷ как раз и направлены на то, чтобы доказать обратное, а именно, что в серболужицком языке существует глагольный вид. Кто же все-таки прав? Думаю, что на этот вопрос можно ответить так. Хотя в серболужицком и существует категория вида, она во многих случаях несомненно обладает свойствами, которые ее ставят в особое положение среди видовых систем славянских языков. Объясняется это влиянием немецкого языка. Особенно хорошо это видно на примере многоприставочных глаголов с префиксами *z-* и *wu-*. Ср. *Moje dla móžeš hić, hdyž by jow... tón běrtl hejduški z porjeta zwuzběrała*.²⁸

Так как в немецкой глагольной системе нет грамматических выражений вида, то это приводит к тому, что под влиянием строя немецкого языка ослабляется видовая система лужицких языков; сами глагольные формы с приставками-перфективаторами становятся в речи коммуникативно неактуальными; но на этом процесс не заканчивается, ибо внутренние тенденции лужицких языков вызывают потребность к видовыражению, вследствие чего к глаголам с ослабленным видовым значением присоединяется еще один — вторичный префикс, который призван усилить затушеванную и стершуюся видовую семантику глагола. Ср.: *zrozbić, wuporjedzić, zwubjerać*, тогда как формы *rozbić, porjedzić, wubjerać* отходят на периферию языка. Ср. еще: *wumjetać* сов. вид, *wumjetować* несов. вид, *zwumjetać* сов. вид; *... sym je ja wšitke nětko ze snadnymi wuwzaćemi zwumjetał*;²⁹ *wužić* сов. вид, *wužiwać* — несов. вид, *zwužiwać* сов. вид, *powěšyć* — сов. вид, *powěšec* — несов. вид, *wupowěšyć* — сов. вид, напр.: *... zoby so na gmejnskej tafli wupowěšnył (list)*;³⁰ *posłać* — сов. вид, *posćelać* — несов. вид; *wuposćelać* — сов. вид, напр.: *Přećiwo wojakom — zběžkarjam wupóšla kral polki oficerow*.³¹

Нет сомнения, что дальнейшие исследования германо-славянской интерференции в области глагола позволят выявить многие закономерности, имеющие место при контактировании отдаленно родственных языков.

Самарканд

Л. И. Ройзензон

Слово и его «соседи»

(к проблеме лексической сочетаемости)

Журнал «Русский язык за рубежом» в заметке «Слово и его „соседи“» (1967, № 3) пригласил читателей высказать свое мнение по ряду вопросов, относящихся к принципам составления учебного словаря лексической сочетаемости слов в современном русском языке. В порядке отклика на это обращение далее будут рассмотрены некоторые вопросы из числа поставленных

²⁶ Л. В. Щерба, ук. соч.

²⁷ Н. ФАВКЕ, ук. соч.

²⁸ P. NEDO, *Sorbische Volksmärchen*. Berlin 1956, 223.

²⁹ Čišinskeho listowanje z Muku a černym. Budyšin 1958, 9.

³⁰ JAN DRDA, *Něma barikada*. Budyšin 1960, 48.

³¹ J. BRÉZAN, *Prěnja brózda*. Budyšin 1953, 22.

в редакционной заметке: структура словарной статьи, критерий отбора сочетаний, включение в словарь фразеологизмов; будет сделано также одно общее замечание, относящееся к определению типа предполагаемого словаря («активный» — «пассивный»).

Словарь лексической сочетаемости слов — пособие нового типа и в практическом, и в теоретическом отношении. И как во всяком новом деле, здесь многое еще не вполне ясно.

Надо, кажется, различать сочетаемость и просто сочетания слов. Сочетаемость слов — это потенциальная возможность их смыслового и грамматического объединения в речи. Тут могут быть поэтому два полярных положения: «возможно» (разрешено) и «невозможно» (запрещено); промежуточные состояния можно понять и трактовать как «ограниченное разрешение» или «некатегорическое запрещение». Сочетание слов — это фактическая реализация в речи их сочетаемости, включая и элемент статистической вероятности, частотности. Тут свои полярные и промежуточные характеристики: «есть» — «нет», «часто» — «редко».

Полярные и промежуточные состояния сочетаний слов являются, несомненно, определенным следствием соответствующих свойств сочетаемости их, но не только: в этом проявляются и другие факторы, в принципе те же, которыми обуславливается и разная частотность употребления в речи отдельных слов.

Как можно судить по приведенным в журнале примерам лексической сочетаемости слов, т. е. их сочетаний (пробные статьи словаря), в словаре не будет дано каких-либо указаний на сущность и пределы «разрешенного», а из фактических реализаций разрешенных сочетаний будут отобраны лишь «важнейшие» (наиболее частотные?).

В сочетаемости слов, а также в обусловленных ею фактических сочетаниях различаются две основных разновидности: 1) грамматическая сочетаемость, 2) лексическая сочетаемость слов. В грамматической сочетаемости, в свою очередь, имеется две разновидности: а) сочетаемость грамматических типов слов, б) сочетаемость грамматических форм слов. Например: а) имена существительные неограниченно сочетаются с именами прилагательными и весьма ограничено (только некоторые имена существительные) с наречиями (*быстрое движение вперед*, но только *деревянный дом*); глаголы же, напротив, неограниченно сочетаются с наречиями (*быстро идти*) и совершенно не сочетаются с прилагательными и т. п. б) Винительный падеж существительных без предлога может быть только при определенных (переходных) глаголах, а соответствующие отглагольные существительные «требуют» родительного падежа (*читать книгу*, но *чтение книги*); если действие совершается при помощи какого-либо орудия или имеет адресат, то орудие по-русски должно быть выражено творительным падежом, а адресат — дательным (*писать карандашом*, *подарить брату*) и т. п. Вероятно, сюда же относится то, что инфинитив может быть при глаголах и существительных только определенного значения, деепричастие — только при личных глаголах и предикативах, что можно сказать *ориентироваться на...* и *ориентироваться в...*

Эти и подобные им виды грамматических сочетаний могут быть заполнены разнообразной лексикой: *писать карандашом, пером, мелом, углем, чернилами, тушью* и т. п. Но разнообразие лексического наполнения грам-

матической структуры не безгранично: нельзя писать хомутом, крышей, мостом и т. п. Все это относится уже к лексической сочетаемости (или несочетаемости) слов. И в лексической сочетаемости слов есть различные ограничения — разрешенное и запрещенное. И здесь можно выделить по крайней мере две разновидности: 2. а) ограничения, идущие от характера и особенностей обозначаемых словами явлений: *снег белый, сажка черная, трава зеленая; дрова пилят пилой, колют колуном или топором, траву косят косой или косилкой, сгребают граблями; лошади едят овес, собаки — мясо; Волга впадает в Каспийское море, Днепр — в Черное* и т. п. 2. б) ограничения, не связанные или неотчетливо связанные с природой обозначаемых словами вещей: *моргают только глазами, хмурят глаза, лицо, лоб, брови; гнедыми бывают только лошади, но не коровы, например, карими — лошади и глаза; едут . . . на Украину, Кавказ, но в Белоруссию, в Крым; он вышел из себя, из терпения, но не вошел в себя* (сочетания *вошел в комнату, вышел из комнаты* принадлежат п. 2.а). К пункту 2.а относятся, конечно, и сочетания типа *люди машут рукой, собака хвостом, птицы и мельницы крыльями, деревья — ветками* и т. п. Не очевидно, однако, типологическое положение сочетаний типа *у птицы перья, у лисицы или у козы пух, у свињи щетина, у овцы шерсть, у человека волосы, у рыбы чешуя, у черепахи панцирь* (все это накожный покров); *человек кричит, лошадь ржет, корова мычит, овца блеет, утка квакает* и т. п.

Лексические сочетания, таким образом, не однородны, но они все-таки определенным образом отличаются от сочетаний грамматических; существуют какие-то критерии и для разграничения разновидностей лексической сочетаемости слов — 2.а и 2.б.

Что же будет в словаре, о котором идет речь? Понятно, что в нем не будут учитываться и различаться разновидности грамматической сочетаемости слов и их форм (пп. 1.а и 1.б), но в нем не должно быть и сочетаний типа 2.б. Остаются только сочетания вида 2.а. Объединять в одном словаре материал на лексическую сочетаемость типа а) и типа б) нельзя: это явления разного порядка — собственно лексика и фразеология в широком смысле.

В этом, т. е. в материале, подлежащем включению в словарь, и состоит новизна словаря лексической сочетаемости слов как учебного пособия и как теоретического труда: до сих пор не только не было таких словарей, но не была даже осознана необходимость и сама возможность их составления.

Считалось, что изучению (все равно — в теоретическом или практическом плане) подлежат только грамматические сочетания (1.а и б) и лексические сочетания типа 2.б. Первые — предмет грамматики, вторые — фразеологии (в широком плане).

Изучение лексических сочетаний типа 2.а казалось как бы беспредметным и потому невозможным: они количественно неисчислимы и состояются в соответствии с природой вещей, а не слов. Чтобы овладеть такими сочетаниями (уметь их составлять и понимать их смысл) надо изучать не свойства слов и их связи, а вещи и их отношения. Казалось, достаточно знать вещь и ее свойства, связи с другими вещами, и слова, обозначающие эти вещи, их свойства и отношения, а нужные сочетания слов (данного типа) получатся «сами собой» в соответствии с подлежащей выражению мыслью. Так, если известны словесные обозначения таких вещей, как *снег, трава, сажка*, и таких цветовых признаков, как *белый, зеленый, черный*, и если известно, далее, какие вещи и какие признаки сопряжены между собой вообще или

в данном конкретном случае, то сочетания типа *белый снег, зеленая трава* и т. п., действительно, получатся как бы «сами собой», т. е. никого не затруднят. И никакой словарь тут, кажется, не нужен. Да и перечислить такие сочетания невозможно, так как они в полном смысле слова бесконечны.

Теперь отношение ко всему этому изменилось: словари лексической сочетаемости слов оказались нужны. Но по причине новизны самого подхода к данному явлению надо прежде всего четко описать суть вопроса, указать практические цели и теоретические основы нового подхода ко всей проблеме лексической сочетаемости слов. Надо прямо сказать: 1) что возможность сочетаний типа *зеленая трава* обусловлена природой соответствующих явлений, 2) что в словаре лексической сочетаемости слов будут показаны прежде всего наиболее часто встречающиеся в речи сочетания этого типа, 3) что частотность таких сочетаний — явление того же порядка, что и частотность употребления отдельных слов, и в какой-то мере даже определяются самой этой частотностью слов.

И последнее замечание: к какому типу пособий будет относиться новый словарь — к «активным» или, наоборот, к «пассивным»?

В редакционной заметке сказано так: «Словарь лексической сочетаемости относится к числу активных, так как он даст возможность при высказывании идти от смысла к его выражению в языке» (97). Но так ли это? Где и как будет показано в словаре движение от смысла к языковой форме его выражения? Как раз наоборот, словарь подсказывает готовую форму, имеющую, конечно, определенное смысловое наполнение. В этом отношении новый словарь вполне подобен обычным, так сказать, «словарным» словарям алфавитного типа, а не тематическим, например, словарям. Это, следовательно, пассивный словарь, что, конечно, вовсе не то же самое, что «плохой словарь». Чтобы «активизировать» его (а в каких-то отношениях активный словарь лучше пассивного), надо не только выдерживать определенный (соответствующим образом обоснованный) порядок в самом перечислении сочетаний (см. статью **костюм**: *Черный, синий, серый... костюм. Шерстяной костюм... полотняный костюм... Выходной, вечерный, рабочий костюм...*), но и снабдить принятую рубрикацию заголовками: По цвету и рисунку: *костюм черный, синий, в клетку, в полоску...* По материалу: *шерстяной, полотняный...* По назначению: *рабочий, выходной, парадный костюм* и т. п.

Таковы некоторые замечания одного из читателей журнала по некоторым вопросам, связанным со словарем лексической сочетаемости слов в современном русском языке.

А. И. Мусеев

Über die slawischen Einflüsse in der karaimischen Sprache

Die Probleme der slawisch-türkischen Sprachbeziehungen sind dank den Untersuchungen der polnischen Turkologen T. Kowalski und A. Zajączkowski bereits seit langem bekannt. Die bisherigen Ergebnisse finden sich in den Arbeiten von A. Zajączkowski. Ausführlicher sind die Ergebnisse in den Monographien über die polowzisch-slawischen Sprachverhältnisse wie auch über orienta-

lische Lehnwörter im Altpolnischen dargestellt.¹ Die bisherigen Arbeiten beschäftigen sich im allgemeinen mit den türkischen, beziehungsweise sämtlichen orientalischen Elementen in den slawischen Sprachen. In unserem Artikel handelt es sich dagegen um die slawischen Elemente in der karaimischen, also einer türkischen Sprache.

Man kann vermuten, daß die ältesten fremden Elemente im Karaimischen aus der hebräischen, arabisch-persischen und mongolischen Sprache stammen. Die slawischen Elemente stellen dagegen eine neuere Schicht dar. Mit den oben genannten Sprachelementen haben sich T. Kowalski, A. Zajączkowski und W. Zajączkowski ziemlich eingehend beschäftigt.² Die letzte aber, d. h. die slawische Schicht wurde bisher kaum bearbeitet. Hier kann man nur auf die Arbeit von J. Grzegorzewski hinweisen, in der die Phonetik der fremdsprachigen Elemente im Dialekt von Halicz untersucht wird.³ Dieser Aufsatz ist nicht lediglich den slawischen Entlehnungen gewidmet, und dazu noch in ziemlich oberflächlicher Weise. Eine kurze Notiz über einige slawische Lehnwörter findet sich fernerhin bei S. Firkowicz.⁴

Die Mehrheit der slawischen Entlehnungen ist nach der Ansiedlung der karaimischen Bevölkerung im litauisch-polnischen Staate, d. h. seit dem 14—15. Jh. ins Karaimische eingegangen. Die slawischen Einflüsse sind nicht auf den Wortschatz beschränkt, sondern sind auch in der Morphologie und Syntax zu finden. Im Folgenden werden wir vor allem auf die phonetischen und morphologischen Probleme eingehen und versuchen, den Grund und die Reihenfolge der Entlehnungen festzustellen.

Der verhältnismäßig große Unterschied zwischen der Schrift- und der Umgangssprache ist allen, die sich auch nur oberflächlich mit dem Karaimischen beschäftigt haben, gut bekannt. Dies kam wahrscheinlich dadurch zu Stande, daß die Schriftsprache um Korrektheit bemüht ist, die Umgangssprache dagegen, bei der alltäglichen Berührung mit der fremdsprachigen (slawischen) Umgebung, mehr fremde Elemente aufnahm. Trotz der Bestrebung, die Schriftsprache rein zu erhalten, gibt es auch darin, selbst in religiösen Texten, fremde Elemente, wenngleich nur in geringem Maße. Es soll übrigens bemerkt werden, daß die verhältnismäßig leichte Annahme von Fremdwörtern in den Türksprachen auch für das Karaimische zutrifft.

Das von uns zusammengetragene Wortmaterial wurde den schriftlichen Texten und teilweise auch der Umgangssprache entnommen. Die Beispiele

¹ A. ZAJĄCZKOWSKI, Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego. Seria A. Nr 34. Wrocław 1949; — und: Studia orientalistyczne z dziejów słownictwa polskiego. Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego. Seria A. Nr 49. Wrocław 1953.

² T. KOWALSKI, Język karaimski: Myśl Karaimska, Wilno 1926, 3:3—7; DERS., Karaimische Texte im Dialekt von Troki. Prace Komisji Orientalistycznej PAU. Nr 11. Kraków 1929; — A. ZAJĄCZKOWSKI, Unikanie wyrażen antropomorficznych w przekładach karaimskich: Myśl Karaimska 2 (1929) 2:9—24; DERS., Terminologia muzułmańska a tradycje nomadów w słownictwie karaimskim: Myśl Karaimska, Neue Folge 2 (Wrocław 1947) 24—39; — W. ZAJĄCZKOWSKI, Die arabischen und neupersischen Lehnwörter im Karaimischen: Folia Orientalia 3 (Kraków 1962) 177—212; DERS., Die mongolischen Elemente in der karaimischen Sprache: Folia Orientalia 1—2 (Kraków 1960) 296—302.

³ J. GRZEGORZEWSKI, Ein türk-tatarischer Dialekt in Galizien: Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, Philos.-hist. Klasse, 146 (1903) 1—80.

⁴ S. FIRKOWICZ, Przyczynek do zagadnienia wpływów obcych na język karaimski: Myśl Karaimska, Wilno 1936, 11:69—72.

beschränken sich auf zwei Dialekte der karaimischen Sprache und zwar auf die von Troki (= T.) und von Halicz (= H.). Im weiteren, falls die angeführten Beispiele nicht näher bezeichnet werden, sind sie dem Dialekt von Troki entnommen.

Ein Bedarf an Lehnwörtern ergibt sich, wenn es für einen neuen Begriff oder Gegenstand in den Türksprachen keine Äquivalente gibt. So gibt es für 'Tisch', 'Kartoffeln' u. a. keine einheimischen Benennungen. Im Karaimischen führte man dafür slawische Lehnwörter ein. Im T.-Dialekt heißt 'der Tisch' *stol*, 'die Kartoffeln' *bulva*. Im H.-Dialekt aber heißen 'die Kartoffeln' *jerdeyiler*, was eine Lehnübersetzung aus dem Polnischen *ziemniaki* ist; wörtlich »das, was sich in der Erde befindet«.

Eine weitere Gruppe von Entlehnungen bilden die Verbalformen, die mit den slawischen Präpositionen *na-*, *wy-*, *za-*, *po-*, *do-* usw. gebildet sind. Das ermöglicht den Ausdruck einer präziseren Handlungsart. In den Mundarttexten, die T. Kowalski in der Zeitschrift *Rocznik Orientalistyczny* (5 : 203) veröffentlicht hat, finden wir z. B. folgende Ausdrücke: *nastavletat* (*turyuzat*) *samovarny* 'er richtet den Samowar ein'. Das in Klammern zugefügte, einheimische Zeitwort *turyuzat* hat eine breite Bedeutung und bedeutet 'etwas aufstellen, einrichten (im allgemeinen)'. In diesem Beispiel geht es dem Sprechenden darum, die Tätigkeit der Samowareinrichtung zu betonen. Dafür benutzte er das slawische Zeitwort mit dem entsprechenden Präfix. Selbstverständlich gibt es viele weitere Beispiele dieser Art. Ähnlich kann man eine vollendete Handlung betonen. So haben wir z. B. im H.-Dialekt in den von J. Grzegorzewski veröffentlichten Texten die Verbalform *zaprovaty* 'er führte hin'. Wie bekannt, werden die Verbalaspekte in den Türksprachen mittels anderer grammatischer Mittel ausgedrückt als in den slawischen Sprachen. In der karaimischen Sprache aber gibt es grade in dieser Hinsicht, insbesondere in der Umgangssprache, bestimmte Einflüsse von den slawischen Sprachen her.

Die oben erörterten Beispiele zeigen Veränderungen der slawischen Zeitwörter auf karaimischem Boden. Es sei bemerkt, daß die angeführten Verben Zusammensetzungen darstellen. Die in Betracht kommenden Verben sind unter Anwendung des Hilfsverbs *etma* im T.-, und *etme* im H.-Dialekt gebildet. Das Hilfsverb bedarf keiner besonderen Erläuterung, da es ein bodenständiges Element ist, wohl aber der erste Bestandteil dieser Zusammensetzung.

Wenn im Karaimischen beim Hilfsverb ein nicht slawisches Wort gebraucht wird, so ist dieses gewöhnlich eine Nominalbildung: *sayyš etma* 'denken' (*sayyš* 'Gedanke') *ant etma* 'schwören' (*ant* 'Eid') *qabul etma* 'annehmen, empfangen' (*qabul* 'Empfang') usw. Ähnliches beobachtet man auch in anderen Türksprachen. Wenn aber ein slawisches Lehnwort verwendet wird, dann erscheint es im Karaimischen vor dem Hilfsverb nicht in einer nominalen, sondern in einer verbalen Form. Bei den Formbildungs- und Konjugationssuffixen unterscheidet sich das ganze Kompositum von ähnlichen grammatischen Kategorien in anderen Türksprachen nicht. Nur der erste, der slawische Teil der Zusammensetzung unterliegt einigen phonetischen Veränderungen. In beiden Dialekten werden slawische Infinitivformen verwendet. Im T.-Dialekt sind sie meist großrussisch, polnisch oder weißrussisch; im H.-Dialekt dagegen ukrainisch oder polnisch. Im T.-Dialekt erhalten Wörter aus dem Polnischen auf -*ć*, ein -*ł* und nähern sich so der russischen Aussprache. So haben wir die Formen: *dbał+et adlar* 'sie kümmern sich' (poln. *dbać*); *Keroval+etma* 'führen' (poln. *kierować*); *vynagrodł+etkañ* 'belohnt' (poln.

wynagrodzić), um nur einige Beispiele vorzuführen. Es ist bemerkenswert, daß des palatale *-ć* bei den reflexiven Verben vorkommt: *prekonaććettim* 'ich habe mich überzeugt'; *staraććetkejsiż* 'ihr solltet euch bemühen'; *zjavćetti* 'er hat sich gezeigt' usw. In mehrsilbigen, slawischen Lehnwörtern schwindet das *i* der unbetonten Silbe: *bavćetti* 'spielte' von poln. *bawić się*; *zjavćetti* (s. oben) von *zjawić się* usw. Ähnlich verlieren im H.-Dialekt die aus dem Ukrainischen entlehnten Infinitive ihre Auslautvokale: *karatme* 'bestrafen' von *karaty*; *pojulatme* 'sich belustigen, amüsieren' von *pojulatory* usw.

Im H.-Dialekt wird in zusammengesetzten Verben die Silbe *et-*, die die Stammsilbe des Hilfsverbs ist, weggelassen: *dokazattim* statt *dokazat+ettim* 'ich habe bewiesen'; *popastme* statt *popast+etme* 'treffen'; *zaslonitler* statt *zaslonit+etler* 'sie haben (es) verschleiert' usw. Hier haben wir es mit der Neigung zur Reduktion der unbetonten Mittelsilbe zu tun. Eine solche Reduktionsart beobachtet man besonders in der Umgangssprache, und nicht nur bei Entlehnungen. Die Stammsilbe *et-* ist jedoch im H.-Dialekt bei der Verneinung in betonter Position wie auch bei den Reflexiva erhalten geblieben.

Die Aspektbildung des Karaimischen weicht von der anderen Türk-sprachen ab. Man bedient sich slawischer Konstruktionen. So bildet man z. B. die Möglichkeitsformen zuweilen unter Anwendung von syntaktischen Formen slawischen Ursprungs. Insbesondere in der Umgangssprache verwendet man das slawische Wort für 'können' mit entsprechenden Infinitivformen: *mogem barma* 'ich kann gehen' (vgl. poln. *mogę iść*); *moges iślama* 'du kannst machen'; *moget ašama* 'er kann essen' usw. Der erste Teil der Beispiele ist in den Wortstamm *moge-* und die Suffixe *-m*, *-ś*, *-t* zerlegbar. Die an den slawischen Stamm gefügten Endungen sind die abgekürzten, heimischen Prädikatssuffixe. Dieses Konjugationssystem ist also eine formal-grammatische Entlehnung im Karaimischen.

In ähnlicher Weise konstruiert man auch die Absichts- und Wahrscheinlichkeitsformen. Diese Kategorien bildet man mit dem Verb 'haben' und der entsprechenden Infinitivform: *majedar kelma* 'sie haben die Absicht zu kommen', 'sie kommen wahrscheinlich' (vgl. poln. *mają przyjsć*). Der Gebrauch des Zeitwortes »haben« nähert sich hierbei den polnischen Konstruktionen mit ähnlicher Funktion.⁵

Auch vereinzelte Lehnwörter passen sich manchmal der karaimischen Grammatik an: *boronalama* 'eggen' von *borona* 'die Egge'; *kačalama* 'ausrollen' von *kačalka* 'das Nudelholz' und andere. Es sind denominalen Verben, die mit dem gemeintürkischen Suffix *-la* gebildet sind. Die Wörter sind also nicht mit einem Hilfsverb entstanden, wie es sonst häufig der Fall ist. So gibt es z. B. eine Form wie etwa **boronovatetma* nicht, sondern nur *boronalama*. Es scheint hier ein tieferes Eindringen ins karaimische Sprachsystem vorzuliegen.

Die slawischen Lehnwörter gleichen sich oft phonetisch den karaimischen Dialekten an. Die ursprünglichen, slawischen Konsonanten *ž*, *č*, *l*, die dem H.-Dialekt fremd sind, werden zu *z*, *c*, *l*: *duze* (ukr. *duže*) 'sehr'; *moze* (poln. *może*) 'vielleicht'; *pecora* (ukr. *pečera*, poln. *pieczara*) 'die Höhle'; *letatme* (ukr. *litaly*) 'fliegen' usw. Ebenso wird im T.-Dialekt ein auslautendes *x* von Lehnwörtern vor vokalisch anlautenden Suffixen zu *γ*: *krux* 'Ring',

⁵ Vgl. H. ŚWIDERSKA-KONECZNA, Użycie czasownika *mieć* jako słowa posiłkowego w języku polskim: *Prace Filologiczne* 15 (1930) 263–272.

aber mit Possessivsuffix *kruyu* 'sein Ring' (ähnlich wie bodenständiges *kapčux* 'Sack', aber *kapčuyu* 'sein Sack').

Die aus den übrigen Türksprachen bekannte Abneigung gegen ein *o* in nicht-erster Silbe herrscht auch in der karaimischen Sprache. So wird das auslautende *o* der slawischen Lehnwörter zu *a*: *pekla* (poln. *piekło*) 'die Hölle'; *pižma* (poln. *piżmo*) 'der Moschus'; *pomela* (rus. *pomelo*) 'der Ofenwischer'; *rešeta* (rus. *rešeto*) 'das Sieb'; *vedra* (rus. *vedor*) 'der Eimer' usw.

Zur Vermeidung von Konsonantenhäufung im Anlaut bei slawischen Entlehnungen wird meistens ein enger Stützvokal eingefügt: *kimeń* (poln. *kmin*) 'der Kümmel'; *kuvas* (poln., rus. *kwias*) 'saurer Getränk'; *myyla* (poln. *mгла*) 'der Nebel'; *xyreń* (rus. *xren*) 'der Meerrettich' und andere.

Einige Lehnwörter verlieren auf karaimischem Boden ihre ursprüngliche Aussprache und werden anderen slawischen Sprachen angepaßt. Die Wörter *kukler* (poln. *kuglarz*) 'der Gaukler' und *pukler* (poln. *puklerz*) 'runder Schild' bekamen im Karaimischen eine russifizierte Gestalt. Ähnliches erscheint auch bei den Endungen von Adjektiven, besonders im H.-Dialekt. Die ursprünglich polnischen Adjektiva bekommen im Auslaut die russische oder ukrainische Endung auf *-j*: *mosenznyj* (poln. *mosiężny*) 'aus Messing'; *razovyj* (poln. *razowy*) 'von Schrottbrot'. Diese Erscheinung erschwert oftmals die Entscheidung, aus welcher slawischen Sprache ein untersuchtes Wort unmittelbar ins Karaimische übergegangen ist.

Auch das aus dem Adjektiv und Substantiv gebildete Kompositum ist interessant. In dem Ausdruck *svezyj balyk* 'frischer Fisch' ist *svezyj* ein slawisches Adjektiv und *balyk* ist türkisch. Dabei wird also die slawische Regel über das grammatische Geschlecht nicht angewendet, denn 'der Fisch' ist bei den in Betracht kommenden slawischen Sprachen feminin, *svezyj* aber maskulin. Dasselbe beobachtet man auch, wenn Adjektiv und auch Substantiv Lehnwörter sind: *dominikanski γora* 'Dominikanerberg' oder *zaklenty panna* 'bezaubertes Fräulein'. Die Adjektive (*dominikanski*, *zaklenty*) sind maskulin und die Substantive (*γora*, *panna*) feminin. Das grammatische Geschlecht der entlehnten Adjektiva bleibt also auf karaimischem Boden unverändert. Aus diesen Beispielen folgt, daß Lehnwörter zuweilen wie bodenständiges Wortmaterial behandelt werden. Denn, wie bekannt, gibt es in den Türksprachen kein grammatisches Geschlecht.

Slawische Lehnwörter sind nicht in gleichem Grade in die beiden Dialekte eingedrungen. Für denselben Begriff benützt man manchmal in einem Dialekte das Lehnwort, aber im anderen ein bodenständiges Wort: im H.-Dialekt *duze* (ukr.), im T.-Dialekt *astrы* 'sehr'; im H.-Dialekt *kupacetme* (neben bodenständigen *carpunma*), im T.-Dialekt *čomunma* 'schwimmen, sich baden'; im H.-Dialekt *silme*, im T.-Dialekt *tikma* 'nähen' usw. Das Beispiel *kupacetme* ~ *carpunma* in demselben Dialekt zeigt, daß beide Formen möglich sind. Wenn eine solche Alternative vorhanden ist, wird die einheimische Form in der Schriftsprache und die Entlehnung in der Umgangssprache gebraucht.

*

Die Entlehnungen müßten in historischen Stufen und zunehmend verlaufen. Leider sind aber, zumal für die ältere Periode, keine genügenden schriftlichen Quellen erhalten geblieben, die diese Vermutung bestätigen würden. Die ältesten literarischen Werke stammen erst aus dem 17. Jh. Daher ist es schwer,

eine Chronologie der Entlehnungen aufzustellen. Das zusammengetragene Material gestattet jedoch immerhin die Feststellung einer Periodisierung der Entlehnungen in der karaimischen Sprache.

Die ältesten slawischen Lehnwörter sind diejenigen, die schon im bekannten kiptschakischen Sprachdenkmal, dem Codex Comanicus vorliegen. Die dort belegten Lehnwörter *izba*, *peč*, *salam* sind auch im Karaimischen bekannt. Ebenso als alte Entlehnungen können jene Wörter gelten, für die in den Türk-sprachen keine bodenständige Benennungen vorhanden waren. Die nächste Gruppe könnten die auf türkische Art gebildeten Lehnwörter wie *boronatalama* und ähnliche darstellen. Danach folgt wahrscheinlich die Gruppe der Lehnwörter mit veränderter phonetischer Gestalt, wie diejenigen, die ihr auslautendes slawisches *o* zu *a* verändert haben, z. B. *pižma* und andere. Dazu gehören wohl auch die Lehnwörter mit verändertem Anlaut wie *myžla*, *xyreñ* usw. Dann kann man auf diejenigen Lehnwörter hinweisen, die der karaimischen Grammatik angepaßt sind. Als nächste Gruppe in der Reihenfolge sehe ich solche Wörter die ihre phonetische Gestalt nicht verändert haben und nur eine Akzentverschiebung auf der letzten Silbe haben, wie *panná*, *paní* und andere. Als spätere seien die Lehnwörter angesehen, die ihre ursprüngliche phonetische Gestalt und den Akzent beibehalten haben, z. B. *majufka* 'Maiausflug', *gatunek* 'die Gattung' (ich habe mich auf die von T. Kowalski veröffentlichten Texte beschränkt). Die letzte Gruppe bilden die Ausdrücke der modernen Kultur und Zivilisation, die durch die slawische Umgebung ohne wesentliche Veränderung im Karaimischen eingebürgert worden sind.

Warszawa

A. Dubiński

Забытая статья А. Белого

Художественное творчество Андрея Белого снова входит в научный и читательский обиход. Несомненно, что со временем и мировоззрение его, каким бы сложным и противоречивым оно ни являлось, будет глубоко и добросовестно исследовано само по себе, а не только в сопоставлении с идеями его великих современников. Стереотипные указания на религиозно-мистический, идеалистический характер философии А. Белого, которые в большом числе статей и книг сопровождают его имя, вряд ли освобождают литературоведов от необходимости добиваться полной ясности.

Доказательством неразработанности коренных вопросов мировоззрения А. Белого является пестрота формулировок (даже в самых последних литературоведческих трудах) по вопросу об отношении писателя к Октябрьской революции, советской власти.

До сих пор можно еще встретиться с утверждением, что А. Белый ушел во внутреннюю эмиграцию.¹

Не особенно четко, но зато очень эмоционально выражает свое мнение о позиции А. Белого Борис Соловьев. В своей книге о Блоке он приводит

¹ А. А. Поликанов, З. В. Удонова, И. Т. Трофимов, Русская литература конца XIX, начала XX веков. Москва 1965, 233.

цитату из статьи белоэмигранта Ю. Айхенвальда, где Блок и Андрей Белый поставлены рядом:

... Среди неожиданностей нашей революции есть не только трагическое, но и вызывающее улыбку, хотя бы горькую. Таково, например, скоростное обращение в большевистскую веру иных поэтов — Александра Блока и Андрея Белого.

Борис Соловьев спорит против такого соседства:

Изобразить Андрея Белого «большевиком»... можно было только в состоянии припадка иступленной злобы, доводящей до полного ослепления.²

Евгению Книпович в книге «Сила правды» также

хочется поспорить с В. Перцовым тогда, когда он берет Брюсова, Блока и Белого за одну скобку на том основании, что все они будто бы пережили первую русскую революцию под знаком «романтики социальной обреченности», что все они в период между двух революций видели уродство старого режима и, наконец, все они восторженно приняли Октябрьскую революцию.³

В. Перцов, как было видно из предыдущей цитаты, в своей книге «Писатель и новая действительность» не счел соседство Андрея Белого предосудительным для Блока и Брюсова.

Л. Тимофеев в своей книге «Советская литература. Метод, стиль, поэтика», говоря о размежевании писателей после революции, не относит А. Белого к лучшим представителям дореволюционной литературы, которые «стали по нашу сторону баррикад». Белый фигурирует только при перечислении писателей, которые «остались на родине».⁴

Исследователь Григорьян характеризует А. Белого на основании того, чего он не сделал:

Октябрьскую революцию Андрей Белый воспринял со своих крайне субъективных, идеалистически-мистических позиций. Но он не покинул родину, не оказался в болоте злобствующих эмигрантов.⁵

Встречается и такая формулировка:

... А. Белый, ... радостно приветствовавший революцию, но не понявший нэпа...⁶.

Для установления истины нужно было бы прежде всего проделать «черную» работу, без которой нельзя говорить ни об одном писателе, а именно: собрать и осмыслить громадное количество неучтенного материала — статьи А. Белого, разбросанные по различным газетам и журналам, его переписку, воспоминания о нем и т. д.

В связи с проблемой отношения А. Белого к революции нам хотелось бы напомнить о существовании очень значительной, но, к сожалению, совершенно выпавшей из поля зрения исследователей статьи этого писателя, напечатанной в 1923 г. в I номере журнала «Беседа»: «О „России“ в России и о „России“ в Берлине». Нам кажется, что эта работа Белого может послужить предупреждением о необходимости большей осмотрительности, обоснованности и просто доброжелательности в подходе к оценке его мировоззрения.

² Борис Соловьев, Поэт и его подвиг. Москва 1965, 613.

³ Евгения Книпович, Сила правды. Москва 1965, 129.

⁴ Л. Тимофеев, Советская литература. Метод, стиль, поэтика. Москва 1964, 104.

⁵ Дружба народов 1966, № 2, 231.

⁶ Блоковский сборник. Тарту 1964, 446.

Несомненно, что слова о религиозно-мистических взглядах Белого не покрывают всего богатства и многообразия убеждений, идей этого необычайно эрудированного и оригинального писателя. При всех мистических «завихрениях», о которых так часто говорится в связи с Белым, нас часто поражает его здоровый, прогрессивный, материалистический взгляд на очень существенные стороны действительности. Многие в позиции А. Белого, и как человека, и как мыслителя — прямота взгляда на вещи, беспощадная искренность суждений, презрительно-гневное отношение к буржуазной обывательщине, искренняя вера в творческие силы народных масс — роднит его не только с Блоком и Брюсовым, но и с Горьким.

Прежде, чем попытаться доказать выше сказанное на материале самой статьи, приведем некоторые из имеющихся скудных данных, характеризующих позицию Белого за границей.

Белый выехал за границу осенью 1921 г. Важно, что причины отъезда были сугубо личными, прежде всего А. Белый хотел свидеться с женой, Асей Тургеневой. К. Мочульский в своей очень обстоятельной книге об Андрее Белом,⁷ дойдя до послереволюционных годов жизни писателя, начинает спешить — ему явно нехватает материала. Однако важно следующее наблюдение исследователя: готовя издание 1922 г., Белый коренным образом переработал текст «Петербурга», смягчая выпады против «социалистов» и «террористов».

Мы располагаем короткой, броской характеристикой Маяковского, побывавшего в 1922 г. в Берлине. Выступая 20 декабря в Политехническом музее, Маяковский сказал:

На крайнем правом фланге стоит Андрей Белый. Он поистине теперь такой белый, что даже кажется черным...⁸

Правда, то, что рассказывает Маяковский подробнее о столкновении своем с Белым,⁹ не дает основания для столь резких слов.

Т. Ю. Хмельницкая пишет об А. Белом этих лет:

Творческий тупик и распад он пережил в недолгий период своего пребывания за границей в 1922—23 годах.¹⁰

Но пребывание в Берлине имело и другую сторону. Почему-то не учитывается факт работы А. Белого в горьковском журнале «Беседа». А между тем А. Белый был одним из ведущих сотрудников этого журнала.

Жизнь в Берлине, где обосновалось несколько сотен тысяч эмигрантов, должна была заставить А. Белого еще раз взвесить свои убеждения, четко их сформулировать. Ведь атмосфера эмиграции продолжала и даже ускорила процесс размежевания писателей. (Вспомним пример Алексея Толстого.)

Статья «О „России“ в России и о „России“ в Берлине» показывает, что и в 1923 г. Белый остался при своих убеждениях, что он был «по нашу сторону баррикад» и был борцом на них. Об А. Белом известно, что он часто менял

⁷ К. Мочульский, Андрей Белый. Париж 1955.

⁸ В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника. Москва 1948, 171.

⁹ В. Маяковский, Полное собрание сочинений. Москва 1955—1959, 12 : 463.

¹⁰ А. Белый, Стихотворения и поэмы. Москва—Ленинград 1966. Вступительная статья, 65.

свои мнения. Было бы неверно делать заключения в категорической форме на основании одной статьи. Однако статья, напечатанная в журнале Горького, в Берлине, своим сарказмом разившая насмерть «берлинских русских», заслуживает того, чтобы отнестись к ней особенно внимательно — нужно было большое мужество для ее опубликования.

Создавая журнал «Беседа», Горький многократно подчеркивал, что цель его — знакомить русского читателя с литературой и наукой Запада, что журнал совершенно чужд политике. И действительно, «Беседа» не содержит в себе никаких политических материалов за единственным исключением. И это — помещенная уже в I номере журнала статья А. Белого, которая носит явно наступательный, остро политический характер.

А. Белый начинает свою статью резко полемически. Он борется против утверждения эмиграции, что

нет России вне Праги, Берлина, Парижа, Белграда, Софии. Есть Россия; она — вырастает; и — мыслит,¹¹

— пишет Белый.

В те годы, когда большое количество русских писателей за границей с обывательской ненавистью публично подсчитывало количество больших и малых обид, убытков, нанесенных им революцией, Белый оказался на высоте — он утверждает величие революции. Отвечая тем, кто увидел в восставшем народе лишь «зверей», он, подобно Блоку, указывал на высшую историческую справедливость и переходил в наступление, подчеркивая звериное и зверское и в дореволюционной жизни обывателей.

Прохождение через строй трудных лет в современной России естественно заряжает энтузиазмом и верою в человека, в огонь Прометей, зажженный в груди (вы не думайте, что я слепой, что не видел я «зверя», взревшего под человеческой оболочкой: видел я «зверя»); и не естественно, если звериной отметкой мести и крови за кровь эти годы отметятся в человеческих душах; да, много звериного всплыло наружу; но, именно, всплыло — откуда-то; где-то все это доселе таилось; под оболочкой — чего? Я не раз наблюдал в прежних годах животное выдыханье из форточек обывательской «хаты с краю», окрашенной в цвет заявления: «Здесь живет либерально настроенный человек, голосующий за свободу совести».

В прежних формах таинного зверя в себе было столько же нравственных вшей, сколько их оказалось потом на физическом плане: вши выползли из подсознаний душевного мира, покрыли одежду; о них закричали.¹²

Одно из важнейших положений статьи Белого:

культура в России теперешней есть.

Белый понимал большое агитационное значение этого утверждения. Ему ясно, что для врагов революции —

слова о культуре России — агитация, более гибельная, чем проповедь коммунизма.

Проблема культуры ложной и подлинной в ее политическом преломлении занимает в статье центральное место. Блестящий сатирический талант А. Белого проявился в критике им поверхностной, пошлой, вненациональной культуры буржуазии.

¹¹ Беседа. Берлин 1923, 1 : 212.

¹² Там же, 220.

А. Белый набрасывает этапы жизненного пути «культурного» обывателя:

... «образованный» недавнего прошлого: есть прошедший гимназию, где его забивала грация *сит-ов* и *и-ок* (латинских); без всякого представления о науке оканчивал он юридический факультет... так становился присяжным поверенным он, заручившись «хатою с краю» («свободой совести» для себя)... очень-очень довольный собою — по жизни летел «констатацией» курьерского поезда, пересекая Россию в удобном купе, созерцая ее из окошка, сквозь паровозную копоть, высказывая о ней свое веское, сигарное мнение и ядреное, русское слово его — «констатация»... цивилизацию он понимал — не культуру, то есть, безукоризненную манжетку и чистый сапог. ... культура в исправности, если в исправности канализационные трубы.¹³

А. Белый вскрывает лживый характер «гуманных» и «либеральных» идей и лозунгов этих буржуазных деятелей.

... под «гуманизмом» ей-ей разумели они не огонь Возрождения; организм Возрождения, утучненный давно отложением «либерального» жира, обуржуазился; порыв духа борцов за права человека в утучненном организме вдруг выступил... сентиментальной душевной испариной, стал резонерством; сентиментальное все, как известно, имеет изнанку. Изнанка сентиментального человека есть злость; эта злость обнаружилась в гуманизме Ивана Ивановича, тучного либерального деятеля, когда лопнули трубы; многие были гуманны — до этого крупного факта в их жизни; идеализм устремлений у многих был благодушием от теплой трубы и удобного кресла... не было честности в брошенных лозунгах «общегуманных», «сентиментальногуманных» и обнаруживших злость и зависимость от состояния труб; они лопнули; и — озлели вдруг «честные, добрые, либеральные люди», и идеально настроенный стал петь о мести.¹⁴

Очень многое в этой мастерски сделанной характеристике напоминает горьковских персонажей, буржуазных интеллигентов, прежде всего — Кюлима Ивановича Самгина. Великолепное знание подобного рода «деятелей», сила презрения к ним рождают у обоих писателей даже и художественно сходные образы. В 1930 г. в статье «Об умниках» Горький тоже писал о типе человека, который,

рассматривая все события с точки зрения удобства своих ягодиц, ... конечно не может одобрить все то, что сотрясает старую мебель, в которой покоятся его уважаемые ягодицы.¹⁵

Вера в мысль народа, в силу творчества снизу пронизывает те страницы статьи, где речь идет о рождении подлинной культуры в России. Белый с восхищением рассказывает о том, что в 21 г. присутствовал на лекции на тему «естествознание Гете»;

Можно ль было лет десять назад читать лекцию: *Метаморфоза растений у Гете?* Нельзя: ведь никто бы не пошел;

что в 1919 г. наблюдал, как работает организованная в Карачеве библиотека,

... книги можно брать на-дом; и книги читают: усердно; и Фойгта («История раннего итальянского Возрождения») и Моммсена; ...

его радуют научные открытия, расцвет талантов в России вопреки всем трудностям:

¹³ Там же, 222.

¹⁴ Там же, 223—224.

¹⁵ М. Горький, Собрание сочинений в 30 томах, Москва 1953, 25 : 205.

скажите: Вахтангов творил — из Берлина, из Праги? и Станиславский — «бежал за границу» для творчества?;

и то, что на лекциях чувствовалось:

... *сентенцией, популяризацией* публика оскорбилась бы;

и обилие ударных, крепких слов, образных афоризмов в языке современного ему русского человека, которые вытеснили худосочные «так сказать», «вообще говоря», «констатировать», «представлять из себя»:

а русский в России «рабфачит», употребляя обилие сокращений, но меж «рабфаками» метко стреляет неологизмами он.

Самые проникновенные страницы статьи Белого посвящены воспоминаниям о его жизни, работе в Москве, Петербурге в 1919 и 20 г.

Голод, холод, угары — ничто не могло погасить той духовной радости, которую испытывал А. Белый, лектор, наблюдая рождение мысли, культуры.

... я выпрашивал валенки у кухарки, у Вари (своих не имел); с ее теплой ноги надевал: шел на лекцию, спотыкаясь и падая.

Приходил: аудитория (человек 35) обдавала духовным теплом; я читал — 3 часа, позабыв все на свете: аудитория в ледяном помещении грелась духом; и — грела меня.¹⁶

... Обычно, в России через пятнадцать минут разбираешься совершенно конкретно в составе аудитории; по глазам, по малейшим немым, выразительным жестам я знал, кто — со мной, кто — против; кто следует за течением мысли и кто — отстает; ... и обычно, к концу моей лекции аудитория, передо мною сидящая, делалась мне персонально известна; ... точно меня осеняла мгновенная интуиция: этой вот девушке, тихо застывшей, сказать надо то-то, а этому красноармейцу — вот это: и ткани доклада естественно распестрялись этими (синими) нитями слов для товарища красноармейца и этими (фиолетовыми) для внимающей девушки...¹⁷

Несомненно, А. Белый, как и Блок, смог услышать «музыку революции», почувствовать, что «гул этот, все равно, всегда — о великом». Материальные тяготы, разруха, слухи об эпидемиях не смогли заглушить в нем ощущение строения новой жизни и нового человека.

... кто был эти годы немного живым, ощущал удивительное раздвоение сознания при ощущении распада былых материальных удобств; приходилось ему восклицать после стойки в хвостах, после бегства по скользким не сколотым тротуарам: «Так жить не могу: лучше—смерть.» А в другие моменты признание другое естественно вырывалось из сердца: «Да, жить — хорошо!» — «Что хорошего? — могли бы ответить. — «Жить в голоде, в холоде и под угрозой: повинностей, тифа и вшей».

Тем не менее: воспоминанием о моментах высокой моральной фантазии отдельных сознаний, о свете любви, бескорыстия, братства живут эти годы во мне; ведь вот: — «Жить — не могу: Хорошо!».¹⁸

Молодость, энтузиазм, жизнеспособность революционной России выступают в сознании А. Белого особенно ярко при сравнении с жизнью берлинских русских, от которой веет духовной смертью, полным нравственным опустошением.

Уже в 8 часов запираются двери в Берлине; — и — ни к кому не пойдешь; после дня трудового естественно отдохнуть в разговоре; и отогреться в духовном общении, чтоб

¹⁶ Беседа, 1 : 230.

¹⁷ Там же, 234.

¹⁸ Там же, 231.

запасть электричеством мысли; ведь электричество это рождается между людьми; ведь из кончика пальца не высосешь многого; человеческое общение — лаборатория вопросов культуры.

Естественно, что идешь к представителям русской культуры, к писателям-братьям, к художникам, критикам, собирающимся в какой-нибудь «Diele»; ходил в одно «Diele»; там просиживал ряд вечеров; и... и... и... — не припомню я ни одного разговора, которым бы можно мне отогреться; о чем говорилось? О гонорах, о вкусе мороженого, о текущих малюсеньких дрязгах, о сплетнях; и более — ни о чем; да, Сократа над чашей тут не было; обыватель над «шэрри-коблером» посиживал тут и скучал над собой и другими; тут действовал «допельт-коньяк»; и — обсуждалось: этот вот выпивает до 18 рюмок; тот столько-то трубок выкуривает. С отчаяния отдавался я пиву, чтобы почувствовать что-нибудь, чтоб не воскликнуть в отчаяньи:

— Господа! Да нельзя же: совместное чавканье для сокрытия совместной зевоты. Ну, разойдемся: ну, будем зевать в одиночку; и в одиночку отчавкаем... Человек — не «субъект» прагердильных продуктов. От хлеба я сыт и от пива я пьян, но я... голоден, голоден: дайте мне хлеба духовного! Холодно мне в этом «тепленьком» месте культуры «берлинской России».

Охваченный горестным пылом, вставал из-за русского столика я и бежал к своим немцам: к совсем незнакомым знакомцам из милой пивной, чтобы приветливо улыбнуться такой непосредственной Fräulein Mariechen, мне здесь подающей, поговорить с постоянным сидельцем пивной о философии Шопенгауэра; право: у Fräulein Mariechen в пивной я себя ощущал не в прострации; и за столиком русско-берлинской богемы я ощущал — не одиночество даже, не «ноль»: минус ноль, отрицательную величину, иль — внедрение в душу каких-то дряннейших субстанций, не только мне не дающих морального импульса к творчеству, но отнимающих у меня очень малые силы, какие в себе ощущаю еще; эти силы — Россия «российская», мне не дававшая перьев, бумаги, возможности тихо работать, но заряжавшая силами.

В «Diele» теперь не хожу: купил чайник, спиртовку; мне чайник, вскипая, бормочет невнятное что-то, но — милое что-то; и из мелодии чайника вынимаю я мысли; вот эти строки, воспоминания о российской России навеяны: бормотанием чайника.¹⁹

В статье А. Белого можно услышать отзвуки его (и некоторых других писателей-символистов) давней веры в то, что социальные потрясения приводят к изменению природы человека, что с революцией начинается грандиозное перерождение всего человеческого духа.

Не случайно в воспоминаниях А. Белого о революции «сияет пролет неприсущего неба любви; и — зари новой жизни». Именно эти впечатления «высекают» у писателя «восторг из страдания» и «благодарность за тяжелые годы нужды».²⁰

Но защита революции в те суровые годы даже и в таком ее восприятии вызывает к А. Белому уважение. При всех его заблуждениях (а разве не бывало их у Блока, Горького?) он был одним из немногих представителей старой интеллигенции, которые смотрели на происходящее не со своей «кочки зрения», а нашли в себе силы и мужество мерить события меркой народных судеб.

Нина Секей

¹⁹ Там же, 232, 233.

²⁰ Там же, 219.

✓ **Hussens Traktat »Orthographia Bohemica«.** Die Herkunft des diakritischen Systems in der Schreibung slavischer Sprachen und die älteste zusammenhängende Beschreibung slavischer Laute. Hg. von J. Schröpfer. Slavische Studienbücher. O. Harrassowitz, Wiesbaden 1968, 142 S.

Es ist wohlbekannt, daß die Bezeichnung der Palatalisierung von Konsonanten mit Buchstaben des lateinischen Alphabets und mit diakritischen Zeichen (d. h. mit Punkten über oder neben den gewöhnlichen Buchstaben) systematisch und konsequent das erste Mal in der »Orthographia Bohemica« von Johannes Hus gefordert und theoretisch begründet worden ist. Das Werk des tschechischen Reformators wurde entweder 1406 oder 1412 verfaßt. Die in dieser Schrift dargelegte neue Bezeichnungsweise fand dann verschiedene Nachahmer, zuerst in Böhmen selbst, dann aber auch in den benachbarten slawischen Ländern. Als wissenschaftliches Transkriptionssystem wurde dann diese Schreibweise durch Erasmus Rask (1832) und Franz Bopp (1833) in der Indogermanistik und später auch zur Bezeichnung der Lautsysteme von nichtindogermanischen Sprachen verwendet.

Hussens Werk hat aber auch andere Verdienste. Es enthält nämlich — auf einer der modernen Phonologie ganz nahe stehenden Grundlage — die erste systematische und wissenschaftliche Beschreibung des Lautsystems einer slawischen Sprache. Da aber der Traktat, dessen Abschrift in einem Archiv Südböhmens vom Historiker Palacký erst 1827 aufgefunden worden ist, keine moderne Ausgabe hat, verdient die neue, den modernsten editionstechnischen Grundsätzen vollkommen entsprechende Ausgabe, die mit einer sehr gründlichen und lichtvollen Einleitung und mit einem lehrreichen Kommentar ergänzt wurde, unsere höchste Anerkennung. Husforscher und Sprachgelehrte waren bisher auf die schon längst veraltete Ausgabe von Aloys V. Šembera von 1857, bzw. 1858 angewiesen. Andererseits sind, besonders in den letzten Zeiten, verschiedene Erklärungsversuche unternommen worden, die Herkunft des diakritischen Systems von Hus aufzuhellen. So war es schon unumgänglich notwendig, den ganzen Problemkreis nach modernen und einheitlichen Gesichtspunkten einer kritischen Betrachtung zu unterwerfen und eine annehmbare Lösung dieser Frage vorzubringen. Der Rezensent, der kein Slawist ist und erst bei der Beschäftigung mit der Geschichte der europäischen und besonders der ungarischen Sprachwissenschaft und der orthographischen Literatur mit der *Orthographia Bohemica* in Berührung kam, kann — innerhalb der Grenzen seiner Kompetenz bleibend — schon im vorhinein mit bestem Gewissen feststellen, daß die verdienstvolle neue Ausgabe des berühmten Traktats durch Prof. Johann Schröpfer den Erwartungen im höchsten Maße entspricht.

In der Einleitung findet man zunächst alles Wesentliche über die Handschriften und die Textüberlieferung. Wie bekannt, ist das Autograph der Orthographia nicht erhalten, nur eine Abschrift des Mönches Oldřich Křiž von Telč in Treboň (Wittingau) und die Abschrift einzelner Teile im St. Veit Domkapitel zu Prag. Vom Abecedarium besitzt man einige Handschriften und manche Spuren in alten Drucken. Die bisherigen Ausgaben drucken aber die Handschriften nicht genau ab. Die schon genannte Ausgabe von A. V. Šembera, die übrigens schon längst vergriffen ist, enthält nur eine tschechische Übersetzung des lateinischen Originaltextes mit einem weiteren Nachtrag. Sie entspricht nicht mehr den modernen Forderungen. Außerdem war bis jetzt eine Übersetzung in eine Weltsprache nicht vorhanden. Da nach den Feststellungen von J. Schröpfer der Text Šemberas eine Reihe von falschen Lesungen enthält, wurde die Forderung nach einer tadellosen Neuausgabe immer dringender.

Die neue Ausgabe von Hussens Traktat wird vom Herausgeber selbst für keine ideale gehalten, da sie »1. auf diplomgetreue Wiedergabe hinsichtlich der lat. Kürzungen verzichtet und 2. die vorhandenen Auszüge aus der O. B. in der Prager Kapitelbibliothek nur nach den Veröffentlichungen von Flajšhans darüber verwertet, 3. nicht auf Autopsie, sondern auf einer Photokopie der Wittingauer Handschrift beruht« (S. 9). Die Ausgabe macht trotzdem die Orthographia Philologen und Sprachwissenschaftlern leicht zugänglich. Der Text der Handschrift wurde nach Möglichkeit buchstabengetreu wiedergegeben, den diakritischen Zeichen besondere Aufmerksamkeit gewidmet. Den tschechischen Beispielwörtern wurde eine deutsche Erklärung beigelegt.

Was nun die Datierung betrifft, ist Schröpfer der Ansicht, daß die Schrift im Herbst 1412 verfaßt wurde. Hus wollte damit—nach Schröpfers Auffassung,— die zu jener Zeit ständig wachsende Arbeit der tschechischen Schreiber vereinfachen und erleichtern. Dafür, daß wirklich Hus der Verfasser ist, sprechen verschiedene Umstände, so unter anderen auch die Art, wie der Verfasser am Ende des Traktats das Wort an die Leser und Benutzer richtet: »so kann nur jemand sprechen, der gewohnt ist, sich öffentlich an ein Volk zu wenden« (S. 14). Man hat keinen guten Grund dazu, die Richtigkeit dieser Feststellungen in Abrede zu stellen.

Von besonderem Interesse ist der Abschnitt, wo Hussens orthographische Reform untersucht wird. Das Problem, das Hus lösen wollte, war: wie kann man mit lateinischen Buchstaben das Lautsystem einer slawischen Sprache am einfachsten bezeichnen? Vor der Einführung der von Hus vorgeschlagenen diakritischen Zeichen gebrauchten die Tschechen eine »einfache Rechtschreibung«, die wahrscheinlich durch bayrische Missionare in Böhmen verbreitet wurde. Diese Orthographie bezeichnet mit einem lateinischen Buchstaben jeweils einen tschechischen Laut. Da aber das Tschechische etwa doppelt so viele Laute hatte wie das Lateinische, war diese Schreibweise sehr unzureichend. (Schreibungen dieser Art, wie z. B. *zen* ließen verschiedene Lesungen zu: *žeň* 'Ernte' und *žen* 'der Frauen'). Vom Ende des 13. Jh.s an werden aber tschechische Laute, für die das lateinische Alphabet kein eigenes Zeichen besaß, durch Buchstabengruppen bezeichnet. (So wurde z. B. *komár* 'Mücke' *comaar* geschrieben, *čas* 'Zeit' hingegen *chzazz*, *czas*, *czass*, *czzas*, *čas* usw.) Um 1300 taucht in mehreren Handschriften ein gewissermaßen festgelegtes System von solchen »Ligaturen« auf. Sonst herrschte aber im 14. Jh. in der tschechischen Orthographie eine verwirrende Inkonsequenz. Die Schwerfälligkeit der verschiedenen Schreibungen vor Hus wird von Schröpfer in einer sehr anschaulichen Übersichtstafel (SS. 48 und 49) gezeigt.

Das Tschechische des angehenden 14. Jh.s hatte eine klare Opposition von kurzen (*a, e, i | y, o, u*) und von langen Vokalen (*á, é, í | ý, ó, ú*). Mit *ě* wird ein Diphthong bezeichnet, dessen Länge *ie* war. Die silbenbildenden Konsonanten: *ř* und *ř* konnten auch lang auftreten. Das Konsonantensystem bestand aus 35 Phonemen. Von diesen machten bei

der Schreibung mit lateinischen Buchstaben besonders die leichtpalatalisierten Konsonanten *b*, *p* usw., sowie die palatalen *đ* *ǵ* (*d* *l*) *j* *ň* *č* *ž* *š* erhebliche Schwierigkeiten.

Angesichts der beträchtlichen Anzahl der mit lateinischen Zeichen nicht erfäßbaren Laute mußte der Verfasser der O. B. einen anderen Weg suchen. Theoretisch boten sich zwei Lösungen: 1. die Anwendung von neuen Buchstaben, eventuell aus anderen Schriftsystemen, 2. die Einführung diakritischer Zeichen. In der Lateinschrift waren solche Zeichen bereits seit dem Altertum in Verwendung: mit dem Apex wurden die langen lateinischen Vokale bezeichnet. Ihn aber auch über die Konsonantenzeichen zu setzen, hätte — wie es Schröpfer richtig bemerkt (S. 24) — das Schriftbild unübersichtlich gemacht. Außer der griechischen und der lateinischen Schrift kannten aber mittelalterliche Gelehrte, wie z. B. Hus, auch die hebräische, deren Kenntnis für das Theologiestudium unentbehrlich war. In einer Abhandlung (StSl 4:270 ff.) habe ich schon 1958 darauf hingewiesen, daß die hebräische Schrift, wo der bald spirantische, bald nichtspirantische Lautwert der Buchstaben für die Laute *b*, *g*, *d*, *k*, *p*, *t* durch Anwendung von einem diakritischen Punkte (genannt Dagesch) bezeichnet wird, konnte den Verfasser der O. B. sehr wohl an die Korrelation von palatalen und nichtpalatalen Konsonanten erinnern. So kam ich damals zur Feststellung, daß »der tschechische Reformator das diakritische Zeichen in der Schreibung der erwähnten tschechischen Laute höchstwahrscheinlich nach dem Vorbild der hebräischen Orthographie verwendete« (a. a. O. S. 281). Diese Erklärung hat zwar — meint Schröpfer (S. 25) — auf den ersten Blick viel für sich, man muß aber auch andere Möglichkeiten in Betracht ziehen. Nach jahrelangen, sehr intensiven Forschungen, die er auch auf andere, von mir damals noch nicht in Betracht gezogene Zonen der mittelalterlichen lateinischen Kultur, so z. B. auf Irland und auf die skandinavischen Länder ausbreitete, kam er zum Ergebnis, daß die Frage nach der Herkunft des Hussens diakritischen Systems noch nicht entgültig gelöst werden kann, weil man mit mehreren Vorbildern, nicht nur mit dem hebräischen rechnen muß. Seiner Ansicht nach dürfte eben das irische Schriftsystem wegen der Verwendung des Punktes über den Konsonanten und zugleich des Akuts als Längebezeichnung den Vorzug verdienen (S. 119).

Außer der sehr sorgfältigen textkritischen Ausgabe und der lehrreichen Analyse und Interpretation der O. B. ist das größte Verdienst von Schröpfer, daß er Hussens Leistung in einem gesamteuropäischen kulturellen Milieu betrachtet. Er hat richtig erkannt, daß man — um so eine Arbeit wagen zu können — zuerst die Geschichte der tschechischen Sprachwissenschaft im Mittelalter und in der frühen Neuzeit mit Rücksicht auf die Entwicklung der ganzen europäischen Sprachwissenschaft in ihren Hauptlinien überblicken muß. Schröpfer beruft sich dabei auf eine Feststellung, die Gyula Décsy in seiner Anzeige des großangelegten Werkes von I. Kniezsa¹ machte: »Die Geschichte einer Orthographie, als ein neuer Zweig der modernen Sprachwissenschaft, hat eine komplexe Forschungsmethode. Zur Erforschung der Orthographie älterer Zeiten benötigt man außer weitgehender lautgeschichtlicher Schulung auch paläographische, diplomatische, schriftgeschichtliche und noch viele andere kulturgeschichtliche Kenntnisse« (StSl 1:427). Man kann mit gutem Gewissen anerkennen, daß Schröpfer angeregt auch von solchen Vorarbeiten, wie das klassische Werk von Kniezsa, mit seiner beispielhaften Ausgabe zur Erforschung der Geschichte der mit lateinischen Buchstaben entwickelten europäischen Schriftsysteme wesentlich beigetragen hat. Viel neues enthalten die Abschnitte, wo er sich mit Hussens Vorgänger in Lautbeschreibungen (31 ff.) beschäftigt. Nach lautphysiologischen Beschreibungen in der mittelalterlichen lateinischen grammatischen Literatur

¹ KNEZSA I., *Helyesírásunk története a könyvnyomtatás koráig* [Geschichte der ungarischen Orthographie bis zu Beginn des ungarischen Buchdruckes]. Budapest 1952¹, 1959².

suchend, hebt er unter anderen die Rolle hervor, die im Mittelalter Irland gespielt hat. Die lateinischen Buchstaben wurden in diesem Lande im Mittelalter mit Lautwerten angewandt, die in dem auf dem Festland gesprochenen Latein sich änderten, so z. B. das *c*, das im Irischen den Lautwert [k] hatte, auch wenn es vor *e* oder *i* stand.

Schröpfer lenkt die Aufmerksamkeit auch auf einen isländischen Traktat über Orthographie im 12. Jh., wo zur Bezeichnung der Umlaute des Isländischen diakritische Zeichen verwendet wurden. Der unbekanntere Verfasser, der — nicht unbegründet — von Sveinn Bergsveinsson² der erste Phonologe genannt wurde, belegt alle Lautzeichen mit treffenden Beispielen. Es ist kaum denkbar, daß Hus von diesem Traktat Kenntnis haben konnte. Hingegen zweifelt Schröpfer nicht an einer eventuellen Verbindung zwischen der *Summa grammatica* des Johannes Dacus und Hussens *Orthographia Bohemica*. Dacus stellt die Artikulation der einzelnen Laute im ganz modernen Sinne dar, wobei auch das Experiment als phonetisches Forschungsprinzip genannt wird. Wahrscheinlich geht Schröpfer den richtigen Weg, wenn er als Vermittlungszentrum zwischen Dänemark und Böhmen die Pariser Universität betrachtet, wo bis 1414 viele Studierende und Lehrende aus den böhmischen Ländern verzeichnet werden können.

Der Rezensent kann mit dieser Hypothesen einverstanden sein. Wenn wir aber an die Sorbonne denken, dürfen wir nicht vergessen, daß es dort vom 13. Jh. an, genauso wie in Bologna, Salamanca und Oxford, auch für das Hebräische einen Lehrstuhl gab, und Roger Bacon (1214—1294), der auch eine hebräische Grammatik verfaßte, das Hebräische eben während seiner Studienreise in Frankreich erlernte. Und wenn die weitere Feststellung von Schröpfer, daß Hussens Methode, katechetische Merksätze zur Einprägung des Alphabetes zu verwenden, auf ein Verfahren des Kirchenvaters Hieronymus zurückgeht (S. 119), richtig ist, was ich für sehr wahrscheinlich halte, somit wird meine frühere Vermutung, daß Jan Hus die Werke von Hieronymus gründlich kannte (StSl 4:278), zur Gewißheit! Und dadurch wird die Rolle der exegetischen Werke des Hieronymus, in denen er sich mit der griechischen und der lateinischen Umschrift hebräischer Wörter beschäftigt, bei der Ausarbeitung des Hussens diakritischen Systems noch offensichtlicher. Es ist nämlich wohlbekannt, daß Hus in der kurzen Einleitung seines Traktats, wo die theoretischen Grundlagen seines Systems dargelegt werden, eben die hebräische Schrift erwähnt, in der zur Wiedergabe des im Griechischen und im Lateinischen unbekanntenen Konsonanten š ein besonderes Zeichen vorhanden ist. Man darf dabei nicht vergessen, daß das Zeichen III der glagolitischen Schrift für den Laut š letzten Endes auf das hebräische ש zurückgeht. Alle diese Umstände werden in der erwähnten Einleitung von Hus nachdrücklich hervorgehoben: »Judei habent unam literam que dicitur ches et aliam que dicitur šsyn. Et Slawi habent correspondenter chir et šša quibus literis Bohemi indigent«. Hus stellte somit die Schreibweise des tschechischen š-Lautes, der in der mittelalterlichen tschechischen Orthographie häufig mit *ss* wiedergegeben wurde, in den Mittelpunkt seiner theoretischen Erörterungen. Eben um die Schwerfälligkeit dieser Bezeichnungsweise zu vermeiden, schlug er eine einfachere vor: »Unde in Abedario loco šsyn vel šša pojui šʳ cum puncto ut punctus teneat custodiam pro mollificatione šoni ipšius s . . .«. Daß das Hebräische, gegenüber den in dieser Hinsicht armen klassischen Sprachen, dem Griechischen und dem Lateinischen drei *s*-Laute besitzt, wurde von Hieronymus wiederholt bemerkt, vgl. z. B.: »Apud Hebraeos tres *s* sunt litterae: una quae dicitur samech . . .; alia *sin* . . .; tertia *sade* . . .«³ Welcher Autorität sich die Monographien des Hieronymus in Osteuropa erfreuten, geht auch aus den Bemerk-

² Archiv für vergleichende Phonetik 6 (1952) 2:59—64.

³ Zitiert von FR. WUTZ, *Onomastica sacra*. Untersuchungen zum Liber interpretationis nominum Hebraicorum des Hl. Hieronymus, I. Leipzig 1914, 370.

kungen von Parkoszowicz, dem polnischen Anhänger des Husschen Schreibsystems (um 1440), sowie des ungarischen Erasmisten, Johannes Sylvester (1539) hervor, die ich in meinem Aufsatz zitierte (StSl 4:278—9). Aus alledem kann man meiner Ansicht nach die Schlußfolgerung ziehen, daß das wirklich beweisbare Vorbild des Husschen diakritischen System doch die hebräische Schrift war.

Die Möglichkeit, daß Hus nebenbei auch die irische Schrift vor Augen hatte, würde ich nicht ausschließen. Das blieb aber in den sonst so gut begründeten Erläuterungen des Herausgebers leider unbewiesen. Wenn er gegen den Einfluß der hebräischen Schrift als Hauptargument vorbringt, daß das Dagesch im hebräischen Schriftsystem gerade das Gegenteil der Veränderung des Konsonanten, nämlich die Nichtspirantisierung bezeichnet, und daß außerdem noch dieser Schutzpunkt nicht *über*, sondern *in* das Konsonantenzeichen gesetzt wird (S. 102), muß ich aufrichtig gestehen, daß ich diesen unwesentlichen Unterschieden keine große Bedeutung beilegen kann. Hingegen halte ich es für sehr wahrscheinlich, daß auch die irische Schrift, wo der über den betreffenden Konsonanten gesetzte Punkt — genauso wie bei Hus — die Erweichung, also die Abweichung von der lateinischen Aussprache bezeichnet, letzten Endes nicht unabhängig vom hebräischen Vorbild zustande gekommen war. Daß Hus den diakritischen Punkt nicht *in* die betreffenden lateinischen Buchstaben, sondern über die Konsonantenzeichen setzte, kann man meiner Ansicht nach mit dem verschiedenen Charakter der hebräischen und der lateinischen Schrift genügend erklären. Wenn aber vor ihm als Vorbild trotzdem die irische Schrift schwebte, wie konnte es vorkommen, daß er, der sonst seine beträchtlichen Sprachkenntnisse gar nicht verheimlicht, und die theoretische Grundlegung seines Traktats mit der Analyse von einigen Eigentümlichkeiten der hebräischen Schrift beginnt, die irische Orthographie, sein angebliches Vorbild mit keinem einzigen Wort erwähnt? Deshalb kann ich die Beeinflussung durch das Irische für gar nicht so unbestritten halten. Übrigens weist auch Schröpfer selbst — meiner Ansicht nach richtig — darauf hin, daß die Erklärung von C. Hoenicke, wonach die Bezeichnungsweise des Wolfenbütteler niedersorbischen Psalters genauso wie des oben erwähnten isländischen Traktats auf das Hebräische zurückgeht, überzeugend ist (S. 46).

Aus allem ergibt sich notwendigerweise die Erkenntnis, daß man die hebräische Schrift als wichtigstes Vorbild und die durch Hieronymus inaugurierte biblische Onomastik als geistige Unterlage bei der Erforschung der Husschen diakritischen Systems nicht außer Acht lassen kann.

Daß die philosophische Grundlegung der Theorie von den phonologischen Oppositionen (*συστοιχία* ~ *ἀντιστοιχία*) bei Aristoteles schon gegeben war und daß die praktische Anwendung von diakritischen Zeichen auch bei den alexandrinischen Homerscholiasten zu beobachten ist, darauf habe ich 1965 in einem Aufsatz⁴ hingewiesen. Ein biblischer Humanist aber, wie Hus, der Verehrer von Hieronymus, konnte, bei der Schaffung eines diakritischen Schriftsystems, vor allem dem hebräischen Vorbild folgen.

Hussens Traktat, die erste slawische Phonetik, die einen bedeutenden Schritt auch in der Entwicklung der europäischen Sprachwissenschaft bedeutet, ist nun den Forschern in der ausgezeichneten Edition und beispielhaften Bearbeitung von Prof. J. Schröpfer zugänglich. Seine Arbeit werden alle Fachleute ganz bestimmt mit Dankbarkeit empfangen.

J. Balázs

⁴ J. BALÁZS, The forerunners of structural prosodic analysis and phonemics: Acta Linguistica Hung. 15 (1965) 229—286.

BALECKZY EMIL—HOLLÓS ATTILA, *Ószláv nyelv*. Tankönyvkiadó, Budapest 1968, 198 стр.

Систематическое изучение старославянского языка ведется в Венгрии с восьмидесятых годов XIX в., когда О. Ашбот был назначен профессором Будапештского университета. Особенно возрос интерес к старославянскому языку после освобождения Венгрии. Подготовка учителей русского языка и других славянских языков потребовала и изучения древнейшего культурного языка славян. Однако на венгерском языке не было учебника старославянского языка. Потребность в руководстве по старославянскому языку стала весьма ощутимой. Преподаватели университетов и вузов долгое время ждали издания такого учебного пособия, которое, наряду с общими положениями, учитывало бы специфику и достижения славистики в Венгрии. Существующий пробел в грамматике старославянского языка был восполнен выходом в свет книги Э. Балецкого и А. Холлоша.

Рецензируемая книга состоит из следующих частей: Предисловие (стр. 5—8), Введение (стр. 9—30), Фонетика (стр. 31—89), Морфология (стр. 90—167), Основные понятия синтаксиса (стр. 168—187), Литература (стр. 188—192), Список сокращений (стр. 193—194). Как видно из содержания, авторы написали полную грамматику старославянского языка, которая освещает все вопросы, связанные с его изучением. Введение и фонетика принадлежат перу Э. Балецкого, а морфология и синтаксис написаны А. Холлошем. Богатая и новая специальная литература, перечисленная в конце книги, помогает интересующимся в дальнейшем усовершенствовании своих знаний в области старославянского языка.

Сначала мы сделаем несколько замечаний общего характера о достоинствах грамматики Э. Балецкого и А. Холлоша.

1. Авторы написали такую грамматику, которая строится на основе сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. Они описывают как формировались фонетические, морфологические и синтаксические особенности славянских языков, в первую очередь структура старославянского языка. При изучении системы старославянского языка авторы исходят из индоевропейского праязыка. Широко привлекаются ими данные сравнительной грамматики индоевропейских языков.

2. Э. Балецкий и А. Холлош там, где это считалось ими целесообразным, учитывают и данные других славянских языков, указывая на их отличительные черты от старославянского языка. Особенно часто привлекаются данные русского, украинского и сербохорватского языков. Другие славянские языки, конечно, тоже не оставались вне поля зрения авторов.

Благодаря этим особенностям рецензируемая книга может служить и введением в славистику.

3. Авторы трактуют вопросы грамматики старославянского языка не только в традиционном понимании, но освещают и новейшие достижения и излагают теории объяснения отдельных фактов старославянского языка.

4. Э. Балецкий и А. Холлош при объяснении отдельных фактов старославянского языка часто ссылаются на результаты венгерских славистов. О. Ашбот, Я. Мелих, И. Книежа, касаясь проблематики заимствований в венгерском языке из славянских языков, выдвинули ряд интересных положений о важнейших вопросах славистики. К сожалению, эти соображения выдающихся венгерских славистов остались почти неизвестными ввиду того, что они писали об этих вопросах на венгерском языке. Знакома читателям с высказываниями виднейших представителей венгерской славистики, авторы рецензируемой книги как бы вносят в учебные материалы достижения и венгерских славистов.

Перечисленные выше положительные качества придают книге Э. Балецкого и А. Холлоша значительную ценность и делают их работу полезной и интересной не только для венгерских, но и для иностранных славистов.

В Введении Э. Балецкий знакомит читателей с основными вопросами изучения старославянского языка: он определяет термин *старославянский язык*, описывает возникновение славянской письменности. Довольно подробно освещает деятельность Константина и Мефодия. Он характеризует старославянский язык и объясняет термин *церковнославянский язык*, указывая на условия возникновения типов церковнославянских языков. В этой части книги особенного внимания заслуживает изложение предположения И. Книежи о времени и месте возникновения *Пражских глаголических листков*. По мнению И. Книежи Пражские листки были переписаны между 1055 и 1061 гг. в Венгрии, в Вышеграде. Изгнанные из Сазавы сторонники славянской литургии поселились в Вышеграде, где венгерский король Андрей I основал монастырь. В этом монастыре действовали русские монахи, которые, по-видимому, привезли с собой из Киева литургические книги на старославянском языке. Сазавские переселенцы переписали литургическую книгу, причем невольно внесли в текст некоторые особенности своего родного языка. Так возникли *Пражские глаголические листки*. Можно предполагать, что монахи переписали в Вышеграде не только одну рукопись, а несколько. Однако, к сожалению, с течением времени эти рукописи погибли. Излагая предположение И. Книежи о происхождении Пражских листков, Э. Балецкий высказывает и гипотезу о том, «что вышеградский монастырь мог иметь важное значение в поддержке связей чешского церковнославянского языка с русской письменностью» (стр. 19). Эта гипотеза вполне приемлема, однако нужны дальнейшие исследования для ее подкрепления. Эти исследования оправдают предположение о том, что во время «восточной ориентации» первых Арпадов Венгрия в определенной степени выполняла роль посредника между культурой восточных и западных славян.

Читая фонетику, мы с радостью констатируем, что Э. Балецкий при описании фонетической системы старославянского языка очень удачно соединяет ретроспективный и проспективный методы изучения языка. В первой части фонетики он исходит из фактов старославянского языка, возводя его звуки к индоевропейским и праславянским источникам. В другой же части, исходя из индоевропейского, предполагаемого сравнительным языкознанием состояния, он показывает путь оформления, становления звуковой системы старославянского языка. Он довольно подробно освещает те процессы, которые привели к возникновению фонетики древнейшего культурного языка славян. Особенно удачными мы считаем в фонетике главы о структуре слога (стр. 33—35), о восходящей звучности и открытых слогах (стр. 76—80) и о палатализации (стр. 80—84).

Рассмотрев фонетику рецензируемой книги, мы пришли к следующим заключениям критического порядка.

Автор хорошо разбирает напряженные редуцированные, указывая на разницу между \dot{y} , \dot{b} и \bar{y} , \bar{b} . Особо занимается вопросами происхождения \dot{y} , \dot{b} в главе, посвященной гласным \bar{y} , \bar{b} . Так как напряженные \dot{y} , \dot{b} возникли не только из исконных \bar{y} , \bar{b} перед $*\dot{i}$ и $*\dot{i}$, а восходят и к исконным $*\bar{i}$ ($*y$), $*\bar{e}$ (краткое e), целесообразно было бы в особой главе заняться напряженными редуцированными. Этот подход изложения обусловливается и судьбой сильных \dot{y} , \dot{b} , изменявшихся в **ы**, **и** в сильной позиции в старославянском языке.¹

Что касается вокализации редуцированных гласных в сильной позиции, автор отмечает, что в старославянском языке на месте сильных \bar{y} , \bar{b} *вообще* встречаются гласные o , e (стр. 42). Нам кажется, что в рефлексах «сильных» \bar{y} , \bar{b} старославянские памятники расходятся: \bar{y} во всех диалектах переходит в e , однако \bar{b} дает на западе o , а в восточных диалектах остается без изменения.²

¹ А. М. Селищев, Старославянский язык, I. Москва 1953, 295.

² Н. Н. BIELFELDT, Altslawische Grammatik. Halle 1961, 59.

Излагая историю гласного $\dot{e} < \text{не}$. $*\dot{e}$, автор устанавливает, что из общеславянского $*\dot{e}$ в начале слова развился $*a$ и ссылается на формы *ямь*, *язь* (стр. 43). На той же странице мы читаем о том, что к начальному гласному $*a$ прибавлялся протетический \dot{z} , поэтому в памятниках часты формы с \dot{z} и без него. Однако интересно, что корень $*\dot{e}d$ неизвестен в форме $*a\text{сти}$ в памятниках старославянского языка, тогда как форма *язь* имеет и разновидность *азь*. Отсутствие разновидности $*a\text{сти}$ в памятниках старославянского языка говорит в пользу того, что лучше для этого корня предполагать существовавшую в общеславянском языке форму $*ja < *z + \dot{e}$ (в первом слоге) чем $*a$, которая рекомендуется для местоимения первого лица: *язь*.³ Говоря о влиянии \dot{z} на сочетание $*-ons$, $*-ans$ в конечном закрытом слоге, автор приводит характерные для старославянского языка формы *доушл* (Gsg), *коньл* (ApI). Однако он не указывает на ту разницу, которая существует между старославянским и восточно- и западнославянскими языками в рефlekсах общеславянских $*-zons$, $*-zans$ в определенных морфологических категориях. Особенно интересно было бы узнать, как объясняет автор разницу рефlekсов $*-zons$, $*-zans$ в отдельных группах славянских языков.

Прочитав морфологию, мы убедились в том, что автору удалось удачно осуществить поставленную перед собой цель: показать процессы становления морфологической системы старославянского языка. Преимуществом этой части является и то, что в ее рамках А. Холлош дает основные понятия о словообразовании.

Придерживаясь порядка изложения морфологии старославянского языка, мы сделаем некоторые замечания.

А. Холлош возводит вин. пад. мн. ч. существительных с основой на $*-o$ к праславянской гипотетической форме $*gordons$, с кратким o (стр. 100). Однако на странице 105 он восстанавливает для вин. пад. мн. ч. существительных ж. р. с основой на $*-a$ форму $-ons$, указывая на удлинение гласного o .⁴ Такое же удлинение гласного o мы должны предполагать и форме вин. пад. мужск. р. мн. ч. основ на $*-o$. Отсутствие указания на вторичное o в флексии $*-ons$ делает объяснение автора неубедительным.

Объясняя разновидности флексий $-омь$; $-омь$; $-охъ$ в твор. п. ед. ч. в дат., мест. п. мн. ч. существительных с основой на $*-y$, автор утверждает, что в этих флексиях o появляется на месте z в сильной позиции. Интересно однако, что формы $-омь$, $-омь$, $-охъ$ известны и из таких памятников, в которых z в сильной позиции не переходит в o (Саввина книга, Супрасльская рукопись). Принимая во внимание этот факт, более приемлемым кажется объяснять эти формы морфологически: выравниванием в сторону основ на $-o$ (твор. пад. ед. ч. и дат. пад. мн. ч.) или влиянием o в им. п. мн. ч. на мест. п. мн. ч., как это и было рекомендовано Н. Ван-Вейком.⁵

А. Холлош личное местоимение первого лица восстанавливает для индоевропейского языка в форме $*eg'(h)$ - с кратким e (стр. 116). Хотя такая же форма устанавливается и профессором Г. Краэ для индоевропейского праязыка,⁶ реконструкция данного местоимения в форме $*eg'(h)$ - с точки зрения общеславянской фонетической тенденции начала слов не является убедительной, ибо $*e$ в начале слова не изменяется в $*a$ даже после протетического \dot{z} . Ввиду этого, мы более правильной считаем восстанавливаемую Э. Баллеким форму $*\dot{e}g'(h)$ - в качестве исходной формы.

Что касается глагольных форм, нам кажется не совсем убедительным объяснение личного окончания $-ть$ в третьем лице ед. и мн. ч. А. Холлош, ссылаясь на 70. страницу книги, считает $-ть$ результатом депалатализации. Имеющиеся в науке объяснения окон-

³ Н. Ван-Вейк, История старославянского языка. Москва 1957, 121.

⁴ А. М. Селищев, Ук. соч. 231.

⁵ Н. Ван-Вейк, Ук. соч. 242.

⁶ Н. Краэ, Indogermanische Sprachwissenschaft, II. Berlin 1958, 40.

чания *-тъ* на наш взгляд неудовлетворительны. Побочность окончаний *-ши, -шь, -тъ, -ть* лучше всего объяснил Т. Лер-Сплавинский. По его мнению окончания *-ши, -тъ* являются остатками окончаний индоевропейского медиального спряжения глаголов **-sai, *-tor, *-ntor*, между тем известные из древнерусского языка *-шь, -ть* восходят к индоевропейским формам **-si, *-ti*.⁷ Окончание *-т* в современном русском языке и в его северных говорах, проявившееся как следствие депалатализации, восходит к XIV в. и поэтому не может объяснить раннюю депалатализацию **-tь*, известную уже из старейших памятников старославянского языка. Формы условного наклонения *бимь, би* и пр. А. Холлош считает более древними по сравнению с формами *быхъ, бы*. В этом автор прав, однако архаические формы *бимь, би* и пр. заслуживают особого внимания, так как они встречаются в западных древнемакедонских памятниках⁸ и в Фрейзингенских отрывках⁹, свидетельствуя о том, что формы условного наклонения *бимь, би* и пр. представляли собой в старину особенность древних македонских говоров и словенского языка.

Главы, посвященные изложению основных понятий синтаксиса, не вызывают особых замечаний. Несмотря на их краткость, они дают ценные указания интересующимся синтаксисом старославянского языка.

Приведенные нами соображения критического характера, касаются только частных деталей книги Э. Балецкого и А. Холлоша и ни в коем случае не уменьшают достоинства книги, которую мы считаем интересной и ценной грамматикой старославянского языка. Многостороннее освещение проблем славистики, трезвая критика имеющихся в научном обороте гипотез, свежесть информации, ясность трактовки спорных вопросов представляют собой достоинства рецензируемой книги. Ее авторы не только уплатили долг венгерской славистики, но и обогатили славяноведение хорошо написанной, полезной книгой.

И. Х. Том

JOSIP HAMM, Grammatik der Serbokroatischen Sprache. (Slavistische Studienbücher 5.) Otto Harrassowitz, Wiesbaden 1967, 124 S. + Karte.

Die vorliegende kurzgefaßte Grammatik ist die deutsche Bearbeitung des Lehrmaterials, das der Verfasser i. J. 1967 für die Hörer der slawistischen Sommerkurse in Agram in serbokroatischer Sprache herausgegeben hat.¹ Sie will somit die etwas veraltete, aber immer noch brauchbare »Elementar-Grammatik« von M. Rešetar ersetzen. Rešetars Werk, das seit 1916 in mehreren Ausgaben Generationen von Studierenden die Grundlagen des Serbokroatischen vermittelte, zeichnete sich trotz seiner Kürze durch strenge Wissenschaftlichkeit und Klarheit der Darstellung aus. Die Grammatik von Prof. Hamm setzt somit eine ansehnliche Tradition fort.

Es gebührt dem Verfasser vor allem Lob, daß er von der nationalen Befangenheit, die in der letzten Zeit in sprachlichen Fragen zwischen Serben und Kroaten so störend zur Geltung kommt, vollkommen frei ist und die Tatsachen mit philologischer Nüchternheit beurteilt. Der andere allgemeine Vorteil des Buches, den man wieder lobend hervorheben muß, ist die Auswahl der Beispiele. Als gebürtiger Kroatе verfügt der Verfasser

⁷ T. LEHR-SPLAWIŃSKI, Szczałki odmiany medialnej w konjugacji prasłowiańskiej. Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. V. W. 1965, 59, 61.

⁸ A. Вайан, Руководство по старославянскому языку. Москва 1952, 281.

⁹ Н. Ван-Вейк, Ук. соч. 309.

¹ Kratka gramatika hrvatskosrpskog jezika za strance. Sastavio prof. dr. JOSIP HAMM. Školska knjiga, Zagreb 1967, 122 S.

natürlich über ein unfehlbares Sprachgefühl, und so konnte er alles, was ältere serbo-kroatische Grammatiken oft als Überreste einer älteren Entwicklungsstufe — sei es aus der Sprache der Volksdichtung, sei es aus älteren Schriftwerken — oft mitschleppen, mit sicherer Hand ausmerzen und neue, einfache und natürliche Beispiele einführen. Auch wird überall auf Provinzialismen und stilistische Eigenheiten sorgfältig hingewiesen.

Was man jedoch im allgemeinen beanstanden könnte, ist die übertriebene Kürze, die zu sehr gedrängte Darstellungsweise und der daraus resultierende Mangel an Übersichtlichkeit, der besonders dem Anfänger Schwierigkeiten bereiten dürfte. So werden z. B. die zusammengesetzten Sätze im Kapitel Wortbildung behandelt, wohl mit der Begründung, daß auch die Bindewörter zu den Wortarten gehörten und somit auch die Sätze, die ihren Gebrauch veranschaulichen, dort angeführt werden müßten.

In den Einzelheiten zeigen sich einige kleinere Schönheitsfehler, gelegentliche Entgleisungen und unklare Formulierungen, die in der nächsten Ausgabe, die das Buch hoffentlich bald erleben wird, richtiggestellt werden sollten.

So unterscheidet der Verfasser (S. 10) sehr richtig auf Grund der Vertretung des alten *ě* die zwei Spielarten, nämlich eine östliche und eine westliche Variante der gemeinsamen Schriftsprache. Im folgenden wird jedoch nirgends darauf hingewiesen, daß die anderen trennenden Merkmale mit dem erwähnten geographisch nicht zusammenfallen. So gewinnt man den Eindruck, als ob alles, was als »westlich« bezeichnet wird, für die kroatische Variante, und alles, was als »östlich« hingestellt wird, für die serbische Variante der Schriftsprache charakteristisch wäre. Dem ist aber nicht so. Die »serbische« *e*-Vertretung für altes *ě* erstreckt sich auf ein wesentlich kleineres Gebiet als etwa die Ersetzung des *h* durch *j* oder durch *v* (*snaja, duvan*) oder die lexikalischen und syntaktischen Serbismen. Streng genommen müßte man also mit drei schriftsprachlichen Varianten rechnen: kroatisch-jekavisch, serbisch-jekavisch und serbisch-ekavisch. Die Mehrzahl der Bücher in Bosnien, in der Herzegovina und in Montenegro erscheint eben in der jekavisierenden serbischen Schriftsprache.

Auf S. 7 wird A. Kačić-Miošić erwähnt »mit seiner Sammlung von Volksliedern und eigenen im Volkston gedichteten Liedern«. Bei Kačić machen bei weitem den größeren Teil seines »Razgovor ugodni« die eigenen Gedichte aus. Einige Volkslieder hat er nur so nebenbei aufgezeichnet.

Die Behandlung des Ablauts (S. 29) bietet in dieser Form dem Anfänger wenig Lehrreiches. In den Ablautreihen der heutigen Schriftsprache sind sehr verschiedene Entwicklungstendenzen zusammengelassen, vor allem die ursprünglichen Ablauterscheinungen, dann in der Sondergeschichte des Serbokroatischen die Fortsetzungen der alten Nasalvokale und des vokalischen *l*. Wenn dies alles ohne historische Hinweise in Ablautreihen zusammengestellt wird, so wird es den Anfänger eher verwirren als belehren. Man hätte hier ebenso historisch verfahren müssen, wie etwa in dem mustergültig bearbeiteten Kapitel über Akzent und Intonation.

Die übertriebene Kürze erweist sich als sehr nachteilhaft in der Behandlung der Wortbildung. Nicht nur darin, daß wichtige Typen, wie etwa *igralište* oder *šetalište* nicht zur Sprache kommen, sondern hauptsächlich darin, daß das Aufgenommene nicht genügend differenziert behandelt wird. So ist *gitarā* 'Gitarre' wohl nur aus Versehen unter die Wörter auf *-ara* (*pivara, knjižara*) geraten (S. 39); neben *siromašan, sebičan, čeličan* wird auch *voštan* und *svečan* angeführt ohne einen Hinweis darauf, daß in den beiden letzteren Wörtern das *a* der letzten Silbe nicht ausgestoßen wird (S. 42); Adjektive, wie *domaći, pišaći, kupaći* werden als Partizipia bezeichnet (S. 43); für die abgeleitete Form *danski* wird als Grundwort *Danska* angegeben (S. 42).

So ist manches auch im Kapitel über das Bindewort problematisch. Das für das Bindewort *ni* zitierte Beispiel: *bio je slabo razgovorljiv, ni s kim se nije družio* (S. 63)

enthält kein Bindewort, denn *ni* ist hier der erste Teil des zusammengesetzten Fürwortes *nitko*, das auf S. 84 besprochen wird. Auch werden unter den abhängigen zusammengesetzten Sätzen ohne jedwede Erklärung Hauptsätze zitiert: *Koja ti je nevolja?* und: *Gdje je ono staro doba, kuda je potonulo, kuda je iščezlo, kuda je propalo?* (S. 64). Abhängige Fragesätze werden unter den Umstandsätzen des Ortes und der Zeit angeführt (S. 65), und ein Satz, wie: *Ne može svoje dijete u školu dati, pošto mu treba kod kuće* wird nicht als Kausal-, sondern als Temporalsatz registriert (S. 65).

In der Deklination der Hauptwörter vermißt man einen Hinweis auf den Typus *knez, vitez* mit dem Vokativ *kneže* bzw. *viteže*. Auch bei den Verben (S. 95) wäre eine kurze Erklärung nützlich, daß nämlich *vidjeti* und *klečati* ursprünglich denselben Typus vertreten, nur ist das alte *č* in *klečati* in *a* übergegangen.

Alles in allem wäre diese kurze Grammatik ein brauchbares Studienbuch, nur sollten in den weiteren Ausgaben die gedrängten Paragraphen etwas aufgelockert, die kleinen Versehen ausgemerzt und einige Erklärungen eingebaut werden. Was die Anlage des Buches anbelangt, wäre es ratsamer, die zusammengesetzten Sätze in der Syntax und nicht im Rahmen der Wortbildung zu behandeln.

L. Hadrovics

Aktuelle Probleme der vergleichenden Literaturforschung. Hg. von G. Ziegengeist, Gesamtdirektion L. Richter, Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik Nr. 49, Hg. von H. H. Bielfeldt, Akademie-Verlag, Berlin 1968, 380 S.

Im Dezember 1966 fand in Berlin die Konferenz der Literaturhistoriker der Sowjetunion, der Tschechoslowakei, Jugoslawiens, der Deutschen Demokratischen Republik, Polens, Bulgariens und Ungarns über die aktuellen Fragen der vergleichenden Literaturgeschichtsschreibung statt. An dieser Konferenz verschob sich das Gewicht auf die aktuellen Probleme der Slawistik. Die Gelehrten der erwähnten Länder berichteten über die Ergebnisse, die in der Slawistik mit der komparativen Methode erzielt wurden.

Deshalb finden wir am Anfang des Bandes Studien, die sich mit den Möglichkeiten, Formen, der Zweckmäßigkeit der Anwendung und den Grenzen der Komparatistik befassen. V. M. Žirmunskij erörtert die methodologischen Fragen der geschichtlichen Komparatistik, M. B. Chrapčenko stellt die Grundprinzipien der Typologie auf, D. Āurišin behandelt die wichtigsten Typen der literarischen Beziehungen. Eine andere Gruppe der Vorträge beleuchtet die Zusammenhänge zwischen der nationalen und der Weltliteratur, ihre gegenseitigen Beziehungen, von denen wir die Forschungsberichte von Frau Neupokojewa und des Agramer Professors Flaker hervorheben

Im Band finden wir eine Anzahl lehrreicher, systematisierender Studien über die literarischen Beziehungen der einzelnen slawischen Völker, im besonderen die tschechisch-deutschen, die südslawisch-deutschen, die slowakisch-deutschen usw. literarischen Zusammenhänge. Am wichtigsten sind aber m. E. jene Probleme, die in erster Linie in den Vorträgen von J. Dolanský, L. Sziklay, Gy. M. Vajda und S. Wollman hervorgehoben werden. In diesen Vorträgen wird manchmal einander widersprechend, miteinander diskutierend das grundlegende Problem der vergleichenden Literaturgeschichtsschreibung jenes Gebietes, das Mitteleuropa genannt ist, erörtert. Befriedigt es, wenn sich die Literaturgeschichte mit der Konzeption der Slawistik des 19. Jh.s begnügt? Sehen wir die Entwicklungsrichtung der einzelnen Literaturen klar und eindeutig, wenn wir manchmal Literaturen von vollständig unterschiedlicher Tendenz nur deshalb aneinan-

derfügen, weil sie *slawische* sind? Haben die in diesem Gebiet lebenden österreichischen, ungarischen, rumänischen und eventuell neugriechischen Literaturen nicht mehr mit den einzelnen slawischen Literaturen zu tun als die Literatur der voneinander fern lebenden slawischen Völker? Um mit einem Beispiel zu veranschaulichen: die Erscheinungen der tschechischen und der ungarischen Sprachneuerung weisen viel mehr gemeinsame Züge auf als die serbische und die tschechische Sprachneuerung. In der Dichtung des Slowaken Král und des Ungarn Petöfi entdecken wir viel mehr Ähnlichkeiten als in der Králs und irgendeines tschechischen, ukrainischen oder südslawischen Zeitgenossen. Die Beispiele können nach Belieben vermehrt werden. Die Jahrhunderte hindurch unter derselben türkischen Unterdrückung darbende bulgarische und neugriechische Literatur und Folklore, beeinflußt von der gleichen Religion, berühren sich offensichtlich an zahlreichen Punkten, während die gegen die Unterdrückung des Hauses Habsburg kämpfende tschechische und ungarische Intelligenz ebenfalls zahlreiche ähnliche Bestrebungen aufweisen kann. Die Untersuchung der persönlichen Beziehungen führt gleichfalls zu diesem Ergebnis. Der Lebensweg und das Wirken des Bulgaren Georgi Rakovski wurden sicherlich von seinem Aufenthalt in Bukarest und Athen beeinflußt. Das Lebenswerk des Slowaken Juraj Palkovič können wir ebenfalls besser verstehen, wenn wir es mit dem seines treuen Freundes, des ungarischen Dichters János Kis vergleichen. Die geschichtlich-vergleichende Typologie weist gleichfalls in diese Richtung. Wenn wir das Wirken des Tschechen Dobrovský, des Ungarn Kazinczy und des Südslawen Obradović vergleichen, können wir das »Modell« der drei Literaturen treffend skizzieren. Diese drei Literaten sind zugleich auch *Literaturgründer*, typische Vertreter der Zeit des tschechischen, ungarischen bzw. serbischen Rationalismus, zugleich auch die Vorboten der späteren, zur Romantik führenden Bestrebungen.

Diese Auffassung wird mit aller Überzeugung von L. Sziklay vertreten: er leugnet die Berechtigung der literargeschichtlichen Slawistik und gewisser Gebieten der geschichtlichen Forschung nicht, wie auch S. Wollman eine gewisse Zweckmäßigkeit der osteuropäischen Forschung nicht leugnet. Darin müssen wir Wollman unbedingt zustimmen, daß eine genauere Bestimmung des Begriffes Osteuropa notwendig ist, da die Literatur aller osteuropäischen Völker nicht unbedingt zusammengehört. Die Literatur des unter anderen Umständen und anderen gesellschaftlich-wirtschaftlichen Bedingungen lebenden armenischen oder estnischen Volkes zeigt offenbar nicht viel Ähnlichkeit mit der österreichischen, deutschen oder tschechischen Literatur. Hingegen läßt das Mittelosteuropa genannte Gebiet — ohne Rücksicht darauf, ob es sich um slawische oder nichtslawische Literaturen handelt — gerade durch die gleichen geschichtlichen Bedingungen auf viele gleiche literarische Bestrebungen schließen. Die Tatsachen, daß der Klassizismus sowohl in der tschechischen als auch in der ungarischen, kroatischen usw. Literatur in einem sehr engen Rahmen zur Geltung kam; daß die Romantik mit der *nationalen* Erneuerung verbunden ist, gleichsam bis zum Beginn des 20. Jh.s eine herrschende Geschmacksrichtung bleibt; daß sowohl in der slowakischen als auch in der rumänischen und in der ungarischen Literatur (und auch andernorts!) in den 20er und 30er Jahren des 20. Jh.s eine neuartige Volkstümlichkeit vorherrscht, lassen darauf schließen, daß es sich hier um mehr als die Ähnlichkeit aus Zufall handelt.

Wir stehen noch sehr am Beginn der mittelosteuropäischen vergleichenden Forschung. Daß diese Forschung notwendig ist, läßt sich nicht leugnen. Mehrere Autoren des Bandes weisen — mittelbar oder unmittelbar — darauf hin. Zu dieser *Synthese* drängt auch jener großzügige und vielversprechende Plan, der im Konzept von Gy. M. Vajda die vergleichende Geschichte der europäischen Literaturen in Aussicht stellt.

I. Fried

CHRISTIANE AURAS, **Sergej Esenin**. Bilder- und Symbolwelt. Verlag Otto Sagner, München 1965, 211 S.

В литературе о Есенине все больше внимания уделяется изучению особенностей его поэтики, в области которой книга Христиане Аурас представляет первое произведение, претендующее на систематический анализ лирики поэта. Исходный пункт анализа, в основном, определяется опытом советских исследователей есенинского творчества. Изучение поэтического образа оправдано в их работах тем, что образ занимает центральное место в поэтике Есенина. Такой подход оказывается плодотворным и потому, что, согласно особенностям поэтического образа, он требует комплексного исследования материала.

Однако поэтический образ — понятие весьма сложное. Недаром автор так подробно останавливается на выяснении вопроса. В первой главе книги приводится история развития этого понятия в русском и советском литературоведении. Поэтический образ используется в многочисленных работах как синоним метафоры, так понимал его сам Есенин, так понимает в дальнейшем и автор, развивал классификацию образов, данную Есениным в трактате «Ключи Марии». В соответствии с этой классификацией, при анализе стихотворений Х. Аурас отграничивает простое образное словоупотребление от символического. Для этого необходимо проследить образы в историческом аспекте. В связи с этим возникает вопрос о периодизации творчества Есенина. Подобно периодизации, предложенной Выходцевым,¹ Аурас выделяет три этапа творческого становления поэта: ранний, революционный и последний. В анализе главное место отведено революционному периоду. В этот период образный мир раннего творчества поэта перерастает в символический. При разборе поэмы «Инония» автор иллюстрирует этот процесс, убедительно показывая, как революционная тематика находит выражение в церковно-религиозной символике.

Поэзия Есенина в книге Х. Аурас трактуется только отчасти по периодам. Прослеживая развитие отдельных образов, она рассматривает прежде всего образную систему поэта. При этом освещается характер образотворчества Есенина в главе «Грамматическое оформление образа». Показаны грамматические различия между метафорой и сравнением, охарактеризовано творительное сравнение (*Instrumentalvergleich*), присоединяющееся к глаголу-метафоре. Особенно тщательному анализу подвергаются парные сочетания типа «березы-свечки», использованные и в народном творчестве. В этой же главе затрагивается вопрос о взаимоотношениях Есенина с Ключевым относительно способов конструкции поэтического образа. Большое значение придает автор и грамматическим категориям, участвующим в процессе метафоризации. Части речи могут выполнять различные функции и в зависимости от таких грамматических признаков, как переходности и непереходности у глагола, одушевленности и неодушевленности у существительного, качественности и относительности у прилагательного.

Функциональным разнообразием отличаются и цвета в поэзии Есенина. Этому вопросу посвящается в книге целая глава. Автор описывает три функции цвета. Эти же функции подчеркивает в своей статье А. Марченко, устанавливая реальное, эмоциональное и символическое значения.² По наблюдениям Х. Аурас реальное значение часто может приобретать и эмоциональный, и символический оттенок. Одним из источников этого процесса является символика цвета, находящаяся в каждом языке.

Конкретный анализ произведений также ведется в систематизированном виде. В центре внимания Х. Аурас остается метафора. При этом она опирается на работы немецких исследователей. Как на это указывает Б. Мейлах, «в немецких работах метафоры

¹ П. Выходцев, Народно-поэтические традиции в творчестве С. Есенина: Русская литература 1961, 3: 123.

² А. Марченко, «Золотая словесная гряда...»: Вопросы литературы 1959, 1: 111.

детально расписаны по самым различным рубрикам, например, по связи с миром животных и растительным миром, по связи с ассоциациями звука, цвета и запаха, по связи с различными временами года, с различными состояниями человека и т. д.»³ Х. Аураc берет наиболее характерное для Есенина. В главе «Сельско-крестьянские образы» она различает образы предметного мира, животного и растительного царства, определяя их функцию в отдельности и в сопоставлении с вариантами. Несмотря на то, что частные наблюдения порой уводят автора далеко от Есенина, в том числе и в область немецкой поэзии, где она находит с есенинскими сходные мотивы, образный мир поэта рассматривается в работе Х. Аураc многосторонне.

В книге не получил разрешения и детального освещения целый ряд важных проблем поэтики Есенина. Однако Х. Аураc поставила себе целью исследовать прежде всего образную систему поэта. Но вопросам жанров, а также синтаксиса и интонации есенинского стиха она посвятила отдельную главу. Так как работа Х. Аураc о Есенине не входит в ряд работ монографического характера, мы не вправе упрекать ее в том, что последний период творчества поэта остался менее разработанным.

В свою книгу автор включает и биографию Есенина. Цитатный материал дается на русском языке с привлечением подстрочного перевода.

В. Легради

HANS ROOS, A History of Modern Poland. From the foundation of the state in the first World War to the present day. London, Eyre and Spottiswoode, (1966), XII, 303 p.

Г. Рос, профессор Института истории и краеведения Восточной Европы при университете г. Тюбинген, является специалистом по истории Польши XX в.; в 1957 г. он выпустил объемистый сборник статей, посвященный вопросам внешней политики Польши в 30-х гг. Его рецензируемая книга вышла первоначально в 1961 г. в Штутгарте под названием *Geschichte der polnischen Nation 1916—1960*. Английское издание по сравнению с ней является дополненным, оно охватывает и историю первой половины 60-х годов. (Именно поэтому мы и берем за основу рецензии не подлинник, а его перевод на английский язык). Это на самом деле первый, вышедший на каком-либо из западно-европейских языках, труд, который представляет новейшую — по нашим понятиям — историю Польши сравнительно полно. Польская историография, правда, вскрывала много частных проблем в связи с данной эпохой; наряду с журнальными статьями выходили и отдельные тома сборников, посвященных истории Польши между двумя мировыми войнами, во время второй мировой войны и после освобождения; касающиеся указанной эпохи разделы многотомного синтеза, Истории Польши — которая первоначально планировалась как университетский учебник, но вышла за рамки учебного пособия — еще не увидели свет, более частные же обобщения трактуют только период до освобождения, а развитие страны после 1944 г. рассматривается лишь до конца сороковых годов. Только третий том Истории Польши, изданной Институтом славяноведения Академии наук СССР излагает историю Польши в период между двумя мировыми войнами и в эпоху второй мировой войны более подробно, чем труд профессора Г. Рос. Выпущенная в качестве дополнения История народной Польши освещает вопросы развития страны со дня освобождения, но ни первая, ни вторая книга не доступны публике, читающей на западных языках. Труд профессора Г. Рос уже и с этой точки зрения очень полезный.

³ Б. Мейлах, Метафора как элемент художественной системы. Вопросы литературы и эстетики. Ленинград 1958, 196.

Особой положительной стороной книги следует считать тот факт, что в ней лишь в очень незначительной мере проступают следы «немецкой пристрастности», в том случае, например, когда автор неоднократно указывает на подавленность немецкого национального меньшинства в Польше, которая усиливается особенно к лету 1939 г. и, по словам автора, приводит к кровавым перегибам. В то же время автор не отрицает факта насильственной германизации имевшей место на польских территориях, принадлежавших до 1918 г. к Пруссии; он в полной мере осуждает зверства гитлеристов и отмечает, что эти зверства восстановили против немцев и польское общество (мы бы сказали скорее — господствующие классы), которое после первого потрясения ждало от немцев поддержания «порядка». Он тут же прибавляет, что против варварского ареста всего профессорско-преподавательского состава Краковского университета протестовали даже немецкие профессора. Относительно населения западных районов, возвращенных Польше, автор придерживается мнения, согласно которому это двуязычное, говорящее на польском и на немецком языках, население в нашу эпоху уже должно считаться немецкой национальностью, что, пожалуй, не обязательно так. Одно все же несомненно: в национальном самосознании, в определении своей национальной принадлежности у народов, живших на территории бывшего Польского государства, бывают странные случаи, которые западному читателю, конечно, непонятны. Приведем хотя бы один пример. Генерал Шептицкий — поляк, его родной брат, львовский греко-католический епископ, Шептицкий — украинец. Или братья Ивановские, из которых один был в период между двумя мировыми войнами министром в Польше, другой стал белорусским националистическим политиком Ивановским, третий же носил имя Иванаускас и был профессором-литовцем. Рецензент-венгр, который мог бы привести много сходных примеров из истории Венгрии, видит в этом, совсем не удивительном для него, факте лишнее доказательство того, насколько близки, даже тождественны проблемы, поставленные историческим развитием восточно-европейских стран.

История Польши описывается в книге в восьми главах: первая излагает предтечи и развитие во время первой мировой войны, вторая — вооруженную борьбу за границы возрожденной Польши, третья — внутреннее развитие Польши — парламентарной республики до 1926 г., до переворота Пилсудского; четвертая — эру Пилсудского (1926—1935); пятая представляет Польшу, авторитарное государство, от новой конституции до распада; шестая — развитие страны во время второй мировой войны; а две последние главы — развитие страны после освобождения с 1945 до октября 1956 г., а затем — до 1965 г. Эта последняя глава, конечно, содержит скорее описание положения, в отличие от предыдущих, изображающих последовательное развитие. Автор довольно подробно останавливается на предтечах и на периоде образования республики; двум первым главам, в сопоставлении с другими, отводится больше всего места. Однако, сравнительно детально описывается и развитие страны после освобождения. Этому разделу посвящено восемьдесят страниц, больше даже, чем периоду между двумя мировыми войнами. Третью, четвертую и пятую главы стоило бы еще несколько расширить.

Во введении автор обещает, что он впоследствии будет уделять внимание не только истории политики и дипломатии, а будет показывать также и общественное развитие и политические идеи. Это обещание, к сожалению, реализуется на деле лишь частично. При характеристике автор ограничивается скорее выявлением «подоплеки» политики, хотя, конечно, и это лучше, чем если бы он только перечислял политические события. Политические же идеи излагаются в основном лишь в части, посвященной периоду после освобождения, при этом заостряется вопрос об идеологических направлениях, противопоставлявших себя государственной власти. Не надо даже быть марксистом, чтобы читатель потребовал от книги под таким заглавием (кстати, заглавие, сформулированное на английском языке, кажется более удачным, чем несколько патетическое немецкое), чтобы

она содержала хотя бы важнейшие указания об экономическом развитии страны, но автор в этом отношении ограничивается кратчайшими ссылками. Если он и приводит важнейшие черты культурного развития страны в период после освобождения (подчеркивая, как отмечалось выше, оппозиционные направления), то это стоило бы внимания и в отношении периода между двумя мировыми войнами, примеров оппозиционной настроенности здесь нашлось бы не меньше.

Автору — если он об этом и не говорит прямо — хотелось бы видеть Польшу в том виде, в котором ее представлял Пилсудский, то есть как федеративную разновидность многонациональной Речи Посполитой. Поэтому он считает несчастьем тот факт, что населенные украинцами, белоруссами и литовцами территории, принадлежавшие в период между двумя мировыми войнами к Польше, не были ей возвращены после освобождения. (То, что в книге не рассматривается дальнейшее развитие областей, присоединившихся в октябре 1939 г. к Советскому Союзу, автор объясняет только нехваткой места). Но в то же время он сам отмечает, что Пилсудский не смог реализовать свои, обновляющие политику Ягеллонов, соображения из-за национализма национальных демократов и что Польша была между двумя мировыми войнами многонациональным государством, не знавшим, однако, федерации и территориальной автономии и декларировавшей себя строго однопольской страной, проповедуя при этом соответствующую идеологию. Если же польское государство желает оставаться однопольским, то решение, принятое после второй мировой войны, все-таки самое подходящее. Осуществление этого решения, конечно, сопровождалось выселением значительного числа немцев, о котором автор, будучи немцем, пишет с достойной уважения сдержанностью, без даже скрытых между строк, реваншистских ноток.

Выдвижение на первый план истории политических событий, например, подробное исследование партий, работавших в период между двумя мировыми войнами легально, заставляет автора приписывать Польской Социалистической Партии (ППС) большее, чем это правомерно, значение. Так же он расценивает роль буржуазно-националистического направления, восходящего к национал-демократической партии Польского королевства и выступавшего впоследствии под все новыми названиями и в период между двумя мировыми войнами, и при создании государства. Соответственно этому автор совершенно оставляет без внимания воздействие Октябрьской революции, позицию советской страны по вопросу независимости Польши. Правда, в данный момент территория Польши была оккупирована центральными державами, советская декларация о независимости ее не меняла фактического положения вещей: советское государство признало полную независимость территории, не находившейся в тот момент под его господством. Однако, воздействие данной декларации на революционное крыло польского рабочего движения, которое до этого с безразличием относилось к вопросу национальной независимости Польши, является немаловажным фактором развития. Этот же подход, сосредоточивающий внимание на политической жизни, протекавшей на поверхности, приводит к преувеличению роли Пилсудского, который изображается чуть ли не как единственный создатель польского государства, единственный деятель, который и в период между двумя мировыми войнами, вплоть до своей смерти правильно распознавал предстоявшие задачи и, по мере возможности, развивал свою деятельность согласно этому. Хотя автор не замалчивает изменение в характере Пилсудского — заострение этого «революционера» и бывшего организатора нерегулярных войск, но он все же фальсифицирует реальную картину, изображая Пилсудского в основном положительной фигурой, к тому же преувеличивает значение его личности, не показывая классовых сил, стоявших за режимом Пилсудского.

В связи с отображением событий, наступивших во время второй мировой войны и после нее, мы должны сказать: в практике буржуазных историков не безысцелен, но в

случае нашего автора, вообще (напр., при показе немецко-польских соотношений) искренне стремившегося к объективности, достоин сожаления тот факт, что он в названный период обращает внимание только на ошибки, а положительных сторон не хочет замечать. Заявление, например, о том, что польская интеллигенция ссылалась в 1949—1950 гг. на положение в XVIII в. — когда на польский престол король был возведен уполномоченными царя —, как на историческую аналогию в представленной автором форме, конечно, является натяжкой, но все-таки содержит известное рациональное зерно. Значительная доля правды кроется и в утверждении автора о том, что народная Польша стала на сторону Советского Союза и из-за вновь возвращенных польских территорий. Не следует, однако, забывать, что это произошло не только по данной причине: большой и весьма горький исторический опыт успел уже доказать, что Польше угрожает серьезная опасность только со стороны Германии и что в деле предотвращения ее Польша может опираться исключительно на СССР. Автору, далее, при указании на трудности внутреннего развития не следовало бы обойти молчанием и достижения, экономическое развитие, преобразование общества, решени аграрного вопроса, успехи культурной революции. Или: видеть в идейном брожении Польши оппозицию режиму, а не желание улучшить его — пусть иногда и не без заблуждений и перетяжек —, значит рассматривать вопрос под неправильным углом зрения.

Число примеров и контраргументов можно было бы еще увеличить, но и приведенных кажется достаточно для иллюстрации того, что автор в названных двух последних главах показал лишь некоторые черты действительности, другие он оставил без внимания, а это неизбежно привело к искажениям. Суммируя общее впечатление, вызванное книгой, мы должны сказать, что она, несмотря на указавшиеся недостатки, все же работа не безынтересная.

В конце книги дается краткая, на трех страницах, библиография. Относительно нее автор делает предварительную оговорку, согласно которой он, имея в виду читателей, не знающих польский язык, включает по возможности только литературу на западных языках. Две-три работы польских авторов все-таки пришлось перечислить, или из-за их важности, или потому, что по данной проблеме западной литературы нет. Исходя из этого автору стоило бы дополнить библиографию новейшими работами на польском языке. Он мог бы найти журнальные статьи даже на западных языках, вышедшие в Польше и опирающиеся на результаты новейших исследований. С подобным дополнением библиография оказалась бы более полезной и уравновесила бы не совсем соответствующие действительности места в двух последних главах.

Э. Нидерхаузер

Обиходъ нотнаго пѣнія употребительныхъ церковныхъ распѣвовъ. Photomechanische Reproduktion der Moskauer Ausgabe von 1909. Hg. von dem *Centro di Studi Bizantini*, Cureglia (Schweiz), unter der Direktion der Benediktiner von Cureglia und Chevetogne, 1966, 340 S.

Als Kaiser Theodosius im Jahre 395 das römische Imperium in ein Ost- und ein Weströmisches Reich teilte, dürfte er kaum geahnt haben, daß er damit Europa für Jahrtausende entzweite. Seither gingen Ost und West eigene Wege.

Die Hauptstädte der beiden Reiche, Byzanz und Rom wurden zu kulturellen Strahlungszentren der Kultur. Aber die große geographische Entfernung zwischen den Hauptstädten, die verschiedenen geschichtlichen Gegebenheiten, die eigenartige Zusammensetzung der Bevölkerung, die alten Traditionen und viele andere Umstände ergaben, daß das kulturelle Bild der beiden Reiche sich immer mehr voneinander unterschied.

Sogar selbst das Christentum entwickelte sich auf verschiedener Weise im Ost- und im Weströmischen Reich.

Uns interessiert jetzt die grundlegendste Unterscheidung, die auf den kulturellen Verschiedenheiten beruht. Da die europäischen Völker die höhere Kultur überall zusammen mit dem Christentum übernahmen, gestaltete sich die kulturelle Landkarte Ost- und Westeuropas danach, wie weit die Wirksamkeit der römischen, und die der byzantinischen Missionäre sich erstreckte.

In Zusammenhang mit der Besprechung des *Obichod Notnago Penija* beschäftigen wir uns nur mit der alten Kirchenmusik. Der byzantinische Kirchengesang ist ebenso ein Erbe des hebräisch-jüdischen Gesanges unter starker hellenistischer Einwirkung wie in Rom der gregorianische Gesang.

Die byzantinischen Missionäre haben im 9. Jh. ihre byzantinische Liturgie und ihren Gesang in altslawischer bzw. kirchenslawischer Übersetzung unter den slawischen Völkern des Balkans (Bulgaren und Serben) wie auch unter den Rumänen verbreitet. Als sie dann Ende des 10. Jh.s auf russisches Gebiet vordrangen, machten sie auch dort die auf dem Balkan schon ausgestaltete altslawische Liturgie geltend, aber gemischt mit gewisser byzantinischer Einwirkung. So entwickelte sich in Rußland eine eigenartig russische Liturgie und Gesangsweise, und zwar auf byzantinischem Grund, doch durch die altslawische (balkanische) Liturgie stark beeinflusst.

Dieser alte russische Kirchengesang ist der sog. *Znamenny Rospjew*. Zur Aufzeichnung seiner Melodien wurden vom Beginn des 11. Jh. an eigenartige russische Neumen (*krjuki-Notation*) benützt, die die Noten ohne Liniensystem (*in campo aperto*) anzeigten, ebenso wie im Westen die Neumen den gregorianischen Choralgesang. Die russischen Neumen bildeten wohl ein komplizierteres System als die gregorianischen Neumen, fixierten jedoch die Tonhöhe, den Rythmus und die Vortragsweise genauer. Ihre Auslegung konnte nur durch eine ununterbrochene Überlieferung aufrechterhalten werden.

Als im Jahre 1772 der russische Kirchengesang kodifiziert, und diese Kodifikation von der St. Petersburger Synodalen Druckerei gedruckt wurde, führte man die Gesänge nicht mehr *in campo aperto* mit Neumen, sondern auf einem fünfzeiligen Liniensystem mit quadratischer Notenschrift (Quadratnotation) an. Diese Notation weicht aber von der gregorianischen *Notatio quadrata* ab, und taucht zum erstenmal 1700 in einem in Lemberg herausgegebenen Hirmologion auf. Sie wurde in der Petersburger Ausgabe des *Obichod* (1772) verwendet. Diese Ausgabe erschien dann wiederholt bis 1917.

Die quadratische Notenschrift hatte das Singen den Sängern wohl sehr erleichtert, konnte aber die Vortragsart nicht so genau zeichnen, wie es die alte *Kryjuki-Notation* (*in campo aperto*) vermochte. So hätte die authentische Vortragsweise verloren gehen können. Glücklicherweise wurde aber die Petersburger Ausgabe auf dem Lande nicht überall eingeführt, sondern die alten Neumen-Kodizes blieben weiterhin im Gebrauch. Diese lebendige Tradition sicherte die richtige und herkömmliche Auslegung und Vortragsart der Ausgabe von 1772.

Gegen Ende des 19. Jh.s wurden die neueren Ausgaben mit der lebendigen Tradition der Neumenhandschriften sorgfältig verglichen, und so gelang es, die russische Gesangsart des 15—17. Jh.s ziemlich authentisch festzustellen.

Es war bisher nicht möglich, die uralte Gesangsweise der aus dem 10—14. Jh. stammenden Kodizes zu enträtseln. Die lebendige Tradition greift nämlich nur bis zum 15. Jh. zurück. Die Gesangspraxis des 15. Jh.s ist aber nach Zeugnis der Handschriften eine schon entwickelte Form des früheren, sogar uralten russischen Kirchengesanges.

Der *Obichod Notnago Penija*, den wir jetzt besprechen, ist eine photomechanische Reproduktion der Moskauer Ausgabe von 1909.

Vor dem reproduzierten Gesangbuch steht eine längere Einleitung in russischer Sprache, mit einer Zusammenfassung in englischer, französischer und deutscher Sprache (SS. 5—17).

Der erste Teil des Buches (SS. 23—224) enthält die zwei Tagesgebete (*Vesper* und die *Laudes-Utrenja*) der russischen Kirche, der zweite Teil (SS. 225—328) die Gesänge der Messe (der *Liturgie*). Im Anhang (SS. 329—340) folgen einige Gesänge des Sonntagsgottesdienstes nach bulgarischer Melodie.

Unter den Gesängen sind drei verschiedene Gesangsarten zu unterscheiden: a) Die älteste ist die »Neumengesangsart«, welche nach der lebendigen Tradition und aufgrund vermittelt der Neumenhandschriften gegen Ende des 19. Jh.s restauriert wurde. (Siehe oben!) Diese ist die wertvollste Schicht der ganzen Gesangsammlung; — b) Die zweite ist die Kiever Gesangsart, die von den Sängern aus der damaligen Ukraine Mitte des 17. Jh.s nach Rußland gebracht wurde. Der Melodienschatz des Kiever Gesanges scheint durch die europäische Dur-Tonalität beeinflußt zu sein; — c) Die griechische Gesangsart wurde gleichzeitig mit der Kiever zum Teil von ukrainischen, zum Teil von griechischen Sängern nach Moskau gebracht. Dieser griechische Gesang hat aber mit dem antiken, authentischen griechischen Kirchengesang außer dem Namen nicht mehr viel gemein.

Charakteristisch für alle drei Gesangsarten ist die mit kleinen Tonintervallen, sogar mit Sekundschritten weitergehende Melodienbildung. Darum sind diese Gesänge sehr leicht zu singen.

Das Tonsystem des altrussischen Kirchengesanges zeigt eine ferne Verwandtschaft mit der alten Schicht des römischen gregorianischen Chorals, obgleich die zwei Repertorien keine gemeinsame Melodie haben. Die Verwandtschaft liegt darin, daß die melodienbildende musikalische Einheit nicht die Oktavskala ist, sondern der sogenannte indo-germanische Hexachord. Dieser Hexachord kann auf der Tonleiter an drei Stellen angebracht werden: G A H c d e; — c d e f g a — und f g a b c' d'. Die Töne der drei Hexachorden (von G bis d' = 12 Töne) bilden das Tonmaterial (Tonleiter) des musikalischen Systems der russischen Kirchenmusik.

Bis zum 17. Jh. war die russische Kirchenmusik einstimmig. Seit Mitte des 17. Jh.s fängt man an die Gesänge aus der einstimmigen Petersburger Ausgabe mehrstimmig zu singen. Diese Mehrstimmigkeit war aber dem mittelalterlichen Organum und Gymel ähnlich sehr primitiv. Die erste Stimme sang die im Buch stehende Melodie (als Cantus firmus). Diese wurde von der zweiten Stimme in oberen (selber unteren) Terzparallel begleitet. Die dritte Stimme suchte die Grundtöne der von den Oberstimmen gebildeten Akkorde. War noch eine vierte Stimme vorhanden, so sang sie einen Ton der angedeuteten Harmonie.

Außer dieser Mehrstimmigkeit bearbeiteten die großen russischen Komponisten (Čajkovskij, Rachmaninov u. a.) die alten liturgischen Melodien auf verschiedene Weise.

Der stark hervortretende Hexachord-Charakter des musikalischen Aufbaues des russischen Kirchengesanges kann bei den noch ungeklärten Fragen der frühen europäischen Musikgeschichte viele Probleme erhellen. Im Gregorianum ist die grundlegende Rolle des Hexachords noch nicht vollständig aufgearbeitet. Auch bei der Geburt des europäischen Volkliedes war der Hexachord von großer Bedeutung. Das eingehendere Studium des alten russischen Kirchengesanges kann daher bei den weiteren Lösungen von großer Hilfe sein.

Wir begrüßen es daher mit Freude, daß ein Teil des alten russischen Gesangmaterials durch diese Ausgabe den Musikhistorikern und Musikologen leicht zugänglich wurde.

K. Szigeti

Béla Sulán

1916—1968

Nach langem Leiden verschied im besten Mannesalter Béla Sulán, emeritierter Professor der Slawistik an der Universität Debrecin. Kollegen und Freunde betrauern in ihm den gewissenhaften Lehrer, den verdienstvollen Forscher und den rührigen Organisator.

Er wurde i. J. 1916 in Rosenau (Rozsnyó, Rožňava in Oberungarn, in der heutigen Slowakei) geboren. Die Mittelschule besuchte er in seiner Heimatstadt, die Universität in Prag und in Budapest. Nach einigen Jahren Schuldienst wurde er im zweiten Weltkrieg (1943) zum Militär einberufen, geriet in sowjetische Kriegsgefangenschaft (1945) und kehrte erst 1948 in seine Heimat zurück.

Zuerst kam er als Angestellter in die Ungarische Nationalbibliothek (1948), dann (1949) in das Forschungsinstitut für Osteuropa. 1950 wurde er wissenschaftlicher Mitarbeiter des Instituts für Sprachwissenschaft, und ein Jahr später wurde er zum Fachsekretär der Sektion I der Ungarischen Akademie der Wissenschaften ernannt. Noch in demselben Jahr übernahm er die Leitung des administrativen Bureaus der Ung. Akademie.

Von 1952 bis 1958 war er der Leiter der Sektion für Universitäten und Hochschulen im Ungarischen Unterrichtsministerium, von 1958 an wirkte er als Professor der Slawistik an der philosophischen Fakultät in Debrecin. Von 1959 bis 1963 fungierte er als Rektor derselben Universität. I. J. 1964 erlitt B. Sulán eine schwere Nervenerschütterung, von der er sich nicht mehr ganz erholen konnte. Die Krankheit zwang ihn, die Lehrtätigkeit aufzugeben und sich auch aus dem wissenschaftlichen Leben zurückzuziehen. Von 1966 bis zu seinem Tode arbeitete er in der Ungarischen Nationalbibliothek in Budapest.

In Mittelpunkt des wissenschaftlichen Interesses Suláns standen vorerst grammatische Fragen. In den fünfziger Jahren unterzog Sulán in Anlehnung an Stalins Arbeiten über die Sprache die Traditionen der ungarischen Grammatik einer ziemlich scharfen Kritik. Er wies nach, daß die ungarischen Grammatiker im Grunde der Auffassung von J. Ries folgten und somit dem linguistischen Positivismus huldigten. Sulán forderte eine neue Formulierung der Aufgaben der Grammatik und ihre Abgrenzung einerseits gegenüber der Lexikologie und andererseits gegenüber Disziplinen, die sich zwar mit den Elementen der Sprache beschäftigen, aber nicht die grammatische Struktur der Sprache behandeln. Zu diesen letzteren rechnete er u. a. die Lautlehre. Diese Auffassung fand jedoch bei den ungarischen Sprachforschern keinen günstigen Widerhall.

Weit größeren Erfolg hatte er auf dem Gebiete der Lehnwortforschung. Zusammen mit Gyula Décsy plante er eine Monographie der ungarischen Elemente des Tschechischen. Auf Grund einer zuverlässigen Materialsammlung und mit Heranziehung der einschlägigen Literatur gelang es den Verfassern, eine Reihe von Entlehnungen ausführlich und überzeugend zu behandeln. Die Teilresultate sind in Zeitschriften erschienen. In seiner Arbeit, die er der Ung. Akademie zur Erlangung der Doktorwürde einreichte, bot Sulán eine zusammenfassende Darstellung des kulturgeschichtlichen Hintergrundes und die ausführliche linguistische Bearbeitung der Entlehnungen. Obwohl die Opponenten auf einige Mängel dieser Monographie hinwiesen, wäre sie nach einer gewissen Überarbeitung doch der Veröffentlichung wert. Ähnlicherweise plante B. Sulán auch die monographische Bearbeitung der ungarischen Elemente des Polnischen, aber auf diesem Gebiete kam er über eine kürzere Studie nicht hinaus. Gelegentlich behandelte er auch mittel- und südoeuropäische Wanderwörter, wie etwa die verschiedenen Varianten von ung. *hajdú*. Auch zur Erforschung der slawischen Lehnwörter des Ungarischen steuerte er einige Beiträge bei (*babka, róna*).

Die Beschäftigung mit Lehnwörtern und überhaupt mit Problemen des Wortschatzes führte Sulán zu den allgemeineren Fragen der Zweisprachigkeit, der sprachlichen Berührungen zwischen verwandten und nicht verwandten Völkern, sowie zu der Problematik der Standessprachen und vor allem der verschiedenen Arten des mitteleuropäischen Argots. In mehreren Aufsätzen behandelte er historische Probleme der Lehnwortschichten, sowie Fragen der morphologischen Anpassung des übernommenen Sprachgutes.

Besonders erfolgreich war B. Sulán als Organisator. Bereits als Sekretär der Sektion I der Ung. Akademie der Wissenschaften erwies er den Verfassern des großen Russisch—Ungarischen Wörterbuches durch Anwerbung eines Stabes von Mitarbeitern bedeutende Hilfe. Als Sektionschef im Unterrichtsministerium organisierte er dort eine sprachwissenschaftliche Arbeitsgemeinschaft, regte eine Diskussion über die Probleme der Grammatik an und gab die Beiträge in einem Sammelband heraus. Als Inhaber des Lehrstuhls für Slavistik an der Universität Debrecin gründete er i. J. 1961 das wissenschaftliche Jahrbuch »Slavica«, für das er auch ausländische Mitarbeiter anwarb. Die ersten 5 Bände erschienen unter seiner Redaktion. Für seine Hörer gab er das Studienbuch »Slawische Völker und Sprachen« (in ungarischer Sprache) heraus, für das er gute Mitarbeiter gewinnen konnte.

Mitten in weitsichtigen Plänen bemächtigte sich seiner immer mehr und mehr das heimtückische Nervenleiden, dem er schließlich auch erlag. B. Sulán starb in einem Alter, in dem Wissenschaftler gewöhnlich auf den Höhepunkt ihrer Leistungsfähigkeit gelangen und die Ergebnisse langjähriger Forscherarbeit in ausgereiften Werken niederlegen. Ihm war es nicht beschieden, ein solches Werk im Druck erscheinen zu lassen. Aber auch in der fragmentarischen Form gehören seine Forschungen zu den wertvollen Leistungen der ungarischen Sprachwissenschaft.

L. Hadrovics

Bibliographie der Schriften von Béla Sulán

(Auswahl)

1. Gazdaságtörténeti vonatkozású helynevek Rozsnyó határában. Hospodarsko-dejepisná mená v chotári Rožňavy. Kassa 1943. (Sonderdruck aus Új Magyar Museum, Bd. 3.)
2. Szempontok az *i*-zés vizsgálatához [Untersuchungen über die *i*-Aussprache in den ungarischen Dialekten]: MNy 1 (1951) 3—53.
3. Az új cseh—magyar szótár elé [Das neue tschechisch—ungarische Wörterbuch]: Nyr 78 (1954) 213—217.
4. A cseh szókincs magyar elemeiből: MNy 52 (1956) 310—315; 53 (1957) 160—165. Vgl. Nr. 5.
5. Sur quelques éléments hongrois du vocabulaire tchèque: StSl 3 (1957) 279—298.
6. *Pajtás*: MNy 53 (1957) 480—484. Vgl. Nr. 7.
7. Zum Ursprung und zur Semantik des mitteleuropäischen Wortes *pajdaš* ~ *pajtás*: StSl 4 (1958) 409—415.
8. Das Fortleben des altslawischen Wortstammes *šet-* 'fremere' im Ungarischen: StSl 4 (1958) 404—408.
9. Etymologisches. I. Das slawische *babka* 'anicula' im Ungarischen. II. Zur Herkunft des ungarischen Wortes *róna* 'Ebene': StSl 5 (1959) 153—172.
10. A *t* > *d* hangváltozás kérdéséhez a magyarban [Zur Frage des Lautwandels *t* > *d* im Ungarischen]: MNy 57 (1961) 303—305.
11. A szókölcsönzés kérdéséhez: MNy 57 (1961) 149—154. Vgl. Nr. 12.
12. К вопросу о заимствовании слов: Analele Ştiinţifice ale Universităţii »Al. I. Cuza« din Iaşi, Secţiunea III, Serie Nouă, 6 (1960) 2:47—55.
13. Дало ли венгерское -ó славянское -ov? Sl 1 (1961) 43—54.
14. Zu der Streitfrage über den Ursprung der mittel- bzw. südosteuropäischen Wörter *hajdú* ~ *hajduk* ~ *hajdut* usw. StSl 7 (1961) 177—186.
15. Jegyzetek a nyelvtan tárgyáról és felosztásáról [Bemerkungen über den Gegenstand und die Aufteilung der Grammatik]. In: Nyelvtani Tanulmányok. Budapest 1961, 7—24.

16. Adalékok az argó — különösen a közép-európai argók szókinésének tanulmányozásához: MNy 7 (1961) 59—78. Vgl. Nr. 17.
17. Probleme der Argotforschung in Mitteleuropa. Innsbruck 1963.
18. Jelentéstani jegyzetek. (A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai 104.) Budapest 1962, 14 S. Vgl. Nr. 19.
19. Semasiologische Betrachtungen: Acta Linguistica Hung. 11 (1961) 255—272.
20. K pseudoturceckému etimologickému istolkování některých slov českého slovará: Sl 2 (1962) 109—126.
21. A kétnyelvűség néhány kérdéséhez: MNy 59 (1963) 253—265. Vgl. Nr. 22.
22. Zu einigen Fragen des Bilinguismus. (Auf Grund der Erforschung der Wechselseitigkeit im ungarischen und slawischen Wortschatz): Sl 3 (1963) 3—19.
23. A cseh szókinés magyar elemeiből: MNy 58 (1962) 50—56, 187—192. Vgl. Nr. 24.
24. Les problèmes des éléments hongrois de la langue tchèque: StSl 9 (1963) 9—26.
25. A lengyel szókinés legrégebb magyar jövevényszavai: MNy 60 (1964) 423—427. Vgl. Nr. 26.
26. Über die ältesten ungarischen Lehnwörter des Polnischen: Sl 4 (1964) 131—137.
27. Некоторые замечания по вопросу заимствования слов из неродственных языков: StSl 10 (1964) 169—171.

Redaktionstätigkeit

1. Nyelvtani tanulmányok. A Művelődésügyi Minisztérium Nyelvtudományi Munkaközösségének megbízásából szerkesztette S. B. [Grammatische Studien. Im Auftrage der Sprachwissenschaftlichen Arbeitsgemeinschaft des Unterrichtsministeriums redigiert von B. S.] Budapest 1961.
2. Slavica, 1 (1961) — 5 (1965).
3. Szláv népek és nyelvek [Slawische Völker und Sprachen]. Tankönyvkiadó, Budapest 1962.

Abkürzungen

MNy	= Magyar Nyelv
MNyj	= Magyar Nyelvjárások
Nyr	= Magyar Nyelvtör
Sl	= Slavica
StSl	= Studia Slavica

Славянское языкознание в Венгрии за 1967—68 гг.*

1. Наиболее важным событием обозреваемого периода был VI Международный съезд славистов в Праге (7—13 августа 1968 г.). На нем присутствовало 42 делегата из Венгрии, из которых 30 славистов выступило с докладами. Тексты докладов были опубликованы в XIII томе журнала *Studia Slavica*, посвященном VI съезду славистов. На выставке книг, организованной во время съезда, было выставлено 23 самостоятельных научных труда, вышедших из печати в Венгрии за 1965—1968 гг., и тома за те же годы журналов *Studia Slavica*, *Slavica* (издаваемый Кафедрой славянской филологии при Дебрецком университете им. Л. Кошута) и *Dissertationes Slavicae* (издаваемый Кафедрой русской филологии при Сегедском университете им. А. Йожефа).

2. За отчетный период была защищена И. Шипошем диссертация на соискание ученой степени доктора лингвистических наук на тему «Этапы развития и опыт языкового сосуществования (из истории и опыта венгеро-словацкого языкового сосуществования)». Защита состоялась 26 марта 1968 г. Оппонентами диссертации были проф. В. Шмидлер (ЧССР, Прага), доктор лингв. наук Э. Моор (г. Сегед) и канд. исторических наук Д. Секей (Будапешт). Диссертант изучает свою тему многогранно, освещая многовековой исторический процесс и с синхронической, и с диахронической точки зрения. В историографи-

* Отчет охватывает период от 1 сентября 1967 г. до 31 декабря 1968 г.

ческой части диссертации он подвергает анализу национальные, религиозные, экономические и общественные отношения северной части междуречья Бодрога. При изучении двуязычия автор уделяет внимание процессу заимствования иноязычной лексики и в его свете занимается с другими изменениями в заимствующем языке, вызванными языком-источником. К диссертации приложен сопоставительный словарь юговосточной ветви восточнословацкого диалекта, в котором автор сопоставляет слова венгерским, польским, украинским и немецким словам. Для дальнейших исследований тоже очень полезен список аффиксальных элементов, свидетельствующий о том влиянии, которое оказал венгерский язык на грамматическую систему данного словацкого говора. В диссертации имеется и богатый материал по ономастике, включая и географические названия, и личные имена. Автор, с детства хорошо зная данную область и владея обоими языками, дает глубокий анализ особенностей внутриязыковых сдвигов, наступивших в результате языкового сосуществования названных национальностей. Итоги диссертации могут послужить стимулом к дальнейшему исследованию проблем двуязычия.

3. За обозреваемый период в нашей стране пребывали следующие иностранные слависты:

В сентябре 1967 г. проф. Д. Кранджалов (ЧССР, Оломоуц) посетил Институт языкознания ВАН.

В октябре по приглашению Будапештского университета им. Л. Этвеша приехал в Венгрию акад. П. М. Алексеев. На историко-филологическом факультете им был прочитан доклад «Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия». На торжественном заседании 9 октября 1967 г. ректор университета вручил академику М. П. Алексееву диплом о присвоении звания почетного доктора, присужденного ему советом университета за выдающуюся деятельность в области сравнительного изучения истории литературы и исследования истории мировой литературы, а также за укрепление научного сотрудничества между учеными СССР и ВНР.

Также в октябре 1967 г. побывал в Будапеште проф. Р. Ружичка (ГДР, Лейпциг) и посетил Кафедру русской филологии при университете им. Л. Этвеша.

В 1967—1968 учебном году старший преподаватель Киевского гос. университета им. Т. Г. Шевченко А. М. Короткова читала лекции и вела семинары по современному русскому языку для студентов-русистов дневного отделения в Будапештском университете.

В октябре и ноябре 1967 г. ассистент К. Ракебрандт (ГДР, Берлин) провел месяц на Кафедре славянской филологии при Будапештском университете, где он изучал фонетические проблемы славянских заимствований в венгерском языке.

Осенью 1967 г. Ст. Стаховский (Польша) провел три месяца в Венгрии и собирал материалы к теме о тюркских заимствованиях в польском языке.

В декабре 1967 г. сотрудники Института чешского языка ЧСАН Мирослава Кнаппова и Й. Пруха побывали в Будапеште. В Институте языкознания ВАН М. Кнаппова прочла доклад на тему о принципах и методах культуры речи на материале чешского языка.

В июне 1968 г. по приглашению ВАН пребывали в Венгрии акад. М. В. Храпченко, секретарь Отделения литературы и языка АН СССР и член-корр. Ф. П. Филин, директор Института языкознания АН СССР. Оба они посетили Кафедру русской филологии при Будапештском университете им. Л. Этвеша, где они встретились и обменялись мнениями с заведующим кафедрой Э. Балецким. В Институте языкознания ВАН Ф. П. Филин выступил с докладом «Состояние и задачи советского языкознания».

В том же месяце проф. Й. Хамм и ассистент Г. Невекловский (Вена) собирали материалы по хорватским говорам в Западной Венгрии.

По приглашению Кафедры иностранных языков при Экономическом университете им. К. Маркса заместитель директора Научно-методического центра при МГУ Е. Сулова побывала в Будапеште и посетила Кафедру русской филологии при университете им. Л. Этвеша, где она вела переговоры относительно сотрудничества между Научно-методическим центром и кафедрой.

По приглашению Эгерского педагогического института пребывал в Венгрии А. В. Бондарко. Он посетил и Кафедру русской филологии при Будапештском университете и прочел доклад в Институте языкознания ВАН.

В июле 1968 г. преподаватели подготовительного факультета при Киевском университете им. Т. Г. Шевченко, находясь две недели в Венгрии, посетили Кафедру русской филологии при Будапештском университете и вели беседу с заведующим кафедрой Э. Балецким.

В 1968—1969 учебном году канд. филологических наук, доцент ЛГУ А. И. Моисеев читает лекции по лексикологии, словообразованию и морфологии, ведет семинары по

морфологии современного русского языка для студентов-русистов дневного и вечернего отделений в Будапештском университете им. Л. Этвеша.

4. В Варшаве на заседании Комиссии поэтики и стилистики VI Международного съезда славистов (8–10 апреля 1968 г.) присутствовали венгерские слависты. Доктор лингв. наук *Л. Гальди* выступил с докладом «Стилистика и поэтика», а канд. лингв. наук *М. Петер* прочитал доклад на тему «О состоянии и задачах изучения стилистики славянских языков в Венгрии».

5. В секции славистики Венгерского лингвистического общества за истекший период были прочитаны следующие доклады:

13 февраля 1968 г. канд. лингв. наук *Л. Киш* выступил с докладом «Венгерские названия славянского происхождения видов винограда и вина». Он занимался между прочим происхождением венгерских слов *szamorodni*, *hárslevelű*, *dinka*, *zelenec*, *drapák* и *vinkó*. При этимологизации славянских заимствований он опирался на данные лингвистической географии и истории слов.

14 мая им же был прочитан доклад о новых исследованиях в области славянской гидронимики (см. стр. 1).

29 октября 1968 г. член-корр. ВАН *Л. Хадрович* прочел доклад «Проблемы современного словенского литературного языка».

6. В июне и декабре 1968 г. Филологический комитет при ВАН и Министерстве просвещения и культуры обсудил положение и задачи современного венгерского славяноведения. Докладчиком был Э. Балецкий.

А. Холлош

INDEX

<i>Kiss, L.</i> : Die neuere slawische Hydronymik	1
<i>Адамик, Т.</i> : Синтаксическое освоение заимствованных слов в русском языке	25
<i>Дэже, Л.</i> : Материалы к исторической диалектологии закарпатских говоров	45
<i>Gregor, F.</i> : Slowakische Elemente im Bistritzer Glossar?	73
<i>Peukert, H.</i> : Zum Bildparallelismus in der russischen Volkslyrik	87
<i>Fried, I.</i> : Die Rezeption der südslawischen Volksdichtung in der Literatur der ungarischen Aufklärung	103
<i>Тетенц, М.</i> : «Дело Артамоновых» М. Горького и «Господа Головлевы» Н. Щедрина	119

Miscellanea

<i>Ройзензон, Л. И.</i> : Заметки о германо-славянской интерференции в области глагола	131
<i>Моусеев, А. И.</i> : Слово и его «соседи»	136
<i>Dubiński, A.</i> : Über die slawischen Einflüsse in der karaimischen Sprache	139
<i>Секей, Н.</i> : Забытая статья А. Белого	144

Critica et bibliographia

<i>Balázs, J.</i> : Hussens Traktat »Orthographia Bohemica«	151
<i>X. Tom, И.</i> : Balezcky E.—Hollós A., Ószláv nyelv	156
<i>Hadrovics, L.</i> : J. Hamm, Grammatik der Serbokroatischen Sprache	159
<i>Fried, I.</i> : Aktuelle Probleme der vergleichenden Literaturforschung	161
<i>Легради, В.</i> : Chr. Auras, Sergej Esenin	163
<i>Нудерхаузер, Э.</i> : H. Roos, A History of Modern Poland	164
<i>Szigeti, K.</i> : Обиходъ нотнаго пѣнія	167

Chronica

<i>Hadrovics, L.</i> : Béla Sulán (1916—1968)	171
<i>Холлош, А.</i> : Славянское языкознание в Венгрии за 1967—1968 гг.	173

Printed in Hungary

A kiadásért felel az Akadémiai Kiadó igazgatója

Műszaki szerkesztő: Farkas Sándor

A kézirat nyomdába érkezett: 1969. IV. 21. — Terjedelem: 15,25 (A/5) ív

69.87527 Akadémiai Nyomda, Budapest — Felelős vezető: Bernát György

MAGYAR
TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
KÖNYVTÁRA

Les *Studia Slavica* paraissent en langues slaves, de même qu'un français, anglais et allemand et publient des travaux du domaine de la slavistique.

Les *Studia Slavica* sont publiés sous forme de fascicules qui seront réunis en volumes de 400—500 pages. Les volumes paraissent annuellement.

On est prié d'envoyer les manuscrits destinés à la rédaction à l'adresse suivante:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

Toute correspondance doit être envoyée à cette même adresse.

Le prix de l'abonnement est de 165 forints par volume.

On peut s'abonner à l'Entreprise pour le Commerce Extérieur de Livres et Journaux «*Kultúra*» (Budapest I., Fő utca 32. Compte-courant No. 43-790-057-181) ou à l'étranger chez tous les représentants ou dépositaires.

The *Studia Slavica* publish papers on slavistics in Slavonic languages, in English, French and German.

The *Studia Slavica* appear in fasciculi of varying size, making up volumes (400—500 pp.). The volumes are published yearly.

Manuscripts should be addressed to:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

Correspondence with the editors or publishers should be sent to the same address.

The rate of subscription is 165 forint a volume. Orders may be placed with "Kultúra" Foreign Trade Company for Books and Newspapers (Budapest I., Fő utca 32. Account No. 34-790-057-181) or with representatives abroad.

Die *Studia Slavica* veröffentlichen Abhandlungen aus dem Bereiche der Slawistik, sowohl in slawischen Sprachen als auch deutsch, französisch und englisch.

Die *Studia Slavica* erscheinen in Heften wechselnden Umfangs. Mehrere Hefte bilden einen 400—500 seitigen Band. Die Bände werden jährlich herausgegeben.

Die zur Veröffentlichung bestimmten Manuskripte sind an folgende Anschrift zu senden:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

An die gleiche Anschrift ist auch jede für die Redaktion bestimmte Korrespondenz zu richten.

Abonnementspreis pro Band: 165 forint. Bestellbar bei dem Buch- und Zeitungs-Außenhandels-Unternehmen »Kultúra« (Budapest I., Fő utca 32. Bankkonto Nr. 43-790-057-181) oder bei seinen Auslandsvertretungen und Kommissionären.

Reviews of the Hungarian Academy of Sciences are obtainable
at the following addresses:

ALBANIA

Ndërmarrja Shtetnore e Botimeve
Tirana

AUSTRALIA

A. Keesing
Box 4886, GPO
Sydney

AUSTRIA

Globus Buchvertrieb
Salzgries 16
Wien I

BELGIUM

Office International de Librairie
30, Avenue Marnix
Bruxelles 5
Du Monde Entier
5, Place St. Jean
Bruxelles

BULGARIA

Raznoiznos
1, Tzar Assen
Sofia

CANADA

Pannonia Books
2, Spadina Road
Toronto 4, Ont.

CHINA

Waiwen Shudian
Peking
P. O. B. 88

CZECHOSLOVAKIA

Artia
Ve Smečkách 30
Praha 2
Poštovní Novinová Služba
Dovoz tisku
Vinohradská 46
Praha 2
Maďarská Kultura
Václavské nám. 2
Praha I
Poštová Novinová Služba
Dovoz tlače
Leningradská 14
Bratislava

DENMARK

Ejnar Munksgaard
Nørregade 6
Copenhagen

FINLAND

Akateeminen Kirjakauppa
Keskuskatu 2
Helsinki

FRANCE

Office International de Documentation
et Librairie
48, rue Gay Lussac
Paris 5

GERMAN DEMOCRATIC REPUBLIC

Deutscher Buch-Export und Import
Leninstraße 16
Leipzig 701
Zeitungsvertriebsamt
Fruchtstrasse 3-4
1004 Berlin

GERMAN FEDERAL REPUBLIC

Kunst und Wissen
Erich Bieber
Postfach 46
7 Stuttgart S.

GREAT BRITAIN

Collet's Holdings Ltd.
Dennington Estate
London Rd.
Wellingborough, Northants.
Robert Maxwell and Co. Ltd.
Waynflete Bldg. The Plain
Oxford

HOLLAND

Swetz and Zeitlinger
Keizersgracht 471-487
Amsterdam C
Martinus Nijhof
Lange Voorhout 9
The Hague

INDIA

Current Technical Literature
Co. Private Ltd.
India House OPP
GPO Post Box 1374
Bombay I

ITALY

Santo Vanasia
Via M. Macchi 71
Milano
Libreria Commissionaria Sansoni
Via La Marmora 45
Firenze

JAPAN

Nauka Ltd.
92, Ikebukuro O-Higashi 1-chome
Toshima-ku
Tokyo
Maruzen and Co. Ltd.
P. O. Box 605
Tokyo-Central
Far Eastern Booksellers
Kanda P. O. Box 72
Tokyo

KOREA

Chulpanmul
Phenjan

NORWAY

Johan Grundt Tanum
Karl Johansgatan 43
Oslo

POLAND

RUCH
ul. Wronia 23
Warszawa

ROUMANIA

Cartimex
Str. Aristide Briand 14-18
București

SOVIET UNION

Mezhdunarodnaya Kniga
Moscow G-200

SWEDEN

Almqvist and Wiksell
Gamla Brogatan 26
Stockholm

USA

Stechert Hafer Inc.
31, East 10th Street
New York, N. Y. 10003
Walter J. Johnson
111, Fifth Avenue
New York, N. Y. 10003

VIETNAM

Xunhasaba
19, Tran Quoc Toan
Hanoi

YUGOSLAVIA

Forum
Vojvode Mišića broj 1
Novi Sad
Jugoslovenska Knjiga
Terazije 27
Beograd

207.222 811

STUDIA SLAVICA

ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE

ADIUVANTIBUS

E. BAŁECZKY, L. DOBOSSY, P. KIRÁLY,
L. KISS, I. SIPOS

REDIGIT

L. HADROVICS

TOMUS XV

FASCICULI 3-4

AKADÉMIAI KIADÓ, BUDAPEST
1969

STUD. SLAV. HUNG.

STUDIA SLAVICA

A MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
NYELV- ÉS IRODALOMTUDOMÁNYI
OSZTÁLYÁNAK KÖZLEMÉNYEI

SZERKESZTŐSÉG ÉS KIADÓHIVATAL: BUDAPEST V., ALKOTMÁNY U. 21.

A *Studia Slavica* szláv és egyéb nyelveken közöl értekezéseket a szlavisztika tárgyköréből.

A *Studia Slavica* változó terjedelmű füzetekben jelenik meg, több füzet alkot egy kb. 20—30 íves kötetet. Évente általában egy kötet jelenik meg.

A közlésre szánt kéziratok a következő címre küldendők:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

Ugyanerre a címre küldendő minden szerkesztőségi levelezés.

A *Studia Slavica* előfizetési ára kötetenként belföldre 120 Ft, külföldre 165 Ft. Megrendelhető a belföld számára az „Akadémiai Kiadó”-nál (Budapest V., Alkotmány utca 21. Bankszámla 05-915-111-46), a külföld számára pedig a „Kultúra” Könyv- és Hírlap Külkereskedelmi Vállalatnál (Budapest I., Fő utca 32. Bankszámla 43-790-057-181) vagy külföldi képviselőinél és bizományosainál.

«*Studia Slavica*» публикуют трактаты из области славистики на славянских, французском, английском и немецком языках.

«*Studia Slavica*» выходят отдельными выпусками разного объема. Несколько выпусков составляют один том. Ежегодно выходит один том, объемом в 20—30 печатных листов.

Предназначенные для публикации рукописи следует направлять по адресу:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

По этому же адресу направлять всякую корреспонденцию для редакции и администрации.

Подписная цена «*Studia Slavica*» — 165 форинтов за том. Заказы принимает предприятие по внешней торговле книг и газет «*Kultúra*» (Budapest I., Fő utca 32. Текущий счет № 43-790-057-181) или его заграничные представительства и уполномоченные.

К фонетике русского языка XVI века

(На материалах «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»)

И. Х. ТОТ

В предыдущем томе¹ мы рассмотрели морфологические данные одного из интересных памятников русской литературы XVI—XVII вв., из Повести о приходе Стефана Батория на град Псков. Эта воинская повесть интересна и как памятник русского литературного языка. В настоящем исследовании мы продолжаем изучение языка Повести. Мы стараемся выявить элементы живого русского языка XVI в., скрытые искусственностью риторического языка Повести. Чтобы получить более правильную картину о языке Повести, мы сопоставляем ее данные с данными псковских грамот и летописей.² С другой стороны, мы стараемся сопоставить фонетические особенности Повести с особенностями делового языка XVI—XVII вв., в первую очередь с данными Уложения 1649 г. и Домостроя. Это сопоставление дает нам возможность определить общие элементы языка Повести и делового языка Московской Руси.

Вокализм

Гласные а, о

Буква *а* вместо *о* употребляется в Повести очень редко. Мы обнаружили следующие примеры: *ведома да будет вам 82, хрестьянское царство недвижима . . . соблюдетца владыкою 93*. В этих случаях буква *а* употреблена в конце слов в безударном положении. Подобного рода примеры известны и из других памятников псковского происхождения: *не было вѣдома Строев 123б*. Они могут быть объяснены редукцией заударного гласного *о*. В начале слова также встречается буква *а* вместо *о*: *вадружена крестьяная крепость 93, три солнечные зари 38*. Эти случаи указывают на произношение *а* вместо *о* в предударном положении. Достоверным примером аканья служит форма *поглатити 5б*.

¹ К истории языка русской литературы XVI в.: StSI 14 (1968) 193—203.

² Мы воспользовались следующими изданиями летописей и грамот: Псковские летописи, вып. 2. Москва 1955; — А. М. Марасинова, Новые псковские грамоты XIV—XV веков. Москва 1966.; — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред С. Н. Валка. Москва 1943.

В собственном имени *Довмант* (< лит. *Daumantas*) можно отметить букву *a* во втором слоге на месте *o*. Для русского языка характерна общая тенденция передачи гласного **a** иностранных слов посредством *o*. Несмотря на эту закономерность фонетики заимствований, в Повести мы встретили форму *Довмант*. Другие памятники псковского происхождения, в первую очередь летописи, в этом имени имеют *o*: *Довмонтовъ пиесець* Грам. № 331; *Домонта* Син 163б, 164; *Домонт* Син 163б, 164, 165, 165б, 169 (2х); Строев 5, 6б, 8, 8б. Буква *a* вместо *o* была обнаружена нами в списках Псковских летописей 2 раза: *Домантов* Син 165б, *Домантъ* Строев 4.

Установить акающее произношение безударного гласного **o** можно только на основе взаимной мены букв *a* и *o*. В этом отношении заслуживают внимания случаи употребления буквы *o* вместо *a*, которые представлены языком Повести в небольшом количестве. Сюда относится следующий пример, находящийся в заударном слоге: *около градо* 48. В Повести можно обнаружить написание *o* вместо *a* в названии местности *Воронач*: *на Вороноч город* 5б. Такой же вариант названия этого псковского пригорода известен и из других памятников псковского происхождения, хотя встречается в них очень редко: *Вороначь* Син 184; *под Вороначем* Син 191 и пр.; Строев 47, 62б, 64. В Син и Строев эти формы употребляются почти без исключения, нами был обнаружен только один случай с буквой *o* на месте *a*: *до Вороноча* Строев 35. Однако такое колебание в написании топонима *Воронач* не может свидетельствовать об аканье псковитян XVI в. Если мы учтем высказывание Н. Каринского, лучшего знатока языка древнего Пскова, о том, что древнепсковскому диалекту было свойственно изменение неударного **o** > **a**,³ то мы должны сказать, что акающее произношение безударного **o** дает о себе знать в Повести в очень редких случаях. Это объясняется орфографическими традициями писца Повести. Сходное явление было отмечено профессором П. Я. Черных в Уложении 1649 г.⁴ Написание буквы *a* в предударном слоге после буквы *ж* встречается в 2 случаях: *жалание сердца* 37, *жалалаемого не получил* 91. Можно это написание объяснять, предполагая, что сначала произошел переход **e** > **'o** после шипящего, потом **'o** подверглось изменению в **a** в безударном положении.

Изменение **e** > **'o**

Тенденция изменения **e** > **'o** отражается неконсеквентно орфографией Повести. Наши данные можно разбить на три группы:

а) Переход **e** > **'o** после шипящих

³ Н. Каринский, Язык Пскова и его области в XV веке. СПб. 1907, 150.

⁴ П. Я. Черных, Язык Уложения 1649 г. Москва 1953, 195.

После букв *жс, ш, щ* и *ч* известны написания с буквой *о*: *сторожовом* 54, *сторожовои* 54, *башон* 69, *чоснок* 81 (2х), *товарищов* 47. В этих случаях изучаемое нами изменение происходит вне ударения, в предупредном и заударном положении.

Под ударением мы отметили следующие примеры: *пошол* 54, *пришол* 56, *хрущов* 97. После шипящих переход $e > 'o$ осуществляется под ударением и вне ударений. Как видно, он не ограничивается ударением после согласных.

б) Переход $e > o$ после $c' > c$

После отвердевшей глухой аффрикаты *с* тоже известны случаи употребления буквы *о* вместо *е*: *чодотворцов* 38, 98, *стрельцов* 48, *градоемцов* 88 и пр. Отсутствие ударения обуславливает форму изменения: *из шанцев* 89.

г) Переход $e > 'o$ после вторично-мягких согласных

В Повести мы не отметили перехода $e > 'o$ после вторично-мягких согласных: *возмет* 84, *сотворенными* 87, *возьмем* 71, *веселым* 68.

В мягком варианте основ на *-а* в тв.п. ед.ч. написание с *о* можно обнаружить вне ударения после букв *жс, щ*: *тысящую* 42, *надежою* 46. Нет его после буквы *ц* без ударения: *десницую*. Не обозначается он после мягкого согласного под ударением: *землею* 38, 62. Однако могут быть и колебания: *тысящую* 92, *надежею* 94 и пр.

На конце даже под ударением нет написаний с *о*: *лице* 46, 68. Нет его и в тв.п. ед.ч. этого существительного: *лицем* 68.

В псковских грамотах графика иногда передает изменение $e > 'o$: *машок* № 9, *берозовый, берозового* № 9, *княжому* № 12, *Семион* № 14, *мошок* № 16, *старцом* № 17, *межою* №№ 27, 29, даже *серобрам* № 33.

В Уложении 1649 г. изменение $e > 'o$ встречается после шипящих перед твердым согласным под ударением, вне ударения оно проявляется очень редко. После *ц* под ударением в флексиях хорошо представлен переход $e > 'o$ в Уложении 1649 г. и известен также и без ударения.⁵

Переход $e > 'o$ в Домострое после исконно мягких слабо представлен, а после вторично мягких, за исключением одного случая, неизвестен.⁶ В Домострое этот процесс ограничен наличием ударения после шипящих.⁷ В этом отношении язык Повести отличается от языка Уложения 1649 г. и Домостроя. Однако скудные данные о переходе $e > 'o$ после шипящих без ударения

⁵ П. Я. Черных, ук. соч. 200.

⁶ М. А. Соколова, Очерки по языку деловых памятников XVI в. Ленинград 1957, 177.

⁷ М. А. Соколова, ук. соч. 200.

не позволяют сделать каких-либо выводов о характере процесса изменения $e > 'o$.

Гласный е

Изучая графику Повести, мы встречали написания буквы *e* на месте *я* в следующих случаях: *витези* 45, *витезь* 53, *по обычею* 85 (2х), *обычей* 87, *месяца* 62. Написания с *e* вместо *я* фигурируют в этих примерах в слогах без ударения, в первом предударном и первом заударном слоге. Подобные случаи известны из псковских памятников: *месяц* № 335; *обычей* Строев. Такие же примеры имеются в Уложении 1649 г., Домострое⁸ и полоцких грамотах XVI в.⁹ Наши данные из Повести свидетельствуют об екающем произношении гласного 'а после мягкого согласного без ударения. Примеры употребления буквы *я* на месте *e* объясняются не фонетически: *имяни* 51, *имяни того* 58. Сходные примеры встречаются и в других памятниках псковского происхождения: *племяни* № 15, *имянно* № 19. В этих примерах наличие *я* объясняется влиянием им.п. ед.ч. существительного *имя*. Употребление буквы *e* вместо *я* встречается и под ударением: *покорети ся* 73. Хотя подобные примеры известны и из грамот, напр. *поредиша* № 2, из-за единичности примера, мы не можем правильно оценивать эту форму.

Гласные е, ё, і

Издание В. И. Малышева не различает буквы *e* и 'ѳ. Однако, несмотря на это, имеются косвенные данные о судьбе гласного ё в Повести. Мы не можем определить совпадение гласных *e* и ё в языке Повести, не знаем, совпадал ли этот гласный в языке Повести с гласным і или нет. Если под ударением перед твердым согласным нет буквы *и* там, где этимологически обусловлено наличие ё, то мы можем с уверенностью сказать, что в языке Повести ё не изменялся в і. Исходя из этого принципа, сначала мы остановимся на тех случаях, когда на месте ё пишется буква *и*.

Написание с *и* на месте 'ѳ можно разбить на несколько групп:

а) *и* пишется там, где 'ѳ был под ударением перед твердым согласным: *сверипые* 41. В других примерах нет буквы *и*: *сверепое* 12, *сверепство* 42, *сверепству* 46.

б) На месте 'ѳ пишется *и* под ударением перед мягким согласным в одном случае: *изминников* 41.

в) В слогах без ударения перед мягким согласным: *ведив* 48, *видив* 87, *стрилецкий* 90, *невединие* 86, *за не уединье* 86.

⁸ П. Я. Черных, ук. соч. 166—167.

⁹ Chr. S. Stang, Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo 1939, 108.

д) В конце слов в 2 случаях: *повели и повседневым приступам быти* 89, *хоти мир восприяти* 91.

Написание *досмотрился* 96 (при правильной *смотрети* 96) можно объяснить разницей словообразования или влиянием глаголов на *-ити*.¹⁰

Подытоживая данные Повести, мы можем сделать вывод о том, что в ее языке гласный *ѣ* не совпадал с *і*. В Повести представлены в небольшом количестве написания с буквой *и* на месте *е* без ударения: *воиводам* 47, *воиводы* 68, 81, 82, 95, *тысящю* 92. Сюда принадлежит форма 3 л. ед.ч. аориста: *впади* 80. Возможно, что в них гласный *е* без ударения изменился в *і*. Написания: *саме* 80, *разделити* 65, *друзе* 69 вместо *сами, разделить, друзи* делают это предположение вероятным.

Данные Повести дают нам возможность сделать следующий крайне осторожный вывод о судьбе гласных *е, ѣ*. Гласный *ѣ* не переходит в *і*, скорее можно предполагать его совпадение с *е*. Редукция неударяемого *е* (< *е, ѣ*) отражена орфографией Повести очень слабо. Подобная картина наблюдается в Уложении 1649 г. и в Домострое.¹¹

Переход *і > у* после твердых согласных

Эта тенденция хорошо представлена орфографией Повести, в которой мы обнаружили следующие примеры: *в ыных* 42, *с ыными* 57, *в сразытельном бою* 49, *надымаше ся* 49, *подымаюся* 50, *подымите ся* 50, *отпыти* 82, *отпыти* 90, *отыде* 98. В начале слов буква *ы* пишется после предлогов *в, с*. Внутри слова можно ее встретить после приставки *над-, под-, от-*. После предлогов *в, с* переход *і > у* дает о себе знать без ударения, а в глаголах в ударяемом слого и вне ударения тоже.

Переход *і > у* П. Я. Черных считает характерным для языка московских приказов.¹² Имея в виду данные псковских грамот, где он встречается довольно часто, мы не можем считать эту черту специфической для московского приказного языка. С целью подтверждения нашего высказывания приведем примеры из псковских источников более раннего периода или одновременных с Повестью: в *Бзборскѣ* Строев 25, 25б, в *Бзбореск* 28б, в *ыныя* 51б, в *Бван город в Ыглин монастырь* № 28, 34. С контракцией гласных мы имеем дело в следующих случаях: *приде* 97, *киждо* 51 (но *прииде* 75, *приимеши* 72).

Переход *и > ѹ*

На месте буквы *у* встречается буква *ѹ*: в *Покровских ворот* 63, в *Свиные башни убиты* 73. Это явление не было свойственно псковским памятникам

¹⁰ Chr. S. Stang, ук. соч. 110.

¹¹ П. Я. Черных, ук. соч. 194; — М. А. Соколова, ук. соч. 175.

¹² П. Я. Черных, ук. соч. 216.

более раннего периода.¹³ Однако, как мы видим из Повести, оно получило распространение в речи псковитян, как об этом свидетельствуют следующие данные: *лѣса у болѣзни, у пустоши Темши* № 8. Некоторые случаи написания с *у* вместо *в* тоже указывают на наличие этого явления в Повести: *Ноугородцкогo 52, ноугородцким 52.*

Судьба сочетаний *ort- при нисходящей интонации

На месте общеславянских сочетаний *ort- при нисходящей интонации представлены Повестью характерные для русского языка сочетания rot-, однако не без исключения: *розпустившу 40, розъѣжсайте 45, росказав 46, розсылаше 48, розгордения 49, розряд 53, 58, 63, розряжати 53, розрядив 54, розставляше 58, розчетав 58, розтавившим 60, розбим 61, розных 84* и пр. Написания с *o* встречаются под ударением и без него. Это обстоятельство дает право предполагать, что имеющиеся в Повести примеры с *a* на месте безударного гласного *o* скорее объясняются как славянизмы. Это предположение подкрепляется и тем, что написания типа rat- встречаются и под ударением: *раба 37, разведемся 51, разделиша 58, размышления 58, разных 84, разум 96* и пр.

Судьба сочетаний *tort, *tolt

На месте общеславянских сочетаний *tort, *tolt встречаются и характерные для русского языка полногласные формы и заимствованные из церковнославянского с метатезой. Их стилистическое разграничение не входит в нашу задачу, и поэтому мы ограничимся лишь несколькими примерами из Повести: *град 36, града 36, страны 36, злата 39, брани 40, враги 40, краль 41, срам 51; королю 40, Володимера 43, Всеволоду 47, король 55, умерети 58, город 52* и пр.

Судьба сочетаний *tьrt, *tьlt

На месте этих сочетаний можно отметить только характерные для русского языка образования с **tort, tolt**, напр. *до смерти 48, держати 36, исполнити 68, сердцем 68, в скорбех 71, исполниша 73, церковь 36, горла 89, верви 76, солнечные зари 98* и пр. Случаев второго полногласия нет. Церковнославянские формы, вопреки второму южнославянскому влиянию, ни в одном случае нами не обнаружены.

Влиянием церковнославянского языка объясняются случаи с начальными *e* вместо *o*: *едины 68, един 72, 84, во едино 75, егда 86, Елены 98, Ефросина 98.* Отступления от этой особенности незначительны: *одны 62, оле 62 (2x).*

¹³ А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка. Москва 1907, 122.

Судьба ъ, ь в слабом положении

На месте слабых редуцированных, подлежащих утрате, мы очень часто встречаем написания с *o*, *e*. Данное явление можно отметить в начале слов, в приставках внутри слов, в суффиксах и предлогах *вѣ*, *сѣ*, *кѣ*, *отѣ*, *изѣ*. В начале слов очень часто пишется буква *o* вместо *ѣ* в приставках *со-*, *воз-* (*вос-*): *собравше* 38, *совет* 38, *сотворице* 40 (2х), *совосподнимают* 40, *сохранителие* 41, *совершити* 45, *соотворенныя* 45, *присовокупих* 49, *совозвеличю* 50, *соградиша* 61, *совершашесе* 75, 91 и пр.; *воспротивление* 40, *воссылающе* 39, *возвращеньи* 39, *возити* 55, *возхода* 66, *воскриваше* 70, *возтерзающе* 70, *возглаголет* 71, *возсия* 77 и пр. Такого рода написания, являющиеся в Повести преобладающими, составляют старое напластование из старославянского языка.¹⁴ Они обнаружены в книжной лексике Повести. Случаев без написания буквы *o*, отражающих правильно судьбу гласного ъ в слабой позиции, немного: *свершенною* 46, *снедение* 81; *всходу* 66, *взлещи* 67, *вспротивне* 87, *взыпаю* 96. Подобные формы встречаются и в псковских грамотах: *списах* № 15, *сзарывать* № 29. Написания *e* встречаем в суффиксах *-ѣств-*, *-ѣск-*, однако не без исключений: *богатество* 39, 65, *множества* 43, *хрестыянство* 44, *королевство* 39, 45, *княжества* 45, *богатеством* 49, 50, 71, 77, *мужества* 78, *мужественных* 83, 84, *державство* 83, *воинство* 87, 94, *боязньства* 90, *лукавство* 91, *царство* 93, *воеводство* 96, *совершительство* 98, *художеством* 98, *непокорством* 68; *хрестыянский* 36, *от печерско(го)* 37, *курланских* 38, *литовского* 45, *священническаго* 56, *священническому* 56, *воеводьское* 46, *человечестию* 71, *земстию* 71, *отеческия* 78, *человеческий* 93. Как видно из наших примеров, в Повести можно обнаружить и колебание в употреблении образований с суффиксами *-ѣств-*, *-ѣск-*: *богатество* 39, 65, *священническаго* 56; но *лукавство* 91, *литовского* 45 и пр. Заслуживает внимания тот факт, что буква *e* пишется там, где перед суффиксом встречаются согласные *ж* и *ч*: *множества* 43, *художеством* 98, *священническаго* 56, *человеческий* 33. Одни из образований на *-ество* сохраняются и современным русским языком, другие вышли из употребления, например, вместо широко известного в старине существительного *богатество* в современном русском языке употребляется *богатство*. Слова *богатество*, *художество* известны и из Академического списка Моления Даниила Заточника,¹⁵ а в Уложении 1649 г. тоже встречаются образования на *-ество*, *-еск-*.¹⁶

Как известно, суффикс *-ств-* по происхождению церковнославянский и поэтому в нем гласный *e* восходит к его искусственному церковному про-

¹⁴ С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. Москва—Ленинград 1946, 139.

¹⁵ С. П. Обнорский, ук. соч. 84.

¹⁶ П. Я. Черных, ук. соч. 220, 225.

изношению. В предложениях *въ, изъ, съ, отъ* тоже пишется буква *о* там, где редуцированный гласный был в слабой позиции. Их можно разбить на две группы:

1) *о* пишется перед согласными или перед сочетанием нескольких согласных: *ко чесные* 37, *во хрестове* 79, *изо псковского* 80, *изо рву* 80, *во граде* 82, *во град* 87, *надо Псковом* 84, *подо Псков* 84, *ото врат* 85, 86, *со кресты* 85, *подо градом* 90, *ото Пскова* 92, *изо Пскова* 94.

2) *о* пишется перед гласными: *со избежавшимися* 40, *во окрестных* 42, *во едино* 75, *со едином* 98 и пр.

Нашим примерам соответствуют данные Уложения 1649 г., где встречаются формы *ото рву, во Псковѣ, изо Пскова*.¹⁷ Такого же рода случаи встречаются и в Псковских летописях: *во Псков* Син 201 (2х), *изо Пскова* 201, 204; *во Псков* Строев 16, 17, *изо Пскова* 176 (2х), *во Псковѣ* 186 и пр. Наличие таких форм в Уложении 1649 г., в памятнике, написанном деловым языком, делает вероятным предположение о том, что имеющиеся в Повести и Псковских летописях формы произносились с гласным *о* после предлогов и в народном языке.

Напряженные редуцированные ѣ, ъ

На месте напряженных *ѣ, ъ*, переходивших в сильной позиции в русском языке в *о, е*, встречаются неодинаковые написания. На месте напряженного *ѣ* мы обнаружили букву *о* в сильной позиции в следующих случаях:

1) В им.п. ед.ч. м.р. имен прилагательных и числительных под ударением и без ударения: *иной* 86, *осадной* 59, *шестой* 66 и пр.

2) В им.п. ед.ч. м.р. местоимения *той* 36, 41, 43, 71, 86, 87, 95 (2х), 96, 97.

3) В основе глагола *рыти* под ударением: *роюще* 61.

Что касается прилагательных, заслуживает внимания тот факт, что в основах на заднеязычные согласные под ударением и без ударения часто фигурирует в окончании им.п. ед.ч. м.р. флексия *-ой*: *земской* 54, *менской* 54, *литовской* 54, *польской* 54, 84, *крепкой* 73, *угорской* 84 (2х), *королевской* 60, 84, 94, *боярской* 97. В фамилии *Шуйской* всегда пишется буква *о*. Написание после заднеязычных согласных *о* — явление довольно известное из деловых памятников, оно встречается и в Уложении 1649 г., Домострое.¹⁸ Флексия *-ой* в основах на заднеязычные была известна в русском литературном языке вплоть до XIX в.¹⁹ В прилагательных не на заднеязычные *-ой* отмечается даже в XVII в. в грамматике Г. В. Лудольфа, где можно обнаружить формы *белой, доброй*. Отклонения от написания *о* в флексии им.п. ед.ч. м.р. объясня-

¹⁷ П. Я. Черных, ук. соч. 220.

¹⁸ П. Я. Черных, ук. соч. 221; — М. А. Соколова, ук. соч. 156.

¹⁹ О. С. Трахтенберг, Историческая морфология русского языка. Стерлитамак 1965, 37.

ются влиянием болгаризованной графики: *змейный* 41, *святыи* 72 и пр. По А. И. Соболевскому флексия *-ой* в им.п. ед.ч. м.р. без ударения характерна для северновеликорусских говоров.²⁰ Таким образом ее употребление в языке Повести мы можем считать северновеликорусским диалектизмом.

На месте напряженного **ѣ** встречается написание с буквой *e* в следующих случаях:

1) У существительных м.р. и у имен собственных в им.п. ед.ч. м.р.: *змей* 56, 57 (2х), *скорпей* 56, 75, *мартырей* 75, *подскарбей* 54, *Офанасей* 63, *Герентей* 91 (2х), *Антоней* 91 (2х), *змейный* 41.

2) У существительных ж.р. с основой на *-й*, и у существительных м.р. в р.п. мн.ч.: *пищалей* 83, *мужей* 83, *дней* 89 (2х). Влиянием книжной традиции объясняются отклонения от этих примеров: *змий* 56, *на змию* 97, *сий* 59, *третий* 78, *змийными* 69.

Наряду с флексией *-ей* в им.п. ед.ч. выступает и вариант *Юрьи* 63. Подобная форма известна из памятников XVI в.²¹ и из Уложения 1649 г. П. Я. Черных считает эту форму особенностью «разговорной московской речи».²²

В Повести можно встретить книжные формы с *и* на месте слабого напряженного **ѣ**. Формы с *и* представлены определенными морфологическими категориями, являющимися вариантами форм с *ь*. Они встречаются в следующих случаях:

1) Тв.п. ед.ч. существительных ж.р. с основой на *-й*: *с честию* 38, *гордостию* 43, *благодатию* 46, 58, 97 и пр.; *ратью* 45, 52, *скорыстю* 65 и пр.

2) В суффиксах на *-ие*, *-ние* (*-ье*): *утвержение* 49, *послание* 51 (2х), *благословение* 55, *умышление* 62, *защичение* 66 (2х), *извещение* 72 и пр.; *утверженье* 62, *повеленье* 59, *желанье* 68, *бежанье* 77, *непокоренье* 71, *смолье* 87, *смятенье* 87, *отстоянье* 89 и пр. Конечно, подобные отношения обнаруживаются и в косвенных падежах существительных, образованных при помощи названных суффиксов.

3) В притяжательных прилагательных, образованных суффиксом *-й*: *божсию* 84, 86, *божсие* 86, *божия* 91, *божиим* 70 и пр.

4) В отдельных словах: *убиен* 53, *бьюще ся* 67, 76, *паньями* 45, *Антонью* 91 и пр. Подобные примеры известны и из других памятников XV—XVII вв., из Уложения 1649 г. и Домостроя.²³

Наши данные дают нам основания предполагать, что существительные, образованные суффиксами *-ье*, *-нье*, входят в состав бытовой лексики Повести, хотя такое разграничение значений не всегда возможно.

²⁰ А. И. Соболевский, ук. соч. 231.

²¹ В. Унбеганн, *La langue russe au XVIe siècle*. Paris 1935, 255.

²² П. Я. Черных, ук. соч. 222.

²³ П. Я. Черных, ук. соч. 222—226; — М. А. Соколова, ук. соч. 133—134.

Консонантизм

При изучении консонантизма Повести особого внимания заслуживает вопрос о судьбе исконно мягких согласных *ž', š', c'*.

Затрудняют вопрос изучения характера согласных, обозначаемых буквами *ж, ш, ц*, следующие особенности орфографии Повести:

1) По традиционной орфографии после букв *ж, ш* (а может быть и *ц*) пишутся буквы *и, ь*, напр.: *межь ими* 61, *жити* 39, *уложи* 39, *от нужи* 88, *жив* 97, *нашь* 72; *слышит* 47; *угроветцький* 63. Однако этот пример не значит, что согласные, обозначаемые буквой *ж, ш, ц*, еще мягки.

2) После букв *ж, ш, ц* пишутся буквы *а, у*: *распустившу* 40, *слышавшу* 46, *нашу* 46, 71. Этот прием орфографии тоже еще не обозначает твердости изучаемых согласных. По П. С. Кузнецову главным доказательством твердости согласных *ж, ш, ц* является тот факт, что после букв, обозначающих эти согласные, пишется буква *ы*.²⁴

Наши данные распределяются следующим образом:

После *ж* пишется *ы* в следующих случаях: *уложы* 39, *жыти* 61, *от жажы* 77, *сѣзжыся избы* 96. Чаще употреблена буква *ы* после *ц*: *Богородицынъ, немцы* 37, *в троицы* 37, *началницы* 38, *в сердцах* 57 (2х), 79, *младенцы* 57, *каменосечцы* 87 и пр. По нашим наблюдениям нет примеров употребления буквы *ы* после буквы *ш*. Предполагать отвердение согласного *š'* можно исходя из общих положений исторической фонетики русского языка, согласно которым отвердение согласных *ж* и *ш* произошло приблизительно одновременно.²⁵ Согласный, обозначаемый буквой *ч* был мягким, как об этом свидетельствуют отсутствия написания буквы *ы* после *ч* и употребление буквы *ю* после нее: *мечюще* 77, *алчюци* 79.

Заслуживает внимания характер согласного, обозначаемого буквой *ц*. Такие написания как *мощьми, тысящу* не дают возможностей сделать какие-либо выводы о твердости или мягкости изучаемого согласного. Однако в 2 случаях употребление буквы *ы* после *ц* обращает на себя наше внимание: *имуцый* 45, *с товарищы* 48. Хотя последний пример вызывает некоторое сомнение относительно его достоверности (ведь написание с *ы* после *ц* могло быть вызвано влиянием *ы* предшествующего слога) эти написания поднимают вопрос о том, отвердел ли согласный, обозначаемый буквой *ц*, в языке Повести. Наше предположение становится вероятным, если мы учтем тот факт, что в псковских грамотах тоже имеется след отвердения изучаемого нами согласного: *с товарищы* №№ 18, 22. Может быть, что отвердением согласного, обозначаемого буквой *ц*, объясняется и форма *тысящюю* 42. Эти примеры дают возможность предполагать твердое произношение

²⁴ В. И. Бorkовский—П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка. Москва 1965², 160.

²⁵ Там же.

интересующего нас согласного. Такое предположение не расходится с фактами. Отверждение согласного, обозначаемого буквой *щ*, известно в северновеликорусских говорах.²⁶ Однако такое произношение по нашему мнению можно толковать как диалектное наслоение, которое было в других случаях стерто из языка Повести при ее переписке.

В Повести в некоторых случаях можно обнаружить взаимную мену букв *ш* и *щ*: *повелеша зажеши е* 72 (вм. *зажеши* 87), *прельстити хощеши нас* 83 (вм. *хощеши* 92). Если такого рода примеры не являются описками, можно сказать, что они свидетельствуют о произношении буквы *щ* как *щ'*, что известно и из северных и южных диалектов современного русского языка.²⁷

Н. Каринский, изучив древнепсковские памятники, пришел к тому заключению, что в языке Пскова под влиянием белорусских говоров произошло отверждение согласного *г'*.²⁸ Так как Повесть возникла в Пскове, мы ожидали бы в ней встретить черты орфографии, указывающие на твердый характер согласного *г'*. Однако орфография хорошо отражает его мягкость: *церькви* 44, *царицами* 44, *царю* 38, *горькотою* 87, *царь* 90 и пр. Отклонение от этой нормы представлено случаями: *с товарищи* 41, 94, 96, 97, *товарищы* 48, *на крылах* 57, но там же: *крилами*. Вариант *товарищ* с *г* известен и из других памятников русского языка. В них нет оснований предполагать фонетическое отверждение *г'*. К ним принадлежат Уложение 1649 г. и Домострой.²⁹ В московских памятниках XVI—XVII вв. тоже встречается такая форма. Можно ее обнаружить и в современных севернорусских говорах, однако в этих случаях *г* < *г'* нефонетического происхождения.³⁰ В слове *крыло* гласный *ы* объясняется сближением с глаголом *крыть*.³¹ Имея в виду данные Повести, мы считаем характерным для ее языка сохранение мягкости согласного.

Известно, что для древнепсковских памятников старшей поры было характерно смешение согласных *с* ~ *ш*, *з* ~ *ж*, *ц* ~ *ч*. В Повести мы ожидали встретить хотя бы следы этих примет. Однако мы не обнаружили ни одного следа смешения согласных *с* ~ *ш*, *з* ~ *ж*. Что касается цоканья, в Повести тоже нет достоверных примеров на него. Подозрительный случай цоканья: *оуѣцати* 70, который хорошо объясняется контаминацией церковнославянского *оуѣцати* и русского *очищати*.

Язык Повести отличается от языка других памятников древнепсковского характера тем, что в нем почти нет примеров на диалектные особенности древнего Пскова. Язык ее свободен от самой важной псковской диалектной примеси. Что касается отверждения исконно мягких согласных

²⁶ П. С. Кузнецов, Русская диалектология. Москва 1951², 58.

²⁷ Там же.

²⁸ П. Каринский, ук. соч. 181, 201, 202.

²⁹ П. Я. Черных, ук. соч. 229; — М. А. Соколова, ук. соч. 181.

³⁰ П. Я. Черных, ук. соч. 230.

³¹ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, II. Москва 1967, 389.

ž', š', c', примеры с их отвердением имеют свои соответствия и в псковских грамотах, напр.: *вложыли* № 335, *отложыли*, *положыти* (2х), *пятницы* № 29, *Богородицы* № 30, *Богородецы* (sic!) № 35. Отвердение мягких ž', š', c', представляющее собой явление общерусское, хорошо отражено в Повести. На этом основании можем сделать вывод о том, что в Повести хорошо отражаются общерусские фонетические черты, однако характерные псковские диалектизмы, известные из более ранних памятников, не все попали в язык Повести, а остались вне ее сферы.

Ассимиляция по звонкости и глухости согласных

Согласный *s* в предлоге и приставке перед звонкими согласными озвончается: *з дороги* 38, *з женами* 38, 49, 66, *з детьми* 38, 45, 66, 49, *з государем* 42, 91 (2х), *з боярином* 48, *з гонцы* 48, *з запрещением* 69, *з достальными* 76, *з гайдуки* 76, 81, *з города* 76, 77 и пр. Перед буквами, обозначающими глухие согласные, тоже пишется предлог *з* вместо *с*: *з своим* 68, *з своими* 64, 67, *з стрельцами* 65. Их можно объяснить как гиперизмы. Перед сонорными и *v* нет случаев озвончения: *смуцающе* 38, *с ратными* 77, *с воеводами* 48 и пр. В префиксах озвончение нами тоже отмечено: *здравуем* 65, *збжежавшися* 66, *збытья* 67, 72, *збудетца* 69, *збити* 76, *збжежаше ся* 76, *зданите* 82, *зданьи* 82, *згарати* 87, *збойливья* 91 и пр. С буквой *з* пишется и наречие *зде* 74.

Наши примеры показывают, что в предлогах и приставках перед звонкими согласными вместо согласного *s* произносился *z*, что нашло отражение в употреблении буквы *з* вместо *с* перед буквами, обозначающими звонкие согласные. Повесть в этом отношении передает живое произношение XVI в. Перед сонорными и *v* такого озвончения не было, и этот факт тоже выражается орфографией Повести. Озвончается согласный *š* в суффиксе *-шьд-* перед звонким согласным: *многожды* 83, *трижды* 85, 98, *дважды* 98.

Озвончение внутри слова не обозначается на письме.

О г л у ш е н и е хорошо передается орфографией Повести в некоторых случаях.

Прежде всего надо здесь сказать о предлоге *из*, который пишется с буквой *с*: *ис пустыни* 60, *ис-под* 88 (2х), *ис Полоцка* 41, *ис Поля* 41 и пр. В префиксах *из-*, *воз-*, *вз-*, *раз-*, *роз-* тоже часты случаи оглушения: *истаявшим* 70, *исхожения* 74, *исполница* 78, *исправити* 92, *исправили воспротивление* 40, *воскричавше* 70, *востерзающе* 70, *восхода* 86, *воспалением* 87; *ропустив* 45, *ропустившу* 45, *роказав* 46, *распалением* 49 и пр. Конечно имеются и отклонения от этой нормы, которые объясняются влиянием книжной традиции: *возхода* 66; *изшедша* 80—81; *розсылаше* 48, *розставляше* 58, *розтавившим* 60 и пр.

Корень *тъщ-* правильно пишется в некоторых образованиях, как напр.: *тъщание* 46, *тъщанием* 46, *тъщацих* 46. Написания типа *дщательные* 41, *дщание* 48, *дщанимся* 79 и пр. можно толковать как гиперизмы.

Интересно, что случаи ассимиляции по звонкости и глухости встречаются главным образом в предлогах, префиксах в начале слова. Не в начале слов озвончение и оглушение имеют совсем другую картину. Мы не обнаружили ни одного случая озвончения в середине слов. Явления оглушения встречались в середине слов очень редко: *Курпскаго* 41, *блиско* 61, *выласку* 59, *влесша* 67, *итти* 76, *выласка* 95. Подобное явление было отмечено П. Я. Черных в Уложении 1649 г.³²

Ассимиляцией губного **b** посредством сонорного **m** объясняются написание с отсутствием буквы *б* перед буквой *м*: *омакаше* 47, *омаkanie* 47, *с оманом* 96. Приспособление на стыке морфем приводит к возникновению долгого **m̄**. Данное явление известно из Домостроя и из более ранних памятников русского языка, например, Музейного евангелия конца XII в.: *омакавыи*. Изменение группы **bm** > **m̄** охватывает область северных говоров современного русского языка, но встречается и в находящейся недалеко от Пскова Великолукской области.³³ Может быть, что в московский деловой язык эта особенность произношения попала с Севера, как влияние северной произносительной нормы, которая могла о себе дать знать в московском произношении.³⁴

Явление палатализации под влиянием последующего мягкого согласного встречается в основе *-szl-*: *пошлют* 38.

Полная ассимиляция

Редко можно встретить в Повести случаи ассимиляции соседних согласных, где направление является регрессивным. Приспособление имеет место на стыке согласных *з—ж*: *об(ъ)ежжся* 48, *роз(ъ)ежжсайте* 45, *съежжся* 96. Как свидетельствует последний пример, возникший таким способом долгий согласный по-видимому был твердым.³⁵

Ассимиляция по твердости и мягкости

Случаи комбинаторной депалатализации также представлены языком Повести. Отвердение мягких согласных под влиянием следующих за ним твердых можно видеть в определенных положениях: именно в суффиксах *-ьн-*, *-ьск-*, *-ьств-*. Издание В. И. Малышева не передает букву *ъ* там, где она писалась в оригинале, поэтому мы считаем, что формы, написанные без *ъ*, свидетельствуют о твердом произношении согласных.

³² П. Я. Черных, ук. соч. 232.

³³ Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. Москва 1964, 90.

³⁴ М. А. Соколова, ук. соч. 180.

³⁵ Русская диалектология. Москва 1964, 88; — Русское литературное произношение. Под ред. П. И. Аванесова и С. И. Ожегова. Москва 1955, 390.

Суффикс *-ьн-*: *безоступно* 65, *беззавистно* 65, *радостно* 65, 90, *дерзостне* 66, *дождевна* 69, *татебно* 41, 81, *истинни* 44, *беззаконнаго* 45, *славный* 45, *непрестанно* 48, *известно* 49, *каменные* 50, *многопотребный* 50, *жалостно* 51, *совершенною* 46, *писные* 63, *неверным* 73, *напорное* 73, *раядные* 81, *дивно* 92, *дерзостный* 93 и пр. В огромном большинстве случаев мы имеем дело с написаниями, указывающими на отвердение согласных.

Суффикс *-ьск-*: *хрестьянский* 36, *от печерского* 37, *хрестьянским* 37, 46, *курланских* 38, *литовского* 45, *боярскими* 44, *рыцарские* 46, *царское* 47, *римского* 91, *латынского* 91 и пр. Мягкость согласного обозначается в следующих примерах: *царьское* 46, *воеводьское* 46, *царьскою* 47, *царьских* 47, *Царьская* 90, *царьскую* 97.

Суффикс *-ьств-*: *хрестьянство* 44, *королевства* 45, *панством* 45, *воинством* 72, *державско* 83, *воинство* 87, 94, 95, *лукавство* 91, *царство* 93, *воеводство* 98, *непокорством* 68 и пр. Буква *ь* пишется в суффиксе *-ьств-* лишь редко: *воиньством* 40, 73, *совершительство* 98.

Хр. С. Станг, описывая деловой язык Полоцка, указал на трудности изучения депалатализации.³⁶ Трудность состоит главным образом в том, что нелегко решить, соответствует ли написанию с *ь* мягкость согласного там, где *ь* пишется и в церковнославянском языке. Может быть, *ь* пишется под влиянием церковнославянского языка, но возможно, что *ь* действительно обозначает мягкость согласного. Имея в виду язык Повести, мы должны сказать, что ее орфография отличается от памятников, исследованных Стангом. В оригинале Повести имеются такие случаи, где в описанных нами выше суффиксах вместо буквы *ь* пишется буква *ѣ* (не отражаемая изданием В. И. Малышева) или сохранена буква *ь*. В последнем случае она указывает на мягкость согласного.

Наши данные позволяют сделать несколько выводов о процессе комбинаторной депалатализации в языке Повести:

1) В суффиксах *-ьн-*, *-ьств-*, *-ьск-*, как правило, не пишется буква *ь* после букв *б*, *м*, *в*, *т*, *д*, *с*, *р*, что свидетельствует об отвердении мягких **б'**, **м'**, **т'**, **д'**, **с'**, **р'** ко времени возникновения Повести.

2) В некоторых случаях употреблена буква *ь* для передачи мягкости согласного. Постоянно пишется она после буквы *л*, что свидетельствует о сохраняемой мягкости **Г**. Из других случаев написания с *ь* особого внимания заслуживает наличие буквы *ь* в следующих случаях: *царьское* 46, *царьскою* 47, *царьских* 47, *царьская* 90, *царьскую* 97, где *ь* пишется под влиянием имени существительного *царь*. Остальные случаи написания с *ь* вместо *ѣ* немногочисленны и могут объясняться влиянием книжной орфографии.

Такие формы как *личиньки* 96, *судьба* 98, указывают на то, что перед заднеязычными и губными согласными не происходит депалатализация.

³⁶ Chr. S. Stang, ук. соч. 58—59.

Кроме этих примеров на отверждение согласных в Повести представлено несколько примеров депалатализации там, где она произошла перед мягкими согласными: *писменный* 47 (но *письме* 99), *седмичный* 65 (но *седьмой* 82, *седьмою* 92), *возмем* 71, *возмет* 84 (но *возьмем* 91).

Мягкость согласных *m'*, *s'*, *d'* сохраняется современным русским языком перед губными и заднеязычными согласными.³⁷ Отсутствие буквы *ь* в этих случаях трудно объяснить, может быть, это просто описка, но возможно, что оно имеет фонетическое значение. Редкое отверждение зубных и губных перед губными встречается в деловом языке XVI в., как об этом свидетельствуют единичные написания в Домострое.³⁸ Этот факт дает право видеть в написаниях без *ь* после букв *с*, *д*, *м* случаи отверждения зубных и губных. Мягкость, возникающая под влиянием последующего согласного, встречается в Повести в следующих примерах: *сь их* 63, *шестьвие* 41, 45, *каменьщик* 65. Подобные примеры смягчения известны и из деловых памятников XVI—XVII вв. и из Уложения 1649 г.³⁸ Интересно, что *шестьвие* 41 и *каменьщик* 65 произносятся с мягкими *t* и *n* и в современном русском литературном языке.

Сочетания согласных *dsk*, *tsk* переходят в *ck*: *людцкими* 46, *семиграоцкии* 49, *полотцкогo* 54, *ноугородцкогo* 54, *посацких* 58, *угровецкому* 64, *плотцким* 75, *воеводцким* 84, *полоцкии* 86 и пр. В числительных из сочетания *-дес-* получается *-дц-*: *тридцать* 61, 95, *из двадцати* 64, *двадцать* 64, 96. В глаголах сочетание *ts* изменяется в *с*, что постоянно встречается в 3 л. ед. и мн. числа возвратных глаголов: *вооплачаеца* 36, *касаетца* 37, *вооплачаютца* 40, 41, *обещеваютца* 41, *приготавлиютца* 45 и многие другие. Изменение этих сочетаний согласных хорошо отражается и в других памятниках делового характера: в Уложении 1649 г. и Домострое.⁴⁰

Диссимилиация согласных

Некоторые случаи диссимилиации тоже представлены в Повести:

1) согласный *к* перед взрывными согласными изменяется в *ch*. Это явление можно обнаружить в следующих случаях: а) в местоимении *кто*: *некто* 86; б) в предлоге *к* перед *к* последующего слога: *х королю* 67, 72, 88, *х крестному целованью* 48. Диссимилиация согласного *к* в этом случае известное явление русского языка, однако она была распространена не в одинаковой мере в его говорах. Она встречается в Уложении 1649 г. только в одном случае. В старомосковских текстах, как это было отмечено П. Я. Черных, изменение *к* > *ch* было очень редким, однако в Книге о ратном

³⁷ V. Kiparsky, Russische historische Grammatik, I. Heidelberg 1963, 122.

³⁸ М. А. Соколова, ук. соч. 181.

³⁹ П. Я. Черных, ук. соч. 232.

⁴⁰ П. Я. Черных, ук. соч. 232—233.

строе больше примеров на эту тенденцию, чем раньше. В Домострое тоже встречается случай изменения **k** > **ch** в местоимении *кто*.⁴¹

2) В сочетании согласных **čn** тоже диссимилируется первый согласный, переходя в **š**. В Повести *чн* сохраняется почти без изменений: *подручным* 45, *пушечного* 66, *ручничнаго* 66, *сердечне* 70 и др. Однако имеются и написания с буквами *шн*, свидетельствующие о том, что в этом суффиксе тоже произошла диссимилиация **čn** > **šn**: *необышне* 87, *не можно около градо объехати* 60. Эта диссимилиация известна и из современных псковских говоров, в которых исследователями отмечены формы: **praz'n'išnaja**, **rušnaja** и пр. В псковской топонимике тоже отражена диссимилиация **čn** > **šn**: *Зарешно*.⁴² С. П. Обнорский, исследовавший эту диссимилиацию, высказал предположение о том, что вначале это явление было характерной чертой Московской области.⁴³ Написания с *шн* вместо *чн* известны и из Уложения 1649 г. и Домостроя.⁴⁴ Как видно из этих примеров, произношение **šn** вместо **čn** было свойственно московскому деловому языку. Под влиянием делового языка распространилось оно в языке Повести, свидетельствуя о московском влиянии на язык Пскова в XVI в.

Рассмотрев явления ассимиляции и диссимилиации, мы займемся более мелкими явлениями консонантизма:

В следующих случаях пишется только одна буква, обозначающая согласный: *рускаго* 38, *руское* 68, 90, *рускому* 68, *руского* 68 (2х), *руский* 86, *с руским* 91. Это явление можно наблюдать и в предлоге *с*: *и своими чады* 78 (< с своими), *и своими товарищами посоветовав* 96 (< с своими). В последнем примере, по А. И. Соболевскому, скорее можно видеть неточность написания, чем особенность произношения.⁴⁵

Упрощением групп согласных объясняется пропуск буквы, обозначающей согласный, в следующих случаях: *безчесными* 42, 47, *чесное* 56, 58, *с чесными* 62, *празник* 65, 74, 77, *упразнится* 93, *весницы* 74, когда в группах согласных **stn**, **zdn** исчезают из произношения **t**, **d**.

Быть может, что в формах *кухмиста* 51, *рохмисты* 54, *ливланские* 37 мы имеем дело с элизией.

На месте буквы *ч* мы встречаем написание с *тч*. Однако оно ограничивается одним словом: *протчии* 38, *протчими* 74, 85. Замена звука **č** группой *тч* известна — хотя в ограниченных случаях — из памятников старины и из русских говоров. А. И. Соболевский приводит примеры на это явление из памятников XVII в.⁴⁶

⁴¹ М. А. Соколова, ук. соч. 139, 163; — П. Я. Черных, ук. соч. 234.

⁴² А. И. Лебедева, Значение топонимии для исторической диалектологии: Очерки истории языка. Ученые записки ЛГУ 1960, 182.

⁴³ С. П. Обнорский, Сочетание *чн* в русском языке. Избранные работы по русскому языку. Москва 1960, 245—246.

⁴⁴ П. Я. Черных, ук. соч. 234; — М. А. Соколова, ук. соч. 178—179.

⁴⁵ А. И. Соболевский, ук. соч. 109.

⁴⁶ Там же, 141.

Явления, встречаемые в начале слов

Наряду с формой *отчинами* 45 без начального *в* встречаются формы с написанием *в*: *вотчины* 36, 89, *вотчину* 40 и пр. Протетический *в* имеется на месте общеславянского нового акута в слове *острый*: *вострыми крюки* 88. Вставочный *в* в середине слов представлен единичным примером: *Укравины* 41 (но *Украины* 42). Внутри слова *в* известно из псковских грамот: *Ларивон* № 8 и из псковской топонимики: *Лариновово*, *Ларивоново*.⁴⁷ Вставочный *в* внутри слова между согласными, по-видимому, был псковской диалектной чертой, слабо отраженной в Повести.

Явления конца слов

На конце слов хорошо засвидетельствовано орфографией Повести отверждение губных согласных: *вем* 37, *дам* 82. В 3 л. ед. и мн. ч. глаголов тоже имеется твердый согласный: *приходит* 37, *может* 38, *пошлют* 38 и пр. Однако в тех же окончаниях пишется *-ть* в следующих случаях: *приимуть* 38, 84, *приходять* 41, 52, *можеть* 43, *глаголеть* 79, *вествь* 98, 83. Последние не могут быть описками из-за значительного их распространения. Написания с *-ть* встречаются и в Домострое, однако неизвестны из памятников приказного языка за одним исключением.⁴⁸ Возможно, что они продолжают орфографическую традицию древнерусского периода. С отвердевшим согласным в конце слов мы имеем дело в одном случае: *из башон* 69.

Влияние церковнославянского языка проявляется в наличии написаний *щ* на месте общеславянского **tj*, что является почти постоянной особенностью языка Повести: *пращающим* 35, *воюющих* 35, *стояще* 35, *хощете* 50, 69, *жещи* 55, 59, *зажещи* 87, *тысящи* 69. Отклонение от этой нормы весьма редко: *не хочю* 96 (2х). А между тем написаний с *жд* (< общесл. **dj*) нет: *преже* 43, *утвержен* 43, 47, *утвержайте* 45, *утвержена* 45, *утвержаютца* 47, *утвержению* 48, *твержае* 58, *утвержати* 63, *от жажы* 77, *жажеею* 77 и пр. А. А. Шахматов считает появление *жд* на месте общесл. **dj* позднейшим церковнославянским наслоением.⁴⁹ В. Д. Левин был того мнения, что *жд* проникало в русский литературный язык в его «московский период».⁵⁰ Как наши данные показывают, написание *жд* в языке Повести не получило распространения. Написания с *кы*, *гы*, *хы* вместо *ки*, *ги*, *хи* представлены небольшим количеством случаев: *паки* 41, 81, *Луки* 42, *з гайдуки* 76. Помимо их встречаются и написания с *ки*, *ги*: *паки* 47, *враги* 36, *многи* 37, *Луки* 42 и пр.

⁴⁷ А. И. Лебедева, ук. соч. 181.

⁴⁸ П. Я. Черных, ук. соч. 139; — М. А. Соколова, ук. соч. 343.

⁴⁹ А. А. Шахматов, Церковнославянские элементы в современном русском литературном языке. Из трудов А. А. Шахматова по современному языку. Москва 1952, 246.

⁵⁰ В. Д. Левин, Краткий очерк истории русского литературного языка. Москва 1964², 72.

Случаи первого рода объясняются традициями книжной орфографии. Такие случаи как *крикъ*, *Исусъ* 38 можно объяснить вторым южнославянским влиянием.

Рассмотрев особенности фонетики Повести, мы можем сделать следующие выводы:

1) Характерные псковские диалектизмы: мена *ж* ~ *щ*, *с* ~ *ш*, *ц* ~ *ч*, *г* < *г'* не нашли отражения в языке Повести.

2) Повесть хорошо отражает общерусские фонетические тенденции: отверждение *ž'*, *š'*, *č'*, озвончение и оглушение согласных, депалатализацию согласных, однако специальное псковское диалектное развитие вытеснялось элементами общерусского языка, живого языка XVI—XVII вв.

3) Встречаемые в Повести фонетические особенности и консонантизма, и вокализма в большинстве случаев совпадают с теми, которые можно обнаружить в памятниках делового языка — в Уложении 1649 г. и Домострое.

4) Наличие диссимилиации *čn* > *šn*, представленное двумя случаями в Повести, свидетельствует о том, что московский тип литературного языка повлиял и на язык Повести.

5) В Повести можно встретить и диалектные черты. Такими являются следующие: ассимиляция *bm* > *m̄*, *k* > *ch* перед *t* и *k*. Однако они представлены единичными случаями и в Уложении 1649 г., Домострое или Книге о ратном строе. В небольшом количестве случаев можно обнаружить в Повести еще следующие, менее выраженные диалектизмы: а) отверждение согласного, обозначаемого буквой *ц*; б) произношение *ц* как долгого *š̄*; в) долгое твердое *ž̄* < *zž̄*; г) переход *u* > *u̇* (встречающийся очень редко); д) вставочное *v*. Из этих диалектизмов только четвертый и пятый представляют осколки псковской диалектной системы, другие, представленные в памятниках делового языка единичными примерами, можно назвать «северными». Попав в язык Повести, они скорее свидетельствуют о северном влиянии на литературный язык.

Все это свидетельствует о том, что в XVI—XVII вв. определенное распространение получил демократический тип литературного языка и в периферической литературе XVI—XVII вв., диалектизмы постепенно вытесняются из литературного языка, передав свое место общерусским чертам.

К вопросу о «способах глагольного действия» (Aktionsarten) в русском языке

И. ДРАХОШ

„Как известно, современная наука о глагольном виде (аспекте), новый термин — «аспектология», оперирует следующими основными понятиями: «глагольное время» (*tempus*), «глагольный вид» (*aspectus*) и «способы глагольного действия» (*actio*), или немецкий термин «Aktionsarten»). В самом деле большинство исследователей глагольного вида считает своей первостепенной задачей строго разграничить указанные понятия. Однако, несмотря на это научное требование и стремление, взаимоотношения, с одной стороны, времени и вида, с другой стороны, «вида» и «способов действия», окончательно еще не выяснены».¹

Особенно сложным и тем самым спорным оказывается все еще вопрос о «способах действия», об их сущности, количестве и взаимных отношениях. В нашей статье мы стараемся вкратце показать ограничение «способов действия» от «глагольного вида» в русском языке.

Этот процесс можно разделить в основном на три периода: первый период — с начала XIX в. до начала XX в., второй период — с начала XX в. до наших дней, следует однако прибавить, что третий современный этап развития (в узком смысле слова) указанных понятий начинается лишь только с 50-х гг. нашего века.

Что касается общей теории вида, мы не можем заниматься здесь всеми направлениями, потому что их очень много. Мы сузим наше рассмотрение обзором тех направлений, которые разделяют все последовательнее «виды» в собственном смысле слова от так называемых «способов действия».

Отметим еще, что в разработке теории глагольного вида русские ученые играют очень важную роль, поэтому понятно, что и мы уделим им особое внимание.

На раннем этапе разработки теории глагольного вида исследователи М. Смотрицкий, Ю. Крижанич, И. Тимковский, М. В. Ломоносов и т. д. давали лишь самые общие понятия о виде, устанавливали количество видов, характеризовали разные «виды», но не затрагивали или затрагивали лишь в меньшей степени проблемы вида.

¹ *Dombrowszky J.*, A szláv igei aspektus eredetének kérdéséhez. Debrecen 1959, 19.

1. В своих работах «Рассуждение о глаголах» и «Рассуждение о средствах исправить ошибки в глаголе» (Москва 1812 г.) А. В. Болдырев впервые выступал против теории М. В. Ломоносова о десяти формах времени русского глагола и отмежевал вид от времени. В. В. Виноградов указывает: Болдырев «находит в русском языке только две формы времени — настоящее, прошедшее. Недостаток форм времени возмещается богатством видовых различий».²

По А. В. Болдыреву в русском языке пять видов: 1) начинательный, 2) неопределенный, 3) учащательный, 4) однократный, 5) совершенный. Следовательно Болдырев с одной стороны, правильно разграничивает время и вид, но он смешивает вид со способом действия.

Еще более близко к истине стоит Н. И. Греч, когда он определяет вид следующим образом: «Времена в природе ограничиваются тремя: настоящим, прошедшим и будущим; но во временах грамматических, то есть в формах языка, коими выражаются времена, могут быть выражены еще некоторые посторонние обстоятельства, коими ближе определяется значение и объем действия: неопределенность или определенность его, учащательность или однократность, длительность или окончание . . . формы, служащие к выражению сих обстоятельств действия именуются видами».³ Н. И. Греч признавал четыре основных вида простых глаголов: неопределенный, определенный, многократный, однократный и еще два вида у предложных глаголов: несовершенный и совершенный.

И. Н. Греч правильно различает три формы времени, однако при ограничении времени тремя основными формами у Греча расширяется понятие вида.

Все же, теория Греча представляет собой шаг вперед в деле разграничения видов и способов действия, потому что он впервые указал на необходимость различения функции приставок (у него: предлогов), изменяющих видовое (грамматическое) и реальное (лексическое) значение глагола; чего больше он считал видами формами одного слова, в отличие от своих предшественников.

С точки зрения разграничения времени и вида «Русская грамматика» (СПб. 1831, 1856 г.) А. Х. Востокова оказывается шагом назад, потому что Востоков признавал 8 времен. В теории Востокова положительной чертой можно считать тот факт, что он впервые ввел в русскую грамматику понятия о «видах» и «подвидах», т. е. о видах в узком смысле слова и о видах в широком смысле слова.

В теории вида Г. Павский ввел новые термины. Он различал три степени т. е. три вида: глаголы первой степени — иначе однократные, глаголы второй степени — многократные, глаголы третьей степени — многократные

² В. В. Виноградов, Русский язык. Москва 1947, 479.

³ Н. И. Греч, Практическая русская грамматика. 1834, 114—118.

дальние, т. е. рассматривает длительность глагольного действия наподобие степеней сравнения.⁴

Ясно, глаголы первой степени — глаголы совершенного вида имеют две формы времени — будущее и прошедшее; глаголы второй степени — несовершенного вида имеют все три времени — настоящее, прошедшее и будущее; глаголы третьей степени имеют только одну форму прошедшего времени несовершенного вида (*видывал*). Как видно, у Павского получилась стройная теория глагольного вида, в которой несомненно положительной чертой является строгое, последовательное разграничение категории времени и вида.

Вслед за Г. Павским К. С. Аксаков разделяет глаголы на три степени, но, в противоположность Павскому, он придает трем степеням не количественную, а качественную окраску: глаголы неопределенные, однократные и многократные.⁵

Н. П. Некрасов старался устранить двойственность количественных и качественных признаков в определении категории вида, поэтому подверг критике теорию Аксакова относительно качественности действия, ибо по Некрасову «качественность действия заключается в свойстве его проявляться кратко или быстро и медленно или продолжительно . . . Качественность действия есть не что иное, как его продолжительность».⁶

Н. П. Некрасов различает также три степени: краткую, продолженную и кратную.

Эти два ученых не продвинули вперед теории степеней Павского, хотя они занимались проблемой качественности действия.

В последующее время внимание ученых сосредоточивается более интенсивно и последовательно на определении видов в узком смысле слова и на разграничении видов в широком смысле слова, т. е. способов действия.

В своей основополагающей работе «*Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen*» (Wien 1883) Ф. Миклошич выдвигает теорию двух видов: несовершенного (*verba imperfectiva*) и совершенного вида (*verba perfectiva*). По Ф. Миклошичу несовершенный вид обозначает незаконченность или продолжительность действия, а совершенный вид — законченность или оконченность действия: «*Eine Handlung entweder als dauernd dargestellt, oder als vollendet ausgesagt*» (274).

Положительным фактом в этой теории является сведение прежних многочисленных видов к двум основным — законченному и незаконченному, но в то же время можно сказать, что смешение вида со способами действия выступало здесь более рельефно, чем в теориях предшественников. Теория

⁴ Филологические наблюдения над составом русского языка протоиерея Г. Павского. Рассуждение 3: О глаголе. СПб. 1842.

⁵ К. С. Аксаков, О русских глаголах. Москва 1855.

⁶ Н. П. Некрасов, О значении форм русского глагола. СПб. 1865, 148—149.

Миклошича о двувидовом значении славянского глагола просуществовала долгое время (вплоть до наших дней) в учебниках славянских языков. Следует прибавить, что исходя из современной теории вида значение законченности относится не к виду, а к способу действия.

Взгляды А. А. Потебни на категории вида менялись. Несомненно, что теория Г. Павского играла большую роль в теории Потебни о видах русского глагола. По его определению: «Вид есть степень продолжительности времени, заполняемого действием или состоянием».⁷

Впервые в русской лингвистической литературе мысль о необходимости различения вида от тех лексических оттенков протекания глагольного действия, которые теперь называют «способами действия» высказал А. А. Потебня: «Говоря о делении глаголов по видам, мы предполагаем, что это деление имеет одно основание, именно вид. Но под видом до сих пор разумеют две совершенно различные категории: совершенность и несовершенность — с одной, и степени длительности — с другой. Таким образом деля по виду, под покровом этого слова вносят двойственность деления. Во избежание сбивчивости было бы желательно оставить название вида за чем-нибудь одним: за совершенностью и несовершенностью или за степенью длительности, благо самое слово „вид“ может быть приложено, по этимологическому значению и по прежнему употреблению и к тому и к другому и к множеству других понятий».⁸ На той же странице, несколько ниже, он выражался еще рельефнее: «мы утверждаем, что совершенность и несовершенность, с одной стороны, и степени длительности — с другой, не составляют одного ряда (*continuum*), но относятся друг к другу, как *два различные порядка наслоений в языке*».⁹ (Подчеркнуто мною — Й. Д.) Таким образом, Потебня настаивал на необходимости ограничения совершенного и несовершенного видов от степеней длительности, т. е. от «способов действия» — по современной терминологии — уже в 80-х гг. прошлого века. Следует одинако прибавить, что Потебня не углублял дальше указанного вопроса, г. е. его высказывание является лишь только своего рода примечанием вскользь; кроме того, оно стало широко известным лишь после напечатания IV тома «Из записок по русской грамматике», т. е. в 1941 г.

В своей статье Л. П. Размусен «О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках» (Журнал МНП, СПб., июнь 1891) дает определение двух видов — совершенного и несовершенного, весьма близкое к нашему времени: «Глагол совершенного вида, мне кажется, означает первоначально действие как достигающее своей цели (своего предела), а затем вообще действие, рассматриваемое как одно целое (начало, середина и конец — совокупно). Глагол несовершенного вида

⁷ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, IV. Москва 1941 (1874), 75.

⁸ А. А. Потебня, указ. соч. 62.

⁹ Там же.

означает первоначально действие как приготовление к достижению цели а затем вообще, действие, рассматриваемое только со стороны вещественных, (знаменательных) своих признаков, без обозначения целости действия» (379). Если мы проанализируем определение совершенного вида Л. П. Размусена, то можем указать на то, что это определение содержит в себе два компонента: 1) действие как достигающее своей цели (своего предела); 2) действие как одно целое (начало, середина и конец — совокупно) если мы примем, что целостность является основным значением совершенного вида, то в этом определении «предел» выражает действия, значения которых соответствуют резульативным значениям.

В самом деле в приведенном выше определении Размусена указание на предел действия в совершенном виде напоминает теорию В. В. Виноградова и его многочисленных последователей, а выделение целостности действия — теории А. Достала, Ю. С. Маслова, А. В. Исаченко и многих других.

Вот конкретно их определения: По В. В. Виноградову — «Основная функция совершенного вида — ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов представления как его пределе. Обозначение действия в его течении, не стесненном мыслью о пределе процесса в целом — основное общее значение несовершенного вида».¹⁰ По А. Досталу — «D a ND vyjadřuji postoj mluvícího k ději (k vnější události nebo popudu). Slovanské jazyky si vytvořily vedle prostředků lexikálních k vyjádření tohoto postoje v gramatickém systému jazyka ještě zvláštní kategorii vidů. Při D jde o celkové (ucelené) pojetí, plynoucí z postoje mluvícího k vnější události, při ND naopak o ne-celkové (neucelené) pojetí děje. D je v korelaci perfektivnosti podstatným členem, kdežto ND členem vedlejším».¹¹ По Ю. С. Маслову — «Совершенный вид обозначает действие как неделимое целое, тогда несовершенный вид не содержит в своей семантике указания на целостность действия».¹² По А. В. Исаченко — «Выражая процесс при помощи форм несовершенного вида (например *я переписывал, я переписываю*), говорящий находится как бы в потоке самого процесса. Он не видит ни его начала, ни его конца и, следовательно, не может выразить этот процесс как замкнутое, цельное событие. ... Выражая процесс формами совершенного вида (например *я переписал*), говорящий стоит вне процесса, выраженного глагольной формой: следовательно, он обзирает процесс как единое целое».¹³

Если мы сравним определение общего значения совершенного вида Л. П. Размусена и В. В. Виноградова, с определениями А. Достала, Ю. С.

¹⁰ В. В. Виноградов, Русский язык. Москва 1947, 497.

¹¹ А. Достал, Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha 1954, 15–16.

¹² Ю. С. Маслов, Вопросы грамматики болгарского литературного языка. Москва 1959, 307–212.

¹³ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка. Морфология. II. Братислава 1960, 133.

Маслова и А. В. Исаченко, то можем установить, что они сузили общее значение совершенного вида, включили в него только целостность, не приняли понятия предела, который выражает резульативное значение и примыкает к одному из значений способов действия. Однако возникает вопрос: что такое неделимая целостность действия? Выражает ли она только грамматическое (видовое) значение? Ю. С. Маслов так определяет это понятие: «Значение неделимой целостности действия следует понимать прежде всего как невозможность деления действия на отдельные фазы. Именно эта сущность семантики совершенного вида отражена в том факте, что формы совершенного вида не могут сочетаться с „фазовыми“ глаголами: можно сказать *начал (продолжал, кончил) писать*, но не *написать*.»¹⁴

В определенной степени влияние Л. П. Размусена отражается и в работе Г. К. Ульянова «Значение глагольных основ в литовско-славянском языке» (Варшава 1895 г.). Он различает длительные и недлительные основы. Характеризуя «длительность времени признака» Г. К. Ульянов выделяет следующие значения: детерминативное, суммарное, (чисто суммарное и дистрибутивно-суммарное), резульативное, перфективное, ингрессивное, моментальное, немоментальное и предлагал новые термины, укоренившиеся и в современной аспектологии, но, естественно, не в отношении двух видов, а для обозначения способов действия. В этом и есть его главная заслуга, хотя он еще смешивает лексическое и грамматическое значение.

На диссертацию Г. К. Ульянова Ф. Ф. Фортунатов написал очень содержательную критику: Критический разбор сочинения профессора Г. К. Ульянова «Учения глагольных основ в литовско-славянском языке» (СПб. 1897 г.). Ф. Ф. Фортунатов определяет вид следующим образом: «Видом обозначаются в глаголе различия во времени самого признака, обозначаемого глагольной основой... Эти различия во времени признака объединяются в две соотносительные категории вида перфективного и вида имперфективного. Формою вида перфективного данный признак обозначался в состоянии полного его проявления во времени, а формою вида имперфективного тот же признак обозначался без отношения к полноте его проявления во времени» (24).

Это определение звучит совсем современно. Ф. Ф. Фортунатов выделяет перфективный вид как положительный признак, а имперфективный как отрицательный, т. е. мы имеем дело с привативной корреляцией.

Однако Ф. Ф. Фортунатов как и его предшественники относил значение лексического характера, т. е. способа действия к тем двум видам, как например: детерминативное, инхоативное, ингрессивное, резульативное, финитивное значения.

Таким образом, главное достижение этого первого периода состоит в

¹⁴ А. В. Бондарко, Русский глагол. Ленинград 1967, 31.

том, что удалось отделить время от вида, но, тем самым необходимость разграничения вида и способа действия ощущалась все реже и реже.

2. До Потебни и после него до С. Агрелля ни одному из славистов, занимающихся вопросами глагольного вида не пришло в голову провести такое разграничение между видом в собственном смысле слова и способами действия. До С. Агрелля вид отождествляли со способом действия, а лексическое значение глагола смешивалось с грамматической категорией вида.

Шведский лингвист С. Агрелль внес большой вклад в науку об аспектах тем, что он провел впервые последовательное разграничение между видом (в узком смысле слова) и способами действия в польском глаголе.¹⁵

С. Агрелль вводит уже два различных термина: «aspect» для обозначения грамматической категории вида и «postać» (или Aktionsart) для обозначения лексического содержания глагола, способа выражения действия. С. Агрелль подразумевает под способом действия не две формы вида, а семантические функции приставочных глаголов (а также некоторых бесприставочных глаголов и суффиксальных образований), которые уточняют, как совершается действие, обозначают способ его осуществления.

Его монография: «Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte» (Lund 1908) представляет собой поворотный пункт в разграничении вида (аспекта) и способов действия (Aktionsarten). Он дал следующее определение вида и способа действия: «Unter Aktionsart verstehe ich . . . nicht die beiden Hauptkategorien des slavischen Zeitwortes, die unvollendete u. die vollendete Handlungsform (das Imperfektum u. das Perfektum) — diese nenne ich Aspekte. Mit dem Ausdrücke Aktionsart bezeichne ich bisher fast gar nicht beachtete — geschweige denn klassifizierte — Bedeutungsfunktionen der Verbalkomposita (sowie einiger Simplicia u. Suffixbildungen), die genau ausdrücken wie die Handlung vollbracht wird, die Art u. Weise ihrer Ausführung markieren» (78).

Как мы видим, влияние Агрелля на последующих аспектологов огромно, ибо его определение способов действия (Aktionsarten) повторяется с того времени с теми или иными незначительными поправками, ср.: «они (способы действия) точно выражают как совершается действие, оттеняют способы проведения действия.»

С. Агрелль различает два типа приставок: 1) приставка вызывает только смену вида, например: *z-robić* 'сделать'; 2) приставка вызывает не только смену вида, но и известным образом характеризует само действие или состояние, т. е. определяет способ действия, например: *ukończyć* по отношению к *skończyć* (ср. русск. закончить и окончить).

¹⁵ Ср. *Dombrowszky J.*, указ. соч. 17,

С. Агрелль различал 20 способов действия в польском глаголе, но их количество можно было бы и увеличить и уменьшить, в зависимости от индивидуальных черт отдельных славянских языков, а также от взгляда исследователя.

Вот перечень названий этих 20 способов действия (Aktionsarten): 1) resultativ — *zembrzeć* (ев. *skończyć*); 2) effektiv — *wykończyć*; ... 3) momentan — *ukłuć* (ев. *skończyć*); 4) durativ — *ukończyć*; 5) distributiv — *po-kończyć*; 6) final — *dokończyć*; 7) akkuratv — *odróżnić* (*odegrać*); 8) augmentativ — *rozróżnić* (*rozdrażnić*); 9) majorativ — *podrożeć*; 10) perdurativ — *przenocować*; 11) präteritiv — *poszukać*; 12) konsekutiv — *pochwalić*; 13) definitiv — *zakończyć*; 14) eff. — definitiv — *przebudzić*; 15) dur. — definitiv — *nakierować*; 16) aug. — definitiv — *wzbudzić*; 17) terminativ — *przyjść*; 18) perkursiv — *zajść*; 19) kursiv — *pójść*; 20) inchoativ — *zagrać*.

Таким образом, большое значение классификации Агрелля заключается не только в том, что он первым отмежевал конкретно и последовательно вид от способа действия, а также в том, что при разграничении разных способов действия он опирался своим здравым смыслом, прежде всего на функции префиксов, на продуктивные формальные показатели, а простые и суффиксальные формы отесняются им на задний план и играют у него незначительную роль.

Непосредственно до Агрелля и вслед за ним появляются новые определения вида у немецких, французских и других ученых, так например: по А. Бругману совершенный вид выражает действие непротяженное «точечное» (*punktueller*), наоборот несовершенный вид — действие «курсивное» (*kursiv*).

В своей содержательной работе «*Emplois des aspects du verbe russe*» (Paris 1914) А. Мазон подвергает очень глубокому и тонкому анализу аспектуальные функции русского глагола. В своем отзыве на книгу Мазона А. Мейе, признавая большие достоинства диссертации А. Мазона, критиковал его, потому что Мазон считал итеративность одним из значений несовершенного вида, т. е. не отграничивал вид от способа действия. Однако он позже отказался от этой мысли.

В своей работе «*Système du verbe russe*» (Prague 1927) С. Карцевский создал теорию результативности: «*Il nous semble que l'examen des rapports entre l'aspect et le temps confirme l'idée, plusieurs fois déjà formulée ici, que c'est la notion de resultat qui forme le centre autour duquel pivote le système des aspects et, indirectement, tout le système du verbe russe*» (155).

По его мнению результативность выражается лишь глаголами совершенного вида с определенным значением конкретного результата. На наш взгляд эта теория несостоятельна, потому что результативность — это не вид, а один из способов действия, тесно связанный с конкретным лексическим содержанием данного глагола.

Вопросами способов действия много занимался Э. Кошмидер в работах «Studien zum slavischen Verbalaspekt» (1928), «Zeitbezug und Sprache» (Leipzig—Berlin 1929), «Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Próba syntezy» (Wilno 1934). В последней работе Э. Кошмидер высказывает взгляд, что глаголы польского, как впрочем всех славянских языков, можно разделить на ряд групп на основании известных общих черт в их значении, относящихся к способу протекания данного действия.

Такие группы часто выделяются также благодаря общим формальным показателям, с которыми связаны общие для этих глаголов оттенки значения.

По семантическим значениям он различает дуративные глаголы: *ubiec* 'истечь', 'пройти' (о сроке), *ułożyć* 'уложить'; точечные глаголы: *umrzeć* 'умереть', *peknać* 'лопнуть'; мгновенные глаголы: *krzyknąć* 'крикнуть'; начинательные (ингессивные): *zaśpiewać* 'запеть'; результативные: *zabić* 'убить'; инхоативные: *kamienieć* 'каменеть'; однократные (семельфактивные); *wyciągnąć* 'вытянуть'; многократные (итеративные): *chodzić* 'ходить'; детерминативные: *przynieść* 'принести'; индетерминативные глаголы: *nieść* 'нести'.

Как видно, Э. Кошмидер как и С. Агрелль выделяет важность формальных показателей глаголов при распределении способов действия.

Под влиянием Ф. Ф. Фортунатова и Г. К. Ульянова А. А. Шахматов старался четко выделить внутри двух видов некоторые значения способа действия. Внутри глаголов несовершенного вида Шахматов выделяет следующие подвиды: 1) кратный и некратный; 2) моторно-кратный и моторно-некратный; 3) многократный; 4) определенный подвид несовершенного вида. Внутри глаголов совершенного вида он различает: 1) однократный или мгновенный; 2) определительный подвид совершенного вида. Однако «подвиды» А. А. Шахматова составляют некоторые способы действия, потому что он все еще относил значения подвидов к значениям совершенного и несовершенного вида.

Как мы указали, у А. П. Размусена В. В. Виноградов исходит из понятия «предела», который он считает основным значением совершенного вида и отсутствие «предела» действия — основным значением совершенного вида. Предельность понимается В. В. Виноградовым как абстрактное грамматическое значение перфективности. Это общее, чисто перфективное значение выражается приставками, утратившими свое лексическое значение и ставшими только грамматическим показателем. Однако В. В. Виноградов выделяет более частные внутривидовые значения, которые помимо грамматических оттенков имеют еще дополнительные лексические оттенки. У глаголов совершенного вида В. В. Виноградов различает следующие «внутривидовые» значения: детерминативное, инхоативное, ингессивное, финитивное, суммарное, которые он еще не отчленил от видовых значений. В. В.

Виноградов еще не рассматривает эти «внутривидовые» дополнительные значения, как способы действия. Он стоит близко к разграничению вида и способа действия.

Подытоживая сказанное в этой части, мы можем установить, что между видом и способом действия в русской лингвистической литературе до 50-х гг. XIX в. не было проведено последовательного разграничения между видом и способом действия, но в то же время следует прибавить, что внутренние условия развития уже созрели к такому последовательному разграничению. Таким образом, перед новым поколением стояла задача конкретно и последовательно отграничить вид от способа действия.

3. В работах Ю. С. Маслова раскрытие связи и взаимодействия вида и способа действия на материале болгарского и русского языков означает новый период в разграничении вида и способа действия.

В своей диссертации «Глагольный вид в современном болгарском языке» (Автореферат. Ленинград 1957) он дал определение способа действия: «Под способом действия следует понимать некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих словообразовательной активности, вида и синтаксического употребления» (8).

Он не только дал определение способов действия, но и предложил подразделить их на три главные группы: на морфемно выраженные (характеризованные), морфемно невыраженные (нехарактеризованные) и непоследовательно характеризованные способы действия. Кроме этого подразделения способов действия он предложил и другую классификацию: способы действия, связанные с видовой дефективностью (межвидовые).

По Ю. С. Маслову лучше было бы разграничить все эти группы терминологически, поэтому он предлагает таблицу терминов для обозначения отдельных способов действия. Эта таблица находится в его статье «Система основных понятий и терминов славянской аспектологии» (Вопросы общего языкознания. Ленинград 1965, 75—78).

Что касается подразделения способов действия, и терминологического разграничения групп способов действия, то эта проблема была уже решена А. В. Бондарко в книге «Русский глагол» (Ленинград 1967). Он подразделил способы действия на характеризованные, непоследовательно характеризованные и нехарактеризованные и определил терминологически разные группы среди этих трех главных способов действия.

Нам еще не совсем понятно распределение способов действия по морфемной характеристике на «нехарактеризованные» способы действия, потому что глаголы, входящие в рамки «нехарактеризованных» способов действия в большинстве случаев имеют морфемные (формальные, продуктивные

или непродуктивные) показатели, например: глаголы *голодать*, *страдать* имеют продуктивный суффикс *a* в инфинитиве, глагол *спать* — непродуктивный суффикс *a*, глаголы *сидеть*, *висеть* — непродуктивный суффикс *e* и т. д. Нам кажется удачнее второе предложение разделения Ю. С. Маслова на способы действия, связанные с дефективностью или не связанные с дефективностью глаголов. Но эта проблема требует еще разрешения. В данной статье мы не занимаемся терминологией распределения способов действия.

После Ю. С. Маслова А. В. Исаченко определяет понятие способа действия. Он называет это понятие «совершаемостью» глагольного действия (способом глагольного действия), под которой подразумевает: «Совершаемость действия в нашем понимании является семантической модификацией исходного простого или приставочного глагола. Она обязательно выражается внешними (формальными) средствами — приставками или суффиксами... Но основной приметой совершаемости в нашем понимании является отсутствие соотносительных парных глаголов другого вида».¹⁶

Как видно, дефективность глаголов (т. е. глаголы *imperfectiva* и *perfectiva tantum*) служит основой этого определения, но имеются и соотносительные глаголы и возникает вопрос, куда они относятся. Хотя у А. В. Исаченко есть и другой термин — «характер глагольного действия». В этот термин не входит название способа действия, будто он формально не относится к способу действия, но если рассматриваем определение этого термина: «под этим термином мы будем понимать самые общие семантические свойства простых (бесприставочных, бессуффиксных) глаголов»,¹⁷ то сразу чувствуем, что этот термин тоже относится к способу действия. После определения этого термина А. В. Исаченко пишет следующее: «Глаголы, образующие соотносительные видовые формы, обладают общим значением курсивности. Действие, выраженное такими глаголами, как *переписывать*, может быть представлено в виду движения по координате времени. Такое общее значение протекания процесса по временной оси можно назвать курсивным характером действия».¹⁸ Далее он пишет: «Некурсивные глаголы не могут быть представлены как „целостные, сомкнутые события”».¹⁹ Из этого определения не ясно понимается, содержит ли в себе «характер глагольного действия» соотносительные (префиксально-суффиксальные) глаголы *переписать* — *переписывать* или только несоотносительные глаголы несовершенного вида (*imperfectiva tantum*) без предлогов и суффиксов. Если глаголы типа *переписать* — *переписывать* входят в рамки характера глагольного действия, то определение этого термина не точное. После этого мы можем сделать такой вывод, что не остается другой возможности только воспринять

¹⁶ А. В. Исаченко, указ. соч. 301.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

«совершаемость глагольного действия» и «характер глагольного действия» как такие термины, в центре которых стоят дефективные глаголы и недефективные глаголы остаются вне этих терминов, т. е. еще нужен был бы третий термин для выражения соотносительности глаголов. Такое определение не облегчает, а затрудняет и осложняет понимание способов глагольного действия, поэтому прав А. В. Бондарко, который, признавая достоинства книги А. В. Исаченко, подверг критике отдельные его положения.

И другие исследователи занимались вопросами способа действия, но они примыкают к одному из вышеупомянутых аспектологов.

Подводя итоги, можно установить, что касается разграничения вида и способа действия, многие вопросы были выяснены, но комплекс вопросов в целом еще не решен. Новое определение вида и определение способа действия находятся только в диссертациях, статьях, материалах съездов славистов, но вообще значение совершенного и несовершенного вида выражается значениями способа действия. Нам кажется, что нужно было бы устранить все препятствия, которые дают возможность для смешения категории вида и способа действия.

Соотносительность согласных звуков в современном русском языке

А. И. МОИСЕЕВ

Изучение звуков речи, теоретическое и практическое, может быть успешным только при учете системного характера звукового строя звуков языка. Звуковая система языка складывается из сходств и различий языка, фонем.

Согласные звуки современного русского языка характеризуются несколькими артикуляционно-акустическими признаками, из которых основными, фонологически значимыми, дифференциальными являются следующие четыре признака: 1) место образования (определяется главным образом по активным органам произношения: звуки губнозубные, переднеязычные и др.); 2) способ образования (звуки смычные, щелевые и пр.); 3) работа голосовых связок (звуки звонкие и глухие); 4) так называемая дополнительная артикуляция, состоящая в подъеме средней части языка к небу и создающая мягкие звуки в отличие от твердых, образуемых без дополнительной артикуляции.

Различные комбинации этих признаков создают отдельные конкретные согласные звуки, которые в совокупности образуют сложную, далеко не однородную, но в целом довольно стройную систему сходств и различий. В соответствии с общей различительной функцией фонем особенно важны как раз различия между звуками.

Звуки могут различаться всеми своими признаками, не имея ни одного общего, напр., *Б* и *Ч*: *Б* — губно-губной, *Ч* — переднеязычный, *Б* — смычный, *Ч* — смычно-щелевой, *Б* — звонкий, *Ч* — глухой, *Б* — твердый, *Ч* — мягкий. Но различие может быть и неполным, частичным, при частичном сходстве: звуки *Ч* и *Й* сходны только по мягкости и различны по всем другим признакам; звуки *Ч* и *Ц* сходны по способу образования (оба смычно-щелевые) и по глухости, но различны по двум другим признакам — по месту образования (*Ч* — переднеязычный небный, *Ц* — переднеязычный зубной) и мягкости-твердости, и т. п.

Особенно интересны и важны различия только по одному какому-либо признаку, при сходстве по всем остальным: различие только по работе голосовых связок (*Д* — *Т*), только по дополнительной артикуляции (*Д* — *Д'*),

только по месту образования ($Д — Г$), только по способу образования ($Д — З$). Такое различие звуков — различие по одному признаку, при сходстве по всем остальным — называется соотносительностью,¹ а звуки, так различающиеся, соотносительными: звуки $Д$ и $Т$ соотносительны по работе голосовых связок (по звонкости — глухости), $Д — Д'$ — соотносительны по дополнительной артикуляции (по твердости — мягкости) и т. п.

Фонетическое различие слов может быть, как известно, различием только в одном (для каждого сравниваемого слова) звуке, иначе — звук речи, фонема может быть единственным различителем слов, их звуковой оболочки: $дОм — дАм$, $Дом — Сом$, $доМ — доЛ$ и т. п. Этой способностью обладают и соотносительные звуки: $Дом — Том$, $пыЛ — пыЛЬ$, $Вал — Зал$, $Ток — Сок$ и т. п. Это предельно минимальное различие слов: слова различаются не просто одним каким-либо звуком, а как бы только одним дифференциальным признаком, так как противопоставленные звуки сами различаются именно одним этим признаком.

Надо отметить однако, что такое различие слов (различие в одном звуке) используется в языке не часто; гораздо чаще слова различаются двумя и более звуками, главным образом 3—5; сходство, напротив, захватывает чаще лишь 2—3 звука. В этом, в частности, проявляется на фонетическом уровне общая особенность естественных языков — избыточность средств выражения, необходимая для обеспечения надежности языкового общения. Показательно в этом отношении то, что различие в одном звуке используется преимущественно в коротких словах, состоящих из 3—5 звуков, в которых на каждый звук приходится значительная доля различительной функции (или общей информации). В связи с этим примеры, иллюстрирующие различение слов соотносительными звуками, надо специально подыскивать, поэтому некоторые из них оказываются невыразительными, как бы искусственными.

Соотносительность звуков лежит в основе системы фонем, изучение соотносительности имеет поэтому большое теоретическое значение. Но важно оно и в практическом отношении, особенно в условиях иноязычной школы: знание характера соотносительности между звуками помогают осознать и практически освоить артикуляционно-акустические особенности каждого отдельного звука.

¹ Помимо термина *соотносительность* (см. Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского языка. МГУ 1956, 159) в этом же значении употребляются термины *противоположность* (Л. В. Щерба, Фонетика. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. ЛГУ 1958, 164), *противоположение* (Л. Р. Зиндер, Общая фонетика. ЛГУ 1960, 69), *противопоставление* (А. Н. Гвоздев, О фонологических средствах русского языка. Избранные работы по орфографии и фонетике. М. 1963, 106), *корреляция* (А. А. Реформатский, Введение в языковедение. М. 1967, 178), *оппозиция* (Н. С. Трубецкой, Основы фонологии [перевод с немецкого]. М. 1960, 38 и др.), но некоторые из этих терминов имеют, однако, более широкое значение — всякое различие, а не только по одному признаку при сходстве во всех остальных.

Явление соотносительности звуков, в целом и в частных формах его реализации, не получило еще полного и последовательного описания; некоторые его разновидности еще даже не указаны, а обобщение всей системы соотносительности в виде схем и таблиц, как это сделано в отношении физиологической классификации звуков, еще почти не начато.

В учебной и методической литературе, не только школьной, но и вузовской, соотносительность согласных звуков русского языка по существу сводится лишь к двум ее типам — парным противоположениям по звонкости-глухости и по твердости-мягкости: «Система согласных звуков русского языка характеризуется наличием двух рядов фонем, в одном из которых они группируются по признаку глухости-звонкости, а в другом — по признаку твердости-мягкости» (Р. И. Аванесов, ук. соч. 159).

Но соотносительность захватывает и другие дифференциальные признаки — место образования и способ образования. Эти типы соотносительности часто вообще не упоминаются или указываются только в самой общей форме с примерами чисто иллюстративного характера. Так, в названном ранее учебнике А. А. Реформатского русское *Д* охарактеризовано следующим образом: «например, в фонеме [Д] в русском языке можно выделить признаки звонкости (в отличие от глухости [Т]: *дом* — *том*), твердости (в отличие от мягкости [Д']: *дома* — *Дёма*), взрывности (в отличие от фрикативности [З]: *дал* — *зал*), отсутствие назальности (в отличие от [Н]: *дам* — *нам*), [отсутствие — А. М.] латеральности (в отличие от [Л]: *дала* — *лама*), наличие переднеязычности (в отличие от заднеязычности [Г]: *дам* — *гам*) и отсутствие лабиальности (в отличие от [Б]: *док* — *бок*)» (212). Для [Д] здесь указаны все направления соотносительности, но это лишь отдельный фрагмент общей системы соотносительности русских согласных.

Наиболее полно соотносительность согласных звуков русского языка описана в упомянутой уже работе А. Н. Гвоздева (106 и след.), а также в его учебнике «Современный русский литературный язык» (ч. I. М. 1968, 16—19). Однако и здесь даны лишь отдельные типы соотносительности без сведения их в единую систему. Кроме того многочисленные ряды соотносительности по способу образования искусственно разорваны на парные соответствия, главным образом смычных и щелевых звуков; есть также некоторые пропуски и неточности.

Таким образом, соотносительность согласных звуков русского языка описана еще не полно, а в некоторых звеньях и неточно; отдельные типы соотносительности не сведены в единую, общую систему. В этих условиях задача состоит в том, чтобы дать полный и систематический перечень всех типов соотносительности и указать место каждого звука в соответствующем ряду соотносительности, а затем попытаться свести все это воедино и отразить в общей схеме соотносительности.

Соотносительность пронизывает всю систему согласных звуков рус-

ского языка и охватывает все их дифференциальные признаки. Но проявляется она неравномерно и не однотипно: разные дифференциальные признаки дают разные группировки соотносительности звуков, а на отдельных участках общей системы обнаруживаются некоторые перебои — некоторые звуки по тем или иным признакам оказываются несоотносительными, одинокими, изолированными.

Для выявления отдельных типов соотносительности можно воспользоваться таблицей физиологической классификации согласных звуков: хотя она составлена с ориентацией главным образом на сходства звуков, но вместе с этим, как бы попутно, в ней отражены и различия между звуками. Единой, канонической таблицы согласных звуков русского языка пока не существует: имеются многочисленные вариации ее, различающиеся формально или по существу, в деталях или в более значительных элементах и частях. Можно исходить из следующего ее варианта:

Место образования		губные				язычные							
Способ образования	Дополн. арт.	губно-губные		губно-зубные		переднеязычные				среднеязычн.	заднеязычные		
		голос. св.				зубные		небные					
	голос. св.	тв.	м.	тв.	м.	тв.	м.	тв.	м.	м.	м.	тв.	
смычные	звонкие глухие	Б П	Б' П'			Д Т	Д' Т'					Г' К'	Г К
щелевые	звонкие глухие			В Ф	В' Ф'	З С	З' С'	Ж Ш	Щ	Й		Х'	Х
смычно-щелевые	глухие					Ц			Ч				
смычно-проходные	звонкие нос. бок.	М	М'			Н Л	Н' Л'						
дрожащие	звонкие							Р	Р'				

Основными признаками в этой таблице являются место образования и способ образования; два других признака (работа голосовых связок и дополнительная артикуляция) оказались на втором плане. Еще далее отодвинуты признаки назальности и латеральности. В каждой паре признаки находятся в таком отношении друг к другу, что если по одному из них звуки оказываются сходными, то по другому те же звуки будут соотносительными: сходные по месту образования — соотносительные по способу образования; сходные по работе голосовых связок — соотносительные по дополнительной артикуляции, и наоборот. Например, стоящие рядом по горизонтали звуки Д и Д' сходны по работе голосовых связок и соотносительны по дополнительной артикуляции; звуки Д и Т, стоящие рядом по вертикали, сходны по

отсутствию дополнительной артикуляции (оба твердые), соотносительны по работе голосовых связок, по звонкости-глухости; звуки *Б—Д—Г* сходны по способу образования и соотносительны по месту образования, а звуки *Д—З—Л—Н*, наоборот, сходны по месту образования и соотносительны по способу образования и т. п.

Наиболее специфической для русского языка является соотносительность по дополнительной артикуляции — по твердости-мягкости. Большая часть согласных звуков русского языка объединяется в пары соотносительных твердых и мягких звуков (одномерные оппозиции, замкнутые корреляции): *Д—Д'*, *З—З'*, *Л—Л'* и т. п. Вне системы соотносительности находятся лишь твердые *Ж, Ш, Ц* и мягкие *Ч, Ё, Щ* (если считать *Щ* одной фонемой, а не сочетанием двух фонем). Некоторые особенности имеют заднеязычные *Г, К, Х*: фонологическая самостоятельность мягких *Г', К', Х'* неотчетлива и потому сомнительна.

Все сказанное можно представить в виде таблицы. (См. таблицу № 1).

Таблица 1

Соотносительность согласных звуков русского языка по дополнительной артикуляции (по твердости-мягкости)

Твердые	Мягкие	Примеры минимального различия слов ²
<i>Б</i>	<i>Б'</i>	<i>труба — трубя, груба — грубя</i>
<i>В</i>	<i>В'</i>	<i>вал — вял, воз — вёз, вол — вёл</i>
<i>Д</i>	<i>Д'</i>	<i>дорн — дёрн, следа — следя, дома — Дёма</i>
<i>З</i>	<i>З'</i>	<i>гроза — грозя</i>
<i>Л</i>	<i>Л'</i>	<i>был — былъ, дал — даль, ел — ель, жал — жаль, пыл — пыль, убыл — убыль, угол — уголь, цел — цель</i>
<i>М</i>	<i>М'</i>	<i>мал — мял, мол — мёл, тем — тём, корма — кормя</i>
<i>Н</i>	<i>Н'</i>	<i>гран — грань, дан — дань, лен — лень, кон — конь, рван — рвань, ткан — ткань, перенос — перенёс</i>
<i>П</i>	<i>П'</i>	<i>пальцы — пяльцы, топ — топь, цеп — цепь</i>
<i>Р</i>	<i>Р'</i>	<i>жар — жарь, сыр — сырь, хвор — хворь, хор — хорь</i>
<i>С</i>	<i>С'</i>	<i>вес — весь, ос — ось, проса́ — прося́, трус — трусь</i>
<i>Т</i>	<i>Т'</i>	<i>закрыт — закрыть, изрыть, ток — тёк, клад — кладь, молод — молодь, суд — суть</i>
<i>Ф</i>	<i>Ф'</i>	<i>кров — кровь, нов — новь, прав — правь, фон — фён</i>
<i>Г</i>	<i>Г'</i>	Артикуляционно-акустически твердые и мягкие заднеязычные различаются (<i>год — гиря, кот — кислый, ход — хитрый</i>), но как минимальные различители они почти не употребляются: <i>соткём — садком [сатк'ом — сатком]</i>
<i>К</i>	<i>К'</i>	
<i>Х</i>	<i>Х'</i>	
<i>Ж</i>	—	
<i>Ш</i>	—	
<i>Ц</i>	—	
—	<i>Й</i>	
—	<i>Ё</i>	
—	<i>Ч</i>	
—	<i>Щ</i>	

² Примеры приводятся в орфографической записи, но имеется в виду звуковой состав слов.

Соотносительность по работе голосовых связок (по звонкости — глухости) в общем виде имеет ту же схему, что и соотносительность по твердости-мягкости: соотносительные звуки образуют пары, соотносительность охватывает не все звуки — имеются звонкие без парных глухих и глухие без парных звонких. Непарными звонкими являются сонорные (*Л, Н, Р, М*, их мягкие корреляты и *Й*), непарные глухие аффрикаты *Ц, Ч*, а также *Щ* (с учетом сделанной ранее оговорки) и *Х* (парный звонкий звук *γ* фактически в системе русского языка отсутствует, так как имеет исключительно низкую употребительность, к тому же в словах междометного характера: *ага, гос-поди*).

Это тоже можно представить в форме таблицы (См. таблицу № 2.)

Таблица 2

Соотносительность согласных звуков русского языка по работе голосовых связок (по звонкости-глухости)

Звонкие	Глухие	Примеры минимального различия слов
Б	П	башня — пашня, балка — палка, был — пыл, бьль — пыль, бук — пук, бот — пот, бар — пар
Б'	П'	быть — пить, бью — пью, бег — пег (пегий)
В	Ф	ваза — фаза, вон — фон, влага — флага, вас — фас, вальцы — фальцы, вальцевать — фальцевать
В'	Ф'	вея — фья, ветра — фетра
Г	К	гол — кол, граб — краб, гран — кран, гладь — кладь, голос — колос, губка — кубка, гуца — куца, гнут — кнут, год — код, гон — кон, гонка — конка, гость — кость, стоком — стогом
Г'	К'	гинуть — кинуть, гичка — кичка, о стоге — о стоке
Д	Т	дам — там, дочка — точка, дом — том, дол — тол, дуб — туп, долька — только, дровяной — травяной, двоих — твоих
Д'	Т'	дело — тело, дядя — тятя, день — тень
Ж	Ш	жаль — шаль, жить — шить, жар — шар, жутко — шутка
З	С	зуд — суд, коза — коса, зов — сов (сова), зад — сад, злой — слой, зорок — сорок, зыбь — сыть, зуб — суп, золка — солка
З'	С'	зев — сев, змей — смей, злить — слить, зевок — севок
Л, Л'	—	
Н, Н'	—	
М, М'	—	
Р, Р'	—	
Й	—	
—	Ц, Ч, Щ, Х, Х'	

Соотносительность по твердости-мягкости и по звонкости-глухости — наиболее простые виды соотносительности. Гораздо сложнее соотносительность по месту образования и по способу образования: соотносительность по этим признакам может быть не только двучленной, но и многочленной, в

целом — разночленной, что создает непропорциональность, несимметричность соотносительных рядов звуков.

По месту образования различаются шесть положений и, соответственно, шесть типов звуков: 1) губно-губные звуки: *Б, П* и др.; 2) губно-зубные: *В* и др.; 3) переднеязычные зубные: *Д, З* и др.; 4) переднеязычные небные: *Ж, Ч* и др.; 5) среднеязычные: *Й* (единственный звук данного типа); 6) заднеязычные: *Г, К, Х*; мягкие корреляты всех звуков переднеязычных и заднеязычных смещаются в зону среднеязычных, но не переходят в нее.

Таблица 3

Соотносительность согласных звуков русского языка по месту образования

1	2	3	4	5	6	Примеры различения слов
<i>Б</i>	—	<i>Д</i>	—	—	<i>Г</i>	<i>бал — дал — галл, боли — доли — голи</i>
<i>Б'</i>	—	<i>Д'</i>	—	—	<i>Г'</i>	<i>белить — делить, дробы — дроги,</i> <i>дик — гик</i>
<i>П</i>	—	<i>Т</i>	—	—	<i>К</i>	<i>пот — тот — кот, пол — тол — кол</i>
<i>П'</i>	—	<i>Т'</i>	—	—	<i>К'</i>	<i>пел — тел, пиль — киль, тем — кем</i>
—	<i>В</i>	<i>З</i>	<i>Ж</i>	—	—	<i>вал — зал — жал</i>
—	<i>В'</i>	<i>З'</i>	—	<i>Й</i>	—	<i>привирать — призирать, за — я,</i> <i>зелье — елю [йел'йу]</i>
—	<i>Ф</i>	<i>С</i>	<i>Ш</i>	—	<i>Х</i>	<i>фут — суд — шут — худ, сот — ход,</i> <i>флюс — шлюз, фреска — срезка</i>
—	<i>Ф'</i>	<i>С'</i>	—	—	<i>Х'</i>	<i>фея — сея, Уфе — ухе, сижено — хижена</i>
<i>М</i>	—	<i>Н</i>	—	—	—	<i>жму — жну, ком — кон, сом — сон</i>
<i>М'</i>	—	<i>Н'</i>	—	—	—	<i>сами — сани, семь — сень</i>
—	—	<i>Л, Л'</i>	—	—	—	<i>намять — нанять</i>
—	—	—	<i>Р, Р'</i>	—	—	
—	—	<i>Ц</i>	—	—	—	
—	—	—	<i>Ч, Щ</i>	—	—	

По способу образования различается пять типов звуков: 1) смычные: *Б, Д* и др.; 2) щелевые: *В, З* и др.; 3) смычно-щелевые (слитные, аффрикаты): *Ц, Ч* (только два звука; некоторые авторы к аффрикатам причисляют и *Щ*); 4) смычно-проходные: *М, Н, Л* и их мягкие корреляты; 5) дрожащие: *Р* и *Р'*.

Соотносительность по способу и месту образования, как и соотносительность по работе голосовых связок и по дополнительной артикуляции, имеет перебои: некоторые звуки и здесь несоотносительны.³

Такова соотносительность согласных звуков русского языка по их основным дифференциальным признакам. Можно отметить еще соотносительность звуков по работе небной занавески, включающей или отключающей в момент образования звуков речи носовой резонатор. По этому осно-

³ В приводимых далее таблицах типы звуков по месту и способу образования будут обозначены, в интересах экономии места, не названиями, а номерами, в соответствии с только что данной характеристикой их.

ванию образуются соотносительность носовых и «чистых» звуков: *М* — *Б*, *М'* — *Б'*, *Н* — *Д*, *Н'* — *Д'*. Но это соотношение перекрывается соотносительностью по способу образования (см. только что названные звуки в таблице № 4), поэтому отдельно его можно и не давать, иметь в виду это, однако, надо, особенно в практическом отношении: различие между чистыми и носовыми звуками более конкретно, более «понятно», нежели различие их по способу образования.

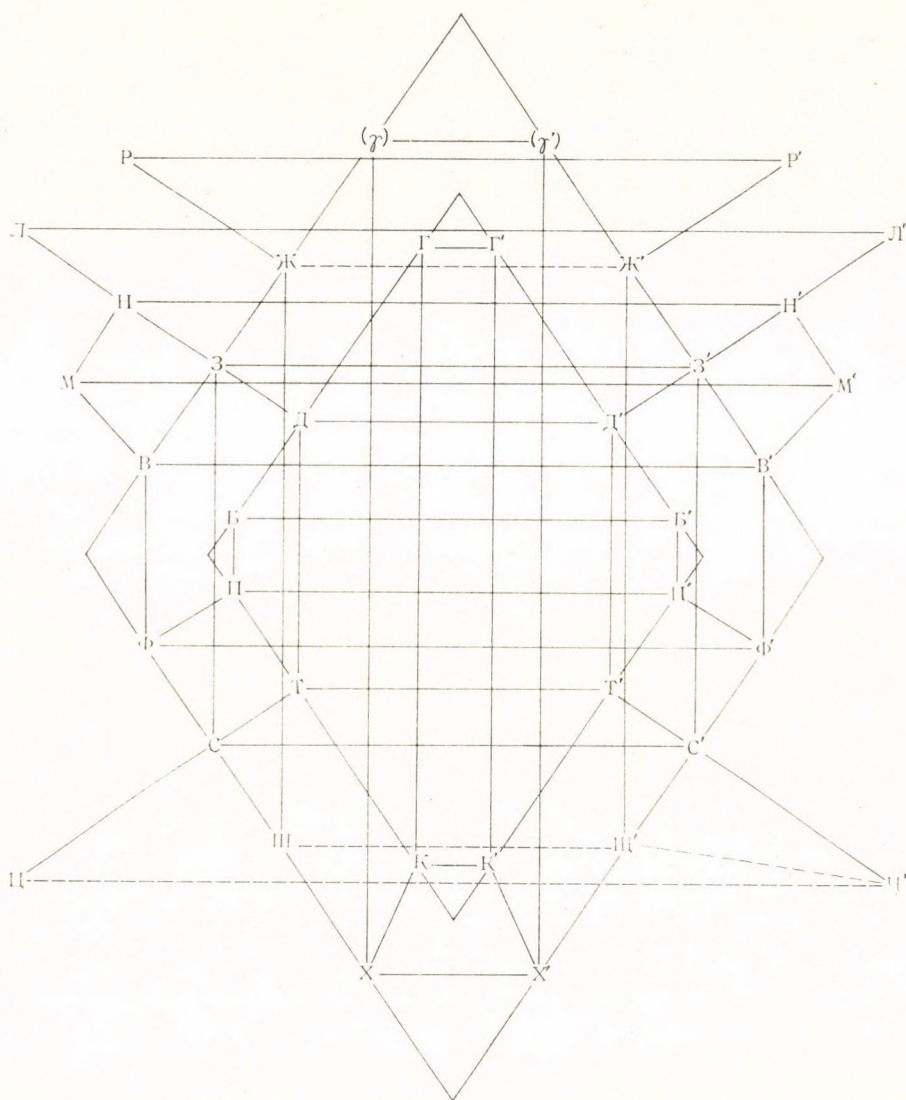
Таблица 4

Соотносительность согласных звуков русского языка по способу образования

1	2	3	4	5	Примеры различения слов
<i>Б</i>	—	—	<i>М</i>	—	<i>бор</i> — <i>мор</i> , <i>был</i> — <i>мыл</i> , <i>бой</i> — <i>мой</i> , <i>баба</i> — <i>мама</i>
<i>Б'</i>	—	—	<i>М'</i>	—	<i>бел</i> — <i>мел</i> , <i>бил</i> — <i>мил</i> , <i>гребя</i> — <i>гремя</i>
<i>Д</i>	<i>З</i>	—	<i>Н, Л</i>	—	<i>дам</i> — <i>зам</i> — <i>нам</i> — <i>лам</i> , <i>дуб</i> — <i>зуб</i> — <i>луб</i> , <i>дал</i> — <i>зал</i> — <i>лал</i>
<i>Д'</i>	<i>З'</i>	—	<i>Н', Л'</i>	—	<i>дядя</i> — <i>няня</i> — <i>ляля</i> , <i>день</i> — <i>лень</i> , <i>ЗИЛ</i> — <i>Нил</i> — <i>лил</i>
<i>Т</i>	<i>С</i>	<i>Ц</i>	—	—	<i>тук</i> — <i>сук</i> — <i>цук</i> , <i>твой</i> — <i>свой</i> , <i>свет</i> — <i>цвет</i> , <i>тыкать</i> — <i>цыкать</i>
<i>Т'</i>	<i>С'</i>	—	—	—	<i>тень</i> — <i>сень</i> , <i>темь</i> — <i>семь</i> , <i>телится</i> — <i>селиться</i>
—	<i>Ж</i>	—	—	<i>Р</i>	<i>жать</i> — <i>рать</i> , <i>жить</i> — <i>рыть</i> , <i>жук</i> — <i>рук</i> , <i>жом</i> — <i>ром</i>
<i>К</i>	<i>Х</i>	—	—	—	<i>код</i> — <i>ход</i> , <i>корь</i> — <i>хорь</i> , <i>крен</i> — <i>хрен</i> , <i>корда</i> — <i>хорда</i> , <i>крап</i> — <i>храп</i> , <i>клеца</i> — <i>хлеца</i> , <i>пук</i> — <i>пух</i> , <i>мука</i> — <i>муха</i>
<i>К'</i>	<i>Х'</i>	—	—	—	<i>кину</i> — <i>хину</i> , <i>муки</i> — <i>мухи</i>
<i>Г, Г'</i>	—	—	—	—	
<i>П, П'</i>	—	—	—	—	
—	<i>В, В'</i>	—	—	—	
—	<i>Ф, Ф'</i>	—	—	—	
—	<i>Ш</i>	—	—	—	
—	<i>Щ</i>	—	—	—	
—	<i>Й</i>	—	—	—	
—	—	<i>Ч</i>	—	—	
—	—	—	—	<i>Р'</i>	

У соотносительности по всем признакам есть одна общая черта: всюду соотносительностью охвачена лишь часть звуков, но всегда большая их часть; из 36 сопоставленных звуков несоотносительными по твердости-мягкости оказалось лишь 6 звуков, по звонкости-глухости — 14, по месту образования — 7, по способу образования — 13 звуков. Полностью изолированными оказываются звуки *Ч* и *Щ*, по одному признаку соотносительны *Й* и *Р* (см. таблицу № 3), соотносительны только по двум признакам *Ш*, *Ц*, *Л*, *Л'*, *Р*. Но соотносительности в целом — разные и по охватываемым звукам, и по возникающим в них группировкам, рядам звуков.

Сводная схема (таблица)
соотносительности согласных звуков
современного русского языка

Так как в общей таблице соотносительности нет никаких надписей, то к ней можно сделать следующие пояснения:

- 1) линии, идущие слева направо, соединяют звуки, соотносительные по твердости-мягкости;
- 2) линии, идущие сверху вниз, соединяют звуки, соотносительные по звонкости-глухости;
- 3) линии, идущие (условно говоря) от центра схемы к ее периферии, соединяют звуки, соотносительные по способу образования;

Все четыре типа соотносительности согласных для русского языка принципиально равнозначны: различие по твердости-мягкости или по звонкости-глухости так же существенны и важны, как и различие по месту образования или способу образования. Поэтому в сводной таблице соотносительности не будет подчинения одного признака другому, что обычно имеет место в таблицах физиологической классификации звуков и что следует признать определенным недостатком этих таблиц. Для непосредственного восприятия, правда, отдельные типы соотносительности заметно различаются: наиболее очевидна соотносительность по твердости-мягкости (кажется даже, что это не разные звуки-фонемы, — а разновидности одного и того же звука, фонемы) и соотносительность по звонкости-глухости; соотносительность по месту образования и по способу образования воспринимается с трудом. Это обусловлено тем, что твердые и мягкие, а также звонкие и глухие звуки ближе друг к другу по образованию и звучанию, а главное — часто позиционно чередуются друг с другом: *снеГа* — *снеК*, *саДы* — *саТ*, *стеНа* — *стеН'е* и т. п.; твердые и мягкие звуки сближаются для непосредственного восприятия еще и тем, что на письме обозначаются одной и той же буквой. Артикуляционные и акустические различия звуков по месту и способу образования более значительны, а главное — эти звуки редко вступают в позиционные чередования друг с другом. См. сводную схему (таблицу).

Каково отношение таблицы соотносительности согласных звуков к классификационной таблице тех же звуков, которая в разных вариантах приводится обычно в литературе? В чем их различие?

Они различаются назначением и принципом построения: классификационная таблица отражает прежде всего сходство звуков и лишь попутно также и их различие; таблица соотносительности, наоборот, отражает прежде всего различие звуков и лишь попутно также и их сходство. При этом таблица соотносительности различие и сходство звуков отражает в наиболее отчетливом виде: каждые два (и более) соседних звука, расположенные на одной линии, соотносительны между собой, т. е. сходны по всем признакам, кроме одного, и различны, следовательно, в этом последнем. В класси-

4) линии, идущие от горизонтальной оси вверх и вниз к вертикальной оси (они образуют два ромба, внешний и внутренний), соединяют звуки, соотносительные по месту образования;

5) пунктирные линии соединяют звуки, соотносительность между которыми не является строгой (различие между звуками более, чем в одном звуке);

6) в скобках указаны звуки, предполагаемые системой языка, но почти не встречающиеся в реальных словах: *Г* фрикативное, обозначаемое греческой гаммой (*ага!* междометие и существительное *ага* — 'титул на Востоке'), *Ж'* долгое мягкое (ср. *дрожжи* и *дрожь*).

Таблица построена так, что в верхней ее части сосредоточены звонкие звуки, в нижней — глухие; в левой части твердые звуки, в правой — мягкие. По четвертям: в первой четверти — звонкие мягкие, во второй — глухие мягкие, в третьей — глухие твердые и в четвертой — звонкие твердые.

кационной же таблице сходство и различие звуков нигде не проведено строго и последовательно, так как сходство и различие по одному признаку в ней перебивается сходством и различием по другим признакам. Особенно это относится к характеристике звуков по неосновным для таблицы признакам — по работе голосовых связок и по дополнительной артикуляции: звонкие и глухие, твердые и мягкие согласные указаны не в одном каком-либо ряду, а рассредоточены по всей таблице.

Но в целом данная таблица призвана не заменить, а только дополнить имеющуюся классификационную таблицу, равно как систематическое учение о соотносительности звуков русского языка должно дополнить сложившееся учение о звуках новым разделом.

Die Zierelemente der Bekleidung und ihre Benennungen ungarischer Herkunft im Slowakischen

F. GREGOR

Die natürliche Folge des mehrhundertjährigen ungarisch—slowakischen Zusammenlebens ist die gegenseitige sprachliche Wirkung, deren Richtung und Intensität nach Zeitabschnitten und Gebieten Veränderungen erfuhr, während die Kontinuität bis in unsere Tage besteht. Das Ungartum hat in der Zeit nach seiner Ansiedlung, hauptsächlich im Karpaten-Becken, zahlreiche slawische, darunter slowakische Ausdrücke übernommen, wähen die ungarische Sprache im 16. und 17. Jh. auf den Wortgebrauch seiner nördlichen Nachbarn zu wirken begann. Izidor Kotulič nach erreichte die ungarische Sprachwirkung erst während der am Ende des 18. Jahrhunderts begonnenen gewaltmäßigen Magyarisierung das Slowakische, vorher gelangten aber die ungarischen Wörter nur spärlich in die einzelnen slowakischen Mundarten.¹ Es ist nicht zu bezweifeln, daß vom Ende des 18. Jahrhunderts an, durch den steigenden Druck der herrschenden Klasse, das Slowakentum zur *G ä n z e* mit der ungarischen Sprache — auch gegen seinen Willen — in Verbindung kam, sicher ist aber auch, daß durch das Erscheinen und dann während der Herrschaft der Türken in Ungarn sehr zahlreiche und keinesfalls als spärlich zu bezeichnende ungarische Ausdrücke in den einzelnen slowakischen Mundarten heimisch wurden (vgl. Hauptová: *Slavia* 28:519—532; Gregor: *NyK* 68:397—416). Und wenn wir von jahrhundertalter ungarisch—mährischer Volksberührung sprechen können, die nicht wenige ungarische Lehnwörter im Mährischen hinterließ,² ergibt daraus, daß diese unmittelbare ungarisch—slowakische Berührung und die sprachliche Wirkung in gesteigertem Maße gültig sind.

¹ Vgl.: »Silnejší vplyv maďarčiny na slovenské nárečie ako celok možno datovať až obdobím násilnej maďarizácie od konca 18. storočia. Pred týmto obdobím prenikali do jednotlivých skupín slovenských nárečí jednotlivé slová iba celkom ojedinele a len na základe priameho, prirodzeného styku maďarského a slovenského obyvateľstva.« (SR 32:92)

² B. Sulán schreibt über diese Frage: »Alldies beweist übrigens auch, daß zwischen den Ungran und Mähren während langer Zeit, viele Jahrhunderte hindurch, eine sehr intensive unmittelbare Volksberührung bestanden hat, da nur unter solchen Umständen so viele, sozusagen von allen Gebieten des alltäglichen Lebens stammende ungarische Wörter in die mährischen Mundarten gelangen konnten, unter ihnen Empfindungswörter, ja sogar auch Bindewörter.« (*NyK* 56:293)

Diese Untersuchung beschränkt sich auf ein ganz enges Gebiet, auf einen Zweig der Bekleidung, auf die Verzierungskunst, und behandelt die hierher — oder auch hierher — gehörenden slowakischen Wörter ungarischer Herkunft. Auch diese Lehnwörter bestätigen in vollem Maße die Gültigkeit des obigen Satzes.

1. **boritáš** 'aus Schnüren geflochtene Volkstracht- oder Kleiderverzierung; ozdoba na kroji alebo šatách spletená zo šnúrok' (SSJ). Bern kennt das Wort nicht, obwohl es bereits seit Beginn des 18. Jh.s belegt werden kann. So in Neusohl, 1704: Laket zlateho *boritaše* neylepšihó fl. — 39 dn — Laket zlateho *boritaše* stribrneho fl. — 30 dn (SMSS 11:161); Laket sujtasu a tarka *boritašu* ze stribrem fl. — 18 dn (ebd.); Pleßnitz (Plešivec), 1818: Menteka z hetvabnima šnurami a *boritašami* ozdobena (SN 9:291); Jeden rif striberneho *boritašu* — Slateho *boritašu* jeden rif (a. a. O. 292); 1863: borítás = *boritáš* (Janics); 1898: »*Boritáše* sú šnúrký zdnuky bavlnené, zvonku hodvábom obtiahnuté« (SP 18:117); *boritáš* 'glänzende Verzierung; blýskavá ozdoba' | außen mit Seide umspinnene Baumwollschnur; světlá šňúra (uvnitř bavlněná, vně hedvábím ovinutá)' (Kálal); Tyrnau: *boritaš* 'zum Schmuck von Lammfellmützen und zur Verschnürung sonstiger Kleidungsstücke (Hosen, Röcke, Westen) verwendete, mit Seide umspinnene Baumwollschnur; hodvábom obvinutá bavlnená šňúra používaná na zdobenie baraníe i šnurovanie iných odevných súčiastok (nohavíc, kabátov, viest)' (Pátková 203).

Übernahme des alten ung. *boritás* 'Schnur, Borte, mit der Kleider, Stiefel geschmückt wurden' (vgl. ÉrtSz 3. Bedeutung; CzF 2. Bedeutung). Das ung. Wort ist erstmal um 1456 belegt, und zwar in dem aus dem Türkischen stammenden Zeitwort *borít* 'hüllen | decken' (TESz) und kann vom Ende des 16. Jh.s noch nicht als Fachwort angeführt werden: Tyrnau, 1597: Attunk. 3. lampas *buritasthol* az Meszarosoknak . . . (MNY 62:231). Zur Auslegung 'Schnur, Borte' s. Komitat Wesprim, 1767: azon Csizmára ezüst *Boritást* vettem Veszprémben (MNY 45:216). Wie auch die Zitate zeigen, konnten solche Schnurverzierungen einstens nicht nur aus Baumwolle und Seide, sondern auch aus Gold und Silber, bzw. aus deren Imitationen hergestellt werden. Es ist beinahe sicher, daß der Ausdruck in die Sprache unserer nördlichen Nachbarn durch die Verbreitung der ungarischen Tracht wie auch die Tätigkeit der ungarischen Posamentiere geraten ist (vgl. diesbezüglich Décsy: MNY 51:457). Es ist ein Mundartwort, das von der literarischen Sprache übernommen wurde, so z. B. in Timrava (s. SSJ). Übrigens geriet es mit der Bedeutung 'braune Schnur' in der Form *burytáš* auch ins Mährische (s. MNY 51:457), während im Rumänischen *boritáš* 'Vorschub' (< ung. *boritás* 'id.') nicht aus dem Wortgebrauch der Posamentiere, sondern der Schuhmacher heimisch wurde (s. Tamás 141).

2. **cifra** 'Verzierung | kleine Verzierung, z. B. in der Malerei, Stickerei, im Tanz, in der Musik usw.; ozdoba | drobná ozdoba napr. v malbe, výšivke,

tanci, hudbe a pod.' (SSJ). — *cifrovať* 1. 'ziert, schmückt; ozdobovať, parádiť' 2. 'im Tanz, in der Musik Figuren hinzufügen usw.; robiť figúry, ozdoby pri tanci, hudbe a pod.' (SSJ 2. Bedeutung). Das im Großen Slowakischen Wörterbuch als umgangssprachlich bezeichnete *cifra* — *cifrovať* (und aus diesem das Eigenschaftswort *cifrovaný* 'verziert, prunkvoll') kann von der Mitte des 17. Jh.s an als ein Glied dieser Wortfamilie belegt werden. Vgl. Éleskő, 1664: Stlpikou mennisch bočznich z hýntowa zezeznich *Cziffrowanich* N. 4. (Nádasdy Okir. I, 713); Holič (Komitat Neutra), 1723: od *cziffrowaneho* kwetowaneho kožucha (SL 4:138); um 1775: az oszlopok tzifrazatjok, *Cyfri* na slaupe — Tzifrás, *Cyflowany* — Tzifrázom, *Cyfrugj* — Tzifrázás, *Cyflowanj* — Tzifrázó, *Cyflowatel* (StSl 3:82), *Cifra* 'Putz, Aufputz, Schmuck, schönerte Gestalt, Zierde; Schmückung' (Bern); *czifra* = *cifra*, *cifrování*; *czifráz* = *cifruvať* (Jancs); *cifra* 'Verzierung; ozdoba' (Žak 648); *cifri* 'Verzierung, Ornament' (StSl 10:227); *cifra* 'Verzierung; ozdoba' (Kálal — die weiteren Ableitungen: *cifrana*, *cifruška* usw. auch hier); *cifra* 'Verzierung; ozdoba | Applikation auf Pelzen; aplikácia na kožušku' (Nosáľová 137); *cifrovať* '(Pelze mit Applikationen) schmücken; *zdobiť* (kožušky aplikáciami)' (ebd.).

Übernahme des vom Beginn des 16. Jh.s an belegten, aus dem Lateinischen stammenden ung. *cifra* 'Zier, Verzierung' bzw. 'zierlich'. Diese Bedeutung ist in den nördlichen slawischen Sprachen, mit Ausnahme des Slowakischen, unbekannt, und hat sich aus der ursprünglichen Bedeutung 'Zero' und 'Schlüsselzeichen' im Ungarischen ausgebildet, da das Zeichen der Null (ein Kreis) in der Volkskunst und im Handwerk gern als schmückendes Element benützt wurde. »Neben *cifra* 'Zero' kam so die Ableitung *cifráz*, *cifrál* 'mit kleinen Kreisen schmücken' → 'Verzieren' zustande und daraus entstand durch Abtrennung das 'verziert' bzw. die 'Verzierung, Zier' bedeutende *cifra*« (TESz 428).

Z. Hauptová irrt also (Slavia 28:257), wenn sie *cifra*, *cifrovať* für ein jüngeres Lehnwort hält und mit der Auslegung 'Tanzfigur' eng dem Tanz anschließt. Diese Bedeutung ist bildhaft und wirklich erst aus den letzten zwei Jahrhunderten bekannt, z. B. 1787: *cifra* 'Figurieren (in der Musik)' (TESz), ebenso um 1775: *Tzifran tanzolní*, *Cyflowane tancovati* (StSl 3:82). Die oben zitierten Angaben bestätigen jedoch, daß *cifra* — das laut K. Viski, die Bedeutung 'Schmuck, Verzierung' in erster Linie wohl im Kürschnerhandwerk erhalten hat (MN II:281, 307) — im Slowakischen schon im 17. Jh. ein allgemein gebräuchliches Wort war und es bis zum heutigen Tage auch blieb. Václav Machek erklärt das slowakische Wort zusammen mit skr. *cifra* 'id.' gleichfalls aus dem Ungarischen, belegt es auch dem Mährisch—Slowakischen, wo *cifra* einesteils den stolzen, raschen Gang, andernteils die schleppenden Schritte bedeutet (Machek 58:2. Bedeutung).

Das ungarische Wort hat sich in der Form *űifra* 'Null; auf- und herausgeputzt, geschmückt' auch im Rumänischen eingebürgert (Tamás 816).

3. **čipka** — meistens in der Mehrzahl: *čipky* 1. 'aus dünnem Garn mit der Hand oder Maschine hergestelltes, fein gemustertes Gewebe; druh dekoračného textilu zhotovený ručne (paličkovaním, pletením, háčkováním) i strojove' (Pátková 204; vgl. noch SSJ) 2. 'aus solchem Material angefertigte Zierde, Einsatz oder Saum auf Kleidungsstücken (Schuhwerk); používa sa obyčajne ako ozdoba na šaty, bielizeň a pod.' (SSJ). In der slowakischen Volks- und literarischen Sprache gleichermaßen verbreitet, und ist vom Beginn des 17. Jh.s an belegt. Illau (Ilava), 1611: *piekné ssatky . . . gedna welika patelatowa, wssady wúkol hedbabnau rezů, sřibrem, a rozličnym hedbabem přessjwaná, a s zlatými čibkami wúkol obtočzená* (SP 27: 54); Mšená, 1613: *gedný ffordry z wlaským štým [!] a cžypky na ných . . .* (SL 3:82); Domaniža, 1628: *Ručník geden bjly, po kragech čipky magjey* (SP 27:355); erste Hälfte des 17. Jh.s: *Fimbria. podolek. čipky* (SMS 15:159); Illau, 1655: *czipki zelene boly* (Nádasdy Okir. I, 333); Trentschin, 1678: *Na dva pary puškatokey kapi, jeden par zlatohlavovy a zlatými čipkami pramovane, druhy par axamientove, fialovej barvy, s striebnými čipkami pramovane* (HŠ 3:396); Sillein, 1705: *Cech ssewcowsky na czižmy žadnich čzipek prissiwati nema* (ČMSS 16:110) um 1775: *Tsipke, Čipky* (StSl 3:83); *Čipki* 'Spitzen, ein geklöppeltes Gewirk; tsipke' (Bern); *csipke = čipka* (Jancs); *čipka 'id.'* (Kálal).

Außer diesen zwei Hauptbedeutungen ist der Ausdruck an einzelnen Orten auch in speziellem Sinn gebräuchlich. So bezeichnet z. B. im Komitat Gömör *čipki* auch die Haube (SN 15:239), in der Umgebung von Tyrnau *čipka* so viel wie 'Tüllschleier' und 'aus feinem Tuch gewirktes Gewebe' (Pátková 204), in der slowakischen Mundart von Pilisszántó (Ungarn) bedeutet *čipki* aber nicht nur 'Spitze', sondern auch 'Spitzenschleier' (eigene Sammlung).

Die häufigste Ableitungen: *čipkový* 'mit Spitzen geschmückt': Mšená, 1613: *fodry cžipkový* (SL 3:82); *čipkovaný 'id.'*: um 1775: *Tsépkes, Čipkowany* (StSl 3:83); *čipkár* 'Spitzenköppler; Spitzenhändler': Medzibrod, 1798: *Jakošto nas ubohych čipkarou znovu prenasledovati . . . usiluju* (SN 6:393); *Čipkár* 1. 'Spitzenmacher'; 2. 'Spitzenhändler' (Bern); *čipkár* 'kto vyrába alebo predáva čipky' (SSJ); *čipóčka* 'Spitzchen; kraječka' (Kálal) usw.

In der Erklärung des Ursprunges dieses slowakischen Wortes bestehen ernste Abweichungen. Schon zu Ende des 19. Jh.s hat sich die Meinung gebildet, daß *čipka* eine ungarländische slowakische Ableitung aus dem Zeitwort *štípať* 'csíp; zupfen' (Šujanský: SP 12:319—320; vgl. auch Škultéty: SP 22:760) sei. Václav Machek hält es, wenn auch bedingt, ebenfalls für einen ursprünglich slawischen Ausdruck, von dem er annimmt, daß er vielleicht mit dt. *Kippe*, eventuell *Spitze* zusammenhängt. Seiner Meinung nach ist ung. *csipke* slawischer Herkunft (Machek 74). Dies ist aber offenkundig ein Irrtum. Die Voraussetzung eines eventuellen Zusammenhanges mit dem Deutschen — den man lautlich kaum nachweisen kann — erklärt nichts, das Ausgehen von *štípať* kann weder aus lautgeschichtlichen noch wortgeographischen

(mittelslowakisch),³ noch aus sonstigen Gründen (z. B. das einheitliche anlautende *č* der südslawischen Sprachen) ernst genommen werden.

Demgegenüber haben die ungarischen Sprachwissenschaftler nachgewiesen, daß ung. *csipke* ein ungarisches Gebilde ist und aus dem Ungarischen in die Sprachen der benachbarten Völker (Slowaken, Serbokroaten, Slowenen, Rumänen) bzw. auch der Bulgaren gekommen ist (vgl. TESz 537–8; ferner Décsy 66; Tamás 226). Zum Grundwort *csipke* vgl. 1595: Egj olaz vazon Dolmanÿ vÿu zeles fejer keöteses Ingual az fodran *chipke* (Radv II, 83); die Ableitung *csipkés* wurde aber schon 1535 aufgezeichnet (OklSz). Von den slowakischen Sprachwissenschaftlern teilt A. Habovštiak die ungarische Auffassung, als er das Diminutiv *čipočki* ~ *cipočki* aus dem Komitate Árva letzten Endes aus dem ung. *csipke* ableitet (Hab 104).

Die Anfertigung von Spitzen verbreitete sich bei den Bewohnern der nördlichen Gebiete des einstigen Ungarn so sehr, daß man die fertigen Spitzen in den südlichen Teilen des Landes verwertete. In den von Ungarn bewohnten Gegenden ist demzufolge der Name des häufig dort herumkommenden slk. *čipkár* 'Spitzenhändler' ins Ungarische gedrungen. In der ersten Hälfte des 19. Jh.s schrieb nämlich Alex Fényes über das Sohler Komitat wie folgt: »A' beszterezebányaik [!] a' szileziai vásznat kölönböző szinekre festvén, az esmeretes *csipkások* által egész országban széljehordatják«⁴ (Fényes II, 659). Sodann: »Az úgy nevezett *csipkások* a' felső járásban laknak, 's mind házaló kereskedők, 's mindenfélel kereskednek«⁵ (a. a. O. 661). Ung. *csipkár* wurde von der ungarischen Sprachwissenschaft noch nicht registriert, man kennt nur dessen ungarische Ableitung *csipkáros* 'slowakischer Leinwandhändler', die im Komitat Abauj aufgezeichnet wurde (EtSz).

Auf solche Weise ist die Wirkung gegenseitig: ung. *csipke* bürgerte sich im Slowakischen ein, während slk. *čipkár* ins Ungarische kam und hier mit dem Suffix *-os* eingebürgert wurde.

4. *fodra* 'Rüsche, Falte an weiblichen Kleidungsstücken; skladka, záhyb, nábera na ženských šatách' (vgl. SSJ). Ein Mundartwort, das in allen drei Hauptmundarten bekannt ist, und auch in der literarischen Sprache verwendet wird. In den älteren slowakischen Wörterbüchern fehlt es, obwohl es schon seit Beginn des 17. Jh. belegt werden kann. Mšená, 1613: dvoje byele kytagkove ffodry . . . (SL 3:81); Mšená, 1613: . . . druhe *fodry* čzypkowý . . . dvoje proste *fodry* . . . (SL 3:82); *fodra* 'Rüsche, Krause um den Hals, Falte, Saum; okruží kolem krku, nábera, lem' (Kálal); *fodra* ~ *frodla* 'Rüsche am Mieder; nazberaný volán (na manžetách oplecka)' (Nosálová 138); *fodra* 'Faltenteil

³ Man darf nicht vergessen, daß die Spitzenanfertigung hauptsächlich in der Mittelslowakei, vor allem im Komitat Gömör im Schwunge war (vgl. MN II, 354).

⁴ »Die Einwohner von Neusohl haben die schlesische Leinwand, verschieden gefärbt durch die bekannten *csipkások* 'Spitzenhändler' im ganzen Lande verbreitet.«

⁵ »Die sog. *csipkások* 'Spitzenhändler' wohnen im oberen Bezirk, und treiben, als Hausierer, mit allerlei Handel.«

an der unteren Ärmelhälfte des Kleides; *naberaná dolná časť rukávu na rukávoch* (Pátková 205); *fodra* 'Rüsche, Krause' (Žak 649); *fodor* 'Krause' (Márkus 105; Sipos I, 444).

Ableitungen: *fodrička* 'Rüschchen' (SSJ); Komitat Gömör: *fodriška* 'id.' (LS 1—2:187) — Diminutiv; *fodravý* 'gekräuselt' (Kálal); Komitat Nógrád: *fodrový* 'id.' (SN 1:62).

Das seit 1580 belegte ung. *fodor* 'aus reichen Falten bestehende Zier' (TESz), — der Ursprung ist ungeklärt — wird in der Genetivform *fodra* übernommen. Aus den häufigen Bildungen mit *fodra* 'Kleider-, Tuch-, Mieder-, Rockrüsche usw.' hat das slowakische Volk den Ausdruck *fodra* abstrahiert und in den eigenen Wortschatz eingefügt. Bei den Ungarisch nicht sprechenden Slowaken zählt die Anwendung eines suffigierten Kasus als Nominativ nicht für außergewöhnlich, vgl. z. B. slk. Nom. sg. *katonák* 'Soldat' < ung. Nom. pl. *katonák*; slk. Nom. sg. *kapcát* 'Filzschuh, Filzstiefel' (SN 1:74, 92) < ung. Acc. sg. *kapcát* usw. (vgl. auch unter *sirma*). Die Übernahmen dieser Art pflegten nach der Zeugenschaft der Angaben im allgemeinen im 17. Jh. vorzukommen.

Das aus der Umgebung von Nyíregyháza und aus dem südlichen Teil des ostslowakischen Sprachgebietes aufgezeichnete *fodor* ist ohne Zweifel eine neuere Übernahme des ungarischen Wortes. Das ung. *fodor* drang übrigens mit der gleichen Bedeutung auch ins Rumänische, wo die Form *fódor* seit 1788 belegt werden kann (Tamás 348).

5. *ketýš* 'Spitzenhaube; krajkový čepček' (Kálal). Ein Mundartwort, das vermutlich hauptsächlich in den Komitaten Árva und Liptó gebräuchlich war. Aber mit dem Verschwinden solcher Volkstracht-Kleidungsstücke, wie die Haube, geriet das Wort auch in jenen Gebieten in Vergessenheit. Kálal nach ist es auch in der Form *ketyš* bekannt gewesen (die übrigen slowakischen Wörterbücher kennen das Wort nicht). Das unaufgearbeitete und außerordentlich mangelhafte sprachgeschichtliche Material machen es mir unmöglich, Angaben älteren Datums zu bringen, es ist aber gewiß, daß das Wort schon Jahrhunderte früher in der Volkssprache vorhanden war. Ľudmila Reichlová-Kucháriková betont nämlich, daß die gehäkelte oder gestickte Haube in Unter-Árva, die sogenannte *ketýš*, das interessanteste, charakteristischste und zugleich am meisten verzierte Stück der dortigen Volkstracht war (DK 263). Im Liptauer Komitat war *ketýš* die den Stirnteil der Haube bildende, zu beiden Seiten auf die Schultern fallende Spitze (SMSS 1, 46). Der Ausdruck lebte zu Beginn des Jahrhunderts in Árva auch in der Variante *ketés* (ČMSS 14:33—4).

Übernahme von ung. *kötés*, der Ableitung aus ung. *köt* 'binden' (SzófSz), das finnisch—ugrischen Ursprungs ist. Lautgeschichtliche Entsprechungen: ung. kurzes *ö* wird im Slowakischen am häufigsten durch *e* ersetzt, ung. langes *é* durch *i* (vgl. Stan: Lipt 115; Sulán: Slavica 3:8; Gregor: StSl 12:157—8 usw.).

Was den Bedeutungsinhalt betrifft, muß jedoch betont werden, daß es sich nicht um die Einbürgerung des im heutigen Sinn benützten *kötés* 'Stricken' handelt. In der alten ungarischen Sprache, aber auch in der Volkssprache wird auch heute noch unter *kötés* »niemals die Handarbeit (Technik) von nur einer Art verstanden, sondern nach Ort und Zeitpunkt verschieden, eine Handarbeit, die mit Zusammenheften, Zusammenflechten, Zusammenknüpfen der Fäden nach einem gewissen System einhergeht (Palotay: Nyr 67:47). Ich möchte noch hinzufügen, daß die Ungarn in Slawonien die geflochtene Spitze *kötés* nennen (Viski: MN II, 334), und im Dorf Méra bei Klausenburg *kötés* so viel wie 'Stickerei oder Perlenschmuck' bedeutet (MNYj 12:184). In OklSz wird in dieser Beziehung das Wort erstmals aus 1799 zitiert, doch ohne die Bedeutung. Demgegenüber kann es schon seit der Mitte des 16. Jh.s belegt werden, so 1551: Keth jngem wagyon szaggattoth wiser nemeth modra *ketesek* wadnak rajtha . . . egy nyak ruham *ketheses* (Száz 1876: 748); 1581: Recze eleö ketheö aranyas *keotjys* melethe (Radv. II,54).

Dieses auf die spitzenartige Fadenarbeit sich beziehende ung. *kötés* drang in die slowakische Volkskunst-Terminologie ein und wurde dort — ähnlich wie bei *čipka* 'Spitze' → *čepiec* 'Haube' — von der Technik der Handarbeit auf ein charakteristisches und offenbar auf gleiche Art angefertigtes Kleidungsstück, auf die Haube übertragen.

6. **ketješka** 'meander'. Bisher tauchte das Wort nur aus einem einzigen Ort, aus dem ostslowakischen Solná Baňa (ung. Sóvár) auf. Laut Štefan Butkovič ist dies eine der ältesten Verzierungsarten der berühmten Sóvárer Spitzen. Es ist dies eine Handarbeit mit gewellten Schlangenlinien, die als Einsatz zu Kissen, Gardinen und verschiedenen Kleidungsstücken angefertigt wurden bzw. auch noch heute angefertigt werden (SN 1:151, 153). Die Wörterbücher kennen das Wort überhaupt nicht.

Slk. *ketješka* ist die Übernahme des ung. *kötéske*. Dies ist das Diminutiv des oben behandelten *kötés* und kann in diesem Sinne seit dem 16. Jh. belegt werden, so 1581: Ittem egj paraszt Ranczos Ingwal, Ittem egj fejr warrassal Ranczos Ingwal. Arany *keotjyske* meletthe (Radv II,54). Da *kötés*, und *kötéske* meistens aus schmalerem oder breiterem schmückenden Benähen oder Spitzenarten usw. bestanden, wurden sie auch zur Verzierung von Decken, Kleidungsstücken und anderen Textilien benützt (vgl. Palotay 9). Genau in dieser Auslegung gelangte das Wort ins Slowakische und wurde bis zum heutigen Tage bewahrt. Das ungarische Diminutivsuffix *-ke* wurde entsprechend den slowakischen morphologischen (und in diesem Fall offenbar Wortbildungs-) Regeln auf *-ka* modifiziert, während das lange ung. *é* nach der Übernahme in die ostslowakische Lautentwicklung eingefügt *je* (vgl. *ketješka*), in einzelnen ostslowakischen Mundarten *i* wurde (Pauliny 264—6). Auch die Variante mit *i* habe ich im jugoslawischen Ruski Krstur gefunden, dessen Bewohner von den nordöstlichen Gebieten des einstigen Ungarn stammen. Hier bedeutet *ketiška*

'Band' (eigene Sammlung). Dies war ursprünglich gewiß ein mit Meandertechnik angefertigtes Schmuckband und durch Verbindung der Bedeutungen stabilisierte sich die Auslegung 'Band'.

7. **magôčka** — meistens in der Mehrzahl: *magôčki* 1. 'kleiner (Silber-, Kupfer- oder Nickel-) Nagel' 2. 'aus Sämischleder angefertigter (Pelz) Schmuck' Schmuck'. Von den Wörterbüchern teilt nur Kálal nach Kott die Angabe »*magôčkami* vykladaný opasok« mit, kennt aber ihre Bedeutung nicht. Es ist ein Mundartwort, dem wir im Liptauer Komitat in der Form *magôčka*, in Gömör aber als *magôška* begegnen. Vgl. z. B. Hybe, 1846: Spencere dva jeden dlhý a druhý krátky, na dlhšom *magôči* štyri striebornie a na kratšom jedna msozová (Kovač 183); kabatiky štyri, na ktorých sa *magôčky* nachodia štyri striebornie (ebd.); Reklíky dva, na jednom jedna *magôčka* strieborna malička (ebd.). Kovačevičová beschreibt, daß *magôčka* in erster Linie Fachausdruck der Riemer und der Sattler war. So nannte man die bei der Herstellung von Gürteln, Säbeltaschen, Pferdesaumzeugen usw. verwendeten glänzenden Ziernägel, früher wurden aber auch Pelzröcke damit geschmückt (Kovač 194). Aufgrund der zitierten Angaben von Hybe ist es jedoch offenkundig, daß diese Nägel nicht nur zur Verzierung von Pelzröcken, sondern auch anderer Röcke und Jacken verwendet wurden. In diesem Fall bezog sich das Wort in der Vergangenheit vermutlich auch auf den runden Metallknopf. Im Komitat Gömör hingegen bezeichnet *magôški* (in der Adjektivform *magôškovi*) die aus dem Sämischleder des Pelzes angefertigte runde Auflage-Verzierung (vgl. Nosálová 139; SN 3:253).

Übernahme von ung. *magocska* 'kleiner Kern', woran auch Kovač 194, gedacht hat. *Magocska* ist die Diminutivform von ung. *mag* 'Kern, Samen' (SzófSz), dessen Ursprung ungewiß ist; vgl. diesbezüglich 1584; alma *magoczka* (NySz II,652). Obwohl ich die Bedeutung 'kleiner Ziernagel', bzw. 'aus Sämischleder angefertigter Schmuck' nirgends gefunden habe (selbst im Material des ÚMTsz nicht), ist es dennoch beinahe gewiß, daß das Wort im Ungarischen, und zwar in dem mit den mittelslowakischen Mundarten in Berührung stehenden Sprachgebiet vorhanden war. Konnte man doch aufgrund der runden oder abgerundeten kleineren Kerne diese Art der Schmückungen anschaulich *magocska* nennen.

Das *magôči* von Hybe ist offenbar eine Verschreibung statt *magôčki* (vgl. das ebenfalls von dort stammende *magôčka*, *magôčky*). Das *š* aus dem Komitate Gömör statt des ursprünglichen *č* (< ung. *cs*) ist das Ergebnis der üblichen *č* > *š* Änderung im Komitat Gömör (diesbezüglich s. Pauliny 180).

8. **mešterka** 'verzierende Nadelstichart in der Volksstickerei; druh ozdobného stehu na ľudových výšivkách' (SSJ). Volkstümlicher Ausdruck, den das Große slowakische Wörterbuch als veraltet bezeichnet, E. Holéczyová nach die auch in unseren Tagen noch lebende Bezeichnung einer gewissen Art der Stickerei ist (SLT 59). In der Gegend von Tyrnau bedeutet *mešterka* so

viel wie 'ažúr, prelamovanie' (Václavík 321; Pátková 207). Ältere sprachliche Angaben stehen mir auch hier nicht zur Verfügung, da aber in Ungarn diese Stickereitechnik schon im 16. Jh. verbreitet war, ist es sehr wahrscheinlich, daß auch die Slowaken vor Jahrhunderten damit bekannt wurden.

Das slowakische Wort ist nämlich die Übernahme des mit der Stickerei zusammenhängenden ung. *mesterke* (bezüglich der slowakischen Endung *-ka* vgl. *ketješka*). Das 'Verzieren, Ausnähen, Saum' bedeutende ung. *mesterke* ist aus den Komitaten Baranya (MTSz) und Komárom (Oklsz 650) bekannt, während das aus diesem gebildete *mesterkél* 'schmückend ausnähen' in den Komitaten Baranya, Vas, Nógrád und Gömör wie auch in Kemenesalja aufgezeichnet wurde (MTSz). Kornél Divald ist der Meinung, daß *mesterke* in Wirklichkeit ein 'bandförmiger Saum' war (Divald 56), auf das Wesentliche aber weist Károly Viski hin, indem er feststellt: »A korábbi díszítmény . . . lassan távolodik, magán a tárgyon a peremek felé húzódik s ott él egy darabig, mint egyre keskenyedő m e s t e r k e. Ezek a mesterkéek hol szövöttek, szedtetesek, hol meg varrottasok, mint például a dévai csángók munkáin«⁶ (MN II,328). Erstmals aus 1595 belegt: Egj Gallos Lepedeö chillagos himmel varroth keth feleöl *Mesterke* mellette (Radv II,79); Egy Gallos Lepedeö zeöleö fwes ziles Recheuel warroth keth feleöl zal vonas az *mesterkeje* (ebd.). Das Zustandekommen der Benennung hängt ohne Zweifel mit jenem handwerklichen Können zusammen, das zur Anfertigung solcher Zier notwendig war.

9. **pasomán** (~ **pasomáň**) 'aus Metall- oder Seidenfäden gedrehte oder gewebte Saumschnur; lemovka pletená alebo tkaná z kovových alebo hodvábných nití' (Kováč 195). Das SSJ hält das Wort schon für veraltet, die seit dem Beginn des 17. Jh. reichlich anwachsenden Angaben beweisen, daß dieses Schmückungsmittel der Oberkleidung auch im Slowakischen sehr bekannt war. So im Komitat Árva, 1603: S kramu *pasomanov* nabral sem šyrokych na kožušek sweg žene (SL 1:228); Item gegže nabral sem užych *pasomanou* (ebd.); Mšená, 1613: zelena aksamýtowa šupka, we dwa rady zlatýmy *passmany* pramowana (SL 3:80); Lipt. Sv. Mikuláš, 1713: k tomu tiež *pasoman*, ktorý dali muránskej pani komendantke (Melicherčík 133); *Pasomán* 'Posament, Borte, Einfassung (Franse) der Klrider [!]; paszomány, paszománt, ezüst vagy tsipke, rojt' (Bern); *paszomán* = *pasomán* (Janacs); *pasomán* 'Posament, Saum; posament, prým' (Kálal), *pasomán* 'zierende Goldschnur am Pelzrock; ozdobná zlatá šnúra na mentieke' (SSJ). (Die Ableitungen betreffend, vgl. die Angaben von Bern, Janacs, Kálal.)

Das Wort ist in den meisten europäischen Sprachen zu finden, im Slowakischen stammt es aber ganz sicher aus dem Ungarischen (vgl. auch SSJ).

⁶ »Die frühere Verzierung . . . verschwindet langsam, zieht sich am Gegenstand selbst an die Ränder und lebt dort eine Weile, als immer schmäler werdendes *m e s t e r k e*. Dieses *mesterke* ist einmal Gewebtes, dann wieder Volksstrickerei, wie z. B. auf den Handarbeiten der Csángós von Déva.«

Das durch die Verzierung an der adeligen Kleidung sich verbreitende, aus dem Italienischen kommende ung. *paszomány* (SzófSz) vom Ungartum den Slowaken und den Rumänen vermittelt wurde (bezüglich rumän. *posománt* vgl. Tamás 636). Hierauf können wir übrigens auch aus der vollkommenen lautgeschichtlichen Übereinstimmung folgern (tschech. *posament*, poln. *pasamon*). Dennoch leitet Machek 385 alttschech. *pasimán*, poln. *pasamon* (letzteres ist seit dem 16. Jh. bekannt, vgl. Brückner 398), zusammen mit ung. *paszomány* und slk. *pasomán* unmittelbar aus dem Italienischen ab. Das ungarische Wort ist von der zweiten Hälfte des 16. Jh.s an belegt, so 1589: Veres barson kys subara *passamant* vereseth (OkISz); 1595: Arany *passaman* (ebd.); 1597: vörös kamuka szoknya arany paszománynyal prémzet (TörtTár 1883: 599) usw. Im Hinblick darauf, daß in und nach dem 16. Jh. in der ungarischen Adelstracht, wie auch in den Benennungen dafür das Ungarische richtunggebend war, dürfte die damals zur Mode gewordene Posament-Verzierung ebenfalls auf diesem Wege beim slowakischen Adel, sodann bei der Bürgerschaft und dem Volk bekannt geworden sein.

10. *raca* 'Netz (Handerbeit); druh prelamovanej techniky' (vgl. SLT 59). Zu Beginn des Jahrhunderts wurde in der slowakischen Volkssprache jedes Ausnähen, Sticken, dessen Grund oder Vorlage ein Netz war, so genannt (Sochán: SP 27:528); und E. Holéczyová nach ist *raca* manchenorts auch heute noch eine gebräuchliche Art der Handarbeit (SLT 59). Vom Ende des 16. Jh.-s an kann das Wort vielfach belegt werden, z. B. aus Deutsch—Lipsch (Nemecká Lupča), 1597/8: Dwe plienki z kmentu tenkieho z *recemi* (JŠ 6:164); Domaniža, 1611: Ružník na oltár dlhý, z oboch strán šitý *racou* (SP 27:395); Mšená, 1613: gedno partyczowe prosteradlo a na konczy *Recza* (SL 3:80); Leitava, 1628: Geden obrus kramsky, pres prostredek magjezy *raczu* (SP 27:357); Fryvald, 1644: Polka z *radzu* wissiwana a presteradlo bjlene na Oltari (a. a. O. 355); Fryvald, 1707: Presteradlo s bjlymi čipkami na oltář. Item druhe s *recu* na prostredku s čipkami . . . (a. a. O. 395); um 1775: Retze, *Raca*, Reticulum — Apro Szemü Retze, Smalimy očky *Raca*, Densus reticulus (StSl 3:99); *Raca* 'Gatter in der Stickerei' (Bern); *raca* 'Netz (in der Stickerei); mřížka (ve vyšívání)' (Kálal).

Ableitungen: *racený*, *racový* 'Netz-, netzig'; *racoval* 'netzt, macht Netzarbeit', hieraus *racovaný* 'netzig'; *racka* 'Netz'. Beispiele: Trentschin, 1611: Antipedium bjlene na kancel *racowane* po kraji y pres prostredek hedbabem poobssité . . . Obraz na Oltary bjleny, *raczeny* . . . (SP 27:56); Jasenica, 1611; Rucznjky 2 cwilichowe a 2 bjle *reczowane* (a. a. O. 356); Mšená, 1613: try *reczowe* prosteradla, (SL 3:80); Jablonkov, 1613: Anno 1613 jeden obrus krámsky, druhý činovatý, tretí *racowany* (Sem II,311); 1618: Anno 1618 nalezlo se při kostele na oltáři ručníky dva *recované* (a. a. O. 312); Drietoma, 1625: Deset obrusu *racovyh* a s bjlym šitjm (Holuby 166); Drietoma, 1643: Tamže prosteradlo *radzowane* wišite . . . Prosteradlo zase *radzowe* (ebd.); um 1775: Retzés

fő kötő, *Racowy* čepce, *Vitta reticulata* (StSl 3:99); *Racka* 'Gatter in der Stickerrei' (Bern); *rackovaľ* 'gattern, gittern in der Stickerrei' (Bern); Komitat Nyitra: tkaničky v plachtách volali *rackami* čo poukazuje na to, že bývaly kedysi vyššívane (ČMSS 26:43); Čičmany: *racky* 'Spitzeneinsatz (im Tuch)' (DK 257); *racka* 'gewöhnlich rot-weiß gemustertes, gekauftes schmales Band; kupovaná tkanica, ktorou sa spájala plachta. Bývala väčšinou červeno-biela s geometrickým vzorom' (Pátková 209).

Übernahme des ung. *rece*, dessen Ursprung noch nicht genau geklärt ist (Szófsz): 'ein kleinmaschiger netzähnlicher Stoff, Geflecht, Gewirke oder Naht, die an gewissen Kleidungsstücken als Zeug oder Putz dienen' (CzF; vgl. noch ÉrtSz), worauf schon P. Sochán, die unrichtige Ableitung I. Zochs bestreitend, hingewiesen hat (SP 27:59). Ein halbes Jahrhundert später ist auch Péter Király über den Ursprung des slowakischen wortes *raca* derselben Meinung (StSl 3:99). Die Netzarbeit ist im 16. Jh. im Ungarischen schon nachzuweisen, z. B. 1581: Ittem aranyáas *Recze* zoknyá wý Ittem mereo *Recze* eleó ketheó (Radv. II,54), die Ableitung *recés* betreffend, vgl. 1580: Egý patiolath eleokeoteo ritka *reczes* (MNy 63:97). Es ist jedoch sehr wahrscheinlich, daß das in der ersten Hälfte des 16. Jh.s mit Hemden erwähnte, gewöhnlich aus goldenen oder silbernen Fäden hergestellte *Gewebe* sich in Wirklichkeit auf das Netz bezieht. So z. B. 1539: Hat Keethews imeg, kiken mind aranyos him vagon, kin *szövés* kin kwsseny, négye himbe szedett, kettei paraszt (Radv. II,7; hierzu vgl. noch die Bemerkung Béla Radvánszkys über die 1549 inventarisierten gewebten Hemden von Magdolna Csúzy: a. a. O. I,73). Die große Anzahl der ungarischen Angaben zeugt davon, daß das *Netz* zur Steigerung des Prunks der herrschaftlichen Kleidung, und im allgemeinen des Haushaltes, beliebt war. Es ist nicht zu verwundern, wenn es auch dem slowakischen Adel bald bekannt wurde, und Anfertigungsart, Anwendung sich im Volk verbreiteten. E. Holéczyová setzte aufgrund der zur Verfügung stehenden Angaben wohl mit Recht voraus, daß die Netztechnik, in slowakischer Beziehung, nur ausnahmsweise, bei den Textilien der kirchlichen Zeremonien, angewendet wurde (SLT 49). Die seither aufgetauchte Angabe aus Deutsch-Lipsch bewiest aber einerseits, daß das Wort schon im 16. Jh. im Slowakischen eingebürgert war, andererseits macht sie das Vorkommen von *raca* in breiteren Kreisen auch jener Zeit unbestreitbar. Vielmehr kann als sicher angenommen werden, daß die Netze der slowakischen Altartücher, Decken usw. als Geschenke der adeligen Damen letzten Endes von den Gebrauchsgegenständen des weltlichen Lebens stammen.

Eine Art von *rece* war *forгатás rece* (Radv. I,43) oder *forгатott rece* 'gewendetes, gedrehtes Netz; vgl. z. B. 1595: Egj gallos gjolch kezkenéó *forгатott recheuel* varua zelesen (Radv. II,82); Egj fatiol *forгатott reches* eleókeóteó chipke az alljan (a. a. O. 84). Allerdings nur mit einer Angabe, doch es ist nachweisbar, daß *forгатás rece* ohne jede Formänderung auch ins Slowakische über-

gegangen ist, vgl. Mšená, 1613: *šesta beyla forgatas recze prosta* (SL 3:82). Im Sprachgebrauch des zeitgenössischen, zum größten Teil zweisprachigen oberungarischen Adels war es keine ungewohnte Erscheinung, daß irgendein Ausdruck fremden (ungarischen) Ursprungs — hauptsächlich wenn dessen Übersetzung nicht auf der Hand liegend, einfach war — ohne weiteres in seiner Originalform angewendet wurde. Dies geschah auch bei *forгатs rece*.

Die Änderung $e > a$ ist im Slowakischen nicht unbekannt, und bei Wörtern fremden Ursprungs besonders häufig (eingehend erörtert bei Stan: Dej I, 384—400); *rece > reca ~ raca* kann also ohne jede Schwierigkeit hierher gezählt werden. Die Änderung $e > a$ am Wortende — die auf Grund der Angaben vermutlich etwas früher erfolgte als im Wortinneren — konnte auch durch die analoge Wirkung weiblicher Hauptwörter mit ähnlicher Bedeutung (*čipka, mešterka* usw.) beeinflußt sein. In der Variante *radza* ist *dz* die stimmhafte Entsprechung für *c*.

11. **rojт ~ rojta** 1. 'quastenartiger Schmuck; strapcovitá ozdoba' 2. gefältelte, in Falten gelegte Kleiderzier (gewöhnlich um den Hals); *naberaná, riasnatá, zriasnená ozdoba (obyč, okolo krku)*' (SSJ). Das große slowakische Wörterbuch bezeichnet die noch zu Beginn des Jahrhunderts in der literarischen Sprache ebenfalls häufige Wortfamilie *rojta, rojtica*, das Diminutiv *rojtička* als veraltet, in der Volkssprache ist sie aber hier und da auch noch heute zu finden. Obgleich in den älteren Wörterbüchern (Bern, Jancs) nicht gebucht, kann sie von der ersten Hälfte des 17. Jh. an vielfach belegt werden. So 1624: *Roytj gestli su vdelane take raczte W[assa] M[ilos]t odeslatj (Fej)*; Hradek (ung. Liptóújvár), 1677: *Item zelenimy roity Szeles szeky N 4 bez Rojtow Szeles Szikuw N 6 (Nádasdy Okir. I,620)*; Trentschin, 1678: *Mezi nohami roit pozlatity (HŠ 3:391)*; *Druha stolička operaca, vyšivana, z roity sprostyma (a. a. O. 406)*; Hradek, 1702: *Koberce sukene čerwene (geden S rogti.) No 2 (Nádasdy Okir. I,620)*; *Velký Prietrž, 1737: ktere Rogty neb strapce čerwené z hedbawu Karmažinskeho (SMSS12:120)*; um 1775: *Rojt, Rogti Fimbria (StSl 3:100)*; *rojta '(Seiden) Quaste, Falte, Rüsche; strápec (hedvábný), náberka, volán' (Kálal)*; *rojт 'Franse, Quaste' (Sipos II,387)*; *rojta 'id.' (Hab. 67)*.

Ableitungen: *rojtil* 'fädeln, fransen (Kálal) — aber *rojtovaný* 'fransig; fimbriatus' schon um 1775 (StSl 3:100); *rojtička* 'Rüschen am Kragen und an den Ärmeln des Kinderkleides; volánik na galieri a na rukávoch vigančeka' (Kovač 196). Aber in der Gegend von Važec werden die Säume und Manschetten der Hemden ebenfalls mit gehäkelten Rüschen, *rojtičky*, geschmückt (ebd.).

Übernahme des seit dem 15. Jh. belegten ung. Wortes ungewissen Ursprungs *rojт* 'Franse, Quaste' (SzófSz). Die Franse dient im Ungarischen nicht nur zur Benennung eines Schmuckes von Kleidungsstücken, sondern auch von sonstigen Textilien, sie wurde sehr häufig bei Gegenständen aus Textilien verwendet. Und wie aus den zitierten Angaben hervorgeht, dürfte es auch im Slowakischen so gewesen sein: die Franse schmückte die tapezierten Möbeln,

die Teppiche, Gardinen usw. in den Herrenhäusern. Das Trentschiner Inventar aus 1678 stellt fest: V oknie armaria v stenie z roity drewenymi (HŠ 3:406), also daß das Material der Franse (Quaste) auch Holz sein konnte, wenn die Schnitzerei nachgeahmt wurde.

Im Slowakischen meldet sich das Wort in der Form *rojť*, später taucht aber auch die Variante *rojta* auf. Hierfür dient als Erklärung, daß die mit einem Konsonanten endenden Lehnwörter im Slowakischen häufig den weiblichen Hauptwörtern auf *-a* zugereiht werden (diesbezüglich vgl. Melich 52).

Das ungarische Wort kam übrigens auch in andere Nachbarsprachen. So ins Serbokroatische: *rojta* 'Franse, Quaste' (Klaić); ins Rumänische, wo aber *róit* 'Franse' nur viel später, seit Beginn des 19. Jh.s belegt werden kann (Tamás 672).

12. **sarkaláb** 'aus Schnüren angefertigte Schließe, Schnalle an der Weste oder Kleidertaille; šnúrová zápinka na veste alebo živôtiku' (Pátková 209). Bisher nur in der Volkssprache der Gegend von Tyrnau belegt. In der dortigen Volkstracht verbreitet sich seit der ersten Hälfte des 19. Jh.s die Benützung der *sarkaláb* genannten Tailleschließe, die damals aus Blei oder aus Schnüren, mit Glas ausgelegt, hergestellt wurde (Pátková 67). Der letztere Typus blieb bis in unsere Tage erhalten.

Das ung. volkssprachliche *szarkaláb* ist die Übertragung auf die dem 'a szarkának sarkantyús lábához némileg hasonló gombkötő munka [besporneten Fuß der Elster einigermaßen ähnliche Posamentierarbeit]' (CzF 3. Bedeutung) bzw. 'bojt a mente aszalyában [Quaste an der Schleppe des Pelzrockes]' (MTsz). Im Slowakischen wurde das Wort ganz gewiß durch das Posamentierhandwerk bekannt, wie hierauf auch der Bedeutungsinhalt des übernommenen Wortes hinweist.

13. **sirma** ~ **siroň** '(zur Applikation von Pelzen benütztes) feines grünes Sämischleder (Ziegenleder); zelená jemná ircha (kozina) používaná na aplikácie na kožušku' (vgl. SN 3:253; Nosáľová 140). Volkssprachlicher Ausdruck, der meines Wissens in keinem einzigen slowakischen Wörterbuch aufscheint. Im Komitat Gömör wird neben *siroň* auch die Variante *siron* benützt (SN 15:65).

Ableitungen: *sirmovanie* ~ *siroňovanie* 'am Saum gewöhnlich mit einem Lederband in abweichender Farbe ausgeführtes Benähen oder eine Naht; špirálovité prišívanie inofarebného pásika irchovej kože k okraju lemovky' (SN 3:235, 253). Diese Ableitung kann nur aus dem Zeitwort **sirmoval* ~ **siroňoval* stammen, darüber habe ich aber bisher keine Angaben gefunden. Und das außerordentlich lückenhafte sprachhistorische Material ist die Ursache, daß es mir überhaupt nicht möglich ist, ältere Angaben zu bringen. Als gewiß kann aber angenommen werden, daß es ein den slowakischen Kürschnern, Gerbern schon Jahrhunderten vorher bekannter Ausdruck war, da diese Schmückungstechnik der Lederarbeit durchaus nicht neuen Datums ist, und auch auf den erhalten gebliebenen ältesten Pelzen gefunden werden kann.

Ebenso wurde das Wort in der ganzen Slowakei vergewendet, und zwar bei Anfertigung aller Pelz- bzw. Schafpelzarten (SN 3:244).

Das seit dem 16. Jh. belegte ung. *szírony*, *szírom* 'gefärbtes Sämischleder, dünnes farbiges Lederband', dessen Ursprung umstritten ist (SzófSz; vgl. dazu Nyíri: NNY 3:25–6: *szírony* ~ *szírom* ~ *círom* sei eine ungarische Ableitung). Im Ungarischen war *szíronyozás* oder *cirmozás* die charakteristische, sehr häufige Schmückungstechnik der Kürschner, Rierner sowie der Sattler (Frecskay 300–1, 567) und wurde auf einen viel größeren Gebiet angewendet als im Slowakischen. Károly Viski faßt das diesbezüglich Wissenswerte so zusammen: „A szírony fehér, vagy színes h a s i ból (esetleg irhából) metélt pár milliméter széles szalag, ugyanaz, amit a megvarrásra használnak. Helyenként hasogatott tollszárral is szíronyoznak. De néha pusztán diszül kört, csillagokat, virágot s egyebet is *szíronyoznak*; néha egymás mellett több színnel, vagy két színt egymásba fonva, egymáson átbujtatva. A *szíronyozásnak* ez a módja síkdíszítmény-jellegű. *Szírony*szerű bőrszalagból vagy vastagabb szíjból három, négy vagy több ágból fonnak is . . .”⁷ (MN II,306).

Das slk. *síroň* ist die genaue Übernahme des ung. *szírony*, während die Variante *sirma* die Übernahme des ung. *szírom* im Genitiv (*szírma*) ist (in Verbindungen wie z. B. *bunda*, *suba*, *ostor* usw. *szírma*). Ausführlicher vgl. unter *fodra*.

14. **šik** ~ **šik** 1. (Komitate Hont und Zemplén) 'Metall-, metalliger Stiefknoten; zlaté, stribrné neb mosazné niti na vyšívání' (Kálal); 2. 'in der Volksstickerie eine industriell hergestellte Schnur, eine Band usw., die auf irgendeinem Teil der Volkstracht (z. B. Weste) aufgenäht werden; v ľudovom výšivkárstve priemyselne vyrábané ozdôbné tkaničky ap., ktoré sa našívali na niektoré časti ľudového odevu (napr. na vesty)' (SSJ: unter 2. *šik*); 3. (Komitat Neutra) 'Silber-, Goldspitze an der Volkstracht; striborné, zlaté čipky na kroji' (vgl. DK 246). Das Wort wird im ersten Viertel des 19. Jh.s gebucht, so bei Palk, der *Szjk* für slowakisch erklärt, mit der Bedeutung 1. 'Draht' 2. 'schlechte Borten (Flittergold)'. Ähnlich hierzu: *Šik* 1. 'Draht aus Metall, Erdraht; sík' Usus. *Pasomanti z Šiku* 2. 'falsche Borte, falsches Posament; sík' (Bern).⁸

Ableitungen: *šikový* 'mit Gold- oder Silberflitter überzogen', vom Beginn des 18. Jh. anbelegt: Kysucké Nové Mesto, 1706: Item tretj [d. h. ruč-

⁷ »*Szírony* ist aus weißem oder farbigem Leder der Bauchseite (eventuell aus Sämischleder) geschnitenes, einige Millimeter breites Band, dasselbe, das zum Nähen benützt wird. An manchen Orten wird mit gespaltenem Federkiel gearbeitet. Manchmal werden aber als Zierde auch nur Kreise, Sterne und sonstiges angebracht; manchmal nebeneinander in mehreren Farben oder zwei Farben ineinander verflochten, übereinander gezogen. Diese Art von Schmuck hat den Charakter des Flächenschmückens. Das Flechten erfolgt manchmal aus *szírony*-artigen Lederbändern oder dickeren Riemen in drei, vier oder mehreren Zweigen . . .«

⁸ Aufgrund dessen betrachtet Z. Hauptová slk. *šik* als eine späte, nach dem Ende des 18. Jh.s erfolgte Übernahme (Slavia 28:525).

ník] . . . s *ssjkowjmy* čžipkami (SP 27:359); 1820—1: pártice ssíkové (Palk); *šikovica* 1. 'gesticktes Hemd; Schnürleibchen' (Hv); 2. 'mit gold- oder silberfarbigen Fäden durchwebte schmückende Bänder oder Säume in der Volkstracht; ozdobné tkanice al. obšívky na ľudovom odeve popretkávané nitou zlatej al. striebornej farby' (SSJ).

Übernahme des ungarischen volkssprachlichen Wortes *sík* 'Gold-, Silber-, oder Kupfer-Posament' (MTsz), das in alter Zeit (seit Beginn des 17. Jh.s gebucht) 'vergoldetes feines Leder; vergoldetes Leder; aluta inaurata' (NySz), im 19. Jh. aber 'gelbes oder silberfarbiges Papier- oder Stoffband; mit Gold- oder Silberfitter überzogenes, billigeres Posament' (Ball: *sík*) bzw. auch 'mit Gold- oder Silberfitter überzogenes Sämischleder oder solcher Stoff' (CzF) bedeutet hat. Machek 499 setzt voraus, daß poln. *szych* mit ähnlicher Bedeutung (belegt seit dem Ende des 18. Jh.s, vgl. Linde), bulg. *šik*, skr. *šik*, *žik* und rumän. *șic* aus ung. *csík* 'Streifen' stammen. Dies ist aber offenbar ein Irrtum. Weshalb erscheint an Stelle des ung. *cs* einheitlich überall *š*? (rumän. *șic* < ung. *sík* betreffend, vgl. Tamás 726).

Zweifellos ist hingegen, daß tschech. *čik* 'eine gewisse Stickerei, Ausnäharbeit' (Machek 79) ebenso aus ung. *csík* (Sulán MNy 58:191) stammt wie auch slk. *čik* im Sohler Komitat: 'Goldfaden (für Stickerei); zlatá niť (na vyšívání)' ist (Kálal). Urd wahrscheinlich ist, daß dieses *čik* schon aus dem 17. Jh. belegt werden kann, und zwar aus dem westslowakischen Sprachgebiet. In den Statuten der Weberzunft der Gemeinde Eberhard auf der Insel Schütt aus 1675 steht nämlich: Od Obrechtu od Moravskeho od každého Čygv d. 1/2 — Od ssyrokeho, Trebickeho, od každého Cygu d. 1. (SMSS 6:69). Die Genitivform *čigu* ~ *čígu* weist auf einen Nominativ **čik* ~ **čik*, das auslautende *k* in intervokalischer Stellung zu *g*. Die Bedeutung des Wortes ist vermutlich 'Gewebestreifen; Streifen'. Aufgrund dessen ist aber gewiß, daß *csík* 'Streifen' im Ungarischen früher als der erste Beleg aus 1799 (TESz) vorhanden sein mußte. Wie könnte sonst dieser Ausdruck schon im 17. Jh. in die slowakische Fachsprache gelangen? Andererseits kann man auch — im Hinblick auf die nicht ganz sichere Bedeutung des Wortes — daran denken, daß die Quelle des zitierten *čigu* (nom. **čik*) nicht ung. *csík*, sondern *sík* sei. Im Slowakischen ist nämlich die Änderung *š* > *č* nicht unbekannt, vgl. unten ung. *sujtás* > slk. (mundartlich) *čujtáš*; ung. *híres* > slk. *chýrečný* (Stan: Dej I, 591—2) usw., und es ist nicht unmöglich, daß es auch in unserem Falle so ist.

Das ung. *sík* ist in der oben vorgestellten Bedeutung wohl aus solchen Zusammensetzungen zum selbständigen Hauptwort geworden, wie z. B. *sík vászon*, *sík prém* (vgl. 1627: Annál is keskenyb bársony prémnek singit huszonöt pénzen. Az legkeskenybnek singit húsz pénzen. Az *sík prémnek* fontyát hat forinton MTörtTár 18:212), und konnte seine spezielle Bedeutung im Sprachgebrauch der Riemer, Posamentierer, Schnürmacher erhalten haben.

15. *šujtáš* 1. (Ethnographie) 'schmales farbiges Band, mit dem die Bau-

erndolmane oder Männertuchhosen benäht werden; úzka farebná stužka, ktorou sa vyšívajú haleny al. mužské súkenné nohavice' (SSJ) 2. (Umgangssprache) 'der durch Aufnähen eines solchen Bandes geschaffene Schmuck; ozdoba utvorená prišivaním takejto stužky' (SSJ). Kálal teilt slk. *šujtáš* 'Posament, Verschnürung' nur aus der mittelslowakischen Mundart mit, E. Holé-
czyová nach ist aber die Verzierung mit *šujtáš* im ganzen slowakischen Gebiet verbreitet (SLT 79—80). Vgl. dazu auch die Angaben, die aus den drei Haupttypen der slowakischen Mundarten angeführt werden können. So Neusohl, 1704: Laket *sujtasu* a tarka boritašu (SMSS 11:161); Pleiβnitz, 1818: *Šujtašu* jeden rif . . . *Šujtašu* rif . . . (SN 9:292); *Šugtaš* 'Schnürchen, Schnürlein; sújtás, sujtásos sinór'. Usus: Na *Šujtáše* Nohawice (Bern — von hier Hauptová: Slavia 28:525); *sujtás* = *šujtáš* (Jancs); *šujtáš* 'sujtás' (Pátková 210); *šujtáš* 'Verschnürung' (StSl 11:104); *šujtás*, *čujtáš* (Hab 72, 104).

Ableitungen: *šujtásový* 'Schnür-, verschnürt' (Kálal); *šujtášovať* 'mit Verschnürung benähen, schmücken' (Bern, Kálal).

Übernahme des ung. *sujtás* 'flache Schnur zur Verzierung des ungarischen Oberkleides; aus solcher Schnur angefertigte Zierde am Kleid' (CzF, Ball, ÉrtSz). Das ung. Wort ist gewiß die Ableitung des aus dem lautnachahmenden Stamm entstandenen Zeitwortes *sújt*. Bei den Posamentierern von Kaschau wurde schon 1635 ausgesprochen: Item 12 bokor gombra a ki selyemmel arany-nyal ezüsttel *sujtásformán* szokták csinálni (MGSz 8:477). »Sujtás« ist ebenso das Zubehör, das schmückende Element der ungarischen Kleidung — in diesem Fall hauptsächlich der verschnürten Uniform der Husaren — wie die Borte oder die Hosenschnürung. Nicht wahrscheinlich dürfte sein, was Gedeon Mészöly behauptet; »Da die Prügelstrafe in der alten österreichischen Armee häufig angewendet wurde, haben gewiß gerade die Husaren des 18. Jh.s die schmucke Verzierung der Uniformen mit bitterem Humor *sújtás* genannt« (NNy 2:186). Woher stammen aber dann die ung. Angaben *sujtás* 'Schnur, Verschnürung' des 17. Jh.s? Die Entstehung des ungarischen Wortes muß man vielleicht eher in der Anfertigungstechnik dieses Verschnürungsschmuckes suchen. Es ist nämlich überhaupt nicht unmöglich, daß *sujtás* mit der früheren Bezeichnung (*e*)*slóg* und so mit dem dt. *Schlag* zusammenhängt. Vgl. 1539: Egy nagy arany szélü fedél, kinek az vége kettewtt *slogos*, gyengés, az széle es (Radv. II,7); 1569: Egy veres kamoka felső ruha aran fonalbul csinált *eslógos* gombok (TörtTár 1901:593).

Das ungarische Wort gelangte auch in sonstige Nachbarsprachen, so ins Deutsche, Rumänische (Tamás 751), ins Serbokroatische (Klaić: unter *šujtáš*).

16. **vitéz-kötű** 'Verschnürung, Verzierung'. Kein einziges Wörterbuch kennt es, obwohl es in der Fach- und der Volkssprache gleichermaßen zu finden ist. So in Neusohl, 1704: Hodbabne ranceze sproste . . . z *vitéz-kötűmi* (SMSS 11:161); Od Menteka z takoveho sukna ze samatimj gombami anebo z *vitéz-*

kötesmi šiteho (a. a. O. 162); Pleißnitz, 1818: Na klobuk *vitízkötés* (SN 9:292); *vitízkötés* 'Verschnürung' (StSl 11:106).

Übernahme des ung. *vitízkötés* 'Verschnürung der ungarischen Kleidung' (Ball, ÉrtSz). Die älteste ungarische Angabe für *vitízkötés* stammt aus 1627: *Eőreg felső ruhára való egy pár száras gombot . . . vitízkötésest . . . ; tizenkét pár szövés gombot, de vitízkötés és royt nélkül valót* (MTörtTár 18:219). Von Béla Radvánszky wissen wir, daß die »*vitízkötés*« ursprünglich ein Zubehör des Knopfes war, weshalb es von den Posamentierern angefertigt wurde (Radv. I,116). Ins Slowakische ist das Wort ganz gewiß hauptsächlich durch die Posamentierer gelangt (die obigen Angaben aus 1704 beziehen sich auf die Zunft der Posamentierer und Schneider), das Eindringen des Wortes konnte aber auch durch die Kleidung der Adligen und des Militärs beeinflußt sein. Das beinahe konsequente Erhalten des langen *é* in der zweiten Silbe von *vitéz* und die unveränderte Übernahme von *ö* in der ersten Silbe von *kötés* weisen darauf hin, daß das Wort eher nur bei den zweisprachigen Slowaken gebräuchlich war und vermutlich keine tiefen Wurzeln fassen konnte (bezüglich der Lautänderung *é > i* vgl. *ketýš*, *ketješka*).

Nicht behandelt habe ich Wörter, wie z. B. *bojt*, *gomb(a)*, *pantlika*, *žinór* usw., da einige von diesen bisher nur ganz vereinzelt bzw. aus der Sprache der zweisprachigen Dörfer belegt sind (*bojt*, *žinór*), andererseits, z. B. *gomb(a)*, *pantlika*, *žinór* in erster Linie nicht als Kleiderschmuck zu werten sind, obwohl sie auch in diesem Sinne gebraucht werden. Die überwiegende Mehrheit der vorgestellten ungarischen Lehnwörter kann aus dem 17. Jh. oder seit Beginn des 18. Jh.s belegt werden (*boritáš*, *čifra*, *čipka*, *šodra*, *pasomán*, *raca*, *rojt(a)*, *šik*, *šújtáš*, *vitízkötíš*), doch im Hinblick auf die Anwendung, kulturgeschichtliche Rolle und Lautform sind auch *ketýš*, *ketješka*, *mešterka* und *siroň* ~ *sirma* hierher zu zählen. Auch dann, wenn ihr früheres Vorkommen noch nicht nachgewiesen werden kann.⁹ Es ist nicht unmöglich, daß *magočka* ebenfalls schon vor dem 18. Jh. bekannt war, und nur *sarkaláb* scheint eine Übernahme aus dem 19. Jh. zu sein. Dies bedeutet aber, daß der größte Teil der mit der Schmückung der Kleidung zusammenhängenden ungarischen Ausdrücke noch in der Türkenzeit ins Slowakische gekommen ist.

⁹ Diese Arbeit war schon in Druck, als ich folgende Angabe aus dem Jahre 1683 gefunden habe: Kussček *ketissku* (Nádasdy Okir. I. 289/B, 613). Im alten Slowakischen war also nicht nur ein *ketiš* gebräuchlich, sondern auch dessen Deminutiv in Masculinum.

Abkürzungen

- Ball BALLAGI M., A magyar nyelv teljes szótára, I—II. Pest 1873
 Bern A. BERNOLÁK, Slowár Slowenski—Česko—Latinsko—Nemecko—Uherski, I—VI. Budae 1825—1827
- Brückner A. BRÜCKNER, Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków 1927
 ČMSS Časopis Muzeálnej slovenskej spoločnosti
 CzF CZUCZOR G.—FOGARASI J., A magyar nyelv szótára, I—VI. Budapest 1862—1874
- Décsy Gy. DÉCSY, Die ungarischen Lehnwörter der bulgarischen Sprache. Wiesbaden 1959
- Divald DIVALD K., Sáros vármegye szövött emlékei [Die gewebten Denkmäler des Komitates Sáros]. Budapest 1905
- DK L. REICHLÓVÁ—KUCHÁRIKOVÁ, Dejiny kroja. Náuka o krojoch a vkuse. Turč. Sv. Martin 1941
- ÉrtSz A magyar nyelv értelmező szótára, I—VII. Budapest 1959—1962
 EtSz GOMBOCZ Z.—MELICH J., Magyar etymologiai szótár. — Lexicon critico-etymologicum linguae hungaricae. I—II. Budapest 1914—1944
- Fej Archiv der Familie Fejérpataky (OL)
 Fényes FÉNYES E., Magyar országnak, 's a' hozzá kapcsolt tartományoknak mostani állapotja [Die jetzige Lage des Landes Ungarn und der ihm angeschlossenen Provinzen] II. Pest 1837
- Frecskay FRECSKAY J., Mesterségek szótára. Budapest 1912
- Hab A. HABOVŠTIK, Oravské nářečia. Bratislava 1965
- Holuby J. L. HOLUBY, Národopisné práce. Zostavil a úvod napísal J. Mjartan. Bratislava 1958
- HŠ Historické štúdie
 Hv J. HVOZDZIK, Zovrubný slovník slovensko—maďarský a maďarsko—slovenský. — Szlovák—magyar és magyar—szlovák részletes szótár. I. Praha—Prešov 1937, II. Košice 1933
- Jancs JANCSOVICS J., Új kimerítő szláv—magyar és magyar—szláv szótár. — Noví obšírní maďarsko—slovenskí a slovensko—maďarskí slovník. I—II. Pozsony 1863
- JŠ Jazykovedné štúdie. Bratislava 1956ff.
 Kálal M. KÁLAL, Slovenský slovník z literatúry aj z nárečí. Banská Bystrica 1923
- Klaić B. KLAJČ, Rječnik stranih riječi izraza i katica. Zagreb 1962
- Kovač S. KOVAČEVIČOVÁ, Ludový odev v hornom Liptove. Bratislava 1955
- Linde S. B. LINDE, Słownik języka polskiego, I—VI. Warszawa 1951
- LS Linguistica Slovaca. Acta Eruditae Societatis Slovaca. Bratislava 1 (1939)—6 (1948)
- Machek V. MACHEK, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha 1957
 Márkus MÁRKUS M., A bokortanyák népe [Das Volk der Gruppengehöfte]. Budapest 1943
- Melich MELICH J., Dolgozatok [Aufsätze] II. Budapest 1963
 Melicherčík A. MELICHERČÍK, Juraj Jánošík — hrdina proti feudálního odboje slovenského lidu. Praha 1956
- MGSz Magyar Gazdaságtörténeti Szemle. Budapest 1 (1894) — 13 (1906)
- MN A magyarság néprajza [Ethnographia des Ungartums] I—IV. Budapest, o. J.
- MNy Magyar Nyelv. Budapest 1905ff.
 MNyj Magyar Nyelvjárások. Debrecen (später Budapest) 1951ff.
 MTörtTár Magyar Történelmi Tár. Pest 1 (1855) — 12 (1863), Budapest 13 (1867) — 25 (1878)
- MTsz SZINNYEI J., Magyar Tájszótár. I—II. Budapest 1893—1901
- Nádasdy Archiv der Familie Nadasdy von Nádasladány (OL)
- NNy Nép és Nyelv. Kolozsvár—Szeged 1 (1941) — 4 (1944)
- Nosálová V. NOSÁLOVÁ, Ludový odev v Helpe a v Pohorelej. Bratislava 1956
- NyK Nyelvtudományi Közlemények. Budapest 1862ff.
- Nyr Magyar Nyelvőr. Budapest 1872ff.
- NySz SZARVAS G.—SIMONYI Zs., Magyar nyelvtörténeti szótár. — Lexicon linguae Hungaricae aevi antiquioris. I—III. Budapest 1890—1893

- OkISz SZAMOTA I.—ZOLNAY Gy., Magyar Oklevélszótár. — Supplementum ad Lexicon linguae Hungaricae aevi antiquioris. Budapest 1902—1906
- Palk J. PALKOVIČ, Böhmisch—deutsch—lateinisches Wörterbuch, I—II. Praha 1820—1821
- OL Országos Levéltár [Staatsarchiv]. Budapest
- Palotay PALOTAY G., Tót esipke, tót hímzés a 18. századi Erdélyben [Slowakische Spitze, slowakische Stickerei im Siebenbürgen des 18. Jh.s.]. Kolozsvár 1947
- Pátková J. PÁTKOVÁ, Ludový odev v okolí Trnavy. Bratislava 1957
- Pauliny E. PAULINY, Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava 1963
- Radv RADVÁNSZKY B., Magyar családélet és háztartás a 16. és 17. században [Familienleben und Haushalt in Ungarn im 16. und 17. Jh.] I—III. Budapest 1879—1896
- Sem W. SEMKOWICZ, Materialy źródłowe do dziejów osadnictwa górnej Orawy, I—II. Zakopane 1938—1939
- Sipos SIPOS, I., A nyelvi együttélés fejlődési szakaszai és tapasztalatai [Die Entwicklungsabschnitte und Erfahrungen des sprachlichen Zusammenlebens] I—III. Diss. Budapest 1967
- SL Slovenský letopis pre históriu, topografiu, archeológiu a etnografiu. Red. Fr. V. Sasinek. Skalica 1 (1876) — 6 (1882)
- Slavica Slavica. Časopis pro slovanskou filologii. Praha 1922ff.
- Slavia Slavica. Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de L. Kossuth nominate. Debrecen 1961ff.
- SLT Slovenský ľudový textil. Tkaniny, výšivky, ěpky kroje. Red. A. Pranda. Martin 1957
- SMS Sborník Matice Slovenskej. Turč. Sv. Martin 1922ff.
- SMSS Sborník Muzeálnej slovenskej spoločnosti. 1896ff.
- SN Slovenský národopis. Bratislava 1953ff.
- SP Slovenské pohľady. 1881ff.
- SR Slovenská reč
- SSJ Slovník slovenského jazyka, I—V. Bratislava 1959—1965
- Stan: Dej J. STANISLAV, Dejiny slovenského jazyka, I. Bratislava 1958²
- Stan: Lipt J. STANISLAV, Liptovské nárečia. Turč. Sv. Martin 1932
- StSl Studia Slavica. Budapest 1955ff.
- Száz Századok. Budapest 1867ff.
- SzófSz BÁRCZI G., Magyar szófejtő szótár. Budapest 1941
- Tamás L. TAMÁS, Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen. Budapest 1966
- TESz A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, I. Budapest 1967
- TörtTár Történelmi Tár. Budapest 1879—1899; Neue Folge 1 (1900) — 12 (1911)
- UMTsz Új Magyar Tájszótár (Das Material des im Sprachwissenschaftlichen Institut der Ungarischen Akademie der Wissenschaften entstehenden Neuen Ungarischen Mundartwörterbuches)
- Václavík A. VÁCLAVÍK, Podunajská dedina v Československu. Bratislava 1925
- Žak Banícká dedina Žakarovce. Bratislava 1956

Сюжетный параллелизм в романе «Двойник»

(К вопросу о внутренней форме второго романа Достоевского: разграничение реального и фантастического плана)

Д. КИРАЙ

1. «Бедные люди» и «Двойник» в одинаковой мере знаменуют начало творческой эволюции Достоевского. Между художественными концепциями двух первых романов Достоевского мы не видим такого противоречия, которое пытаются отыскать многие исследователи. Характер и содержание художественного мышления, романический подход к действительности и реализм в принципах отражения жизни в «Двойнике» те же, что и в первом романе. И тем не менее роман «Двойник» представляет особую сложность для анализа. Она заключается в том, что существуют два варианта произведения, каждый из которых может быть принят за основной, поскольку бытующую в издательском каноне редакцию 1866 г. вряд ли можно назвать «последней волей автора» в общепринятом текстологическом значении слова.¹ Возник этот вариант, действительно, наспех и свелся лишь к сокращениям в первом издании и небольшим стилистическим доработкам, вследствие того, что Достоевский не успел переработать роман «Двойник» по задуманному им плану и превратить его в «большой роман» к сроку сдачи третьего тома его собрания сочинений. Переделывая «Приключения господина Голядкина» в «Петербургскую поэму», Достоевский пренебрег советом Белинского, высказанным еще в 1846 г., не изменять ничего в произведении: «Вообще „Двойник“ носит на себе отпечаток таланта огромного и сильного, но еще молодого и неопытного: отсюда все его недостатки, но отсюда же и все его достоинства. Те и другие так тесно связаны между собой, что если б автор теперь вздумал совершенно переделать свой „Двойник“, чтоб оставить в нем одни красоты, исключив все недостатки, — мы уверены, он испортил бы его», — писал критик.² Связывая в то время большие надежды с переизданием «Двойника», Достоевский и не поместил журнальный текст, как следовало бы ожидать сог-

¹ В 1877 г. Достоевский писал по этому поводу: «Повесть эта мне положительно не удалась, но идея ее была довольно светлая и серьезнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил. Но форма этой повести мне не удалась совершенно. Я *сильно исправил ее потом, лет пятнадцать спустя*, для тогдашнего общего собрания моих сочинений, но и тогда опять убедился, что эта вещь совсем не удавшаяся, и если бы я теперь принялся за эту идею и изложил ее вновь, то взял бы совсем другую форму». — Достоевский, 12 : 297—298. (Курсив наш — Д. К.)

² В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений. Москва-Ленинград 1953—1956, 9: 565.

ласно хронологии, в первом и втором томах собрания сочинений. Поскольку материальные условия и масштаб задуманной переработки все же не позволили ему осуществить свое намерение и создать большой роман о двойничестве 40-х гг., он значительно сократил издание 1846 г. (вместо 14 глав стало 13), снял распространенные названия отдельных глав и переименовал произведение в «Петербургскую поэму».³ Но и эта переработка не удовлетворила писателя: форма сокращенного романа представлялась ему неудачной. Идею же он не переставал считать одной из самых значительных, которую он внес в русскую литературу. Это вполне объяснимо. Переработка «Двойника» в 60-е гг. была продиктована совершенно иным жизненным материалом и иным пониманием основных проблем русской жизни, чем те, которыми был порожден в свое время роман. Переделка романа, как она была задумана Достоевским в начале 60-х гг. и как это отражается в «Записных книжках»,⁴ была бы несомненно плодотворна, если бы она осуществилась, как и предполагал Достоевский, в форме *нового романа*, но о двойничестве 40-х гг. Отчасти она и осуществилась в «Записках из подполья» и в «Преступлении и наказании». И если учесть, что своим новаторством и остротой поставленных проблем, «Двойник» вызвал противоречивое, но плодотворное движение русской теоретической, критической и художественной мысли в 40-е гг., станет понятно, почему эти изменения поставили последующую критику в затруднительное положение. Опущенные во втором издании романа детали, не только помогают ощутить художественную идею сюжета, но и обнаруживают в непосредственном эстетическом переживании дистанцию, ироническое отношение автора к «приключениям» своего героя. Позднейшие интерпретаторы творчества Достоевского высказывания Белинского, Майкова, Добролюбова и других критиков до 1866 г. относили к переработанному тексту произведения — «поэме», тогда как у этих критиков речь шла о «романе» Достоевского. Этим обстоятельством и можно объяснить, что критики 40—60-х гг. от Белинского и Майкова до Добролюбова в основном положительно оценивают «Двойника», а критика второй половины XIX в. и XX в. вплоть до последнего времени «Двойнику» приписывают антигуманные идеи. Эти идеи отнюдь не были присущи творческой концепции Достоевского; они и не вытекают из художественной формы произведения, созданной в 1846 г.⁵

³ См. об этом подробнее в опубликованной Р. И. Аванесовым значительной части материалов, относящихся к неосуществленной переработке «Двойника»: Р. И. Аванесов, Достоевский в работе над «Двойником». Творческая история. Исследования по русской литературе. Под ред. Н. К. Пиксанова. Москва 1927, 124—191.

⁴ Ф. М. Достоевский, I и II Записные книжки (1861—1862). — Ф. 93. 1. 2.6., 61—66; (1862—1864) — Ф. 1.2.7., 19—22. Отдел рукописей Гос. Библиотеки им. Ленина (ГБЛ).

⁵ В последнее время в советском литературоведении начался пересмотр легенд и мифов, сложившихся вокруг этого романа Достоевского. Наиболее остро поднял эту проблему Ф. Евнин в статье: Об одной историко-литературной легенде (Повесть Достоевского «Двойник»): Русская литература 1965, № 3.

Осложняет анализ романа и оригинальность ее темы. Своеобразие сюжетной темы «Двойника» связана прежде всего с изображением героя в стадии прогрессирующего помешательства. Оригинальность эту отмечал еще Белинский: «Итак, герой романа — сумашедший! Мысль смелая и выполненная автором с удивительным мастерством! Считаем излишним следить за ее развитием, указывать на отдельные места и удивляться целому созданию. Для всякого, кому доступны тайны искусства, с первого взгляда видно, что в „Двойнике“ еще больше творческого таланта и глубины мысли, нежели в *Бедных людях*».⁶ Характер таланта Достоевского, по мнению критика, включал в себя одновременно антиромантические и глубоко социальные тенденции. Глубину мысли первого романа Белинский очень образно определил в беседе с П. В. Анненковым: «Дело тут простое: нашлись добродушные чудаки, которые полагают, что любить весь мир есть необычайная приятность и обязанность для каждого человека. Они ничего и понять не могут, когда колесо жизни со всеми ее порядками, наехав на них, дробит им молча члены и кости. Вот и все, а какая драма, какие типы!»⁷ Таким образом, характер таланта Достоевского (по Белинскому) в *антиромантическом подходе*, а глубина мысли — в *выявлении социальных причин судьбы бедных людей в противовес их идеальным представлениям о ней*. Говоря, что в «Двойнике» «еще больше творческого таланта и глубины мысли», Белинский подчеркивал родственность тенденции двух первых романов и обращал внимание на то обстоятельство, что внутреннюю форму в «Двойнике» следует искать в той же социальности и в антиромантической направленности. Но есть и несходства. Роман «Бедные люди» завершается трагедией иллюзий героев, разрушающей в читателе патриархально-романтические представления о положении в обществе личности из социальных низов. Крушение «амбиции» героя внутри темы разрушения иллюзий намечено в первом романе Достоевского еще очень слабо и сводится в основном к мотиву неразделенной любви вследствие низкого социального положения главного героя. «Двойник» — это трагедия «амбициозного» чиновника; мотив трагедии иллюзий выступает в этом новом романе уже как последствие крушения «амбиций». По существу можно проследить, как незначительные мотивы переживаний Девушкина (по поводу «амбиции», карьеры и т. п.) в «Двойнике» оформляются в несколько «романных» линий социально-психологического развития Голядкина, обозначая для него три возможных пути «обосноваться» в обществе.

2. Три таких основных мотива поступков Голядкина можно выделить в «Двойнике». Назовем их «романами-приключениями». Первые два закончи-

⁶ Белинский, указ. соч., 9 : 569.

⁷ П. В. Анненков, Замечательное десятилетие. Цит. по кн.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Москва 1964, 1 : 138.

лись неудачей героя еще «третьего дня», (т. е. в предыстории героя) когда он узнал, что Клару Олсуфьевну сватают за племянника его начальника, Владимира Семеновича. Поскольку Голядкин не готов «смириться» и не отказывается от своего «права на частную жизнь» (на которое он так часто ссылается на протяжении всего романа), на «карьеру», «выгодную женитьбу», то он переходит от мечты к «борьбе», но уже в рамках *романного сюжета*. Этим собственно и начинается сюжет романа. В сюжетной ситуации «Двойника» композиционно, таким образом, отделяются два периода — *мечтательство* и *бунт* героя. Мечта и бунт не перемежаются друг с другом, как это было в «Бедных людях». До начала собственно романного сюжета Голядкин лишь мечтал об успешном завершении двух первых своих «романов» (карьеры и любовного), но при первой же нашей встрече с ним он начинает «действовать», активно переходя к осуществлению своих мечтаний. Но вокруг него уже разразился «скандал», и потому новый, «деятельный» роман героя заранее обречен на неудачу.

Выявляется все это в разговоре Голядкина с его доктором Крестьяном Ивановичем во второй главе романа (Из диалога приведем только слова Голядкина):

«Этак к слову пришлось.» «Чувствительно, дескать, говорит, рад случая принести вам, Владимир Семенович, мое поздравление, *искреннее* мое поздравление в получении чина. И тем более рад, что нынче, как всему свету известно, вывелись бабушки, которые ворожат». Тут господин Голядкин плутовски кивнул головой и, прищурясь, посмотрел на Крестьяна Ивановича...

— Сказал, Крестьян Иванович, сказал, да тут же и взглянул на Андрея Филипповича, на дядю-то нашего нещечка, Владимира Семеновича.

Да что мне, Крестьян Иванович, что он ассесором сделан? Мне-то что тут? Да жениться хочет, когда еще молоко, с потволения сказать, на губах не обсохло... Я теперь все сказал, позвольте же мне удалиться...

Да, Крестьян Иванович, позвольте же мне теперь, говорю, удалиться. Да чтобы уж разом двух воробьев одним камнем убить, — как срезал молодца-то на бабушках и обращаюсь к Кларе Олсуфьевне (дело-то было третьего дня у Олсуфия Ивановича), а она только что романс пропела чувствительный, — говорю, дескать, — чувствительно пропеть вы романсы изволили, да только слушают-то вас не от чистого сердца. И намекаю тем ясно, что понимаете, Крестьян Иванович, намекаю тем ясно, что ищут-то не в ней, а подальше...

— Да-с, Крестьян Ивановича. Тоже и старику самому говорю, — дескать, Олсуфий Иванович, говорю, я знаю, чем я обязан вам, ценю вполне благодеяния ваши, которыми почти с детских лет моих вы меня осыпали. Но откройте глаза, Олсуфий Иванович, говорю. Посмотрите. Я сам дело начистоту и открыто веду, Олсуфий Иванович...

— Да что он, Крестьян Иванович! мямлит; и того, и сего, и я тебя знаю, что его превосходительство благородный человек — и пошел и размазался... Да ведь что ж? от старости, как говорится, покачнулся порядком...

— Да, Крестьян Иванович. И все-то мы так, чего! старикашка! в гроб смотрит, дышит на ладан, как говорится, а сплетню бабы заплетут какую-нибудь, так он уж тут слушает; без него невозможно...» (1 : 122).*

Мечтательный период жизни Голядкина охватывает, следовательно, период до «скандала» у его благодетеля (за два дня до собственно начала

* *Достоевский Ф. М.*, Полное собрание художественных произведений. Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. М.—Л. 1926—1930, 1 : 122. В дальнейшем ссылки даются по этому изданию в тексте.

романа). Бунт начинается тогда, когда он узнает о крахе своих мечтаний (повышение в чине и предполагаемая женитьба на Кларе Олсуфьевне).

Совершается, таким образом, переход от романов-мечтаний в первый и второй романы-приключения в форме *скандала* «третьего дня», о котором сообщает герой Крестьяну Ивановичу, а в первых четырех главах читатель является уже непосредственным свидетелем мучительной внутренней борьбы Голядкина — вызвать ли ему врагов на бой (т. е. поехать ли на бал) или смириться с последствиями скандала «третьего дня» (т. е. с утратой всех его надежд и благорасположения начальства). Этот второй переход кончается непредвиденным даже для самого героя «вторжением» его на бал с черного хода, т. е. вторым *скандалом*. Если события «третьего дня» были кульминацией его протеста, то появление на балу стало кульминацией его скандала. Естественно следует третий круг приключений, в котором Голядкин уже напряженно выжидает «контрнаступления» врагов после своего поражения; в таком настроении увидев своего близнеца, он естественно принимает его за своего «двойника».

В журнальном варианте романа (Отечественные записки, 1846, февраль) читатель с самого начала был предупрежден о том, что Голядкин любил вообразить себя героем романа, поразмыслить, куда могла бы завести его судьба:

«Заметим здесь, кстати, одну маленькую особенность господина Голядкина. Дело в том, что он любил иногда делать некоторые романические предположения относительно себя самого; любил пожаловать себя подчас в герои самого затейливого романа, мысленно запутать себя в разные интриги и затруднения, и, наконец, вывести себя из всех неприятностей с честью, уничтожая все препятствия, побеждая затруднения и великодушно прощая врагам своим» (1 : 520).

Его постигла неудача, которая означала для него гибель всех его расчетов и надежд, вызвав в нем бунт. Эта ситуация и есть достаточное психологическое основание для перехода от «затейливых романов», где Голядкин всегда выходил победителем, — в реальный роман, где г. Голядкин — деятельный герой, терпящий неудачу.

В первой главе подробно изображается приготовление Голядкина к «действию-торжеству» у Берендеевых. Не выясняется, был ли приглашен наш герой на званый обед, но он решительно и лихорадочно готовится. По дороге он встречается со своим начальником и насмешливыми сослуживцами, и это вносит в его уверенность нотки тревоги, отгоняя настроение самодовольного любования своим праздничным видом и экипажем. Увидев своего начальника, Голядкин «покраснел до ушей» и следует сцена полного душевного смятения героя: «Поклониться или нет? Отозваться или нет? Признаться или нет?» Психологическая борьба с самим собой завершается тем, что герой окончательно «стушевывается»: «Я, я ничего, это вовсе не я, не я, не я, да и только», — несколько времени спустя он, правда, обвиняет себя в неоправданной трусости: «следовало бы просто на смелую ногу и

с откровенностью, не лишенною благородства: дескать, так и так, Андрей Филлипович, *тоже приглашен на обед*, да и только». (I, 113. Курсив наш — Д. К.) Здесь уже ясно обозначено *приключение* Голядкина. Как видно, г. Голядкин «пожаловал себя в герои затейливого романа», но «роман» этот сразу же принял не такой оборот, какой он любил дать в своих честолюбивых мечтах.

Первые пять глав романа и протекают в настроении «бунта» героя из-за неудачи его надежд на карьеру и выгодную женитьбу. Композиционно переход от мечты к действию совершается в первых пяти главах романа, составляя завязку раздвоения и одновременно приоткрывая *вне-романный сюжет* «Двойника», сосредоточивая внимание читателя на проблемах двух первых «романов-приключений» и подготавливая и обосновывая зарождение третьего «романа-приключения». Голядкин хотел бы отплатить за свои социальные обиды, но не имеет для этого никаких реальных возможностей в действительности: вот почему его деятельность с самого начала приобретает «несвойственные его характеру» формы (выражение Добролюбова).⁸ С пятой главы наступает развитие третьего «романа», выросшего, как мы уже отмечали, не из беспредметных мечтаний Голядкина, а из вполне реальных последствий скандала на балу, а также его стремления отстоять свои «права»; таким же образом реальные последствия бесконтрольных поступков Голядкина вызывают нерасположение к нему начальства и гостей на балу (как раз в тот момент, когда «роман-мечта» превратился в «роман-приключение»). Этот «второй скандал» (IV глава), которым завершается второй «бунт» после происшествия первого — «третьего дня» —, является причиной новой сюжетной ситуации, которая возникает с пятой главы. Главным мотивом в этой новой ситуации становится мотив двойничества, завершающийся «третьим скандалом» Голядкина, воспроизведенным как бы приемом «замедленной съемки» (VI—XII главы). Непосредственным поводом его является преувеличение в болезненной фантазии Голядкина сходства с собой нового чиновника, Голядкина-младшего, в котором он видит намерение начальства вытеснить его со службы. Кончается этот «замедленный скандал» заключением Голядкина в сумасшедший дом.

Противоречие успехов молодого Голядкина неудачам господина Голядкина в ситуации, когда стало очевидным, что все его надежды на повышение, на женитьбу потерпели крах, приобретают форму помешательства, страха за потерю своего места в жизни. Достоевский с большим художественным мастерством случайностью помогает больной фантазии героя выдумать и развить его третий «роман». Неудача предыдущих «романов» очень логично для героя объясняется то цинизмом нравов («вот как это делается»), то интригой, которую затеяли его «враги», чтобы с помощью «двойника» незаметно

⁸ Статья Н. А. Добролюбова «Забитые люди» — одна из наиболее глубоких работ о раннем творчестве Достоевского. В ней содержится четкое определение эпической структуры романа. См. *Добролюбов*, Полное собрание сочинений. М.—Л. 1963, 7 : 256.

вытеснить господина Голядкина с занимаемой им в обществе позиции. Происходит это после второго бунта (первый раз он взбунтовался «третьего дня» у своего благодетеля; второй раз — скандально вторгшись на бал в трагическую ночь после изгнания его с бала). Тогда и сливаются в воображении героя образы Голядкина-I, молодого чиновника, и Голядкина-II, *idée fixe* Голядкина-старшего.

3. Поэтому нам представляется неверным объяснение основной идеи романа лишь страхом чиновника потерять свое место на службе.⁹ На наш взгляд, это последняя стадия его приключений, которые уже давно волновали его мечтательную натуру. Экзистенциальный страх является основной коллизией двух других романических повестей Достоевского 40-х гг. — «Господина Прохарчина» и «Слабого сердца». В «Двойнике» (как и в «Неточке Незвановой») этот мотив появляется лишь к концу произведения как следствие скандальных приключений героя и обострения его болезни в процессе осознания краха своих мечтаний и приключений. Страх этот возрастает по мере того как героя неотступно начинает преследовать мысль о несовместимости его амбиций и подлинного положения в обществе. Тогда и выступает мотив экзистенции в проблеме двойничества. Вот почему неправы те критики, которые сосредоточили все свое внимание на характеристике личности главного героя, выдавая за основу идеи романа раздвоение, двойничество, тогда как двойничество лишь *романное средство*, помогающее ввести героя в те сферы общества, в которых обнаруживается механизм всего общественного устройства, которые остались недоступны в свое время Девушкину, и, в результате столкновения с которыми и помешался рассудок Голядкина. Раздвоение Голядкина и было средством разгадки социальных причин *idée fixe* эпохи. Вот почему Голядкин для Достоевского «величайший тип по своей социальной важности», введенный им впервые в русскую литературу.

Такая глубокая идея не могла быть высказана непосредственно в сюжете романа в условиях николаевской цензуры (вспомним историю «Господина Прохарчина», в котором цензура вычеркивала даже слово «чиновник»).¹⁰ Вплетенная в кошмарный бред главного героя и осложненная второстепенным конфликтом его борьбы со своим «двойником», она была формально смягчена, завуалирована. Но и породила первый в русской критике спор об интеллектуальном романе (Белинский говорил о понимании романа «диллетантами» и непонимании его «толпой»), а у самого писателя вызвала впоследствии колебания относительно совершенства формы романа.

В «Двойнике», таким образом, мы оказываемся непосредственными сви-

⁹ Так полагает, например, Ф. Евнин. См. указ. соч.

¹⁰ См. об этом Достоевский, Письма. Под ред. А. С. Долинина. М.—Л. 1929—1959, 1 : 257.

детелями лишь третьего «романа-приключения», вызванного последствиями кульминации первых двух «романов-приключений» Голядкина, которые до скандала «третьего дня» были лишь «романами-мечтами». В романы-приключения они перешли как следствие этого скандала, породив третий «роман-приключение», тесно переплетаясь с ним. Но от того, что этот третий «роман» — следствие первых двух приключений, он не лишен своей «романичности», вовлекает героя в не менее авантурные ситуации, чем предыдущие «романы-мечты» — любовный и «роман» карьеры. Так, г. Голядкин оказывается на пороге последнего своего «романа» (который мы раньше уже назвали «замедленным скандалом») вследствие истощившей его душевные силы и «не свойственной его характеру» деятельности и страха перед недоброжелательностью начальства.

В журнальной редакции роман «Двойник» назывался «Приключениями господина Голядкина», что прямо указывало на то, что в художественной концепции Достоевского доминировала мысль о *приключениях* героя. Это же подтверждают и распространенные названия глав романа. Из тех мест, которые были впоследствии опущены писателем в собрании сочинений, можно привести целый ряд таких фрагментов, которые служат обоснованием выдвигаемой нами концепции структуры романа. И, наконец, переработка «Двойника», отраженная в «Записных книжках», указывает на то, что писатель намеревался еще детальнее развить эти «романы-приключения» Голядкина, дополняя их новыми эпизодами, в которых еще ярче выступали мотивы первого и второго приключения Голядкина и был доведен до логического конца и третий «роман-приключение».

Романный сюжет в «Двойнике», выходит, не что иное как раздвинутая социально-психологическая ситуация, а развитие *idée fixe* в нем — раскрытие социально-психологических причин помешательства человека в условиях 40-х гг. XIX в., социальных причин двойничества.¹¹ Необходимо было такое построение романа с собственно романским и внероманским сюжетом писателю для того, чтобы самые важные, проливающие свет на социальные причины помешательства героя события вынести за рамки сюжетного действия. Социальные причины сумасшествия Голядкина Достоевский поместил за пределы сюжетного действия вероятнее всего по двум соображениям: 1) главная мысль произведения — отрицание кастового устройства общества (которое обнажается вследствие обманутых надежд «амбициозного чинов-

¹¹ Впервые заговорил о таком способе построения романа Э. Гаспарини, отмечая, что действия в романе Достоевского собственно не что иное как углубление ситуации, а не развитие происшествия, что катастрофа к началу действия собственно уже произошла, а произведение как бы разъясняет ее ситуацию. Однако Гаспарини не увидел художественную идею такого построения, не заметил двусюжетности и того, что первичная ситуация романа кроется во внероманском сюжете героя и что рассказывается о нем в первый же день собственно романного действия, чтобы поставить ситуацию трех дней романа в причинную связь с предысторией, которая и является главной ситуацией произведения. См. *E. Gasparini, Elementi della personalita di Dostoevski. Roma 1928.*

ника», его «бунта») была слишком смелой в условиях 40-х гг.; 2) в то же время бесконтрольные внутренние и внешние поступки сумасшедшего героя, изображенные в романном сюжете, не должны были затемнить смысл внероманного сюжета, наоборот, в случае «удавшейся» формы должны были помочь писателю еще глубже выразить эту идею.

Сюжет «Двойника», таким образом, мыслился Достоевским как: 1) «романный» сюжет с функцией развертывания и доведения до логического конца той идеи, которая осталась во «внероманном» сюжете (этим логическим концом и было раздвоение и сумасшествие героя) и как 2) «эзопов язык» главного, «внероманного» сюжета. Писателя занимал в первую очередь не сам Голядкин и его раздвоение (т. е. цель романа отнюдь не изображение «сумасшествия ради сумасшествия»), интересовали его общественные отношения и социальный порядок, преломленные в судьбе Голядкина. При таком построении романа alter ego главного героя позволил проникнуть ему, а вместе с ним и читателю, в те сферы общественных отношений (ср. в «Записных книжках»: «NB. Тут анатомия всех русских отношений к начальству!»),¹² которые были закрыты для него в реальной жизни, особенно же после «скандала третьего дня».

Итак, в романе Достоевского по существу два сюжета. Основной из них разыгрался «третьего дня», однако, он не развит непосредственно в романе и не им начинается собственно романный сюжет. Он лишь упоминается героем в первый день его походов (II глава), во втором, «романном» сюжете, в эпизоде встречи с доктором Крестьяном Ивановичем. Этот второй сюжет, включающий собственно следствие и развязку, раскрывает процесс зарождения и обострения *idée fixe* Голядкина и, с одной стороны, все время возвращает внимание героя к главному, «внероманному» сюжету его истории, а, с другой — углубляет догадку героя, а вместе с ним и понимание читателем истинной серьезности трагикомедии чиновника как раз в силу связи этого второго сюжета с «внероманной» историей Голядкина.

4. В жанровом отношении такая «двусюжетная» конструкция романа была вызвана стремлением писателя поместить сферу авторского «я», как и в первом романе «Бедные люди», в рамки эпической структуры, внутренней формы. Иначе Достоевский не мог бы провести такую глубокую социальную идею и выразить авторскую дистанцию по отношению к своему герою.

Эта конструкция позволила писателю в различных плоскостях формы романа выразить не только пафос, но и иронию автора. Основная трагическая идея романа, как и пафос автора были, таким образом, «спрятаны и замаскированы» сюжетно; сюжет в свою очередь был развернут комически и

¹² Достоевский, I-ая Записная книжка. ГБЛ — Ф. 93.1.2.6., 62.

гротескно, а в развернутых названиях глав первого издания — расшифрован патетико-иронически.

Этот же замысел продиктовал необходимость передать нить рассказа в основном не главному герою, а подставному лицу — рассказчику, и вследствие этого организующей формой повествования сделать не «язык и понятия» героя (как это было в «Бедных людях»), а «внешние и внутренние» поступки его, внешние и внутренние приключения Голядкина. Этим объясняется и оригинальность внешней формы «Двойника», в том числе и сюжета.

Как видим, анализ переплетения и соотношения этих двух сюжетов (внероманного и романного), и творческий замысел писателя, обнаруживающийся в самом названии романа и характере распространенных названий отдельных глав, наконец, прямые намеки на такую структуру произведения в тех местах текста, которые были выпущены впоследствии, обнаруживают, в какой именно плоскости романной формы «Двойника» звучит «слово» автора. Если в «Бедных людях» основой разграничения плоскостей «слова» героя и «слова» автора служила структура параллельных линий: сюжета сознания и сюжета судьбы героя,¹³ то в «Двойнике» такой основой служит история приключений Голядкина, рассказанная нейтральным рассказчиком «словами и понятиями» героя до раздвоения Голядкина с явной иронией по отношению к нему, а после раздвоения его сознания без особых оценочных моментов, как бы сливаясь с внутренними и внешними поступками самого Голядкина.

Главный герой, как и герой «Бедных людей», одержим *idée fixe*, и эта *idée fixe*, несмотря на свою односторонность приводит личность к трагедии в результате ее столкновения с общественными порядками. В «Бедных людях» психологическое приключение героя остается в противоположной плоскости сюжета (сюжетный протест); трагическая судьба не минует героев, как бы они не старались «спрятаться» от жестоких фактов жизни. В «Двойнике» психологические приключения главного героя переходят из вспомогательного сюжета в главный (собственно романнный), становятся сюжетобразующими. Мы оказываемся свидетелями весьма необычного сюжетного построения. Бегство от действительности не удается уже Макару Девушкину; чем судорожнее он стремится укрыться от нее, тем при более трагических обстоятельствах вынужден вернуться к ней. Он мечтает, например, как Варенька развезжала бы в карете по Невскому проспекту и генералы «ловили бы ее благосклонного взгляда», а приходит реальность, и Быков увозит Вареньку, а Девушкину остается сокрушаться о своем горе. Он хочет себя уверить, что он ценит начальством, но мечты сменяет действительность, и следует унижающая его человеческое достоинство сцена у его превосходи-

¹³ См. об этом подробнее Д. Курай, Художественная структура ранних романов Ф. М. Достоевского (К вопросу о разграничении позиции автора и позиции героя в романе «Бедные люди»); *Studia Slavica* 14 (1968) 221—241.

тельства. В основу сюжета «Двойника» положена еще более трагикомическая ситуация: герой не может *смириться* со свершившимся и выражает, хотя и в своеобразной форме, протест против него; это в свою очередь восстанавливает против него общественное мнение, бороться с которым ему явно не под силу. Это и есть основа сюжетного построения романа. Но особенность его состоит в том, что г. Голядкин действует так, как если бы эти (гиперболизированные его сознанием) факты были не вполне реальны. Доверяя больше своим мечтам и воображению, не умея разобраться в реальных событиях и отделить отношения официальные и личные, он пребывает в постоянном мистическом страхе от своих поступков, реальные последствия которых он осознает только в ясные минуты. Но тем не менее ему трудно поверить в приближение трагедии, а потому свое желание избежать трагических последствий «деятельности» он и выдает за действительность. То же самое повторяется и в его отношениях к своему «близнецу». Если в первую ночь, испугавшись «сверхъестественности» появления «близнеца», он тут же вообразил его своим «двойником», и на второй день, по мере того как он уверяется в реальности существования чиновника с таким же, как у него именем, он все больше успокаивается и разделяет свои поступки и поступки реального Голядкина-II, то в третий и четвертый дни развития событий в романе чем более реальны и угрожающи успехи молодого Голядкина, тем более бессознательно переносит г. Голядкин-старший черты молодого Голядкина на характер своего «двойника», а свои, реально ухудшающиеся официальные отношения в сферу мистифицированных, нереальных.

В романе по существу два главных героя. Один — продукт уходящих в прошлое общественных отношений, мечтательный романтик, прячущийся перед реальными общественными отношениями. Другой — продукт «юридических» чиновничьих начал — любимыми средствами готовый добиваться карьеры, пользующийся благорасположением начальства чиновник. Первый, охваченный не только отвращением ко второму, но и завистью по отношению к его успехам, мечтает сделаться таким же ловким удачником, а потому не только осуждает его, но и пытается открыть для себя те средства, которыми преуспевающий чиновник добивается повышения. Молодой чиновник, услужливый и верноподданный, проницательно уловив слабости чиновников типа Голядкина-старшего, знает, что они мечтательны, не «умеют подлизаться». Это и обеспечивает успешную борьбу Голядкина-младшего со старшим, на этом, с другой стороны, основываются доверчивые отношения Голядкина-старшего к младшему, вынуждая его в затруднительных ситуациях обращаться за советом к младшему, выдавать себя искренними признаниями, а тем самым попасть к нему в зависимость.

Двойственное отношение г. Голядкина к Голядкину-младшему объясняется тем же. Не разобравшись в истинных побуждениях отношения к нему младшего и не догадываясь о подлинном значении его поступков, Голядкин-

старший в своей одержимости принимает их за искреннее желание помочь ему. Такие моменты обуславливают романтизм поведения. Когда же г. Голядкин начинает понимать коварство младшего, он неизбежно в его положении преувеличивает последствия поступков младшего и побуждаемый непреодолимым страхом мистифицирует свое отчуждение — это рождает гротескность поведения и крайнюю форму его: двойничество. Неоднократно переживая это чувство страха (после того, что Голядкин-младший втерся в доверие начальства, разузнал об отношениях Голядкина с «бедной хромоногой немкой» о мечтах Голядкина относительно карьеры и женитьбы на Кларе Олсуфьевне, присваивает себе благодарность его превосходительства за труд, выполненный г. Голядкиным и т. п.) Голядкин-старший все больше мистифицирует «сверхъестественное могущество» младшего и приходит к убеждению, что чиновник, которого начальство приняло на другой день после его «скандала» на торжестве у Берендеевых, есть его «злейший враг», которого использовало начальство, потому что воспринимают г. Голядкина и Голядкина-младшего как «игру природы».¹⁴

Так создается комплекс двойничества Голядкина, обоснованный в сюжетной ситуации и неизбежный в *психологической логике* сознания главного героя, перенесение им черт характера своего «близнеца» в логику своего сознания. Происходит это вследствие того, что г. Голядкин возбуждает себя к «несвойственным» его характеру приключениям как в своих поступках, так и в сознании. Замысел образа Голядкина в том, что он вынужден подражать поступкам людей, для которых они — привычная норма поведения, но для него они чужды, а потому он терпит неудачу, когда подражает им. То же самое он пытается совершить и в своем сознании. Завидуя успехам Голядкина-младшего и насмешливым сослуживцам и их умению «вести светский разговор», «интриговать», «подлизаться», он пытается вести себя так же, но он сам неуклюж и вызывает при этом лишь смех или унижительную жалость. Все эти моменты подражания чуждым для него нормам этики, мышления и т. п., особенно остро проявляясь в кульминационные периоды отношений Голядкина, и создают романский сюжет *idée fixe*, двойничества. Г. Голядкин не сам создает в своем воображении Голядкина-младшего, и не со своего характера «снимает» характер последнего, а заимствует это *alter ego* из чужих черт поведения, мышления и понятий. В *alter ego* в сознании г. Голядкина они превращаются вследствие того, что они ему чужды, не вытекают непосредственно из его собственного характера. Не умея раскрыть внутренние пружины поведения, мышления и этики людей типа Голядкина-младшего, он и воспринимает их как сверхъестественные, мистические.

¹⁴ Достоевский, II-ая Записная книжка. ГБЛ — Ф. 93.1.2.7., 63.

«Двойник» господина Голядкина является, таким образом, плодом кризиса в его социальном положении, официальных и личных отношениях, является результатом затеянных им «приключений», в реальных последствиях которых он не в силах разобраться. Поскольку его «близнец» вступает в эту ситуацию на второй день после первого и накануне второго «скандала» г. Голядкина с начальством, то для г. Голядкина он и явится тем подозреваемым «врагом», которого начальство приняло ему «в пику», чтобы отомстить за первый «бунт», за то, что он «разгадал их интриги». Для начальства же молодой Голядкин действительно станет, наряду с доктором Крестьяном Ивановичем (которому г. Голядкин раскрывает свои «амбиции»), добровольным помощником в устранении г. Голядкина, замышляющего новые «скандалы».

5. Следовательно, в «Двойнике», как и в «Бедных людях», создаются два параллельных сюжета: 1) сюжет социальных последствий бунта чиновника и предъявляемых им социальных «претензий» (повышение в чине, выгодная женитьба), а также его борьбы с новым чиновником, его «близнецом» и — 2) сюжет «психологической логики» Голядкина, складывающийся из отражения в его сознании результатов его «подражательных» поступков, чужих норм поведения, форм мышления, стремлений. В «Бедных людях» сюжет сознания и сюжет судьбы развиваются параллельно с сохранением *доминанты сюжета судьбы*; поэтому в какие бы приключения не запутывалось сознание героя, каждый раз сюжет судьбы возвращал его к действительности. В конце романа происходит смыкание этих двух сюжетов, завершающееся победой трагического исхода сюжета судьбы.¹⁵ В «Двойнике» сюжетный параллелизм выражается в сюжете реального движения последствий бунта, «приключений» героя, нежелания г. Голядкина примириться со своим положением и происшедшим и в сюжете *idée fixe*, «двойника», *alter ego* главного героя. Но и в этом романе доминирует сюжет реальной судьбы, однако с тем отличием от «Бедных людей», что «приключение сознания», сюжет сознания выполняет функцию синхронного раскрытия и завуалирования сюжета реального движения, кульминация последнего вынесена к тому же за пределы романа («третьего дня»). В «Двойнике» сюжет сознания, приключения героя являются, таким образом, результатом, последствием сюжета судьбы до начала собственно романного действия; в романе происходит уже тщетная борьба за возвращение утраченного, попытки отомстить врагам за разрушение мечтаний и «амбиций», которые составляли смысл жизни верноподданного служения главного героя, г. Голядкина. Вследствие этого *сюжет судьбы доминирует в содержании романного сюжета двояким образом*: 1) как причина последнего приключения сознания Голяд-

¹⁵ См. сноску 13.

кина (превращение им «близнеца» в своего «двойника» и обострение помешательства рассудка), и, 2) как причина развязки его «бунта» против «благотворительного начальства» — отстранения от службы и заключения в сумасшедший дом.

Но отчетливо и ясно разработав доминанту сюжета социальной гибели чиновника, замышляющего «бунт», Достоевский решил вынести эту главную коллизию за пределы собственно романного сюжета. Последствия же этой коллизии, как и рождающаяся на наших глазах новая коллизия (борьба за сохранение места с новым чиновником) представлены в отражении поступков, поведения, понятий, языка все больше теряющего самоконтроль и нить реальности г. Голядкина и вторящего ему рассказчика.

Так и создается в сфере внешних форм «эзопов язык» романа, приводя к иллюзорному ощущению, будто *содержание сюжета судьбы и психологическая логика сюжета* сознания являются лишь плодом расстроенного воображения г. Голядкина, случайными фантомами прогрессирующего помешательства героя, и, что даже Голядкин-младший есть только результат раздвоения г. Голядкина, где на одном полюсе группируются его положительные качества (старший), а на другом — отрицательные (младший). Вот почему оставаясь лишь в сфере «внешних форм» произведения, нельзя решить, писал ли, например, г. Голядкину Вахрамеев, или он сочинял эти письма в своем воображении; то же самое относится и к письму Клары Олсуфьевны, одиннадцати съеденным пирожкам, присвоению работы Голядкиным-младшим и т. п. К тому же в романе выдержана строгая логика процесса помешательства, а также логика развития «официальных» отношений г. Голядкина. Например, в первых главах в разговоре с Крестьяном Ивановичем Голядкин рассказывает о своих реальных отношениях на службе и излагает историю его «скандала» и «бунта», а в последних главах (XII и XIII) он едва узнает доктора. В главе XII «поэмы» (XIII главе издания 1846 г.) г. Голядкин даже не узнает среди гостей Крестьяна Ивановича, его лицо представляется ему «как будто знакомым»:

«Одного из гостей г. Голядкин тотчас узнал. Это был Андрей Филиппович; другого же нет; впрочем лицо было как будто тоже знакомое — высокая, плотная фигура лет пожилых, одаренная весьма густыми бровями и бакенбардами и выразительным резким взглядом. На шее незнакомца был орден, а во рту сигарка... Значительно кивая головою, взглядывал по временам на г. Голядкина». (1 : 230).

«Незнакомец важно и торжественно приближался к г. Голядкину... Г-н Голядкин эту фигуру очень хорошо знал. Он ее видел, очень часто видал, еще сегодня видел... (т. е. у его превосходительства — Д. К.). Незнакомец был высокий плотный человек в черном фраке с значительным крестом на шее и одаренный густыми, весьма черными бакенбардами; недоставало только сигарки во рту для дальнейшего сходства...» (1 : 244.)

Так, в начале романа в первой и четвертой главах, когда г. Голядкин встречается с Андреем Филипповичем, последний пока еще только удивляется его странному поведению, хотя это было уже после первого скандала г. Голяд-

кина. После второго «скандала» Андрей Филиппович ведет себя по отношению к Голядкину таким образом, что не оставляет никаких сомнений относительно решения судьбы героя. Потому он и не замечает, что с работой, выполненной г. Голядкиным, в кабинет его превосходительства проскользнул Голядкин-младший, и не желает выслушивать робкие жалобы г. Голядкина. Когда же в XII главе г. Голядкин идет просить защиты у начальника, Андрей Филиппович многозначительно разговаривает с Крестьяном Ивановичем и его превосходительством о деле Голядкина, и сообщая они принимают решение о заключении его в сумашедший дом. Место действия: дом его превосходительства; время действия: восемь часов. В девять часов все уже в доме Берендеевых в ожидании появления Голядкина; Голядкин был сюда вызван письмом, сочиненным как будто от имени Клары Олсуфьевны. Об этом намерении начальства свидетельствуют мотивы письма, повторяющиеся как бы мотивы *idée fixe* Голядкина.

Двусюжетности служит и распределение романного времени. Рассказывается о событиях шести дней, причем первые два дня вынесены за рамки романного сюжета, в предысторию, хотя они, с одной стороны, охватывают завязку фабулы всего произведения, а с другой, — первую кульминацию в фабуле. Из остальных четырех дней первый полностью занят приготовлением героя ко «второму скандалу», а также изложением событий внероманного сюжета. Оставшиеся три дня охватывают историю раздвоения главного героя.

В первый «внероманный» день происходит все то, о чем отчитывался Голядкин доктору Крестьяну Ивановичу и выясняется, почему же взбунтовался чиновник и в чем состоял его «первый скандал». В день, предшествующий началу романного сюжета, в департамент был принят Голядкин-II и происходит первое посещение г. Голядкиным доктора Крестьяна Ивановича. В первый день собственно романного сюжета, то есть третий день фабулы состоится «второй скандал» Голядкина, его неожиданное появление незваным гостем на балу. В романе большую роль играют ночи. Ночью этого первого дня г. Голядкин встречается с Голядкиным-младшим и принимает его за своего «двойника». Реальный и фантастический планы даются через восприятие героя, потрясенного новым «скандалом». О существовании реального Голядкина-II читатель узнает лишь на следующий день, когда и герой выясняет для себя, что «близнец» существует и пока никто не видит в этом ничего сверхъестественного. Что касается событий первой ночи: состоялся ли визит Голядкина-II к г. Голядкину или это был бред воспаленного воображения героя — решить трудно. Поскольку рассказчик, как и в других местах никогда не разрушает диалектику реальности и фантастичности «за свой счет», а строго придерживается логики сознания главного героя в его ситуации, то приходится констатировать, что как эта, так и другие «неясности» (тайны) именно благодаря своей неясности входят в художественную концепцию целого произведения.

На второй день романного сюжета г. Голядкин успокаивается относительно существования своего «близнеца», но новое беспокойство в его жизнь вносит сообщение Антона Антоновича о том, что г. Голядкин вскоре получит решение о его «официальном» положении в департаменте. Новый поворот в третьем его «приключении» вносит приглашение им в гости своего «близнеца». Эта вторая ночь встречи двух Голядкиных кончается тем, что г. Голядкин откровенно исповедуется младшему о том же, о чем он двумя днями раньше открылся Крестьяну Ивановичу. Этим и воспользуется Голядкин-младший в последующие два дня, когда он компрометирует г. Голядкина перед сослуживцами, выдавая им патетически и романтически рассказанные факты и мечты Голядкина-старшего в своем комическом и сатирическом изложении. Судя по развитию сюжета «официальных отношений» двух Голядкиных, благодаря проникновению в тайны г. Голядкина Голядкин-младший и может заменить в глазах начальства Голядкина-старшего, присваивая его заслуги и добровольно помогая начальству устранить «скандалиста» Голядкина-старшего.

Собственно с этой второй ночи и начинается борьба между двумя Голядкиными и смешение реального и фантастического планов в сознании г. Голядкина, но читатель уже знает о существовании реального чиновника. Смешение происходит опять потому, что эта борьба дается не в объективном аспекте нейтрального рассказчика, а рассказчика, который полностью отождествляется в своем рассказе с восприятием событий и приключений г. Голядкина.

Третий и четвертый дни и протекают в такой борьбе, в которой г. Голядкин, все больше озадаченный беззастенчивым поведением своего «близнеца», терпит неудачи одну за другой: Голядкин-младший разоблачает его «романы-мечты» и «романы-приключения» перед сослуживцами, присваивает себе его труд, заставляет заплатить за съеденные им пирожки. Теперь уже г. Голядкин больше озабочен своей борьбой с Голядкиным-младшим, то опасаясь, что тот опозорит его «честное имя», то испытывая страх потерять место и что его, г. Голядкина, перестанут воспринимать как реально существующего и считаться с ним. На самом же деле за это время его «официальные» отношения ухудшаются: на четвертый день он получает от начальства распоряжение сдать дела замещающему его чиновнику, а Голядкин-младший возвышается до чиновника особых поручений. После очередной скандальной встречи со своим «близнецом» он обнаруживает в кармане письмо, написанное якобы Кларой Олсуфьевной. Судя по развитию сюжетного хода это и есть пункт, где, наконец, смыкаются линии его официальных и личных отношений, реального и фантастического плана в сюжете; это начало развязки его «бунтов» и «скандалов», с одной стороны, и его двойничества (т. е. мистификация им существования «близнеца»), с другой стороны. Г. Голядкина увозят в сумасшедший дом, главными помощниками в этом оказываются

Голядкин-младший, Крестьян Иванович, т. е. именно те, кому он «открылся» и его личный враг, Андрей Филиппович.

6. Построение «Двойника» близко принципам построения авантюрных, приключенческих романов. Об этом свидетельствуют не только распространенные названия отдельных глав, и далее, прямые указания в журнальном тексте романа, выпущенные писателем впоследствии и не только намерение Достоевского сделать из него «новый роман», но и принципы сюжетного построения произведения, композиция внутренней формы и структура романа. В романе речь идет о трех основных приключенческих мотивах, переходящих в романы Голядкина. Первые два вынесены в предысторию, хотя романский сюжет (третий «роман-приключение») постоянно возвращает героя и читателя к ним. Обусловлено это со стороны характера героя неспособностью его реально оценить свое социальное положение и социальные возможности, а также крайней романтической мечтательностью (в этом смысле роман «Двойник» также антиромантичен, как и «Бедные люди» и другие романы и повести 40-х гг., а романтичность и тут трактуется социально). Со стороны ситуации это обусловлено общей коллизией русской жизни 40-х гг., что и вызывает как симптом настроения эпохи «мрачный протест» среди чиновничества. Выражается это у героя Достоевского в его социальных «амбициях» и социальных претензиях. Последнее и обуславливает переход от социальных мечтаний и «амбиций» к действию для их осуществления или высказывания их, к приключениям. Это знаменует конец «смирения» Деушкина, русского городского большинства.

На этой идее действительности и построена сюжетная структура романа: реальные происшествия и их социальные причины спрятаны, с одной стороны — во внероманном сюжете, с другой — в структуре рассказа, т. е. даются через аспект *idée fixe* героя, аспект двойничества.¹⁶ Дело в том, что Достоевский конструирует «сказ», в котором рассказчик не вмешивается «за свой счет» в соотношение фантастического и реального в сюжете: видит и передает все главное через сознание героя и приключения, которые приобретают первенствующее значение как форма поступков, поведения, развивающихся отношений и судьбы Голядкина, передаются тоже через призму понимания их Голядкиным. Принципы невмешательства автора в повествование и есть условие и предпосылка представить в форме фантастического все то, что на самом деле является потрясающей реальностью.

Эту форму и не считал Достоевский вполне удавшейся, но реальность,

¹⁶ Попытку составить хронологию фабулы «Двойника» сделал Н. С. Трубецкой. Но ввиду того, что он не придавал значения сюжетному параллелизму романа и не понял структурный принцип двусюжетности и приключенчества, а также трактовал «двойничество» в традиционной форме, Трубецкой многое упустил или во многих местах исказил развитие фабулы. См. Н. С. Трубецкой, Ранний Достоевский: Новый журнал 62 (1960) 124—146.

которую он выразил, он считал светлой своей идеей. Эта идея была: отрицание феодально-бюрократического устройства общественных отношений. Достоевский-утопист, близкий друг предшественника революционной демократии, Белинского, и создал в «Двойнике» одну из форм «эзопова языка», «анализа» и «отрицания»; впоследствии воспользовался ею в других аспектах в более поздних произведениях.

Вопрос о том, насколько форма его идеи была «неудавшейся» и насколько совершенна, предмет особого разговора. Его нельзя решить в процессе одного лишь анализа внутренней формы «Двойника», как нельзя решить его, основываясь только на высказываниях самого писателя и современных ему критиков, поскольку проблема эта входит составной частью в вопрос об интеллектуальном романе и романе «для публики» в XIX в.

Bedeutung und Probleme der Andrejev-Forschung

L. KARANCSY

1. Leben und Kunst Leonid Andrejevs zählen zu jenen Erscheinungen der neueren russischen Literatur, wobei die philologische Forschung und die Untersuchung auf prinzipiellem Niveau gleichermaßen noch grundlegende Fragen zu beantworten haben. Immer mehr sehen die Forscher ein, daß der gegenwärtige Stand der Andrejev-Forschung weder politisch noch ästhetisch und literarhistorisch begründet ist, ferner, daß von der russischen Literatur der Jahrhundertwende ohne Andrejev kein vollständiges Bild entworfen werden kann. Vorliegende Studie hat nicht die Aufgabe, sich mit jenen technisch-philologischen Beziehungen der Andrejev-Forschung zu befassen, welche die Grundlage für die Bearbeitung jeglicher schriftstellerischen oder literarhistorischen Probleme auf gedanklichem Niveau bilden. Dies ist keineswegs unsere Aufgabe, obwohl gerade die auf diesem Gebiet vorhandenen Mängel ein bedeutendes Hindernis beim Studium Andrejevs bilden. Es versteht sich von selbst, daß man sich ohne das vollständige Material der Manuskripte, der Textvarianten und der möglichst vollständigen Korrespondenz eine Analyse von vollwertiger prinzipieller Geltung gar nicht vorstellen kann. Es liegt auf der Hand, daß die kritische Ausgabe sämtlicher Werke des Schriftstellers oder zumindest einer guten Auslese davon, das Interesse für den Künstler steigern und die ganze Andrejev-Forschung auf eine breitere Grundlage stellen würde. All dies sind aber Aufgaben, deren Durchführung wir gleichsam ausschließlich von den sowjetischen Fachleuten zu erwarten haben. Der größte Teil des Andrejev-Stoffes — die bisher nicht publizierten Werke miteinbegriffen — ist, hauptsächlich infolge der Mühewaltung in den jüngsten Jahren, in den Archiven der Sowjetunion heute schon vorzufinden. Bedauerlich ist, daß die sowjetischen Forscher für den reichen Stoff vorläufig wenig Interesse zeigen bzw., daß ihr Interesse sich nicht in solchen Textpublikationen realisiert, die auch die Arbeit der Forschung im Ausland erleichtern würden.¹

¹ Vorläufig können wir eine einzige ähnliche Publikation erwähnen: Л. А. Иезутова, Работа Леонида Андреева над рассказом в конце 90-х, начала 900-х годов («Молчание», «Ложь», «Весенние обещания»): Вестник Ленинградского университета, 1967, № 14, вып. 3, 105—116.

Die mit ähnlichen Plänen auftretenden Andrejevisten kann der Vorwurf treffen, daß sie zum Studium eines sehr — und nicht ohne Grund — umstrittenen Vertreter der russischen Literatur einen so großen Apparat in Anspruch nehmen wollen, der sonst nur einhellig anerkannten Klassikern zusteht. Auf die Frage, auf Grund welcher Überlegungen Andrejev auf der literarhistorischen Rangliste eventuell auf einen höheren Platz, als er ihn derzeit einnimmt, gestellt werden kann, kommen wir im Schlußteil unserer Studie noch zurück. Vor allem wollen wir aber die Frage untersuchen, ob die Forschung wirklich nur hinsichtlich der Wertung Andrejevs einen Sinn hat, oder ob eine ähnliche Arbeit eventuell auch eine breitere, prinzipielle Bedeutung haben kann.

2. An der Wende des 19. und 20. Jh.s erfuhr auch die russische Literatur, gleich den anderen europäischen Literaturen, wesentliche Änderungen. Die Einzelherrschaft des traditionellen Realismus wurde gebrochen. Die neuartigen Bestrebungen bemächtigten sich nicht nur der neuauftretenden Schriftsteller, sondern in vielen Fällen auch der Vertreter der älteren Generation. Jener Čechov, der in der Zeit um die Jahrhundertwende das Publikum mit seinen Erzählungen eigenartiger Stimmung und mit auf neuartigen dramaturgischen Prinzipien aufgebauten Schauspielen erobert, ist nicht nur in seiner Anschauung, sondern auch in seiner Methode mit dem Čechov der 80er Jahre nicht identisch. Die Kritik hält ihn häufig gar nicht für einen in traditionellem Sinn genommenen Realisten; sie sieht in ihm das Ende von etwas Altem und zugleich den Beginn von etwas Neuem und nennt ihn, mit dem im damaligen Rußland noch neu klingenden Wort, einen Impressionisten.⁶ Sogar Gorkij ist der Meinung, daß Čechov den »Realismus« töte.⁷ Zur selben Zeit gehen merkwürdige Änderungen auch in der künstlerischen Methode von L. N. Tolstoj vor sich, deren einzelne Elemente die jüngste sowjetische Literaturwissenschaft ebenfalls vom traditionellen Realismus abzusondern beginnt und dem eigenartigen Realismus der Jahrhundertwende zureiht.⁸ In den 90er Jahren tritt Gorkij noch nicht mit einem künstlerisch-politischen Programm auf, das den Beginn des sozialistischen Realismus bedeuten könnte, hingegen baut er in seine Schaffensmethode die einzelnen Elemente der verjüngten Romantik organisch ein.

Der »Realismus der Jahrhundertwende« kann auf Grund solcher Kennzeichen vom »traditionellen« Realismus getrennt werden, wie z. B. 1. Das Erscheinen des politischen und gesellschaftlichen Gedankens in einer mehr übertragenen Form, oder geradezu dessen Verdrängung; 2. Im Zusammenhang damit die Verringerung der Rolle des aktiven Helden in den epischen und dra-

⁶ А. С. Волжский, Из мира литературных исканий. СПб. 1906, 182.

⁷ М. Горький, Собрание сочинений в 30-ти томах. Москва 1954, 28 : 113.

⁸ Б. Бугров, Конференция по русской литературе конца XIX, начала XX века: Вопросы литературы 1967, 6 : 247.

matischen Kunstarten; 3. Das Eindringen der Kleinigkeiten des Lebens in die Thematik und das Ansteigen des Interesses für die Darstellung der Details, häufig als Selbstzweck; 4. Die Auflockerung der früheren geschlosseneren Kompositionsformen; 5. Hiermit im Zusammenhang das Vordringen der kleineren Formen im Drama und in der Epik; 6. Das Umsichgreifen verschiedener Formen des Subjektivismus und seiner Folgen, so das Anwachsen der Bedeutung der Lyrik im Vergleich zur Gänze der literarischen Produktion und die gesteigerte Anwendung der lyrischen Elemente auch in den epischen und dramatischen Werken, im allgemeinen das Vordringen der Expression im Vergleich zum rein darstellenden Element; 7. Die Verbreitung und Vertiefung des psychologischen Interesses, d. h., die Entdeckung neuer Charaktertypen, die Einführung neuer psychologischer Themen bzw. die mit mikroskopischer Methode erfolgende Untersuchung der auch früher berührten Themen. Alle diese Züge kommen natürlich tendenziös zur Geltung und sind für die einzelnen Autoren nicht im gleichen Maße charakteristisch. Es ist z. B. offenbar, daß die Gesellschaftskritik und das Verdrängen des politischen Gedankens bei Tolstoj, besonders aber bei Gorkij, nicht in Erscheinung tritt.

Im anderen Teil der angeführten Tendenzen sind hingegen unschwer solche Züge zu entdecken, die für den Symbolismus und im allgemeinen auch für die dekadent oder modernistisch genannten Richtungen charakteristisch sind. Bei den erwähnten Schriftstellern melden sich diese Züge — gemäß dem jetzigen Stand der Forschungen — dennoch nicht als Wirkung der in Westeuropa zu dieser Zeit schon ausgereiften Dekadenz, sondern auf irgendeine Weise als Ergebnis der inneren Evolution des Realismus. Auf die prinzipielle Möglichkeit der ähnlichen Evolution weisen die Novellen von V. M. Garšin, die mit ihren mit düsteren, krankhaften Lebensansichten behafteten Helden, mit den trostlosen, tragisch-pessimistisch gefärbten Themen schon in den 70er und 80er Jahren eine eigenartige »latente« Dekadenz verwirklichen, obwohl das Wesen ihrer Ideenwelt und ihrer künstlerischen Mittel im traditionellen Rahmen verbleiben: sie geben mit den Mitteln des traditionellen Realismus die besondere seelische Verfassung der dekadent eingestellten Helden. Der Änderung des Inhalts folgt bei Garšin, zur Gänze betrachtet, also noch nicht die Revolution der Form; in den 70er und 80er Jahren drückt sich das sich wandelnde Weltgefühl der im Wandel begriffenen Epoche vorläufig noch in den alten Formen aus. Die Novellen Garšins lassen im Forscher dennoch den Gedanken aufkommen, daß einzelne, vom traditionellen Realismus abweichende Züge der Literatur der Jahrhundertwende sich auch ohne Einwirkung der literarischen Strömungen ausgestaltet hätten, die man zur Zeit noch häufig mit dem schlecht klingenden Attribut »dekadent« bezeichnet. Daraus folgt, daß die für die dekadenten Richtungen charakteristischen einzelnen Mittel auch im Interesse der in weiterem Sinne verstandenen realistischen Zielsetzungen angewendet werden können; des weiteren, daß die Mittel in gewissen Medien eigenartige,

überhaupt nicht dekadente Funktionen und Gepräge gewinnen können, und somit ist auch ihre starre Gegenüberstellung zum Realismus unrichtig. Ein bedeutender Teil der marxistischen Literaturhistoriker neigt heute schon zu dieser Auffassung, aber gerade der Mangel an konkreten Analysen oder deren oberflächliche Beschaffenheit betreffs der in Frage kommenden Schriftsteller und Werke, gibt auch jene Autoren Raum, die eine ähnliche Synthese der widersprüchlich erscheinenden künstlerischen Bestrebungen für undenkbar halten.⁹

Der Realismus Tolstojs, Čechovs oder Gorkijs um die Jahrhundertwende ist, so sehr er sich vom Realismus des 19. Jhs auch unterscheidet, neuartige Probleme aufzuwerfen vermag und diese Probleme mit der Anwendung neuartiger Mittel löst, im Ganzen betrachtet, dennoch nicht geeignet, an ihm die Möglichkeiten und Ergebnisse der positiven Synthese des traditionellen Realismus und der Neuerung zu Ende des Jahrhunderts zu demonstrieren. Alle diese Probleme können an der künstlerischen Methode solcher Schriftsteller studiert werden, in deren Werken die Doppelkeit der realistischen Tradition und der auch für die dekadenten Richtungen charakteristischen Neuerung — sei es als die von außen kommende Wirkung der letzteren, sei es als Ergebnis der inneren Evolution der Schriftsteller — besser in die Augen fällt, bei denen diese Doppelkeit nahezu in eine neue Einheit überschlägt.

Leonid Andrejev könnte das Schulbeispiel für diesen Schriftstellertypus sein. Nicht leicht könnten wir um die Jahrhundertwende in der russischen Literatur einen zweiten Künstler finden, in dessen Schöpfungen der scheinbare Gegensatz des traditionellen Realismus und der reformistisch-modernistischen Elemente in so prägnanter funktioneller Einheit erscheinen würde wie bei ihm, nämlich: Niemand ist fähig, die an sich einen dekadent-irrealen Eindruck erweckenden künstlerischen Mittel den in weiterem Sinne genommenen realistischen Zielsetzungen in ähnlichem Maße unterzuordnen. Das Studium seines Lebenswerkes kann auf diese Weise sowohl bei der Aufdeckung der komplizierten historischen Zusammenhänge von Realismus und Modernismus als auch bei der Klärung typologischer Gegensätze und Übereinstimmungen eine unüberschätzbare Hilfe bieten. Und darin liegen vor allem Sinn und Bedeutung der Andrejev-Forschung, der Analyse und des Studiums der Andrejevschen Werke.

Das Lebenswerk Andrejevs lenkt aber auch die Aufmerksamkeit darauf, daß über die einzelnen Bestrebungen der potentiellen Übereinstimmung von Realismus und Dekadenz hinaus, in den verschiedenen, ja sogar auch in den einander grundlegend gegenüberstehenden modernistischen Richtungen, identische Tendenzen zur Geltung kommen können.

Es ist bekannt, daß Symbolismus, Expressionismus und Surrealismus

⁹ Diese Betrachtung charakterisiert auch T. K. Kulova in seiner erwähnten, übrigens viele nützliche Beobachtungen enthaltende Andrejev-Studie.

gleichermaßen viele, zum Teil identische oder ähnliche Fäden mit der Romantik des 19. Jhs verbinden. Ein gemeinsamer Zug ist z. B., daß sowohl die Romantik als auch die erwähnten modernistischen Richtungen Produkte der Auflösung bzw. Auflockerung eines früheren, geschlosseneren künstlerischen Systems (wie der Klassizismus bzw. der kritische Realismus) sind. Diese Faktoren weisen auch an sich darauf hin, daß die erwähnten modernistischen Richtungen auch dann gemeinsame Züge enthalten müssen, wenn einzelne von ihnen gerade als unmittelbare Negation eines anderen Zuges zustande gekommen sind. Solch ein augenfälliger und schon lang erkannter, aber dennoch meistens außer acht gelassener gemeinsamer Zug ist der Subjektivismus. Der Umstand, daß die Wirklichkeitsbetrachtung der modernistischen Schriftsteller auf irgendeine Weise mit subjektiv-idealistischen philosophischen Systemen zusammenhängt, bleibt auch auf ihre Schaffensmethode und auf ihren Stil nicht ohne Wirkung. Die für die realistische Schaffensmethode charakteristische Verallgemeinerung in sämtlichen postrealistischen Strömungen gerät — selbst in der Lyrik des oft mit Abstrakta arbeitenden Expressionismus — in den Hintergrund, wodurch in der Literatur die zufälligen Eindrücke, die aus ihren Wirklichkeitszusammenhängen herausgegriffenen Erscheinungen das Bürgerrecht erlangen: Die Schriftsteller neigen dazu, von der Kontrolle ihrer eigenen individuellen Eindrücke, der »allgemeinen Wahrheit« ihrer inneren Erlebnisse Abstand zu nehmen, das Kriterium der Wahrheit des künstlerischen Schaffens auf ihre eigenen Eindrücke bzw. auf die im Leser ausgelöste, rein emotionelle Wirkung zu beschränken. Solch eine Zunahme des Subjektivismus sichert unter den verschiedenen Richtungen die breite Möglichkeit der Ähnlichkeit bzw. Einheit und kann in gewissem Maße auch zur Identifizierung des Interesses, zu verschiedenen thematischen und methodischen Übereinstimmungen (u. a. zum Introvertieren des Interesses, zur Vertiefung der psychologischen Richtungnahme) führen.

Dieser durch Gegensätze zur Geltung kommenden relativen Einheit ist es zuzuschreiben, daß es keine literarische Richtung gibt, zu deren Vertretern Andrejev nicht schon hinzugezählt worden wäre, schon in der zeitgenössischen Kritik oder im Zuge der späteren Wertungen, manchmal so, daß auch auf Vermischung der verschiedenen Richtungen hingewiesen wurde.¹⁰ Diese Er-

¹⁰ Einige Beispiele: S. A. Vengerov hält Andrejev für einen Romantiker (Русская литература XX века, III. Под ред. С. А. Венгеров. Москва 1915, 253—254); bei einer Gelegenheit bezeichnete ihn auch Gorkij als einen »emotionellen Romantiker« (ЛН 72 : 467); auf Grund einer der frühen Erzählungen »beschuldigte« ihn die Kritik zu gleicher Zeit des Symbolismus und des Naturalismus (ЛН 72 : 492); N. N. Fatov, einer der eifrigsten Andrejev-Forscher, nennt ihn in den 20er Jahren einen »Symbolisten romantischen Stils« (Л. Андреев, Избранные рассказы. М.—Л. 1926, 46). Lvov-Rogačevskij bezeichnet ihn als einen in symbolistischem Stil schreibenden Impressionisten (В. Львов-Рогачевский, Леонид Андреев. Москва 1923, 74); der eklektische Arabažin weist in seinen Werken auf die Vermengung von Realismus und Impressionismus hin (К. И. Арабажин, Леонид Андреев. Итоги творчества. Пб. 1910, 276); K. D. Muratova auf die Bestrebungen zur der Synthese von Symbolismus und Realismus (ЛН 72 : 34) I. Ioffe,

scheinung kann man nicht nur so auffassen wie die Konsequenz dessen, daß dem Schriftsteller auf seinem schöpferischen Wege, aber auch innerhalb kürzerer Abschnitte dieses Weges, verschiedene zueinander in Widerspruch stehende Wirkungen treffen können bzw., daß auch er selbst einander widersprechende künstlerische Prinzipien entwickelt und in seiner schöpferischen Praxis verwirklicht. Bei Andrejev erscheinen nämlich die an einander prinzipiell widersprechende Richtungen gebundenen Lösungen häufig innerhalb ein und derselben, nicht selten ziemlich kleiner künstlerischer Einheiten, die solcherart meistens keiner Richtung eindeutig zuzuordnen sind. Beobachten wir z. B. das folgende Detail aus *Dem Leben Vasilij Fivejskij's*:

О. Василий поднял глаза кверху, — они были маленькие, ввалившиеся, черные как уголь, и ярким светом горел в них отразившийся небесный пламень, — приложил руки к груди и хотел что-то сказать. Дрогнули, но не подались сомкнутые железные челюсти: скрипнув зубами, поп с силою развел их, — и с этим движением уст его, похожим на судорожную зевоту, прозвучали громкие, отчетливые слова:

— Я — верю.

Без отзвука потерялся в пустыне неба и частых колосьев этот молитвенный вопль, так безумно похожий на вызов. И точно кому-то возражая, кого-то страстно убеждая и предостерегая, он снова повторил:

— Я — верю.¹¹

Das obige Detail, wie wir ähnliche aus dem Lebenswerk Andrejevs in beliebiger Zahl zitieren könnten, kann sowohl als impressionistisch als auch expressionistisch angesehen werden: die Elemente der beiden, im allgemeinen für einander entgegengesetzt gehaltenen Stilrichtungen bilden hier eine enge Verbindung, sie treten nicht nebeneinander gestellt, sondern einander durchdringend auf. Der Impressionismus des Details, das sich hauptsächlich im Sinnfälligmachen durch physiologische Zeichen der Gemütsverfassung zeigt, wird durch die fieberhafte, gespannte expressionistische Intonation der Erzählung bzw. der Beschreibung auffallend modifiziert, was mit dem Gespanntsein des Innenlebens des Helden wie auch mit der hochgradigen gefühlsmäßigen Übereinstimmung des Erzählers und des Helden zusammenhängt. Im obigen Beispiel kann auch die Verhältnismäßigkeit der Gegensätzlichkeit der

der übrigens bei Andrejev auch konstruktivistische Neigungen sieht, spricht im Zusammenhang mit einem seiner Stücke über das Expressionisieren des symbolistischen Themas (*И. Иоффе*, *Культура и стиль*. Ленинград 1927, 325, 328). М. Nevedomskij weist in seinen Werken auf die Vermengung von Symbolismus, Realismus und Naturalismus hin (*М. Неведомский*, *О современном искусстве*: Мир божий, 1903, № 4, отд. 1, 1—42); А. М. Редко nennt *Saška Žegul'jov* die Vermengung von realistischem Element, Mystikum und Symbolismus. (*А. Е. Редько*, «Сашка Жегулев» Л. Андреева и «Петушок» А. Ремизова: *Русское богатство*, 1912, № 1, отд. II, 139—147); Lunačarskij spricht in Verbindung mit ihm von »romantischem Realismus« und »phantastischem Symbolismus« (*Л. Андреев*, *Избранные рассказы*. Москва—Ленинград 1926, 24). Andrejev selbst stellt mit etwas bitterer Ironie fest, daß er in den Augen der »vollblütigen Dekadenten« »verachteter Realist«, für die »erblichen Realisten« aber — »verdächtiger Symbolist« ist (ЛН 72 : 351).

¹¹ Полное собрание сочинений Леонида Андреева. СПб. 1913, 3 : 23.

in weiterem Sinne genommenen realistischen und modernistisch-dekadenten Zeichen verfolgt werden, dienen doch letzten Endes alle erwähnten Kunstgriffe der tieferen Erschließung des erwähnten Wirklichkeitsabschnittes und bilden im Interesse dieses Zieles eine organisch-funktionelle Einheit. Ein ähnliches Durchdringen ist jedoch nur zwischen solchen Erscheinungen möglich, in denen — trotz ihrer Verschiedenheit, ihrer im allgemeinen zur Geltung kommenden Gegensätzlichkeit — auch wesentliche gemeinsame Tendenzen wirksam sind.

Zu dieser relativen Einheit der Poetik des Realismus und der verschiedenen modernistisch-postrealistischen Richtungen können die Werke Andrejevs mit besonders vielsagenden und überzeugenden Beispielen dienen, und die Kenntnisse über diese Frage vertiefen wie auch die diesbezüglichen Auffassungen verfeinern. Aus Obigem folgt, daß dasselbe auch für die Verbindung der Romantik und der postrealistischen Richtungen gilt: zu dessen Illustration ist das Studium des Lebenswerkes Andrejevs ebenfalls geeignet.

Zur Erschließung der ähnlichen, prinzipiell bedeutenden Zusammenhänge führt der Weg natürlich durch die vielseitige, konkrete, möglichst sämtliche bekannte Probleme und Gesichtspunkte berührenden bzw. anwendenden Untersuchungen des Lebenswerkes des Schriftstellers. Ähnliche Untersuchungen müssen also so aufgebaut werden, daß sie letzten Endes den obigen prinzipiellen Zielsetzungen dienen.

3. Es bedarf wohl kaum eines Beweises, daß die Bedeutung des Lebenswerkes Andrejevs im künstlerisch-formalen Wegsuchen und in den Ergebnissen des Schriftstellers wurzelt. Was die weltanschaulich-philosophische Seite seines Lebenswerkes betrifft, so sagt diese dem Menschen der Gegenwart nicht einmal in ihren zutreffenden Momenten neue Wahrheiten, ja sie wirkte schon seinerzeit nicht mit der Kraft der Entdeckung. All dies verringert die Bedeutung des Wegsuchens und der Neuerungen des Schriftstellers nicht und verweist gleichzeitig auch auf die Unrichtigkeit jener Auffassung, die zwischen der Weltanschauung (des zu Sagenden) und dem künstlerischen Werk einen mechanischen Zusammenhang sieht, die lange Zeit und zum Teil heute noch die Bewertung des Schriftstellers beeinflußt hat bzw. beeinflußt.

Obiges macht jedoch die Untersuchung der weltanschaulichen Beziehungen des Lebenswerkes Andrejevs nicht überflüssig. Um so weniger, als die ähnliche Arbeit wieder ihre allgemeinen und aus den obenerwähnten grundlegenden Gesichtspunkten noch auf Verallgemeinerung wartenden Auswirkungen besitzt.

Das Problem der gesellschaftlichen Wurzeln und Klassengrundlagen der Weltanschauung Andrejevs hat die marxistische Publizistik und Kritik im wesentlichen noch zu Lebzeiten des Schriftstellers bereinigt, u. zw. so gründlich und eingehend, daß wir zu ihren Feststellungen auch heute nichts Wesent-

liches hinzufügen können.¹² Eine andere Frage ist, daß mit den Klassenwurzeln und den gesellschaftlichen Grundlagen auch Vorovskij und Lunačarskij nur die Schwächen und Fehler Andrejevs erklären konnten. Die Untersuchung seiner positiven künstlerischen Ergebnisse lagen im wesentlichen außerhalb ihres Interesses; diese betrachteten sie als gegeben, forschten nach den gesellschaftlichen Gründen nicht, ja Lunačarskij neigte dazu, gewisse, auch von ihm anerkannte Züge der Neuerungen Andrejevs einfach mit individuellen Faktoren, genauer mit der angeblichen Krankheit des Schriftstellers, zu erklären. Diese Erklärung ist hingegen nicht mehr zufriedenstellend, und die Forschung muß noch den richtigen Zusammenhang der Gänze der künstlerischen Methode und der gesellschaftlichen Faktoren finden. Das größte künstlerische Ergebnis des Lebenswerkes Andrejevs, die eigenartig gerichtete Vertiefung des Seelenzustandes, schließen sich offenbar eng an die Denkart des Schriftstellers an, für die — wie auch für die Denkart zahlreicher Zeitgenossen — jenes Introvertiertsein hohen Maßes charakteristisch ist, das zumindest teilweise das Produkt der Flucht vor den Problemen der äußeren Wirklichkeit bzw. der Ratlosigkeit vor der Lösung dieser Probleme, zum Teil aber einfach die Folge des durch die drückende gesellschaftliche Wirklichkeit verursachten Lebensgefühls ist. Dieses Introvertiertsein ist nicht das Charakteristikum einer einzelnen Klasse oder Gesellschaftsgruppe, sondern eine außerhalb der revolutionären Klassen und deren Interessen, Denkart vertretender Schichten weit verbreitete Erscheinung, die das Ergebnis einer gesellschaftlich weniger positiven, ja häufig ausgesprochen retrograden Haltung ist. Obwohl die retrograde Beschaffenheit dieser Haltung in den verschiedenen Abschnitten der Laufbahn Andrejevs von wechselnder Intensität ist, können wir auch in seinen Werken Zeugen jener nicht seltenen und nicht nur für die Literatur der Jahrhundertwende charakteristischen Erscheinung sein, wenn die gesellschaftlich als negativ qualifizierte Haltung künstlerisch zu positiven Ergebnissen führt, die dann im Späteren in der Form gewisser Übertragungen auch gesellschaftlich positive Wirkungen auslösen können.

Bei der Untersuchung der Denkart, des Weltbildes und der künstlerischen Betrachtung Andrejevs scheint das Problem der philosophischen Wirkungen, mit denen sich der Schriftsteller auseinanderzusetzen hatte, besonders gewichtig auf. In Kenntnis seines Lebenswerkes scheinen in erster Linie die Nietz-

¹² Einige von den die Frage behandelnden marxistischen Arbeiten: *V. B. Vorovskij*, Литературно-критические статьи. Москва 1956, 294, 297—298; — *А. Луначарский*, Критические этюды (Русская литература). Ленинград 1925, 21—101, 205—233; — *М. А. Рейснер*, Леонид Андреев и его социальная идеология. Опыт социологической критики. Петербург 1909; — *М. А. Рейснер*, Пролетариат и мещанство. Две души русского народа в учениях Л. Андреева и М. Горького. Петроград 1917; — *В. Львов-Розаковский*, Леонид Андреев. Критический очерк. Москва 1923; — *В. Однobljudov*, Трагедия современного интеллигентного общества. Критико-публицистический очерк по поводу произведения Л. Андреева «Мысль», в тесной связи с его другими произведениями. Елец 1915. Die Arbeiten von *V. Odnobljudov* und *M. A. Reiser* sind infolge ihrer vulgären soziologischen Auswüchse kaum zu verwenden.

ches Theorie des Übermenschen, die Willensphilosophie, der Fatalismus und Pessimismus Hartmanns und Schopenhauers, der Intuitivismus Bergsons sowie die Psychoanalyse Freuds bzw. die aus ihr hervorgehenden philosophischen Folgerungen solche Systeme zu sein, die im Denken und in der künstlerischen Methode des Schriftstellers fruchtbaren Boden finden konnten. Mit den einzelnen Beziehungen dieser Fragen haben sich auch schon die Zeitgenossen befaßt. Besonders eingehend, doch manchmal auch vor Vulgarisieren und Hineindichten nicht zurückschreckend, erörterten sie die Verbindung zwischen Andrejev und Nietzsche.¹³ Auf die Schopenhauerschen Elemente der Philosophie Andrejevs hat aber der schon erwähnte sowjetische Forscher hingewiesen, er distanziert sich jedoch schon von der Auffassung, wonach Andrejev einfach der Illustrator der Ideen Schopenhauers gewesen wäre.¹⁴ Hier harret noch jene Frage der Klärung, welche Wirkung die Philosophie (als Inhalt) auf die künstlerische Methode (als Form), besonders auf die psychologische Methode ausübt.

So viel ist hingegen auch ohne eingehendere Untersuchung offenbar, daß die erwähnten Philosophen auf Andrejev, sowohl was das Maß als auch was die Form betrifft, verschieden einwirkten. Die Wirkung Schopenhauers und Hartmanns betont der Schriftsteller selbst an mehreren Stellen,¹⁵ aus einzelnen seiner Werke kann man auch darauf folgern, daß ihn auch gewisse Elemente der Philosophie Nietzsches mit sich gerissen haben.¹⁶ Die Namen Bergson und Freud kommen hingegen in den bisher bekannten Schriften Andrejevs überhaupt nicht vor. Dabei hat das Interesse für die intuitive Schilderungsmethode und die Tiefenpsychologie bei Andrejev solche Maße erreicht, daß den Forscher der Gedanke der Notwendigkeit der Wirkung Bergsons und Freuds ständig versucht, um so mehr, als die Mehrzahl der postrealistischen

¹³ M. A. Рейснер, Леонид Андреев и его социальная идеология. СПб. 1909. Es gab auch einen Kritiker, der auch Andrejevs tiefenpsychologisches Interesse mit der Unterscheidung des »kleinen Sinnes« und »großen Sinnes« Nietzsches erklärt (В. П. Крайнефельд, Журнальные отголоски: Мир божий, 1906, № 4, отд. II, 64).

¹⁴ Т. К. Кулова, Творческие искания Леонида Андреева, 260—262.

¹⁵ In seiner aus 1910 stammenden Lebensbeschreibung (Русская литература XX века. Дореволюционный период. Хрестоматия для пединститутов. Москва 1962, 560) und in seinem 1908 an V. L. Lvov-Rogačevskij gerichteten Brief (В. Л. Львов-Рогачевский, Две правды. Книга о Леониде Андрееве. СПб. 1914, 24) schreibt Andrejev, daß er sich schon in seiner Gymnasiastenzzeit in Hartmann und Schopenhauer »vertieft« hat. In seinem im August 1904 an Gorkij gerichteten Brief schreibt er aber mit der Freude der Wiederentdeckung von »Die Welt als Wille und Vorstellung« (ЛН 72 : 218—219). Er hält das Buch Schopenhauers nicht für ein mystisches und pessimistisches Werk und hebt aus dem Kult des Willens, der Kraft die spießbürger feindliche Tendenz heraus, obgleich er die Möglichkeit dessen zugibt, daß er den deutschen Philosophen nicht richtig, eher nur »für seine eigenen Wünsche angewandt« auslegt.

¹⁶ In der Erzählung *Die Geschichte von Sergej Petrovič* spricht er von einem Studenten, der unter den Lehren Nietzsches zu der einzigen richtigen Lösung, dem Selbstmord, gelangt. Beachtenswert ist aber, daß der heutige russische Forscher gerade in dieser Erzählung nicht das Propagieren der Ideen Nietzsches sieht, sondern in gewissem Sinn gerade eine dagegen gerichtete Polemik (Л. А. Иезутова, Леонид Андреев и Вс. Гаршин: Вестник ЛГУ 1964, № 8, 105).

Schriftsteller dieser Wirkung tatsächlich nicht entgehen konnte. Auf Grund des uns derzeit zur Verfügung stehenden Materials müssen wir uns jedoch auf den Standpunkt stellen, daß hier von einer eigentlichen Wirkung nicht gesprochen werden kann, nur von der Übereinstimmung gewisser Prinzipien und Tendenzen. Besonders offenbar ist dies im Falle Freuds. Es ist wohl wahr, daß einzelne theoretisch-psychologische Gedankengänge Andrejevs über den Aufbau der Seele, vom Verhältnis des Bewußten, des Unbewußten und des Unterbewußten und von der Rolle dieses Verhältnisses im Seelenleben so anmuten wie irgendeine, den Freudismus popularisierende Zusammenfassung.¹⁷ Gleichzeitig steht aber das tiefenpsychologische Interesse Andrejevs in seinen belletristischen Werken eher zu der Abzweigung der Psychoanalyse im Sinne Jungs, den der Schriftsteller noch nicht kennen bzw. nicht benützen konnte: die Ausgestaltung der Psychologie Jungs fällt doch in jene Zeit, als Andrejev seine in dieser Hinsicht am meisten Verdacht erweckenden Werke *Finsternis* und *Saška Žeguljov* schon geschrieben hatte. Es kann also beinahe als sicher angenommen werden, daß die »Freudschen« Züge seiner psychologischen Methode (so z. B. das Verkünden der Macht der Geschlechtlichkeit und der Instinkte, die Steigerung der seelenschildernden Rolle der Träume und Visionen, die Problematik der Todeswünsche), aber auch die »Jungschen« Elemente (das »Kollektiv-Unbewußte«, die mystische »Urerfahrung«, der philogenetische Erbstoff usw.) von der Theorie der Psychoanalyse unabhängig entstanden. Dasselbe gilt auch für die Verbindung von Bergson und Andrejev. Die Übereinstimmungen und Parallelen können dennoch nicht als zufällig angesehen werden. Im Gegenteil, sie weisen auf das Zeiterscheinungsgepräge gewisser philosophischen und psychologischen Auffassungen, darauf, daß die von den erwähnten Gelehrten vorgeschlagenen Methoden für das Erkennen der Welt zur Zeit der Jahrhundertwende »in der Luft lagen« —, der Gedanke dürfte sich infolge der ähnlichen gesellschaftlichen Umstände und Ansprüche in den verschiedenen Ländern bei den einander nicht kennenden Schriftstellern und Gelehrten in gleicher Richtung bewegt haben. Es erübrigt sich wohl, besonders zu beweisen, daß solche ohne konkrete Wirkung zustande gekommenen, aber gesellschaftlich-historisch determinierten Ähnlichkeiten für die Forscher zu-

¹⁷ In der Aufzeichnung seines jüngeren Bruders sind die Erörterungen des Schriftstellers über den Aufbau der menschlichen Seele erhalten geblieben. Demnach besteht die Seele aus drei ungleichen Teilen: dem Unbewußten, dem Unterbewußten und dem Bewußtsein selbst. Unter ihnen nimmt das Unbewußte den größten Platz ein, das bei jedem Menschen dasselbe ist. Das Unbewußte, wo »die Schichtungen von Jahrtausenden bewahrt sind«, bildet den »großen Ablagerungsort« der Erfahrung, den »Grund der Seele«. Wenn wir das unbewußte Gebiet plötzlich beleuchten, »erschließt sich das ganze Geheimnis des menschlichen Lebens, die ganze Welt«. Das Unbewußte erschließt dem Bewußtsein aber nur im Falle einzelner, besonders glücklicher Begegnungen, seine Schätze. Dennoch spielt im seelischen Leben, laut Andrejev, die wichtigste Rolle das Unterbewußte, das er die Grenze der Finsternis und des Lichts, ein halbbeleuchtetes Zimmer nennt und von dessen »Größe« es abhängt, inwieweit das Bewußtsein fähig ist, »die grandiosen Umriss der im Unbewußten verborgenen Schätze zu überblicken«. (А. Андреев, Из воспоминаний о Л. Андрееве: Красная новь, 1926, № 9, 221).

mindest so interessant sind und zumindest für so nützliche Vergleiche und Verallgemeinerungen Möglichkeit bieten, wie die auf nachweisbare Wirkungen basierenden Vergleiche.

Die verschiedenen Theorien machen ihre Wirkung natürlich durch mehrfache Vermittlung, u. a. auch durch Verkettung der literarischen Wirkungen geltend. Es ist vorstellbar, daß z. B. der Freudismus, sozusagen »ohne Namen«, mit Hilfe literarischer Vermittler zu Andrejev gelangte. Unsere derzeitigen Kenntnisse bezüglich seines literarischen Interesses und seiner Belesenheit bieten allerdings für die Entscheidung dieser Frage keine Hilfe, aber die Voraussetzung selbst ruft die Aufmerksamkeit auf einen anderen wichtigen Gesichtspunkt wach, nämlich darauf, daß wir die Wurzeln von Andrejevs tiefenpsychologischem Interesse und seiner ganzen Methode in erster Linie in der russischen literarischen Tradition suchen müssen, also auf jenem Gebiet, dessen Untersuchung auch in anderem Zusammenhang für den Überblick des Lebenswerkes Andrejevs unerläßlich ist.

4. Zum Teil aus der eigenen Deklaration des Schriftstellers,¹⁸ zum Teil aus den Bemerkungen der zeitgenössischen Kritik ging die heute noch gültige Auffassung hervor, von den russischen Schriftstellern haben in erster Linie Tolstoj, Dostojevskij, Garšin, Čechov und Gorkij auf die künstlerische Methode Andrejevs eingewirkt, während es von den ausländischen Autoren Poe, Hamsun und Maeterlinck sind, die wir in gewissen Beziehungen als die Lehrmeister, Wegbereiter Andrejevs ansehen können. Zu verschiedenen Zeitpunkten und an verschiedenen Stellen erschienen bis zu den jüngsten Jahren längere und kürzere Studien über die Verbindung Andrejevs mit den genannten Schriftstellern (allein Hamsun ist es, den die Forschung in dieser Beziehung nicht angeführt hat). Leider zergliedern die übrigens anspruchsvollsten sowjetischen Studien, die den Aufschwung des Interesses für Andrejev im letzten Jahrzehnt spiegeln,¹⁹ die Frage eher nur von der Seite der weltanschaulichen Beziehung wie auch ihrer Teilnahme am literarischen Leben und ihrer sonstigen Verbindungen — eventuell der voneinander gebildeten Meinung —, das wichtigste Problem aber, was Andrejev in der Sache der künstlerischen Methode von den erwähnten Autoren bekommen haben mag bzw. welche Seiten ihrer künstlerischen Bestrebungen und in welcher Richtung er weiterentwickelte, wird kaum berührt. In dieser Beziehung geht noch die Studie des Amerikaners King Henry Hall, erschienen in 1924, die Andrejev mit Dostojevskij ver-

¹⁸ В. Львов-Розаковский, Две правды. СПб. 1914, 24.

¹⁹ В. И. Беззубов, Лев Толстой и Леонид Андреев: Ученые записки Тартуского университета (= УЗТУ) 1961, вып. 104, 130—172; В. И. Беззубов, А. Чехов и Леонид Андреев: УЗТУ 1963, вып. 139, 181—222; В. И. Беззубов, Леонид Андреев и Максим Горький: УЗТУ 1968, вып. 217, 85—169; — К. Д. Муратова, Максим Горький и Леонид Андреев: ЛН 72 : 9—60; — Л. А. Иезутова, Леонид Андреев и Вс. Гаршин: Вестник ЛУ 1964, № 8, 97—108; — Н. А. Кузнецова, «Дети солнца» М. Горького и «К звездам» Л. Андреева: Вестник ЛУ 1959, № 2, вып. 1, 104—114.

gleich,²⁰ am weitesten, im wesentlichen begnügt sich aber auch dieser Autor mit der Aufzeichnung gewisser thematischer und charactersystematischer Parallelen, und seine prinzipiellen Folgerungen, entwicklungsgeschichtlichen Verallgemeinerungen besagen ziemlich wenig. Solcherart ist auch derzeit die Situation die, daß Lehrbücher und Lexika, populärwissenschaftliche Artikel und selbständige Forschung spiegelnde Studien sich wohl immer wieder auf die erwähnten Schriftsteller — in erster Linie auf die Russen — als Lehrmeister Andrejevs berufen und so den Anschein erwecken, daß sie mit schon längst ausgearbeiteten und entschiedenen wissenschaftlichen Tatsachen operieren, in Wirklichkeit bewegen sich aber auch diese Hinweise zwangsläufig in Verallgemeinerungen und dienen auch so der konkreten geschichtlichen und theoretischen Untersuchung der Frage nicht, ja ihre Anwendungen in den gegebenen Zusammenhängen bauen sich auf unsicherem Boden auf. Dabei ist diese Fragen-Gruppe ebenfalls nicht allein für das tiefere Verständnis Andrejevs von Bedeutung, sondern auch in einer breiteren geschichtlichen und typologischen Hinsicht. An dieser Stelle können wir natürlich jene Gebiete, wo die Wirkung der erwähnten Autoren auf Andrejev am bedeutendsten scheint, nur andeuten, und die infolgedessen im Interesse der skizzierten Ziele — unserer Meinung nach — die tieferegreifenden Untersuchungen am meisten erfordern.

Zutreffend ist die Auffassung, daß wir einen wichtigsten ideell-künstlerischen Inspirator Andrejevs in Dostojewskij zu suchen haben, jener Persönlichkeit, die die ganze »moderne« Literatur in mehrfacher Hinsicht in Gang brachte. So sehr Andrejev selbst sich widersprüchlich über sein Verhältnis zu Dostojewskij äußerte,²¹ steht unzweifelhaft fest, daß er dessen Weg folgt, wenn er die künstlerische Abfassung der großen moralisch-philosophischen Probleme des menschlichen Lebens als eine der größten schriftstellerischen Aufgaben ansieht. An demselben Punkt löst er sich jedoch sogleich von seinem Lehrmeister, indem er einen Zug von ihm weiterentwickelt, richtiger zuspitzt, welchen Zug die Forschung im allgemeinen weniger betont. Dieser Zug ist die *Skepsis*, die in der Ausgestaltung der eigenartigen Dialektik Dostojewskijs, im streng polemischen Aufwerten der Probleme und Sätze — zusammen mit ihren Gegensätzen — eine große Rolle spielt. Mit dieser Skepsis hängt zusammen, daß Dostojewskij an seine eigene Lehre nicht bedingungslos glaubt, und so sind seine Prophezeiungen immer von Pessimismus und tragischer Betrachtung gefärbt. Andrejev ging hauptsächlich von jenem Zug der Skepsis Dostojew-

²⁰ King Henry HALL, *Dostoyevsky and Andreyev*. Newyork 1936.

²¹ Im September 1902 schrieb Andrejev an Gorkij, daß er Dostojewskij liebe, ihn aber nicht immer verstehe, und daß er ihm letzten Endes fremd sei. Er beruhigt seinen Freund, sich wegen der Wirkung des dostojewskijschen Mystizismus auf ihn nicht zu sorgen (JH 72 : 179). Später haben sich die Meinungsverschiedenheiten zwischen Gorkij und Andrejev, u. a. eben in der Beurteilung Dostojewskijs, zugespitzt (JH 72 : 332—334, 538—540). Andrejev gab zu jener Zeit zu, daß ihm neben Tolstoj, Garšin und Čechov von den russischen Schriftstellern Dostojewskij am nächsten stehe (*Л. Гроссман, Борьба за стиль*. Москва 1927, 267—281).

skijs aus, den wir als Mißtrauen gegenüber der Verbesserlichkeit der menschlichen Natur bezeichnen könnten. Das Tragische des Daseins erblickt Andrejev darin, daß der Mensch im Kampf gegen seine tierische und böse Natur wie auch letzten Endes gegen die daraus hervorgehende gesellschaftliche Ungerechtigkeit, den er immer wieder aufs neue beginnt, unausweichlich unterliegt. Andrejev geht einen Schritt weiter als Dostojewskij, indem er im Interesse der Menschwerdung des Menschen auch den revolutionären Kampf akzeptiert, auch wenn dieser Kampf für ihn ebenso zur tragischen Niederlage verdammt ist wie der Kampf, den der Einzelne für sich selbst führt. Hiermit hängt bei ihm das Abnehmen des gesellschaftlichen Interesses zusammen, der Umstand, daß er seine moralisch-philosophischen Probleme in der Größe eines Dostojewskij — was bei den Realisten des 19. Jhs noch underkbar war — ohne konkret-lebensmäßigen gesellschaftlichen Hintergrund exponiert und diese Probleme, häufig vollständig bis auf ihr Wesen entblößt, abfaßt. Hier ist auch die Wurzel jener abstrakt-expressiven Neigung, die zwar — wie wir dies noch erörtern werden — nur eine Abzweigung seiner künstlerischen Methode ist, ihn jedoch nicht nur von seinen Vorgängern aus dem 19. Jh., sondern auch von der Mehrzahl seiner Zeitgenossen unterscheidet. Eine Folge der tragisch-pessimistischen Betrachtung Andrejevs — verwandt mit der Skepsis Dostojewskijs — ist auch, daß für seine Werke nicht die Bejahung neuer Ideale charakteristisch ist, sondern das Bezweifeln verschiedener, für ewig gehaltenen Ideale, daß er die Probleme meistens nur aufwirft, ohne daß er in die Nähe ihrer Lösung kommen könnte, daß das ewige »Nein« bei ihm das »Ja« sozusagen niemals ablöst, obwohl er selbst fühlt, daß der ständige Zweifel und die Verneinung nicht die wirkliche Philosophie darstellt, höchstens einen hoffnungslosen Versuch zu deren Ausgestaltung.²² Gerade hier liegt jedoch der Hauptunterschied zwischen Dostojewskij und Andrejev. Bei Dostojewskij ist die Skepsis nur eine *Methode*, mit deren Hilfe der Schriftsteller zu neuen Wahrheiten gelangt, bei Andrejev hingegen verselbständigen sich Zweifel und Verneinung zum *Inhalt* der Philosophie, und damit macht er praktisch auch der Philosophie selbst ein Ende.

Wenn wir dazu die materialistische Neigung und hauptsächlich den Atheismus Andrejevs hinzufügen, wird unbestreitbar, daß auf philosophischem Niveau bei ihm vom Ansporn des Denkens Dostojewskijs nicht viel übrigbleibt. Diese auf inhaltlicher, geistiger Linie auftretende Abweichung schlägt dann im Vorgang der Form weitere Wellen. Wie kommt bei Andrejev das andere wichtigste Moment der Inspiration durch Dostojewskij, die Erneuerung der Seelendarstellung zur Geltung? Die große Initiative Dostojewskijs, das systematische, gleichsam zum darstellenden Prinzip sich verdichtende tiefenpsychologische Interesse übernimmt auch Andrejev, aber bei ihm ist diese Richtungsnahme noch mehr betont; da sie nicht mehr als Mittel, sondern als künstlerisches Ziel

²² B. B. Вепесаев, Собрание сочинений в пяти томах. Москва 1961, 5 : 404—405.

auftritt, geht sie mit dem Hintanstellen der äußeren Wirklichkeitsdarstellung und der gesellschaftlichen Fragen einher und verkörpert sich meistens in viel eigenartigeren, kühner konstruierten Charakterformeln und psychologischen Situationen. Dostojewskij wendet gleichsam die detaillierende, »konkrete« Seelenskizze mit beschreibendem Gepräge — diese in erster Linie in der Darstellung der innerhalb des Bewußtseins befindlichen psychischen Bewegungen — und die mittelbare, das Wesentliche häufig in Zwielflicht hüllende, auf die Findigkeit des Lesers bauende, mit dem sinnfällig gemachten unklaren Seelenzustand gleichsam analoge »ahnenlassende« Methode an und ist der große Meister von beiden, obwohl die letztere Methode bezüglich der Klarheit und Vollständigkeit der Charakterskizzen manchmal Mangelgefühle erweckt.²³ Andrejev neigt in erster Linie zur konkreten psychologischen Detaillierung; in dieser Hinsicht sind schon seine frühen Werke von der bei Dostojewskij nur noch selten auftretenden impressionistischen Umständlichkeit gekennzeichnet. In einzelnen seiner Erzählungen (z. B. in *Judas*) wendet er aber auch die andere Lösung an, und hier läßt sich die Wirkung der psychologischen Technik Dostojewskijs ganz unmittelbar verfolgen. In den Romanen Dostojewskijs kann diese Methode als Element der dramatischen Konstruktionsart gelten, welche Linie Andrejev in seinen psychologischen Dramen weiterführt, wo der Mangel an Erklärungen des Autors, das Verschweigen, das Sinnfälligmachen der Seelenzustände durch äußere Zeichen oder ihre Auslegung mit der Überantwortung der Bühnenausarbeitung, mit dem Wesen der Kunstart zusammenhängen. Andrejev interessieren jedoch nicht so sehr der Gedankeninhalt seiner Helden, die rationalen Momente ihres Seelenlebens, die Tiefenpsychologie und die logisch-rationalen Verbindungen als vielmehr die Stimmungen, das emotionell gefärbte Unbewußte oder die nur kaum bewußt gewordenen psychischen Zustände wie auch die zwischen dem Menschen und seiner Umgebung verborgenen psychologischen Resonanzen. Hier gerät also die Wirkung Dostojewskijs wieder in den Hintergrund und, wie wir bald sehen werden, jene Čechovs in den Vordergrund — natürlich ohne die Neuartigkeit der Methode Andrejevs zu vermindern.

Was die Darstellung der in den höheren Regionen des Bewußtseins vor sich gehenden, mit traditionelleren Mitteln zugänglichen seelischen Bewegungen betrifft, setzt Andrejev die konkrete Seelenzeichnung Tolstojs fort. Neben gewissen ideologischen Zügen (solche sind z. B. der allgemeine, über den Klassen stehende Humanismus, dessen Kult sich jedoch bei Andrejev nicht mit religiösen Prophezeiungen und mystischem Gottesglauben verknüpft) ist dies das wichtigste verbindende Band zwischen den beiden Schriftstellern, die Zeitgenossen, aber zugleich auch die Vertreter verschiedener künstlerischer

²³ Diesbezüglich s. L. KARANCZY, A pszichológiai ábrázolás néhány problémája Dosztojevskij műveiben [Einige Probleme der psychologischen Darstellung in den Werken Dostojewskijs]: Acta Universitatis Debreceniensis 6 (1960) 299—319.

Epochen waren. Die Gemeinschaft Tolstojs und Andrejevs auf diesem Gebiet ist ebenfalls ein interessantes Forschungsthema von großer Bedeutung, gleichzeitig erfordert es aber eine besondere Vorsicht und Aufmerksamkeit. Tolstoj war in seiner Seelenschilderung kein Neuerer im Sinne Dostojevskijs. Man kann jenen Forschern kaum zustimmen, die auch ihn zu den Bahnbrechern der Tiefenpsychologie oder gar zu den ersten Vertretern der Bewußtseinsliteratur zählen.²⁴ Die Bedeutung seiner psychologischen Methode besteht darin, daß er die Darstellung des »ganzen Menschen« am vielseitigsten anwendet und die besten seelendarstellenden Bestrebungen des Realismus des 19. Jhs und deren Ergebnisse in höchster künstlerischer Synthese vereint hat. Es ist auch zu beachten, daß diese nicht unbedingt und nicht ausschließlich durch die Vermittlung Tolstojs zu den nachfolgenden Schriftstellern gelangten, sondern auch unabhängig von ihm. Die Unterscheidung dieser zweierlei Wirkungsformen erfordert eine außerordentlich differenzierte Stellungnahme.

Čechov ist jener Schriftsteller, dessen Wirkung Andrejev nicht nur bewußt machte, sondern mit theoretischer Genauigkeit konzipierte. In seinen *Theaterbriefen*, in denen er die Prinzipien der »panpsychischen« Theaterkunst zergliedert, bezeichnet er, als Parteibekannter dieser Richtung, gar nicht sich selbst, sondern Čechov.²⁵ Der Panpsychismus ist — entsprechend der Theorie und Praxis Andrejevs — jene literarische oder in weiterem Sinn genommene künstlerische Methode, die das Gewicht auf die Erschließung der unter den Menschen entstehenden verborgenen psychologischen Resonanzen wie auch des Menschen und seiner Umgebung legt, über die psychologische Verbindung zwischen Mensch und Natur hinausgehend, gleichsam die »Seele« der leblosen Welt und der Welt der Gegenstände entdeckt und nicht das Unmögliche auf sich nimmt, diese gefühlsmäßigen Gleichschwingungen darzustellen, sondern bestrebt ist, im Zuschauer oder im Leser einen ähnlichen psychischen Zustand auszulösen. Wenn Andrejev den Initiator dieser Richtung in Čechov sieht, hebt er jene impressionistisch-symbolistischen Elemente des Dichters hervor, auf die die Kritik aufmerksam wurde, die aber — davon ausgehend, daß sie mit dem Realismus nicht identifiziert werden können — von den späteren Analysen nicht entsprechend beachtet wurden, und deren Wurzeln, im Vorgang der russischen literarischen Entwicklung, irgendwo in der Lyrik von Fet und Tjutčev, ja sogar Žukovskijs enthalten sind. Eine andere Frage ist, daß Andrejev die Richtungnahme des čechovschen Dramas, und zum Teil die ähnliche Richtungnahme der Prosa einseitig betont und auf diese Weise versucht,

²⁴ M. AUCOUTURIER, Langage interieur et analyse psychologique chez Tolstoj: Revue des Études Slaves 34 (1957) 7—14; — С. Бочаров, Психологическое раскрытие характера в русской классической литературе и творчество Горького. Социалистический реализм и классическое наследие. Москва 1960, 104; — Д. М. Мережковский, Толстой и Достоевский. Петербург 1909, 1 : 225; — А. К. Воронский, Искусство видеть мир. Москва 1928, 28; — К. В. Дрягин, Лев Толстой как художник-психолог. Вятка 1929, 85.

²⁵ Шиповник, 1914, кн. 22, 249, 251; Вопросы театра. Сборник статей и материалов. Москва 1966, 299.

schon bei Čechov jene Tendenzen nachzuweisen, die nur bei ihm, bei Andrejev, in den Vordergrund treten. In den von der Stimmung am meisten durchdrungenen Werken Čechovs (denken wir an die Erzählung *Das Mezzanin-Haus* oder an das Theaterstück *Der Kirschengarten*) erscheint die eigenartige innere Musikalität nur als Ergänzung zu den unmittelbareren und konkreteren Formen der Wirklichkeitsdarstellung; bei Čechov ist das auch gesellschaftlich inhaltsreiche Thema beinahe immer leicht zu erfassen, und die äußere Wirklichkeit ist nahezu immer an sich wichtig. Andrejev neigt hingegen dazu, den »panpsychischen« Zielsetzungen nicht nur das gesellschaftlich zu Sagende und die Schilderung der äußeren Welt, sondern auch die für ihn so sehr charakteristische philosophische Problematik unterzuordnen. Sein Theaterstück *Hundewalzer* nennt er ein Poem von der »Einsamkeit und Trauer«. In diesem Untertitel liegt der philosophische Kern des Werkes, die für den Autor charakteristische, pessimistische Lebensbetrachtung, das Werk selbst ist aber nicht die Abfassung des *Gedankens* der Einsamkeit und der Trauer, sondern das kaum registrierbare, gleichsam mit musikalischen Mitteln ausgedrückte Sinnfällig-machen und Inspirieren ihrer *Stimmung*. Stimmungsmalen und Stimmung-schaffen sind die charakteristischsten Komponenten der tiefenpsychologischen Richtungnahme Andrejevs. Er geht hierin tatsächlich von einem Element der Wirklichkeitsbetrachtung Čechovs aus, verallgemeinert aber dieses Element, wirft gleichsam alles übrige zu Seite, um dieses eine Element restlos zur Geltung zu bringen. Hierdurch verengt er also das auch bei Čechov vorhandene Wirklichkeitsbild des traditionellen Realismus, ist aber fähig, auf dem verbliebenen Gebiet eben deshalb in solche Tiefen zu dringen, die früher, zumindest in den Formen der Prosa und des Dramas, nicht zugänglich waren.

Es sei hinzugefügt, daß die Wirkung Čechovs nicht nur hinsichtlich des Panpsychismus, d. h. in der Methode des »modernistischen« Andrejev fühlbar ist, sondern auch in den rein realistischen Erzählungen, hauptsächlich in jenen, in denen Andrejev das Leben des Spießbürgers, die bürgerliche Ethik kritisiert (*Am Fenster, Es war einmal, Der originelle Mensch*, usw.). Diese Wirkung ist aber leichter zu erfassen, kann auch als befriedigender geklärt gelten. Die Aufgabe der weiteren Forschungen besteht also eher in der Untersuchung der Verbindung, der Verflechtung und der gemeinsamen Entwicklung des Realismus und der »modernistischen« Neuerung.

Andrejev zählte V. M. Garšin gleichfalls zu den Schriftstellern, die auf ihn von besonders großer Wirkung waren. Die Forscher und Zeitgenossen weisen auf die innere Verwandtschaft der beiden Künstler hin, als auf eine Hauptquelle der Verehrung Andrejevs für Garšin sowie auf die ideelle Wirkung, welche dieser auf die Kunst Andrejevs ausübte.²⁶ Wir sehen in Garšin, wie bereits erwähnt, den Vorläufer der Literatur der pessimistischen Weltbetrachtung,

²⁶ Л. А. Иезуитова, Леонид Андреев и Вс. Гаршин: Вестник ЛГУ 1964, № 8, 97—108.

den Dichter der Helden aussichtslosen Schicksals, krankhaften Lebensgefühls und erklären damit jene Resonanz, die dieser »zweitrangige Klassiker« der russischen Prosa in dem schon viel entschiedener »dekadent veranlagten« Andrejev ausgelöst hat. Der Vergleich der schriftstellerischen Methode der beiden Autoren würde für die Literaturgeschichte gewiß manche Lehre bieten, obwohl die Selbständigkeit Andrejevs, im Vergleich zu Garšin, noch offener zu sein scheint als in der Beziehung zu den schon erwähnten »erst-rangigen Klassikern«.

Einen besonderen Platz nimmt in der Reihe der auch von Andrejev erwähnten »Lehrmeister« der große Freund und Gegner des Schriftstellers, Maxim Gorkij, ein. Andrejev erwähnt wiederholt die Hilfe, die ihm Gorkij mit seinen »immer beachtenswerten Ratschlägen und Anleitungen« auf seinem *Weg zum Schriftsteller* geboten hat.²⁷ Er verweist nicht nur auf die literarische Wirkung Gorkijs, sondern auch auf den wohltätigen Einfluß, den sein Freund, als »Ritter des Geistes«, auf ihn ausübte, »auf den wankelmütigen und unentschlossenen Fanatiker desselben Geistes«.²⁸ Gorkij selbst hat bei einer Gelegenheit erklärt, daß er niemals bestrebt war, auf Andrejev zu »wirken«, weil ihm dies sowieso nicht gelungen wäre. Dieses — zum größten Teil aus Bescheidenheit eingegebene — Bekenntnis verrät jedenfalls ein Moment des komplizierten Verhältnisses der beiden Schriftsteller: Gorkij war wirklich nicht bestrebt, seine eigene Weltanschauung und Schaffensmethode Andrejev aufzuzwingen — er hielt seinen Freund für eine viel zu selbständige, gesetztere, hartnäckige Künstlerpersönlichkeit —, obwohl er in vielen Fragen mit ihm diskutierte und versuchte, ihn von der Unrichtigkeit einiger seiner Anschauungen zu überzeugen. Solcherart konnten sich jene »Ratschläge und Anleitungen«, die Andrejev erwähnt, eher auf die äußerlichen Kunstgriffe des Schreibens bezogen haben, da einige seiner Erzählungen diesbezüglich Wünschenswertes aufwiesen. Hierauf weisen auch einzelne Stücke der Korrespondenz der beiden Schriftsteller.²⁹ Das Neue, das Gorkij an der Schwelle der großen gesellschaftlichen Umwälzung in die russische Literatur gebracht hatte, erwies sich für Andrejev als nicht verwendbar. Gorkij ließ Andrejev seinen eigenen Weg gehen, obwohl ihm dessen Stil bis zuletzt so fremd geblieben ist wie dessen eigenartige Philosophie. In den Werken wie *Vasilij Finejskij* oder *Der Gouverneur*, ja sogar *Lazarus*, fühlte er auch die positiven Möglichkeiten der Methode, die die auf dem Boden des traditionellen Realismus stehende Kritik als dekadent ablehnte. Nach ihren prinzipiell-politischen Meinungsverschiedenheiten und in engem Zusammenhang mit diesen, stellte Gorkij sich immer mehr Andrejev auch als Schriftsteller entgegen. Die Forscher sind derzeit auf dem Stand-

²⁷ Русская литература XX века. Дореволюционный период. Хрестоматия. Москва 1962, 560—562; ЛН 72 : 489.

²⁸ ЛН 72 : 494.

²⁹ S. u.a.: ЛН 72 : 64—66, 69.

punkt, daß in der Diskussion der beiden, wie auch in der Beurteilung Andrejevs, praktisch in jedem Falle Gorkij recht hatte.³⁰ Die neuerliche Prüfung dieser Ansicht würde nicht nur die richtige Wertung Andrejevs fördern, sondern auch zur Ausgestaltung eines realeren — widerspruchsvolleren, aber authentischeren — Gorkij-Bildes beitragen. Unserer Meinung nach hat Gorkij einige Werke Andrejevs, so *Finsternis* und *Meine Aufzeichnungen*, die auch zum Bruch der beiden Schriftsteller beitrugen, gleich dem Großteil der Kritiker, mißverstanden und werden, ihm folgend, auch noch heute unrichtig kommentiert. Die Irrtümer bezüglich einzelner Werke Andrejevs, wie bei *Saška Žeguljov* und *Die Geschichte der sieben Gehenkten*, hat Gorkij selbst später korrigiert — es ist an der Zeit, daß wir hieraus und hauptsächlich aus einzelnen Momenten ihrer Korrespondenz wie auch aus dem auf eingehender Textanalyse beruhenden Nachweis des objektiven Sinnes und Wertes der Andrejev-Werke, die entsprechenden und für die ganze Literaturgeschichte nützlichen Folgerungen ziehen.

Zuletzt erwähnen wir jene nichtrussischen Schriftsteller, deren Wirkung Andrejev ebenfalls für wesentlich hielt. Zum Vergleich Andrejevs und Poes gelangte es bisher hauptsächlich auf Grund einzelner Motiventlehnungen und der Ähnlichkeit der Richtung des psychologischen Interesses.³¹ Andrejev erregte ohne Zweifel die eigenartige Welt der Erzählungen des amerikanischen Schriftstellers; einzelne Ideen übernahm er auch von ihm, obwohl er sie dann in ganz anderem Zusammenhang und im Interesse anderer Ziele benützte. Poe konnte dem Autor von *Das rote Lachen* auf dem Gebiete des Entsetzens und im allgemeinen der speziellen Psychologie ein guter Lehrmeister gewesen sein, Andrejev konnte sich von ihm gewisse Griffe zur psychologischen Beeinflussung des Lesers aneignen, die er für so wichtig hielt. Andrejev ist natürlich nicht ausschließlich der Psychologe »im Sinne Poes«, wie dies einer der Kritiker behauptete,³² und das Wesentliche liegt auch nicht in der Übernahme einzelner Motive oder Kunstgriffe, sondern darin, daß einige Bestrebungen Andrejevs ihn jenen modernistischen Richtungen annähern, die für die Romantik des Schlages Poe und Hoffmann schwärmen oder diese geradezu als ihre Inspiratoren ansehen. In Verbindung mit Poe stehen wir also wieder der in geschichtlicher und prinzipieller Hinsicht gleichermaßen bedeutenden Frage der Zusammenhänge der Romantik und der postrealistischen Richtungen ge-

³⁰ Eine ähnliche Auffassung kommt nicht nur in den älteren Arbeiten zur Geltung (z. B.: *V. A. Десницкий*, М. Горький. Очерки жизни и творчества. Ленинград 1935, 83—107), sondern auch in der erwähnten Gorkij—Andrejev-Studie von K. D. Muratova. Viel Neues bringt hingegen das Studium des Themas der Artikel von V. I. Bezzubov über die Verbindung Gorkijs und Andrejevs (s. Anm. 19).

³¹ *В. Львов*, Борьба за жизнь. Петербург 1907, 123; — *В. Шулятиков*, Критические этюды. Одинокие и таинственные люди (Рассказы Л. Андреева): Курьер, 1901, № 278, 3; — *Н. К. Михайловский*, Литература и жизнь. Рассказы Л. Андреева. Страх смерти и страх жизни: Русское богатство, 1901, № 11, отд. 2, 61.

³² *В. Шулятиков*, Критические этюды, 3.

genüber, zu deren mehrseitigeren und tiefergreifenden Aufarbeitung auch die sorgfältige Untersuchung der Verbindung der beiden Autoren beitragen könnte.

Wenn das Problem der Ähnlichkeit von Poe und Andrejev in der Fachliteratur verhältnismäßig häufig auftaucht, so hat sich die Forschung bisher mit der Verbindung von Hamsun und Andrejev überhaupt nicht befaßt. Unserer Meinung nach könnte man in dieser Frage nämlich in erster Linie, von den auf dem Gebiet der Stimmung sich bewegenden Vergleichen ausgehend, und, natürlich gestützt auf eingehende Textanalysen, zu nützlichen Folgerungen gelangen, obwohl die Aufarbeitung der Wirkungen Nietzsches oder der Mangel an Orientierungsvermögen in politischen Fragen, ferner die Anwendung der intuitiven Schaffensmethode solche Faktoren sind, die in der Kunst der beiden Schriftsteller verwandte Bestrebungen hätten ergeben können. Andrejev mag vielleicht an etwas Ähnliches gedacht haben, als er Hamsun als einen der Schriftsteller bezeichnete, die auf ihn von größter Wirkung waren.³³ Besonders der Roman *Geheimnisse* Hamsuns enthält Elemente, die Andrejev sympathisch waren. In einem seiner *Theaterbriefe* erwähnt er diesen Roman mit seinen unbegrenzt ausdehnbaren inneren Monologen als Beispiel für die psychologische Analyse.³⁴ Gleichzeitig ist der Umstand in Betracht zu ziehen, daß Hamsun Romane schrieb, Andrejev aber — wenn wir das in kompositioneller Hinsicht sehr problematische Werk *Saška Žeguljov* nicht mitzählen — höchstens längere Erzählungen, und so haben sich die beiden Schriftsteller auch in der Charakter- bzw. Seelendarstellung voneinander wesentlich abweichende Aufgaben gestellt.

Wir haben noch die Wirkung Maeterlincks auf Andrejev zu erwähnen — worauf die Zeitgenossen, hauptsächlich in Verbindung mit *Das Leben des Menschen* — unter ihnen Plechanov und Gorkij — mehrmals hingewiesen haben.³⁵ Andrejev war ein großer Verehrer des belgischen Schriftstellers, ihn läßt er unter dem Namen Vandervelde in seinem Stück kriegerschen Themas *Der König, Das Gesetz und die Freiheit* auftreten. Der auf die Erneuerung des Dramas gerichtete Versuch weist aber über die Wirkung Maeterlincks hinaus. Auch schon das von ihm als »neorealistisch« bezeichnete Drama, dessen Prototypus *Das Leben des Menschen* ist, geht über die dramaturgischen Prinzipien des Symbolismus hinaus, das »panpsychologische« Drama aber tritt geradezu mit dem Anspruch der Vertiefung der unmittelbaren Seelendarstellung auf, dessen Fehlen Andrejev als einen schwachen Punkt des Symbolismus ansah.³⁶ Dennoch erhebt sich, sofern wir mit jenen Forschern übereinstimmen, die in

³³ В. Львов-Рогачевский, Две правды, 24.

³⁴ Шиповник, 1914, кн. 22, 272.

³⁵ ЛН 72: 278, 593; Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 4. Москва 1938, 276, 278; — В. Львов-Рогачевский, Очерки по истории новейшей русской литературы. Москва 1919, 66; — А. В. Багрий, Литературный семинарий, вып. 6, Баку 1928, 21, 34—35.

³⁶ Шиповник, 1914, кн. 22, 267.

der dramatischen Kunst Maeterlinecks auch das Zeichen des Expressionismus entdecken, wieder die Frage bezüglich der Verwandtschaft der beiden Schriftsteller, ja sogar auch der Möglichkeit der Beleuchtung der geschichtlich-typologischen Zusammenhänge des Symbolismus und des Expressionismus von einer neuen Seite. Solche Dramen Andrejevs nämlich, wie *Der Hunger-Zar*, *Die schwarzen Masken* oder *Anathema*, zeugen ebenfalls von der Vergleichsmöglichkeit einiger Tendenzen des Symbolismus und des Expressionismus.

In Verbindung damit taucht auch der Gedanke auf, daß die Kunst Andrejevs nicht nur zum Vergleich mit Schriftstellern Gelegenheit bietet, die auf ihn wirkten, sondern auch zum typologischen Vergleich mit jenen Zeitgenossen und Nachfahren, die er nicht kannte, mit denen er aber in ähnlicher Richtung den Wortschatz der Literatur entwickelte. Die verschiedenen Elemente seiner psychologischen Methode eilen Proust, Joyce, zum Teil Kafka voran, mit einzelnen seiner Dramen kann er als Vorläufer des modernen »absurden« Dramas angesehen werden. Unserer Meinung nach bilden in erster Linie die obigen Schriftsteller und Erscheinungen jene Fäden, mit denen Andrejev als organisch Zugehöriger in den verwickelten Lauf der Literatur des 20. Jhs einbezogen werden kann, so, daß dadurch auch die von dem Verlauf gebildete Vorstellung vollständiger wird.

Die radikalste Neuerung Andrejevs, am ehesten die »andrejevscher« Elemente waren weder auf die russische literarische Entwicklung noch auf die Weltliteratur von produktiver Wirkung. In den zwanziger Jahren scheint es, als ob in dieser oder jener Arbeit von Serafimovič oder Pilnjak noch andrejevische Leidenschaft und Expressivität auftauchten, später können wir jedoch von einer Wirkung solcher Erscheinung kaum sprechen.³⁷ In entscheidendem Maße hängt hiermit zusammen, daß ihn auch der Westen rasch vergaß: mit mehreren Beispielen könnte bewiesen werden, daß von den bedeutenderen emigrierten Schriftstellern³⁸ auch nur die am Leben Gebliebenen dauernde Verbindungen mit der Emigranteliteratur und ihre Wirkung auf das literarische Leben des Gastlandes oder im allgemeinen der westlichen Welt bewahrten. Die bemerkenswertesten Neuerungen Andrejevs haben die westlichen Literaturen unabhängig von ihm verwirklicht. Infolge der in den jüngsten Jahren in der sowjetischen Literatur vor sich gehenden Differenzierung beginnen sich wieder solche Tendenzen anzubahnen, die an einzelne Züge der

³⁷ Ein sowjetischer Literaturhistoriker der 20er Jahre weist unter den sowjetischen Schriftstellern noch bei A. G. Mališkin andrejevische Wirkung nach (*В. Правдухун, Литературная современность 1900—1924*. Москва 1925, 165—166).

³⁸ Hier benützen wir die Gelegenheit, auf eine verbreitete Ungenauigkeit hinzuweisen. Andrejev »emigrierte« nämlich nach der Oktoberrevolution nicht nach Finnland, sondern »er blieb dort« in seinem Haus in Vammelsuu in Finnland, wo er schon beinahe seit einem Jahrzehnt wohnte. Es ist nicht zu leugnen, daß der politische Sinn dieses »Dortbleibens« der gleiche war wie ihn die Emigration gehabt hätte und auch, daß Andrejev sich in der Sowjetunion der sog. inneren Emigration angeschlossen hätte. Unbestreitbar ist aber auch, daß bei seinem Verbleiben in Finnland neben den politischen Gründen auch andere, materielle und emotionelle Faktoren mitgespielt haben.

andrejev-schen Formaflösung und besonders der Technik seiner Seelendarstellung erinnern. Wir behaupten natürlich nicht, daß z. B. V. Katajev in seinem Roman *Heiliger Brunnen* gerade einzelne Kunstgriffe der andrejev-schen Überlieferung aufleben läßt. Gewisse Übereinstimmungen können jedoch unbestreitbar beobachtet werden (z. B. eine solche Lösung der psychologischen Rolle der Traumform, bei der sich auch die phantastischsten gedanklichen Gebilde letzten Endes immer in reale psychologische Rahmen betten, und so auch ihren unreal-phantastischen Charakter verlieren), und dies weist zumindest darauf hin, daß die über die traditionellen realistischen Formen hinausweisenden künstlerischen Mittel, an deren Ausarbeitung auch Andrejev teilgenommen hat, im Laufe der literarischen Entwicklung im 20. Jh. in gewissem Maße Stetigkeit oder relative Selbständigkeit gewannen.

5. Mit Obigem wollten wir mit einigen Gesichtspunkten der Bereicherung unserer allgemeinen Vorstellung von der Eingliederung Andrejevs in diesen Vorgang dienen. Es versteht sich von selbst, daß die Feststellung der geschichtlichen und typologischen Parallelen, die Aufklärung der kausalen Übereinstimmungen unvermeidbar bedingen, das Lebenswerk des Schriftstellers an sich eingehend zu untersuchen, natürlich in jenen Momenten, in denen eine ähnliche Untersuchung genügend bzw. möglich ist. Im weiteren wollen wir zu den ähnlichen Arbeiten einige Bemerkungen machen.

Eine Grundfrage der Untersuchung des Lebenswerkes von Andrejev ist das Problem der künstlerischen Evolution des Schriftstellers.

Diese Frage kann am einfachsten so gelöst werden, daß man die Entwicklung als Übergang vom Realismus in die Dekadenz auffaßt. Die schulmäßige Auslegung Andrejevs fußt heute meistens auf dieser Auffassung.³⁹ Es ist nicht schwer, die vollständige Unhaltbarkeit dieses Standpunktes nachzuweisen. Wir können uns hier nicht in die Analyse des Inhalts und des Wirkungsbereiches des Ausdruckes und Begriffes »Dekadenz« vertiefen. Auch aus früheren Erörterungen geht jedoch hervor, daß im Falle Andrejevs die Neuerungsbestrebungen, die vom traditionellen Realismus abweichenden Züge nicht unbedingt das Abwenden vom im weiteren Sinn ausgelegten Realismus bedeuten, d. h., bei ihm ist nicht alles »dekadent«, was traditionszerstörend, ungewöhnlich oder geradezu bestürzend ist. Des weiteren: es tauchen die ähnlichen dekadenten oder als solche bezeichneten Elemente schon zu Beginn der schriftstellerischen Laufbahn Andrejevs auf,⁴⁰ und auch im weiteren er-

³⁹ Die für die sowjetischen Hochschulen aus der russischen Literatur des 20. Jhs zusammengestellte Textsammlung enthält z. B. unter dem Titel »Vom Realismus bis zur Dekadenz« ausgewählte Stücke aus den Werken Andrejevs — andere Schriftsteller sind in dieses Kapitel gar nicht aufgenommen (Русская литература XX века. Дореволюционный период. Хрестоматия. Москва 1962, 273—317).

⁴⁰ Wir denken nicht nur an solche Erzählungen vom Beginn des 20. Jhs wie *Die Mauer* oder *Lüge*, sondern z. B. an die phantastische Novelle *Die entkleidete Seele*, die der Schriftsteller selbst als eine »typische dekadente« Schrift bezeichnet, trotzdem zur

scheinen — neben dem unbestreitbaren Anwachsen ihrer Zahl und ihres Gewichtes — stets zusammen, zu Zeiten gleichsam im Gleichgewicht, die traditionellen bzw. die dem Realismus zuneigenden Tendenzen. Andrejev selbst verweist an mehreren Stellen darauf, daß er im Rahmen der realistischen Schreibweise *niemals* sein Verhältnis zur Wirklichkeit ausdrücken konnte⁴¹ und erwähnt häufig das eine Mal sein »mystisch-symbolisches Wegsuchen«, ein andermal seine Rückkehr zum Realismus, sieht aber zwischen den beiden Tendenzen keinen wesentlichen prinzipiellen Unterschied, und auch in seiner schriftstellerischen Praxis vertragen sich diese beiden Richtungen.⁴² Eben deshalb konnten wir die schriftstellerische Laufbahn Andrejevs bis jetzt nur nach biographischen und gesellschaftsgeschichtlichen Gesichtspunkten gliedern, die Anwendung der Gesichtspunkte der künstlerischen Entwicklung stieß immer auf unüberwindliche Hindernisse. Der Verfasser dieser Zeilen konnte seine Erörterungen, die sich auf Andrejevs psychologische Methode beziehen, auch nur unter Ausschaltung des chronologischen Gesichtspunktes aufbauen, betonend, daß diese Lösung mit dem Spezifikum der Laufbahn des Schriftstellers zusammenhängt.⁴³ Wir können sagen, daß wir bei Andrejev eher nur von handwerklicher Entwicklung, von allmählicher Aneignung der äußeren Griffe der Schreibtechnik sprechen können — natürlich nur bis zu einem gewissen Abschnitt seiner Bahn, ungefähr bis zum ersten Jahr des Jahrhunderts —, eine Änderung des Weltbildes jedoch, die in seiner künstlerischen Methode die zu einer gründlichen Änderung notwendigen Widersprüche hervorgebracht hätte, wäre schwer zu erfassen. Unserer Meinung nach können wir auf seiner schriftstellerischen Laufbahn nur auf zwei solche Momente hinweisen, die zu einer Zeit oder in fernerer Perspektive seinen künstlerischen Bestrebungen eine eigenartige Richtung gaben.

Andrejev hat sich immer für die allgemeinen moralisch-philosophischen und psychologischen Fragen des menschlichen Lebens interessiert, in den konkret gesellschaftlichen und politischen Fragen konnte er sich niemals entsprechend orientieren, aber der russisch—japanische Krieg erweckte in ihm das politische Interesse. Seine Denkweise konnten zwar die dem Kriege folgenden Ereignisse nicht entscheidend umformen, aber das politische Interesse wurde von dieser Zeit an zum ständigen Teil seiner Wirklichkeitsbetrachtung. Dessen Ergebnis sind z. B. *Das rote Lachen*, *Der Gouverneur*, *Den Sternen zu*, *Savva*,

Zeit ihrer Niederschrift — anfangs der 90er Jahre — in der russischen Literatur von der Dekandenz sozusagen überhaupt nicht die Rede war (История русской литературы в 10-и томах, Москва—Ленинград 1954, 10 : 609). Wir kennen die Erzählung leider nur aus der Erwähnung durch Andrejev.

⁴¹ ЛН 72 : 540. S. noch den Brief Andrejevs an V. I. Nemirovič-Dančenko: Архив МХАТа, № 3146/9.

⁴² ЛН 72 : 540—542.

⁴³ L. KARANCZY, A lélektani módoszer Leonyid Andrejev elbeszélő műveiben [Die psychologische Methode in den erzählenden Werken Leonid Andrejevs]. Debrecen 1968. Manuskript.

Der Hunger-Zar, *Aus der niemals endenden Erzählung* oder *So war es*, auch noch dann, wenn er z. B. in dem letzteren Werk schon die möglichst pessimistischere Auslegung der gesellschaftlichen Kämpfe und der großen geschichtlichen Bewegungen gibt. Hierher sind jedoch auch *Ivan Ivanovič*, *Die Geschichte der sieben Gehenkten* und das zu Beginn der zehner Jahre entstandene Werk *Saška Žeguljov* zu reihen, an die aktuellen politischen Ereignisse schließt sich aber auch die Mehrzahl seiner während des Krieges geschriebenen Werke (*Der König*, *Das Gesetz* und *Die Freiheit*, *Das Joch des Krieges*, *Nächtlicher Dialog* usw.), ähnlich kann das unvollendet gebliebene *Tagebuch des Satans* von sehr rätselhaftem Sinn ausgelegt werden. Es ist der Erschütterung des Sturzes der ersten Revolution zuzuschreiben, daß er zum Helden seiner Erzählung *Finster-nis* einen Revolutionär macht.

Ein anderer beachtenswerter Faktor auf dem schriftstellerischen Weg Andrejevs ist das Erscheinen des Dramas, dessen Stabilisierung, und daß es zum grundlegenden Element seines Schaffens wird. Sein erstes Drama (*Die beiden Geschwister*, mit anderem Titel: *Das Gesetz und die Menschen*) schreibt er in 1901, aber es blieb unvollendet und im Manuskript erhalten; endgültig betritt Andrejev 1905 den Weg des Dramas mit seinem Schauspiel *Den Sternen zu*. Von dieser Zeit an wendet sich sein Interesse immer mehr dem Drama zu, auch sein moralisch-philosophisches Wegsuchen und seine formschaffende Tätigkeit verbindet er in erster Linie mit dieser Kunstgattung. Hierher schließt er auch seine mit dem »Panpsychismus« zusammenhängenden Vorstellungen, und dies hängt einerseits damit zusammen, daß er die Prosa von vornherein für eine »psychologischere« Kunstgattung ansieht und als solche betreibt, die eben deshalb keiner Umgestaltung solchen Ausmaßes bedarf wie das Drama und das Theater;⁴⁴ kann andererseits damit erklärt werden, daß die durch die literarische Schöpfung ausgelöste Gefühlswirkung, eine entscheidende Kategorie des »Panpsychismus«, im auf der Bühne sich verwirklichenden dramatischen Werk unmittelbar und gleichsam auf kollektivem Niveau kontrolliert werden kann. Gerade in Verbindung mit der Ausgestaltung des panpsychischen Dramas springt es in die Augen, daß in der dramatischen Kunst Andrejevs die einzelnen Epochen schon schärfer getrennt werden können als in seinen Prosaarbeiten bzw. in der Gänze seines schriftstellerischen Wirkens. Wir können in der Tätigkeit des Dramatikers Andrejev drei verhältnismäßig scharf getrennte Epochen unterscheiden. Die erste Epoche enthält die Stücke *Den Sternen zu* und *Savva*, die unmittelbar Politisches auszusagen haben (1905, 1906), und fällt mit dem Beginn des Aufschwungs in anderem Zusammenhang des oben angeführten politischen Interesses zusammen. Die zweite Epoche umfaßt *Das Leben des Menschen*, *Der Hunger-Zar*, *Die schwarzen Masken* und *Anathema* (1906–1908) und gestaltet sich

⁴⁴ ШИПОВНИК, 1914, кн. 22, 255, 272–273.

im Zeichen der stilisierend-schematisierenden Bestrebungen Andrejevs. Aber schon mit *Anfisa* (1908) beginnt die Epoche des gesteigerten und eigenartig aufgefaßten psychologischen Interesses des Dramatikers Andrejev, das dann in den panpsychischen Dramen (*Jekaterina Ivanovna*, 1913, *Hundewalzer*, 1916) seinen Höhepunkt erreicht. Wir betonen, daß in der Prosa des Schriftstellers eine ähnliche Gliederung nicht wahrzunehmen ist, im Gegenteil, das Vorherrschende des Panpsychismus im Drama verursacht in der Prosa keine meßbaren Änderungen — u. a. eben deshalb, weil die charakteristischen Züge des Panpsychismus, auf deren kurze Schilderung wir noch zurückkommen, in den erzählenden Werken Andrejevs im wesentlichen schon früher, praktisch schon seit Beginn seiner Laufbahn vorhanden waren.

Damit sind wir bei einem anderen wesentlichen Problem des Lebenswerkes Andrejevs angelangt: Welchen Platz nimmt in der Tätigkeit des Schriftstellers die Epik und welchen das Drama ein?

Diese zwei Gruppen von Kunstgattungen seines Lebenswerkes charakterisiert, unserer Auffassung nach, hinsichtlich des Gepräges und auch der Bedeutung ein eigenartiger Widerspruch. Wenn wir untersuchen, auf welchem Gebiet Andrejev Bleibenderes geschaffen hat, müssen wir die Priorität auf jeden Fall der Prosa einräumen. Die künstlerischen Werte der Werke *Das Leben Vasilij Fivejskij's* oder *Der Gouverneur* erkennen wir auch heute an, *Die Geschichte der sieben Gehenkten* zählt zu den klassischen Schöpfungen der russischen Literatur. In seinen erzählenden Werken hält sich Andrejev im allgemeinen mehr an die Anforderungen eines traditionelleren oder in weiterem Sinne genommenen Realismus, als in seinen Theaterstücken, in denen er sich häufiger und leichter in das Reich des den Realismus schon vollständig ausschließenden Phantastischen, Mystischen und des Stilisierens verirrt. Seine Theaterstücke werden heute schon kaum gespielt,⁴⁵ ziehen auch in gedruckter Form kein größeres Publikum an, und hiermit im Zusammenhang ist auch ihre literarhistorische Wertung meistens verurteilend. Wer in Andrejev die wirklich reife, abgeklärte, vollwertige, bis in unsere Tage mit sich reißende unmittelbare Wahrheit des menschlichen Lebens, besonders aber die Tiefen der inneren Wirklichkeit sucht, nimmt immer die erzählenden Werke des Schriftstellers zur Hand. In ihnen können wir auch die gelungensten, als am meisten vorausweisend, am meisten als abgeschlossen zu betrachtenden Errungenschaften des Wegsuchens von Andrejev finden.

Es ist jedoch bekannt (auch wir haben weiter oben darauf hingewiesen), daß Andrejev schon in *Das Leben des Menschen* mit einer neuartigen dramatischen Form experimentierte. In den letzten Jahren seines Lebens ging er immer bestimmter auf das Schreiben von Dramen über, und zu dieser Zeit

⁴⁵ Eine Ausnahme bildet das Theaterstück *Tage unseres Lebens*, das seit seiner Erstaufführung sozusagen ohne Pause auf dem Programm steht. Dieses Werk hat Andrejev — mit zutreffender Selbstkritik — nicht hoch eingeschätzt.

haben ihn nicht mehr die für das erwähnte Stück charakteristischen stilisierenden Lösungen beschäftigt, die er selbst unter dem Namen »Neorealismus« zusammenfaßte, sondern die Aufgabe des Zustandbringens des psychologischen Dramas neuen Typs. Nebenbei erwähnen wir, daß er in den letzten Lebensjahren, mit Ausnahme von *Das Tagebuch des Satans*, kein bemerkenswertes erzählendes Werk geschaffen hat, während er an einige seiner, zur selben Zeit geschriebene Dramen (*Hundewalzer*, *Der gefesselte Samson*, *Requiem*) große Hoffnungen knüpfte. Es ist offenbar, daß er die neuen Perspektiven der literarischen Entwicklung, die Synthese seiner künstlerischen Bestrebungen, die letzten Ergebnisse seines Wegsuchens nicht in seinen erzählenden Werken, sondern in seinen Dramen sah. Aus seiner Praxis als Dramatiker während der letzten Lebensjahre und aus seinen theoretischen Äußerungen können wir darauf folgern, daß er seine schriftstellerische Aufgabe im Schaffen eines neuartigen philosophisch-psychologischen Dramas sah. In den Dienst dieses Ziels stellte er auch den Panpsychismus; es schwebte ihm ein Theater vor, in dem die alles mit sich reißende Macht der Stimmung den Unterschied zwischen Schauspieler und Zuschauer, Vortrag und passivem Genuß einfach auslöscht, wo sich auch die Zuschauer selbst in aktive Teilnehmer der Produktion verwandeln.⁴⁶ Diese auf das erste Anhören utopistisch naiv wirkende Vorstellung hat das moderne Theater in bedeutendem Maße verwirklicht oder ist gerade dabei, sie zu verwirklichen. Wir haben schon erwähnt, daß einzelne Theaterstücke Andrejevs als Vorläufer des absurden Dramas gelten dürfen. Wir behaupten nicht, daß sein Wegsuchen, sei es auf diesem Gebiet, sei es in bezug auf das panpsychische Drama, zu bleibenden künstlerischen Ergebnissen führte — eben deshalb setzen wir seine erzählenden Werke über seine dramatische Kunst. Sein dramaturgisches Wegsuchen bildet dennoch einen beachtenswerten Teil der auf die Erneuerung des Dramas abgezielten weltliterarischen Bewegung, und in diesem Zusammenhang öffnen sich der Forschung neue Aufgaben und Möglichkeiten. Manche Motive der Dramen Andrejevs und einzelne Prinzipien ihrer Aufbautechnik widerhallen eigenartig in den Stücken Brechts und Dürrenmatts (die Kellerszene im *Hunger-Zar* und einzelne Teile der *Dreigroschenoper*, die Problematik von *Anathema* und vom *Besuch der alten Dame*). Ein besonderes Forschungsgebiet bildet die Frage, wie sich die Zielsetzungen des andrejevskischen panpsychischen Dramas in der Formsprache jener Kunst — des Films — realisieren, deren Zustandekommen als zwangsläufiges Moment der Entwicklung der dramatischen Kunst aufgefaßt werden kann und für deren erste, wohl kaum als Kunst zu bezeichnenden Schritte, sich der Schriftsteller lebhaft interessierte.

6. Schließlich einige Worte über jene Aufgaben, die bei der allgemeinen Wertung oder Neubewertung Andrejevs auf die Forschung warten.

⁴⁶ ШИПОВНИК, 1914, кн. 22, 289—290.

Obwohl in den jüngsten Jahren in der Sowjetunion manches geschah, um Andrejev in der Literaturgeschichte und in der öffentlichen Meinung auf den ihm gebührenden Platz zu stellen, gibt es auf diesem Gebiet noch reichlich zu tun. Wie erwähnt, hat von seinen größeren Werken nur *Die Geschichte der sieben Gehenkten* die der klassischen Schöpfung zukommende Anerkennung gewonnen. In der Beurteilung von *Der Gouverneur* oder *Das rote Lachen* konnten wir, trotz der Anerkennung von Detailwerten, noch immer nicht ganz von gewissem entstellenden und vereinfachenden Schematismus frei werden: im ersteren Werk betrachten wir das Über-den-Klassen-Stehen der humanistischen Aussage, das Mitgefühl des Autors mit dem Helden als nicht gut zu machende Fehler, im letzteren beanstanden wir die gehetzte expressionistische Form, obwohl wir beide Werke erst dann richtig auffassen, wenn wir in ihnen die bestürzend starke psychologische Analyse bzw. das Künstlerische der psychologischen Wirkung betonen. Unrichtig ist auch das Bestreben, wenn wir das Porträt Andrejevs in erster Linie auf Grund solcher, hauptsächlich im Anfangsabschnitt seiner Laufbahn entstandenen Erzählung entwerfen bzw. seine bleibendsten künstlerischen Werte in solchen Werken sehen wie *Bargamot und Garaska*, *Im Fenster*, *Es war einmal*, *Das Geschenk* usw. Diese sind im allgemeinen gut geschriebene, ruhig atmende, leichte und sehr konstruktive Lektüre bietende Arbeiten (obwohl in einigen, besonders im letzteren, der sentimentale Ton störend wirkt), die zur Jahrhundertwende, hauptsächlich auf den Spuren Čechovs, jeder talentiertere realistische Schriftsteller hätte schreiben können. Der wirkliche, vorausweisende, der »moderne« Andrejev ist: *Das Schweigen*, *Der Gedanken*, *Das Leben Vasilij Fivejskijs*, *Der Dieb*, *Judas* und die übrigen Werke mit kühnem Problemanschlag und kühnem Aufbau, und es ist die Aufgabe des Forschers von heute, in diesen Werken jene Werte nachzuweisen, die imstande sind, auch zum breiteren Leserpublikum den Weg zu finden.

Wir können auch mit der Überbewertung der »revolutionären« Werke Andrejevs nicht einverstanden sein. Deren Betonung ist in gewisser Hinsicht begründet, weil sie für die Zeit charakteristisch sind und auch darauf aufmerksam machen, daß Andrejev, wenn er auch nicht zum Revolutionär werden konnte, mit dem von ihm für tragisch gehaltenen revolutionären Heroismus aufrichtig sympathisierte. Eine kurze Anführung überzeugt uns jedoch davon (*Die Marseillaise*, *Die niemals endende Erzählung*, *Den Sternen zu*, im weiteren Sinne kann auch *Der Ausländer* hinzugezählt werden), daß der Ton Andrejevs leicht falsch wird, sobald er eine politische Tendenz in seine Schriften bringt. Der literarische Wert und die erzieherisch-agitative Kraft solcher seiner Werke sind zumindest so bestreitbar wie die »seelenzerstörende« Wirkung seiner »dekadenten« Schöpfungen.

Demgegenüber muß der Autor einer anspruchsvolleren Andrejev-Monographie dem einzigen Roman des Schriftstellers, *Saška Žeguljov*, mehr Auf-

merksamkeit zuwenden als die bisherigen Forscher. Der Roman ist keine Spitzenleistung; trotz einiger mit großer künstlerischer Kraft geschriebener Details kann er zur Gänze kaum auf das Interesse des heutigen Lesers zählen. Der Forscher aber erhält gleichsam »ineinandergeknüpft« — allerdings in ziemlich lockerer Verbindung, immerhin zusammengefaßt — den vielseitigen, widerspruchsvollen, bestreitbaren, siegreichen und unterlegenen Andrejev, den Realisten, den Moralphilosophen, Gesellschaftskritiker, Mystiker, Seelenforscher, den Meister der rhythmischen Prosa, den Tragiker, den Gehobenen, den Lyrischen, den Traditionsgetreuen, den Neuerer, den Europäer, den Pessimisten, den Rätselhaften, den Meister der Stimmungsmalerei und des Stimmungserweckens — und häufig freilich den Sentimentalen, den Manirierten, den die einzelnen Gebiete des Lebens oberflächlich Kennenden, den Misanthropen und auch den Herumstolpernden. Der Roman illustriert gleichsam alle jene Probleme, die wir im Interesse der geschichtlichen Ortung und der Bewertung des Lebenswerkes Andrejevs an sich im Obigen aufgeworfen haben.

Es sind wohl über keinen russischen Schriftsteller so viele Mißverständnisse in Umlauf wie über Andrejev. Nehmen wir z. B. die Frage seines sogenannten Schematismus. Einzelne Kritiker, und auf ihren Spuren spätere Forscher, sehen den Schematismus und den Mangel an Subjektivierung schon in seiner Erzählung *Der große Schlemm* (1899) und berufen sich darauf, daß wir über die Persönlichkeit und das Privatleben der Helden in der Erzählung kaum etwas erfahren.⁴⁷ Diese Eigenschaft des Werkes spiegelt jedoch nicht die Betrachtungsmethode des Schriftstellers — bzw. spiegelt diese nur insofern, als, im Mangel an individuelle Züge die Farblosigkeit und das Uniformiertsein des kleinbürgerlichen Lebens erscheinen können — sondern die Denkart der Helden selbst und ihr Verhältnis zueinander, deren eine der wichtigsten Eigenschaften gerade ist, daß sie voneinander nichts wissen — hieraus besteht nämlich der Hauptinhalt der Novelle. Andrejev war sich darüber im klaren, daß der Mangel an Individualisierung in der schriftstellerischen Schöpfung realistischen Anspruchs zu Lasten des Künstlerischen geht.⁴⁸ In gewissen Fällen läßt er die Subjektivierung dennoch absichtlich außer acht, um gewissen Zügen oder gerade dem Allgemeinen ein entsprechendes Gewicht zu sichern; in einigen seiner Werke ist er absichtlich bestrebt, statt der lebensmäßigen, individualisierenden Charaktere die wichtigsten, charakteristische Züge betonenden Schemata, Abstrakta darzustellen.⁴⁹ Dieses Bestreben, das beinahe in allen

⁴⁷ E. Жураковский, Симптомы литературной эволюции, I. Москва 1903, 19; — Л. Войтоволский, Социально-психологические типы в рассказах Л. Андреева: Правда, 1905, № 8, 132.

⁴⁸ К. Чуковский, Люди и книги. Москва 1956, 509.

⁴⁹ Diese Tendenz konzipierte auch der Schriftsteller in einem 1906 geschriebenen Brief: »Ich behaupte gerade, daß man im allgemeinen den Fluß, die Stadt, den Menschen und die Liebe zu beschreiben hat. Was ist daran von Interesse, was konkret ist?«, weiters: »Die Frage der einzelnen Persönlichkeiten ist schon irgendwie erschöpft, sie hat die Bühne verlassen; ich möchte alle diese verschiedenen Persönlichkeiten so

Fällen mit dem Übertreiben, Hyperbolisieren der Darstellung einhergeht oder sich darin meldet,⁵⁰ ist hauptsächlich für jene Dramen charakteristisch, auf deren Grund Andrejev eindeutig als Expressionist angesehen wird (*Das Leben des Menschen*, *Der Hunger-Zar*,⁵¹ hierher kann auch das *Requiem* gezählt werden), es taucht aber auch in einigen seiner Erzählungen auf (*Die Mauer*, *Lüge*, *So war es*, *Lazarus*). Es ist aber unrichtig, diese Tendenz auf die Gänge des andrejevschen Lebenswerkes zu übertragen, sie als grundlegendes Prinzip oder unbedingt als Mangel anzusehen. In seinen psychologisch inhaltsvollsten Erzählungen wie *Der Gedanke*, *Das Leben Vasilij Fivejskijs*, *Der Gouverneur*, *Die Geschichte der sieben Gehenkten*, *Saška Žeguljov*, stellt Andrejev eher extreme, aber in dieser ihrer Beschaffenheit überhaupt nicht schematische Charaktere dar, meistens unter sehr eigenartigen und gerade deshalb überhaupt nicht schematischen Umständen. Es bedarf wohl nicht der Beteuerung, daß der Schematismus mit dem Panpsychismus kaum zu vereinbaren ist, und so erscheint in den Theaterstücken, die dessen Prinzipien spiegeln, kein Schematismus. Er kommt aber auch in solchen Stücken Andrejevs nicht zur Geltung wie *Den Sternen zu*, *Savva*, *Tage unseres Lebens*, *Gaudeamus* oder *Liebe Gespenster*.

Auch die Problematik der Denkart Andrejevs bedarf an mehreren Punkten der Überprüfung. Es ist fraglich, ob es richtig ist, zwischen seine tragische Lebensbetrachtung und jenen destruktiven Pessimismus, mit dem er meistens charakterisiert wird, ein Gleichzeichen zu setzen. Sein Humanismus ist wahrhaftig sehr eigenartig und überaus widerspruchsvoll. Damit jedoch, daß Andrejev den Menschen verleumdet und verhöhnt, kann man kaum einverstanden sein.

Unserer Meinung nach sind auch die Vorstellungen über seine künstlerische Oberflächlichkeit und Effekthascherei stark übertrieben, die noch zu seinen Lebzeiten entstanden sind und sich seither irgendwie von einer Generation auf die andere vererbten, ohne daß sie einer strengen Kontrolle unterzogen wurden. Mit welcher Sorgfalt Andrejev nicht nur an solchen hervorragenden Werken wie *Das rote Lachen* oder *Die Geschichte der sieben Gehenkten*, sondern

oder so, auf kriegerischem oder friedlichem Weg mit dem Allgemeinen, dem Menschlichen verbinden.« (Реквием. Сборник памяти Л. Андреева. Москва 1930, 166). An anderer Stelle sagt er: »Verallgemeinern kann man nur im Wege des Stilisierens, in dem man die Details zur Seite schiebt und nur das Allgemeine, das Synthetische bestehen läßt.« (В. В. Бруснянин, Леонид Андреев. Жизнь и творчество. Москва 1912, 77.)

⁵⁰ Im Zusammenhang mit seinem Drama *Das Leben des Menschen* schreibt Andrejev selbst: »Es gibt keine ruhige Grundstufe, nur eine Höchststufe. Wenn sie gut ist, soll sie wie ein Engel sein, wenn dumm, wie ein Minister, wenn häßlich, sei sie so, daß die Kinder vor ihr erschrecken. Scharfe Kontraste sind nötig (УЗТУ 1962, вып. 119, 382).

⁵¹ Auf den Expressionismus Andrejevs rief auf Grund der erwähnten Dramen erstmals K. V. Drjagin mit seinem 1928 erschienenen Artikel (s. Anm. 5) die Aufmerksamkeit wach. Später wurde diese Auffassung, hauptsächlich auf die Wirkung des vor einigen Jahren verstorbenen bekannten Andrejev-Forschers B. V. Michajlovskij auf das ganze Lebenswerk Andrejevs ausgedehnt.

auch an seinen frühen Erzählungen gearbeitet hat, zeigt der Umstand, daß einige von ihnen sogar in zwei-drei Varianten erhalten geblieben sind.⁵²

Die größte und verantwortungsvollste Aufgabe aber, die in der Andrejev-Forschung auf die Literarhistoriker wartet, ist der Nachweis des in solchen Schriften verborgenen wirklichen Sinnes, deren falsche Beleuchtung die richtige Bewertung des Schriftstellers auch heute noch stört. Diese Aufgabe ist nicht leicht: schon den zeitgenössischen Forschern ist aufgefallen, daß in den Werken Andrejews häufig auch das bemerkt und erklärt werden muß, was der Schriftsteller gerade nur berührt hat.⁵³ Wir können vorläufig nicht behaupten, daß wir die richtige Auslegung solcher Werke wie *Anathema*, *Die schwarzen Masken* oder *Der Hunger-Zar* besitzen. Besonders viele Mißverständnisse entstanden um seine Werke nach der Revolution 1905. Unserer Auffassung nach ist — und dies unterstützen auch die Bekenntnisse des Schriftstellers — seine Erzählung *Meine Aufzeichnungen* keine Apologie für, sondern eine Satire über die Gefängnislebensform; in *Finsternis* tritt Andrejev nicht als Totengräber der niedergeworfenen Revolution auf, sondern erörtert das Problem des Gegensatzes des aktiven und des passiven Humanismus, dessen berechnete und moralische Beschaffenheit; *Judas* will nicht die Rechtfertigung des Verrats sein, sondern die Enthüllung der egoistischen und sinnlosen Liebe. Unter dem gleichem Blickwinkel scheint auch die Annehmbarkeit der traditionellen Auslegung von *Hunger-Zar* problematisch zu sein. Daß die verschiedenen irrigen Auslegungen, deren Wurzeln zum großen Teil in den zur Zeit des ersten Erscheinens der erwähnten Werke herrschenden politischen Verhältnissen zu suchen sind, sich auch heute noch halten, kann größtenteils damit erklärt werden, daß diese Auslegungen in das aus vorgefertigten Elementen zusammengestellte und immer mehr veraltende Auffassung spiegelnde Andrejev-Porträt gut hineinpassen. Die Klärung der entsprechenden Auslegungen könnte das erste Moment jener aktuell gewordenen Arbeit werden, deren Endziel die Darstellung eines wirklichkeitsgetreuen Andrejev-Porträts ist, unentbehrliche Vorbedingung ist auch die Aufarbeitung der eingangs unserer Studie bezeichneten Themenkreise. Ohne all das kann die Untersuchung des Lebenswerkes von Andrejev nach weltliterarischen und theoretischen Gesichtspunkten nicht durchgeführt werden, die doch das Endziel jeder ähnlichen, in relativ engerem Kreis sich bewegenden Forschung ist.

⁵² Im Zusammenhang mit den frühen Erzählungen s. den unter Anm. 1 erwähnten Artikel von L. A. Ijezuitova.

⁵³ И. П. Баранов, Леонид Андреев как художник-психолог и мыслитель. Киев 1907, 26.

Der utopistische Sozialismus und die Štúr-Schule

I. CSUKÁS

Die in den 30—40er Jahren des vergangenen Jahrhunderts auch in Mitteleuropa sich verbreitenden sozialistischen Lehren haben auch die Aufmerksamkeit der slowakischen Intelligenz erweckt. Štúr und seine Zeitgenossen waren ebenso von den der Lösung harrenden Sorgen des Reformzeitalters und von dem auf die große gesellschaftliche Umgestaltung drängenden Gebot erfüllt wie die ungarischen Denker der Epoche. Ihre an deutschen Universitäten erworbene Schulung sowie ihr auf die europäische bürgerliche Bildung gerichteter Blick führten auch sie zu den Urquellen der auf die Besserung der Gesellschaft abzielenden Bestrebungen. Ihre freundschaftlichen und kämpferischen Beziehungen zu den für die gleichen Ziele begeisterten Schriftstellern und Politikern anderer Nationen — wie z. B. die Freundschaft Štúrs zu Gaj, einem Führer der südslawischen Bewegung, oder zu dem radikale Anschauungen vertretenden Tschechen Frič sowie zu dem Petőfi übersetzenden revolutionär-demokratischen Sabina — führten unvermeidlich zum Bekanntwerden der in ganz Europa als modern geltenden Theorien. Aber auch die ungarländische Presse zeigte für diese Lehren Interesse,¹ abgesehen von jenen nach westlichem Vorbild, doch dem ungarischen Boden entsprungenen utopistischen Vorstellungen,² die auch dem forschenden Blick Štúrs und seiner Anhänger nicht verborgen bleiben konnten.

Es ist verständlich, daß ihr Reagieren auf die utopistischen Theorien mit der Reagierung der Ungarn viel Ähnlichkeit aufweist. Ein gemeinsamer Zug dieses Reagierens (er unterscheidet beide von den westlichen Theoretikern und Anhängern des utopistischen Sozialismus) bestand darin, daß ihre Unzufriedenheit sich nicht gegen die verwirklichte bürgerliche Ordnung durchsetzt, sondern daß sie den Verhältnissen des Feudalismus entsprang. So entsteht der eigentümliche Widerspruch, daß die Anhänger der bürgerlichen Umgestaltung, unter dem Zauber ihrer über die praktischen politischen Zielsetzungen

¹ LUKÁCSY S., Petőfi és Cabet: Irodalomtörténeti Közlemények 1966, 315

² PÁNDI P., Utopista szocialista eszmék a reformkori Magyarországon [Utopistische sozialistische Ideen in Ungarn in der Reformzeit]: Magyar Tudomány 1965, 3: 147—159

weit hinausgehenden, sogar ablehnenden Vorstellungen leben. Die feudale Rückständigkeit erklärt auch andere gemeinsame Zeichen des Reagierens auf die neuen Ideale, so z. B. die Rolle der religiösen Lehren, den Anklang, den Lamennais fand, die eklektische Aufnahme des Gedankengutes verschiedener utopistischer Richtungen³ oder die Betonung des Volksunterrichtes als eines der wichtigsten Mittel der »guten Gesellschaft«. Das außerordentlich empfindliche Verhalten den nationalen Interessen, insbesondere aber der Nationalsprache gegenüber, ist ein ganz eigenartiger, aus den Umständen des Habsburger Reiches sich ergebender gemeinsamer Zug, aber ein solcher gemeinsamer Zug, der zugleich auch unsere Aufmerksamkeit auf die Unterschiede lenkt.

Unter diesen fällt am meisten die Eingliederung der slowakischen utopistischen Vorstellungen in die gesamtshawische Konzeption auf. Aber wenn auch der kommunistische Ideen verkündende Táncsics der Meinung ist, daß »die Sprache oder die Nationalität, bei uns noch das Ziel sei«, dürfte es verständlich sein, daß Štúr und sein Kreis, in der Übernahme der utopistischen Lehren viel reservierter, vorsichtiger, die nationalen Interessen in den Mittelpunkt der Bestrebungen setzten und öfters über die sozialen Forderungen stellten. Die erlittenen Unterdrückungen, die die geschichtliche Rolle der Slawen betonenden Ansichten, das Erbe Kollárs, der Messianismus Mickiewicz', all dies spornte Štúr zu dieser Haltung an. Deshalb suchte er die Möglichkeiten der idealen gesellschaftlichen Einrichtung — und zugleich auch die Verwirklichung der slowakischen nationalen Wünsche der Slowaken — in der großen brüderlichen Gemeinschaft der slawischen Völker. Ein viel wichtigerer Faktor als bei den Ungarn ist im utopistischen Denken auch die Religion. Diese manifestiert sich — wie wir sehen werden — in der gesteigerten Wirkung von Lamennais und darin, daß Štúr nicht zuletzt durch seine religiöse Auffassung zur Ablehnung der die Rolle der Kirche verneinenden westlichen Richtungen bewogen wird. Král argumentiert ebenfalls mit der Irreligiosität gegen die Denker, die die Fehler der Gesellschaft aus der Welt schaffen wollen. Bei Štúr und seinem Kreis wird auch die gesellschaftsformende Rolle der Erziehung und der Volksbildung mit größerer Betonung hervorgehoben. Schließlich besteht ein wesentlicher Unterschied darin, daß wir bei den Slowaken nicht solchen utopistischen Plänen und Vorstellungen begegnen, wie bei Táncsics oder Károly Sasku. Bei der Štúr-Schule können aus den Lehren über den Aufbau der idealen Gesellschaft nur wenige Elemente, höchstens Bruchstücke als Teile anderer Konzeptionen nachgewiesen werden. Aber auch bei solcher Einschränkung kann man die ganze Generation nicht als einheitlich betrachten.

Wohl ist die Behauptung, wonach Štúr und seine Anhänger »die Lehren der französischen Utopisten wenigstens zum Teil gekannt haben« und »mit der geistigen Gärung des Jungen Europa in Verbindung standen«, nicht grund-

³ PÁNDI P., *Irodalom és „kisértetjárás”* [Literatur and Geisterspuk]: *Filológiai Közlöny* 13 (1967) 1—2: 57

los,⁴ doch können die Spuren und die mit Manifestationen, Tatsachen nachweisbare Wirkung bei weitem nicht bei allen festgestellt werden. Individuelle Gestaltung und Lebensverhältnisse, Klassenlage und Bildung bestimmen das Maß des Interesses, die Wahl zwischen den neuen Anschauungen, die Rezeption der einzelnen Elemente, ihre Modifikation oder sogar Ablehnung, dem eigenartigen slawischen Gesichtspunkt entsprechend. Es befinden sich unter den Mitgliedern der Štúr-Schule — und zwar in Mehrheit — solche, bei denen die moderne geistige Strömung keinen nachweisbaren Widerhall erweckte. In der Dichtung von Sládkovič, in den Werken von Samo Chalupka oder Kalinčiak würden wir vergebens die Wirkung der utopistischen Lehren suchen. Einzelne Jugendgedichte von Jan Botto, der in der geistig lebhaften Atmosphäre des Lyzeums von Leutschau (Levoča) aufgewachsen ist (Duma dňa 1. lipňa 1847, K mladosti), drängen zu Heldentaten, rufen zur Rache gegen die Welt auf, warten auf einen Sturm, der »die vier Weltrichtungen erschüttert«, »die Ketten sprengt«, die »morschen Throne« stürzt usw. Die Quelle dieser Affekte ist vor allem im Messianismus von Mickiewicz zu suchen, dessen außerordentliche Volkstümlichkeit gerade während der Lehrjahre Bottos in Leutschau ihren Höhepunkt erreichte.⁵ In den späteren Schöpfungen — mit Ausnahme des Gedichtes »Pochod«, das die Wirkung des Nationalliedes von Petófi zeigt — meldet sich dieser Ton nicht mehr, obwohl Botto gerade in den Monaten vor der Revolution schon in Pest Student ist und auch mit dem Kreis Kraľs in Verbindung steht.

Die utopistischen Gedankensysteme hinterließen nur in den Werken Štúrs, des Führers der slowakischen nationalen Bewegung, wie auch in der Dichtung des revolutionär demokratischen Janko Kráľ ihre Spuren. Hierüber haben wir zu berichten, vor allem aufgrund des Lebenswerkes der beiden Autoren, aber auch gestützt auf die Ergebnisse der slowakischen Forscher, hauptsächlich auf die Janko Kráľ betitelte Monographie von Milan Pišút und auf die Studie von Robert Roško.

I

Štúrs Weltanschauung war vollständig von der Philosophie Hegels durchdrungen, die er während seiner Studien in Halle kennenlernte. Die Erziehung in Halle entwickelte auch in Štúr die Neigung zu streng puritaner religiöser Auffassung und Lebensführung. All dies vereinigte sich zu einem organischen Ganzen mit Štúrs Vorstellungen über die Zukunft der Slawen. Aus diesen Elementen baute er, als sein individuelles Lebensziel, aber auch für seine Zeitgenossen, das Programm zur Rettung des Slowakentums auf. Erweckung und Festigung des die Nation rettenden Berufungsbewußtseins waren Ziel und In-

⁴ M. Pišút, Janko Kráľ. Bratislava 1957, 24

⁵ M. Pišút, Mickiewicz a štúrovci. Slovenské pohľady 72 (1956) 1—2: 161

halt seiner pädagogischen, literarischen und publizistischen wie auch organisatorischen Tätigkeit. Der Abschluß seines Denksystems war der Satz, wonach die Menschheit — mit einiger Modifikation von Hegels Entwicklungstheorie — den Grad der Vollkommenheit nicht im deutschen Staat, sondern in der sich in brüderlicher Gemeinschaft vereinigenden, von den Slawen gebildeten idealen Gesellschaft erreicht.

Hegels Entwicklungstheorie, das Christentum und die slawische Verbrüderung waren die drei Pfeiler von Štúrs Weltanschauung, von der aus er den Gang der Geschichte betrachtet, auslegt und die Probleme der Gesellschaft beantwortet. Dieser Auffassung nach ist die Geschichte eine Wellenbewegung aufsteigender und versinkender Völker,⁶ wobei die in der Sphäre des Geistes schaffenden, sogenannten geschichtlichen Völker einander ablösen.⁷ So kommt es — nach den Griechen, Römern usw. — zum Aufstieg der Slawen. In der Hierarchie der Völker bedeuten für Štúr das »Europäertum« und das Christentum den Rang. Die Einheit dieses zweifachen Kriteriums wird aber durch die slawischen Völker verkörpert.⁸ Aufgabe der Geschichtsschreibung ist es, zu zeigen, wie die einzelnen Stufen der menschlichen Entwicklung aufeinander folgten, welche Rolle die einzelnen Nationen dabei spielten, wie die eine von der anderen die Aufgaben übernahm und dort fortsetzte, wo die vorangegangene aufhörte. In diesen Gedankengang fügt sich Štúrs Auffassung von der Rolle der großen Persönlichkeiten, die »Sehnsucht, Gefühle und Absichten der Nation zum Ausdruck bringen« und »wahre Helden« sind. Als Beispiel weist er auf Napoleon hin.⁹ Die gesellschaftliche Klassengliederung führt er auf wirtschaftliche Ursachen zurück und bekennt, daß in den modern produzierenden Gesellschaften der »vierte Stand« sich mit der Entwicklung der »wirtschaftlichen Verhältnisse ausbildete«.¹⁰ Štúr nach gelangt im Kampf der Klassen der Gegensatz von Individuum und Gemeinschaft zum Ausdruck. Da aber die individuellen und die gemeinschaftlichen Interessen im Einklang stehen müssen, verwirft Štúr den Klassenkampf bzw. dessen schärfste Form, die Revolution. Er verwirft den Contrat social, weil Rousseau, im Interesse der Überbetonung der Rechte des Individuums, den Vertragschluß darin nur »erdacht«, »erfunden« hat. Rousseau gegenüber betont Štúr mit charakteristisch reformistischer Auffassung, daß das Individuum wohl ein Recht besitzt, dieses aber nicht mit Revolution zu erkämpfen sei, sondern mit Arbeit, Bildung, mit gemeinnützer Tätigkeit erreicht werden kann.¹¹ »Weil alles, was sich wirklich entwickelt und zum Erfolg drängt, nur auf friedlichem Weg erfolgen kann.«

⁶ L. ŠTÚR, Dielo v piatich zväzkoch. Bratislava 1956, II, 193

⁷ ŠTÚR, Dielo II, 289

⁸ ŠTÚR, Dielo II, 193

⁹ SAM. ST. OSUSKÝ, Filozofia štúrovcov. Myjava 1926, I, 98

¹⁰ OSUSKÝ, a. a. O. 94

¹¹ OSUSKÝ, a. a. O. 97

Diese Geschichtsbetrachtung lenkt Štúr bei der Untersuchung der gesellschaftlichen Probleme seiner Zeit. Mit überraschender Orientiertheit und Fähigkeit zur Analyse stellt er fest, daß die westliche Lebensform, der Kapitalismus, sich überlebt hat, daß seine Entwicklung zum Stillstand gekommen und in den Zustand der Auflösung getreten ist. Er bemerkt die Zuspitzung der Gegensätze in der kapitalistischen Gesellschaft, die Konzentration des Kapitals, des Vermögens auf der einen Seite, auf der anderen das rasche Anwachsen des Proletariats, und ahnt in diesem sich anspannenden Gegensatz die Gefahr der Explosion. Im Proletariat aber erkannte er nicht, und konnte auch nicht die neue geschichtsformende Kraft erkennen. Deshalb hält er zur Milderung der gesellschaftlichen Mißstände — was er auch in seinen Zeitungsartikeln als Beispiel anführt — die bürgerlichen charitativen Betätigungsformen, die elendmildernden Aktionen für richtig.¹²

Wenn er auch die Schattenseiten und Widersprüche des Kapitalismus sah, kämpfte er als praktischer Politiker — der den heimatlichen Gegebenheiten Rechnung trug und innerhalb dieser auch mit den geschichtlichen Bedürfnissen der Slowaken im reinen war — für die auch die nationalen Bedürfnisse befriedigende bürgerliche Umgestaltung. Als Denker jedoch suchte er jene Wege, auf denen, wenn auch in weiter Ferne, die ideale menschliche Gemeinschaft zu erreichen sei, eine gesellschaftliche Einrichtung, die frei von den Mißständen und Fehlern der westlichen Welt ist. Der in die Zukunft blickende Denker fand sich so den utopistischen Lehren gegenübergestellt. Die praktische politische Betätigung und das die Zukunft formende Denken sind voneinander natürlich nicht unabhängig. Von den Sorgen der Gegenwart beeinflusst ist z. B. Štúrs Auslegung der nationalen Frage, indem er die slowakischen nationalen Interessen vor die gesellschaftlichen Aufgaben setzt. Und umgekehrt: auch die utopistischen Wirkungen spielen bei den politischen Aufgaben der Gegenwart eine Rolle. Nicht nur als inhaltliche Elemente, sondern auch als anschauliche, ja stilformende Faktoren. Häufig wirken sie mit einer aus der Form strahlenden Kraft und verleihen den Zielen des Tages Nachdruck, Farbe, tieferen Klang. Im Lebenswerk Štúrs hinterließ der Utopismus von Lamennais vor allem solche Spuren. Nach der Voraussetzung der slowakischen Literaturwissenschaft hatte Štúr die Lehren von Lamennais in Halle kennengelernt,¹³ und zwar in den Jahren zwischen 1838—1840. Zur Aufnahme dieser Wirkung machte ihn das schon früher erwähnte grundlegend religiöse, genauer christliche Gepräge seiner Weltanschauung empfänglich. Für Štúr erschöpft sich die Religion nicht in der Rezeption der Glaubenssätze und in ihrer Ausübung im Rahmen einer kirchlichen Institution. Bei ihm besitzen die christlichen Lehren weltliche, gesellschaftliche Geltung und Funktion. Er sieht darin eine Kraft, die fähig ist, das gesellschaftliche Leben umzuformen, die Ungleich-

¹² ŠTÚR, Dielo I, 91

¹³ M. PIŠŮT, Literárne štúdie a portréty . . . 71

heit, die Unterdrückung aufzuheben und auf Erden die Bedingungen für ein glückliches Leben zu schaffen. Diese praktische — in ihrer Art utopistische — Religionsauffassung mit gesellschaftlichem Aspekt zeigt eine unmittelbare Verwandtschaft mit der Anschauung von Lamennais. Der Verfasser des Werkes »Paroles d'un Croyant« erwartet von der christlichen Liebe, daß »alle Familien sich zu einer Familie und alle Nationen sich zu einer einzigen Nation vereinigen«. ¹⁴ Im wesentlichen gelangt Štúr in einer seiner geschichtsphilosophischen Studien zu der gleichen Schlußfolgerung. ¹⁵ Darin erklärt er, daß das Christentum »die Religion der vollständigen Freiheit« sei, die aller Knechtschaft ein Ende bereite, und zwar auch in gesellschaftlicher Beziehung, weil sie verkünde, daß »alle Menschen Brüder sind«, »Kasten nicht duldet«, die Frauen befreie, »aus der Kirche in das Leben hinaustritt und dieses umgestaltet«.

Wenn Štúr aus Halle sein Interesse für die Lehren des französischen Priesters mit sich brachte, konnte er daheim neue Anregungen in dieser Richtung empfangen. Wir denken nicht nur an die Neugierde der Lamennais-Leser unter den ungarischen Intellektuellen. Viel mehr an solche Beispiele wie das von Havlíček Borovský, der den Versuch machte, die »Worte eines Gläubigen« in die tschechische Sprache zu übersetzen, ¹⁶ und der als Sohn des für die Freiheit kämpfenden Brudervolkes mit Štúr in freundschaftlicher Verbindung stand. Auch diese Umstände erklären die starke Wirkung von Lamennais, die in der »Starý a nový vek Slovačů« betitelten Arbeit Štúrs wahrgenommen werden kann. Diese Arbeit ist — ihrem Titel entsprechend — wohl eine geschichtliche, aber keine wissenschaftliche. Ihr Ziel ist die Popularisierung, bzw. mit Hilfe gewisser geschichtlicher Kenntnisse die politische Aufklärung. Ihr Ton ist der eines auf das Denkniveau einfacher Menschen eingestellten Volkserziehers, der die Geschichte, seinen politischen Absichten gemäß, in romantischer Einstellung, in religiösem und nationalistischem Geist erklärt. Der ungarischen Suprematie gegenüber ist er natürlich bestrebt, die Überlegenheit der Slowaken nachzuweisen. Die aus den Ansprüchen der praktischen Politik hervorgegangene Arbeit hat sowohl von inhaltlich-gedanklichem wie auch stilistisch-formalem Gesichtspunkt aus zahlreiche gemeinsame Züge mit den »Worten des Gläubigen«. Das gesellschaftliche Glück wird in beiden Werken mit dem Gottesglauben, mit der religiösen Seeleneinstellung verbunden; beide Werke betonen die gegenseitige Liebe, die Wichtigkeit des Dienens, das geschwisterliche Verständnis. Beide verkünden, daß die Liebe der Unterdrückung und der Armut ein Ende setzen wird. Verwandt ist auch ihre Art zu schreiben: sowohl bei Lamennais als auch bei Štúr herrschen gleichermaßen lyrische Stimme und Vortragsweise. Gemeinsam sind ihnen zahlreiche Sprachmittel, die Gefühle, die Vorstellungskraft des Lesers bewegen sollen, wie die Vision

¹⁴ Paroles d'un Croyant. Paris 1899, XXIV

¹⁵ Štúr. Dielo II, 176—193

¹⁶ M. Pršút, Literárné štúdie . . . 71

(Štúr ruft den Geist der Ahnen an), die Parabel (das Gespräch Štúrs mit dem Bauersmann darüber, wem der Acker gehöre, die Geschichte des sterbenden Bauern usw.). Am auffallendsten ist die formale Übereinstimmung im Schlußteil des Werkes von Štúr: dieser ist beinahe die Paraphrase eines Kapitels von Lamennais. Die Konstruktion der lyrisch gestimmten, mit Gedankenrhythmen aufgebauten, strophenartigen Einheiten: — Frage — Antwort — die nachdrücklich bekräftigende Antwort des Fragestellers — und die rhythmische Wiederholung der Strophen, all dies verrät vollständige formale Übereinstimmung und unmittelbare Wirkung. Der Unterschied besteht nur darin, daß die Aussagen von Lamennais sich im allgemeinen im gesellschaftlichen Kreis bewegen — der angesprochene junge Soldat zieht für die christlichen Ideale in den Kampf — dagegen spricht Štúr nur von den slowakischen nationalen Sorgen, während er mit den das slowakische Leben symbolisierenden, über dem Tatra-Gebirge quellenden Wolken ein Zwiegespräch führt. Zur Veranschaulichung sei je ein Abschnitt aus den zwei Werken erwähnt. Lamennais beginnt das 36. Kapitel der »Paroles d'un Croyant« wie folgt:

»Jeune soldat, où vas-tu?
Je vais combattre pour Dieu et les autels de la patrie.
Que tes armes soient bénies, jeune soldat.«

Štúr:

»Nad čím smúтите, vy rozložené po Tatrách, horách slovenských mraky temné?
Nad smutným stavom obyvateľov ich, mládenče!
Spravodlivý je smútok váš, mraky temné!«¹⁷

Solche offenkundigen und unmittelbaren Wirkungen würden es natürlich machen, daß der eine außergewöhnlich aktive literarische Tätigkeit entfaltende Štúr sich auch auf jene utopistischen sozialistischen Theorien und Autoren beriefe, denen sich im gegebenen Falle sein Gedankengang angeschlossen hat. Hiervon ist aber keine Rede. In seinem ganzen Lebenswerk — angenommen seine im Jahre 1854 entstandene große Studie »Slovanstvo a svet budúcnosti« — kommt der Name von Saint-Simon — genauer der Name der nach ihm benannten französischen Frauenbewegung — nur ein einziges Mal vor, und zwar in der Rezension einer serbischen Liedersammlung.¹⁸ Hier lehnt er, sich mit der Emanzipation der Frauen beschäftigend, die dafür organisierten Bewegungen ab, weil die Verwirklichung ihres Programms nur »Verwirrung verursacht und die Zersetzung des Wohlstandes der Familie herbeiführen kann«. Auch seine in mehreren Bänden herausgegebene reiche Korrespondenz erwähnt die bekannten Autoren der utopistischen Theorien dem Namen nach nicht. Die Ursache bzw. Erklärung dafür ist kaum in etwas anderem zu finden als in der Überlegung, daß Štúr seinen politischen Einfluß in der religiös-konservativen — hauptsächlich aus Priestern und Lehrern bestehenden —

¹⁷ ŠTÚR, Dielo II, 94

¹⁸ ŠTÚR, Dielo II, 313—317

slowakischen Intelligenz als Anhänger von »gefährlichen« Lehren nicht aufs Spiel setzen wollte. Dabei hemmte ihn auch seine eigene Weltanschauung, und bewog ihn zu einer außerordentlich kritischen und vorsichtigen Haltung. Der Wirkung dieser Lehren konnte er sich jedoch nicht entziehen. Obwohl ohne Bezeichnung der Quelle, verhüllt, doch finden sich in seiner leidenschaftlichen Argumentation in den Wortgefechten der politischen Kämpfe vor der Revolution Spuren der sozialistischen Ansichten, bald in der Form eines gedanklichen Elements, bald in der Leidenschaft, die aus den Sätzen strahlt. Es genügt hier, auf einige solche auffallenden Übereinstimmungen hinzuweisen, die zwischen den Gedanken Štúrs und einigen Gedichten Petőfis festzustellen sind. Den in dem Gedicht »A nép nevében« (Im Namen des Volkes) ausgedrückten Gedanken — über die auf gerechte Verteilung von Rechten und Pflichten basierende Gesellschaft — sehen wir in einem Vortrag Štúrs über die Geschichte der Slawen wieder: »Kdo má povinnost', musí míti právo, a naopak.«¹⁹ Hiermit verwandt ist jener Gedanke Petőfis — und Štúrs —, der die Pflichten dem Vaterland gegenüber mit dem Besitz der materiellen Güter bzw. mit der Beteiligung an den staatsbürgerlichen Freiheitsrechten verbindet. Bei Petőfi begegnen wir — unter anderem — in den Gedichten »A nép nevében« (Im Namen des Volkes), »A nép« (Das Volk) und »A vén zászlótartó« (Der alte Fahnenträger) diesem Gedanken. Eine Parlamentsrede Štúrs im Jahre 1847, zu der ihn auch Kossuth beglückwünschte, drückt den gleichen Zusammenhang aus: »Es ist leicht für jemanden von Vaterlandsiebe zu sprechen, für den und zu dessen Entzücken im Land alles bereitsteht, der seine Augen über seine großen Besitzungen weiden läßt, der nichts gibt, nur sammelt, der nicht leidet, nur genießt; der kann wahrhaftig sein Vaterland lieben, weil er in seiner Vaterlandsiebe nur sich selbst liebt« — wer aber nichts besitzt, »kann er seinem Vaterland gegenüber Liebe empfinden?«²⁰

Štúrs Orientierung in den utopistischen Ideensystemen und sein Standpunkt, im Zusammenhang mit deren einzelnen Sätzen, wurde — neben den schon öfter erwähnten weltanschaulichen Gegebenheiten — von den zeitgemäßen Aufgaben der slowakischen nationalen Politik stark bestimmt. So richtet Štúr z. B. in der Frage des Abbaus der Mauern zwischen den Nationen sowie in der Frage der nationalen Sprachen seine Auffassung (abweichend von Fourier, Saint-Simon und im allgemeinen von den westlichen Denkern, die diese Fragen nicht als für schwer lösbar ansahen) nach den heimatischen Verhältnissen. Dies ist verständlich, hat doch der zugespitzte Disput der Nationalitäten die Forderung nach nationaler Gleichberechtigung allem vorangesetzt. Deshalb ist Štúr bezüglich der erreichbaren gesellschaftlichen Einrichtungen der Meinung, daß diese Gesellschaft nicht notwendig nur eine einzige Sprache

¹⁹ Zitiert nach OSUSKÝ a. a. O. 92

²⁰ ARATÓ E., A nemzetiségi kérdés története Magyarországon [Geschichte der Nationalitätenfrage in Ungarn] 1840—1848. Budapest 1960, II, 145

und eine einzige Nation brauche. Dieser Standpunkt hält auch unausgesprochen das Recht des selbständigen slowakischen nationalen Daseins und der slowakischen Sprache aufrecht. Aber auch Štúr betont — hier in erster Linie in vollständigem Einklang mit Fourier — die Vollkommenheit der »gesellschaftlichen Struktur«, wenn er die Kraft des Staates in der richtigen Wirksamkeit der »Institutionen« sieht. Die »vollkommene Institution« sowie das Verhalten und die Anschauung der Staatsbürger in bezug auf die Gemeinschaft zusammen können das Leben verbessern.²¹

Die aus mehreren Nationen bestehende, mehrere Sprachen sprechende Gesellschaftsform (mit ihren vollkommenen Institutionen) in den politischen Zielsetzungen Štúrs bezog sich auf einen einzigen Staat, und zwar auf das mehrere Nationen umschließende damalige Ungarn. Es gibt aber einen Artikel Štúrs aus den Tagen der Revolution, der die nationalen und ungarländischen Schranken überschreitet. Der zentrale Gedanke ist auch hier die slowakische nationale Freiheit, deren Verwirklichung Štúr vom Auftreten des zaristischen Rußland erwartet. Aber die nationalen und die slawischen Interessen sind in die europäische Geschichte eingebettet. Bei Štúr sind die Begeisterung und der die Schwere der heimatlichen Verhältnisse leicht überwindende Schwung, die wir beim Überblick der Freiheitskriege der europäischen Völker sehen, ungewohnt. Es berührt uns gleichsam die Luft der zur Weltfreiheit drängenden seherischen Gedichte Petőfis, wenn wir Štúrs Worte über das kommende große Abrechnen, über das Herannahen der neuen Welt und über die organisatorische Vereinigung der frei werdenden Nationen lesen. Es lohnt sich, seine Worte zu zitieren: »Jedes Volk erhebt sich und ist im nationalen Rahmen bestrebt, seine Angelegenheiten zu ordnen und sich in Einheit zusammenzuschließen; betrachten wir die Deutschen, die Italiener, die Iren. Gebe Gott, daß sie ihr Ziel erreichen, weil nur dann die seit langem ersehnte, schwer erwartete Epoche der Menschlichkeit anbricht, wenn auch andere Völker dasselbe tun. Den ersten Beratungen werden die Kongresse der Nationen folgen und in den internationalen Angelegenheiten Beschlüsse fassen. Diesen Gedanken sprach zuerst der slawische Kongreß aus, und ihn konnten auch die deutschen Kanonen nicht unterdrücken. So lange wir so geknebelt leben, stehen wir in Europa höchstens am Beginn jenes Dramas, das dann eintreten wird. Es ist nicht zu bezweifeln, daß die rückständigen Kräfte, die sogenannte Reaktion, sich jeden Mittels bedient und alle Kräfte anspannt, um möglichst die alten Zustände wieder herzustellen. Aber dieser Versuch wird, obwohl er eine gewisse Zeit anhalten kann, auf keinen Fall lang andauern, und die Mittel, die angewendet werden, graben der Reaktion vor der öffentlichen Meinung das Grab, und werden für die Leiden des letzten Schlages reichlich Entschädigung bieten.«²²

²¹ OSUSKÝ, a. a. O. 87

²² ŠTÚR, Dielo II, 281

Hier spricht der an Seite der Prager Revolutionären kämpfende Štúr. Dem Gedanken der Weltfreiheit ist er weder vorher noch nachher so nahegekommen.

Nach dem Sturz der Freiheitsbewegungen und dem Scheitern der slowakischen Hoffnungen engt er seine Gesellschaftsbetrachtung ein, sie verliert die fortschrittlichen Elemente und wird im wesentlichen retrograd. Alle charakteristischen Züge dieser Änderung enthält seine letzte bedeutende Arbeit »Slovanstvo a svet budúcnosti«.²³ In diesem Werk umreißt er die mit der Leitung des zaristischen Rußland vereinigte ideale Gesellschaft der slawischen Völker. Seinen subjektiven Absichten gemäß entwirft er ein Programm für die nationale Befreiung der Slawen, zeichnet aber in Wirklichkeit eine Utopie. Seine Vorstellungen und Vorschläge erweisen sich nicht nur deshalb als utopistisch, weil die Geschichte eben nicht mit dem Zarismus, sondern gegen diesen, ihn zerstörend, ihren Weg ging und u. a. auch den slawischen Völkern die Freiheit brachte. Štúrs Konzeption ist eine Utopie auch deshalb, weil sie trotz ihrer Skizzenhaftigkeit ein einheitliches Gedankensystem von einer ideal erdachten Gesellschaft darstellt, in dem — mutatis mutandis — die wichtigsten Merkmale des utopistischen Sozialismus zu finden sind. Wir könnten auch sagen, daß er alles in die Sprache der Slawen »übersetzt«, was er von den westlichen Denkern gelernt hatte. Natürlich nicht buchstäblich, sondern auswählend, selektierend, unter dem Zwang seiner eigenen Weltanschauung, deren Hauptinhalt — wie wir wissen — Hegel, die Religiosität und der von Kollár stammende, aber zeitgemäß umgestaltete, messianistisch erfüllte slawische Gedanke bildeten. Aus dieser Grundstellung selektiert er aus den westlichen Lehren alles, was seiner Auffassung widersprach. Hierzu bieten die ersten Kapitel des erwähnten Werkes die Möglichkeit, weil er darin seine mit den einzelnen Erscheinungen zusammenhängende geschichtlich-philosophische theoretische Stellungnahme erörtert. Hier beschäftigt er sich eingehend mit den Schöpfern der Theorien, die die Gesellschaft bessern wollen, kommt wiederholt auf sie zurück und erwähnt Babeuf, Saint-Simon, Cabet, Fourier, Proudhon, Owen. Aus seinen Worten geht hervor, daß er nicht nur die utopistischen Theorien studiert hat. Auch über den wissenschaftlichen Sozialismus besaß er Kenntnisse: er führt auch Marx an.

Seine Einwendungen gegen die westlichen utopistischen Lehren kann man in ein einziges Wort verdichten: Kommunismus, genauer Kommunismus, wie Štúr ihn sich vorgestellt und ausgelegt hat. Wenn dieses Wort nach Zeugenschaft der Klassiker — in Europa in der Mitte des vergangenen Jahrhunderts verzerrt durch die erschrockene bürgerliche Phantasie — wie Spuk wirkt, so gehört Štúrs Vorstellung vom Kommunismus auch in diese Kategorie. Der Begriff enthält gleichermaßen reale, nicht nur utopistische Vorstellungen,

²³ E. ŠTÚR, Das Slawenthum und die Welt der Zukunft. Slovanstvo a svet budúcnosti. Bratislava 1931

sondern auch dem wissenschaftlichen Sozialismus entsprechende Merkmale, und solche Züge, die Štúr der reaktionären Pressepropaganda entnommen haben mochte, oder sich unter dem Zwang seiner eigenen bürgerlichen Einstellung ausdachte. Diese Vermengung der realen und der phantastischen Elemente eignet sich sehr, Štúrs Panik zu steigern. Dieses Gepeinigtheitsein des Gemütes, die die Urteilsfähigkeit beeinflussende Voreingenommenheit kommen in seinem Vortrag wiederholt mit leidenschaftlicher Kraft zum Ausdruck.

Bei Untersuchung der Bewegungen und der Geschichte Westeuropas gelangt Štúr, der Anschauung des klassischen Liberalismus entsprechend, zu der Feststellung, daß diese Bewegungen von der Freiheitsidee getragen waren. Diese Massenbestrebungen waren »durch nichts gezwungene«, d. h. immanente, in der menschlichen Natur liegende, zur »Freiheit, Gleichheit, Brüderlichkeit« drängende Bestrebungen. Das Ziel des Kampfes war, die »Völker von der absoluten Herrschaft der Kirche und des Staates, vom Druck der Stände, von der Geburts- und der sogenannten Geldaristokratie zu befreien«. Diese Tendenzen hält Štúr auch für richtig, er sieht im Vorgang der Ausdehnung der menschlichen Freiheit einen Fortschritt. Einwände hat er nur gegen die Durchführung. Seiner Meinung nach vermengen sich darin »das Wahre mit dem Falschen, das Erhabene mit dem Gewöhnlichen und die großen Wahrheiten mit den größten Irrtümern«. ²⁴ Wenn wir dies näher betrachten, stellt sich heraus, daß Štúrs Einwendungen sich gar nicht gegen die Methoden, sondern gegen die übertriebene Steigerung der Ausbreitung der Freiheit richten. Frankreich erwähnend, hält er es für richtig, daß man »das Volk von den untragbaren Robotleistungen befreit hat«, stimmt damit überein, daß man es »bürgerlich und politisch mit den anderen Klassen der Gesellschaft in eine Reihe stellte«. Hier aber würde er dem Vorgang Halt kommandieren. Die in den »Vermögensverhältnissen« sich verwirklichende Gleichheit akzeptiert er aber nicht. Dies hält er für Übertreibung und Unsinn, was man nur mit Hilfe »des Sozialismus und des wilden Kommunismus« zu verwirklichen versucht. Štúr ist sich damit im klaren, daß diese »antreibenden und führenden« Gedanken für die Ausbreitung der menschlichen Freiheit einsetzenden Bewegungen nicht reine Spekulation sind, sondern sich eng an die Natur der kapitalistischen Gesellschaft knüpfen, an die »teuflich schlechte Wirklichkeit«, in der »die Zahl der Armen die größte Besorgnis erregend anwächst«, auf der anderen Seite hingegen das durch die moderne Produktion angewachsene Vermögen sich in immer weniger Händen konzentriert. Die Verkümmern der Volksmassen und die Erkenntnis der Kapitalkonzentration bringen also Štúr dazu, mit dem Kommunismus als Realität zu rechnen. Um so mehr, als er sehen muß, daß er sich »im Westen schon stark verbreitet hat« und »in den arbeitenden Klassen viele Anhänger besitzt«, ja sogar im Kreise der »Aufgeklärten«. Er weiß auch, daß sich gewisse

²⁴ A. a. O. 51

Ergebnisse des Masseneinflusses der neuen Ideen in den politischen Kämpfen bereits der westlichen Länder gezeigt haben.²⁵ »England hat Owen und die Kommunisten, und dieser Gärungsstoff nimmt auch derzeit zu« — der beängstigende Gedanke kehrt also wiederholt zurück.²⁶ All dies veranlaßt Štúr, seine Antipathie gar nicht verhüllend, mit gleichsam nervösem Herumschlagen, die Argumente gegen die kommunistischen Lehren ins Treffen zu führen.

Einer seiner Haupteinwände ist, daß diese Lehren im allgemeinen die Religion ablehnen. Im Westen suchen die Gebildeten, die »Emanzipierten« und die »den Lehren von Marx und seinen Sekten« folgenden Arbeiter »in der Vernichtung der Religion das Aufblühen ihres Fortkommens«; deshalb wurde »die Religion in den Schmutz gezogen«.²⁷ Die religionsfeindlichen, atheistischen Lehren verletzen Štúr deshalb, weil die Religion, seiner Meinung nach, in der menschlichen »Geschichte einen Wendepunkt bedeutet«, den »Menschen zum Menschen machte«, und auch heute noch ein »wirkender, schaffender und bildender Geist ist«. Štúr nach ist die Religion die Grundlage der gesellschaftlichen Freiheit, ihre Vernichtung also — wie das »die Sozialisten und Kommunisten, die Sekten von Marx und ihre vielen Spießgesellen großsprecherisch verkünden«²⁸ — ein Attentat gegen die Gesellschaft ist.

Auch das Abschaffen des Privatbesitzes hält er für einen grundlegenden Fehler. Er meint, daß der Kommunismus »eine schreckliche Ungerechtigkeit« begehe, wenn er allen schon im »vorhinein einen Besitz gibt«, oder »wenigstens ein Einkommen sichert«, weil damit Ansporn, Wettbewerb, »Nächstenliebe« aufhören. Der Gemeinbesitz »macht die menschliche Gesellschaft zum Treibhaus, zur Werkstatt«, in denen jeder einzelne Mensch sich mit seiner Arbeit »mechanisch« plagt. In einer solchen Gesellschaft ist die Ernährung, das tägliche Brot das Hauptziel, was aber in einen moralischen Sumpf führt, weil sie »den Körper, das Fleisch befreit«, »der Begierde freien Lauf läßt; durch die Gleichberechtigung der Frauen wird der Weg der Unmoral, dem Egoismus, der Jagd nach Genüssen geöffnet, und schließlich wird »die Menschheit zum Tier herabgesetzt«.²⁹ In alledem ist das — durch die bürgerliche Angst verzerrte — Bild des Phalansteres von Fourier unschwer zu erkennen.

Štúr befürchtet aber nicht nur die wirtschaftlichen und moralischen Gefahren der Abschaffung des Privatbesitzes. Er ist auch deshalb dagegen, weil seiner Meinung nach damit die Abschaffung des Staates einhergehen würde. Er hält aber — als Schüler Hegels — den Staat für unentbehrlich für das Fortkommen des Individuums und der Gemeinschaft, für die Vervollkommnung des menschlichen Lebens.³⁰ Die gegen den Kommunismus betonten

²⁵ A. a. O. 79

²⁶ A. a. O. 125

²⁷ A. a. O. 65

²⁸ A. a. O. 71

²⁹ A. a. O. 76

³⁰ A. a. O. 77

drei Einwände wiederholt er auch zusammen, als er eine gedrängte — und verzerrte — Zusammenfassung von Babeufs Lehren bringt. Hier entwirft er ein schreckliches Bild von der neuen Gesellschaft, die der Wissenschaft, jeder höheren Bildung feind ist, die Bildung nur auf die elementaren Kenntnisse beschränkt, alle Großstädte zerstört, alle Menschen zur landwirtschaftlichen Arbeit zwingt, alle edlen Freuden streicht und »zum grauenhaftesten Despotismus« führt.³¹ Deshalb gehört sie zum »wahnsinnigsten Hirngespinnst, das jemals in einem menschlichen Kopf geboren wurde.«³²

Štúrs Worte zeugen von tiefster Ernüchterung. Er hat aber nicht den Glauben an die Möglichkeit der Besserung der Gesellschaft verloren, noch weniger gibt er die slowakischen nationalen Forderungen auf. Es handelt sich darum, daß er sich sowohl mit seinen gesellschaftlichen als auch nationalen Bestrebungen nach Osten wendet. Seine Enttäuschung, seine hart zurückweisende Ablehnung gelten dem Westen. Jener Lebensform, in der er die Verunglimpfung der vormals hochgeschätzten liberalen Ideale sieht: jenem Kapitalismus, in dem das ansteigende Elend von Millionen der Preis für den hoffärtigen Reichtum und den Glanz ist. Er wendet jenem Westen den Rücken, der zur Heilung seiner eigenen überhandnehmenden Krankheit nur solche Heilmethoden vorschlägt, die Štúr als unannehmbar beurteilt. Seine weitreichende, aber nicht tiefgehende Informiertheit über die europäischen Verhältnisse macht es ihm nicht möglich, die in der bürgerlichen Gesellschaft tobenden Vorgänge vollständig zu verstehen. Ihre Erschließung und wissenschaftliche Analyse — die Tätigkeit von Marx — sind nur sehr mangelhaft, vor allem aber verzerrt in die Provinzeinsamkeit Štúrs gelangt. All dies festigte nur seine seit langem ausgestaltete — von Herders Lehren und sodann von Kollár herrührende — Überzeugung, daß die Zukunft den slawischen Völkern gehöre, daß der Westen, die nichtslawischen Völker, ihre geschichtliche Rolle schon verspielt hätten. Die Initiative, die Führung gebühren dem russischen Volk, weil »die sämtlichen anderen slawischen Völker ihre Selbständigkeit verloren haben«,³³ »aus Leichtsinne oder mangels Kraft«. Die nationale Freiheit und die soziale Heilung erwartet Štúr also von der vom Zarismus gelenkten slawischen Gemeinschaft.

Die Details der Theorie dieser slawischen Utopie hat er nicht ausgearbeitet, aber auch seinen skizzenartigen Bemerkungen sind die Umrisse zu entnehmen. Aus diesen geht hervor, daß er von den abgelehnten westlichen utopischen Lehren alles oder beinahe alles beibehält, was zum prinzipiellen Kern dieser Lehren gehört. Er verengt höchstens den Gültigkeitskreis dieser Lehren auf die Gemeinschaft der slawischen Völker. So wird er zum östlichen Sprecher der »Weltmonarchie« Saint-Simons, deren verkleinertes Abbild in

³¹ A. a. O. 78

³² A. a. O. 76

³³ ŠTÚR, Dielo II, 280

der Konzeption Štúrs das vom Zaren geführte slawische Reich ist. Innerhalb dieses Reiches stürzen die Mauern zwischen den Nationen, wie dies von den westlichen Utopien gewünscht und verkündet wurde. Hier verwirklicht sich — in Štúrs Vorstellung — auch die Forderung nach der gemeinsamen Sprache der Nationen, weil im Sinne des Vorschlages die Völker des utopistischen slawischen Reiches als gemeinsame literarische Sprache — wegen der vielen Vorbereitung allerdings in weiter Ferne — die russische Sprache benützen.³⁴ Der allgemeinen Brüderlichkeit wird in dieser Gesellschaft die gemeinsam geübte prawoslawische Religion dienen. Vergebens verurteilte Štúr mit so verachtenden Worten den Kommunismus Babeufs, er schöpfte dennoch aus diesen Lehren den wichtigsten Gedanken der politischen und der wirtschaftlichen Gleichheit zur Ausschaltung der gesellschaftlichen Mißstände. Wie wir feststellen konnten, sah er zur Verwirklichung hierfür im Westen keine Möglichkeit. Wohl aber in seiner slawischen Utopie. Die Verbürgerung für die politische Gleichberechtigung und die gesellschaftliche Gleichheit entdeckt er in der russischen Dorfgemeinschaft, der sogenannten *Obščina*, die fähig sein wird, die ihr ansonst fremden, vom Westen übernommenen Klassengegensätze aus der Welt zu schaffen. Im zaristischen Rußland fand er auch das Beispiel für die Verwirklichung der wirtschaftlichen Gleichheit — in der Form des landwirtschaftlichen Artels —, das laut Štúr frei von jenen Fehlern ist, die die »Treibhäuser« des westlichen Kommunismus charakterisieren, und deshalb allein geeignet ist, die Armut, das wirtschaftliche Ausgeliefertsein abzuschaffen. Štúr glaubte daran, daß diese patriarchalischen Gemeinschaftsformen sich auch unter den Umständen der modernen Produktion bewähren, da sie wirksamer, zweckmäßiger sind als die westlichen Vorschläge über die idealen Gemeinschaften, Arbeitsvereinigungen. Deshalb schreibt er mit Überzeugung: »Diese beiden Organisationsformen lösen bei uns alle sozialen Mißstände, zu deren Heilung im Westen jede Kraftentfaltung vergebens ist.«³⁵

So verpflanzt Štúr die früher noch für lebensunfähig gehaltenen Lehren in seine eigene slawische Welt und schreibt ihnen eine gesellschaftsbeglückende Kraft zu, nachdem er sie mit den Hauptkomponenten seiner Weltanschauung: mit der Religiosität, mit dem slowakischen Nationalbewußtsein und der Staatstheorie in Einklang gebracht hatte. Der betonte slawische Charakter zwingt die Gültigkeit der Vorstellung nur scheinbar zwischen Schranken. Aus der Logik von Štúrs Gedankengang folgt, daß die gesellschaftliche Sendung der slawischen Völker — die Führerrolle an der Spitze der Völker der Welt — die hier vorgestellte gesellschaftliche Einrichtung zu allgemeiner Gültigkeit erhebt und ihr den Rang eines auf der Welt zu befolgenden Beispiels verleiht. Und auch der Autor selbst läßt keinen Zweifel darüber, daß sein Programm über den Kreis der slawischen Völker hinausblickt. Unter den Schlußgedanken

³⁴ ŠTÚR, Dielo II, 288

³⁵ Vgl. *Dejiny slovenskej literatúry*, II. Bratislava 1960, 378

seines Werkes können wir lesen: »Letzten Endes handelt es sich um die ganze Menschheit, deren Mitglieder — zusammen mit allen anderen Nationen — auch wir sind.«³⁶

Es wäre eine besondere Aufgabe zu untersuchen, weshalb Štúr seinen Blick auf das reaktionäre zaristische System richtete, weshalb er nicht mit Herzen, Belinskij, der Richtung der revolutionären Demokraten, Verbindung suchte. Seine verfehlte Orientierung entspringt der gleichen Wurzel wie seine Utopie: beide sind Manifestationen seiner Anschauungskrise. Von der trostlosen Wirklichkeit der fünfziger Jahre, die ihn umgab, wandte er sich immer mehr ab und begab sich in die Welt der Träume. Deshalb wurde aus der dem Reformprogramm der nationalen Freiheit und der Gesellschaftsform zugeordneten Schrift — entgegen der wohlgemeinten Absicht des Autors — eine Schöpfung, die zusammen mit den ihr zugrundeliegenden, reaktionären gesellschaftlichen Kräften, ihren geschichtlichen Wert schon längst eingebüßt hat.

II

Der bedeutendste Vertreter des revolutionär-demokratischen Flügels der von Štúr geführten slowakischen nationalen Bewegung ist Janko Král. Man pflegt ihn, nicht ohne Grund, auch den Petőfi der Slowaken zu nennen. Das Revolutionäre ihrer Dichtung und ihre aktive Teilnahme an den Massenbewegungen berechtigen zu diesem Vergleich.

In den grundlegenden Fragen — wie nationale Gleichberechtigung, Abschaffung der feudalen Verhältnisse, Schaffung der slowakischen literarischen Sprache — stimmte der Standpunkt Králs mit dem Štúrs überein. Bezüglich der idealen Gesellschaft ging er jedoch einen individuellen Weg. Hauptsächlich wich er aber in bezug auf die Behebung der Mißstände und die Schaffung der neuen Gesellschaft von der Meinung des Führers der Schule ab. Seine Abstammung, seine Klassensituation, seine Lebensweise, die ihn formenden Eindrücke usw. erklären diese Abweichung. Diese Abweichung führte jedoch niemals zur offenen Opposition oder gar zum Bruch. Die starke Betonung der slowakischen nationalen Interessen ließ die zwischen ihnen bestehenden Gegensätze nicht zuspitzen. Um so weniger, als diese nur stufenweise, gleichzeitig mit der Entstehung der revolutionären Lage offenkundig wurden.

Während seiner Studien in Preßburg gehörte Král noch zu Štúrs unmittelbarer Umgebung. Sein Name steht an erster Stelle in jener Eingabe, die von der gegen Štúrs Absetzung protestierenden slowakischen Jugend an Bischof Joseffy und andere Personen des öffentlichen Lebens gerichtet wurde.³⁷ Auch Štúr selbst verfolgte das Schicksal des talentierten jungen Mannes mit

³⁶ ŠTÚR, Dielo II, 291

³⁷ Listy Eudovíta Štúra. Bratislava 1956, II, 10

besonderer Aufmerksamkeit, er begrüßt ihn in mehreren Briefen mit persönlicher Ansprache und sandte ihm auch Botschaften.³⁸ Um 1845 trat jedoch eine bemerkbare Entfernung zwischen Král und den Führern der Bewegung, hauptsächlich Štúr ein. Einer dieser Gründe, und zwar von Konsequenz war, daß Králs sich entfaltende Lyrik, ihr stark subjektiver Ton, der schrankenlose Gefühlsschwung des Dichters der ästhetischen Auffassung und dem Geschmack Štúrs nicht entsprachen. Auch spielte darin mit, daß die Führer der Bewegung in ihren Blättern von Králs Schöpfungen verhältnismäßig wenig publizierten. Es kam auch zu keinem Versuch, die damals ihrem Umfange nach schon bedeutende dichterische Produktion, in einem Band gesammelt, herauszugeben. Dabei wäre dies auch bei der Festigung der durch Štúr und seinen Kreis vertretenen neuen literarischen Sprache von Bedeutung gewesen.³⁹ Der wirkliche Grund des Abrückens lag jedoch tiefer, und zwar in der Änderung der Gesellschaftsbetrachtung Králs, in der Radikalisierung seiner politischen Auffassung.

Vom Jahre 1845 an lebte er in Pest in einer Umgebung, die sich auf seine politische Entwicklung günstig auswirkte. Sein Arbeitsgeber, der Rechtsanwalt Vrchovský, las Byron, war auch ein in der Literatur bewandertes, gebildeter Mann und hielt in weitem Kreise Verbindungen nicht nur mit den Führern der slowakischen Bewegung, sondern auch mit der ungarischen Opposition aufrecht. Král liest, informiert sich, studiert nicht nur die Geschichte Pugačovs und Stepan Razins,⁴⁰ sondern ist bestrebt, sich auch im ungarischen Leben, in der immer reger pulsierenden geistigen Atmosphäre der ungarischen Hauptstadt zurechtzufinden. Sein Brief über die Eindrücke der ersten Monate in Pest lobt gerade dieses Pulsieren, die von Problemen gespannte, zu Taten anregende Luft und stellt diese der »erstarrten, tatenlosen« Welt im Liptauer Komitat gegenüber. Sein Brief läßt darauf schließen, daß er auch mit ungarischen Schriftstellern Umgang pflegt, die einige seiner in ungarischer Sprache geschriebenen Gedichte mit Anerkennung aufnahmen. Diese Begegnungen dürften in ihm die Überzeugung gefestigt haben, daß »eine Trennung von den Ungarn sinnlos« wäre, und daß man mit ihnen zusammen arbeiten müsse, um auf diesem Wege die Anerkennung der Slowaken zu erreichen.⁴¹

Der Forschung ist es bis heute nicht gelungen, die Umstände von Králs Aufenthalt in Pest zu klären. Aus dem Zusammenhang der außerordentlich spärlichen Angaben müssen wir jedoch daran denken, daß die Wirkung seiner Umgebung, seiner persönlichen Verbindungen, seine zu dieser Zeit erfolgte Reise im ungarischen Tiefland, die häufigen Besuche in seiner Heimat wie auch seiner Lektüren, damals seine revolutionäre Anschauung festigten und end-

³⁸ Listy II, 38, 95

³⁹ M. PIŠŮT, Janko Král 37

⁴⁰ R. BRTAŇ, Štúrovci a ruská literatúra: Slovenské pohľady 72 (1956) 1–2: 138

⁴¹ Listy II, 379

gültig formten. Damals wurden ihm wohl auch jene vorsichtig verbreiteten Anschauungen bekannt, aus denen er seine revolutionäre Begeisterung und seine utopistischen Gedanken schöpfte. Hierauf weisen auch die unruhige Lebensweise — die auffallende Verschlossenheit, die tagelang währende, häufige Abwesenheit, das Heimkehren zu später Nachtstunde, das von Vrchofský beobachtete Manuskriptverbrennen —, worüber Jan Botto berichtete.⁴² Auch seine engste slowakische Umgebung bestand aus Personen wie Stefan Daxner, der mit ihm zusammen Jus studierte und der selbst über die gesellschaftlichen Einrichtungen an Lamennais erinnernde Ansichten vertrat, als er verkündete, daß der reine Demokratismus die ganze Gemeinschaft als eine Familie betrachtet und weder einen Rotschild noch einen Bettler kennt.⁴³ Daxner hingegen war ein guter Freund jenes Francisci, der nach einem seiner Briefe, im Leben der Nation eine »schicksalhafte Wendung« erwartet, eine Änderung, wobei »auf den Ruinen der alten Welt eine neue Welt entsteht, in der die ewige Gerechtigkeit die Könige und Herren verjagen wird, deren Platz Gerechtigkeit und Liebe einnehmen werden.«⁴⁴ Alldem können wir jene nicht grundlose Folgerung der slowakischen Forschung beifügen, daß Král — über Daxner — auch auf Francisci und andere einen Einfluß ausgeübt hat; er hatte also einen Kreis, in dem er bestrebt war, seine Ansichten zu verpflanzen.⁴⁵ Er war bemüht, daß diese Ansichten zur Verwirklichung gelangen, d. h., daß Král mit seinen eigenen Mitteln, in den Grenzen der Möglichkeit, auch eine organisatorische Arbeit verrichte. Deshalb läßt er — in einem an einen Freund gerichteten Brief — dem in die Provinz übersiedelten Daxner sagen, er möge mit der Popularisierung ihrer gemeinsamen politischen Ansichten beginnen. »Sagen Sie Daxner — lautet Králs Brief — er möge schon etwas unternehmen, sagen Sie ihm, daß unsere Ansichten, wenn sie unter den Slawen auch einen kleinen Widerstand auslösen, dennoch, wie auch ich selbst die Erfahrung machte, »gegen den toten Wahlspruch des gesamtlawischen Prahlers« sehr leicht siegen werden.«⁴⁶ Der Hinweis auf die eigenen Erfahrungen beweist, daß er nicht nur bemüht war, seine Freunde und Bekannten zur Tat zu bewegen, sondern auch — während seiner häufigen Provinzreisen — selbst Agitations- und Organisationsarbeit geleistet hat. Und zwar nicht ohne Erfolg. Der Brief Viliam Pauliny-Tóth's spiegelt getreu die Stimmung, die nach solchen Besuchen Králs in den Heimen der slowakischen Intelligenz in der Provinz zurückblieb. Bei der Betrachtung des Briefschreibers, in seinen die Armut des slowakischen Volkes beklagenden Worten und in der »irgendeine mehr historische Tat« urgierenden Ungeduld ist es unmöglich, nicht die Wirkung der in Králs Gesellschaft verbrachten wenigen Tage wahrzunehmen. Die gesellschaftlich-nationale

⁴² M. Pišút, Janko Král 150

⁴³ Vgl. M. Pišút, Literárne štúdie 76

⁴⁴ Vgl. M. Pišút, a. a. O. 74

⁴⁵ M. Pišút, a. a. O. 76

⁴⁶ Vgl. J. Král, Súborné dielo. Martín 1952, 9

Unruhe des Briefes würde auch dann die Aufmerksamkeit auf weitere Zusammenhänge lenken, wenn der Briefschreiber nicht den Schlüssel zur Lösung gäbe: »Vor kurzem war Král hier, der ist aber wirklich schrecklich liberal, wir haben uns mit ihm einige Tage großartig unterhalten.«⁴⁷ Dem haben wir nur noch hinzuzufügen, daß diese Gasterei von einigen Tagen in Pribelce (Komitat Hont) stattfand und dieser Gesellschaft auch der Lehrer Rotarides angehörte, der nach einigen Monaten — Ende März 1848 —, zusammen mit Král, die slowakischen armen Bauern gegen die Herrensitze anführte.

Die Darstellung der Beschwerden der entrechteten Dorfbevölkerung und statt schöner Worte die Forderung zur Behebung dieser Mißstände durch mutiges Auftreten, die Verkündung dieser Politik: dies war Králs »neues Prinzip«, das er auch von den Führern der slowakischen Bewegung forderte. Diese Politik wollte er den »prahlerischen und toten« Wahlsprüchen des Panslawismus gegenüber zum Sieg verhelfen, diese forderte er von Štúrs Blatt »Narodnje novini«. Er kritisierte hauptsächlich scharf den friedfertigen, vorsichtigen Ton der Leitartikel, er drohte, falls das Redigieren nicht kühner und fester werde, zusammen mit seinen Freunden dem Blatt den Rücken zu kehren.⁴⁸ Dies weist darauf hin, daß sich um Král tatsächlich eine Gruppe bildete, deren Mitglieder die politischen Fragen auf gleiche Weise beurteilten, u. a. auch die Richtlinien der Presse Štúrs. Das außerordentlich gereizte Reagieren Štúrs — er beschuldigt Král des Sektierertums, der Gottlosigkeit und der Unwissenheit — zeugt davon, daß er die Zielsetzungen der slowakischen nationalen Bewegung, seines eigenen Programms durch das Auftreten der »Gottlosen« gefährdet sah. Er betont vergebens, daß sich um »solche unwissende Sektierer niemand kümmert«, seine Leidenschaften verraten tiefste Besorgnis. Der Konflikt entstand um das Redigieren des Blattes, die Partner vertraten jedoch im wesentlichen zwei einander gegenüberstehende politische Auffassungen. Hierauf weist auch, daß Král zwei Jahre später — dann im Zusammenhang mit Hodža — seiner Unzufriedenheit wieder wegen der Stagnation der Politik Štúrs und wegen der in Nebel des »religiös-christlichen Mystizismus« betrachteten nationalen Zukunft Ausdruck verleiht. Die fruchtlose Träumerei — anstatt der er eine tapfere Tat fordert — bezeichnet er als »Mißbrauch des nüchternen Verstandes und Denkens.«⁴⁹

Man kann damit nicht einverstanden sein, daß zwischen Král und der Führung der Bewegung (und innerhalb dieser hauptsächlich zwischen ihm und Štúr) »im Wesentlichen ein taktischer« Unterschied bestand.⁵⁰ Ihre Auffassung, ihre politischen Anschauungen und Methoden wichen prinzipiell voneinander ab. Štúr drückte in erster Linie die Interessen der sich ausgestaltenden Bour-

⁴⁷ Vgl. M. Pišút, a. a. O. 75

⁴⁸ Listy II, 102

⁴⁹ Vgl. M. Pišút, a. a. O. 73

⁵⁰ M. Pišút, a. a. O. 74

geisie aus und kämpfte dementsprechend für die bürgerliche Umgestaltung, jedoch innerhalb gesetzlicher Rahmen, dem liberalen Weg der gesellschaftlichen Reform folgend. Die Revolution lehnte er ab. Demgegenüber ist die Politik Králs prinzipiell anders, weil sie eine auf den bewaffneten Aufstand der Volksmengen beruhende revolutionäre Politik ist. Diese Richtung will nicht mehr von oben herab, ohne Störung der Klasseninteressen der Grundbesitzer, sondern gestützt auf das Volk, das bewaffnete Dorfproletariat den Feudalismus stürzen.⁵¹ Im Gegensatz zwischen Štúr und Král spielte die persönliche Empfindlichkeit gewiß eine Rolle, ebenso die abweichende Auslegung des Verhältnisses zu den Ungarn und die Verschiedenheit der ästhetischen Anschauung. Das Wesentliche liegt dennoch im grundlegenden Unterschied ihrer politischen Überzeugung, in ihrem Standpunkt bezüglich der Art der bürgerlichen Umgestaltung, im Gegensatz von Liberalismus und Revolution. Der Unterschied in ihrer politischen Auffassung offenbart sich auch in ihrer Volksbetrachtung. Es ist bezeichnend, während Štúr sich darüber den Kopf zerbricht, »ob denn aus diesem Volk dennoch etwas werden könne«, verwahrt sich Král, der auf das Volk vertrauende, den Umschwung vom Auftreten der bewaffneten Massen erwartende Revolutionär, beleidigt bei Štúr dagegen, daß dieser das Volk »nichts-nützig« nennt: obwohl dieser Ausdruck von Král seinem Gegner nur zugemutet wurde.⁵² Der Revolutionär hat die Worte des zweifelnden Reformers und liberalen Politikers nicht dem Buchstaben, sondern dem Sinn nach aufgefaßt. Und wahrscheinlich hatte er recht.

Vor dem März 1848 zeigten ihn nur seine Worte als einen Revolutionär. Nachher auch seine Handlungen. Nach Vermutungen und Familienüberlieferungen war Král bei den Pester Ereignissen des großen Tages (15. März 1848) zugegen. Er sah die Zeit für die revolutionäre Erhebung auch unter den slowakischen Bauern für gekommen. Zehn Tage nach dem Auftreten Petőfis und seiner Freunde organisierte er schon im Komitate Hont, zusammen mit Rotarides, die Bewegung der Bauern. Er informierte seinen Freund eingehend über die Wiener und Pester revolutionären Ereignisse, über die Befreiung von Táncsics, die Beschlagnahme der Presse. Er zeigte ihm das von Pest mitgebrachte Flugblatt mit den zwölf Punkten.⁵³ Innerhalb von 2–3 Tagen — bis sie verhaftet wurden — haben sie die Bauern von 5–6 Dörfern mobilisiert, überall Versammlungen abgehalten, auch die Forderungen, die über die März-Gesetze hinausgingen (im Interesse der Kleinhäusler, über den Weinzehent, die Benützung der Wälder und Weiden usw.) betont. Die armen Bauern zogen die Grenzpfähle zwischen ihren Weiden und jenen der Herren heraus. Sie begannen die Abholzung der früher ihnen gehörenden, nun von

⁵¹ R. Roško, Janko Král — revolucionár a utopický socialista: Slovenský filozofický časopis XII, 3:235

⁵² Listy II, 380

⁵³ Dokumenty k slovenskému národnému hnutiu 1848–1914. Bratislava 1962, 20

den Grundbesitzern benützten Wälder, besetzten das Wirthaus, verbrannten die Urbarien und zogen schließlich mit Totenkopffahnen, beritten und bewaffnet, mit Schreckschüssen zu den Höfen der Grundbesitzer. Aber auch der Dichter blieb nicht hinter dem Revolutionär zurück. Král deklamierte vor den versammelten Bauern sein unter dem Eindruck der Pester Ereignisse geschriebenes revolutionäres Gedicht »Krajinská pieseň«. Mit alledem unterschied er sich aber nicht allein von der Politik Štúrs, nunmehr indem er die früheren Gegensätze der Ansichten in Taten umsetzte, sondern geriet auch mit den ungarischen Vertretern der liberalen Reformpolitik, mit der adeligen Komitatsverwaltung in Gegensatz. Für seinen revolutionären Mut zahlte er mit monatelangem Kerker.

Aufgrund seiner Erklärungen, seiner Haltung, der biographischen Tatsachen wie auch der Mitteilungen seiner Zeitgenossen, entfaltet sich vor uns das Bild eines Mannes, der der feudalen Gesellschaftsordnung gegenübersteht, in erster Linie jenen Verfügungen, die die Massen der armen Bauern belasten. Er wollte irgendeine neue Welt ohne Herren, er drängte auf eine Umgestaltung und glaubte, diese durch die revolutionäre Tat erreichen zu können. Über diesen Menschen berichtet auch das erhalten gebliebene dichterische Lebenswerk: so sehr nur über den Sorgen und Nöte der Völker als seine eigenen ansehenden, betont politischen Dichter, daß seine Hinterlassenschaft das vollständige öffentliche Leben selbst ist. Ein anderes Thema, etwas anderes zu sagen, hat er nicht. Er ist erfüllt mit dem öffentlichen Leben in dem Maße, daß seine Gedichte seine abweisende kritische Stellungnahme der Gesellschaft seiner Zeit gegenüber zum Ausdruck bringen, die für glücklich gehaltene — utopistische — Lebensform heraufbeschwören und in ganzen Reihen von Visionen und Bildern auf den großen Umschwung, auf die bewaffnete Abrechnung mit den Unterdrückern, auf die Revolution hindrängen.

Schon seine allerersten Gedichte enthalten die Sehnsucht nach der Freiheit, die Verwahrung gegen jede Variation der gesellschaftlichen Unterdrückung. In den noch als unreif geltenden, den Tod Svatopluku beweinenden Distichen begegnen wir schon Zeilen, die den Gedanken der allgemeinen menschlichen Freiheit verkünden, und vier Jahre vor dem Erscheinen des Petöfi-Gedichtes »A farkasok dala« (Das Lied der Wölfe) die Freiheit des Elends vor den mit der Knechtschaft gepaarten Wohlstand stellen. Das abstrakte Freiheitsideal vertiefte sich dann — parallel mit dem Erkennen des Lebens, des Alltags, der in der Folklore ausgedrückten Anschauung und Gefühlswelt des slowakischen Volkes — zur konkreten Gesellschaftskritik, zum Ausdruck des Gegensatzes zwischen Volk und Herren. Dies spricht — um nur einige Beispiele anzuführen — aus dem Gedicht »Verbovaný«, worin das Schicksal des zu den Soldaten gegangenen Burschen beklagt wird (čí to má vždy tak byť, ako dosiaľ bolo), oder in Balladen wie die vom getöteten Burschen (Zabítý: tak sa biednym ľudom na tomto svete vodí) oder in »Pán v trní« usw.

Über die politische und gesellschaftliche Anschauung Králs verrät dennoch das meiste der unter dem Titel »Dráma sveta« bekannte, aus etwa 70 Stücken bestehende Zyklus, der mit seiner umfassenden Konzeption das vollständige Bild der feudalen Gesellschaft zu entwerfen will. Die im Zyklus erscheinenden Gestalten verkörpern die in der Welt kämpfenden guten und bösen Kräfte. Ihr Zusammenstoß wird dann den »allgemeinen Sturm«, die große Wende bedeuten, womit — nach Králs Meinung — für die in Finsternis lebende Menschheit der ersohnte Morgen anbrechen wird.

Der statt der begrifflichen Erörterung angewendete »allzu bildhafte Ausdruck«,⁵⁴ der nach der slowakischen Forschung die genaue Auslegung der utopistischen Vorstellungen Králs erschwert, gilt auch für die sprachlichen Mittel seiner Gesellschaftskritik. Hier werden aber durch die bildliche Ausdrucksart die kritischen Manifestationen plastischer, konkreter, und ebendeshalb auch wirksamer. Král überzeugt mit diesen Bildern, daß der geschichtlich bereits zum Tode verurteilte Feudalismus tatsächlich eine »Krypta« ist, wo Finsternis herrscht, »an den Herzen der Wurm nagt«. Es ist alles öde und still hier, »der Speicher ist leer«, »die höheren Gefühle sind gestorben«, »in dieser Welt zu leben, ist nur Pein«, wo »auch die Nationen in Knechtschaft« schmachten.⁵⁵ In der trostlosen tödlichen Stille ertönt das Wort des Dichters ungeduldig und drängend: »Kedyže vystúpi svetu jasná zora?« Auch die Arbeit wurde zu freudloser Fron. Der zum Zugtier der Gesellschaft erniedrigte Arbeiter kann aus seinem Verdienst kaum sein Leben fristen, doch das Elend kettet ihn an die Arbeitsbank (Remeselník). Demgegenüber vergeudet der junge Herr für leere Zerstreungen ganze Vermögen (Mladý pán). Der Minister — Král gab dem Gedicht sehr charakteristisch den Titel *Zlob h 'böser Geist, Kabale'* — befiehlt seinen treuen Dienern, nämlich den Teufeln, darauf zu achten, daß »das Volk die ihm zugemessenen Aufgaben erfülle«. Král beklagt in den Prosadiologen die Leiden der Bauernmassen, gibt auch den bis zum Entladen angeballten rebellierenden Leidenschaften Ausdruck. Unter diesen Prosastücken zeichnet sich das Gedicht »Jarmok« mit seinen, die Ausbeutung veranschaulichenden Bildern aus. In diesem Gedicht verurteilen die Bauern die Welt, weil sie will, »daß der Baum nie Obst trage, seine Frucht noch in der Blüte verliere, . . . die Menschen sollen nur säen aber nie ernten, . . . sie sollen das Essen kochen, aber nie davon essen, es zum Fenster hinauswerfen«. Král spricht hier das Urteil aus über jene Gesellschaftsordnung, die »vom armen Menschen unentgeltliche Arbeit fordert« und ihm als Lohn »den scharfen Säbel an den Nacken setzt«. Noch kühner lautet die Kritik an den Herren im »Žatva« betitelten Dialog, der durch Hinweise auf die Naturumgebung und die Bewegung der plaudernden Arbeiter gleichsam zum Lebensbild wird und durch die Illusion der Wirklichkeit die Sünden der Herren noch

⁵⁴ R. ROŠKO, a. a. O. 237

⁵⁵ Vyslobodenie. Hlasník národa. KRÁL, Súborné dielo 168, 473

greller erscheinen läßt. Von welchen Sünden ist die Rede? Die verschuldeten, verschwenderischen Gutsherren »ziehen dem Bauern sogar die Haut ab«, erhöhen willkürlich die Lasten der Leibeigenen, »als ob das bäuerliche Leben nichts wert wäre«, »sie banden der Wahrheit einen Stein um den Hals und warfen sie so in die Tiefe des Wassers«. Das Volk streift »nach so vielen Leiden ziellos umher wie das Vieh«, hat der Nöte und Sorgen so viel wie Haare auf dem Kopf. Für seine viele Arbeit »gehöre ihm wenigstens das Stroh, den Samen hole der Teufel«. Und auch hier steht — wie im »Jarmok« — das Bild der Klassengesellschaft, die die Arbeit und ihren Erfolg mit Gewalt voneinander trennt: »Wir haben gesät, wir haben geerntet, auch den Drusch haben wir besorgt . . . und der Lohn ist . . . Schmach und Prügelbank«.

Nichts ist bei Král natürlicher als die häufigen Bilder aus dem Bauernleben als Anschauungsstoff. Seine Dichtung entspringt im vollsten Sinne des Wortes der bäuerlichen Folklore und ihrem sozialen Inhalt. Deshalb kann die Ernte, dieses mit reichen gefühlsmäßigen und gedanklichen Assoziationen erfüllte Bild in diesem Lebenswerk nicht auffallen. Dennoch riskieren wir die Annahme, daß im Hause Vrchovskýs, der Byron las, auch Shelley nicht unbekannt war, und auch Král von letzterem hörte. Das Lied an die Männer Englands dürfte nämlich mit seinem Bildstoff und dem damit ausgedrückten Gedanken gleichsam in Králs erwähnter Schöpfung gegenwärtig sein. Wenn dem so ist, müssen wir neben Byron in Shelley, diesem für die anarchistischen Ideen und die französische Revolution begeisterten Dichter eine mögliche Quelle für die in den Pester Jahren Králs erfolgte Radikalisierung suchen.

Wenn Král mit der Gesellschaftsordnung unzufrieden ist, was würde er wohl an ihre Stelle wünschen? Sieht er in der bürgerlichen Entwicklung, also im Kapitalismus, die Zukunft oder hat er sonstige Vorstellungen? Den Kapitalismus lehnt er ab, weil er den Glauben tötet, die Menschen von der Religion abwendet, obwohl Králs Volk »die Lösung nicht in den Fäusten (in der Fabriksarbeit), sondern in Gott sucht«. »Der gottlose Farbikant, dessen Hände von den Sünden beschmutzt sind«, hat in der Kirche nichts zu suchen.⁵⁶ Er hält aber auch die Theorien der westlichen »Redner« und »Schreiber« über die »Erlösung der Welt«, über die an »gefährlichen Wunden« krankenden bürgerlichen Gesellschaft für unannehmbar. Die Autoren dieser Theorien mengen sich — der Meinung Králs nach — unbefugt in die Angelegenheiten der Gesellschaft, da auch sie »Gefangene der Finsternis« sind, so lange sie die Religion aus ihren Plänen ausschalten.⁵⁷ Und da weder die Gegenwart noch die nahe Zukunft (der Kapitalismus), aber auch die fernere (die von den kommunistischen Theorien Versprochene) Zukunft keine befriedigende Lösung bieten, wendet Král sich der Vergangenheit zu.

⁵⁶ Čo sa okolo mocete. KRÁL, Súborné dielo 280

⁵⁷ Mlčte, rečníci, pisári . . . KRÁL, Súborné dielo 279

Als ideale Lebensform akzeptiert er die patriarchalische, jene Utopie, die er aus den Träumen der einfachen Leibeigenen und Kleinbauern schöpfte. Dies ist eine Art von »kleinbürgerlichem Sozialismus«, der die modernen Produktionskräfte in die engen Rahmen der primitiveren Gesellschaftsform zwängen möchte.⁵⁸ Die Utopie Králs ist also dem objektiven gesellschaftlichen Vorgang entgegengesetzt, sie blickt nicht nach vorn, sondern nach rückwärts. An Stelle des Feudalismus will Král die primitive gemeinschaftliche Lebensform wiederherstellen. Deshalb sieht er sehnsuchtsvoll in die ferne Vergangenheit zurück, die »voll des Ruhmes und der Kraft war«, als die »höheren Gefühle« in den Herzen der Menschen noch nicht erloschen waren, auch nicht »das Feuer der erhabenen Freiheit«. »Der Ruhm verlor sich in der Vergangenheit«, und »der einzige Schatz ist diese Vergangenheit«. Die Gesellschaft muß dorthin zurückkehren, wo »es keinen Sommer, keinen Winter, keinen Herbst mit Blätterfall und keinen Frühling gibt, das Leben aber immer schön und glücklich«, »die Fußspur Gottes noch frisch sichtbar ist«. »Was vergangen ist, muß zurückkehren, es muß aus seiner Unbeweglichkeit heraustreten.«⁵⁹ In dem »Podvečer« genannten Dialog malt Král das Bild jenes patriarchalischen, idyllischen Dorfes, dessen Bewohner Bauern reinen Herzens und religiösen Empfindens sind. Die Streitfragen werden in Dorfversammlungen besprochen, die Bauern versöhnen die Gegner, entschädigen den um sein Erbe gekommenen Bruder aus einer Gemeinschaftsspende, und von Herrenschloß haben sie nur noch das böse Andenken. Im Dialog »Jarmok« ist es ebenfalls die Bauerngemeinschaft, die sich um das Schicksal der in Not geratenen Familie kümmert. In der idealen bäuerlichen Gesellschaft Králs verschwindet also das Elend, verschwinden die gesellschaftlichen Ungleichheiten, die ehrliche Arbeit findet ihren Lohn, es gibt keine Herren, nur einander brüderlich liebende Menschen, die vom religiösen Glauben gelenkt und zur Moral geführt werden. Es ist natürlich, daß eine solche Gemeinschaft weder Haß noch Klassenkampf kennt.

Es überrascht nicht, daß die Verwirklichung dieser aus der Vergangenheit neuerweckten idealen Gesellschaft den slawischen Völker zufällt. Ihre geschichtliche Sendung schafft die glückliche Zeit, aber nicht allein für sich. Die Sehnsuchten, die Vorstellungen Králs gelten nicht nur nationalen Gruppen. seine Utopie ist Gemeingut der ganzen Menschheit. Darauf weist er im Gedicht »K prorokom Sloventva«: »Nevolajte národnostou naše túžby, naše deje, lebo vás príslá budúcnosť tak ako bláznov vysmeje«. Und er fügt noch hinzu, daß der Glaube an das Anbrechen besserer Zeiten — als unzufriedenen Menschen »einander die Hände reichen« — eine neue »Weltreligion« sein, deren Anhänger, also »die ganze Menschheit« zu Gottes Lob einen Dankgesang anstimmen werden. Wann wird es zu diesen schöneren Zeiten kommen?

⁵⁸ Vgl. die detaillierte ideologische Analyse der Utopie Králs bei R. Roško a. a. O.

⁵⁹ Vyslobodenie. KRÁL, Súborné dielo 168; R. Roško, a. a. O. 239

Král gibt keine genaue Antwort: »Wenn nicht heute, dann morgen, wenn nicht morgen, dann nachher, aber sie müssen kommen, und zwar auf die Weise, daß die slawischen Völker sich erheben und die Sünde erwürgen«, die diese »so sehr geplagte Welt« zur »Hölle«, zu »Sodom und Gomorrha« werden ließ.

Die »Hölle« oder nach einem anderen Wort des Dichters das »Ungeheuer«, ist nichts anderes als die Welt Králs, das unter der feudalen und nationalen Unterdrückung leidende Dasein der Leibeigenen, Bauern. Král glaubt die Zerstörung dieser Welt durch Gewalt, Waffenkampf, Revolution zu erreichen. Und hier liegt der fortschrittliche Zug in der retrograden Utopie Králs. Aus dem naiven Träumer wurde so ein demokratischer Revolutionär. An Stelle der in seinen Werken so scharf kritisierten, vielseitig enthüllten feudalen Ordnung stellt er sich wohl eine Utopie vor, zu ihrer Verwirklichung führt aber der Weg durch Waffengewalt: dieser Gedanke ist das Wesen von Králs Auffassung.

Wir finden kaum ein Gedicht von ihm, in dem nicht zumindest in einem Hinweis davon die Rede wäre, daß es im Leben der Menschheit zu dramatischen Ereignissen kommen wird. In diesen werden die Kräfte des Guten und des Bösen aufeinander stoßen, und nach dem Blutvergießen wird für die Welt ein glückliches Zeitalter anbrechen. Der Gedanke der Revolution erscheint einmal in sinnfälligen Bildern, dann wieder in verschwommenen, blassen Anspielungen. Schon in dem als erstes geltenden Gedicht, in dem in tschechischer Sprache geschriebenen »Genius Slovanstva«, ist vom neuen »heiligen Jahrhundert« die Rede, von dem »neuen Geist, der auf die Hochmütigen niederfährt, und durch dessen Stimme alle Verdammten zu neuem Leben erwachen«. In dem erzählenden Gedicht »Výlomky z Jánošíka« schildert er die Bauern, die den Herren »mit Mistgabeln den Tod bringen«, mit großer Sympathie. Die Erwartung der Revolution manifestiert sich mit besonderer Kraft in den Stücken des Zyklusses »Dráma sveta«. Das schon mit seinem Titel viel ausdrückende Gedicht »Vyslobodenie« verkündet, daß der »Sturm alles zerstören wird«, es »keine Gnade geben wird«, denn »es gab seit dem Bestehen der Welt keine ähnlich große Sintflut«, »die Welt muß vom Ungeziefer befreit werden«. In den zur Revolution aufrufenden Gedichten kommt es häufig vor, daß Král die große Abrechnung mit dem biblischen Jüngsten Gericht verbindet und aus dessen Motivkreis die Bilder, Visionen zur Darstellung des die Welt reinigenden Sturmes schöpft (Pekelník, Fakla, Prorok). Es handelt sich dabei aber nicht um Erwartung eines Wunders, um Messianismus, sondern um einen wirklichen Waffenkampf, in dem die sich gegen die Unterdrücker angesammelte, sich entladende Leidenschaft mit elementarer Kraft aufflammt. Und abweichend von der Apokalypse, prophezeit Král nicht das Ende der Welt, sondern die Ankunft des glücklichen irdischen Daseins. An die mit »roten Fahnen« in »die Schlacht ziehenden Sklavenvölker« Petőfis erinnert uns die Bilderreihe des Gedichtes »Vidím vás strašných na

mečoch«, das uns mit dramatischer Kraft in der verhängnisvollen Stunde die zum tödlichen Ringen antretenden Mörder, und ihnen gegenüber die unterdrückten Völker veranschaulicht, die Gott und dem »funkensprühenden Stahl« vertrauen. Die Mörder suchen in beschämendem Fliehen ihre Zuflucht, über die siegreichen Völker aber erstrahlt die Sonne. Dieses Gedicht ist nur scheinbar ein Bruchstück, der innere Aufbau bildet ein geschlossenes, abgerundetes Ganzes, und ist in Wirklichkeit die Proklamation der Revolution der Bauernmassen.⁶⁰ Die gleiche Abrechnung wird durch das grauenerregende Bild am Ende des schon erwähnten Dialoges »Jarmok« verkündet. Hier dreht Král die feudale Ordnung der Gerichtsbarkeit um: er wartet auf die Zeit, wo der »Gehenkte vom Galgen fällt, zum Riesen wird und mit dem Heer der Krähen und Adler, das früher auf ihn gewartet hat, sich nun über seine Henker wirft« . . . wie auf eine Beute.

Den großen Augenblick darf auch der Dichter nicht tatenlos erwarten. Er ist der wachsame Wart, der vom Turm her verkündet: »schon zieht die Morgenröte über die Welt herauf«, »schon schlägt die Uhr zur Tagwache« (Hlásnik národa). Dies war — wie wir wissen — bei ihm keine romantische Pose. Der gleiche revolutionäre Charakter alarmierte die slowakischen Bauern des Komitates Hont gegen die Herren. Diesen kämpferischen Mut konnte weder der neun Monate dauernde schwere Kerker noch die Drohung mit der Todesstrafe brechen. Nach seiner Freilassung, als er sich an die heißen Tage und an das Gefängnis in Ipolyság (heute: Šahy) erinnert, stellt er sich stolz als Führer der Bauern, die die Sense als Waffe ergriffen, dar:

»Po celej sa varí zburenie krajine,
rozbroje vypukly práve na doline.
Lud z okolných dedín dovedna sa sháňa,
náš šuhaj vykvitol na čele povstania.
Kto sa pred ostrými nezlakne kosami?«

Der Bauernkrieg Králs ist eine gesellschaftliche Revolution, aber diese Ideologie von grundlegend sozialem Inhalt wird durch nationale und religiöse Anschauungselemente eigenartig gestaltet. Das slawische Gepräge ergibt sich natürlich aus dem von der Štúr-Schule bewußt übernommenen, zeitgemäß gestalteten Kollár-Erbe, und noch mehr aus dem Umstand, daß nach der Assimilation des slowakischen Adels — bis zur Mitte des vergangenen Jahrhunderts — die zwei Variationen der Unterdrückung, die nationale und die soziale, kaum voneinander getrennt werden konnten. Die Verflechtung der zwei Probleme ist also auch bei Král verständlich.

Der reiche religiöse Motivschatz der Dichtung Králs wurzelt tief in den gesellschaftlichen und Klassenverhältnissen. Durch seine Abstammung und seine Wanderungen im Lande, seine enge Verbindung mit dem einfachen Volk, fühlte er sich zum Bauerntum gehörend. Er machte sich nicht nur dessen

⁶⁰ R. Roško, a. a. O. 243

Sprache, dichterische Formen, sondern Anschauungen und auch Denkweise zu eigen, und auch dessen Religiosität. Seine Dichtung ist auch in dem Sinne aus dem Volk geboren, daß seine Bilder, seine Motive, seine Gesellschafts- und Weltbetrachtung zahlreiche Elemente der christlichen Religion enthalten. Es ist natürlich, daß — wie bei den slowakischen Bauern der Zeit — die kleineren und die größeren Sorgen des Alltags, die Kränkungen, die in unzähligen Formen auftretende Unterdrückung bzw. ihre Abwehr sich auch bei ihm mit den religiösen Vorstellungen, dem religiösen Empfinden und den Gewohnheiten kompliziert verflochten. Der wesentliche Gesichtspunkt der moralischen Beurteilung der in seinen Gedichten lebendig dargestellten Gestalten ist, ob sie vor dem Kreuz am Wegrand den Hut rücken oder nicht. Die Herren, die Unterdrücker, versäumen dies immer. Nie aber die Söhne des Volkes. Damit steht auch in Einklang, daß die Revolutionäre, die Propheten Králs Personen sind, die den göttlichen Willen erfüllen, deshalb haben sie häufig das Bedürfnis zu beten. Wohl ist wahr, daß die Hände der Propheten »Mistgabeln und Sensen« fassen und in den gottesfürchtigen Augen »revolutionäre Begeisterung« lodert. Aber diese zweierlei Leidenschaften, die zur Rebellion anspornende und die religiöse, schließen einander nicht aus: weder bei den Bauern noch in Králs Gedichten. In seinen Gedichten bestimmen also beide nicht nur die Form, sondern auch den Inhalt. Denn der religiöse Glaube erscheint in den gesellschaftlichen Bestrebungen nicht nur in der Erwartung von Wundern, im passiven Messianismus, sondern auch in aktiv kämpferischer Variation. Es genügt, auf die mittelalterlichen Bauernbewegungen zu verweisen. In neuzeitlicher Beziehung müssen wir an die militante Religiosität von Lamennais denken. Dies ist hier auch deshalb berechtigt, denn wenn Štúr — wie wir nachgewiesen haben — das Buch des französischen Priesters kannte, und ebenso auch andere Mitglieder der Umgebung Králs so, ist kaum zu bezweifeln, daß auch Král selbst davon Kenntnis hatte. Wenn es aber nicht so wäre, auch dann kann man nicht mit der Meinung übereinstimmen, daß in der Dichtung Králs die religiösen, biblischen Motive nur eine »formelle Rolle« hätten, als »reaktionäre Form« zum Ausdruck des fortschrittlichen Inhaltes dienten, also eine »sladký klam«, eine fromme Lüge wären, wie ein Forscher schreibt.⁶¹ Die Religion, die Gottesfurcht sind Král nach im Leben der Gesellschaft der ersehnten idealen Gemeinschaft unentbehrlich. Deshalb sichert er ihnen auch im revolutionären Kampf einen Platz.

Wie ersichtlich, besteht Králs Gesellschaftsbetrachtung aus gegensätzlichen Elementen. Sie enthält — zweifels ohne in der Mehrheit — einen fortschrittlichen Inhalt, sind doch im ganzen Lebenswerk die kühne anti-feudale Kritik und die Stimme, die zum Sturz der Grundbesitzer aufruft, vorherrschend. In diesem geschichtlichen Unternehmen wird Král ein besonders

⁶¹ R. ROŠKO, a. a. O. 244

ehrender Platz dadurch gesichert, daß er statt des liberalen Reformismus die radikale revolutionäre Lösung wählte. Es gibt aber auch in dieser Anschauung mehrere naive Träume, das illusorische Bild der idealen gesellschaftlichen Einrichtung, das mit den wirklichen geschichtlichen Notwendigkeiten nichts zu schaffen hat. Es handelt sich um eine reaktionäre Utopie, durchdrungen von religiösen Vorstellungen und romantischen slawischen Anschauungen. Aber so drückte er in dieser Widersprüchlichkeit die Wirklichkeit aus, in der sie entstanden ist. Grundlage und Quelle sind die slowakische Armut, das Leben des Leibeigenen, der Bauern, deren instinktive Rebellion gegen ihre Herren und das unerträglich, unmenschliche Schicksal; die Erinnerung an die Bauernbewegungen mit Mistgabel und Hacke, an die Jánošík-Sage und die Träumereien der Volksmärchen von dem längst vergangenen idyllischen Leben ohne Herren, an die Zeit, als der Satz galt, »sie haben kein Gesetz — ein glücklicher Mangel!« Dieses volkhafte, genauer bäuerliche Erbe ergänzte sich später und sog stärkende Kräfte aus den schwärmenden Anschauungen, utopistischen Theorien, revolutionären Ideen der Zeit, die an den Wirkungsstätten Králs, zuerst in Preßburg, dann in Pest das Leben der jugendlichen Intellektuellen erfüllten. Das Entscheidende, das grundlegend Bestimmende in der Ausgestaltung dieser Anschauung und Haltung war jedoch das Klassenerlebnis, die unmittelbare gesellschaftliche Wirklichkeit. Diese bestimmte die Grenzen des Utopistischen, sie fachte aber auch die Flamme der Revolution an. Král suchte den Weg des geschichtlichen Vorganges nicht in guter Richtung, fand aber seine bewegenden Kräfte — mit unfehlbarem Gefühl — in den revolutionären Massen. Darin liegt sein geschichtliches Verdienst.

Wenn wir nun die Anschauungen Štúrs und Králs nebeneinander stellen, fällt die Identität des Ausgangspunktes und der letzten Konklusion ihrer Gesellschaftsauffassung ins Auge. Ihr gemeinsamer Antifeudalismus mündet in die gleiche kleinbürgerliche, patriarchalische Idylle. Dennoch können wir zwischen die beiden kein Gleichheitszeichen setzen, denn die utopistischen Träume Králs wurden in den Jahren der Entfaltung der revolutionären Bewegung geboren und, obwohl sie die Abhilfe dieser Mißstände in entgegengesetzter Richtung zu diesen Bewegungen suchten, konnten sie — trotz ihres reaktionären Inhaltes — dennoch in den von den revolutionären Leidenschaften erfüllten bäuerlichen Massen zu bewegender, antreibender Kraft werden. Štúrs Utopie ist bereits das Produkt der Jahre nach dem Sturz, der Beweis für ein Krisensymptom, für sein Entfernen von der Revolution und im allgemeinen von den Volksmassen. Sie hatte auch beim Volk gar keinen Widerhall, sondern fand nur bei den verknöcherten ungarländischen Konservativen und bei den Ideologen der zaristischen Willkürherrschaft Beifall.

Teatr Narodowy, 1790—1794

НИНА КИРАЙ

В истории польского театра период 1790—1794 гг., хотя и небольшой по времени, явился в известной мере *синтезом* зрелых общественных идей и высокой художественной формы, вобравшей в себя все доступные в ту эпоху средства и возможности театрального выражения.¹ Существует несомненное сходство, «драматический ритм», по выражению Э. Ростворовского в истории польской культуры между периодом 1790—1794 и полным самых смелых надежд и амбиций периодом 1765—1767, когда королевская партия стремилась вывести на арену европейской жизни сарматскую Польшу. Этот первый период, называемый «героическим», закончился барской конфедерацией и первым разделом Польши, период 1790—1794, отмеченный бурными событиями «Великого Сейма» и восстания Костюшки, завершился потерей государственной независимости. Но глубокие перемены, происшедшие во всех сферах общественной жизни, в том числе и в театре, за тридцать лет правления Станислава Августа, трудно переоценить.

¹ Вслед за З. Рашевским (Teatr Narodowy w latach 1779—1789 см. ниже) в зависимости от того, где играл польский театр в Варшаве, тридцатилетний период можно разделить на следующие отрезки времени: 1) 1765—1768 (Operalia) 2) 1774—1778 (Pałac Radziwiłła) 3) 1779—1789 и после перерыва представлений на польском языке 1790—1794 (Teatr na placu Krasińskich). Период 1765—1773 и 1774—1789 обстоятельно рассмотрен в работах: А. Wejnert, О najdawniejszych zabawach i widowiskach teatralnych w Warszawie do r. 1778. Starożytności warszawskie. Warszawa 1849, 2; М. Klimowicz, Początki teatru Stanisławowskiego (1765—1773). Warszawa 1965; он же, на сессии, посвященной 200-летию Национального Театра: Teatr Narodowy w latach 1774—1778. Teatr Narodowy w dobie Oświecenia. Wrocław 1967, 39—53. См. также: Warszawski teatr Sułkowskich. Dokumenty z lat 1774—1785. Przygotował M. Rulikowski. Opracowała B. Król. Wrocław 1957; Z. Raszeuski, Teatr Narodowy w latach 1779—1789. Teatr Narodowy w dobie Oświecenia, 53—80. Период 1790—1794 гг. еще не имеет подробной монографии, освещающей все стороны театральной деятельности Богуславского. Здесь мы хотели бы выразить свою благодарность З. Рашевскому, предоставившему для ознакомления рукопись его монографии о Богуславском, выходящей в PIW и проф. Е. Шванковскому за любезно предоставленную рукопись о репертуаре польского театра Просвещения. Из работ, касающихся проблем театра 1790—1794 гг., интерес представляют: S. Schnür-Peplowski, Teatr Bogusławskiego. Ustęp z dziejów sceny polskiej 1778—1794. Świat 1895; L. Galle, Wojciech Bogusławski i repertuar teatru w pierwszym okresie jego działalności (do r. 1794). Warszawa 1925; W. Brumer, Służba narodowa Wojciecha Bogusławskiego. Warszawa 1929; H. Eile, Teatr warszawski w dobie powstań 1794, 1831, 1863. Warszawa 1937; Z. Raszeuski, Staroświecczyzna i postęp czasu. O teatrze polskim (1765—1865). Warszawa 1963.

Плодотворные результаты «прzewrotu umysłowego» в театральной жизни могут быть наглядно проиллюстрированы двумя примерами. 5 октября 1765 г. саксонский агент в Варшаве, Ян Хейне, доносил:

W śróde nie było ani opery, ani komedii, ale u księcia Adama [Czartoryskiego] odbywała się próba polskiej komedii, która już wielokrotnie była powtarzana przez tutejszych młodych, specjalnie do tego sposobionych aktorów. Wspomniany książę zadaje sobie osobiście wiele trudu, aby tych ludzi nauczyć odpowiedniej postawy i zwrotów. Król, jak mnie zapewniają, znajduje osobliwą przyjemność w tych komediach, które wkrótce będą wystawiane publicznie w teatrze. Autor tych komedii miał z porady Króla zadać szczególnie wiele pracy, aby poprawić obyczaje tutejszego społeczeństwa za pomocą odstręczających przykładów, co jest dla nas korzystne, bo w ten sposób narażają się na jeszcze większą nienawiść. Będę się dowiadywał o aktorów i aktorki, kim są.²

А в 1792 г. Ян Дембовский, постоянный корреспондент Игнация Потоцкого в Варшаве, писал своему патрону:

Grano na teatrze komedyję, *Polowanie Henryka VI*. Każda scena ma alegorię wiele znaczącą. J. W. Gospodarz Warszawy lękając się takiej burzy od generalności uprzedził aktorów żeby ta sztuka ani prezentowana, ani drukowaną nie była. Oklaski niezmiernie dawano.³

Публика, которую при Августе III насильно загоняли в здание театра, в 1792 г. активно выражает свои взгляды и требования в театральной зале. На представлениях «Henryk VI na łowach» театр был полон:

Byłem na teatrze, a czując uwielbienie dla autora i prawdy kaducznym sobie dłonie od klaskania potłukł,⁴

— писал Дембовский. О театре рассматриваемого периода в истории театрального искусства утвердилось мнение как о театре «политическом». Но при этом чаще всего утверждения эти обосновывались исходя из политической ситуации в стране, политических интриг, от которых театр, будучи действенным средством пропаганды, разумеется, не мог остаться в стороне. Выяснение термина «политический театр» по отношению к польскому театру содержится в статье З. Рашевского «Двести лет», подводящей итоги юбилейных торжеств и научной сессии, посвященной театру польского Просвещения.⁵ Задаваясь вопросом, стал ли польский театр политическим только в эпоху 1790—1794 или же значительно раньше, исследователь отвечает, что несомненно раньше,

² [J. Heine], Teatr Narodowy 1765—1766. Raporty szpiega. Przeł. i oprac. M. Klimowicz, wstęp Z. Raszewski. Warszawa 1962, 9. Значение этой корреспонденции для историков театра открыл Юлиан Леваньский. (См.: J. Lewański, Teatr, dramat i muzyka za Stanisława Augusta w świetle nowych źródeł. Pamiętnik Teatralny 1960, 1:115—146.) Донесения Яна Хейне великому князю Ксаверию Саксонскому (1730—1806), надевавшемуся и после коронации Станислава Августа на польский трон, охватывают период от 9 мая 1764 г. до 11 декабря 1782, только с 1776 г. становятся более отрывочными и редкими. Рукопись включает всего 1338 донесений, около 5350 стр. Написаны они по-немецки. Рукопись хранится в Польской Библиотеке в Париже с шифром: 57—66. В указанной статье Леваньского и публикации Климовича приведены наиболее важные фрагменты, касающиеся истории польского театра.

³ Tajna korespondencja z Warszawy, 1792—1794, do Ignacego Potockiego. Oprac. M. Rymaszyna i A. Zahorski. Warszawa 1961, 97.

⁴ Ук. соч. 100.

⁵ Z. Raszewski, Dwieście lat. Pamiętnik Teatralny. Warszawa 15 (1966) 1—4: 30—32.

может быть уже в самом начале, только не так явно, как на рубеже XVIII в. К этому же выводу приводит и монография Мечислава Климовича, привлекающая богатый документальный материал, который доказывает, что *Teatr Narodowy* играл политическую роль и в первый период своей деятельности и большую общественную роль в жизни всей страны.⁶ Разумеется, дело не только в том, насколько «явно», как говорит Рашевский, играет театр выпавшую ему политическую роль. В каждый отдельный период «политическое» значение могут приобретать явления и проблемы, казалось бы не имеющие ничего общего с политикой. Достаточно вспомнить проблематику первых бытовых комедий просветительского театра.⁷ И тут несомненно Рашевский прав, что политический характер театра не обязательно связан с политическим репертуаром — лучший пример парижская премьера «Свадьбы Фигаро», ставшая важным политическим событием в жизни Франции. В моменты напряженных политических событий театр неизбежно оказывается вовлеченным в непосредственное движение, борьбу партий, влиятельных лиц. «Но в последние два века европейский театр участвовал в политике скорее с помощью „исторической маски“, символов, альянзий (нередко подчеркиваемых режиссером или прибавляемых самим актером в ходе представления), чем с помощью политического репертуара. Репертуар *политический* в непосредственном значении слова — явление довольно редкое, а участие театра в политических проблемах — явление довольно частое.»⁸

Итак, говоря о польском «политическом» театре в XVIII в. нужно согласиться с Рашевским, что «политическим» он стал задолго до 1790 г. Только иными были его задачи, меньше была сфера влияния и не имел этот театр так благоприятных *внешних условий*. Лучшим свидетельством активного влияния театра на умы современников является факт возникновения в Париже на протяжении только одного 1792 г. 18 театров. Действенную роль театра как средства пропаганды и использовали королевская партия и патриотический лагерь в 1790—1794 гг. для воспитания широких масс шляхты, съехавшейся в столицу на Четырехлетний сейм.

Для участия в работе «Великого Сейма» в Варшаву съехалась почти вся шляхта, игравшая хоть какую-нибудь политическую роль в жизни страны. По данным переписи населения Варшавы, сделанной по распоряжению Комиссии Полиции столицы в 1792 г.,⁹ город с 1754 г. вырос до 120 тыс. жителей и по праву был политическим и культурным центром Польши. Магнатские партии, боровшиеся за господствующее положение в Сейме,

⁶ *M. Klimowicz, Początki teatru Stanisławowskiego.*

⁷ *Komedia obyczajowa warszawska. Oprac. i wstępem poprzedziła Z. Wołoszyńska. Warszawa 1960, 1-7—113.*

⁸ *Z. Raszewski, 30.*

⁹ *B. Grochulska, Statystyka Ludności Warszawy w drugiej połowie XVIII wieku Przegląd Historyczny 45, 4:586—608.*

стараясь привлечь на свою сторону большинство сеймиковой шляхты, устраивали пышные балы и приемы в своих столичных резиденциях. В числе этих увеселений театр занимал отнюдь не последнее место.¹⁰ 4 апреля 1789 г. обладатель театральной монополии Франчишек Рыкс закрывает театр,¹¹ распускает польскую труппу актеров, пригласив на ее место итальянскую труппу Гвардасони.¹² Труппа Гвардасони, известного к тому времени во всей Европе певца оперы-буффо, исполнителя главных партий в моцартовских операх в Вене, дала целый ряд представлений на высоком артистическом уровне. Немецкие труппы (в 1790 г. — Marwani; в 1793—1794 — Bulli), которые выступали в то время в Варшаве, сыграли большую роль в распространении репертуара «слезливой комедии». Но шляхта, съехавшаяся на сейм, возбужденная патриотическими настроениями, требовала возобновления польских представлений.¹³ Небольшая труппа Матеуша Витковского («kampania aktorów narodowych z dzieci złożona»), которая в октябре 1789 г. дала три представления на польском языке, не могла удовлетворить потребности в театре на польском языке. И в начале 1790 г. [январь?] король посылает эстафету в Дубно, где выступал Богуславский со своей труппой и куда незадолго до этого прибыли актеры, оставшиеся без работы после прекращения польских представлений в Варшаве. Богуславский немедленно прибывает в Варшаву и 14 февраля 1790 г. начинает представления польской труппы.¹⁴ С этого времени начинается четырехлетний период деятельности, закончившийся представлением «Краковяки и гурали», первой национальной польской оперой, которая вошла в классический репертуар польского театра.¹⁵

¹⁰ «Teatr zajmuje w ciągu tygodnia przynajmniej godzin kilka. Mówię — tygodnia, gdyż dla mnóstwa zabaw niepodobieństwem jest odwiedzać go codziennie... W samej istocie w czasie sejmu, w dniach wielkich uroczystości i przedstawień sztuk mających polityczne znaczenie — nie można sobie wystawić nic wdzięczniejszego nad widok uroczy rzędu łóż pierwszego i drugiego piętra w teatrze...» (F. Schulz, Podróże Inflanctyżka z Rygi do Warszawy i po Polsce w latach. 1791—1793): W. Zawadzki, Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców. Warszawa 1963, 2:514—515.

¹¹ «Dnia 4 kwietnia [1789] dano [w Warszawie] ostatnią reprezentację, polską, Ryx rozpuścił teatr, aktorowie rozjechali się jedni do Wilna, a drudzy do Krakowa, gdzie JPan Kluszewski, starosta brzedowski, otworzył antreprezję» (A. Dmuszewski, Kronika teatru polskiego): L. Bernacki, Teatr, dramat i muzyka za Stanisława Augusta. Lwów 1925, 1:394.

¹² Guardasoni D. (†1806) — Enciclopedia dello spettacolo 5:1830—1832.

¹³ Об этом говорит В. Богуславский, сообщая о приеме его во дворце и передавая содержание разговора с Рыксом: «zapytałem o przyczynę tak zaszczycającego mnie wezwania?» — «Wielu zgromadzonych na Sejm Obywateli dali słyszeć swoje zdania, aby im Polskie wystawiono Widowiska. Król kazał wezwać WaćPana». W. Bogusławski, Dzieje Teatru Narodowego. Warszawa 1965, 1:64.

¹⁴ Bernacki, ук. соч. 2:350.

¹⁵ Собственно опера была введена на польскую сцену в Варшаве в 1778 г. Директор и антрепренер Монторьон поручает Богуславскому переработать для сцены комедию Богомольца «Осчастливленная бедность» («Nędza uszczęśliwiona»), музыку к которой написал М. Каменьски, словак по происхождению. Трудно назвать однако эту и другие оперы этого периода в полном смысле слова оригинальными польскими. Переработки текста иностранных оригиналов не отличались совершенством, музыка также содержала мало польских мотивов. См.: L. Galle, Wojciech Bogusławski, 151—152.

Начало этого необычайно плодотворного периода живо воспроизводит Богуславский в своей «Истории Национального Театра» (*Dzieje Teatru Narodowego*). Король встретил известного актера и антрепренера польской труппы словами:

Czuliśmy, że cię tu nie było. Zostań już z nami, a ja nie zapomnę o tobie.¹⁶

Но опасаясь конкуренции итальянской оперы (характерно, кстати, что в день прибытия в столицу по вызову короля, Богуславский отправился на представление оперы Сальери «Ахур» и, стараясь остаться незамеченным, с восторгом следил за спектаклем, убеждаясь, что ему придется иметь дело с сильным конкурентом).¹⁷ Богуславский подписал контракт с обладателем монополии на театральные представления Рыхсем лишь на три месяца, дав до пасхальных праздников 17 представлений и закончив этот период представлением «Мещанин во дворянстве» Мольера. Хотя польские представления и имели некоторый успех, Богуславский все еще не уверен и даже намерен вернуться со всей труппой в Вильно, так как говоря его же словами.

Opera nasza obok Włoskiej była to Gotycka wieża obok najnowszej Architektury. budowli.¹⁸

Однако, ведущаяся уже с 1788 г. борьба против театральной монополии,¹⁹ близка была к своему успешному завершению. Вред, который приносило монопольное право на театральные представления,* с 1776 г. перешедшее в руки королевского камердинера Фр. Рыхса и обеспечивавшее ему колоссальные прибыли, был огромным. Это понимали передовые люди эпохи и в этом видели препятствие для успешного развития польского театра. В своей речи от 31 марта 1789 г. посол в сейме и автор пользовавшихся успехом пьес Станислав Кублицкий убеждал собравшихся на сессии:

Proszę także JW Marszałka o czytanie Projektu moiego względem Spektaków, który iak nam z odgłosu Publicznego wiadomość, że posponendo sobie zwierzchnią władzę Teatr Narodowy zarzucić myśli a sprowadzić niemców. Proszę o nakazanie produkcji Przywileju, który z dożywotniem Xięcia Sułkowskiego ustał już zupełnie.

Niech wiedzą seymujące Stany iaki to jest ucisk dla Obywatelów, gdy od iednej prywatnej osoby po całym Kraiu wychodzą pozwolenia trzymanie Komedyi y innych uciech, iako to Redutów y Muzyki. Krzywdziłby mnie każdy, a więcej ieszcze siebie, gdyby kto myślał że prywata, lub zemsta ten mi narzuciła Projekt, nie zna ten moiego sposobu myślenia, kto mnie zemście lub czyzej prywacie uległym być rozumie.²⁰

Фр. Рыхс, разумеется, не согласен расстаться с источником доходов, которым было монопольное право театральных представлений и по всей вероятности это он был инспиратором статьи в защиту привилегии в журнале

¹⁶ W. Bogusławski, ук. соч. 64.

¹⁷ Ук. соч. 63.

¹⁸ Ук. соч. 65.

¹⁹ S. Kublicki, Projekt w sprawie zniesienia monopolu teatralnego, podany w październiku 1788. Rękopis Bibl. Czartoryskich w Krakowie. Sygn. 738:310.

²⁰ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Akta Sejmu Czteroletniego. Sygn. 205, k. 407—(№ 12,1).

«Journal Hebdomadaire de la Diete» (№ 13). В следующем номере того же журнала от 4 апреля 1790 г. он помещает объяснения.²¹ Окончательно монополия на театральные представления была ликвидирована решением Сейма от 4 апреля 1791 г., четыре месяца спустя после декрета об отмене театральной монополии Французского Народного Собрания (17 января 1791 г.).²² Обращенный этим решением Богуславский предвидит возможности, которые отныне открываются для польского национального театра:

wszystkim Artystom powrócił wolność używania swoich talentów.²³

Станислав Август явно благоволил к театру на польском языке: в сентябре он передает Богуславскому свою балетную труппу, дает высочайшее соизволение принять польским актерам титул «Aktorowi Narodowi» (в память о создавшемся в 1781—1783 гг. объединении польских актеров, которое выступило в роли предпринимателя театральных представлений), а Богуславскому — титул «Dyrektor Królewskich Widowisk». Когда летом 1791 г. здание театра на пл. Красинских ремонтировалось, король предоставил для польских спектаклей свой театр в Лазенках.²⁴ Кроме этого Станислав Август помогает польскому театру и материально. Благодаря исследованиям З. Рашевского удалось выяснить, что помощь эта зашла так далеко, что король из королевской казны выделил значительную сумму на спектакль «Краковяки и гурали»,²⁵ видимо в значительной мере принимая выраженные в опере Богуславского патриотические идеи. Учитывая эти далеко не все перечисленные факты благоприятно складывавшихся для польской антрепризы условий, не следует забывать и того, что Богуславский в этот период располагал уже богатым опытом актера и антрепренера польской сцены, имел в своей труппе талантливых актеров, таких, как Трусколаска, Свежавский, Овсинский, владевших большим искусством танцоров — Рыминский, Ситаньска и др., обучавшихся в балетной школе Тызенхауза в Гродно. Иностранные труппы, выступавшие в то время в Варшаве, несмотря на то, что они были грозной конкуренцией для театра Богуславского, многому научили польских актеров, обогатили репертуар и несомненно способствовали тому, что в этот период польский театр идет вровень с театрами других европейских стран. Если относительно предшествующих периодов в истории польского театра очевидно, что теория опережает практику и в репертуаре преобладают схематические тенденциозные драмы, то период 1790—1794 гг. и в этом отношении внес радикальные перемены. Владение формой характерно для драматической польской литературы этого периода. Совершенные

²¹ K. Wierzbicka, Źródła do historii teatru warszawskiego. Wrocław 1951, 1:139

²² Gazeta Narodowa i Obca. Warszawa 9 II. 1791, №12.

²³ W. Bogusławski: указ. соч. 66.

²⁴ List Bogusławskiego do króla 7. IV. 1791. Rkps Muz. Czart. № 965, s. 435. Факсимиле см. Bernacki, т. 2.

²⁵ Z. Raszewski, Teatr Narodowy w latach 1779—1789. Aneks -A. 3., Pamiętnik Teatralny 1966, 1—4:130.

по форме адаптации французских по преимуществу пьес Франчишком Заблоцким, представлявшие по существу оригинальные творения и положившие начало длительному спору о критериях перевода и переработки, переводы Богуславского подняли художественный уровень представлений на польском языке.

В 1790—1794 гг. наблюдается явственный переход от бытовой проблематики к национально-патриотической, исторической, политической, что связано, конечно, с особенностями политической обстановки в Польше накануне третьего раздела. Рост патриотических настроений в обществе имел довольно отчетливо выраженные две тенденции: консервативную и прогрессивную. Еще в 1785 г. началась консолидация сил оппозиционной политике короля магнатской верхушки. Непосредственным поводом для этого явилась на шумевшая провокационная афера Догрумовой.²⁶ Инсценировав попытку отравления Адама Чарторыского якобы по наущению Станислава Августа, она дала повод для политической бури, разразившейся на сейме 1786 г. Ожили лозунги барской конфедерации, стремления детронизировать короля. И вместе с этим оживают старые сарматские традиции, против которых с самого начала правления Станислава Августа боролись король и его партия. Находившийся в то время в Польше французский резидент Обер писал:

Izabela Czartoryska zaprezentowała się szlachcie w stroju dawnych Sarmatów, rozprawiając jedynie o enocie, ojezyźnie i trudach, których nie szczędzi, aby wychować swe dzieci na przyszłych restaurantów . . . Jednak ta dobra matka, ta matka Spartanka jako taka jest bowiem przedstawiana na licznych obrazach i w sztukach teatralnych, od 18 lat gorszy ową ojezyźnę najswawolniejszym postępowaniem i najbardziej rozluźnionymi obyczajami. Potocecy przyjęli ten system edukacji dla wszystkich narodzonych i mających się urodzić dzieci w swej licznej rodzinie.²⁷

Разумеется, это было вполне сознательное стремление магнатов привлечь на свою сторону мелкую шляхту, которая выходила из повиновения. Подобные же инсценизации «патриотизма» устраивал Щенсны Потоцкий, который прибыл в 1786 г. в Варшаву с «nabitą głową okazałościami jakimiś źle zrozumianymi ac si [jakoby] patryotycznymi», — писал иронически Станислав Август.²⁸ Сейм 1786 г. в этом смысле во многом предвещал атмосферу, в которой начался «Великий Сейм». Тот же французский резидент писал:

mało sejmów przedstawiało obraz opozycji, kierowanej z taką zręcznością i umiarem, a równocześnie z tak zaciętą wrogością. Członkowie opozycji nie wahali się występować wobec stanów i króla w wyróżniających ich uniformach . . . Stronnictwo to jest zjednoczone bardziej niż kiedykolwiek.²⁹

²⁶ Polak Patryota. Dzieło peryodyczne przez Towarzystwo uczonych na Rok 1785. Całego dzieła Część dwudziesta na dzień 15 października t. IV: Romans Narodowy czyli Historia spisków i otrucia, 1057—1065.

²⁷ Цит. по кн. E. Rostworowski, Ostatni król Rzeczypospolitej. Warszawa 1964, 99.

²⁸ Ук. соч. 100.

²⁹ Ук. соч. 101.

Сарматские настроения были довольно сильны в начале работы сейма. Шляхта требовала запрещения выезда за границу, так как видела в этом угрозу патриотическому воспитанию молодежи, правоверной католической церкви. Многочисленные указы требовали усиления работы по пробуждению патриотических чувств с сохранением консервативного государственного и общественного устройства. Магнатская оппозиция приложила все усилия, чтобы использовать эти настроения средней и мелкой шляхты и их боязнь всяких форм правления, близких европейским. Первый год работы Великого Сейма принес много разочарований Станиславу Августу и не раз ставил под вопрос его пребывание на польском троне. Но уже осенью 1789 г. перевес явно на стороне королевской партии. В ноябре 1789 г. король пишет своему поверенному Maurycy Glayre:

trzy czwarte tych, którzy sejm stanowią szczerze pragną dobra. Zapytasz mnie pan: dlaczego więc nie zawsze dzieje się to dobro? Oto przyczyna: dwadzieścia pięć lat temu na sejmach konwokacyjnych i koronacyjnych było daleko mniej oświeconych i czytanych niż teraz, a właśnie z tego powodu ogół łatwiej wierzył tym, co posiadali wykształcenie i dawał się prowadzić.³⁰

Осенью 1789 г. обозначается черта раздела между так называемыми «подлинными» патриотами и «фальшивыми». Во главе партии «подлинных патриотов» стояли: Игнацы Потоцкий и его брат Станислав, Адам Чарторыйский, Станислав Малаховский и за кулисами — Гуго Коллонтай, приобретший значительное влияние в королевском лагере. Близки были этому лагерю — Немцевич и Кублицкий. Странниками реформы правительства были публицисты, принадлежавшие к интеллектуальной элите страны и разбуженные событиями сейма — варшавское мещанство. Отношение к королю, которое в начале определяло границу между различными группировками в сейме, утратило к этому времени свое решающее значение. На первый план выдвинулась проблема перемирия с Пруссией и новой конституции. Проблема наследственности трона, приобретшая важное значение вследствие безбрачия короля объединяла сферу внешних и внутренних дел. После разделения патриотов на «подлинных» и «фальшивых» возросло и личное значение короля и выработалась платформа взаимопонимания между королем и предводителями группировок в сейме.

В этой атмосфере общественных настроений прибыл в Варшаву Богуславский. Пьесой, которая непосредственно откликнулась на эти проблемы, была первая в полном смысле слова этого слова политическая комедия «Powrót posła do ojca» Немцевича. Премьера состоялась 15 января 1791 г. (отдельным изданием пьеса вышла в конце декабря 1790 г.). В небольшом предисловии к пьесе, обобщающем теоретические взгляды Немцевича на роль театра как средства воспитания общества, ничем не отличающихся от теоретических высказываний в журнале «Monitor» в период его оживлен-

³⁰ Ук. соч. 157.

1. Иллюстрация к 9 явлению 1 акта комедии Немецевича «Возвращение посла».

ного интереса к проблемам театра, определены цель и характер произведения:

... sztuki teatralne mające za cel poprawienie obyczajów za pożyteczne uznane i we wszystkich oświeconych krajach zachęcane były...

W kraju wolnym, gdzie każdy obywatel składa cząstkę powszechnego rządu, nie tylko prywatnego życia obyczaje, ale zdrożne względem całości krajowej opinie prostować należy. Jest to rzeczą największej wagi — opinie te fałszywe lub prawdziwe, zdrożne lub rozsądne stanowić będą o szczęściu lub nieszczęściu Rzeczypospolitej. ... Pracując około dzieła tego nie miałem na widoku osób, ale wady, przesady i zdrożne obyczaje, pamiętny zawsze słów sławnego naszego poety:

*Nigdy ja w szczególności nikomu nie laję,
Czołem biję osobom, ganię obyczaje.*³¹

Взяв за основу интриги произведения так знакомую польским драматическим писателями схему мольеровской комедии, Немцевич очень удачно связал ее с изображением консервативного лагеря в Четырехлетнем сейме и противопоставил ему положительную программу «подлинных патриотов». Не теряя своей занимательности и сценичности, не перегруженная резонерскими сценами, пьеса очень верно и живо отразила споры и проблемы, волновавшие общественное мнение. А кроме того политические дискуссии в драме разыгрывались на колоритно воссозданном фоне обыденной жизни польской шляхты. Это придавало особую убедительность провозглашаемым со сцены идеям для тогдашних польских зрителей и сохранило привлекательность для сегодняшних читателей. Об успехе комедии красноречиво говорит факт ее быстрой распродажи и два издания в течение двух лет. Оппозиция в сейме была обеспокоена успехом комедии и ее влиянием на умы многочисленных зрителей и уже на третий день после премьеры раздался *Głos w sejmie o reprezentacji «Powrotu posła»*³² посла Сухожевского, требовавшего запрещения спектакля в театре и просившего послов принять решение о конфискации всего издания комедии. События, последовавшие за премьерой «*Powrotu posła*» и отношение сейма к выступлению Сухожевского описывает Станислав Август в письмах от 19 и 22 января 1791 г. польскому послу в Петербурге Деболи. Сообщает король, что «живо и весело написанная комедия включает содержание почти всего сейма, а именно содержит излюбленную мысль автора об освобождении крестьян и наследственности трона под маской борьбы с предрассудками старосветского домоседа». Не без удовольствия сообщает король, что когда Сухожевский говорил, его речь заглушал общий смех зала и что по требованию публики комедия была представлена еще раз к великому удовольствию зрителей.³³

³¹ *Powrót posła. Komedia we trzech aktach przez Juliana Niemcewicza. P[osła] I[n]flanckiego*. Warszawa 1790. M. Groell, 5—6. — Цитата из сатиры А. Нарушевича: Об истинном шляхетстве.

³² *Teatr Narodowy 1765—1794. Pod red. Jana Kotta*. Warszawa 1967, 288—289

³³ *Rok nadziei i rok kłęski. 1791—1792. (Z korespondencji Stanisława Augusta z posłem polskim w Petersburgu A. Debolim)*. Wyd. i oprac. J. Łojek. Warszawa 1964, 29, 30—31.

Представление оставило глубокий след в памяти людей, активно принимавших участие в событиях сейма и общественных дискуссиях. Вспоминает о нем позднее Михал Чацкий, частый зритель на спектаклях польского театра Фридерик Шульц — сторонник французской революции, посол курляндского мещанства на «Великий сейм», вспоминает об этом важном в его жизни событии и сам автор — Немцевич. В его мемуарах содержится упоминание об успехе, выпавшем на долю исполнителя старосты, Свежавского, которому был брошен на сцену кошелек золота, в последний раз в истории польской сцены:

Ostatni raz worek złota, rzucony tym sposobem, rzuconym był w r. 1791 podczas konstytucyjnego sejmu Świerzawskiemu w roli starosty w «Powrocie posła».³⁴

Собственно до нашумевшей премьеры «Краковяков и гурали» не было другой польской пьесы, которая пользовалась бы таким успехом у публики. 6 февраля 1791 г. комедия была поставлена в Краковском театре. Афиши варшавского и краковского представления содержат интересные детали, выясняющие обстоятельства представлений комедии Немцевича в том и другом театрах. Из афиши от 18 марта 1791 г. мы узнаем, что полными сборами театрального сезона этого года касса театра обязана была представлениям «Возвращения посла», а афиша краковского представления содержала обстоятельный комментарий содержания пьесы, подчеркивая ее новаторство и обращая внимание публики на ее бытовую сторону, выделенную в спектакле новыми декорациями и национальными костюмами, в которых выступили актеры:

Za jednym razem chrapliwy przesąd krzykać przestaje a uśpiona, ocknąwszy się z letargu, nieświadomość, choć z początku dokuczliwie syka, przecie z zestarzałego dźwiga się nalogu, przerażona widokiem blizkiej przepaści i z wielkiem zadziwieniem widzi gniezdo mylnie razem wplątanych cnót i błędów. To jest celem uwagi, jak? kiedy? i co? się stało w podobnym razie i w naszym narodzie. Na tych wsparta prawidłach antreprzyza kompanji aktorów narodowych przedsięwzięła tutejszej prześwietnej publiczności okazać dzieło w swoim rodzaju nowe i osobliwe, jakim jest ta pomieniona sławna komedja Powrót posła. Antreprzyza teatru z powodu tak znakomitego dzieła, chcąc ze swej strony w najokazalszym blasku tę godną narodowego widoku uczciść scenę, starała najusilniej ozdobić ją przez nowe dekoracje i krajowe dla artystów i charakterystyczne stroje przy rzęsistej iluminacji całego teatru.³⁵

Окрыленные успехом первой политической комедии на сцене варшавского театра сторонники патриотического лагеря в том же 1791 г. ввели в репертуар еще две политические комедии, которые, правда, были значительно слабее и по предлагаемой в них конкретной программе политических перемен и по своим художественным достоинствам. Следует согласиться с Л. Галле, что «вместо комедии с политическим фоном», Богуславский в комедии «Dowód wdzięczności Narodu» и Йозеф Выбицкий в комедии «Szlachcic mieszczańinem» представили политические фельетоны в форме диалогов,

³⁴ J. U. Niemcewicz, Pamiętniki czasów moich. Warszawa 1957, 1:70—71.

³⁵ K. Bąkowski, Teatr Karowski, 1780—1815. Kraków 1907, 75.

2. Иллюстрация к 5 явлению III акта комедии Немецевича «Возвращение посла»

лишенные широкого бытового фона, живого действия, комизма, выпуклости характеров и всего того, что обеспечило непреходящее значение пьесе Немцевича.³⁶ Комедия Богуславского «Знак благодарности народа» была представлена в торжественной обстановке в Лазенках «przy odgłosie trąb i kotłów oraz iluminacji teatru» и представляла в своей основе продолжение комедии Немцевича, еще раз подчеркивая ее необычайную популярность. Премьера ее состоялась в атмосфере торжеств в честь принятия конституции, поэтому лишена она программы борьбы за какие-либо идеалы, не ставит своей целью даже высмеять противников, а написана как панегирик в честь короля и создателей конституции 3 Мая. Писал об этом сам Богуславский в предисловии к изданию комедии:

Nie chciałem żadnej w niej [komedji] umieszczać intrygi, któraby, wprowadzając miłość na scenę, poniżyła godność celu, o którym mówić chciałem. Staralem się wystawić jak najżywiej radość dowodzącą uszczęśliwienie Narodu, chciałem na scenie powtórzyć odgłos powszechny, a w tym zapale, nie zważając na obce przepisy, szedłem za poruszeniem własnego serca, za natchnieniem wdzięczności, czułem tylko, że jestem Polakiem.³⁷

Поставленная в честь годовщины коронации Станислава Августа (25 ноября 1791 г.) комедия Выбицкого «Шляхтич мещанином» имела еще меньший успех, чем пьеса Богуславского. По ходу развития интриги в маленьком городке собираются на ярмарку люди и риторически высказывают свои взгляды относительно условий общественной жизни, так радикально изменившихся вследствие введения конституции. Собственно все три акта содержат подобные рассуждения и дискуссии представителей различных точек зрения, кончается она похвалой Станиславу Августу, имя которого приравнивается к имени Казимежа Великого, реформатора Польши.

С мыслью о короле была написана историческая драма «Казимеж Великий». Казимеж Великий выступает как защитник прав крестьян и мещан, меценат культурной жизни, воплощение всевозможных гражданских и нравственных добродетелей. Аллюзии на деятельность Станислава Августа очевидны. Защищая завоевания патриотического лагеря, король в драме произносит клятвенное обещание бороться с врагами отчизны. Однако, через два с половиной месяца после торжественного панегирического представления, Станислав Август нарушил обещание, подписав акт торговицкой конфедерации. Стремительно развивающиеся события после объявления 14 мая акта торговицкой конфедерации — принятие декларации русского посла о введении русских войск на территорию Польши, начало войны в защиту конституционной устави и т. п. находили почти немедленную реакцию в театре. В июне 1792 г. доход с представления «Rokoszanie» Богуславский предназначает на нужды войска. «Gazeta Narodowa i Obca» помещает список пожертвований отдельных лиц на цели оборонной войны

³⁶ L. Galle, ук. соч. 185.

³⁷ Ук. соч. 186.

с Россией. Список этот включал фамилии антрепренера итальянского театра Пелатти, актера польского театра Франчишка Новицкого, продавца сладостей в театре Косиньского и Войчеха Богуславского:

P. Wojciech Bogusławski, antreprenier teatru polskiego, ofiarował w tym roku wypłacić, zaczynając od miesiąca czerwcą zł pol. 12 000, to jest tym sposobem: każdego miesiąca da jedną reprezentacją na zysk obrony pospolitej, które dgyby nie uczyniły 12 tysięcy zł, dopłacić obowiązał się, co zaś nad 12 000 przeniesie, to i to na tenże zysk obrony ofiaruje.³⁸

23 июля Станислав Август подписал акт торговицкой конфедерации, изменив тем самым программе патриотического лагеря. Это развязало руки сторонникам оппозиции — в этом же месяце Щенсны Потоцкий выступает в печати с нападками на политическую активность театра. Театр не остался в долгу. 4 ноября 1792 г. состоялось представление пьесы Заблоцкого *»Wielkie rzeczy i cóż mi to wadzi«*, в которой отрицательный герой носит имя Щенсны. Публика естественно восприняла это как намек на деятельность маршалка торговицкой конфедерации Щенсны Потоцкого, требовала в ходе спектакля повторения отдельных сцен, требовала повторного представления 6 ноября 1792 г.

Ledwo aktorowie wyprosilili się, ażeby więcej tej komedii nie grali, oświadczając że [w przeciwnym wypadku] teatr polski zamknięty zostanie...³⁹

В напряженной атмосфере политической борьбы, начинавшегося цензурного террора конфедератов, издавших 9 июня 1792 г. указ, грозивший суровым наказанием за каждое выступление против Тарговицы, Богуславский осмеливается поставить пьесу, прославлявшую короля, выступавшую против деспотизма магнатов и неравноправия сословий. Другой корреспондент Игнация Потоцкого, Свентожецкий, доносил:

... w tej komedii wiele było takich rzeczy, które pod alegorią wystawiały niegodziwość robót terażniejszych.

Пьеса встретила большой интерес со стороны публики: только в 1792 г. состоялось 9 представлений, а в следующем году — 6.⁴⁰ За эти два года вышло четыре издания ее; факт почти небывалый до того времени. Этим тут же воспользовались книгоиздатели, издавая пьесу без ведома автора. Вследствие этого в 1794 г. Богуславский выхлопотал у Станислава Августа право на монопольное издание *»Teatr Narodowy czyli zbiór wszystkich dramów, komedjów i oper, granych na teatrze warszawskim od roku 1789 do 1794«*.⁴¹

³⁸ *Gazeta Narodowa i Obca*, 6. VI. 1792, № 45; 16. VI. № 48; 7. VII. № 54. Цит. по кн. *Teatr Narodowy 1765—1794*, 600.

³⁹ List do Ignacego Potockiego z 7. XI. 1792. — AGAD. Archiwum publiczne Potockich, 194, k. 33 v. Цит. по кн.: *Z. Raszewski, Staroświeczyzna i postęp czasu*, 185.

⁴⁰ *L. Bernacki*, 2:320.

⁴¹ Ук. соч. 394.

Проблематика пьесы, обстановка, в которой состоялись спектакли «Генриха VI на охоте» приводили на память премьеру «Свадьбы Фигаро» в Париже (преьера комедии Бомарше еще до парижской премьеры состоялась в любительском театре Каролины де Нассау в Варшаве), к пьесе Богуславского как нельзя лучше подходит предисловие Бомарше: «Поступки, злоупотребления, все, что не изменяется, но приобретает тысячи форм под маской господствующих обычаев: сорвать эту маску, показать ее во всей ее наготе, вот задача человека, посвятившего себя работе для сцены». Сознательно осуществляя программу воспитания общества со сцены театра, Богуславский тщательно подбирает репертуар. После принесшего ему столько хлопот с тарговицкой цензурой спектакля «Генрих VI на охоте» он намеревается поставить пьесу «Брут» Вольтера. Но на это, разумеется, представители конфедерации согласия не дали. Кроме умело проводимой репертуарной политики, Богуславский развивает активную деятельность по непосредственному воспитанию публики, находившейся на представлениях польской труппы. Из рапортов, сохранившихся в Комиссии Полиции, содержащих описание скандала в зале 12 января 1793 г. (на неизвестной пьесе) мы узнаем о запрещении Богуславскому произносить речи в театре, обращенные к публике.⁴² Как пишет в своей монографии о «директоре королевских зрелищ» З. Рашевский, Богуславский обладал блестящим ораторским даром. Запрещение повидимому связано было с тем, что Богуславский выступал и с патриотическими речами, возбуждающими зрительный зал. Все это привело к тому, что осенью была предпринята попытка передать антрепризу из рук Богуславского актерам супругам Трусколаским, но, как пишет Ян Дембовски, «публика оказалась сильнее»:

Chciał Książę ex-podkomorzy [Kazimierz Poniatowski] wysadzić Bogusławskiego z antreprzy dla Truskolaskich, ale *publicum* było mocniejsze. Truskolaska wygwizdana, Bogusławski oklaskami zachęcony, żeby teatrem dyrygował.⁴³

Король и дальше поддерживает польский театр и в качестве литературного советника (помогает Богуславскому в переводе комедии Шеридана «Школа злословия») и денежно. В сентябре после премьеры оперы Сальери «Ахур, król Ormus», текст которой был адаптирован на польский язык Богуславским, король передает труппе денежное вознаграждение. Премьеру «Ахур» считал Богуславский за переломный момент в истории его конкуренции с итальянской труппой. Представление «Ахур», поставленное с большой пышностью в декорационном оформлении и костюмах (запечатленных на гравюрах Ф. Лорманна и преподнесенных Богуславским Станиславу Августу) подтверждает высказанную нами раньше мысль о том, что польский театр в этот трудный политический момент успешно развивается в

⁴² Rkps AGAD, Archiwum Królestwa Polskiego № 234:13, 253, 246—268, Цит. по кн. Teatr Narodowy 1765—1794, 838—841.

⁴³ Tajna korespondencja, 118—119.

3. Сцена представления «Краковяки и гуоали» в «Национальном театре». — Рис. Ф. А. Лорманна.
В центре — Богуславский в роли студента Барбоса

художественном отношении. Если накануне премьеры раздавались иронические голоса:

O nieba! wstrząsa się natura,
Polacy myślą grać Axura

то после спектакля не было слышно ни одного критического отзыва. Постановкой «Ахур» Богуславский поднял польский театр на европейский уровень, доказав, что и польский язык способен передать мелодическое богатство оперы-буффо. Перед осуществлением постановки «Ахур» Богуславский пополнил свою оперную труппу двумя выдающимися певцами, прибывшими из Кракова — тенором Домиником Качковским и басом Яном Щуровским. Несомненно, что благодаря их искусству успех оперы превзошел все ожидания. Труппа Богуславского, состоявшая в начале 1790 г. из 18 человек, разрослась; в пьесе «Краковяки и гурали» только для исполнения ролей, обозначенных в тексте, требовалось 14 актеров, кроме того в пьесе было множество массовых сцен с хористами, танцорами, исполнителями народных танцев. Все это Богуславский осуществил силами своей труппы.⁴⁴

Фридерик Шульц, бывавший почти на всех значительных представлениях польской труппы, высоко оценивал мастерство ее актеров: «Польская труппа, которая играла здесь в прошлом году, была лучше всех немецких, мне известных. Поляки от природы наделены легкостью жестов, грацией, рост как правило, высокий и фигуры стройные; дикция яснее и лучше выработана, чем у немцев. В комедии приближаются к давней французской манере, не впадая при этом в преувеличения голоса и жестов; далеки они также от гипертрофированной мимики и жестикуляции итальянцев. В высокой комедии (драме) больше сходны с немцами, но и здесь их превосходят, поскольку в сценах подвижных и страстных, которые те играют с некоторою мрачностью, сохраняют серьезность и благородство выражения, что не исключает зажигаемости и силы, но не переходит в итальянские выверты головы, рук, ног, глаз и французский экстаз.

Некий Богуславский был первым директором объединения и одновременно лучшим артистом; был он хорошего роста представительный мужчина, с великолепным голосом и фигурой необычайной, которая в любом костюме выглядела свободно и натурально, даже во французском, который и самым прекрасным фигурам поляков, привыкших к более удобному платью, придает что-то неуклюжее и неизящное.

Я видел его в Труфальдино в «Слуге двух господ», в роли Отца в драме Дидро, в «Казимеже Великом», национальной пьесе Немцевича, трех ролях совершенно несходных, во всех был он в своем роде совершенен. В роли Посла в пьесе под названием «Возвращение посла» Выбицкого(!) играл превосходно.

⁴⁴ E. Szwanowski, Zespoły teatralne w drugiej połowie XVIII wieku. Teatr Narodowy w dobie Oświecenia, 90—103.

Другие артисты были каждый в своей роли хорош, особенно один старик, который играл с невероятной натуральностью; один комик, играющий роли слуг, которые нередко в Польше попадают, необычайно ярко и актер, играющий судьей, педантов, адвокатов, пленipotентов, который их смешные стороны, грубость и хитрость по отношению к людям — превосходно изображали.

Актрисы не уступали мужчинам в искусстве игры. Главные роли играли артистки искусные и красивые, которые одинаково обладали искусством одеваться со вкусом и хорошими манерами. Даже менее важные роли исполняли искусные актрисы.⁴⁵ Тут нужно заметить, что в период 1790—1794 происходит явная реабилитация профессии актера в глазах общества. О том, что они заслужили право быть полноправными гражданами, актеры труппы Богуславского доказали во время инсурекиции, сражаясь вместе с жителями Варшавы на баррикадах.

Между тем обстановка в столице накалялась. В декабре 1793 г. радикальное крыло патриотического лагеря конспиративно разрабатывает план начала восстания. Богуславский принадлежит к кругу заговорщиков. К этому времени по всей вероятности относится начало работы над польской оперой «Краковяки и гуралы», премьера которой состоялась 1 марта 1794 г., накануне восстания Костюшко. На представлении «cały parter, loże, galerie, paradyz huczały od oklasków, trzęsły się od tupania». Но энтузиазм, который вызвала пьеса, ее патриотическая направленность привели к тому, что опера была запрещена; через день после премьеры начались аресты участников заговора. Один из арестованных сообщил, что Богуславский написал пьесу по заданию заговорщиков. Напуганный российский посол выслал текст в Петербург, убедившись, что пьеса «аллегорически изображает систему якобинцев». Но театр продолжает свои выступления. Актеры Рутковский, Рылло, Трусколаский записываются в отряды повстанцев, 19 апреля Богуславский подписывает акт о восстании. В июле Высший Народный Совет предназначает здание театра для лазарета, но вскоре, понимая его роль в пробуждении духа патриотизма, принимает решение о возобновлении спектаклей, предназначая для этой цели 6000 злотых:

Sesja Rady Najwyższej dnia 29 września. Przekonana Rada, iż widowiska publiczne skutecznie przykładają się do rozszerzenia ducha narodowego, który sam jeden tylko w każdej Rzpltej był sprężyną zadziwiających czynów, oraz że te czyny pod oczy wystawione zdolniejsze są do zapalenia umysłów niż najwymowniejsze opisy i maksymy, uznała potrzebę otwarcia teatru publicznego. Ale że to otwarcie bez kosztu się nie obejdzie, a obywatel Bogusławski dotąd reprezentacją sztuk bawiący się, przełożył, iż zwyczajna opłata biletów, zwłaszcza w tym czasie, na te koszta nie wystarczy, przeto chcąc ducha narodowego rozszerzyć i obywatelów w ich nawet rozrywkach to dzieł patryotycznych zachęcić, wyznaczyła na otwarcie teatru zł. 6000, ale razem obowiązała obywatela Bogusławskiego, ażeby cenę biletów do połowy zmniejszył.

⁴⁵ Teatr Narodowy 1765—1794, 664—665.

Z A P O Z W O L E N I E M Z W I E R Z E C H N O S C I

Dziś w SOBOTĘ to jest: dnia 6. Kwietnia Roku 1793.

NA BENEFIS TANCERZOW J. K. Mci.
AKTOROWI NARODOWI

będą mieli honor dać Reprerentacyą

K O M E D Y I

w 3. Aktach z powieści Angielskiej ze bioney pod tytułem:

**HENRYK SZOSTY
NA ŁOWACH**

Po której pierwszym Akcie nastąpi

B A L E T

Kompozycyi Pana *Pinacci* pod tytułem:**S Z É W C**

Na końcu zaś dany będzie

B A L E T

Kompozycyi Jmci Pana Kurtz Balet-Magistra J. K. Mci, pod tytułem

ARMIDA Y RAYNOLD

Tancerze J. K. Mci mając sobie od obydwóch Antreprizow na Teatrze Publicznym przyrzczone Benefisa, gdy dla słabości jedney z Spiewaczek Włoskich, niemoga mieć na przyrzczoney im dzień Opery żadney, a do dalszego czuła dla nadchodzący letniy pory Benefisu tego ze stratą swoją odwiec by nie mogli, uprosili sobie Antreprizy Narodowcy, aby dzieć ten reprezentacyą swoją zaślupia która wdzięczna zawsze ich dla siebie życzliwych chęci, nieodmawiając im tey uczynności, ma honor polecić ich i teraz łaskawym Prześwietnem Publicznosci względem.

C E N A M I E Y S C

Bilet na Parterze	Zł: 4.	Loża na Galeryę	Zł: 11.
Loża na pierwszym Piętrze w 4. Biletach	11.	Bilet na Galeryę	4.
Loża na Parterze	11.	Bilet na Parady	3. gr. 10.
Loża na drugim Piętrze	11.		

ZACZNIE SIĘ O GODZINIE 6.

Kantor Teatralny znajduje się teraz w Kamienicy Pana *Bysa* zwaney, z przodu Teatru, na pierwszym Piętrze na tyle, gdzie chęcy najmować. Łoże udać się mają. Otwarty będzie zawsze w Dzień Reprerentacyi od Godziny 9. z Rana do 12. a po Południu od 2. do z-częcia Komedyi.

Upraszają Prześwietne Publicum, aby dla uniknienia zamieszania, Bilety swoje przy wejściu pokazywać zaczęło

4. Афиша представления «Генрих VI на охоте» в Варшавском театре
(6 апреля 1793 года)

Z Warszawy dnia 11 października 1794 w sobotę. Dnia dzisiejszego znany publiczności z patriotyzmu i talentów obywatel Bogusławski stosownie do zalecenia Rady Najwyższej Narodowej Teatr Narodowy otwiera.⁴⁶

29 октября состоялся бенефис актера Рутковского «за проявленное во время штурма Варшавы мужество», как сообщала театральная афиша к пьесе «Zbieg z miłości ku rodzicom». 4 ноября 1794 г. Варшава была занята российскими войсками. Богуславский с частью труппы выезжает из столицы, проявив особую заботу о сохранении своей библиотеки. Так заканчивается этот период в истории польского театра. В 1795 г. Богуславский открывает театр во Львове, который оставит не менее заметный след в развитии польской сцены.

Из приведенного в статье перечисления основных моментов театральной жизни в период 1790—1794 гг. очевидно, что вопрос не столько в том, был или не был театр «политическим». Он и не мог быть иным. Руководимый и поддерживаемый королем и его сторонниками, к которым несомненно принадлежал и «директор королевских зрелищ» Богуславский, театр в этот острый политический момент нередко переносил на сцену проблемы и живую атмосферу заседаний сейма, предоставляя возможность его активным деятелям быть не только участниками великой политической игры, но и ее зрителями. О том, какое большое значение придавал Станислав Август представлениям политических пьес, свидетельствует, например, дошедший до нас список приглашенных королем лиц на представление комедии Немцевича «Возвращение посла».⁴⁷ В список этот включил король как представителей магнатской верхушки, так и членов дипломатических представительств, несомненно рассчитывая произвести эффект манифестацией выражения благодарности и преданности творцам конституции со стороны театрального зала. А режиссерская концепция Богуславского, актерское мастерство польской труппы, эстетическая культура театрального зала обеспечили этим политическим спектаклям высокий художественный уровень. Однако, конкретные изменения в сфере репертуара, актерской игры, декорационного искусства — предмет особого исследования.

⁴⁶ Gazeta Rządowa 3. X. 1794, № 91.; Akta powstania Kościuszki. Kraków 1918, 2:208.

⁴⁷ См. Pamiętnik Teatralny, 15 (1966), 1—4:223—230.

З етнографічних записів про ткацтво

(Додаток до статті «Ткацька лексика українських говорів Закарпатської області УРСР». *Studia Slavica* 13 : 181—246)

Й. О. ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКИЙ

Вирощування конопель і льону, виготовлення волокна і пряжі та виробництво домотканого полотна займали одно з найважливіших місць у річному виробничому циклі та в загальному економічному балансі української селянської родини в минулому. Тому в українському, як і взагалі в слов'янському, фольклорі поряд з такими провідними виробничими галузями, як сільське господарство, тваринництво тощо значна увага приділяється ткацтву (включаючи сюди і всі підготовчі роботи до ткання). Тематика ткацтва засвідчується майже в усіх фольклорних жанрах, але найбільше в піснях та в приказках і прислів'ях. Вивчення цього фольклору та інших етнографічних явищ, що пов'язані з ткацтвом, безперечно, має важливе значення і для пізнання історії національної культури взагалі, і якоюсь мірою для дослідження самої виробничої галузі ткацтва.

У своїй статті «Ткацька лексика українських говорів Закарпатської області УРСР», опублікованій в тринадцятому томі журналу *Studia Slavica*, я в примітках принагідно звертав увагу на деякі етнографічні моменти, пов'язані з ткацтвом.¹ Але під час опрацювання згаданої теми у мене нагромадилася значна кількість таких фольклорних та етнографічних записів, які, як видається, з одного боку, можуть бути важливим ілюстративним доповненням до поданого лексикологічного опису ткацької термінології закарпатських говорів, а з другого боку, можуть становити певний інтерес для фольклористів та етнографів. Крім того, оскільки ці тексти записані транскрипцією, то вони з користю можуть бути використані при дослідженні інших галузей говорів Закарпаття.

У зв'язку з цим як додаток до згаданої вище статті нижче я й подаю частину зібраних на Закарпатті фольклорних та етнографічних записів, пов'язаних з ткацтвом.

¹ Див. *Studia Slavica* 13 : 181, 183, 192, 207, 225, 230 та ін.

Коломийки

1. Закувала зазуліна,
У кôлôпн'і ўпала.
Кôбы менé мôйа мáмкa
За Цил'á уддáла.
2. Ой шôбў ім до д'іўчыны
Темн'ін'кôйі нôчи
Та упáу ім у кôлôпн'і,
Поўтбивáў ім ôчи.
3. Ой думаш, б'íла д'іўкo,
Шчо йа т'а ни вид'іў,
Кôй íс' з дрúгым говор'íла,
Йа ў кôлôпн'ах с'íд'іў.
4. Пос'ійала м кôлôпин'кы
На ôрануй н'íв'í,
Та зыйшли ми кôлôпин'кы
Тôнк'í та зил'íн'í.
5. Ой рôст'ít, кôлôпин'кы,
Гус'ц'í ни р'íд'íн'к'í,
Та йа íз вас пр'áсти бóду
Ниточкы тон'íн'к'í.
6. Поўб'íра'йу кôлôпин'кы,
Понéсу ў вод'íц'у;
Йа на свôй'í кôлôпин'кы
Паруйу телл'íц'у.
7. Йак йа свôй'í кôлôпин'кы
З воды пôут'íгáйу,
Простáўл'у йа на сôн'íчку,
Дáле пôўц'íпáйу.
8. Ой íз мôйых кôлôпин'ôк
Пôв'íсма б'íл'íн'к'í;
Йа напр'áла íз пôв'íсма
Ниточкы тон'íн'к'í.
9. Ей ниточкы тон'íн'к'í
черéз з'íму пр'áла;
Та йа íз вас тôнк'í ниткы
Полотнá наткáла.
10. Ей полотнá м та наткáлá,
Дáле пр'íб'íл'íла;
Та йа свôму м'íл'íн'кôму
Сороч'íну шш'íла.
11. Уддáла с' н'а, л'úба мáмкo,
Уддáла-уддáла,
Гий быс' утú кôлôпин'ку
У кал затоптáла.
12. Та май дôбре туй кôлôпни
У калôви гн'íти,
Йак кôй мин'í молôд'íн'куй
З лéда-б'íдôбў ж'íти.
13. В'íйми й'íй'í íз болôта,
Та будé б'íл'íн'ка,
Йа ни бóду, л'úба мáмкo,
Н'íгдa весел'íн'ка.
14. Ей утú колôпин'ку
Удм'íйеш, удсúчеш.
Ей менé з лéда-б'íдôбў
Шúга ни рôзлúчиш.
15. Пôс'íйу йа кôлôпин'кы,
Будú й'íх рoст'íти,
Бо йа бóду с кôлôпин'ôк
Сорочкы нос'íти.
16. Рôстúт мôй'í кôлôпин'кы,
Йак л'íсôк у гáйу,
А йа с'íла молôд'íн'ка
Тай сôб'í думáйу:
17. Поўб'íра'йу кôлôпин'кы,
На сôнци рôскôчу,
Та за т'ыждин' пôўмакáйут,
Дáле выпôлôчу.
18. Та йак в'íсхнут, йа й'íх пúтру,
Дáле выдир'гáйу,
На куж'íлку йавôрôву
Та понавивáйу.
19. Куж'íлочка йаворôва,
З л'íскы веретéнце.
Пр'íйде м'íл'íый на вечúркы,
Звесел'íт ми сёрце.
20. З высôкôй'í полонин'ы
В'íтрик пôв'íвáйе.
Ба ци скôро веснá крáсна
До нас завитáйе.

21. Ни заўто веснў чекáйу,
Шчо б́уде тепл́ин'ка,
Ай п́ос'́йу ќол́опин'кы́,
Бы росл́и скор́ин'ко.
22. Їак д́озр́йют ќол́опин'кы́,
Їа й́их п́оўб́ирайу,
П́оўм́очуйу, п́оўс́ушуйу,
Дáле обд́ир'гайу.
23. Вечурн́иц'́и завед́еме,
П́ов́исмо нап́р'áду,
А ў м́ис'́аци й́ануáри
За ќросин́ц'́а с'́áду.
24. Ой в́ыткала й́а сто р́ифу
Та й́х п́об́ил́ила,
Та чоты́ри сороч́ичкы
Н́ов́и с́об́и шши́ла.
25. Сороч́ина будé б́илá,
Ў́шиван'́и рука́вы.
Буду́т за мн́оў хл́б́пц'́и и́т́и,
Їак по н́иб́и хма́ры.
26. Ой ход́или лиѓіныкы
Та черéс горóды,
Потоп́гáли ќол́опин'кы́,
Нароб́или шкóды.
27. Ей б́еру ќол́опин'кы́
Зил́ин'́и — зил́ин'́и.
Ќо́й ис'́ н'́а л'́уби́ў ўл́г'́т'́и,
Л'́уби́ н'́а і ў зими́.
28. Ой зил́ин'́и ќол́опин'кы́,
Зил́ин'́и — зил́ин'́и.
Сокот́ис'́а, фáйна ры́пко,
Бы ни покош́ин'́и.
29. Мар́ичины ќол́опин'кы́
Тай ленóк, тай ленóк.
Пару́й с́об́и, Мар́ийечко,
За з́иму пеленóк.
30. Ой с́ижу й́а кóло столá
Та с́об́и думáйу:
Заўтра рáно ќол́опин'кы́
Зас'́ивáти ма́йу.
31. Кóло млинá, кóло млинá,
Кóло в́итровóго
- С'́йе д'́ўка ќол́опин'кы́
Ї л́ену зеленóго.
32. Зас'́йáла ќол́опин'кы́
Тай с́об́и думáйу:
черес тоты́ ќол́опин'кы́
Їа п́от'́иху жд́жайу.
33. П́ос'́йáла м ќол́опин'кы́
Та зийш́оў лени́шче.
Ци б́идá н'́а, мáмко, н́есла,
Ун'́ за горóдишче.
34. Ой Анд́рйу та Анд́рйу,
Ќол́опин'кы́ с'́йу.
Дай ми, бóже, знáти,
Із кым буду́ брáти.
35. Ци ўто с́ол́ов́ий шчеб́ече,
Ци ўто в́ітер в́йе,
Ци ўто м́о́йа д'́ўч́инóн'́ка
Ќол́опин'кы́ с'́йе.
36. П́ос'́йáла ќол́опин'кы́,
Най рóстут удѓб́ри,
А й́а с́об́и напару́йу
Ќросин́ц'́а у дв́б́ри.
37. П́оўб́ира́ла м ќол́опин'кы́,
У моч́ило дáла;
Їак в́ымокли — п́осуш́ила,
Л'́убка закликáла.
38. Помож́и ми, му́й мил́ин'кый,
Д́о́му поно́сити,
Їа ти б́уду м́ол́од́б́му
Зд́орб́ул'́а прос́ити.
39. Ой з́áчала м уд схуд с́он́ц'́а
Ќол́опин'кы́ т́ерти,
А ўв́ич́ирі ни моглá й́а
Поп́ерек прост́ерти.
40. Ой потéлла, подир'́гала
П́ов́исмо шóўкóве,
Нийé ў м́ене куж́ілочкы,
С́ерце ми с'́а кóле.
41. Ой п́дпр'́áла м, позвар'́áла м'
Тай зачáла м ткáти.
Прийд́и мин'́и́, му́й мил́ин'кый,
Ниткы́ уттирáти.

42. Ой вѣткала м ун' сто рѣфу
Самого тонкого,
Половина на сорочки
Мого милин'кого.
43. Пѣс'їяла м кѣлѣпин'кы,
А зыйшѣ горѣшок.
Ни мин'айу нашу д'їрку
За дѣс'ат' волошок.
44. Пѣс'їяла м кѣлѣпин'кы
Кѣло того плѣта.
Болѣт менѣ голѣвочка
Пѣзат твоего рѣта.
45. Пѣс'їяла м кѣлѣпин'кы,
Изыйшла ми лѣнча.
Мамко мѣя солодин'ка,
Де ми ѣе серѣнча?
46. Пѣс'їяла м кѣлѣпин'кы
Кѣло перелѣзу.
Їа т'а, хлѣпче, ни л'убѣла
Н'ї одного рѣзу.
47. Пѣс'їяла м кѣлѣпин'кы
Та пут тым течѣром.
Прийдѣ до н'а, л'убый л'упку,
Темнин'кым вечѣром.
48. Пѣс'їяла м кѣлѣпин'кы
Та ѣбѣла ѣих бѣр'а;
Та шчо бѣду ѣ зѣмѣ пр'асти,
Мамко мѣя л'уба?
49. Ой л'убѣ, мамко, л'убѣ,
Л'убѣ — ни дурниц'а.
Та ми л'убѣ дѣшу спѣла,
Їак кѣлѣпин'ї птѣц'а.
50. Пѣс'їяла м кѣлѣпин'кы,
Зѣўтра бѣду брѣти;
Та ци прѣйдеш, л'убый л'упку,
Мин'ї помагѣти?
51. Ой брѣла м кѣлѣпин'кы
Аш пѣпѣд кѣлѣс'а.
Гѣтка ми т'а, лѣла-бѣдо,
дз'ѣти за вѣлѣс'а.
52. Чѣришин'кы чѣлѣнин'кѣ,
Кѣлопин'кы дрѣбн'ї,
Та вас бѣдут выбѣрати
Сѣстры мѣйї рѣдн'ї.
53. дже м ѣбрѣла, пѣсушѣла,
Зачинаѣу тѣрти.
С кѣлѣпн'ами бы робѣти
До самѣйї смѣрти.
54. Ой кѣлѣпн'а зелѣна
Шче ни покошѣна.
Укажѣ ми, мѣла, прѣўду,
С кым ѣс' заруѣна.
55. Ой вѣйди, мѣя мѣла,
На двѣр подивѣс'а:
Кѣлѣпин'кы покошин'ї,
Лѣнок похѣлѣўс'а.
56. Марѣчини кѣлѣпин'кы
Зѣлѣн'ї — зѣлѣн'ї.
Марѣчини кѣлѣпин'кы
Бѣдут покошин'ї.
57. Ой мѣчу кѣлѣпин'кы
У глѣбѣку бѣн'у.
Їа за своѣым л'упком пѣйду
Ун' на тѣту тѣн'у.
58. Ой мѣчу кѣлѣпин'кы
Зѣлѣн'ї — зѣлѣн'ї.
Мы с'а, л'упку, розѣйдеме
Ишѣ ни бѣжин'ї.
59. Еѣ мѣчу кѣлѣпин'кы,
Дѣле будѣ тѣрти.
За тѣбѣ н'а, мѣлый, болѣт,
Мѣшу ѣ ѣа ѣмѣрти.
60. Еѣ мѣчу кѣлѣпин'кы
У страшнѣ болѣто.
Їа т'а, л'упку, ни полѣшу
черѣс рѣты ѣ прѣто.
61. Та намѣчу кѣлѣпин'кы
д глѣбѣку водѣц'у.
Та мѣй мѣлый чѣрнобрѣвыѣ
Свѣтат удовѣц'у.
62. Ой шчо у т'а, бѣла д'їрко,
На бѣрѣд'ї ѣамка?
— Їа мѣчила кѣлѣпин'кы,
дкусѣла н'а пѣѣўка.

63. Ой ўтки ты, біла д'іла д'іўко,
Та ўтки, та ўтки.
Ци ты бы с'а ни найала
П'ол'окати мўтки?
64. Ой жоно м'іа, жоно,
Богд'ай бы с' ум'єлла.
Ус'і жоны подір'гали,
Ты шче ни пот'єлла.
65. Ой м'іа біл'авіна
К'ол'опин'кы т'єлла.
С'орок г'оду д'ів'очила,
Ниўддан'а ум'єлла.
66. Ум'єлла ми ф'айна рыпка,
Ум'єлла — ум'єлла.
Л'ўбо ми с'а подив'іти,
Де к'ол'опн'і т'єлла.
67. Молод'иц'і круглолиц'і,
Ни д'айте ми ўм'єрти,
Йа вам буд'у помаг'ати
К'ол'опин'кы терт'і.
68. Та ты лиш'і молот'іти,
А йа лиш'у терт'і,
Та п'уйдеме на ц'арину
Вор'ота зап'єрти.
69. Ой ж'іто, м'амко, ж'ати —
Ни к'ол'опн'і терт'і.
Та за д'іўку молод'ін'ку
Б'ыла к'азан' ў ц'єр'кви.
70. Ой пр'ад'у, м'амко, кл'оча,
Паздер'а ў н'ум м'ного.
Йак го, м'амко, т'ашко пр'асти,
Д'айте ми друг'ого.
71. Ой пр'ад'ут кл'оча, пр'ад'ут,
Пазд'ір'а ўм'іт'уйут.
Та за м'ого милин'к'ого
Ўс'і д'іўкы з'в'ід'уйут.
72. Ей, кус'ай, л'ўпку, ўр'ішки,
Бо й ур'ішки д'обрі.
Йа за ўр'ішки поддав'ала
П'овіс'ємц'а д'б'ўгі.
73. Навив'ала м кужел'іну,
Кл'оча столоч'єне.
- Йак'є у н'а, л'ўба, м'амко,
С'єрце засмуч'єне.
74. Ой пр'ад'у, л'ўба м'амко,
Д'б'ўгу мыканиц'у.
Х'од' н'а б'ийте, х'од' руб'айте,
Ни йду за п'яниц'у.
75. Ой Іван'є Иван'б'чку,
Іван'є білін'кый,
Ізроб'і ми кужел'іну,
Йак п'єрстик тонін'кый.
76. Ой так'у кужел'іну,
Бы с'а погин'ала,
Та бы м за т'а, муї милин'-
[кый,
Ўсе здог'адовала.
77. Та ни заб'уд' учин'іти
Х'от' три верет'єна,
Бы м іс т'об'б'ў ўсе сид'іла
До білого р'ана.
78. Ой пр'ад'иўна кужел'іна,
Пр'ад'иўна — пр'ад'иўна,
Та до ний'і чил'ад'іна
Ан'і мак ни д'иўна.
79. Ой пр'ад'иўна кужел'іна,
Пр'ад'иўна — ни в'оўна.
Сид'ит пуд ниў чил'ад'іна
Р'б'зуму нип'об'ўна.
80. Та йа ут'у кужел'іну
У б'б'ўт'і ни куп'іла.
Б'ыло ў х'ашчи д'оста ж'ирд'а,
Йа йі учин'іла.
81. Пр'ала бы с'а куж'ілочка,
К'обы йавор'ова;
К'обы приїшла, под'єржала
Р'учка л'убочк'ова.
82. Ой пад'є с'н'іх, пад'є с'н'іх,
Ун' стр'іху прол'омий'у.
Та т'ул'ко ты, хл'опче, хос'єн,
Шчо с' куж'ілку ўл'омий'у.
83. Йавор'ова куж'ілочка,
Н'ічилниц'і, б'єрдо.
Укаж'і ми, біла д'іўко,

- Ци вірна с' ми твёрдо.
 84. Йаворове веретёнце,
 Кужілкы л'іскбі.
 Такі ниткы йа напр'ала,
 Йак самі шѡўкбі.
 85. Йаворова кужілочка,
 А дубове дёнце.
 Такый у н'а, мамко, л'упко,
 Йак кой веретёнце.
 86. Пр'аду кужіл' — пр'аду кужіл',
 Кручу веретёнце.
 Йа за л'убком ни бануйу,
 Най бануйе серце.
 87. Ой кужіл', веретено
 Пахне дубинѡйу.
 Шчо с' ми, д'їуко, учинїла,
 Гїну за тѡбѡйу.
 88. Ой іді уд н'а, каро,
 Най ми л'упко с'аде,
 Та най ми с'а веселїн'ко
 Кужелїна пр'аде.
 89. Ой кужіл'у-вѡрѡжїл'у,
 Бїда бы т'а пр'ала.
 Йа д'їучина молочїн'ка
 На рўчки зѡхл'ала.
 90. Ой за крѡсна ти ни с'аду,
 Бо ни рѡзумїйу,
 А кужїл' ти ни упр'аду,
 Бо такой ни ўмїйу.
 91. Ой кужїл'у-вѡрѡжїл'у,
 Бїда ми т'а пр'ала.
 Йа т'а вѡржу пуд лавїц'у,
 Бы т'а мыш топтала.
 92. Ой пр'аду-попр'адуу
 Шѡўкѡву кудїл'у.
 чѡмў сидїш — ни говорїш,
 Муй милїн'кый Цїл'у?
 93. Ой пр'аду-попр'адуу
 Тѡнин'ко на мїхы.
 Та ни было тай ни будѣ
 Из бїды пѡт'їхы.
 94. Ой пр'аду — попр'адуу,

- Ни йе тѡму кўнц'а.
 Ни напр'ала м за ўден вїчур,
 Лиш пу вирит'ўнц'а.
 95. Ой упало веретено
 До кѡл'їна ў пашу.
 Ни гѡдна м ти догодїти,
 Нишчасный гусл'ашу.
 96. Ой упало веретено,
 Н'їкѡму подати.
 Были йакїс' лигїники,
 Пушлы дѡмў спати.
 97. Ой упало веретено,
 Упало-упало.
 Лиг'їн' сид'їў та ни вїд'їў,
 А ўно ни казало.
 98. Ой напр'ала м веретёнце,
 Намотала м пасмо.
 Такў м бїдў пѡл'убїла,
 Шчо самўй ми страшно.
 99. Ой напр'ала м веретено
 Тай пу вирит'ўнц'а.
 Ей л'упку солодїн'кый,
 Май с'уды присўн'с'а.
 100. Веретено — веретено
 Пахне дубинѡйу.
 Та змарн'їў іс', лигїнику,
 Хѡд'ачи за мнѡйу.
 101. Ой упало та гѡджало
 З мѡго веретѣна.
 Та так, л'упку, йак ты казай
 Ни будѣ наўхтѣма.
 102. Веретено-припетено
 Пахне дубинѡйу.
 Кудá ідѣш, муй милїн'кый,
 Тай йа іс тѡбѡйу.
 103. Ўрубайу пїшчалѡчку
 Тай дубове дёнце.
 Такá у н'а фáйна рыпка,
 Йак кой веретёнце.
 104. Ой дубове веретено,
 Дубове-дубове.
 Ни йди до н'а, лигїнику,

- Бо ўбйут т'а, нибóре.
 105. Ей у Петры у Турáдзи
 Фáйно заметéно.
 Васи́лина забіга́йе
 Ыак кой веретéно.—
106. Ыаворóва кужі́лочка,
 Такé й веретéнце.
 Ыа за л'ўпком ни бану́йу,
 Най бану́йе сёрце.
107. Веретéнце-припетéнце
 Па́хне дубинóйу.
 Та помарн'і́ў бі́лыи лиг'ін'
 Хбд'ачи за мнóйу.
108. Ой пр'áду-попр'áдуйу
 Шдóўкóве пóвісмо.
 С'ідáй, л'ўпку, кóло мéне,
 Та ўчін'у ти м'істо.
109. Ой пр'áду-попр'áдуйу
 Тонін'ке пóвісмо.
 С'ідáй, ры́пко, кóло мéне,
 Хот' нам бóде кісно.
110. Ой пр'ад'і́т, д'і́ўкы, пр'ад'і́т,
 Ыа йду дóму спáти;
 Кóло дóба зелéного
 Будú вас чекáти.
111. Ой напр'áла м веретéнце,
 Намотáла м мóток.
 Ыа гадáла, шчо ты лиг'ін',
 А ты бáбин знóсок.
112. Ой пр'áду-выпр'адáйу
 Тóнко на м'ішчáта.
 Сиді́т' л'ўпко на пр'іп'ічку,
 ч'ініт' кóл'ісц'áта.
113. Ой напр'áла м веретéно,
 Нийé мотóвила.
 Ыакá за мнóў пр'ійшла,
 Такú м пól'уб'іла.
114. Тотá лáўка нишчасл'іва,
 Шчо йа на н'уй пр'áла,
 Бо уз'áли у катúне
 Цил'á тай Мигáл'а.
115. Ой пр'ад'і́т, вы д'івочкы́,
 А йа бóду спáти.
 За горóдом зил'ўн-йáвур
 Там вас бóду жджáти.
116. Ой пр'áду пóвісемцé,
 Менé рúкы бóл'ат;
 Та йа пр'ійду дóдóмбчку,
 Зо мнóў ни гóвб'рат.
117. Ой пр'áла йа, ой пр'áла йа,
 Ы кумá помагáла,
 А остáнок, шчо с'а ўстáло,
 У шпор ім поклáла.
118. Ей ни самá м тотó пр'áла,
 Бы́ли й пóмучниці́
 Та за р'іпу, за пасúлі,
 Та за печениці́.
119. С'іла м пр'áсти извéчера,
 Пр'áла м дóпунóчи.
 Ц'ілу м нúчку л'ўпка ждáла.
 Ни злипáла м óчи.
120. Ой пр'áду тóнкóў н'іткóў
 На тонін'кі м'іхы.
 чéрес тéбе, біла д'і́ўко,
 Ни ма́йу пòт'іхы.
121. Ой пр'áду, нийé р'áду,
 Тонін'ко на м'іхы.
 Та солóтка фáйна ры́пко,
 Ни йе с т'а пòт'іхы.
122. Ей пр'áду пóвісемцé
 Тонін'ко-тонін'ко.
 Та мб'йóму сёрдечкови
 Ўже бóде легéн'ко.
123. Та пр'адéс'а кужел'іна
 Вóўн'ána-вóўн'ána.
 Сиді́т' пуд ниў д'і́ўчинóн'ка
 Румн'ána-румн'ána.
124. Круті́лбс'а веретéно,
 Ниточкы́ мотáло.
 Та ни дúмай, лиг'і́нику,
 Шчо нат тéбе стáло.
125. Круті́лос'а веретéно,
 Круті́ло-круті́ло.
 Бодáй тебé, лиг'і́нику,

- В море заводило.
 126. Ой пр'аду-пôпор'адуу
 Тонін'ке та рúне.
 Котрé бýло май милін'ке,
 Пушлó у катúне.
 127. Ой пр'аду-пôпр'адуу,
 Дáле сôбí л'áжу.
 Менé сёрце твёрдо болít,
 Никôму ни кáжу.
 128. Ой пр'аду-пôпр'адуу
 Тонін'ке та рúне.
 Та муй л'úпко веселін'кый
 Пушбóу у катúне.
 129. Ой пр'аду-пôпр'адуу,
 У мене рúчки бíл'í.
 Їа с'а нáпйу зурíлочкы
 Кôждôйí нид'íл'í.
 130. Ой пр'аду-пôпр'адуу
 Тóнин'ко на мíхы.
 С'íдай, л'úпку, кóле мене
 Та кусáй урíхы.
 131. Ой пр'аду-пôпр'адуу,
 Нийé тóму кúнц'á.
 Уд нид'íл'í до нид'íл'í
 Нийé вирит'úнц'á.
 132. Ей пр'адé ми с'а пр'áтка,
 За гуд однá нítка.
 Менé мáмка похвалíва,
 Шчо йа прíязийн'ка.
 133. Та пустí н'á, л'úба мáмко,
 Де будúт гусл'áти;
 Аш ти нítку ни напр'áду,
 Хôт' будú игрáти.
 134. Ей пр'аду-пôпр'адуу,
 Ў мене нítка тúга.
 С'íдай, л'úпку, кóло мене,
 Най с'а сёрдит дрúга.
 135. Ой пр'áли с'ме ў пилíпôўци,
 Пр'ад'ím í ў мн'аснíc'í.
 Пôд'áкуйме чéснуй жун'í
 Шче й за вечурнíc'í.
 136. Ой пúйду на вечúркы
 Та мáло пôпр'áду;
 Нийé тóго, шчо йа йогó,
 Їа спáточкы л'áжу.
 137. Нийé тогó, шчо йа йогó,
 Шчóбы м го л'убíла.
 Ажбý ўрíшкы ў Вил'áтин'í,
 Їа бы м му купíла.
 138. Ой пр'аду-пôпр'адуу
 Тóнин'ко на мíхы.
 Нийé л'úпка на вичúрках,
 Нийé ми пôг'íхы.
 139. Ей кôй бы ни вечúркы
 Тай ни вечурнíc'í,
 Нарубáў бы м мáмц'í дровíц'
 Та зан'ус вóдíc'í.
 140. Мотовíло-мотовíло
 По цёр'кви ходíло.
 Ус'íх л'удий ни душíло,
 Попá ни лишíло.
 141. Намотáйу мотовíло
 Тонкýми ниткáми.
 Ни бéру т'á, д'íўко, йгрáти
 С тôўстýми ногáми.
 142. Ой напр'áла м веретёнце,
 Намотáла м пáсмо.
 Такú м бídú пôл'убíла,
 Шчо ўс'ím л'уд'ом стрáшно.
 143. Та йа ў мáмки однá бýла,
 Та йа ў мáмки рóсла;
 Мин'í мáмка за кóшиком
 Навивáла крóсна.
 144. За кóшком навивáла,
 На прíчипку ткáла;
 На стóлику йавôрбвум
 Ц'ívочкý сукáла.
 145. Ой навíла м воротíлце,
 Н'íкôму ми ткáти.
 Мúшу íти у кôрчмóчку,
 Будúт н'á там ждáти.
 146. Ой нôвí ў н'á, мáмко, крóсна,
 Лиш йа йím ни рáда.
 Дôкí прíйду íс корчмóчки,

- Най їх чче громада.
 147. Ой ччу йа полотенець
 На золотых кроснах.
 Такый ми с'а, л'упку, видиш,
 Йак зурничка йасна.
148. Та іс тбійі колопін'кы
 По двбійі кросінц'а.
 Утпаў іс' ми, л'упку ўд душі,
 Кобы шче ут сірц'а.
149. А добыли кросін'ата
 Хлбпц'і кучир'аві,
 Бы м вшыла сорбичкы
 Красно вышиван'і.
150. Та за мбйу рбббтбн'ку,
 Та за мбйу прац'у
 Будут мене призывати
 Лигін'і до танц'у.
151. Ой на мбйих кросін'атах
 Пбнужі кривін'ко
 Прийді' л'упку, посідиме,
 Говорі тихін'ко.
152. Йаворбва кужілочка,
 Калінове бёрдо.
 Та кажі ми, л'убый л'упку,
 Ци л'убиш н'а твёрдо.
153. Марійічко, Марійідко,
 Йак тбнин'ко пр'адеш.
 Ой де сббі, Марійічко,
 Бёрдечко пудбереш.
154. Ей йа сббі та путбёру
 Ў сус'іды бёрдечко.
 Котрый лигін' чорнобрывый,
 Отó ми сердечко.
155. Учині, л'упку, звар'алниц'у
 З дуба зеленóго.
 С'бійі зимы йа напр'ала
 Дуже мутку мнбго.
156. Йа ти ўчйн'у звар'алниц'у
 З сухбійі йалиц'і,
 Абы с' т'ашко ни носіла
 До тбійі кырніц'і.
157. Коли узнаў муй милін'кый,
 Шчо пр'ажа готбва,
 Та ўже ў н'бго пуд рукбйу
 Коніна граббва.
158. Ей кбн'а зробіў з граба,
 Замбт'ачкы з л'іскы,
 А качичкы із йавора
 Рунін'кі, йак свічкы.
159. Учиніў ми сновалниц'у,
 Абы м свбйу мала,
 Абы м скóро посновала
 Й до кросін с'а ймн'ала.
160. Пóтак ўчині, лиг'інику,
 Кблесо збий рúно.
 Та йак бóду ц'іўкы вїти,
 Бы с'а вїли тóго.
161. Вытеші ми, муй милін'кый,
 Ц'іпочкы рунін'кіі
 Бы с'а на них ни пурвали
 Ниточкы тонін'кі.
162. Порад' мин'і, муй милін'кый,
 Куды с'а звертати,
 Трёба бы ми до нид'іл'і
 Ў хыжи крбсна мати.
163. Ни журіс'а, мбйа мїла,
 Уже крбсна гбтбві,
 Лиш абы ти, мбйа мїла,
 Ручкы іздбрбві.
164. Ой крбсна йавбрбві,
 Набилкы кленбві,
 Та так у них бёрдо стбйит,
 Йак у золотбви.
165. Учиніў ми муй милін'кый
 Крбсна йавбрбві,
 Та бы м сббі наўтыкала
 Ручкы ленбві.
166. Ой скріпц'і лéхко хбд'ат,
 Зббйичі рунін'кі,
 Йак на них с'а намучили
 Ручкы золотін'кі.
167. Ой набрала м ў нїчилниц'і,
 Зайтра бóду ў бёрдо,
 А позайтр'у бóду ткати

- Пòкрòўчыкы твèрдо.
 168. Та закручу огниўц'ат'ом
 Кòло воротіла,
 Бы робити май вèсело,
 Мамко мòйа мїла.
169. На нїчилниц'ї приїажу
 Пòнужі дубòві,
 Чїновате полотèнца,
 Мутускы шòўкòві.
170. З чòго с', л'ўпкы, чòўник
 [ўчинїў,
 Ци ни з йасенїны,
 Йак ў н'ум флудик лèхко
 [хòдит,
 Ци ни іс тернїны?
 171. Йа ти чòўник, рыпкы, ўчинїў
 Із ївы сухòйї,
 А флудикы м ти нарубаў
 С слївы вòсòкòйї.
172. Ой чòўникы та ивòві,
 Флудикы сливòві,
 Абы лèхко проходїли
 Ниткы памутòві.
173. Ой ц'ївочка йаворòва,
 Пòтачок дубòвый.
 Та муй л'ўпкы мїжи хлòпц'ї,
 Йакòй орон'òвый.
174. Та йа с'аду за кросїнц'а,
 Буду сòбі ткати,
 А ты прийдї, муй милїн'кый,
 Ц'їўкы насукати.
175. Та ци ц'їўка памутòва,
 Чòўник урїхòвый.
 Уто ми ўчинїў, мамко, л'ўпкы,
 Най будè здорòвый.
176. На прїпїчку м пр'ала,
 На кòшику ткала,
 Пуд йавором зеленїн'кым
 Ц'ївочкы сукала.
177. Ей кужїл', веретено,
 Нїчилниц'ї, бèрдо.
 Учїла н'а мамка ткати,
 Побїла н'а твèрдо.
178. Ой ччу йа полотèнце,
 Та мин'ї ни ччèс'а.
 Твердà л'убў, дурный рòзум
 Дбўго ни ведèс'а.
179. Припусником припущали,
 Ниткы уттирали.
 Мбїй ручкы кòждого дн'а
 По с'їм рїфу ткали.
180. Ой вїткала м полотèнце,
 Та м го пòбїлила.
 Та йа сòбі с'їм верèток
 На пòс'ц'їл' пошїла.
181. А милòму, шчо ми ўчинїў
 Крòсна, гий з золòта.
 Сòрòчку му файну шшїйу
 Та шче му дам рòта.

С. Вонїгово Тячівського району Закарпатської області УРСР; від жїнок рїзного віку записала в 1959 р. В. Ю. Пляшко.

Йак проходїли вечурнїц'ї

Шче до рад'анц'коїй ўлады ў нас, жун, гòлдўнòбў рòбòтòў у л'їт'ї тай у зїмї робòта с кòлòпн'ами. Трèба бїло с'їяти кòлòпн'ї, пр'асти йїх тай вытыкати полòтна. А зàшчо отò так бїло? Отò бїло так за ўто, шчо мы жїли бїдно. Із зимл'ї мàло бїло хуснà так, шчо грòший лèдвї нам доходїло на хл'їб, не вòн' на р'анд'а тай верèты, пòкруўц'ї. Заўтò убїран'а чòлòвїка, д'їтїй тай отò, шчо трèба у хьжи лежалò на плècox жун.

Мы с'а сходіли даўно ў ракаш пр'асти, ісе на вечурніц'і.

Потэрты кòлòпн'і тай подір'гати жòны шче ўвосень, кой сòнце гр'іло. А у новімбрі тай у дицимбрі ужé приступáли до пр'áжі. Рас пр'áли клòча тай гòлòўч'ін'а, а дáле пòв'ісмо. Отò ў ус'іх мáйе б'іти нáрас пудгòтòўлено.

Тип'ір' ужé хòчеме пр'асти, айбо самòму пр'асти дўже сўмно, бо йак с'а веретено крутит, та ф'ыркайе та пуд отò ф'ыркан'а хòче с'а спáти. Ісе рас. У дрўгый рас трéба б'ыло куповáти мнòго лáмпы,¹ дрòў. Бо бес св'ітла тай у студенуй х'ьжи пр'асти ни б'удеш.

Тòўды мы с'а з д'іўкáми з'йдэме та рáдíme с'а, де бы с'ме с'а сходіли пр'асти, де бы с'ме учин'іли вечурніц'і. І порáдímес'а так: однòго вéчера однá принесé лáмпы, дрўгòго вéчера дрўга та ўсе кòждый вéчур дрўга. А по др'ўц'яти кòжда увич'ірі принесé. Усé с'ме пудбирáли так'у х'ьжу, бы ў н'уй жонá б'ыла ф'ігл'áрна, весéла, бы с'а ни сёрдила на хлòпц'у, но а ў так'у х'ьжу хлòпц'і л'ўбл'ат иті.

І мы ўже з'йшл'ис'а на вечурніц'і. Лиг'ін'у шче нийé. Мы пáлимé пал'ух'ы, бе с'ме в'ід'іли, ци пр'ійдут хлòпц'і. Іс кòждòго к'ужіл'а наскубемé к'учку клòча та однá д'іўка путпáлит. Аш клòча полет'ит идгòрі, тòўды пр'ійде лиг'ін'. Аш клòча с'а сх'ылит ит дрўгуй к'упц'і, тòўды лиг'ін' д'іўку л'ўбит.

Тòўды ужé с'идáйеме пр'асти, сп'івáйеме, с'м'ийемéс'а. Рас ч'уйеме пут х'ьжòў д'упкан'а. Отò ўже знáйеме, шчо йдут лиг'ін'і. І зупрáўд'і. Захòдит' пòўна х'ьжа лиг'ін'у. Кòждый лиг'ін' с'идáйе кòло свòйойі д'іўкы та чекáйе, коли уд нийі упáде веретено. Коли упáде веретено, лиг'ін' го хватáйе та ни дайé д'іўц'і, дòки го ни пòц'іл'уйе. Аш го ни пòц'ул'уйе д'іўка, тòўды ўд нийі ўлòмит веретено. Айбò веретена ни ўсе пад'ут, а лиг'ін'і бы с'а ц'ул'овáли.

Тòўды лиг'ін'і с'а рáд'ат, йакòйі бы с'а дв'уркы двор'іти. Ма'й пёрший рас пад'ут у кòлòд'аз'. Одén кáже: «Упаў ім у кòлòд'аз'. Дрўгий: «На к'ул'ко с'áжн'у?» Пёрший: «На д'ис'ат'». Дрўгий: «Та ко бы т'а ўт'ах?» Пёрший лиг'ін' кáже, котрá бы го д'іўка ўт'агла. Д'іўка м'усит иті лиг'ін'á пòц'ул'овáти, а самá ўстайéс'а на тòму м'ісц'і та кл'іче ўже лиг'ін'á.

Так с'а двòр'ат і дв'уркы «Печ'і гусакá» тай «М'ір'ати пáнкликы». Пёрший лиг'ін' стаў та росстáвиў уб'і р'уки та кáже: «М'ір'айу пáнклик». Дрўгий: «На к'ул'ко м'итру?» Пёрший: «На с'ім». Дрўгий: «Кò бы ти пòм'ух?» Пёрший назывáйе імн'á тòйі д'іўкы, кòтр'у хòче бы го пòц'ул'овáла. Д'іўка рòсстаўл'áйе р'уки та ц'ул'уйе лиг'ін'á. Тип'ір' ужé на м'ісц'і устайéс'а д'іўка.

Дрўгый вéчур сидимé-сидимé, а лиг'ін'у нийé, а мы йдемé лиг'ін'у кл'ікати у ц'іўку. Однá д'іўка напр'адé дòўгу н'ітку. На йс'у н'ітку зайáзуйут ўзел та кáжут: «Зайáзуу Цил'á, Мигал'á. . .» За кòждым ўзлом назывáйут імн'á хлòпц'а. Дáле однá д'іўка ўйде на пут та кл'іче у ц'іўку лиг'ін'á. А тым чáсом дрўга тот ўзел, шчо зайáзаны'й на с'òго лиг'ін'á, пáлит та кáже:

¹ Лáмпа 'рас'

«Так бы т'а пекло прийті с'уды, гий печэ лампа сис' узел». А коли прийдут лиг'ин'і, та д'іўкы с'а радуиут, шчо ото заўто прийшли, шчо йіх клікали у ц'іўку.

Пр'адеме хот' йак дбпузно тай зголодн'іеме. Мы принесеме з дбму милайу та варіте'а цілій вѣчур, а йак ідеме гет, та пдйіме з лиг'ин'ами. Ват' одна принесэ олбйу, друга ріпы, трит'а пдпру та спечеме кийзлику та так із нами ид'ат лиг'ин'і.

Бывало, шчо хлбпц'і приведут і гусл'аша та ўчїнїме танц'і. Ус'і д'іўкы пр'адут, а йграти йде лиш тота, шчо йі хлбпц'і закличут. Айбо май сміх, кой лиг'ин' на д'іўку сердитый та зопре йуй таниц'. Іграє д'іўка з лиг'ин'ом, іграє, а пак лиг'ин' каже: «Стуй, гусл'ашу а ты, д'іўко, вон іс танц'а». Праўда, ото д'іўц'і дўже велика кѣдва, бо то лиш май пѣршым д'іўкам іспирали таниц'.

Як идут' д'іўкы із вечурниц' дбму, та кождый лиг'ин' упраул'ає свбйу л'убаску дбму та несэ йуй веретѣно тай кўжил'.

Айбо даўно, шче при туй вбйн'і та пр'али т'ашко, бо ни было лампы, а чил'ат' світила, чим могла. Май пѣршый рас світили пул'їнами. Ото было доста тдўстин'ке дрыво. Ото мало быти с сухбйї липы ваг' трѣты. Ісѣ дрыво называлдс'а пдл'їно. Ісѣ дрыво запалили та ото гдрилло, а чил'ат' пр'ала. Клали запалене дрыво на лавиц'у коло пѣче, бы дым ішбў у пїч. Дале вытїсовали шкалочкы с сухого дѣрева — з липы, трѣты, л'їскы. Іс'у трїсбчку одѣн держаў запалѣну, а другі пр'али. Дале мало май пўзно палили опайчикы. Ісѣ было такѣ: розрїзовали велику ріпу надвойе. У ріпі вькоропчили д'їрбчку. У д'їрбчку насыпали олбйу. У тот улўй затоптали напр'адѣну нїтку. С'бїї нїткы ў олбйови было много. Типїр' на чотыр'бх кўнчиках нїтку мало ўтагли вон та запалили. Ото гдрилло, а д'іўкы тай жбны пр'али.

Ото было так даўно, а типїр' мблоди дббре, бо аш пр'адут, тай ото гий бы с'а дворїли. Нашчо ім пр'асти тай ткати, кой мош ус'ого купїти. Типїр' йе елѣктрика. Мблбт' првбдїт' час у кїнбви, у клубї у бїблїотѣцї, а ни на вечурниц'ах коло опайчика.

Йа жалуйу, шчо с'ак ни было тдўды, кой йа д'ївбчила.

С. Вонїгово Тячівського району Закарпатської області УРСР; записала 1959 р. В. Ю. Іляшко.

Замовляння від хвороби волокно

Ото така бул', шчо с'а учїнит на руц'ї. Упўхне рука, та дбтї там вертїт, шчо кўску ўверже вон. Мбже с'а такѣ трафїти і на нбз'ї. Типїр' іс'у кўску уччир'аїес'а. Берѣ с'а ўхоснована р'анда. Запал'уйес'а йс'а р'анда і много рас трѣба нїў махати.

Прийшла весна, ўйшла бїла жонá. Колбпнник утхарїла, на колбпн'ї парѣновала, колбпн'ї с'їйала, колбпн'ї прикбповала, ў колбпн'ї пўжало

клáла, кóлбпн'і брáла, ў горстí складáла, у боглій збивáла. Кóлбпн'і мочíла, т'аскуникóм притискáла, кóлбпн'і удмывáла, на сóнце сушíла. Кóлбпн'і тéлла й уттирáла. Кóлбпн'і дír'гала, клóча й гóлбóчн'а ут пó-вісма уддíl'áла, пóвісмо у гыткы́ йазáла, пóвісмо пр'áла, ў мýтки мотáла. Мýтки завр'áла, мýтки пр'áла. Ниткы́ мотáла, ниткы́ у клупкы́ ви́ла. Óснóву сновáла, на крóсна навивáла, у нíчилниц'í й бёрдо набирáла. Ц'íўкы́ су-ка́ла, у чóўник клáла, полотнó ткáла. С полотнá сóрбчку шíла, сорóчечку носíла. Зыйшлó с сорóчки на р'ándбчку, з р'ándочки на мыйбчку, із мýйочки нítбчку, а з нítочки на фуч. Так абы́ сisé волокнó розыйшлбс'а на фуч.

Íсé трéба три рас казáти, р'ándбчку запалíти та волокнó курíти.

Лен

(веснянка)

Постававши в коло, дівчата співають і імітують рухи при різних роботах, пов'язаних з втросуванням льону, виготовленням волокна, ниток, полотна.

Ой на горí лен, лен,
На долíн'і мак, мак.
Гір'кí на́ши лен'анíц'í
Копáти би так, так.
Ой на горí лен, лен,
На долíн'і мак, мак.
Гір'кí на́ші лен'анни́ц'í
Сма́жити би так, так.
Ой на горí лен, лен,
На долíн'і мак, мак.
Гір'кí на́ші лен'анíц'í
Брáти би так, так.
Ой на горí лен, лен,
На долíн'і мак, мак.
Гір'кí на́ши лен'анíц'í
С'íйати би так, так.

Ой на гóр'í лен, лен,
На долíн'і мак, мак.
Гір'кí на́ши лен'анíц'í
Тíпати би так, так.
Ой на горí лен, лен,
На долíн'і мак, мак.
Гір'кí на́ши лен'анíц'í
Дёр'гати би так, так.
Ой на горí лен, лен,
На долíн'і мак, мак.
Гір'кí на́ши лен'анíц'í
Пр'áсти би так, так.
Ой на горí лен, лен,
На долíн'і мак, мак.
Гір'кí на́ши лен'анíц'í
Ткáти би так, так.

С. Росішка Рахівський район Закарпатської області УРСР; записав 1967 р. М. А. Грицак.

Edgar Allan Poe and I. S. Turgenev

The connections of the American writer Edgar Allan Poe with Russian literature of the nineteenth and twentieth centuries form an intricate and fascinating tale.¹ One of the earlier and less known of these connections is that which links Poe's work with writings of Ivan Sergeevich Turgenev. Possibly the first critic to suggest Poe's influence on a work of Turgenev was Karl Frenzel, editor of the Leipzig *Deutsches Museum*.² Reviewing the Bodestedt translation of Turgenev into German, Frenzel wrote in 1866:

Eine seiner letzten Schöpfungen: »Erscheinungen«, im zweiten Theil der Bodestedt'schen Uebersetzung, verdankt ihren Ursprung wol den »Tales of mystery« von dem Nordamerikaner Edgar Allan Poe, dessen sonderbarer und wilder Genius bei uns noch immer nicht die verdiente Würdigung erfahren hat . . . Im Poe'schen Stil begonnen, endet diese Phantasie, wie die mystischen Geschichten des amerikanischen Dichters, mit einem Fragezeichen.

Frenzel assumes Turgenev's acquaintance with Poe's tales, as safely he may. Turgenev began work on "Prizraki" in Paris in 1856. During that same year Baudelaire's volume of Poe translations, *Histoires extraordinaires*, went through two editions. Translations of Poe into French continued to appear frequently over the next decade. Closely associated as he was with French men of letters, Turgenev could hardly have been unaware of the Poe vogue, during the years when he worked intermittently on "Prizraki".

Whatever induced Turgenev to undertake a story in the fantastic mode, he was aware from the start that its success was problematical. The piece caused him no little discomfort and embarrassment both before and after its appearance in Dostoevskij's *Épokha* in 1864. His "Vmesto vstuple-nija", which accompanied the first publication of "Prizraki" apologized for its lack of seriousness, shown through use of a fantastic frame for his observations. This was indeed the fault which some of his Russian critics and friends found with the story. Yet Dostoevskij, as his editor, criticized him for something quite different. Applauding Turgenev's venture as a bold departure which would be welcomed by the alert segment of the public, he felt that there was yet in it "слишком много реального".³

¹ This is the subject of a forthcoming book by this author, to be published in the United States.

² K[ARL] FR[ENZEL], Iwan Turgénjew: *Deutsches Museum* I, 1866 (No. 3, 18 januar), 88—91.

³ Letter to Turgenev, St. Petersburg, December 23, 1863: Письма, I. Москва—Ленинград 1928, ed. A. Dolinin, 343—344. A letter from Dostoevskij to his brother written the following spring says less complimentary things about "Prizraki" and about Turgenev: Письма, I, 352.

It is interesting to juxtapose this criticism with that which Dostoevskij wrote of Poe in 1861.⁴ In a preface to three Poe stories being printed in *Épokha's* predecessor *Vremja*, Dostoevskij voiced keen admiration for Poe's psychological penetration and certain aspects of his imagination, but he judged him inferior to E.T.A. Hoffmann in fantastic quality. Frenzel also found Turgenev's "Prizraki" weak in creation of fantastic atmosphere. He did not share Dostoevskij's critical attitude toward Poe, however:

Die einzelnen Schilderungen sind mit der ganzen Kunst und Kraft Turgénjew's entworfen; ... aber dem Ganzen fehlt die poetische Einheit, der Abschluß. Charles Nodier hat vor Jahren solch ein Traumleben ebenfalls, mit nicht besserm Erfolg, zu schildern versucht; ihm wie Turgenjew fehlen die naturwissenschaftlichen Kenntnisse, die feinen psychologischen Beobachtungen, an Nachtwandlern und Magnetisirten gemacht, die Poe's abenteuerliche Darstellungen auszeichnen und durch ihre Wahrheit, ihre Möglichkeit im einzelnen den Geist des Lesers fesseln.

Poe is here supposed to proceed from observation of real phenomena; Dostoevskij was in fact more acute when he spoke of Poe's incredible force of imagination which allowed him to simulate such experience.

The point of contact between "Prizraki" and Poe is presumably the figure of Ellis, the vampire who conducts Turgenev's narrator on his nightly flights over the continent. A phantom-woman with a non-Russian face and an English name, she declares her love for the protagonist and persuades him to yield to her nighttime powers. Trying to win her way back to life by the only means in her grasp, she drains her victim's blood, but herself is in terror of annihilation by Death. If a faint suggestion of the nightly soaring might be seen in Poe's "The Power of Words", the feminine phantom possessing unearthly knowledge and struggling to reincarnate herself at another's expense calls attention forcefully to Poe's Ligeia and Morella. Ligeia, ethereal but passionate, erudite and profound, is of mysterious origin: her husband never knows her family name. She possesses a forbidden knowledge and above all an intransigent will which enables her to overcome her rival from the grave. Her deathbed words foretell the outcome: "Man doth not yield him to the angels, nor unto death utterly, save only through the weakness of his feeble will." Ligeia will have life, in order to possess her love again. Ellis, whose jealousy has a different cause, uses love as a means to life. If the parallel with Ellis is significant, the ambiguity of the result of each one's striving is equally so: Ligeia rises in the ceremonies of Lady Rowena's corpse, but is it to real life? And Ellis cries out that all is lost, she has been seen by Death. But she is last seen, a full-blooded woman lying on the grass, who "stings" her lover's lips once again and then returns no more. Has she gone to Death or to some new life? Morella, likewise profound and mysterious, alienates her husband with her mystery. However, she reconquers both him and life by her reincarnation in their daughter—until the horrible denouement through which he is punished, and she as well.

These comparisons though built on certain thematic resemblances and the strong likelihood that Turgenev did see the Baudelaire translations during the 1850's, are only surmises. They are attempts to understand what similarities a contemporary might have seen between the two writers. There will be at least one, more concrete link between Turgenev and Poe pertaining to

⁴ [F. M. DOSTOEVSKIJ], *Время* I (1861) 230—231.

the former's latest fiction. But something remains to be said about earlier works.

Another story, dating from the time when "Prizraki" had its inception, is "Faust", published in 1856. Far more typically Turgenevan in characterization, setting, and general outline, "Faust" also suggests that its author may have drawn on Poe's "Ligeia" and "Morella" for certain features. Madame El'cova, the heroine's mother, does not descend from ordinary Turgenevan stock. Behind her stands a father, who in his later years kept entirely to his study, occupying himself with chemistry, anatomy, the cabala, who "хотел продлить жизнь человеческую, воображал, что можно вступать в сношения с духами, вызывать умерших . . ." ⁵ All of his lore he passed on to his daughter. Madame El'cova's mother had been an Italian peasant of Albano, stolen from her fiancé, who murdered her on the day after she gave birth. Madame El'cova "была . . . женщина необыкновенная: она говорила на нескольких языках, много знала." But she bears an aura of mystery. Her face is expressive, dark, surrounded by thick hair. Her eyes, the etherealized version of the Italian woman's humid ones, are large and stern and seem extinguished. Her nose is straight and delicate. This is perhaps the stereotype of the mysterious woman, but in the light of several other features of the story one must note that Ligeia too—she of the luxuriant dark hair and magnificent eyes—was of mysterious origin and possessed occult learning. Like Morella and like Madame El'cova, she used this knowledge and the intensity of her will to overcome death and regain one she loved.

Madame El'cova's power over her daughter Vera is absolute. She keeps her as isolated from human society as the second Morella's father keeps his child, though from different motives. After her mother's death Vera habitually sits beneath her portrait. And she has brought forth a daughter in her mother's image rather than her own. When Vera, who has been carefully guarded well into adulthood from poetry or anything that might awaken passion, is suddenly conquered through the reading of "Faust", her mother's apparition warns her, and she is swept away by an undefined illness. The mother-daughter link here is not of mysterious identity and it is not diabolical. But the hints are numerous enough that the comparison with Poe has validity.

Certainly the differences between Turgenev and Poe are more marked than the similarities. Yet it is not a question, after all, of imitation, but rather of using elements assimilated from other sources for an author's own ends. As to Turgenev's ends, Emile Haumant concludes, after discussing his "supernatural" tales:

Ces récits sont peut-être pâles a coté de ceux de Hoffmann, de Maupassant, de Poe. Mais Tourguénief n'a jamais eu l'intention de produire un effet de terreur. Il a voulu partir d'hypothèses qu'on discute—celle de la télépathie, par exemple—pour jeter sur l'inconnu possible un regard qui n'y verra jamais rien de plus effroyant que la réalité connue de tous.⁶

Whatever the dissimilarities between Poe and Turgenev, when one approaches the final work of Turgenev's career, one is on firmer ground than that offered by mere speculation. The volume of *Literaturnoe nasledstvo* devo-

⁵ Quotations from Turgenev are taken from Полное собрание сочинений и писем в 28-и томах. Москва—Ленинград 1960—

⁶ EMILE HAUMANT, Ivan Tourguénief: la Vie et l'Oeuvre. Paris 1906, 282.

ted to Turgenev's Parisian archive contains a letter relevant to the genesis of "Klara Milič, ili posle smerti". This story is based on a real-life occurrence, the suicide of a well-known actress, who poisoned herself on the stage of the Har'kov theater in November of 1881 while acting in a play of Ostrovskij. This tale was related to Turgenev by friends. To one of them he wrote: «Презамечательный психологический факт — сообщенный вами — посмертная влюбленность . . . Из этого можно бы сделать полуфантастический рассказ в роде Эдгара По.»⁷ A slender connecting link, and yet it establishes what was logically supposed earlier: Turgenev's acquaintance with Poe and with those works dealing with the phenomenon of "love after death"—that is, surely, with "Ligeia" and "Morella". An analysis of the story is indicated to see to what extent Turgenev adopted "the vein of Edgar Poe".

In an essay on Turgenev's use of the mysterious, M. Petrovskij observes that the irrational and the mysterious exist back-to-back with the everyday, not merely in certain of Turgenev's writings, but throughout his work. Love is often both mysterious and evil; and the law of death is always both evil and terrible. And behind both stands fate, mysterious and merciless.⁸ These themes occupied him more and more, it is true, toward the end of his life, particularly as evidenced in his poems in prose. "Pesn' toržestvujuščej ljubvi", a story of Italianate flavor written in 1881, utilizes especially the first-mentioned of these themes with a strong element of fate, in whose operation sorcery and hypnotism play central roles.⁹ However, it is "Klara Milič" which best unites love, death, and fate in a story whose elements are typically Turgenevan.

The heroine, Klara, is mysterious but not exotic. Her history has nothing of the unusual about it: born Katerina Milovidova, of a Kazan' merchant family, she is thoroughly Russian, even to directing her plea to the hero, Jaša Aratov, through a recitation of Tatjana's letter from *Evgenij Onegin*. Like Tatjana she has depths which her chosen hero does not appreciate until too late. However, instead of coming to terms with the everyday, she does a desperate act. (Another such Turgenev heroine is Susanna of "Nesčastnaja".) Her suicide horrifies Aratov, but at the same time it strikes him as being "in bad taste", as indeed has her behavior all along. In her deed desperate romanticism affronts everyday decorum. And yet the former, Turgenev hints, may represent a stronger reality than the latter. At least in a strange manner it seems to win out.

Klara's mysteriousness is rooted in her own belief in fate, which for her replaced belief in God. She had strange dreams. Her entire will bent on

⁷ Из парижского архива И. С. Тургенева. Литературное наследство, 73. Москва 1964, Part 1, 420.

⁸ М. Петровский, Таинственное у Тургенева. Творчество Тургенева. Москва 1920, 83, 88.

⁹ M. Geršenzon points out a very similar plot in Bulwer-Lytton's prolix novel *A Strange Story*, considering Turgenev's acquaintance with it very likely. (Мечта и мысль И. С. Тургенева. Москва 1919, 99.) André Mazon cites two different endings sketched by Turgenev for this tale. In the first, Fabio, the wronged husband, stabs the sinister Muzio, and through some hidden connection Valerija also dies, whereupon Fabio hears the strains of the song of triumphant love and questions: can it be that they are now united? Contrasting this with the definitive ending (in which after Muzio's departure, the song is heard at the moment when Valerija realizes that she is carrying a child), Mazon finds the first to be of purely romantic inspiration, while the second has a link with reality in the manner of Poe or Maupassant. (Manuscripts parisiens d'Ivan Tourguénev. Paris 1930, 150—154.)

capturing the idealized man of her dreams, she yet foresaw a tragic end to her hopes. Aratov, careless of her in life, feels himself captured by her in death, even as he realizes that by all rational standards her older sister Anna, from whom he learns of Klara's character, is the woman he should love. Reflecting on the power under which he has fallen, he tells himself:

Вон магнетизм нам доказал влияние живой человеческой души на другую живую человеческую душу... Отчего же это влияние не продолжится и после смерти — коли душа остается живою?

His mind bent in this direction, Aratov falls further under the spell of the dead Klara. Finally her ghostly form appears to him and he falls at her feet, where he is found in a swoon. His health has declined rapidly but inexplicably. After his second fainting fit a lock of dark hair is found in his hand. In his ramblings before death, Aratov speaks of love that is stronger than death, of a marriage consummated, of Romeo after the poison. He dies with a rapturous smile on his face.

If this is the manner of Poe, there is a strong admixture of other features, as one would indeed expect. The specific mention of magnetism extending beyond the grave has the strongest of Poe overtones, however. And the determination of Klara to capture her love after death if not before is a blend of Ligeia and Morella. Her jealous, passionate character—again externalized in the strange dark eyes and abundant dark hair—recalls Ligeia, but it is Morella whose love is thrown aside, only to claim its own after death. Innozentij Annenskij sees one of Klara's meanings as the symbol of the tragedy of beauty, unwanted by man till it has departed.¹⁰ With a slight twist this becomes one of Poe's favorite themes: the beautiful woman who is not loved, until, dying, she represents beauty lost. (Its most vivid expression is found in "Berenice".) The occultism which forms the background of these heroines of Poe is not that of Klara. Nonetheless, it is worth noting that this element is present in the story, but in Jaša's background. His strange father had thought himself a descendant of James Bruce, had dabbled in secret sciences and was called "sorcerer". It is no doubt this hereditary feature (the mystery-element is usually hereditary in both Turgenev and Poe) which explains Jaša's susceptibility to Klara's powers—or at least to the suggestion that they exist. The words which are Ligeia's last would not be inappropriate in their content to Klara Milič: "Man doth not yield him to the angels, *nor unto death utterly*, save only through the weakness of his feeble will". And like Ligeia—or even the Lady Madeline Usher—her victory is an ambiguous one.

Despite these resemblances, the fact can hardly be overlooked that equally close to hand for Turgenev were French works dealing with similar themes. For example, Balzac's *Séraphita* or Gautier's *Spirite* or *Vampire* were certainly as available to him as was anything of Poe's. The last theme, of course, was so diffused that it is difficult to speak of sources. And *Spirite*, appearing in 1865, could have been of no help to "Prizraki". However, both

¹⁰ И. Анненский, Умиравший Тургенев — «Клара Милич». О Тургеневе, русская и иностранная критика. Москва 1918, 139. Annenskij's interpretation of this story is in substance unromantic, however. He sees it as an expression of Turgenev's old age and approaching death. This is not love-illness, he maintains, but old-age sickness. P. 135.

¹¹ These matters are treated extensively in LÉON LEMONNIER, Edgar Poe et les conteurs français. Paris 1947, Chs. II, VI.

it and *Véra* of Villiers de l'Isle-Adam might have served "Klara Milič". Another matter, then, becomes the question of Poe's relation to Gautier and Villiers.¹¹

Literary influence is clearly not a concept to be dealt with on a single level. Nor is it always consciously received or readily identified. Its discovery is significant chiefly when it serves to throw light on the work of the receiver or of the one who has imparted it. In the case of Turgenev and Poe, the modest amount of influence discernible serves this purpose. Turgenev's "tainstvennye rasskazy" form a comparatively little-discussed but intriguing part of his work. The discovery of Poe's probable influence in some of them assists in defining their character. And on the other hand, Turgenev's fruitful attention to Poe provides one more interesting chapter in the story of the American writer's ties with Russian literature.

Berkeley (USA)

Joan Delaney

Н. А. Некрасов и поэзия А. Мицкевича

Когда Николай Алексеевич Некрасов (1821—1877) в начале 40-х годов начинал в Петербурге свою литературную деятельность, Адам Мицкевич (1798—1855) читал в Париже в Коллеж де Франс (College de France) лекции на кафедре славянской литературы, которая в его руках стала трибуной борьбы за освобождение поработанных славянских народов. К этому времени польский поэт написал уже все свои лучшие произведения, а впереди его ожидали годы будущей публицистической («La Tribune des Peuples») и политической деятельности в Италии и Турции.

В николаевской России имя и произведения Мицкевича, уже широко известного в то время во всей Европе, были целиком запрещены цензурой. Его поэзия, однако, распространялась и была довольно популярна в литературных кругах Москвы и Петербурга, где еще жила память о пребывании польского поэта в ссылке в России (ему удалось оттуда выехать в 1829 г.), о его встречах, знакомстве и дружбе со многими выдающимися русскими писателями — Пушкиным, Грибоедовым, Рылеевым и др. Несмотря на цензурный запрет, в некоторых журналах печатались переводы произведений Мицкевича, хотя имя автора не указывалось, а публикации обычно сопровождалась примечанием «подражание». Так, например, в журнале «Москвитянин» в 1845 г. появились переводы некоторых сонетов Мицкевича (из цикла «Крымские сонеты») и отрывки из его знаменитой поэмы «Пан Тадеуш». Переводчиком был русский писатель и публицист Н. В. Берг (1824—1884), а имя автора произведения, конечно, не называлось.¹

Некрасов несомненно познакомился с некоторыми произведениями автора «Конрада Валленрода» довольно рано. Поэзия Мицкевича произвела на него сильное впечатление. Об этом свидетельствуют слова русского исто-

¹ См. Адам Мицкевич в русской печати 1825—1955. Москва—Ленинград 1957, 35.

рика литературы А. Н. Пыпина, который писал в своих воспоминаниях: «Когда он [Некрасов] узнал Мицкевича, он понял, чем могла быть поэзия для общества».² В домашней библиотеке Некрасова имелись поэмы Мицкевича «Гражина» и «Конрад Валленрод», изданные в Петербурге в 1863 г. в переводе В. Бенедиктова, а также книга «Адам Мицкевич. Из очерков новейшей польской литературы» П. Дубровского.³ Исследователи жизни и творчества автора «Кому на Руси жить хорошо» обращают внимание на интересный факт, а именно: над кроватью больного Некрасова висели два портрета — Добролюбова и Мицкевича.⁴

Эти факты свидетельствуют о том, что знаменитый русский поэт проявлял весьма живой интерес к творчеству Мицкевича. В журналах, издаваемых Некрасовым, были напечатаны переводы некоторых произведений Мицкевича. Сразу же после отмены в 1858 г. цензурного запрета на Мицкевича, в журнале «Современник» (№ 6 за 1858 г.) появилась поэма «Конрад Валленрод». Автором перевода был мало известный поэт И. Шершеневич. Из всех критических отзывов на этот слабый перевод самый суровый вышел из-под пера И. С. Тургенева, который назвал его «ужасным». В ответ на эти упреки Некрасов писал Тургеневу в конце сентября 1858 г.:

«Валленрода» я тиснул, соблазнившись открывшеюся возможностью печатать Мицкевича, а перевод дубовый точно.⁵

В этом же году в «Современнике» были напечатаны две рецензии Добролюбова на разные переводы «Крымских сонетов» Мицкевича, сделанные мало известными поэтами — Омуревским и Луговским.

С нигде не опубликованным в то время переводом одного из стихотворений Мицкевича Некрасов познакомился у себя дома, при встрече с русским поэтом и публицистом М. Михайловым (1829—1865) и польским офицером-революционером, поднявшим впоследствии антицарское восстание в Литве, С. Сераковским (1827—1863). Эту встречу Авдотья Яковлевна Панаева, сотрудница и будущая жена Некрасова описывает так:

...осенью 1861 г. Михайлов и Сераковский однажды утром посетили Некрасова. Оба принесли по стихотворению для «Современника». Михайлов — перевод из Гейне, а Сераковский — из Мицкевича, и прочитали их Некрасову, который попросил Сераковского прочесть его перевод по-польски... Некрасов пригласил обоих на обед, который должен был быть на-днях, по обыкновению, по выходе номера «Современника».⁶

² А. Н. Пыпин, О Н. А. Некрасове. Из записной книжки. Современник 1913, 1: 233.

³ Перечень книг домашней библиотеки Некрасова находится в книге Литературное наследство, 53—54. Н. А. Некрасов III, Москва 1949 — в статье Н. Анушкина, см. № 124 и 185.

⁴ S. Fiszman, Mikołaj Niekrasow: Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, Warszawa 1953, 5:17.

⁵ Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем. Москва 1952, 10 : 392.

⁶ А. Я. Панаева [Головачева], Воспоминания. Москва 1948, 345—346.

Один из сонетов Мицкевича — «Бахчисарайский дворец» в переводе Н. В. Берга появился в № 5 «Современника» за 1862 г. Он явился последним произведением польской литературы, опубликованным в «Современнике» — боевом органе русской революционной демократии, каким был этот журнал под редакцией Некрасова и ближайших его сотрудников — Чернышевского и Добролюбова. После многих лет борьбы с царской цензурой, после нескольких предупреждений в июне 1866 г. журнал был окончательно закрыт. Спустя полтора года Некрасов вместе с Краевским начал издавать журнал «Отечественные записки». И в этом журнале при жизни Некрасова печатались некоторые произведения польской литературы, а среди них непревзойденный шедевр польской эпической поэзии — «Пан Тадеуш» Адама Мицкевича.

Отдельные части «Пана Тадеуша» печатались в «Отечественных записках» в 1870—1874 гг. Автором перевода был Николай Васильевич Берг, вступивший на литературное поприще в 1845 г. в «Москвитяине». Литературное сотрудничество Берга с Некрасовым началось во время Крымской войны. Берг находился тогда в Севастополе, откуда присылал Некрасову корреспонденции об обороне города. В начале 60-х гг. он напечатал в «Современнике» воспоминания о своих продолжительных заграничных путешествиях. В 60-е и 70-е гг. Берг проживал в Варшаве. В 1868 г. он был назначен лектором русского языка в Варшавском университете, а затем редактором газеты «Варшавский дневник».

В Варшаве Берг занялся переводом поэмы «Пан Тадеуш», отрывки из которой были переведены им еще раньше. Перевод Берга был первым полным русским переводом знаменитого произведения Мицкевича. Отдельным книжным изданием он вышел в Варшаве в 1875 г.

В 1872—1873 гг. Берг вел с Некрасовым оживленную переписку по поводу перевода остальных частей «Пана Тадеуша». В письме от 5 сентября 1872 г. Берг писал из Варшавы, что «переводил с любовью», сообщал Некрасову, что «теперь Тадеуш переведен весь, как он написан у Мицкевича». ⁷ На это письмо Некрасов вскоре ответил: «Очень я рад, что работа у Вас шла ладно и мы ее напечатаем с удовольствием». ⁸ Однако всего произведения в 1872 г. не удалось напечатать. Возникли трудности со стороны цензуры. Автор перевода об этом не знал и считал, что публикация «Пана Тадеуша» прекратилась из-за интриг «какого-то безграмотного бестактного литературного шихрая». ⁹ В письме к Некрасову от 27 мая 1873 г. Берг решительно настаивал на немедленном издании остальных частей «Пана Тадеуша», в противном случае угрожал, что придется ему потребовать возвращения

⁷ Письма Н. В. Берга, написанные Некрасову из Варшавы, напечатаны в томе Литературное наследство, Н. А. Некрасов II. Москва 1949, 120—122.

⁸ Там же, 120, примечание 3.

⁹ Там же, 122.

рукописи перевода. К счастью, все выяснилось, и в 1874 г. были напечатаны Некрасовым остальные части поэмы.

Настойчивость, с какой Берг требовал издания своего перевода «Пана Тадеуша», объясняется двумя причинами: во-первых, он считал этот перевод «лучшим трудом своей жизни», а во-вторых, в Варшаве Берг находился в постоянных материальных затруднениях и нуждался в заработке. О финансовых затруднениях Берга узнаем из его письма от 17 октября 1872 г., в котором он просил Некрасова: «Да пришлите скольконибудь деньжонок, если не половину, то хоть третью часть. Ведь дело верное».¹⁰

Не место здесь на оценку перевода Берга. Это отдельный и обширный вопрос. Этот перевод был, действительно, лучшим литературным достижением заслуженного переводчика поэзии Мицкевича. Берг хорошо знал польский язык. Находясь в Варшаве, он был «в нежнейших отношениях» с другом Мицкевича, польским поэтом А. Э. Одынцем (1804—1885), помощью которого, очевидно, пользовался при переводе некоторых отрывков из поэмы.

В связи с тем, что Берг, не будучи сам поэтом, взялся за перевод лучшего произведения польской поэзии, возникает вопрос, насколько этот перевод является самостоятельным. Особенно интересным является здесь следующий вопрос: не принимал ли участия сам Некрасов в окончательной редакции берговского перевода «Пана Тадеуша»? Письма Берга позволяют предполагать, что Некрасов полностью соблюдал пожелание переводчика о сохранности его перевода. В этом отношении Берг был весьма решителен и неуступчив. В письме к Некрасову от 28 сентября 1872 года Берг писал:

Прошу Вас и умоляю ничего не поправлять, не сказавши мне. Все неудобное просто выбросьте... Я бы желал, чтобы отступления, абзацы, сделаны были в печати, как написано. Так у Мицкевича и так лучше».¹¹

Традиционный для польской эпики 13-сложный силлабический стих «Пана Тадеуша» Берг переводил русским александрином, т. е. шестистопным ямбом с цезурой после третьей стопы, который применялся в книжном стихе эпохи классицизма. Это в некоторой степени придавало переводу книжный характер, не свойственный поэме Мицкевича. Можно это заметить уже в первых строках поэмы.

У Мицкевича:

Litwo, Ojczyzno moja! Ty jesteś jak zdrowie:
Ile cię trzeba cenić, ten tylko się dowie,
Kto cię stracił. Dziś piękność twą w całej ozdobie
Widzę i opisuje, bo tęsknię po tobie.

¹⁰ Там же, 121.

¹¹ Там же, 121.

У Берга:

Отчизна милая! Подобна ты здоровью:
Тот истинной к тебе исполнится любовью,
Кто потерял тебя... в страданиях и борьбе.
Отчизна милая, я плачу по тебе.

Однако, несмотря на эти и другие недостатки, благодаря многолетнему труду Берга, русские читатели впервые могли познакомиться с полным текстом знаменитого произведения Мицкевича. И в этом заслуга не только переводчика, но и заслуга Некрасова, напечатавшего перевод «Пана Тадеуша» в своем журнале «Отечественные записки».

Люблин

Ян Орловский

FABRICIUS KOVÁCS Ferenc, *A konkrét → absztrakt jelentésfejlődés problematikája*. A szláv nyelveknek az értelmi tevékenységre vonatkozó szóanyaga alapján [Problematik der Bedeutungsentwicklung *konkret → abstrakt*. Dargestellt auf Grund des slawischen Wortmaterials aus dem Bereiche der Denktätigkeit]. Nyelvtudományi Értekezések 61. Budapest 1968, 78 S.

Semantische Untersuchungen in der Slawistik sind nicht eben häufig. Abgesehen von der Problematik des slawischen Verbums, dessen Erforschung unter verschiedenen Gesichtspunkten mit viel Begeisterung und Fleiß betrieben wird, bringen slawistische Zeitschriften nur selten Untersuchungen semantischer Probleme. Überblickt man z. B. die Referate des letzten Slawistenkongresses (Prag, August 1968), so findet man kaum einige, die sich mit spezifisch semantischen Fragen beschäftigen. Das mag einerseits darauf zurückzuführen sein, daß die sog. modernen Richtungen der Sprachwissenschaft alles eher als den Urwald der Bedeutungen zu erforschen bestrebt sind, andererseits mag die Ursache der Vernachlässigung auch in der Natur der Semantik stecken, der man nicht so leicht mit spektakulären Theorien beikommen kann. Um so erfreulicher ist es, daß der Verfasser der vorliegenden kleinen Monographie seine Aufmerksamkeit ausschließlich semantischen Problemen zugewandt hat. Er stellt sich die Aufgabe, den slawischen Wortschatz – und vor allem die Verben – der Denktätigkeit auf die Bedeutungsentwicklung hin zu untersuchen.

Die erste Hälfte der Arbeit ist theoretischen Betrachtungen gewidmet. Als Operationsgrundlage wählte sich der Verfasser die Pawlowsche Theorie der unbedingten und bedingten Reflexe und das daraus resultierende Doppelprinzip des 1. und 2. Signalsystems. Diese Einstellung bestimmt natürlicherweise nicht nur seine Auffassung über Entstehung und Natur der Sprache, sondern auch sein Verhalten gegenüber anderen semasiologischen Interpretationen, sowie seine etymologischen Untersuchungen. Dem Verfasser gebührt nur Lob wegen der Bemühungen, überall die letzten Ursachen der sprachlichen Erscheinungen erschließen zu wollen. Dieses Bestreben führt ihn über die einfache Registrierung der verschiedenen Bedeutungstypen hinaus und zwingt ihn zur Stellungnahme in so wichtigen Fragen, wie z. B. die Annahme oder Abweisung einer ursprünglichen geistigen Bedeutungssphäre.

Die idealistische Erkenntnistheorie operiert – wie bekannt – mit zwei voneinander unabhängigen Prinzipien und betrachtet die geistige Sphäre als etwas von Anfang an Gegebenes, dem menschlichen Wesen Innewohnendes. Die materialistische Auffassung leitet hingegen alles Geistige von den sinnlichen Wahrnehmungen ab und schreibt die Herausgestaltung der geistigen Sphäre gänzlich der höheren Nerventätigkeit zu. Der Verfasser stimmt der letzteren Auffassung bei und nimmt somit eindeutig Stellung gegen-

über der in der semasiologischen Literatur meistens nur noch latent vorhandenen Anerkennung der geistigen Sphäre als einer von Anfang an selbständigen Domäne.

In der zweiten Hälfte seiner Arbeit widmet der Verfasser seine Untersuchungen den zehn großen Bedeutungskreisen der geistigen Sphäre. Das sind: 1. fühlen, 2. (be-)merken, 3. verstehen, 4. (er-)kennen (kennenlernen), 5. wissen, 6. Verstand, 7. lernen, unterrichten, 8. denken, überlegen, 9. sich erinnern, 10. vergessen. Innerhalb der einzelnen Gruppen werden die Wörter etymologisch untersucht und überall wird die Entwicklung *konkret* → *abstrakt* nachgewiesen. Die Anordnung des Materials kann hier nicht als glücklich bezeichnet werden. Da einzelne Wortstämme auch in mehreren Gruppen vorkommen, so sind ständige Verweise auf bereits Behandeltes nötig, was das Lesen dieser Partien recht umständlich macht. Es wäre praktischer gewesen, die ganze Untersuchung nach den einzelnen Wortstämmen durchzuführen und die weitverzweigte semantische Entwicklung in ihren natürlichen wortgeschichtlichen Zusammenhängen innerhalb der einzelnen Sprachen aufzuzeichnen. So hätte man natürlich über die etwas engherzig abgesteckten Grenzen oft hinausgehen müssen. Aber die Resultate wären doch der Mühe wert gewesen. Auch den Umfang des aufgenommenen Wortmaterials hätte der Verfasser ein wenig erweitern können. Man vermißt z. B. die Behandlung eines Begriffes wie 'sagen'. Mehrere Sprachen zeigen, daß die Bedeutung 'sagen' gegenüber 'zeigen' sekundär ist, so z. B. lat. *dico* gegenüber gr. *δείκνυμι*. Das Slawische hat mit dem Stamm *kaz-* einen Bedeutungsbereich entwickelt, der nicht nur 'zeigen' und 'sagen' sondern auch 'strafen' umfaßt. Es fehlt ebenfalls die Behandlung des Begriffskreises 'zweifeln'.

Zum Schluß faßt der Verfasser seine Ergebnisse nochmals zusammen: auch die slawischen Sprachen beweisen, daß die Ausdrücke des geistigen Bereiches in der unmittelbaren Erfassung der materiellen Welt mit den Sinnesorganen wurzeln, eine Erkenntnis, vor der sich auch keine idealistische Philosophie verschließen kann. Ein Resumé auf französisch macht die Hauptergebnisse der Arbeit auch dem Ausländer zugänglich.

L. Hadrovics

Ласло Дэже, Очерки по истории закарпатских говоров

Будапешт, Издательство Академии наук, 1967, 306 стор. + 5 карт.

Однією з актуальних проблем сучасного українського мовознавства є розробка питань історичної діалектології. У цій галузі зроблено ще надто мало, що значною мірою затримує успішний поступ у дослідженні ряду загальних та окремих питань історії мови, ономастики тощо. Дуже багато роботи по вивченню пам'яток, зокрема численних неопублікованих рукописів, які знаходяться в архівах Києва, Льова, Ленінграда, Москви та інших міст нашої країни. Значну наукову цінність у цьому відношенні становлять також українські пам'ятки різних епох і з різних місцевостей, що чекають свого дослідника в зарубіжних архівах, зокрема в Празі, Будапешті, Відні, Кракові, М. Сигеті, Кошицях, Пряшеві та ін. Оскільки переважна частина цих пам'яток писана не кирилицею, а засобами латинської графіки, то вони мають особливу вартість, зокрема для дослідження історичної фонетики.

Велику і корисну роботу не лише для україністики, а й для славістики взагалі могли б провести наші зарубіжні колеги. Гарний приклад такої праці подає відомий угорський україніст Л. Дезде, який, після численних статей,¹ у 1965 р. опублікував «Пам'ятники

¹ Тут назвемо лише важливіші: Урбаріальные записи с Мараморшской Верховины: *Studia Slavica* 3 (1957) 235—260; К вопросу о венгерских заимствованиях в закарпатских памятниках XVI—XVIII вв.: *Studia Slavica* 4 (1958) 31—96; 7 (1961) 139—176; Oroszvégesi Mihály műveinek nyelvéről [Про мову творів Михайла Оросвігівського]: *Filológiai közlöny* 4 (1958) 2: 336—346; A szókinés és nyelvtan statisztikai vizsgálata (ukrán nyelvtörténeti anyagon) [Статистичне дослідження лексики та граматики. На

деловой письменности Закарпаття (Урбаріальніе записи)» [Видання бібліотеки Будапештського університету, № 26], де подані угорською графікою важливі як для лінгвіста, так і для історика пам'ятки XVIII ст. з 19 сіл різних районів Закарпаття. У цьому ж році він надрукував «Матеріали к словарю закарпатской литературы XVI—XVII вв.» [МікрОВидання бібліотеки Угорської АН], що в українському, а, мабуть, і у слов'янському мовознавстві є першою серйозною (470 сторінок) спробою створити обласний історичний словник. «Матеріали...» включають повний словник Нягівських повчань (2 749 слів). Крім них, до нього увійшло близько 1 200 слів із «Оброни...» М. Андрели та «Угляньського ключа», невідомих «Нягівським повчанням». Отже, в особі Л. Деже маємо солідного дослідника-україніста. До речі, він є першим угорцем, для якого українська мова стала основним у його наукових інтересах.

Певним підсумком багаторічного наукового дослідження Л. Деже в галузі української історичної діалектології є його фундаментальна праця «Очерки по истории закарпатских говоров», яка появилася 1967 р. у видавництві Угорської АН. (Деякі міркування про цю книгу висловлено вже в журналі «Мовознавство» № 2 за 1968 рік, стор. 80—84). У зв'язку з цим тут зупинимося головним чином на тих моментах, які в названій рецензії не обговорювалися.

Рецензована книга складається з двох частин — «Об истории закарпатских говоров» та «Язык Няговских поучений»; після них ідуть «Приложения», що вміщують список населених пунктів, покажчик власних назв та історичні карти п'ятих комітатів, у яких жили українці.

Першу частину виконано в основному на матеріалі українських глос, зібраних автором із пам'яток XIII—XVIII сторіч, писаних латинською та угорською мовами. Слід підкреслити, що такого широкого і вдалого використання українських глос в іншомовних пам'ятках ні в кого з дотеперішніх дослідників мови ще не було. Залучення свіжих джерел, особливо рукописних матеріалів, що зберігаються в будапештських архівах, дозволило авторові не тільки зайняти своє становище до окремих явищ української мови, підкріпити відомі положення, уточнити деталі. Спираючись на нові факти, Л. Деже висуває ряд нових положень, вносить істотні зміни у хронологію мовних процесів, пропонує чимало нових слушних думок. Так, наприклад, він перший із лінгвістів, який на конкретних фактах показує, що перехід етимологічного *o* в монофтонг *o* в західноукраїнських говорах відбувався не шляхом звуження, а через стадію дифтонгів, тобто так само, як і решті говорів української мови (106—107). Він перший доводить, що причиною звуження *o > ó* та *e > é* в карпатських говорах є не іншомовні впливи, а загальна тенденція до більш закритої артикуляції голосних (47—58). Процес переходу проривного *g* у *g* фрикативне (*g > h*), який стосовно південних говорів давньоруської мови дотепер датувався періодом до X ст., Л. Деже пересуває на ст. XIII-е. Вагомими є й наведені ним факти про досить раннє (XIV ст.) обниження артикуляції звука *i* та передачу його на письмі через букву *e* (58—59). Заслужують на увагу й ті його аргументи, згідно яких фонема *ы* в південнокарпатських говорах XIII ст. була лабіальною (59). Вартим уваги є й те твердження Л. Деже, згідно якого по річці Латориці ще у XIV—XV ст. проходило декілька важливих ізоглос, які ділили говори Закарпаття на дві зони — східну та західну (66).

матеріалі історії української мови]: A MTA nyelv- és irodalomtudományi osztályának közleményei 21:215—233; О языке урбаріальних записей 1771—1774 гг.: Studia Slavica 11 (1965), 71—93; О лексике закарпатской украинской литературы XVI—XVII вв.: Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio philologica 4 (1965) 117—135; A kárpátaljai népi irodalom [Закарпатська «народна література»]: Filológiai közlöny 12 (1966) 146—147; Статистическое исследование словообразования в языковых памятниках: Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae 16 (1966) 43—62; Лексика сельского хозяйства и промышленности в закарпатской деловой письменности XVII—XVIII вв.: Studia Slavica 12 (1966) 81—86 та ряд інших.

Отже, аналіз фонетичних явищ XIII—XVI ст. (та й XVI—XVIII сторіч) справляє дуже приємне враження як багатством матеріалу, так і кваліфікованим підходом до нього. А все-таки деякі пам'ятки найдавнішого періоду можна було використати повніше. Так, наприклад, важлива пам'ятка XIII ст. з басейну верхньої Тиси «Варадинські реєстри», що написана латинською мовою, автором рецензованої монографії використовується лише незначною мірою. Фактично з неї взято лише ті власні назви, при яких стоїть означення *ruthenus* і частина тих, які безперечно походять із території сучасного Закарпаття. Оскільки у XIII—XVI сторіччях українське населення проживало не тільки на території сучасного Закарпаття, а жило діаспорою й на лівобережжі Тиси (зокрема в комітатах Красна, Саболч, Сатмар, Гайду, Бігар), то, на нашу думку, слід було використати всі ті факти, фонетичні чи інші ознаки яких дозволяють віднести їх до українських. Передусім це стосується таких антропонімів, як *Bagdan, Bila, Buhus, Volcu, Volotcu, Vulcanus, Didou, Drug, Koroch, Moraz, Moruc, Rusko, Unuka, Churna*, топонімів *Bereg, Drauci, Karasna* та деяких інших.

Укажемо й на те, що кваліфікація деяких явищ не є зовсім переконлива. Наприклад, ім'я *Boutun* із Варадинських реєстрів. Л. Деже цілком слушно пропонує читати як *boutun* (<*bǔltunǝ), але при цьому висловлює досить категоричне судження, начебто *u* на місці *l* тоді ще не могло бути, начебто вживання букви *u* на місці *l* пояснюється вимовою угорського писаря, який звукосполучення *ol* вимовляв як *ó*, що на письмі звичайно передавалося сполученням *ou* (45). Взагалі таке пояснення можливе, але в цьому випадку привертають увагу дві обставини. По-перше, в угорській мові XIII ст. звукосполучення *ol* у іншомовних запозиченнях не завжди замінювалося через *ó*. По-друге, якщо в імені *Boutun* *u* замість *l* є лише наслідком відбиття угорської вимови та написання, то чому цього не сталося в поруч ужитому імені *Scl*, де це *l* виступає в аналогічній фонетичній позиції (кінець складу). Таке питання тим більш правомірне, що і в угорців є слово *só*, яке в ті часи функціонувало і в ролі імени. Нам здається, що в імені *Boutun* є підстави вбачати відбиття лабіалізації *l* (*l* > *u*) на власному українському ґрунті. Правда, для такого припущення *l* > *u* є й певні труднощі: 1) на підставі пам'яток, писаних традиційною кирилицею, це явище в українській мові відбивається лише з початку XV ст., тобто на два століття пізніше порівняно з Варадинськими реєстрами; 2) у Варадинських реєстрах, на жаль, це єдиний більш-менш певний приклад *l* > *u* у такій позиції.

Проте все-таки лабіалізацію *l* > *u* в українській мові, очевидно, не слід розглядати ізольовано від такого ж явища в білоруській, польській та сербохорватській мовах. Як відомо, зміна *l* > *o*, *l* > *u* у сербохорватських пам'ятках широко виявляється вже у першій половині XIV ст., наприклад, у грамоті 1332 р.² У живій мові вона з'явилася, напевно, ще до XIV ст. У цьому зв'язку, гадаємо, не буде якоюсь неприпустимою натяжкою, коли у відзначеній Варадинськими реєстрами безперечно українській глосі *Boutun* будемо вбачати першу фіксацію сучасної загальноукраїнської риси *l* > *u*. Доречно буде зауважити, що лабіалізація *l* > *u* у різних говорах української мови настала, правоподібно, неодноразово. Можливо, на південному заході української мовної території це явище з'явилося раніше. Невипадково, мабуть, перехід *l* > *u* в районі Карпат більш послідовний, ніж у літературній українській мові та в центральних, східних чи північних говорах.³ Невипадковим є, очевидно, й те, що найдавніші приклади *l* > *u* фіксуються пам'ятками південно-західного походження (найдавніший із досі відомих прикладів — *повнѣйшее* — відзначено буковинською грамотою 1411 р.).

² *Fr. Miklosich, Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii.* Відень 1858, 101.

³ Див. *Й. О. Дзензелівський, Конспект лекцій з курсу української діалектології. Фонетика.* Ужгород 1965, 57—60.

Великий обсяг роботи виконав Л. Деже над відчитуванням давніх текстів, особливо рукописів. Якщо зважити на складність середньовічної графіки та неусталеність і різнобій латинської орфографії на території давньої Угорщини, то треба визнати, що з цим завданням він блискуче впорався. З цього огляду йому можна зробити лише один закид а саме: оскільки в аналізованих пам'ятках слов'янськими глосами виступають головним чином власні назви, то їх дослідник при відчитуванні мусить рахуватися не лише з тогочасними особливостями латинської та угорської орфографії, а й із особливостями слов'янського ономастикона. Якби Л. Деже послідовно дотримувався цієї вимоги, то антропонім XIII ст. *Utesa*, очевидно, не прочитав би як *утеча*, а знайшов би в ньому дохристиянське слов'янське ім'я *Утѣша* (пор. старочеські імена *Utěcha*, *Utěš*, *Utěše*).⁴ Правдоподібно, і написання антропоніма *Coetan*, що стоїть підряд із такими слов'янськими іменами, як *Красньнѣцъ*, *Вышата*, у такому разі прочитав би не як *Коетан*, а як ім'я *Цѣтанъ* (пор. сербохорв. імена *Cvjetan*, *Cvetana*).⁵ Крім цього, записи топонімів та антропонімів у давніх пам'ятках доцільно, наскільки це можливо, зіставляти з сучасним живомовним звучанням відповідних власних назв.

Значний інтерес становлять два нариси (23—40; 67—93), в яких на підставі лінгвістичних даних розглядається історія заселення Закарпаття та пізніші міграційні процеси людності. У цій частині Л. Деже значною мірою спирається на відомі дослідження істориків, лінгвістів, що працювали в цій галузі, але не переказує і не повторює їх. Свіжі матеріали, наявні в його розпорядженні, дозволяють йому уточнити ряд думок, висловлених з приводу цих питань, та запропонувати свої пояснення до них. Шкода тільки, що огляд цієї історії він починає лише з XIII ст. Такого дискусійного питання, як час появи східних слов'ян на південних схилах Карпат він зовсім не торкається, навіть не виражає свого ставлення до висловлених уже думок. Внаслідок цього теза Л. Деже про три історичні верстви, з яких склалася українська людність Закарпаття, є неконкретною і по суті не відповідає на питання, коли і звідки прийшла на Закарпаття перша (найдавніша) верства східнослов'янської людності, яка, за словами автора, у XIII ст. там уже, безперечно, жила. До речі, у роботі не конкретизовано й того, коли і звідки прийшла та де саме осіла третя (найновіша) верства людності, тобто «переселенці з більш віддалених українських земель» (36, 222).

З інтересом читаються й ті місця роботи, в яких Л. Деже торкається давньої етнічної межі між українцями та угорцями. Здебільшого міркування автора з цього приводу звучать досить переконливо, однак і тут є такі положення, на які традиційні погляди деяких істориків наклали свій відбиток. Так, наприклад, не вистачає переконливості деяким твердженням автора про давню етнічну межу між українцями та угорцями на Ужгородщині та Мукачівщині. Нам здається, що в XIV—XVIII сторіччях вона проходила трохи південніше, ніж вважає автор.

Традиційні погляди певною мірою позначилися й на витлумаченні деяких топонімів та їх залученні до встановлення давньої етнічної межі. Так, наприклад, у топонімах із коренем *рус-* Л. Деже за традицією скрізь убачає етнонім *рус* 'русин', а отже, й руське (у нашому випадку українське) поселення. На наш погляд, це не завжди так. Аналізовані автором топоніми з коренем *рус-* (*Рус*, *Рускова*, *Русково*, *Русковці*, *Руска*...), очевидно, прямого відношення до етноніма *рус* не мають, бо походять від особового імені *Рус*, *Руско*. Та навіть особове ім'я *Рус* не обов'язково пов'язувати з етнонімом, тобто із східним слов'янином. У деяких народів воно до недавнього часу асоціювалося з прикметником *русий* 'блондин'.⁶ Є й інші аналогічні натяжки в роботі. Так, наприклад, топонім *Г'айдош*, за

⁴ Див. *J. Svoboda*, *Staročeská osobní jména a naše příjmení*. Praha 1964, 130; *M. Karpluk*, *Słowiańskie imiona kobiece*. Wrocław—Warszawa—Kraków 1961, 91.

⁵ *M. Karpluk*, Названа праця 121, 125.

⁶ Див. *С. Илчев*, За хубави български имена на децата ни. София 1963, 5, 28; *J. Svoboda* Названа праця 201.

словами Л. Деже (35), указує на первісний угорський етнос у цьому селі. Ми вважаємо, що достатніх підстав для такого твердження немає. Топонім *Гáйдош* (до речі, у народі частіше *Гóйдош*) походить від співзвучного антропоніма, а антропонім *Гáйдош* у ролі прізвища відомий не лише угорцям, а й закарпатським українцям, а також словакам. Отже, засновник села *Гáйдоша* не обов'язково мусив бути угорцем. Тай апелював *гайдош* 'волинщик' не є специфічним угорським словом. Його знає і словацька мова, і частина українських говорів Закарпаття. При цьому пригадується дуже слушне застереження О. Петрова, що ономастичний матеріал також може бути використаний для встановлення етнічних меж, але тільки «с величайшей осторожностью».⁷

Вдалою є і друга частина книжки Л. Деже «Язык Няговских поучений» (123—242). У ній піддається детальному аналізу фонетика, морфологія та синтаксис найвизначнішої закарпатської пам'ятки XVI ст. У ній автор уміло поєднує традиційні методи аналізу з найновішими лінгвістичними методами дослідження, а це дає йому можливість по-новому подивитися на ряд мовних явищ, зробити нові висновки про шляхи їх розвитку. Наприклад, дуже цікавими є дані про взаємовплив відмінкових закінчень, зокрема про вплив знахідного множини на називний множини іменників *-o-* основ. Не менш цікавим є й той висновок Л. Деже, що вплив флексій давального відмінка одними *-ови, -еви* на місцевий відмінок тьки-но розпочався (139).

Цікавим є й те спостереження, за яким зміна *e > o* у флексіях м'яких варіантів іменників (під впливом відповідних флексій твердих варіантів) у досліджуваних пам'ятках залежить від якості (м'якості — твердості) попереднього приголосного: відбувається вона звичайно після диспалаталізованих приголосних (139). Цей висновок є переконливим доказом того, що вплив твердих варіантів іменників (а він спостерігається й серед прикметників та займенників) на м'які не можна розцінювати лише як результат аналогії, як це деякі вважають, що в цьому випадку маємо справу з явищем морфолого-фонетичним.

Привертає увагу і досить детальний аналіз прислівників пам'ятки (156—157).

Застосований Л. Деже статистичний аналіз іменникових форм переконує в його ефективності та у необхідності ширшого використання в лінгвістичних дослідженнях. Якби провели такий аналіз наших пам'яток у межах, скажімо, кожного століття, то ми б дістали докладну характеристику та аргументовані узагальнення про стан української мови на різних хронологічних зрізах, а отже, й об'єктивну історію мови. У порядку критики зауважимо лише те, що статистичний аспект Л. Деже застосовує тільки до іменникової словозміни та синтаксису. Можливо, в галузі української іменникової словозміни він найбільш показовий, хоч думається, що варто було в такий спосіб дослідити й решту частин мови. Доцільно було б вдатися до нього і при дослідженні фонетики, тим більш, що в окремих статтях він вдало застосовує цей аналіз до лексики та словотвору «Нягівських повчань».⁸

Порівняння мови «Нягівських повчань» із мовою інших закарпатських пам'яток XVI сторіччя дало можливість Л. Деже зробити правильний висновок, що морфологічні форми «Нягівських повчань» давніші за морфологічні форми закарпатських пам'яток XVII ст., що «Нягівські повчання» є пам'яткою другої половини XVI ст. Пам'яткою середини XVI ст. вважає їх і румунський славіст П. Олтяну, який доводить, що румунська пам'ятка «Казання Коресі» (1564 р.) є перекладом закарпатських «Нягівських повчань».⁹ Зазначений факт важливий не лише з точки зору українсько-румунських культурних

⁷ А. Петров, Материалы для истории Угорской Руси. V. С.-Петербург 1908, 20.

⁸ *Dezso L.*, A szókinés és nyelvtan statisztikai vizsgálata: A MTA nyelv- és irodalomtudományi osztályának közleményei 21: 215—233; Л. Деже, Статистическое исследование словообразования в языковых памятниках: *Acta Linguistica Hung.* 16. (1966) 43—62.

⁹ *P. Olteanu*, «Postilla de Neagovo» în lumina «Cazanei I» a diaconului Coresi (1564): *Romanoslavica* 13 (1966) 105—131.

взаємозв'язків, а й для докладнішого дослідження закарпатської пам'ятки, зокрема для точнішого її датування. Отже, «Нягівські повчання» були написані не пізніше 1564 р. Таким чином, ця пам'ятка стоїть у ряду таких дуже важливих пам'яток української мови й культури, як «Пересопницьке євангеліє» (1556—1561) та «Крехівський апостол» (1560).

Критичих зауважень до цієї частини роботи в нас дуже мало, а ті, що є, стосуються головним чином дрібних недоглядів автора. Наприклад, на стор. 134 звукосполучення *-и-*, *-еи* у формах іменників типу *рыбовъ*, *душевъ* чомусь називаються дифтонгами. На стор. 147 функції займенника *сесь* прирівнюються до функцій займенника *сякый*, а займенника *тот* — до займенника *оный*. Помилково визначається (як форма називного множини) і відмінкова форма іменника *хрестяне* у виразі *за усѣ хрестяне* (131). Недоглядом є і його твердження про те, начебто верховинці зберегли твердість кінцевого *-т* в дієслівних формах 3-ої особи теперішнього часу (112), адже твердість *-т* в дієслівній флексії, як відомо, — явище новіше, ніж м'якість. На стор. 181 автор пише, що при аналізі іменної частини складеного присудка звертає на себе увагу постійне вживання називного відмінка замість орудного як при іменниках, так і при прикметниках. Очевидно, це просто описка. Адже називний предикативний давніший, ніж орудний предикативний. Невідомо, яку саме літературну мову має на увазі автор монографії, пишучи, що в «Нягівських повчаннях» конструкція прийменника *о* з місцевим відмінком типу *гадать о каздуствѣ* (177) поширилася під впливом літературної мови.

Подібні недогляди знаходимо і в інших розділах роботи. Так, наприклад, не зовсім ясно, на підставі яких даних автор стверджує, що *и*-кання появилось в Закарпатті лише через 300 років після утворення дифтонгів *ио* (*'ио*) на місці давнього *о* в новозакритих складах. Адже точний час появи дифтонгів власне не встановлено (106). На стор. 113 сказано, начебто сучасний гуцульський говір на Закарпатті є єдиним, у якому фонема *ы* — *и*, тоді як насправді це явище властиве і говіркам околиці Ужгорода. На стор. 37 сказано, що в кінці XVI ст. на лівому березі Тиси з'явилися села В. Бичків, Біла Церква, Солотвина, Середнє Водяне, Грушово, Тересва та ін. Насправді ці села як знаходилися, так і знаходяться на правому березі Тиси. За деякими селами автор зберігає старі географічні назви (*Нижня Апша* замість *Діброва*), хоч взагалі в книзі вживаються нові: *Середнє Водяне*, *Верхнє Водяне* (27). А на стор. 102 село *Діброву* якимось названо *Нижнім Водяним*. Не зовсім вдалими стосовно Закарпаття вважаємо вислови типу «русские названия местностей» (24). Правдоподібно, можна говорити лише про «русские соотвѣствия украинским географическим названиям». Російське написання цих українських топонімів у Л. Деже не завжди правильне. Наприклад, українські назви *Вонігово*, *Стеблівка*, *Бородівка*, *Ленивці* він передає по-російському не як *Вонигово*, *Стеблівка*, *Бородивка*, *Ленивцы*, а як *Вонегово*, *Стебловка* (27), *Бородовка*, *Ленеvцы* (30). Усі антропоніми XIII—XVIII сторіч, що аналізуються у монографії, Л. Деже називає, як правило, іменами чи власними іменами. Однак з метою уникнення непорозумінь, очевидно, перші треба називати не власними іменами, а власними назвами. Адже в роботі аналізуються не тільки власні імена. Аналізові піддаються і прізвища і прізвиська (24, 42, 92 та ін.).

Одне зауваження з приводу композиції роботи. Підрозділ «Главные фонетические и грамматические тенденции» (221—242) фактично є ґрунтовними загальними висновками до всієї роботи, і тому не зовсім зрозуміло, чому його подано п'ятим пунктом до частини «Язык Няговских поучений».

Книга Л. Деже вдало оформлена, розкішно видана, загалом досить добре вичитана, зате лишилися в ній ряд коректорських огріхів, наприклад: *i < ѣ* замість *i < ѣ* (95), *E. Rabia* замість *Z. Rabiej* (300) та деякі інші.

Проте вказані промахи, неточності, недогляди не знижують загальної вартості оригінального і цінного дослідження. Український читач розуміє причини таких помилок

і пробачає авторові за них, зокрема коли зважить, що праця виконувалася не на Україні не українцем, а людиною угорської національності, яка побувала на Україні лише після завершення своєї монографії. Хочеться вірити, що прекрасний приклад Л. Деже наслідуватимуть і славісти інших сусідніх країн.

Спеціально хочеться відзначити й цінне починання Угорської АН, яка тепло поставилася до праці Л. Деже і з таким смаком видала першу свою солідну монографію про українську мову. Будемо сподіватися, що в її видавництві вийде у світ ще не одна праця про українську мову.

Й. О. Дзєндзеліський—П. П. Чучка

STANISŁAW SKORUPKA, **Słownik frazeologiczny języka polskiego, I—II.** Wiedza Powszechna, Warszawa 1967—1968, 788 + 906 S.

Außer dem phraseologischen Wörterbuch sind die wichtigeren Arbeiten St. Skorupkas die folgenden:

Frazeologia a semantika: Poradnik Językowy 1952, 7—8.

Z zagadnień frazeologii. I. Terminologia, II. Postawianie zespołów frazeologicznych: Sprawozdanie z posiedzeń Komisji Językowej TNW, wyd. I, t. IV. Warszawa 1952.

Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza: Славянская филология, Сборник статей, III. Москва 1958.

Frazeologia a składnia: Biuletyn PTJ 17 (1958)

Z zagadnień frazeologii porównawczej: Prace Filologiczne 18 (1965) cz. 4.

H. KURKOWSKA—St. SKORUPKA, Stylistyka Polska (zarys). Warszawa 1959.

Unter den bedeutenden polnischen lexikographischen Arbeiten der jüngsten Jahre finden wir auch das zweibändige phraseologische Wörterbuch St. Skorupkas. Das Wörterbuch ist — laut der Erklärung des Autors — das Ergebnis einer ungefähr zehnjährigen Arbeit, der eine theoretische Vorbereitung von mehreren Jahrzehnten vorangegangen war.

Hier möchte ich kurz die theoretische Tätigkeit und das phraseologische Wörterbuch St. Skorupkas vorstellen.

Die phraseologischen Untersuchungen sind in der Sprachwissenschaft (abgesehen von der Parömiologie und Parömiographie) relativ nicht alt. Die Fragen der Phraseologie wurden im allgemeinen in der Satzlehre untersucht. Auch hat die vor kurzem in größerem Umfang begonnene theoretische Arbeit die Probleme der Phraseologie nicht in vollem Maße geklärt: sie hat weder ihre Stellung innerhalb der Sprachwissenschaft festgelegt, noch ist es gelungen, eine einheitliche Terminologie auszuarbeiten (nicht einmal in der sprachwissenschaftlichen Literatur eines Landes, geschweige denn in internationalen Ausmaßen), und schließlich sind keine zusammenfassenden Arbeiten über die Phraseologie erschienen. Ebendeshalb können wir, wie Skorupka dies auch in mehreren Artikeln betont, von der Phraseologie nicht als von einem selbständigen Zweig der Sprachwissenschaft sprechen.

Die Tätigkeit St. Skorupkas ist deshalb wertvoll, weil er in seinen Artikeln und in seinen umfangreicheren Arbeiten bemüht ist, die obigen Probleme zu lösen. Betrachten wir näher seine wichtigsten Feststellungen!

Der Begriff der Phraseologie: a) die Gesamtheit der Wortverbindungen einer Sprache; b) die sich mit diesen Wortverbindungen befassende Wissenschaft. — Gegenstand: die Untersuchung der phraseologischen Verbindungen der Sprache, das Verhältnis der Elemente der Wortverbindungen zueinander, das Verhältnis der Wortverbindungen zu den übrigen Teilen der Mitteilung; hieran schließen sich geschichtliche, stilistische Probleme und solche der Sprachrichtigkeit usw. Es ist unmöglich, diese Fragen lediglich

aus dem Gesichtspunkt der Satzlehre zu untersuchen, wie dies bisher geschehen ist, weshalb wir, neben ihren Beziehungen zu der Satzlehre, auf die Sonderstellung der Phraseologie hinweisen müssen. In der Sprachwissenschaft haben wir sie, da sie vorläufig nicht als selbständiger Wissenschaftszweig angesehen werden kann, als einen besonderen Teil der Lexikologie zu betrachten. Die Phraseologie steht mit der Bedeutungslehre in engster Verbindung, sie ergänzen einander. (Nach Skorupka ist z. B. die Phraseologie eines Wortes die Illustration der Bedeutung des Wortes; die Ausbildung der neuen Bedeutung eines Wortes erfolgt durch die Anwendung dieses Wortes in neueren phraseologischen Verbindungen usw.)

Die Grundbegriffe der Phraseologie hat Skorupka im ersten Teil seiner Arbeit »Z zagadnień frazeologii« (I. Terminologie) bereinigt; darin bestimmt er in alphabetischer Reihenfolge einzelne Begriffe (aforyzm, apoftegmat; fraza, frazes; maksyma, przysłowie, sentencja; wyrażenie, zwrot). Eine skizzenhafte Zusammenfassung seiner theoretischen Tätigkeit gibt er in dem Kapitel »Phraseologie« seiner »Stylistyka Polska«. (Bei der Schilderung der Einteilung stütze ich mich auf dieses Werk, bzw. auf den einführenden Teil des Wörterbuches; die eventuellen Beispiele führe ich aus dem Wörterbuch an.)

St. Skorupka klassifiziert die Wortverbindungen (phraseologische Einheiten, phraseologische Verbindungen — związki wyrazowe, jednostki frazeologiczne, związki frazeologiczne) aus zwei Gesichtspunkten: aus formalem, bzw. aus semantischem Gesichtspunkt.

Von diesen hält er die formale Einteilung für weniger wichtig, schreibt ihr eher systematisierende Bedeutung zu, deren Grundlage der grammatische Charakter der Elemente der Wortverbindung ist und nicht ihre syntaktische Verbindung. Demnach teilt Skorupka die phraseologischen Verbindungen in drei Gruppen: 1. wyrażenie = die nominalen, 2. zwrot = die verbalen Wortverbindungen, 3. fraza = nominale und verbale, d. h. phraseologische Verbindungen von Satzwert. Das zentrale Wort eines »wyrażenie« kann ein Substantiv, Adjektiv, Partizip oder seltener Adverb sein. Das zentrale Wort eines »zwrot« ist hingegen ein Verb oder ein unflektierbarer Infinitiv. Die verbale Wortverbindung kann eine nominale Wortverbindung enthalten (*wpaść czarna rozpacz* — *czarna rozpacz*). Die phraseologischen Verbindungen mit Satzwert (faza) sind von den Sätzen weiteren Sinnes zu unterscheiden. Als phraseologische Einheiten mit Satzwert können wir nur die in gewisser, allgemein gebräuchlicher, häufig in ähnlicher Form erscheinenden Arten der Sätze ansehen (przysłowie, sentencja, maksyma). Innerhalb der drei unterschiedlichen Wortverbindungen können wir noch weitere Gruppen unterscheiden — diese werde ich nicht detailliert behandeln.

Skorupka hält die andere, semantische Einteilung für wichtiger. Hier ist für die Einteilung der Grad der Verbindung der Elemente der Wortverbindungen sowie der Grad der Lexikalisierung (stopień zespolenia składników związku frazeologicznego) grundlegend. Demnach unterscheidet Skorupka drei Arten der phraseologischen Verbindungen: związki frazeologiczne: 1. stałe, 2. łączliwe, 3. luźne.

1. *związki stałe* — die absolut stehenden Wortverbindungen, deren Bedeutung nicht mit der Summe der Bedeutungen der Elemente identisch ist; die Wortverbindung entspricht demnach einem einzigen Wort.

2. *związki łączliwe* — die relativ stehenden Wortverbindungen, deren Elemente miteinander in bedeutendem Maße verbunden, jedoch nicht lexikalisiert sind (z. B. *różowy humor, wykonać skok* usw.). Diese zwei Kategorien lassen sich nicht scharf voneinander trennen. Skorupka hält z. B. die metaphorischen Redewendungen (*wyrażenie i zwroty o charakterze porównawczym*) und die Wortverbindungen des Typus *aparát telefoniczny* (*wyrażenie gatunkujące*) als Grenzfälle in Evidenz.

3. *związki luźne* — die freien Wortverbindungen. Die Phraseologie interessieren

bloß die absolut stehenden und die relativ stehenden Wortverbindungen (*związki stałe i łączliwe*), die wir mit dem Sammelnamen Phraseologismen nennen können; mit den freien Wortverbindungen befaßt sich die Satzlehre.

Skorupka faßt die Geschichte der Phraseologie als eine ununterbrochene, langsame Bewegung auf, die durch die Festigung der freien Wortverbindungen, bzw. Auflösung der stehenden Wortverbindungen charakterisiert werden kann.

In der Frage der Entstehung der phraseologischen Verbindungen lohnt es sich zu erwähnen, daß Skorupka außer Wortverbindungen gemeinsamen Ursprungs (antike Welt, Bibel, Weltliteratur usw.) zwei Gruppen unterscheidet: 1. *związki frazeologiczne naturalne* — die aufgrund der Beobachtung der Natur, der Erscheinungen der lebendigen Welt, des Menschen, der menschlichen Gesten zustande kommen (meistens in den verschiedenen Sprachen voneinander unabhängig, gleichzeitig); 2. *związki frazeologiczne konwencjonalne* — deren Grundlage die durch den Menschen geschaffene Welt (die Erscheinungen der Gesellschaft, der Wirtschaft, der Kultur, der Religion usw.) sind. Der abweichenden gesellschaftlichen, wirtschaftlichen usw. Verhältnisse und sonstigen Faktoren wegen sind in den verschiedenen Sprachen eigenartige, idiomatische Wortverbindungen zustande gekommen. Skorupka nennt die phraseologischen Eigenheiten der einzelnen Sprachen *Idiomatismen* (*idiomatyzm gramatyczne, idiomatyzm frazeologiczne*).

Die Aufgabe der Phraseologie ist u. a. das Sammeln der Wortverbindungen, ihre geschichtliche bzw. vergleichende Untersuchung. Skorupkas Tätigkeit ist gerade deshalb von Bedeutung, weil er seine theoretische Arbeit mit der Verwirklichung praktischer Ziele verbindend, das Phraseologische Wörterbuch der polnischen Sprache herausgegeben hat, das die wichtigsten absolut stehenden und relativ stehenden polnischen Wortverbindungen enthält (*frazeologia stała i łączliwa*), Weisungen zur Benützung dieses Wörterbuches gibt und die Bedeutung der Wortverbindungen mit Satzbeispielen illustriert. Die Benützung des Wörterbuches wird dadurch erleichtert, daß der Autor die einzelnen Wortverbindungen innerhalb der Stichwörter numeriert. Wir wollen hoffen, daß auch das in Aussicht gestellte Register fertiggestellt und in der zweiten Auflage des Wörterbuches oder separat erscheinen wird, was für die Benützung eine weitere Erleichterung bedeuten würde. Zur Bildung einer Meinung über das Wörterbuch bedarf es längerer Zeit, aber schon des Erscheinen selbst ist in der Geschichte der polnischen Phraseologie von großer Wichtigkeit. Die Herausgabe phraseologischer Wörterbücher der einzelnen Sprachen würde auch die Entwicklung der vergleichenden Phraseologie ermöglichen.

Die Bedeutung der theoretischen und praktischen Tätigkeit St. Skorupkas können wir wie folgt zusammenfassen: Er bestimmte den Begriff der Phraseologie, ihren Gegenstand, ihren Platz innerhalb der Sprachwissenschaft, ihr Verhältnis zu den Zweigen der Sprachwissenschaft; er bestimmte die Grundbegriffe der Phraseologie, nahm die Einteilung der Wortverbindungen vor, es gelang ihm, die Annahme der von ihm entwickelten Terminologie in der polnischen Fachliteratur durchzusetzen; er fördert mit seinen Artikeln die Entwicklung der vergleichenden Phraseologie; er gab das Phraseologische Wörterbuch der polnischen Sprache heraus. Doch müssen wir bemerken, daß seine phraseologische Theorie in mancher Hinsicht skizzenhaft ist, wir hoffen, daß er seine Ergebnisse auch in einem zusammenfassenden theoretischen Werk veröffentlichen wird.

K. Morvay

LEVASICS Elemér—SURÁNYI Magda, **Szerbhorvát—magyar kéziszótár** [Srpskohrvatsko—mađarski rečnik]. A szótár kéziratát átnézte [Rukopis rečnika pregledao] dr. PALICH Emil. Budapest 1967, XLV + 839 str.

PALICH Emil, **Magyar—szerbhorvát kéziszótár** [Priručni mađarsko—srpskohrvatski rečnik]. Főmunkatárs [Glavni saradnik] P. SZÁNTÓ Olga. Lektor: KOSSA János. A magyar nyelvtani rész OLÁH József munkája [Pregled mađarske gramatike izradio J. Oláh]. Budapest 1968, XXVIII + 937 str.

I. Opšti osvrt na oba rečnika

Budući da oba rečnika čine jednu celinu, to je svrsishodno da im se da i jedna opšta ocena. To je tim opravdanije jer su im i mnoge vrline kao i pojedini nedostaci zajednički.

Kako srpskohrvatsko—mađarski tako i mađarsko—srpskohrvatski deo rečnika spadaju u tipsku seriju priručnih dvojezičnih rečnika što ih priređuje izdavačka kuća Mađarske akademije nauka (Akadémiai Kiadó, odnosno Terra). Pojavom ovih rečnika delimično je zadovoljena velika društvena potreba, izazvana sve jačim interesovanjem za srpskohrvatski jezik u Narodnoj Republici Mađarskoj. Naročito živo zanimanje za takve rečnike ispoljili su pripadnici hrvatske i srpske nacionalnosti u Mađarskoj, slično kao i Mađari u Jugoslaviji. Neću preterati ako ustvrdim da će ovaj par rečnika moći da posluži zbližavanju kultura dvaju susednih naroda, mađarskog i jugoslovenskog, čiji ogranici žive pomešano i isprepletano na širokim prostorima jugoslovenske i mađarske državne teritorije.

Među priručnim leksikografskim izdanjima sa područja srpskohrvatskog jezika što su se pojavila u našoj zemlji posle oslobođenja ističu se srpskohrvatsko—mađarski i mađarsko—srpskohrvatski džepni rečnik pod redakcijom prof. L. Hadrovicsa,¹ koji je u lingvističkim krugovima poznatiji kao sastavljač, odnosno saurednik niza rusko—mađarskih, i mađarsko—ruskih rečnika. U poređenju s ranijim dvojezičnim rečnicima srpskohrvatskog i mađarskog jezika, za pomenute Hadrovicseve rečnike karakteristične su mnoge pozitivne crte: raspolažu maksimalnim brojem novijih reči i izraza savremenog jezika; u odnosu na srpskohrvatski fond reči uvršteni su svi važniji sinonimi obeju varijanata sh. jezika (u mađarsko—srpskohrvatskom delu rečnika kroatizmi su posebno označeni); sem toga prof. Hadrovics kompleksno je obradio sh. gramatiku po tablicama te je u srpskohrvatsko—mađarskom rečniku uza svaku promenljivu odrednicu ukazano po kojoj se tablici deklinira, odnosno konjugira. Dostignućima i metodima Hadrovicsevih rečnika obilno su se koristili i sastavljači oba leksikografska rada o kojima je reč; tako je npr. uz male izmene i dopune preuzet i sistem njegovih gramatičkih tablica sh. jezika.

Surányi, Levasics i Palich i njihovi saradnici su u cilju što boljih rezultata svojega pothvata uložili zaista mnogo truda kako bi im rečnici udovoljili savremenim zahtevima: nastojali su da odaberu odista najpotrebnije reči i izraze i da nađu tačne ekvivalente drugog jezika; opremili su rečnike najnužnijim gramatičkim uputstvima. (Srpskohrvatsko—mađarski deo rečnika sadrži oko 80000 rečničkih podataka, a mađarsko—srpskohrvatski rečnik premašuje taj broj za nekoliko hiljada podataka.) U svome poslu autori su se suočili s nizom teškoća što proizlaze iz činjenice da su to, s jedne strane,

¹ HADROVICS L. Szerbhorvát—magyar szótár. Budapest 1957, LXIV + 684; HADROVICS L. Magyar—szerbhorvát szótár. Budapest 1958, 655 str.

² A magyar nyelv értelmező szótára, I—VII. Budapest 1966.

prvi dvojezični rečnici dvaju jezika ovakva obima, a, s druge strane, nije im stajao na raspoloženju višetomni rečnik savremenoga sh. jezika (imam u vidu ediciju što je spremaju Matica srpska i Matica hrvatska), pa su tako u poređenju s mađarskom savremenom leksikom, sabranom u višetomnom rečniku,² u području sh. leksike bili u nezavidnom položaju i ispomagali se rečnicima različite vrednosti. Ipak, autori su — i to se također odnosi na oba rečnika — u nekim pitanjima bili skloni lakšem (najlakšem!) rešenju. Tako su npr. jednostavno ostavili sh. deo leksičkog materijala bez oznake naglasaka. Smatram da je u najmanju ruku trebalo označiti akcentat osnovnog oblika odrednica u srpskohrvatsko — mađarskom delu rečnika. Mislim da nije potrebno isticati koliko ova izdanja zbog toga gube, kako u naučnom tako i u praktičnom aspektu. Kod rečnika džepnog formata ovakav nedostatak ne udara toliko u oči, ali kod ovakvih — po obimu i po izradi solidnih radova — pitanje naglasaka takvog jezika kao što je srpskohrvatski nije se smelo tako olako uzeti.

Usprkos svim nedostacima, ono što su sastavljači postigli po cenu savlađivanja nemalih teškoća, treba knjžiti kao značajan rezultat. Do pojave višetomnih dvojezičnih rečnika dva dotična jezika — oko čega se uspešno trude novosadski leksikografi — oba rečnika korisno će poslužiti u praksi, a ujedno će pružiti bogato iskustvo kako mnogih primernih rešenja tako i promašaja, pa će to iskustvo, smatram, moći da posluži i sastavljačima velikih rečnika i prilikom novih izdanja rečnika dvaju jezika sličnog obima.

2. Srpskohrvatsko — mađarski rečnik

Sastavljači u predgovoru istakoše svoje nastojanje da unesu što veći broj često upotrebljivanih reči, misleći pritom, svakako, i na reči i izraze nastale tokom prošlih nekoliko godina. Ipak, meni se čini da je, pored unošenja velikog broja zastarelih reči i izrazito dijalekatskih reči, izostavljen niz reči novijeg porekla koje se u svakodnevnom govoru, pa dakle i u novinama i knjževnim tekstovima često upotrebljavaju. Nije npr. uvršten niz reči iz političkog života, tako čestih u novinama:

angažovan, bilateralan (npr. bilateralni odnosi), *etatizam, etatistički, konzervativan, neangažovan, neokolonijalizam, neonacizam, nesvrstan, partijnost, politbiro, premijer, pseudomarksizam, savetovanje, vanblokovski* itd.

Nedostaju i relativno česte reči i izrazi iz oblasti nauke i tehnike:

astronaut (!), *letilica, magistrala*, (npr. Jadranska magistrala), *melioracija, soliter, toplana* i dr.

Nema reči i izraza iz oblasti kulture i prosvete i iz drugih područja:

kulturno-prosvetni, kulturno-umetnički, magistar (nouvouveden naučni stepen), *postdiplomski, prosvetni radnik* ('pedagógus') *isturen* (npr. isturen odeljenje, 'kihelyezett tagozat'), *osipanje* ('lemorzsolódás') itd.; reči u vezi s događajima drugog svetskog rata: *esesovac, logoraš, prvoborac* itd.; razne reči iz pojedinih oblasti svakodnevnog života: *bečarac, godišnji odmor, južnoslovenski, konzumacija, kooperant, prvoligaš, randevu, rekreacija, separe, stomatolog, šuškvac, vestern, vikend, vrednovanje, vrhunski* i dr. Izostavljene su i mnoge poznatije reči koje su uobičajene u zapadnom području sh. jezika, npr.: *budilica, dioničko društvo, križanje* ('útkeresztződés'), *vapnenac* i dr.

Vrlo je dobro što su sastavljači uneli niz skraćenica ne samo u tekstu nego i u posebnom spisku. Međutim, izostavljene su neke česte skraćenice, nisu uočene promene u skraćenicama za poslednje vreme. Tako, na primer, pored *JDŽ*, što već spada u istoriju, trebalo je dati noviju skraćenicu *JŽ* (Jugoslovenske železnice), zatim eventualno i *ŽTP* ('Železničko transportno preduzeće'), što je posledica promena u jugoslovenskom privrednom sistemu. Pored skraćenice *JAZU* ('Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti'), a to nije savezna, već republička akademija) bilo bi logično doneti i skraćenicu za Srpsku akademiju nauka — *SAN*. Općenito, u pogledu pojedinih kategorija skraćenica nema

reda ni doslednosti, tako npr. nalazimo *hs.* ('hrvatskosrpski'), ali nema kratice za još češće upotrebljavanu istoznačnu reč: *srpskohrvatski* – *sh.*

Pojedine reči netačno su prevedene, npr. *satnica* nije 'óraterv', već 'órabér', *profesionalna tajna* nije 'hivatali titok', već 'szakmai titok' ('hivatali titok' = službena tajna); *keks* nije danas 'kétszersült', već 'keksz'; *besude* nije 'törvénytelenég hiánya', već 'törvényesség hiánya', itd.

Pri prevođenju niza odrednica nije dat prevod pojedinih i čestih njihovih značenja, te bi stoga i ta značenja valjalo dodati, npr. *baka* 'nagyanya', *deterdžent* 'mosópor', *konjetina* 'lóhús', *klinac* 'srác', *kovina* 'fém', *kucati* 'gépelni', *posloveniti* 'elszlovénesít', *proleter* 'borac elitnih partizanskih jedinica', *slovenski* 'szlovén', *žmigavac* 'írányjelző (lámpa)' i dr. (U primerima *posloveniti*, *slovenski* autori nisu imali u vidu da u zapadnom području *sh.* jezika, u Hrvatskoj, *slovenski* znači i 'slovenački'; bolje reći: u prvom redu tamo ima takvo značenje, s obzirom da se u značenju 'szláv' upotrebljava varijanta *Slaven*. Uostalom, u pogledu varijante *o* i *a* u grupi reči s ovim korenom nema doslednosti: u spisku skraćenica na str. XLVII primeri su sa *a* – npr. *Jugoslavenska narodna armija* zatim u abecednom delu rečnika primećujemo *posloveniti* i *poslaveniti*, ali samo *Praslaveni*.)

Precizirati značenje ili dodati novo značenje trebalo bi kod nekih reči (u vezi sa istorijom jugoslovenskih naroda). Tako kod reči *četnik* prevod značenja pod 3. – 'česetnik' nije dovoljan; treba dati objašnjenje, – jer iako je to za vojvodanske Mađare razumljiv pojam, ta reč nije ušla u čitavo područje mađarskog jezika te je već citirani rečnik mađ. jezika, „Értelmező szótár”, i ne donosi. Mlađe pokoljenje moglo bi tu reč da tumači sebi prema prevodu pod br. 1. 'szabadesapatos, gerillaharcos', što u svesti sadašnje generacije znači nešto pozitivno; no kako se ta imenica u današnjoj govornoj praksi obično odnosi na četnike iz II svetskog rata, valja dodati objašnjenje da se radi o vojnoj organizaciji koja se stavila u službu fašističkih okupatora i borila se protiv partizana. Isto tako kod reči *domobran* potrebno je dodati i njeno značenje iz doba prošlog rata. Odrednicu *Šiptar* nije, čini mi se, dovoljno prevesti ('albán'), s obzirom da se u govornoj praksi pod Šiptarom razumeva, kao pravilo, pripadnik albanske narodnosti samo u Jugoslaviji, dok se za pripadnike te nacije u Albaniji kaže *Albanac*. I *Vlah* nije dovoljno prevesti 'oláh', jer *Vlah* se odnosi i na pravoslavne Srbe i Crnogorce; tako su ih, obično sa pejorativnim prizvukom, nazivali katolici i muslimani, slično kao što su u oblastima mešanog stanovništva, npr. u Bosni, Hrvate katolike ostali nazivali Šokcima. Upravo u takvom značenju *Vlah* se vrlo često susreće u delima jugoslovenske literature. Imenica *ilegalac* prevedena je 'törvényen kívül helyezett személy', međutim to je preširok pojam, jer u nj spadaju i kriminalci; pod *ilegalcem* razumeva se danas obično učesnik tajnog, podzemnog političkog pokreta, pre svega komunističkog.

Radi uštede prostora u rečnik su uneseni samo ekavski oblici; ipak *potkralo* se i nešto ijekavizama, npr. *njegovatelj*, *njegovateljica*, *njegovati*... prema ekavskom: *negovatelj*, *negovateljica*, *negovati*. Zapazio sam i više primera gramatičkih grešaka. Kod *železo* krivo je stavljena gramatička oznaka 1, tj. da se deklinira kao *kuća*, međutim se ta reč menja kao imenica sr. r.; u značenju 'čsapda' stoji samo u množini, kao i *gvožđa*. Imenica *bol* nije samo muškog roda, već se upotrebljava i u ž. r., baš kao i *glad*. Pored lika *forinta* u upotrebi su i *forinat* i *forint* (cf. Pravopis *sh.* književnog jezika s rečnikom).

Sastavljači nisu uložili dovoljno truda da usklade *sh.* materijal rečnika s propisima novog *sh.* pravopisa, katkad su se podavali navikama mađarske ortografije. Tako u višečlanim vlastitim imenima pogrešno je pisano veliko slovo: *Sredozemno More*, *Jugoslovenska Armija* i dr. Ne piše se velikim, već malim početnim slovom: *arijac*. Pravilno je *-ija-* (a ne: *-ia-*): *Socialistička Federativna Republika Jugoslavija*, *Mađarska socialistička radnička partija*. Po novom pravopisu piše se zajedno, bez crtice, naučnoistraživački. Itd.

Rečnik daje izvestan broj važnijih toponima i od njih izvedenih etnika i prideva, ali ti rečnički podaci nisu odabrani po srećnom kriteriju. U rečnik su uvrštena npr. i imena manjih mesta kao *Crikvenica*, (otok) *Cres*, etnik *Crešanin*, međutim ne nalazimo imena i izvedenice od imena većih i za zajedničku istoriju Južnih Slovena i Mađara značajnih mesta, koja imaju i svoje posebne mađarske nazive, npr. *Karloveci* 'Karlóca', *Karlovac* 'Károlyváros', *Osijek* 'Eszék' i sl.

3. Mađarsko – srpskohrvatski rečnik

Nametljivo udara u oči nekonzekventnost u mnogim pitanjima, velika neujednačenost u obradi materijala, pomanjkanje preciznosti – tako da se čini kao da je reč o delu više autora bez jedinstvene i čvrste koncepcije. Štošta se već može naslutiti i iz uputstva o upotrebi rečnika. Tu se nekoliko puta govori o »sklanjanju« glagola, te ima i ovakva rečenica, u tački 4: »U pogledu raznih promena glasova, deklinacija i sklanjanja pomaže nam gramatički uputnik«. Stvar je u tome da su termini *sklanjanje*, *deklinacija* istog značenja, odnoseći se na promenu imenskih reči, a nikako ne na glagole. Uostalom, u samom rečniku se to lepo i pravilno tumači: *ragoz* ... (főnevet) 'deklinirati'; (igét) 'konjugirati'. (Doduše, mogao je autor ovde dodati i sinonime: uz *deklinirati* 'sklanjati', uz *konjugirati* 'sprezati'.) U prevodu mađarske gramatike – na str. XX i dalje – pravilno se upotrebljava termin: *konjugacija glagola*.

U skladu je s leksikografskom praksom što autori prevodeći mađarske reči navode više sinonima. Ali vrlo često pri tome nisu pazili na osnovne stvari koje sastavljači rečnika treba da drže na umu. Poznato je da u sinonimni red reči za označavanje jedne stvari ili pojma ulaze i reči koje su arhaične, zatim reči čija je upotreba ograničena, lilo teritorijalno, bilo pak u stilističkom smislu. Sem toga u pitanju sinonima valja imati u vidu i dve varijante – istočnu (srpsku) i zapadnu (hrvatsku); isp. *hleb* – *kruh*, *voz* – *vlak*, *hiljada* – *tisuća*, *kašika* – *žlica*, *vazduh* – *zrak* itd. Me sme se smetnuti s uma ni činjenica da rečnici kao ovaj treba da obrate veću pažnju ekvivalentima standardnog jezika, npr. pri navođenju više ekvivalenata-sinonima njihov redosled treba da bude određen frekvencijom u savremenom jeziku. Tek u ograničenoj meri mogu da se dotaknu dijalekatske, provincijalne i žargonske reči. Evo sada nešto primera:

Odrednica *börtön* prevedena je sh. sinonimima 'tamnica, haps, hapsana, sužnjica, robija, zatvor', i to upravo onakvim redom kako ne bi trebalo, a takvih je slučajeva u rečniku priličan broj; 'zatvor' bi trebalo da dođe na prvo mesto, kao najupotrebljiviji, neutralan sinonimni član u savremenom sh. jeziku; 'sužnjica' je arhaizam, 'haps' je žargonski obojena reč, što bi inače bilo dobro i označiti.

Primer *gyárkemeny* 'fabrički (tvornički) odžak v dimnjak' utoliko je čudan što autor daje prednost turcizmu 'odžak', ne vodeći računa o tome da je 'dimnjak' stilistički neobojena reč, koja je već odavno ušla u standardni sh. jezik, dokle se 'odžak' danas upotrebljava samo u razgovornom jeziku određenih područja i smatra se provincijalizmom.

U daljem navođenju nekoliko primera istaknut ćemo razređeno onaj sinonim koji je pri prevodenju trebalo staviti na prvo mesto, s obzirom na pravogovorne norme i s obzirom na frekventnost dane reči u savremenom jeziku.

haj 'vlasi, kosa'; *hitel* 'veresija, kredit'; *iz* 'kus, ukus'; *kém* 'uhoda, špijun, tajni agent, uhodnik'; *leányka* 'kéerca, kékérka, kéercica, kéercica'; *iskolapad* 'skamija, školska klupa'; *szuka* (nőstény kutya) 'keruša [!], kučka'; *hamisít* 'pačiniti, patvoriti, krivotvoriti, falsifikovati'; *őrszoba* 'soba v prostorija za redarstvenu, policijsku, milicijsku stražu'.

Pohvalno je što su sastavljači rečnika u duhu sh. jezičkog jedinstva pri prevodenju nastojali da navedu i sve osnovne sinonime hrvatske varijante. Ali u tome nisu bili dosledni, na štetu hrvatskih sinonima. Evo nekoliko primera; u zagradi ću navesti reč koja u duhu pomenute pravilne koncepcije nije trebalo da izostane: *állambiztonság* 'državna bezbednost (državna sigurnost)'; *gyümölcssecet* 'voćno sirće (voćni ocat)'; *Gyertyászentelő* 'Sretenje (Svećnica)'; *Hófehérke* 'Snežana (Sneguljica)'; *Hawaii-szigetek* 'Havajska ostrva (Havajski otoci)'; *márciusi* 'martovski (ožujski)'; *libamáj* 'gušćja džigerica (gušćja jetra)'; *mesterséges* 'veštački (umetni)'; *nyersvas* 'sirovo gvožđe (sirovo železo)'; *pántlika* 'traka, pantljika (vrpca)'; *szloven* 'slovenački (slovenski)'; *tanóra* 'nastavni školski čas (sat)'; *tanrend* 'raspored časova (raspored sati)'. Zanimljivo je da je sastavljač rečnika ispustio iz vida da jedan od osnovnih leksikografskih termina — *cimszó* 'odrednica' — ima i (hrvatski) sinonim *natuknica*!

Urednik je — kako to tvrdi u uputstvu o upotrebi rečnika — imao nameru da reči i izraze istočne, srpske varijante stavi na prvo mesto, ali ni u tome se nije pokazao doslednim. Mestimično se primećuje i velika nesredjenost, npr. u prevodu složenica *sziget* (u zagradi navodim propuštene sinonime hrvatske, odnosno srpske varijante): *sziget* 'otočni (ostrvski)'; *szigetcsoport* 'otočje (ostrvlje)'; *szigetlakó* 'otočanin, ostrvljanin'; *szigetország* 'ostrvska zemlja (otočna zemlja)'.

Sličnu nesredjenost primećujemo i kod prideva tipa *jezički* ~ *jezični*: *autobusna stanica*, *autobusna linija*, ali: *autobuska karta*, *autobuski konduker* i sl. Ako i nije zabranjeno mešanje elemenata dveju varijanata, ipak bi bolje bilo da je redaktor bio dosledan pa davao prednost istočnoj varijanti (sa -k-), ili da je naveo oba lika prideva.

Slična je situacija i u vezi s pridevima tipa *dečiji*/dečji. Savremeni sh. pravopis, kao što je poznato, dopušta oba lika. Poznato je da se duži lik (dečiji) susreće uglavnom na području istočne varijante, ali se u savremenom književnom jeziku kod pojedinih prideva izbegava, odnosno upotrebljava sa stilističko-značenjskim odstupanjima. Najcelishodniji i najekonomičniji način označivanja bio bi, kao što je to uobičajeno, *deč(i)ji*. Duž rečnika susretao sam, međutim, ovakvo šarenilo: *ovčiji* but, *ovčji* sir, *čovečji*, *čoveč(i)ji* vek, *zečja* stopa, *zeč(i)ja* pečenica, *vučja* glad, *kokoš(i)je* slepilo, *guščiji* batak, *guščja*/guščija džigerica, *veveričije* krzno itd. Prema tako nedoslednoj praksi moglo bi se pomisliti da je npr. pravilan samo lik *zečji* ili pak samo *veveričiji*, zatim da je, s obzirom na redosled, *guščji* karakteristično za srpsku varijantu, a *guščiji* za hrvatsku, — iako stvar stoji obrnuto.

U odnosu na prevodenje mađarskih odrednica, zbog ograničenosti prostora, navest ću samo nekoliko tipičnih nedostataka. Npr. *jégszekerény* 'hladionik, hladnjak, hladionica, hladnjača' (Nije naveden najrasprostranjeniji ekvivalent: 'frižider', dok se u prevodu reči *kacsa* navodi, pored 'patka', 'plovka' i provincijalizam 'šotka', što je u ovakvom rečniku zaista suvišno; po takvoj logici trebalo je onda navesti i kajkavski dijalektizam 'raca'!).

Pažnju zaslužuje i prevodenje reči stranog porekla. Uzmimo npr. *mimóza* 'stidljivka'; *milió* 'sredina, okolina, društvo'; *pardon* '(molim) oprostite v izvinite'; *kredenc* 'ormar za posude'. Kod navedenih i sličnih stranih reči — zajedničkih za mađarski i sh. jezik — autori se često služe metodom objašnjavanja kao u rečnicima stranih reči, a trebalo bi jednostavno u sh. obliku navesti te iste reči, jer ih u istom značenju upotrebljava i sh. jezik, dakle: 'mimóza', 'milje', 'pardon', 'kredenc' i — eventualno — dodati ekvivalentne neologizme sh. jezika. (Uporedi još prevod odrednica *infláció*, *impónál*, *incidens*.)

U prevodima reči *sógor*, *sógori* nema 'sogor', 'šogorica', međutim te su reči odavno iz govornog ušle u književni jezik i sve se više rasprostranjaju na račun izdiferenciranih sh. rodbinskih naziva ('pašenog', 'svak', 'dever' i sl.). Mesto prevoda *nemzetiségi kérdés* 'pitanje nacionalnih manjina, manjinsko pitanje' bolje bi bilo: 'pitanje nacional-

nosti ~ narodnosti'. Pažnje je vredan primer *vidék: vidékre megy* '(idem) na ladanje, ići u unutrašnjost, provinciju'. Kako je hrvatski arhaizam *ladanje* stavljen na prvo mesto, moglo bi se pomisliti da to i nije arhaizam, već najčešći ekvivalent za mađ. 'vidék', mada tu reč ne bi razumeo mlađi naraštaj niti u Hrvatskoj (sem onih koji čitaju dela klasika hrvatskog realizma, npr. Đalskoga), a kamoli u istočnim krajevima Jugoslavije. Uostalom, prema uputstvu o korištenju rečnika — srbijanski, a ne hrvatski izrazi trebalo bi da budu na prvom mestu.

Nije srećan ni prevod *okírat-hamisítás* 'patvorenje/falsifikovanje/falsificiranje/krivotvorenje isprave'. Kada je reč o ispravama, onda se obično upotrebljavaju sinonimni termini 'falsifikovanje' i 'krivotvorenje', a ne 'patvorenje'. Možemo se poučiti na primeru upozorenja na jugoslovenskim novčanicama: »Falsifikovanje novčanica kažnjava se po zakonu« (istočna varijanta, ćirilica), »Krivotvorenje novčanica kažnjava se po zakonu« (hrvatska varijanta, latinica).

Reč *penztár* prevedena je 'blagajna, kasa', ali je za odrednicu *kassza* dat samo ekvivalent 'blagajna'. Ova primedba nije neko moje cepidlačenje: prema službenom, vodećem sinonimu *penztár* ima sh. 'blagajna', a prema st'lističkoj vrednosti mađarskog *kassza* stoji i sh. 'kasa', kao reč pretežno razgovornog jezika; precizan rečnik stoga prevodi: *kassza* 'kasa'.

Prevodeći relativno novije naučne i tehničke termine autori rečnika su na više mesta grešili. Npr. *ismeretelmélet* nije 'teorija znanja', nego 'teorija saznanja' ili, u hrv. varijanti, 'teorija spoznaje'.

Na kraju, u odnosu na pravopis sh. reči potkrao se veći broj grešaka. Pod uticajem mađarskog pisanja stoji npr. 'leninizam', 'lenirsko učenje' (treba: *lenjinizam*, *lenjinsko učenje*). Primetio sam i izvestan broj grešaka kod složenih reči, npr. 'autoput', 'autocesta', 'šundliteratura' i dr. (treba: auto-put, auto-cesta, šund-literatura). Kod odrednice *emellet* stoji 'uzto', međutim treba: *uz to*, prema rečniku jedinstvenog sh. pravopisa. I u pisanju mađarskih reči nema jedinstva, npr.: *szerbhórvát* i *horvát-szerb*.

4. Ovime ni izdaleka nisam izneo sve zamerke sastavljačima oba rečnika. Usprkos svemu iznesenome, smatram da je izdavanjem ovih rečnika učinjen značajan korak napred na onom polju mađarske leksikografije — sektoru tzv. malih jezika — gde nema dovoljno utrlih putova i gde treba u budućnosti da se više uradi.

I. Mokuter

HANS GÜNTHER, **Das Groteske bei N. V. Gogol'**. Formen und Funktionen. Verlag Otto Sagner, München 1968, 289 стр.

Тайна паразитической «современности» Гоголя в наш век, неиссякаемой силы его воздействия на литературу занимает многих исследователей. Книга Ганса Гюнтера помогает проникнуть в эту тайну.

Введение, предпосланное книге, представляет собой краткий, но очень четкий обзор этапов в изучении Гоголя. Охарактеризовав разные направления в истолковании его творчества (социологическая, формальная школы, иррациональная интерпретация и т. д.), автор говорит о наиболее плодотворном с его точки зрения методе исследования: сочетание формального анализа с глубокой разработкой общественного содержания. Среди ученых, уже преодолевших дуализм формы и содержания в изучении Гоголя, он называет Гуковского, Ермилова и, не в последнюю очередь, Белинского, который на протяжении всей книги выступает как очень значительный в глазах Ганса Гюнтера авторитет.

В дальнейшем автор придерживается самого «плодотворного» метода, связывая проблемы литературного и общественного развития, сочетая кропотливый художественный анализ с широкими идейными обобщениями.

Первая часть работы посвящена теории и истории гротеска. Занимаясь этой темой, Ганс Гюнтер выступает, между прочим, против различных форм суженного понимания гротеска, в том числе против сведения его к сатире. «Подобный взгляд, — пишет он, — не улавливает специфической особенности гротеска, указывая только на одну из возможных его функций»¹ С этим мнением нельзя не согласиться.

Однако исследователь не совсем прав, категорически утверждая, что «подчинение гротеска сатире является — там, где вообще уделяется какое-то внимание категории гротеска — правилом в советском литературоведении».² Один из самых авторитетных советских ученых М. Бахтин в своей работе, посвященной Рабле,³ подробно занимается историей и теорией гротеска, подвергая критике как раз односторонние его толкования, в том числе и приписывание ему чисто сатирических функций. Жаль, что из поля зрения Ганса Гюнтера, оперирующего в своей работе исключительно большим и разнообразным материалом, выпал этот капитальный труд, положения и выводы которого не раз совпадают с его собственным мнением.

Занимаясь проблемой определения гротеска, Ганс Гюнтер справедливо предостерегает от опасности сделать критерием гротеска в конечном счете психологию восприятия, т. е. поставить решение вопроса, гротескно какое-либо произведение или нет, в зависимость от субъективного восприятия читателя. В поисках более объективного критерия он присоединяется в основном к определению, данному в работе Герхарда Меншинга «Гротеск в современной драме».⁴ Меншинг вводит очень удобное понятие «плоскости изображения» (*Darstellungsebene*). Он говорит о плоскостях реальности, фантастики, комического и трагического. Гротеск определяется наиболее кратко как «смещение плоскостей изображения». На большом количестве разнообразных примеров Ганс Гюнтер раскрывает богатство и удобство этого определения. Там, где гротеск является понятием структуры произведения, Ганс Гюнтер говорит о *композиционном гротеске*, который может быть назван в случае смещения комической и трагической плоскостей изображения *комическим гротеском* и *фантастическим*, если соединяются фантастическая и реальная плоскости. Кроме композиционного гротеска автор считает нужным утвердить и понятие *стилевого гротеска*, которое встречалось уже в работах ряда ученых. Он подробно занимается разными видами стилевого гротеска, прежде всего алогизмами, а также гротескными олицетворением и овеществлением.

Вторая часть работы представляет собой детальнейший анализ произведений Гоголя с раскрытием всей «механики» гротескного изображения в каждом из них. Читатель не раз с удовольствием отмечает свежесть и тонкость наблюдений, обоснованность выводов. Однако некоторый протест вызывает чрезмерно настойчивое желание автора увидеть как можно больше гротескных эффектов, что приводит изредка к «нажиму» в анализе (напр., «Старосветских помещиков»). При анализе «Шинели», которая является, по мнению исследователя, в основном композиционным комическим гротеском, стремясь доказать наличие двух плоскостей, он возводит слишком уж высокую стену между Акакием Акакиевичем — марионеткой, автоматом и им же — человеком, вызывающим сочувствие. В восприятии Ганса Гюнтера чиновник то опускается до уровня марионетки, то поднимается на человеческую высоту. Поэтому автор пишет: «н е о ж и д а н н ы й по-

¹ H. Günther, *Das Grotteske bei N. V. Gogol'*. Formen und Funktionen. München 1968, 15.

² Там же, 13.

³ М. Бахтин, *Творчество Франсуа Рабле*. Москва 1965.

⁴ H. Günther, *Das Grotteske bei N. V. Gogol'*, 26.

ворот к трагическому...»,⁵ «комический тон повествования не о ж и д а н н о сменяется патетическим периодом...»⁶ (подчеркнуто нами — Н. С.). Нам кажется, что Башмачкин с самого начала марионетка и человек одновременно, существо с задатками именно человеческих чувств, хотя и изуродованных до крайности. Комическое и трагическое, а также юмористическое, ироническое, патетическое у Гоголя представляют собой более сложный, органический сплав.

Третья часть работы, озаглавленная «Сатирическая и игровая функция гротеска у Гоголя», вызывает особый интерес прежде всего благодаря систематизации огромного и разнообразного критического материала и очень трезвому, объективному и убедительному анализу его. Ганс Гюнтер подхватывает и развивает в своей книге многие мысли своих предшественников в изучении Гоголя, например, представителей школы русских формалистов (которых он очень высоко ценит), западноевропейских, американских славистов. Но так же привлекателен в работе спокойный, тщательно аргументированный критический подход к концепциям, вызывающим у исследователя сомнение или протест. Очень интересна полемика Ганса Гюнтера с В. Сечкаревым, Д. Чижевским (и их последователями), выдвинувшими религиозное толкование творчества Гоголя, оценку его как антиреалиста. Гюнтер показывает, что подобный взгляд обосновывается обычно мистическими, противоречивыми высказываниями Гоголя в конце его жизни, в то время как «...художественное произведение представляет собой объективную как в формальном, так и в идейном отношении структуру, выходящую за рамки намерений автора».⁷

Нельзя не согласиться с убедительной аргументацией Ганса Гюнтера, направленной против толкования «Шинели» в духе дьявольского искушения Акакия Акакиевича земными страстями, против понимания фантастического конца новеллы, как своеобразного «мотива Леноры», — «жуткой карикатуры на романтическую фигуру мертвеца, неудовлетворенная любовная страсть которого гонит его из гроба обратно в жизнь на поиски возлюбленной [шинели — Н. С.]»⁸

Ганс Гюнтер доказывает несостоятельность мнения Д. Чижевского, что «Гоголь ни в коей мере не стремился даже и к отдаленнейшему сходству своего изображения с действительностью».⁹ «Гротеск у Гоголя, — утверждает Гюнтер, — не направлен к произвольному нарушению реальности, напротив того, с помощью гротеска выявляются существенные черты действительности».¹⁰

В последней части книги автор смело применяет к некоторым сторонам творчества Гоголя сравнительно новый в области литературоведения термин *отчуждение*. Отчуждение дает возможность понять моральное ничтожество и уродство большинства гоголевских героев как потерю человеческого облика при конкретных общественно-исторических условиях. Разложение крепостного строя называется в качестве социально-экономической основы процесса отчуждения в России 30—40-х годов XIX в. Мы добавили бы к этому еще необычайно разветвленный и гнетущий бюрократически-чиновнический аппарат николаевской России. Несомненно, что именно бюрократический гнет — та общая основа, на которой рождается, например, поразительное сходство тем, образов и даже формальных приемов в творчестве Гоголя и позднейшего выразителя процесса отчуждения — Кафки.

В целом книга Ганса Гюнтера талантливый, подлинно научный труд, привлекающий объективностью, тщательностью анализа, безупречным знанием предмета.

Нина Секей

⁵ Там же, 170.

⁶ Там же, 181.

⁷ Там же, 227.

⁸ Там же, 183.

⁹ Там же, 225.

¹⁰ Там же, 235.

MLADEN LESKOVAC, *Iz srpske književnosti*, I—II. Matica srpska, Novi Sad 1968.

In zwei sehr schön ausgestatteten Bänden wurden mehr als vierzig Aufsätze des namhaften jugoslawischen Literaturhistorikers herausgegeben. Die Aufsätze unterscheiden sich nicht nur ihres Inhaltes wegen, sondern auch ihrer Gattung nach. Neben tiefgreifenden literarhistorischen Studien finden wir hier mit künstlerischer Inspiration verfaßte Essays, aufschlußreiche Memoiren, zu festlichen Gelegenheiten gehaltene Vorträge und verschiedene Gelegenheitsartikel. Keine einzige dieser in flüssigem Stil geschriebenen Arbeiten ist aber selbstbezweckt, der Verfasser greift wahrlich nur dann zur Feder, wenn er etwas zu sagen hat, wenn er dem Leser oder Hörer etwas von Belang mitzuteilen hat.

Von den ausgesprochen wissenschaftlichen Studien, die das Resultat einer gewissenhaften, mühevollen Forschungsarbeit sind, mögen aus dem ersten Band *Starija srpska poezija, Bećarac, Vuk i Mušicki*, aus dem zweiten *Pozorišne kritike Laze Kostića* hervorgehoben werden.

In *Starija srpska poezija* zeichnet Professor Leskovac ein umfangreiches, plastisches Bild der serbischen Dichtung in der Periode vor Branko Radičević, und schildert überzeugend die Atmosphäre dieses Zeitalters. Die Arbeit erschien zuerst als Vorwort zur *Antologija starije srpske poezije*, die von M. Leskovac zusammengestellt und redigiert wurde. Mit diesem Buch, mit der kennerischen, gut gelungenen Auswahl der Gedichte und mit dem hier abermals veröffentlichtem Vorwort ist es dem Autor gelungen, den Themenreichtum und die künstlerischen Errungenschaften dieser Poesie — die aus sprachlichen Gründen schon fast zur Vergessenheit verurteilt war — darzustellen und diese Dichtung dem Leser unserer Zeit näher zu bringen.

In der Abhandlung *Bećarac* — die übrigens auch schon früher als Vorwort zur gleichbetitelten Anthologie erschienen ist — schreibt der Verfasser mit Enthusiasmus, viel Liebe und Verständnis über diese, bis dahin vernachlässigte Gattung der serbischen Volksdichtung, die in den serbischen Dorfgemeinschaften der Wojwodina bis in den heutigen Tag blüht. Hier fällt auch die musikalische Bewandertheit des Autors ins Auge, denn über die Begleitinstrumente sprechend schildert er sachkundig die Charakteristik der Instrumente und ihren Einfluß auf die Gestaltung der Lieder und der Vortragsweise derselben.

In dem sehr interessant verfaßten Aufsatz *Vuk i Mušicki* beschreibt Leskovac die Zusammenarbeit und das freundschaftliche Verhältnis der beiden großen Serben des vorigen Jahrhunderts. Er erweist also, daß durch die Persönlichkeit und Tätigkeit Mušiskis — trotz seiner etwas wankelmütigen Haltung — auch die Wojwodina zur literarischen und sprachlichen Reform im vorigen Jahrhundert beigetragen hat, verschweigt aber dabei nicht die hemmende, regressive Haltung und Wirksamkeit der Matica srpska.

Die Arbeit *Pozorišne kritike Laze Kostića* hebt eine fast in Vergessenheit geratene, doch nicht unbedeutende Seite des Wirkungskreises des namhaften Dichters und Dramatikers aus dem Dunkel der Vergangenheit. Mit viel Mühe und Arbeit des gewissenhaften Forschers ist es dem Verfasser gelungen mehrere Chiffren zu enthüllen und auch auf Grund von textkritischen Untersuchungen festzustellen, wie eingehend sich Laza Kostić mit Theaterkritik befaßt hat.

Der Artikel *Poezija i istina* verdient es allenfalls besonders erwähnt zu werden. Es handelt sich hier um die Umstände der Entstehung des satirisch-politischen Gedichts *Vidovdan* von Zmaj Jovan Jovanović. Der Dichter stand — wie bekannt — inmitten des gesellschaftlichen und politischen Lebens und unterstützte mit seiner Dichtung

fortlaufend die progressiven politischen Zielsetzungen seines Volkes und seiner Nation. Doch sind in unserer Zeit seine politischen Gedichte wegen der heute schon unklaren Anspielungen oft schwer zu verstehen. Leskovac gelingt es mit Hilfe der zeitgenössischen Presse und anderer Angaben, alle Unklarheiten zu deuten und gleichzeitig ein gut umrissenes Bild der ganzen Epoche und ihrer Atmosphäre zu geben.

Von den Arbeiten, die der Autor anlässlich verschiedener konkreter Begebenheiten verfaßt hat, möchten wir hier in Budapest vor allem den Artikel *Nova katedra* hervorheben, der anlässlich der Gründung des Lehrstuhls für ungarische Sprache und Literatur an der Philosophischen Fakultät der Universität in Neusatz (Novi Sad) geschrieben wurde. Es ist erwähnenswert, daß Leskovac in dieser Begebenheit nicht nur ein kulturelles Ereignis der ungarischen Minderheit in Jugoslawien, oder ein wissenschaftliches Geschehnis der Provinz Wojwodina sieht, sondern eine nicht unbedeutende Angelegenheit, die das wissenschaftliche Leben des Landes berührt. Unter anderem sagt er folgendes:

»Jer ta katedra je potrebna Srbima i Hrvatima jedva manje nego Madjarima, a u prvome redu zbog sve viših zahteva i sve složenijih potreba naučnoga rada kod nas. Viševjekovni zajednički život Srba i Madjara u Vojvodini, mnogostruke veze Hrvata i Madjara kroz stolecá, a koji život i veze u neprekinutom kontinuitetu traju od dalekih verbecijanskih i kazincijevsko-sečenjijevskih vremena do današnjega dana, nameću nam obaveze kojih se u budućnosti, pa dakle već ni danas, više ne možemo niti smemo odričati, niti takve studije, uvek naporne jer po nuždi još uvek pionirske, lakomislno stalno odlagati. Izvesno je: srpsko—madjarski i hrvatsko—madjarski, dakle jugoslovensko—madjarski odnosi u prošlosti bili su tako složeni a često tako dalekosežni i sudbonosni, da ih je nemoguće ignorisati a ludo ne znati; oni su medjutim još uvek u tolikoj meri neispitan' ili proizvoljno shematizovani, prema trenutno nametanim a najčešće tendenciozno obojenim potrebama, jednih ili drugih ili trećih, a ponajčešće i jednih i drugih i trećih, da se njihovo objektivno ispitivanje nameće kao jedna od osnovnih potreba u prvome redu naše istorijske, a možda još pretežnije književno-istorijske nauke.«

Den Worten von Mladen Leskovac ist nicht viel hinzufügen. Es ist z. B. schwer zu glauben, daß sich jemand eingehend mit der Poesie von Zmaj oder Djura Jakšić beschäftigen könnte, ohne die ungarische (und deutsche) Dichtung des vorigen Jahrhunderts zu kennen.

Die überwältigende Mehrheit der Arbeiten in den zwei Bänden behandeln Themen, die mit der engeren Heimat des Verfassers, mit der Wojwodina in Beziehung stehen. Da es allgemein bekannt ist, welche bedeutende Rolle dieses Gebiet im kulturellen und literarischen Leben der Serben gespielt hat, kann der Gedanke des Provinzialismus nicht einmal auftauchen. In mehreren Abhandlungen befaßt sich Professor Leskovac mit dem Schaffen der literarischen Größen aus diesem Raum, mit den Werken von Laza Kostić, Zmaj Jovan Jovanović und Veljko Petrović. Dieser Umstand und die umfangreiche, solide Fachkenntnis des Autors lassen uns die Hoffnung aussprechen, daß wir aus seiner gewandten Feder auch bald eine oder mehrere Monographien erwarten dürfen.

Das innige Verhältnis des Verfassers zur Dichtkunst, seine Liebe zur Poesie und sein tiefes Verständnis sind aus jedem der hier veröffentlichten Artikel klar ersichtlich. Die sichere, überlegende Kenntnis des behandelten Materials, das Hervorheben der nötigen Angaben, verbunden mit einem lebendigen, gewandten Stil und einer interessanten, manchmal sogar spannenden Darlegung (z. B. *Vuk i Mušicki*), machen das Lesen der beiden Bände zu einem wissenschaftlichen, gleichzeitig aber auch zu einem künstlerisch-literarischen Erlebnis.

I. Póth

HORVÁTH Pál, **A kelet- és közép-európai népek jogfejlődésének főbb irányai** (Különös tekintettel a környező népek jogfejlődésére) [Hauptrichtungen in der Rechtsentwicklung der ost- und mitteleuropäischen Völker (Mit besonderer Berücksichtigung der Rechtsentwicklung der Nachbarvölker)]. Budapest 1968, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 495 S.

Paul Horváth, Professor für Allgemeine Rechtsgeschichte an der juristischen Fakultät der Budapester Roland-Eötvös-Universität der sich schon vor einigen Jahren in einer Monographie über die rechtsgeschichtlichen Fragen der mittelalterlichen Feldgemeinschaft als ausgezeichnete Kenner der europäischen Rechtsentwicklung im Zeitalter des Feudalismus vorgestellt hatte, veröffentlichte unlängst ein neues, zusammenfassendes Werk, welches auch für die Slawisten von großem Interesse ist. Umso mehr, da wir gerade in den letzteren Jahren Zeugen der Entwicklung der Slawistik zu ein komplexen Disziplin sind, die sich mit der Geschichte, Literatur, Sprache usw. der osteuropäischen, in ihrer Mehrheit tatsächlich slawischen Völker beschäftigt.

Professor Horváth's Monographie erweist sich als ein äußerst nützliches Werk auf einem genau umrissenen Gebiet: die großangelegte, auf breitem Quellenmaterial aufgebaute, von erstaunlicher Erudition zeugende Synthese zeichnet die Entwicklung der Staatlichkeit und der Rechtsordnung der osteuropäischen Völker von der Zeit der Staatenbildung bis zum Ende des 18. Jh.s. Von den zwei einleitenden Kapiteln unterzieht das erste die ungarische bürgerliche Rechtsgeschichtsschreibung einer kritischen Prüfung, das andere fügt die Rechtsentwicklung der osteuropäischen Völker in die allgemeine europäische Rechtsentwicklung ein. Diese historiographische und prinzipielle Einleitung umfaßt ungefähr ein Viertel des ganzen Werkes.

Die eigentliche Untersuchung beginnt mit der Darstellung der Herausbildung der osteuropäischen Staaten bis zum 11. Jh., dieser folgen die Kapitel von der Entwicklung des 11–15., bzw. des 16–18. Jh.s. Innerhalb dieser chronologischen Gliederung überblickt er zuerst kurz die Staaten, erörtert dann das Staatssystem, den Staatsapparat, das System der Behörden, der Rechtssprechung usw., zuletzt, insofern es die zeitgenössischen Quellen ermöglichen, den differenzierten Rechtsbegriffen gemäß das Rechtssystem. D. h. er arbeitet die Hauptmerkmale des öffentlichen Rechtes, des Strafrechtes und, wo es möglich ist, des Privatrechtes und des Verfahrensrechtes heraus. Innerhalb dieser Kapitel behandelt er zuerst die westslawischen, dann die ostslawischen Ländern, zuletzt das südosteuropäische Gebiet, wo natürlich neben den südslawischen Staaten im chronologischen Abschnitt bis zum 11. Jh. dem byzantinischen Staat eine beträchtliche Rolle zukommt, vom 13. Jh. an hinwieder auch die rumänischen Fürstentümer an die Reihe kommen.

Die Entwicklung der staatlichen Organisation und des Rechtssystems untersucht der Verfasser natürlich immer mit Hinblick auf die Klassenverhältnisse der feudalen Gesellschaft, er weist auf den offen klassenmäßigen Charakter des feudalen Rechts hin, behandelt zugleich den Einfluß der ausländischen Rechtssysteme (z. B. die Rezeption des römischen Rechts) und verirrt sich nie in einen dogmatischen Ökonomismus.

Über die Ergebnisse der Arbeit erhält der der ungarischen Sprache nicht mächtige Leser Aufklärung aus einer ziemlich ausführlichen Zusammenfassung, eben darum wollen wir uns hier nicht in Einzelheiten ergehen. Unsere einzige grundlegende kritische Bemerkung besteht darin, daß in dem Werk die Darstellung der ungarischen, genauer der ungarländischen Rechtsentwicklung fehlt, die ja doch eben im Zeitalter des Feudalismus eine nicht zu unterschätzende Komponente der osteuropäischen Entwicklung darstellte. In einem für ungarische Leser bestimmten Werk ist dieser Mangel zwar nicht so sehr

fühlbar, da doch andere Synthesen der ungarischen Staats- und Rechtsentwicklung vorhanden sind. Hinsichtlich der ganzen Problematik ist jedoch dieser Mangel zu bedauern, und in einer fremdsprachigen Ausgabe des Werkes (was wir als sehr wünschenswert erachten), müßte das Werk in dieser Hinsicht unbedingt ergänzt werden.

Professor Horváth's Buch ist eine ausgezeichnete Zusammenfassung, und da es sich hier um ein für die meisten Slawisten verhältnismäßig fremdes Gebiet, die Rechtsentwicklung handelt, halten wir das Werk eben aus dem Blickpunkt der Slawistik für ein äußerst nützlich, bleibendes Ergebnis der slawistischen Untersuchungen in Ungarn.

E. Niederhauser

INDEX

Х. Том, И.: К фонетике русского языка XVI века	177
Драхош, Й.: К вопросу о «способах глагольного действия» (Aktionsarten) в русском языке	195
Мошеев, А. И.: Соотносительность согласных звуков в современном русском языке	207
<i>Gregor, F.:</i> Die Zierelemente der Bekleidung und ihre Benennungen ungarischer Herkunft im Slowakischen	219
Кирай, Д.: Сюжетный параллелизм в романе «Двойник»	239
<i>Karancsay, L.:</i> Bedeutung und Probleme der Andrejev-Forschung	257
<i>Osukás, I.:</i> Der utopistische Sozialismus und die Štúr-Schule	287
Кирай, Н.: Teatr Narodowy, 1790—1794	315
Дзензеліський, Й. О.: З етнографічних записів про ткацтво	335

Miscellanea

<i>Delaney, J.:</i> Edgar Allan Poe and I. S. Turgenev	349
Орловский, Я.: Н. А. Некрасов и поэзия А. Мицкевича	354

Crítica et bibliographia

<i>Hadrovics, L.:</i> Fabricius Kovács F., A konkrét → absztrakt jelentésfejlődés problematikája	359
Дзензеліський, Й. О.—Чучка, П. П.: Л. Дэже, Очерки по истории закарпатских говоров	360
<i>Morvay, K.:</i> St. Skorupka, Słownik frazeologiczny języka polskiego	366
<i>Mokuter, I.:</i> Levasics E.—Surányi M., Szerbhórvát—magyar kéziszótár; Palich E., Magyar—szerbhórvát kéziszótár	369
Секей, Н.: Н. Günther, Das Grotéske bei N. V. Gogol'	374
<i>Póth, I.:</i> M. Leskovac, Iz srpske književnosti	377
<i>Niederhauser, E.:</i> Horváth P., A kelet- és közép-európai népek jogfejlődésének főbb irányai	379

MAGYAR
TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
KÖNYVTÁRA

Printed in Hungary

A kiadásért felel az Akadémiai Kiadó igazgatója

Műszaki szerkesztő: Farkas Sándor

A kézirat nyomdába érkezett: 1969. IX. 8. — Terjedelem: 18 (A/5) fv, 6 ábra

09.68274 Akadémiai Nyomda, Budapest — Felelős vezető: Bernát György

Les *Studia Slavica* paraissent en langues slaves, de même qu'un français, anglais et allemand et publient des travaux du domaine de la slavistique.

Les *Studia Slavica* sont publiés sous forme de fascicules qui seront réunis en volumes de 400—500 pages. Les volumes paraissent annuellement.

On est prié d'envoyer les manuscrits destinés à la rédaction à l'adresse suivante:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

Toute correspondance doit être envoyée à cette même adresse.

Le prix de l'abonnement est de 165 forints par volume.

On peut s'abonner à l'Entreprise pour le Commerce Extérieur de Livres et Journaux «*Kultúra*» (Budapest I., Fő utca 32. Compte-courant No. 43-790-057-181) ou à l'étranger chez tous les représentants ou dépositaires.

The *Studia Slavica* publish papers on slavistics in Slavonic languages, in English, French and German.

The *Studia Slavica* appear in fasciculi of varying size, making up volumes (400—500 pp.). The volumes are published yearly.

Manuscripts should be addressed to:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

Correspondence with the editors or publishers should be sent to the same address.

The rate of subscription is 165 forint a volume. Orders may be placed with «*Kultúra*» Foreign Trade Company for Books and Newspapers (Budapest I., Fő utca 32. Account No. 34-790-057-181) or with representatives abroad.

Die *Studia Slavica* veröffentlichen Abhandlungen aus dem Bereiche der Slawistik, sowohl in slawischen Sprachen als auch deutsch, französisch und englisch.

Die *Studia Slavica* erscheinen in Heften wechselnden Umfanges. Mehrere Hefte bilden einen 400—500 seitigen Band. Die Bände werden jährlich herausgegeben.

Die zur Veröffentlichung bestimmten Manuskripte sind an folgende Anschrift zu senden:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

An die gleiche Anschrift ist auch jede für die Redaktion bestimmte Korrespondenz zu richten.

Abonnementspreis pro Band: 165 forint. Bestellbar bei dem Buch- und Zeitungs-Außenhandels-Unternehmen «*Kultúra*» (Budapest I., Fő utca 32. Bankkonto Nr. 43-790-057-181) oder bei seinen Auslandsvertretungen und Kommissionären.

Reviews of the Hungarian Academy of Sciences are obtainable
at the following addresses:

ALBANIA

Ndermarja Shtetnore e Botimeve
Tirana

AUSTRALIA

A. Keesing
Box 4886, GPO
Sydney

AUSTRIA

Globus Buchvertrieb
Salzgries 16
Wien I

BELGIUM

Office International de Librairie
30, Avenue Marnix
Bruxelles 5
Du Monde Entier
5, Place St. Jean
Bruxelles

BULGARIA

Raznoiznos
1, Tzar Assen
Sofia

CANADA

Pannonia Books
2, Spadina Road
Toronto 4, Ont.

CHINA

Waiwen Shudian
Peking
P. O. B. 88

CZECHOSLOVAKIA

Artia
Ve Směčkách 30
Praha 2
Poštovní Novinová Služba
Dovoz tisku
Vinohradská 46
Praha 2
Maďarská Kultura
Václavské nám. 2
Praha 1
Poštovní Novinová Služba
Dovoz tlače
Leningradská 14
Bratislava

DENMARK

Ejnar Munksgaard
Nørregade 6
Copenhagen

FINLAND

Akateeminen Kirjakauppa
Keskuskatu 2
Helsinki

FRANCE

Office International de Documentation
et Librairie
48, rue Gay Lussac
Paris 5

GERMAN DEMOCRATIC REPUBLIC

Deutscher Buch-Export und Import
Leninstraße 16
Leipzig 701
Zeitungsvertriebsamt
Fruchtstrasse 3-4
1004 Berlin

GERMAN FEDERAL REPUBLIC

Kunst und Wissen
Erich Bieber
Postfach 46
7 Stuttgart 5.

GREAT BRITAIN

Collel's Holdings Ltd.
Dennington Estate
London Rd.
Wellingborough, Northants.
Robert Maxwell and Co. Ltd.
Waynflete Bldg. The Plain
Oxford

HOLLAND

Swetz and Zeitlinger
Keizersgracht 471-487
Amsterdam C.
Martinus Nijhof
Lange Voorhout 9
The Hague

INDIA

Current Technical Literature
Co. Private Ltd.
India House OPP
GPO Post Box 1374
Bombay I

ITALY

Santo Vanasia
Via M. Macchi 71
Milano
Libreria Commissionaria Sansoni
Via La Marmora 45
Firenze

JAPAN

Nauka Ltd.
92, Ikebukuro O-Higashi 1-chome
Toshima-ku
Tokyo
Maruzen and Co. Ltd.
P. O. Box 605
Tokyo-Central
Far Eastern Booksellers
Kanda P. O. Box 72
Tokyo

KOREA

Chulpanmul
Phenjan

NORWAY

Johan Grundt Tanum
Karl Johansgatan 43
Oslo

POLAND

Ruch
ul. Wronia 23
Warszawa

ROUMANIA

Cartimex
Str. Aristide Briand 14-18
București

SOVIET UNION

Mezhdunarodnaya Kniga
Moscow G-200

SWEDEN

Almqvist and Wiksell
Gamla Brogatan 26
Stockholm

USA

Stechert Hafner Inc.
31, East 10th Street
New York, N. Y. 10003
Walter J. Johnson
111, Fifth Avenue
New York, N. Y. 10003

VIETNAM

Xunhasaba
19, Tran Quoc Toan
Hanoi

YUGOSLAVIA

Forum
Vojvode Mišića broj 1
Novi Sad
Jugoslovenska Knjiga
Terazije 27
Beograd